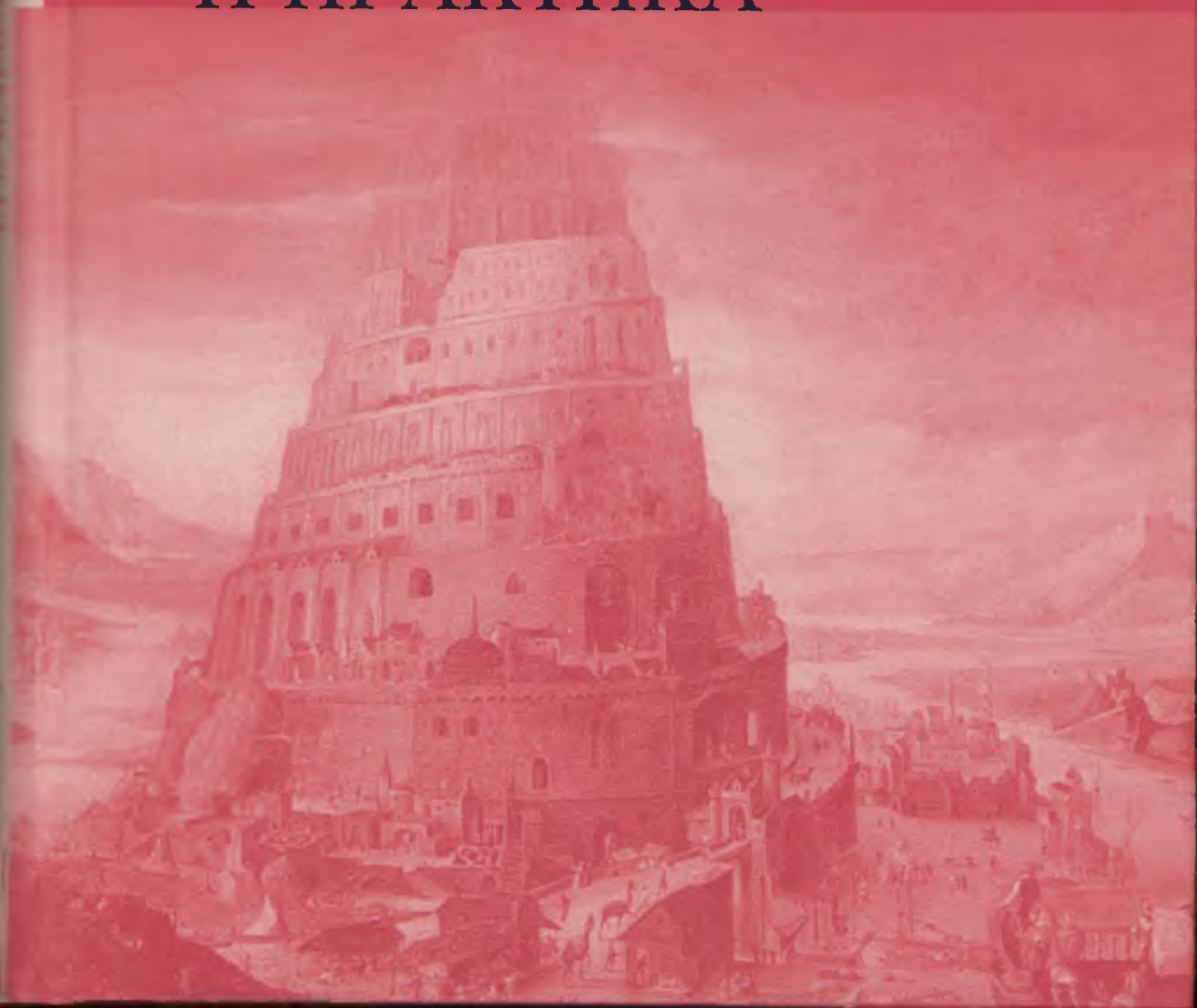

СОВЕТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Аманжолова Д.А.
Дроздов К.В.
Красовицкая Т.Ю.
Тихонов В.В.

В 1920–1940-е ГОДЫ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Российская академия наук
Институт российской истории

Аманжолова Д.А.
Дроздов К.В.
Красовицкая Т.Ю.
Тихонов В.В.

СОВЕТСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРОЕКТ
В 1920–1940-е ГОДЫ:
ИДЕОЛОГИЯ
И ПРАКТИКА

УДК 94(47+571)(091) «1917-1947»:32
ББК 63.52

Издание осуществлено
при финансовой поддержке РФФИ
проект № 21-19-00096

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской
истории Российской академии наук*

Рецензенты
доктор исторических наук Н.А. Араловец
доктор исторических наук М.Д. Каракетов

Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика [Текст] / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов; М.: Новый Хронограф, 2021. 576 с.
ISBN 978-5-94881-494-0

Настоящее исследование представляет основанный на достижениях мировой историографии и обширном комплексе опубликованных и новых источников анализ наиболее значимых идеологических и управленческих, культурных и социальных практик, которые привели к оригинальному воплощению большевистского проекта. Его результаты к середине XX века были далеко не однозначными и до сих пор остаются в центре внимания исследователей истории России. Авторы анализируют идеологию и практику советского национального проекта, специфику реализации этнополитических оснований советского государства и противоречия межкультурной интеграции общества как совокупность социальных технологий, вырабатывавшихся во многом ситуативно и служивших как текущим задачам, так и стратегическим ориентирам власти в их взаимодействии. Обращение к разным сферам и направлениям реализации советского национального проекта позволяет представить плюралистические возможности интерпретации и понимания культурно разнообразного в своем содержании и проявлениях общества, приобретающего усилиями власти разные темпы гражданской консолидации и этнокультурной самореализации.

Для специалистов-историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94881-494-0

© Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов, 2021
© РФФИ, 2021
© Новый Хронограф, 2021

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время теоретический арсенал обществоведов (историков в том числе) обогащается потенциалом концепта «советский проект» как «оформляющего» понятия в трактовке советского периода истории страны, в котором уточняются оценки управления страной, решавшей задачи модернизации. Выработка концептуальных позиций на основе новых знаний о советском периоде истории страны – дело непростое, предполагающее неспешные дискуссии. Так следует рассматривать и эту монографию. Особенно важно концентрировать внимание на существенном обогащении практик советского проекта, предложенного и реализованного большевиками с применением собственной технологии и сложнейшего комплекса этнических ресурсов, воплощавшей идеологические постулаты в сложно организованном культурном пространстве принципиально иного, нового государства.

При этом нередко публикации остаются слепком бурных политических процессов на постсоветском пространстве, в определенной степени следуя за ними, хотя и «проживая» самостоятельную жизнь. Избавление от советского наследия происходит порой радикально и экзотически. Однако за скобками остается нескончаемое поле неисследованных мотивов. Например, изучение объединительных процессов как существенной базы образования страны не включает до сих пор анализ мотивов освоения русского языка, например, польским инженером или предпринимателем; чиновником или советским служащим из поляков же; прибалтийским немцем и эстонцем; евреем, стремящимся получить образование и/или добиться финансового или карьерного успеха. Национальные историографии не слишком интересуются этой темой, во многом оставаясь сосредоточенными на теме оппозиции как имперской, так и советской власти.

Настоящее исследование является результатом коллективного проекта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление». Оно представляет основанный на достижениях мировой историографии и обширном комплексе опубликованных и новых источников анализ наиболее значимых идеологических и управленческих, культурных и социальных практик, которые в их динамичном взаимодействии привели к оригинальному воплощению большевистского проекта. Его результаты к середине XX века были далеко не однозначными и до сих пор остаются в центре внимания исследователей истории России.

Советский проект, формируясь через радикальную реконструкцию государственной, социальной структуры и статусов многонационального согражданства, выросал через конфликты культурных смыслов и новых статусов, внедрявшихся усилиями правящей партии. Модернистские практики Наркомнаца, призванного воплощать в жизнь советский проект для национальностей, соединяли централизм с политическими импульсами этнических лидеров и активистов, которые, как показано в монографии, выявили расхождения в понимании задач и тактике их решения, вели к нарушению не просто достигнутых компромиссов. Механизмы управления культурно сложным обществом, перипетии складывания СССР требовали постоянной корректировки и достижения баланса интересов центра и регионов, разных групп правящей элиты и уровней управления национальной политикой.

Это анализируется на примере образовательной политики в этнокультурной сфере. Переход к практическому решению задач в ней показал, что представления о том, как должны функционировать знания в культурно сложном гетерогенном пространстве, становились определяющими. Права и обязанности госструктур, их ответственность за применение и использование вырабатывались в тесной связи с конкретными политическими действиями в сфере образования. Реформы в области письменности, масштабные мероприятия по созданию системы образовательных учреждений не только формировали востребованную объективно современную культуру народов СССР, но и понуждали управленческий класс практически адаптировать классовую парадигму к неизбывному структурному и социокультурному разнообразию общества. Это анализируется также и на проблемах развития научного знания, поставленного на службу советскому национальному проекту.

Авторы монографии анализируют развитие этнополитических оснований советского государства и противоречия межкультурной интеграции общества как совокупность социальных технологий, вырабатывавшихся во многом ситуативно и служивших как текущим задачам, так и стратегическим ориентирам власти в их динамичном единстве. Культурно сложный ландшафт СССР видоизменялся в процессе административных и организационно-политических реорганизаций, но не менее значимая роль в анализе отводится общественным организациям и культурным институциям. Создаваемые главным образом по решению власти, они становились важным инструментом реформирования идентификационных критериев и перекодировки системы ценностей и смыслов полиэтнического социума от сословных и этноконфессиональных к социально-классовым и общегосударственным=советским. Создание национальных историй в их советской интерпретации, как и мощный государственный институт в лице армии, рассматриваются в контексте формирования советскости, которая приобрела особый политический, культурный и международный смысл в годы Великой Отечественной войны.

ЧАСТЬ 1

КОНФЛИКТ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ И СОВЕТСКИХ СТАТУСОВ

Глава 1

ПРОБЛЕМА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

В историографическом осмыслении советского проекта выделялась важнейшая его основа – СССР. В истории этого нового государства традиционно выделялись экономические, внешнеполитические и военно-политические причины консолидации просоветских государственных образований. Этот взгляд опирался на события Гражданской войны, отражая позицию РКП(б) в борьбе за власть, но отодвигал на обочину проблемы, приведшие к ней. *Во-первых*, и в самом деле, дореволюционный истеблишмент не нуждался в обновлении государства и, тем более, его сути. *Во-вторых*, не имели особых претензий к России с этой стороны и лидеры других стран. *В-третьих*, и в главных, руководители РКП(б) трактовали претензии многочисленных народов к прежней власти, их мотивы с идеологической стороны. Требования права наций на самоопределение большевики перекрывали своим программным тезисом – стремлением народов к интернационализации, упирая на то, что новое государство прежде всего формируется как общенародное, форма власти в нем советская. *Идеологическое название нового государства – Советский Союз – затмевало то, которое указывалось в конституционных документах: Союз Советских Социалистических Республик.* Ленинское предложение назвать Союз республик *Европы и Азии* было отброшено, хотя это существенное отличие названия будущего советского государства. Свое название «Союз Советских Республик Европы и Азии», подчеркнул А. Зимин в вышедшей в Париже монографии, Ленин написал пять раз на двух страницах¹. Оно отражало историческое понимание политических основ культурно-сложного сообщества «*нового союза, новой федерации – Союза Советских республик Европы и Азии*», – писал он Каменеву. Сталин от этого смысла нового государства отсекся. Это выделяет особый, *четвертый комплекс* предпосылок, их влияние на весь период изучения проблемы образования СССР, закрытость ее источников, концентрируемый в том, что отношение к новому устройству преодолевалось с трудом и в острых противоречиях сначала между большевиками и их оппонентами (преимущественно, этническими элитами), затем между членами партийной верхушки, а главное, между В.И. Лениным и И.В. Сталиным.

¹ Зимин А. У истоков сталинизма 1918–1923. Paris: Слово, 1984.

Эта сфера теоретизирования укладывается в четыре историографических этапа ее наполнения конкретно-историческими данными, но была изъята из комплекса гуманитарных предметов (истории, этнографии, социологии) и отнесена к комплексу «марксистско-ленинских дисциплин», куда входили помимо диалектического и исторического материализма и пр. теория национального вопроса. В Библиотеке имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) под рубрикой «Национальная политика КПСС в ...», куда входила и объемная подрубрика «Образование СССР» (далее следовало название очередной пятилетки, республики или области), стоял каталожный шкаф с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций.

В советском периоде историки обходили истинные причины и объективные факторы образования СССР, те, что определяют будущий его распад. До начала 1990-х годов реализован идеологизированный интерес к предмету изучения. Исторические исследования не касались существа дела, возводя в непререкаемые постулаты философские и политологические штудии Ленина-Сталина. Это обстоятельство отражалось и на развитии родственных научных дисциплин, прежде всего, этнологии, превратившейся в этнографию, свои проблемы имелись в языкознании и пр. После развенчания культа личности Сталина интернационализм постепенно включал в себя менее идеологизированную инверсию – «советскую единую общность».

Как бы ни интерпретировались причины образования СССР советскими историками, потребность в историографических обобщениях остается. Их следует сформулировать, распределив по этапам накопленные полезные знания.

Указанные историографические этапы вполне можно разделить по их хронологии: 1) изучение проблемы в 1920-е годы, 2) 1930–50-е годы, 3) 1960–1991 годы, 4) с 1991-го по настоящее время.

Уже на первом этапе группа теоретиков создавала не только фундаментальные сочинения, но и разработки для очередных партийных съездов и их документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчетных докладах и в программах партии и отражал определенную динамику развития СССР. Советская теория официально признавала национализм как «идеологию порабощения и превосходства одной нации над другой». Национализм мог быть только буржуазным и только со знаком минус, его нужно было искоренять. Борьба с буржуазными националистами служила главным аргументом для репрессий в республиках, начиная с 1920-х годов.

Понадобились годы, прежде чем в начале 1960-х годов советские историки реабилитировали исследования первого этапа – 1920-х годов. Возвращение их в научный дискурс, т. е. в диалог с новым знанием дало возможность увидеть, как в отечественной историографии одни и те же теоретические постулаты и выводы «творчески» менялись, применяясь одним и тем же фактам. Особенно это касается формы устройства СССР – централизованного (по сути), но фе-

деративного (по логике правовых документов). В наши дни юристы назвали федерализм «спящим институтом», более того, подделкой².

В первую очередь отметим большой вклад С.И. Якубовской и Д.А. Чугаева. Они фактически заново ввели в научный оборот наработки 1920-х годов. Авторы объяснили правомерность выхода на первый план работ государствоведов. В работах Г.С. Гурвича, С.А. Котляревского, Д.А. Магеровского, А. Малицкого, М.О. Рейхеля, И.П. Трайнина и др. помимо разных, порой противоречивых и даже противоположных по оценкам проблем государственного устройства высказаны точки зрения на правовые формы взаимоотношения республик СССР. Их анализ определяла работа над конституциями и иными источниками правового характера, открыто публикуемые, дополняемые и дорабатываемые. Это обеспечило обстоятельность анализу правовых взаимоотношений республик до образования СССР и в его составе³. Среди тематических обзоров научной литературы выделим обзор И.В. Ильинского. Он писал его, «упрятанный» Е. Пешковой между арестами в Яснополянский музей Л. Толстого. Профессионализм автора проявился не только в отборе наиболее интересных работ о советской федерации, хорошем знании трудов по государственному праву, но и во внимании к понятийно-категориальному аппарату. В начале обзора Ильинский отметил: употребляя понятие «становление» применительно к советской федерации, он хотел отразить незавершенность образования союзной государственности, несмотря на принятие союзной конституции. Автор выделил *ключевые* для советского государственного понятия: *социально-политическое содержание и форма государства*⁴. Так он привлек внимание к роли *вертикали власти* в образовании СССР, начальному периоду борьбы за нее сразу после смерти Ленина.

Типичным образцом конъюнктурной работы стала статья теоретика советского права А.К. Стальгевича, опубликованная в журнале с говорящим названием «Революция права». Вопрос о суверенитете республик в Союзе автор считал надуманным, спор является ли СССР федерацией или конфедерацией увиденным «через буржуазные очки» и едва ли не вредительством⁵. Он резко критиковал позицию А. Малицкого о делегированном характере законодательных полномочий Совнаркома, обвиняя автора в подборе идей «из буржуазного свала фактически давно отжившей идеи», т. е. в защите теории разделения властей, которая ведет «к разрыву и противоречиям в единой системе органов советского государства». «Проф. А. Малицкий, – писал он, – в этом отношении идет еще дальше, заявляя, что Совнарком Союза хотя и имеет “право законодательства”, все же по существу является органом исполнительным, а если он и издает законы, то это лишь “на основании того, что в науке называется делегацией прав, поручением, передоверием

² Захаров А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М.: НАО, 2015.

³ См.: Котляревский С.А. СССР и союзные республики. Изд. 2-е. М., 1926; Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1923; Якубовская С.И. Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960; Чугаев Д.А. Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6.

⁴ Ильинский И. Становление советского федерализма(обзор) // Печать и революция. 1926. Книга I. М., 1926. С. 137.

⁵ Стальгевич А.К. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 4. С. 34–61; № 5. С. 32–53.

своих прав»⁶. Советское пролетарское государство, согласно Г.С. Гурвичу, с первых минут возникновения отражает единый классовый интерес и совершенно не заботится ни о каком противопоставлении разных властей друг другу для сдерживания и ограничения⁷. Э. Понтович, обозревая конституции Германии и США, подчеркнул: образование СССР было идеей социальной, а не национальной: «Союз стремится не к национальному единству, а к единству социальному», идеи «связаны с существом Октябрьской революции»⁸.

Хотя сквозными темами публикаций стали «классы и классовая борьба», «классовый характер государства и права», «диктатура пролетариата», «социализм и коммунизм», а научное освещение понятий отходило на задний план, ошибочно полагать, что набиравший силу культ личности повлек за собой полное «удушение» в 1920-е годы интереса ученых к тематике СССР. Тому были и конкретные обстоятельства.

Во-первых, хотя раннесоветский философ И.П. Разумовский сетовал: «марксистская историческая наука о праве в нашей стране находится пока в эмбриональном состоянии, развитие ее потребует еще ряда исследований»⁹, на соседних страницах публиковались статьи С.В. Юшкова, С.А. Булатова, В.А. Штейна, посвященные методологии историко-правовых исследований¹⁰.

Во-вторых, «волею судеб за рубежом оказалось немало (около 90) историков-исследователей ... истории, истории культуры, историографии, вспомогательных исторических дисциплин, а также – византиноведения, востоковедения, антиковедения, славистики, литуанистики, скандинавистики, касавшихся истории России», писал в неоконченной монографии В.Т. Пашуто¹¹. Уехал талантливый кавказовед В.Ф. Минорский, византиновед Н.П. Кондаков, первый включивший древнерусское искусство в мировой исторический процесс. Многие продолжали научное осмысление предшествующей истории новой страны. Они, отличные стилисты, знали свое ремесло, оставили блистательное научное наследие. К.Р. Кочаровский отмечал: «сотни тысяч русских людей ... историческая судьба как бы отрядила ... в пространство, дав им широкие своеобразные возможности, сделать их физически как бы некоторым народно-культурным посланством России за границей»¹². Выделим из них многотомный труд П.Н. Миллюкова¹³, использовавшего данные этнографии, лингвистики, истории

⁶ Стальевич А. Пути развития советской правовой мысли // Революция права. 1928. № 5. С. 45.

⁷ Гурвич Г. Советское государство в иностранной научной литературе // Революция права. 1927. № 2.

⁸ Понтович Э. СССР как союзное государство // Право и жизнь. 1927. Кн. 8. С.9; Корнилов Ф. Право национальностей СССР и немецкая критика // Советское право. 1928. № 4.

⁹ См.: Разумовский И. Покровский как историк права // Революция права. 1928. № 6.

¹⁰ Юшков С.В. О методологии права // Революция права. 1928. № 6; Булатов С.А. Юридическая логика // Революция права. 1928. № 6; Штейн В.А. Предмет и методы истории права // Революция права. 1929.

¹¹ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С. 7. См.: Русское историческое общество в Праге за девять лет существования. 1925–1934. Прага, 1934. С. 4; Съезды Русских академических организаций за границей: 1-й съезд. 10–17 октября 1921 г. Прага; 2-й съезд. 9–16 октября 1922 г., Прага; 3-й съезд. 25 сентября–9 октября 1923 г., Прага; Труды IV съезда РАОЗГ. Белград, 1929. Ч. 1–2. Труды V съезда РАОЗГ. София, 1932. Ч. 1.

¹² Кочаровский К.Р. Материалы, воспоминания, исследования. М.: Наука, 1957. С. 128.

¹³ Миллюков П.Н. Национальный вопрос (происхождение национальностей и национального вопроса в России). Берлин, 1925; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 тт. В окончательной редакции (первый том вышел в 1930 г., последний опубликован посмертно в Гааге (1964)).

хозяйства, социального быта, политических учреждений и политической мысли, истории культуры, церкви, школы и науки, литературы, искусства для исследования роли государства в формировании русского общества, доведя работу хронологически до конца 1930-х годов. Это дало ему основание утверждать: Россия шла европейским путем развития, используя приспособляемость русского «национального типа» к заимствованным общественным институтам и практикам. В русской эмиграции среди тех, кто изучал историю Российского государства, внимание к современной жизни усилил публицистический или мемуарный характер работ. Возникло целое направление в мемуаристике, посвященное предпосылкам, причинам, ходу и следствиям развала и нового собирания Российского государства. Государственные и политические деятели России 1917 г. и последующего периода, непосредственные участники революций и гражданской войны министр иностранных дел П.Н. Милюков, последний министр финансов Российской империи П.А. Барк, граф П.Н. Игнатьев, в эмиграции представлявший Сибирское правительство А. Колчака, председатель Совета министров В.Н. Коковцов, сменивший П.А. Столыпина, министр земледелия и член Государственного Совета А.В. Кривошеин, в Гражданскую войну член правительства при А. Деникине и П. Врангеле, и, конечно же, А.Ф. Керенский, глава Временного правительства, отразили узловыe моменты переустройства, ошибки и неудачи. Эти издания систематизировали в библиографическом обзоре И.В. Сабенникова, В.А. Гентшке, А.С. Ловцов¹⁴. Отметим важную особенность украинской мемуаристики, подчеркивавшей свою «отдельность» с 1919 г. появлением мемуаров П.П. Скоропадского, В. Винниченко, М. Грушевського, В.В. Зеньковского и др.¹⁵ раньше вышедших мемуаров русских эмигрантов, не говоря уже о советских¹⁶. Ценность мемуарных документов определяла включенность их авторов в управление государством, их участие в событиях¹⁷.

В СССР в 1920-е годы больше внимания уделялось зарубежному Востоку как объекту для экспорта большевистской революции. Изучение Советского Востока было в фокусе занимавшего ответственные посты в Наркомнаце М. Султангалиева, лидера и идеолога федералистского движения А.-З. Валидова,

¹⁴ Гентшке В.А., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю. М.: Берлин. Директ-Медиа, 2020; Милюков П.Н. Россия на переломе: Т. 1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Т. 2. Большевистский период русской революции. Париж: [б. и.], 1927; Милюков П.Н. Республика или монархия? [Б. м.]: Издание Республиканско-демократического объединения, И. Тургенев в Лондоне. Париж: О-во друзей рус. книги, 1929, 1932; Барк П.А. Воспоминания // Возрождение. Париж. 1955; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж: Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1933 – 504+504 с. В 2-х томах; Керенский, А.Ф. Издалёка: Сб. ст.: (1920–1921 г.) Париж: Рус. книгоизд-во Я. Поволоцкого и К°, [1922] и др.

¹⁵ Уриков зі «Споминів» Гетьмана П. Скоропадського: Від початку 1918-го року до проголошення Гетьманства // Хліборобська Україна, 1924–1925. Кн. V. С. 31–92; Винниченко В. Відродження нації: Історія української революції. Київ: Відень, 1920. Ч. 1; Ч. 2; Ч. 3; Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1918). Львів, 1923. Ч. 1. 131 с.; Ч. 2. 96 с.; Ч. 3. 122 с.; 1924. Ч. 4. 104 с.; Лозинський М. Галичина в 1918–1920 рр. Відень, 1922; Грушевський М. Спомини // Київ. 1989. № 8–11 і др.

¹⁶ Кревецкий І. Українська мемуаристика, її сучасний стан і значення. Кам'янець, 1919; Кревецкий І. Назарук О. Як писати мемуари? Відень, 1921; Пархоменко В.А. Украинская мемуаристика 1920-х гг. как источник по истории национально-освободительного движения 1917–1921 гг. // http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014.

¹⁷ Сабенникова И.В., Гентшке В.А. Революция 1917 г. и Гражданская война в мемуарах государственных деятелей: обзор архивных фондов постреволюционной эмиграции (США). 2017. revolyutsiya-1917-g-i-grajdanskaya-voyna-v-memuarah-gosudarstvenn-h-deyateley-obzor-arhivn-h-fondov-postrevolyutsionnoy-emigratsii-ssha.pdf.

ушедшего в эмиграцию. Интересны воспоминания Валидова (в советский период в России не издававшиеся) о его встречах с Керенским, Лениным, Сталиным, Троцким. Назовем мемуары Н. Жордания, его характеристики Сталина¹⁸. Большую поддержку другим мемуаристам оказал К. Каутский, противопоставивший практический аспект интересов грузинской социал-демократии интересам России. Каутский побывал в Грузии в 1920 г. и не только дискредитировал в Европе большевистскую Москву, но и политическую комбинацию, в основе которой лежал альянс Ленина с Жорданией. Работа вызвала ярость двух непримиримых врагов: Сталина и Троцкого¹⁹.

Осторожность востоковедов перед объективным изучением влияния Востока на устройство России сохранялась. Многие были репрессированы. Список жертв востоковедов включает 750 имен²⁰. Последствия Гражданской войны, институциональной анархии и сложных отношений с этническими элитами затрудняли масштабные исследования. Естественно, это отражалось в историографии, меняя ее акценты. Но в 1920-е годы востоковеды пытались сформировать общетюркский научный ресурс для изучения устройства СССР. Научные институты имперской эпохи были малопригодны для этих задач. Но большевики вторгались напрямую в управление научными структурами. Они увидели пользу больших научных структур как ресурса, через который можно получить важные практические результаты. Решено создать параллельную советскую сеть институтов для осмысления мало освоенной территории. Научная значимость «Советского Востока» в свете задач нового государства привела к формированию восточных научных проектов. На следующем этапе историографии (1930–1950 гг.) они покажут: коллективная работа, центральное планирование приводили к нарушению сроков (большинство проектов выходило за их рамки). Восточные проекты показали: у советских востоковедов фактически не было возможности работать вне системы. Но востоковедение в Петрограде еще оставалось далеким от вульгарной государственной идеологии, хотя и там исследования велись по политическому заказу, использовались как источники для официальных нарративов, особенно в последовавших советских метаисториях среднеазиатских республик. В целом они демонстрировали современные механизмы вовлечения востоковедения в специфику образования СССР.

Здесь отметим странное и слабо, по сути, отрефлексированное сближение внимания эмигрантской элиты с теми, кто остался в СССР. Историки-эмигранты, оторванные от архивов, от необходимой научной литературы, были разобщены географически. На них влияли и интересы стран-реципиентов. Но их интеллект

¹⁸ Валидов А.З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997; Жордания Н. Мое прошлое. Париж, 1939; Авалов Зураб. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки. Париж, 1924.

¹⁹ Georgien. Eine sozialdemokratische Bauernrepublik. Eindrücke und Beobachtungen von Karl Kautsky. Wien, 1921.

²⁰ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период 1917–1991 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

туальный вклад заключается в том, что они обратили внимание на поставленные евразийцами вопросы о будущем России. Ряд подходов историков вызывал у евразийцев отторжение и даже презрение за упрощенный подход к историко-культурной особенности России и ее сложности. Но и Сувчинский подчеркивал: их-то выслали для того, чтобы скомпрометировать идеи евразийцев, противопоставить их советскому проекту²¹. П.Н. Милюков, внимательно следивший за деятельностью евразийцев, в своей критике не разделял ни их идеологии, ни их понимания русской истории, ни ее перспектив²². Помимо прочих важных обвинений, он порицал евразийцев за использование науки в политических целях, выглядевшее опасным в сравнении с организуемым в СССР контролем над наукой. Бердяев признавал: евразийцы – это новое поколение, «воля его направлена к упрощению, к элементаризации, к бытовым формам православия, к традиционализму, боязливому и подозрительному»²³. Сами евразийцы воспринимали Россию не как продукт сугубо русской цивилизации, а синтетической культуры, включающей в себя наряду со славянами азиатские народы. П.Н. Савицкий употреблял термин «Евразия» в специфическом смысле еще в 1918–1919 гг.²⁴ Обратим внимание, схожее название предлагал для СССР и Ленин, метавшийся между централизмом (советским имперством) и модернизмом. Евразийцы ценили интерес ученых, оставшихся в России, к культурам народов, составивших СССР, активизацию этнографических, лингвистических исследований²⁵.

Подчеркнем ключевой аргумент евразийцев: русская культура породила особый вариант антиориентализма, произошло, во-первых, осознание научным сообществом России как многонародной империи, открывшей свой «внутренний Восток». И, во-вторых, всплеск интереса к этому «внутреннему Востоку», к «туранским народам», к дискуссиям о них в ходе образования СССР. Хотя самого Сталина П.Н. Савицкий считал «евразийским националистом», настоящим патриотом, т. е. сторонником мощного государства, их подходы раздражали Сталина и его приспешников из институтов красной профессуры в 20-е годы.

Но идеи евразийцев разделяли многие нерусские эмигранты²⁶. Они породили дискуссию калмыцких эмигрантов С. Баянова и Э. Хара-Давана с академиком В. Котвичем. С. Баянов, член правительства П.Н. Врангеля в Крыму, видел перспективы взаимодействия этносов в СССР²⁷. Не все эмигрантские

²¹ Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М.: Новое издательство, 2010.

²² Милюков П.Н. Третий максимализм // Последние новости. 1925. 2 мая; Милюков П.Н. Тезисы доклада Милюкова «Евразийство» // Последние новости. 1927. 11 февр. С. 1. См также: П.Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / Отв. ред., сост. М.Г. Вандаковская. Подг. текста, комментарии В.В. Тихонов. М.: РОССПЭН, 2012.

²³ Бердяев Н.А. Евразийцы. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 298–299.

²⁴ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

²⁵ Вахитов Р.Р. Евразийство и европеизация в России начала XX века: «российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 123–129.

²⁶ Абаев Н.В. Этнокультурная стратегия Бурятия в контексте цивилизационно-геополитических традиций «евразийства» и социальной синергетики / Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность. Материалы VIII международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 15–17 мая 2014 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014.

²⁷ Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста. 1998; См. Чхеидзе К. Путник с Востока. М.: Книжница. Русский путь. 2012.

сообщества исследованы, выделим результат внимания к северокавказским, среднеазиатским элитам²⁸.

Вблизи границ СССР в Турции, Болгарии, Венгрии, Персии, Польше представители других этнических элит обсуждали историю образования СССР и практики нового государства. Эмигранты объединялись в научные структуры: в Сирии в Объединение интеллектуальных черкесов с филиалом в Париже, в Варшаве в Восточном институте создано кавказское отделение, а со временем – комиссия по созданию единого государственного языка для Кавказской конфедерации, что давало возможность конкретно оценивать политические ресурсы и результаты политики в СССР. Осетину Г.В. Баеву в университете в Берлине удалось возглавить кафедру осетиноведения²⁹. В 1928 году в Праге опубликована речь социолога и историка М.Ф. Шанба на торжественном заседании по случаю 9-летия провозглашения независимости республики горцев Северного Кавказа (1927 г.).

Многие эмигранты обращались к истории Северного Кавказа, рассматривали северокавказские этносы как субъекты идентичности и международного права. Оценки излагались в журнале «Вольные горцы», выходившем в Праге в 1927–1928 гг. Продолжением стал журнал «Горцы Кавказа» (*Les Montagnards du Caucase*). За шесть лет (1928–1934 гг.) в Париже и в Варшаве вышло 50 номеров политической публицистики, насыщенной историческими размышлениями. Анализ формирования советской государственности на Украине подвергся критической оценке эмигрантскими историками-эмигрантами в Канаде и США.

Доминировала оценка: СССР – плохой пример «квазифедеративного государства». Особую ценность представляют материалы частных зарубежных архивов, лидеров национальных движений, не перешедших на советскую сторону, ушедших в эмиграцию и критически оценивавших национально-государственное строительство СССР³⁰. Кавказская интеллигенция не ощущала острой необходимости в независимости, не отрывалась от «общемперских концепций». Исключая немногих, большинство, по сути, устраивала автономия. Но раздражала «квазифедеративность» устройства СССР. По мнению осетинского пуб-

²⁸ Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009; Ершов В.Ф. Идеология и футурологические концепции северокавказской эмиграции 1920–1930-х гг. // Дискуссия. 2012. № 4 (22); Ершов В.Ф. Русский мир и северокавказское зарубежье в XX – начале XXI века. М.: ИНФРА-М, 2016; Яндиева М., Мальсагов А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра. Назрань-М., 2003; Бабич И.Л. Теория построения государства на Северном Кавказе (северокавказская эмигрантская мысль 1920–1930-х гг. в Европе) // История государства и права. 2011. № 21; Билятти Б. Основы федеративного государства // Северный Кавказ (журнал). Париж. 1934. Декабрь. № 8. С. 12–13; Дела и люди «официальной» Кабарды // Горцы Кавказа. 1929. № 10–11. С. 64; Догуж. Еще о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 19; Елекохти Тамбий. Сепаратизм горцев Кавказа и его корни // Независимый Кавказ. Париж, 1929. Август. № 1. С. 30; Расул-заде М.Э. О пантуризме. В связи с Кавказской проблемой» (Париж, 1930).

²⁹ Бабич И.Л. Представления о будущем: кавказские эмигранты Франции – о государственном строительстве на Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология. 2017. № 2. С. 15–25.

³⁰ Топчибаев А.М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Баистатебиль Порты Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибаевым (ноябрь 1918 г.). Баку: Издательство «Азербайджан», 1993.

лициста из Народной партии вольных горцев Кавказа Т. Елекхоти, в устройстве СССР реализована политика «разделяй и властвуй», направленная на борьбу с «общекавказской солидарностью». Он писал: «Москва с помощью интриг среди горских коммунистов добилась разделения Горской республики на ряд автономных областей по племенному “признаку”»³¹. Б. Биллатти подчеркивал: «великодержавность больших народов есть явление органическое, вытекает из самой природы человека, и потому сожительство больших народов с малыми, даже при первоначально абсолютной добровольности, грозит в конце концов конфликтом»³². Воспоминания участников событий создавали дискуссионное поле³³. В журнале «Прометей» (Польша) сторонник независимости Кавказа от России и СССР осетин Б. Байтуган утверждал: Народная партия горцев Кавказа первой выдвинула идею Конфедерации, создания единого Кавказского государства, включавшего все кавказские республики.

В России с 1939 г. публикация воспоминаний участников строительства нового государства, стала невозможной³⁴. Историки-профессионалы, воспитанные в традициях прежней «государственной школы», в большинстве не воспринимали позитивно трансформацию государственного устройства России. Их трактовки изменения природы власти в России если и сохранились, то в дневниковых записях. Покровский, подводя в 1929 г. итоги Всесоюзной конференции историков-марксистов, замечал с сарказмом: «Говорили все это время, и, чем ближе к нашим дням, тем чаще, – марксизм-то у нас есть, но ученые историки-марксисты – где они?»³⁵.

Этнология под прессом сталинских репрессий до середины 1980-х годов отодвинута на периферийное место в статусе подсобной дисциплины обществоведения³⁶. Суженная до этнографии, она ассоциировалась с изучением экзотических «этнографизмов» и подозревалась в ревизии постулатов исторического материализма³⁷. Официальная «историко-партийная наука» относилась к ней свысока. Об этнографах вспоминали, конечно, при подготовке всесоюзных переписей на-

³¹ Елекхоти Т. Сепаратизм горцев и его корни // Горцы Кавказа (Les Montagnards du Caucase). Январь–февраль 1929 г. Париж. № 2–3.

³² Биллатти Б. Основы федеративного государства // Северный Кавказ. Париж. 1934. Декабрь. № 8.

³³ Байтуган Б.А. Конфедерация и горцы // Горцы Кавказа (Les Montagnards du Caucase). 1930. Октябрь–декабрь. Париж. № 21–23. С. 4–6; Бабич И.А. Теория построения государства на Северном Кавказе (северокавказская эмигрантская мысль 1920–1930-х гг. в Европе) // История государства и права. 2011. № 21. С. 37–43; Бабич И.А. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917–1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб., 2012. С. 376–402.

³⁴ Диманштейн С.М. Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5 (76); Такоев С.А. К истории революционного движения на Тереке. (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1926. Вып. 2; Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент. Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б). Узгиз. 1931; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 61–62; Ашев У.Д. Карачай. Ростов-на-Дону: Крайиздат. Севкавказ, 1927; Кисловодск, 1931; Самурский Н. Гражданская война в Дагестане. Махачкала: Даггосиздат, 1925; Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомнаце (1917–1919) // Пролетарская революция. 1930. № 6; Авторханов А. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-Дон: Севкавказ, 1931; Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933; Раевский А. Английская интервенция и мусавитское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку: Истпартотдел ЦК и БК АКП(б), 1927.

³⁵ Покровский М.Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. С. 440.

³⁶ Hirsch F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

³⁷ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.

селения. Исчисленный результат – 198 этнических единиц в составе населения СССР в ходе Всесоюзной переписи населения 1926 г., в 1930-е годы ограничен до 100 с небольшим единиц, что почти «соответствовало» количеству национальных образований разного ранга и доказывало успешность решения национального вопроса в стране реализацией права наций на самоопределение³⁸. Этнографы со своими разногласиями и корпоративными интересами, научным языком вовлекались в трансформации государственного устройства, влияли на восприятие властью народов и земель, а соответственно и на принятие тех или иных политических решений. Конечно, этнография и сама испытывала влияние и давление со стороны власти, меняя свою дисциплину с учетом политических и идеологических обстоятельств.

Публикация материалов Всесоюзной переписи 1926 года привела к созданию в 1928 году при Комакадемии Комиссии по изучению национального вопроса. О ней позже редко упоминалось: ее работа выходила за рамки трафаретных представлений об архитектонике научных структур при Сталине. Однако небольшое время для работы история ей все-таки отвела. В Бюро Комиссии вошли директор Института национальностей ВЦИК С. Диманштейн, директор Московского института востоковедения С. Асфендиаров (член Президиума ЦИК СССР), заместитель председателя Археографической комиссии историк С. Томсинский, постоянный Представитель Туркменской ССР при СНК СССР Б. Кульбешеров, бывший ректор Коммунистического университета трудящихся Востока Я. Шумяцкий, Е. Драбкина (научный сотрудник) и И. Левин (ученый секретарь). Кроме Е. Драбкиной все репрессированы и расстреляны.

Комиссия работала в контакте с национальным отделом ЦК ВКП(б) для сбора, анализа и публикации документов по национальному вопросу «царского, Временного, белых, российских и национальных правительств, советской власти, Гос. Думы, Предпарламента» и т. д.³⁹ Планировался 4 томник, но удалось издать один том, подготовленный С. Диманштейном с Е. Драбкиной и И. Левиным, в котором намечены «контуры как национально-освободительного движения, так и национальной контрреволюции, а также перспектива неизбежного краха российской системы национального господства и угнетения»⁴⁰. Готовились к изданию сборники документов: первый том «Документы великой пролетарской революции» (1938), «Крах германской оккупации на Украине» (1936), «Крах германской оккупации на Псковщине» (1939), имевших отношение к предпосылкам образования СССР, но больше подчеркивающих закрытость источниковой базы и контроль над ее контентом.

³⁸ Для установления «национальности» в ходе опроса предлагался перечень народностей, разработанный АН СССР и утвержденный СНК СССР. После «построения социализма» это число резко сокращено, и в переписи 1939 г. указаны 94 нации и народности СССР. В переписи 1959 г. их число увеличилось до 102, а в 1979 составило 98. В период Перестройки перепись 1989 г. зафиксировала в СССР 128 национальностей. В первой постсоветской переписи населения Российской Федерации 2002 г. указаны 182 этнические категории (140 основных и 42 как подгруппы). По последней переписи 2010 г. список «народов России» достиг 193 единиц.

³⁹ И.А. Комиссия по изучению национального вопроса Коммунистической Академии // Революция права. 1928. № 4. С. 98.

⁴⁰ Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. III. 1917: февраль–октябрь / Коммунистическая академия; Комиссия по изучению национального вопроса. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. 467 с.

Последовавшая волна разоблачений «сторонников» национал-уклонизма, шпионов всех мировых разведок, пагубно отразилась на гуманитарных науках, в том числе и на историко-правовых исследованиях. Публикация документов по национальным отношениям подверглась жесткой регламентации. Работа М.В. Довнар-Запольского «Основы государственности Беларуси» (Гродно. 1919) в январе 1926 г. запрещена к изданию «как выражающая позицию белорусского национального демократизма и в корне искажающая историю Беларуси». Автора вынудили покинуть БССР⁴¹. В архивах информация о репрессиях элит засекретилась. В СССР с конца 20-х годов также набирала силу политизированная научная публицистика, улавливая менявшуюся политическую и идеологическую конъюнктуру⁴². Теоретически обосновал ее И. Сталин, выдвинув на пленуме 9 июля 1928 г. постулат об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Ни Ленин, ни Покровский не позволяли себе такое отношение к историческому документу и историческому факту, как то, что отражено в сталинском письме 1931 г. «О некоторых вопросах истории большевизма»: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и их лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»⁴³.

На втором историографическом этапе образования СССР в 1930–1950-е годы советских историков вовлекли в абсолютизацию и догматизацию формулировок партийных решений реализовать их как методологическую функцию. Ученики М.Н. Покровского в Комакадемии преодолевали «эклектический академизм» структур РАНИОН. Документы ВКП(б) водружались на методологическую высоту исследования ее же деятельности, в том числе, и на ниве образования СССР. Источниковая база формировалась из документов партийных съездов, конференций, пленумов ЦК, выступлений лидеров партии и государства. Документы воспринимались как руководящие указания ученым, выйти за их пределы, а тем более вступать в споры оставалось опасным вплоть до распада СССР.

Комиссия по изучению национального вопроса Комакадемии концентрировала внимание на библиографии как на «необходимом условии постановки серьезной научной работы в этой области» в верном направлении. Прорабатывалась «литература по Польше, Финляндии, Прибалтике, Кавказу и Туркестану с середины XIX века и послевоенная литература по национальному вопросу на западе» Выявлено «до 7000 карточек» работ по экономике, культуре, политическим движениям национальностей⁴⁴.

⁴¹ Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / авт.-сост.: Р.П. Платонов и др. Минск: БелНИИДАД, 2001. С. 159, 167.

⁴² Намитокоев А. Национальная политика и задачи Советов. М., 1930; Обороин А. Национальный вопрос в СССР. М., 1931; Апопов Ю.С. Октябрь и успехи национального строительства. М., 1932; Итоги разрешения национального вопроса в СССР / под ред. С. Диманштейна. М., 1936; Уншлихт И. Государственное устройство СССР и национальная политика советской власти. М., 1936. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Под ред. Н. Лихницкого; Северо-Кавказ. крайистпарт. Ростов н/Д: «Северный Кавказ», 1930. 2 т.

⁴³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 96.

⁴⁴ Там же.

После расформирования комиссии в 1934 г. в Москве открылся Научно-исследовательский институт национальностей при ЦИК СССР⁴⁵. Его отличало внимание к истории развития коммунистических партий в национальных республиках, национального революционного движения, социалистической реконструкции экономики, культуры и быта, но в 1937–1938 гг. он переименован в Центральный научно-исследовательский институт языка и письменности народов СССР при Совете национальностей ЦИК СССР, задачи его сужены.

При обсуждении в ЦК «Краткого курса истории ВКП (б)» в 1938 г. подчеркивая «достоинства» его, замечали, что «трусость теоретической мысли, особенно в ИКП, была обычным явлением»⁴⁶. Выпускникам ИКП в разный промежуток времени предстояло быть мифотворцами новых мифов, новых «картин мира», космологий и макро/микрокосмов и всего попутного, что расцветало пышным цветом в советском кухонном общественном образовании. «Вклад» «Краткого курса» в осмысление проблемы заслуживает той же оценки, но его превратили в главный методологический инструмент обоснования миссии народов СССР в истории.

Лингвистике навязали переворот на базе идеи «этнического и этнографического революционера Н.Я. Марра»⁴⁷, выступавшего с позиций интернационализма. Марризм, сменяя идеи Покровского, стал особым инструментом. Теоретические концепции Марра открывали возможность перекраивать этнические границы не только России, но и зарубежья в интересах грядущей мировой революции. Этническая специфика воспринималась преходящей и эфемерной. Политические практики обходили как претензии к национально-государственному размежеванию, так и репрессии, хотя В. Серж, вырванный из лап НКВД, пояснял: вся политика правящей в СССР бюрократии «определяется страхом и паникой». Держа в страхе бесправное население, она сама охвачена постоянной тревогой⁴⁸.

В 1930-е годы складывалась сталинская историческая концепция образования СССР, отраженная в работах Л.П. Берия «К вопросу о истории большевистских организаций Закавказья» (М., 1935), «Краткий курс истории СССР» (1937) и «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). Историки в 1930–1950 гг. работали с катастрофически ограниченной источниковой базой. Д. Бранденбергер обратил внимание на изъяты Сталиным материалы из текста «Краткого курса» (о «дружбе народов» и о государственном строительстве в республиках), которые прекрасно сочетались бы с его учением о единстве советского народа и строительстве социализма в отдельно взятой стране. Как объяснить их вычеркивание? Что изменилось в политической обстановке конца 1930-х гг., вызвавшей смещение акцента с национального вопроса, который являлся одним

⁴⁵ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. № 16.

⁴⁶ Нуреев Р.М. Краткий курс истории ВКП(б) в кривом зеркале партийной пропаганды (Материалы заседания Политбюро 11 и 12 октября 1938 г. как исторический источник) // Journal of Institutional Studies. 2001. Т. 3. № 1. С. 91.

⁴⁷ Быковский С. Н.Я. Марр – историк-революционер // Историк-марксист. 1935. № 2–3. С. 54–64.

⁴⁸ Serge V. From Lenin to Stalin. N.Y., 1937.

из ключевых аргументов партийного руководства в прославлении советского строя?⁴⁹ Не этими ли изъятиями объясняется появление небольших научно-популярных брошюр в русле концепции первого тома истории гражданской войны в СССР (И.И. Минц), «Борьба за Царицын в 1918» (Э.Б. Генкина), «26 бакинских комиссаров» (Э. Бурджалов, 1938), «Триумфальное шествие советской власти» (А.И. Ковалевский, 1941). Как к ним ни относиться, косвенно они ограничили хронологически и тематически сузили предпосылки и аспекты образования СССР периодом Гражданской войны, ее важными событиями, в которых важную роль играл Сталин.

В республиках историки на появление «Краткого курса ВКП(б)» реагировали как на ориентир отношения к «внутренним уклонистам», чьи редкие работы не должны войти в «боекомплект» проблемы. Но требовалась проработка сопротивлявшихся. Появившиеся «Очерки истории Украины» (1937), «История Украины. Краткий курс» (1940, переизд. 1948 г.) подвергнуты разгромной критике. В них замечены «украинофильские исторические теории», пережитки теорий М. Грушевского. Они «виделись опасными и идеологически вредными». В критике отдельных глав «украинского» «Краткого курса» участвовали академики Б.Д. Греков и И.И. Минц, член-корр. АН СССР А.М. Панкратова, С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин и многие другие⁵⁰. Хотя в работах воплощались партийные установки Сталина, в национальных историях Белоруссии, Татарстана, Башкирии, Казахстана и др. усмотрено приукрашивание то роли Золотой Орды, то патриархально-феодалных отношений, то отрыв от истории русского народа, хотя по сути, ряд работ, например, о таджиках рассматривали их историю, стремясь соединить историческую канву с исследованием сложных и дискуссионных проблем⁵¹. Прежний «колониальный» дискурс по отношению к присоединенным к России территориям, активно используемый в партийной риторике с 1917 г. и в подходах «главного историка-марксиста» М.Н. Покровского, к этому времени уже были признаны властями негодными и вредными. В 1943 г. в книге «История Казахской ССР»⁵², в создании которой принимала участие А.М. Панкратова, ученица Покровского (в период эвакуации она работала в Казахстане), присоединение Казахстана к России уже считалось «меньшим злом», чем если бы он попал под власть среднеазиатских ханств или Китая. Режиссируемые сверху кампании «проработок»

⁴⁹ Бранденбергер Д. Сталинский ответ на национальный вопрос: загадочное молчание «Краткого курса истории ВКП(б)» о национальной политике после 1938 г. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 540.

⁵⁰ Санцевич А.В. Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба ученого // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / РАН, ИРИ; Общ. ред. А.Н. Сахарова. М.: Наука, 1996. С. 177–185; Санцевич А.В. Россия в XX веке: Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба ученого. Киев, 2011.

⁵¹ См.: Гафуров Б.Г. История таджикского народа. М., 1952; Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года. М., 1949.

⁵² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. М. Абылкалыков, А. Панкратова (ред.). Алма-Ата, 1943; История Казахской ССР. 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. I. Под редакцией И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата. 1949.

подвергли труд разгрому, объявив, что это вообще было не «зло». М.П. Ким в рецензии обнаружил «неправильную тенденцию к преувеличению прогрессивности и революционности национального движения. Авторы забыли указание И.В. Сталина, что несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»⁵³. Панкратова также подчеркнула особую *политическую ответственность ученого за разработку проблемы*, причем этот акцент перенесен на советский период истории республик⁵⁴. Вплоть до перестройки история изучения СССР представляла собой голую историю идей.

Работы, напрямую связанные с идеологическими задачами высших партийных кругов, стали основой для будущих изменений в организации исследований, их направлений и содержания. Причиной тому была обстановка культа личности, репрессии историков и участников событий.

Власть установила полный контроль над изучением проблемы. В исторической науке стала распоряжаться чиновно-академическая бюрократия. Первой специальной работой об образовании СССР в 1943 г. (в 1947 г. – 2 изд.) опубликовала Э.Б. Генкина. В конце 1940-х – начале 1950-х годов появились монографии С.И. Якубовской, Д.А. Чугаева, В.В. Пентковской, М.И. Куличенко и др.⁵⁵ Расширение рамок исследования ограничивал режим сталинского единовластия. Центральным героем темы был Сталин. Историки вынуждены принимать как бесспорные истины положения и выводы, содержащиеся в его выступлениях и текстах. В русле высказанных вождем идей трактовался ограниченный материал, он подавался так, чтобы подвести читателя к выводу о гениальности, прозорливости и безошибочности действий Сталина в процессе образования СССР.

В третий период (1956–1990-е годы) встала задача преодолеть последствия культа личности Сталина в гуманитарных науках. После XX съезда КПСС появилась возможность переосмыслить причины образования СССР. В республиках подготовлены сборники документов, посвященные 40-, а затем и 50-летию их образования. Среди них следует выделить подготовку Б. Юлдашбаевым сборника документов об образовании Башкирской АССР. Ему удалось использовать открывшиеся на короткий период фонды партийных архивов, впервые опубликовать документы Башкирского шуро и ЦК РКП(б) о непростых взаимоотно-

⁵³ См. рецензию М. Кима в: Вопросы истории. 1949. № 6. С. 130–134.

⁵⁴ Панкратова А.М. «Краткий курс истории ВКП(б)» и советская историческая наука // Большевик. 1948. № 18. С. 27.

⁵⁵ Генкина Э.Б. Образование СССР. 2-е изд., доп. М.: Госполитиздат, 1947; Якубовская С.И. Объединительное движение за образование СССР. (1917–1922). М.: Госполитиздат, 1947; Чугаев Д.А. Образование Союза Советских Социалистических Республик М.: Госполитиздат, 1951; Пентковская В.В. Роль В.И. Ленина в образовании СССР. М.: Знание, 1956; Каммари М.Д. СССР – великое содружество социалистических наций. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950; Песикова Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1950; Цаммерян И.П. Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР // Вопросы истории. № 11. Ноябрь 1950. С. 17–42.

шениях Центра с башкирскими лидерами. Ряд документов все-таки подверглись цензурным ограничениям, полностью явлены науке они только в 2002–2009 гг. трудами его дочери А.Б. Юнусовой⁵⁶. Содержание же других сборников об образовании других республик свидетельствовало: власть не ослабила контроль над изучением проблемы образования СССР, охраняя сталинскую историческую концепцию⁵⁷.

Открытие архивов расширило пространство изучения. С.И. Якубовская и Д.А. Чугаев в числе первых получили доступ к их части. Они вышли на новую ступень историографического изучения⁵⁸.

С.И. Якубовская увидела связь важных аспектов проблемы: исследователи 1930–1950-х годов сосредоточивались на «анализе» сепаратизма, местного буржуазного национализма, но умалчивали о великодержавных извращениях национальной политики, хотя стенограммы XII съезда РКП(б) и IV партийного совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. не были секретными. Их легко обнаружить на страницах партийной периодики. Но Якубовская прошла мимо них: ученые «не замечали» важного явления, отнесенного решениями XII съезда РКП(б) к главной опасности в жизни нового государства⁵⁹. Это, конечно, несложно отнести на счет влияния Сталина и его единомышленников – выразителей централизма и великодержавности, но реальных документов, даже известных, историки не касались и на конкретные обобщения не решались. Пределы их возможностей устанавливало время, в котором они жили, субъективная способность ученых к восприятию нового.

Э.Б. Генкина, В.В. Пентковская, С.И. Якубовская подкрепили исторический анализ государственно-правовых форм взаимоотношений республик введением в научный оборот ряда материалов Конституционной комиссии ЦИК СССР. С.И. Якубовская выбрала слабо изученную проблему – участие народов Советского Востока (Средней Азии и Закавказья) в образовании и развитии СССР⁶⁰. В последующие годы появились аналогичные исследования, написанные на материалах Украины⁶¹. Историки, изначально придававшие проблеме идеологическую аранжировку, наполняли ее фактами в рамках классовой теории и партийных интересов на примерах других республик, избегая острых аспектов содержательного

⁵⁶ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов / Акад. наук СССР Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы. Архивный отд. МВА Башкир. АССР. Центр. гос. архив БАССР. Парт. архив Башкир. обкома КПСС. Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа: Башкиргоиздат, 1959. 990 с.; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: В 4 томах. Уфа: Китап, 2002–2009.

⁵⁷ Сравни: Образование Татарской АССР: Сб. материалов и документов / Сост. Г.Б. Билялова, Р.Г. Кашафудинов, М.Б. Кочурова, Н.М. Силаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1963; Казань: Татар. кн. изд-во, 1957; Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов. Ин-т истории, археологии и этнографии Акад. наук Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1957 и др.

⁵⁸ Якубовская С.И. Строительство союзного советского социалистического государства. М., 1960. С. 29–49; Якубовская С.И. Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12; Чугаев Д.А. Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6; Чугаев Д.А. Историография образования СССР // Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

⁵⁹ Якубовская С.И. Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960. С. 41–42.

⁶⁰ Якубовская С.И. Народы Советского Востока в образовании и развитии СССР (Историографический обзор) // Народы Азии и Африки: история, экономика, культура. 1967. № 6.

⁶¹ Белый П.Ф. Отражение участия украинского народа в объединительном движении за образование СССР в документальных публикациях и монографиях // Исторические источники и их изучение. Вып. 7. Киев, 1972.

наполнения истории союзного государства. Работы сыграли роль в продвижении в практику проблемных направлений развития СССР, этапов объединительного движения, их хронологических рамок, начиная с Октябрьской революции.

О сильных и слабых сторонах историко-правовых историографических трудов этого периода можно судить, обратившись к содержательной монографии Н.Я. Куприца, для него развитие науки государственного права было магистральным направлением⁶². Куприцу удалось проследить эволюцию историко-правовых оценок. Однако непреодоленная сталинская схема развития советского общества сказалась не только на общей концепции монографии, но и на трактовке методологических аспектов. Применение марксистского диалектического метода он свел к сохранению классового подхода.

Основным достижением было свержение с пьедестала несправедливо находившегося на нем Сталина и водружение на него Ленина. Особых дискуссий на этот счет не возникло, логика сталинской схемы обоснования и развития нового государства оставалась незыблемой. После критики Сталина единственным последовательным строителем СССР остался Ленин. Он, названный основоположником советской исторической науки, теперь «царил», однако в неизжитой логике сталинской схемы. Его стали рассматривать не только в качестве гениального и непогрешимого теоретика и методолога, но и как первого историка и историографа СССР⁶³, в его трудах историки искали ответы на все принципиальные вопросы создания нового государства. Были защищены диссертации по историографии образования СССР (М.А. Малиновский, С.В. Кулешов, Н.М. Родионова и др.). Последовали объемные монографии известных историков, детализировавших проблематику, но не имевшие прорывного характера⁶⁴. В этих взаимодополняемых работах видны не только достижения и просчеты историографии образования СССР и в 1970–1980-е годы. Итоги обобщались на всесоюзных научных конференциях, игравших роль методологических кураторов и «правильных» интерпретаторов⁶⁵. Авторы исходили из логики развития СССР по восходящей линии и в ускоряющемся темпе. Существенных расхождений между позициями не допускалось. Появилось новое направление исследований о новой исторической общности – советском народе, поиски этого идеологического феномена хронологически начинались едва ли не с 1917 года⁶⁶. Анализ этого феномена увязывался с критикой «буржуазных фальсификаторов», их «неспособностью создать це-

⁶² Куприц Н.Я. Из истории науки советского государственного права. М., 1971.

⁶³ Гиллов С. В. И. Ленин – организатор Советского многонационального государства. М. 1960 (2-е изд. 1972).

⁶⁴ Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства (1917–1918 гг.). Изд. 2, испр. М.: Наука, 1987; История национально-государственного строительства в СССР: 1917–1978: в 2 т. / АН СССР, Ин-т истории СССР; М.: Мысль, 1979; Куличенко М. И. Образование и развитие Союза ССР. Ереван: Айастан, 1982 и др.

⁶⁵ Оприщенко Г. П., Павленок П. Д. Всесоюзная научная конференция, посвященная 50-летию образования СССР (на тему «Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей». Москва. Декабрь 1972 г.) // Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм. 1973. № 2.

⁶⁶ Джандильдин Н. Коммунизм и развитие национальных отношений. М. 1964; Многонациональный советский народ – новая историческая общность людей. М., 1966; Советский народ – новая историческая общность людей. Волгоград. 1966; Хомагозов А. И. Интернациональные черты советских наций. М. 1970; Тадевосян Э. В. В. И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса в СССР. М. 1970; Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности наций и пути образования интернациональной общности людей. М. 1970; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М. 1972; Ким М. П. Советский народ – новая историческая общность. М. 1972; Советский народ – новая историческая общность людей. Становление и развитие. Отв. ред. М. П. Ким, В. П. Шерстобитов. М.: Политиздат, 1975.

лостную концепцию исторического развития народов Советского Союза и демонстрирует, по существу, высокомерно-пренебрежительное отношение западных авторов к народам Советского Союза, которым отводится роль статистов в историческом процессе. Истоки подобного подхода следует искать в «трудах» тех буржуазных историков, которые в 1920–1930-е и частично 40-е годы создавали основы западной историографии России и Советского Союза». Это – «ведущее... реакционное, националистическое, антисоветское направление». Работы отражали взаимосвязанные и взаимообусловленные этапы национально-политической и социально-исторической трактовки СССР неточно и по-прежнему идеологически⁶⁷.

Необходимо учитывать влияние на теоретико-методологический уровень исследований регулируемого «сверху» рассекречивания источниковой базы, контроль над общественно-политической обстановкой, в которой создавались научные труды, что не позволяло глубже вскрыть причины и характер влияния самой сталинской концепции⁶⁸.

С 30 ноября по 3 декабря 1976 г. в Таллине проходила Всесоюзная научная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР», организованная Научным советом по национальным проблемам АН СССР совместно с Научным советом «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» АН СССР и Академией наук ЭССР. В ней приняли участие около 400 партийных, советских работников и ученых из всех союзных и многих автономных республик страны, в том числе представители многих отраслей гуманитарных наук: экономисты, философы, историки, социологи, этнографы, языковеды, литературоведы, искусствоведы, изучающие национальные отношения и проблемы взаимодействия культур. Значительное внимание член ЦК КПСС, вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев уделил образу жизни, языковым аспектам национальных отношений, выдающейся роли рабочего класса в решении национального вопроса и в социалистических преобразованиях, проблемам интернационального воспитания. Комплексное изучение национальных отношений народов СССР, сказал он, включает в себя серию общественно значимых направлений исследований: экономических, социальных, демографических, государственно-правовых, собственно культурных, языковых, психологических и некоторых других. Но сложный и многообразный процесс, в развитии которого определяющее значение имеет соотношение классового и национального, свелся к теоретизированию над процессами социальной интеграции и интернационализации⁶⁹.

⁶⁷ Романовский Н.В. Образование СССР в буржуазной историографии // История СССР. 1972. № 6.

⁶⁸ Нечкина М.В. О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. № 1; Сахаров А.Н. Методология истории и историография (Статьи и выступления) М., 1981. С. 130, 132, 196, 140; Красовицкая Т.Ю. О сталинской формулировке нации в контексте времени и места ее бытования // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 313–326.

⁶⁹ Малькова В. Всесоюзная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР» // Советская этнография. 1976. № 6. С. 112–117.

При известном догматизме и схоластичности методологии в разработке проблемы наметились и полезные движения. Речь шла о очищении ленинизма от сталинских и прочих наслоений. Применительно к рассматриваемой теме такой подход наиболее продуктивно реализовал А.П. Ненароков⁷⁰. Он отказался от традиционного представления о прямолинейно-поступательном процессе образования СССР, представив научную мысль в сложной и извилистой траектории движения по пути не только вперед, но и вспять, полную драматизма, приобретений и потерь. Сам автор с трудом отходил от этой траектории. Отказ от идеологических аксиом давался нелегко. Автор начал с того, что отверг положение о Ленине как первом профессиональном историке темы, резонно заметив: первый глава правительства СССР, политик-практик, «опирался в своих выводах, в лучшем случае, на политические обобщения исторического опыта, не преследуя задач историко-профессионального анализа»⁷¹. Но все же подчеркнул: Ленину принадлежит первенство исторического анализа объединительного движения народов, национально-государственного и национально-культурного строительства. В глазах поклонников советской государственности, с четырех сторон уже окружаемый авангардистской публицистикой, он хотел удержаться хоругвь советской историографии. Но едва ли не превратился в ее одинокого хоругвеносца⁷².

Через два года автор скорректировал позицию, сделав ее более противоречивой: «Ленин положил начало и профессиональному историческому анализу этих проблем. Однако это отнюдь не означает, что именно с этого начинается и профессиональное изучение данных проблем исторической наукой»⁷³. Ненароков видел основную перспективу в изучении истории образования СССР в овладении ленинским наследием. Правда, в отличие от предшественников он считал: оно слабо влияло на направление и итоги исследований. Здесь спору нет: ленинская концепция так и не утвердилась в советской историографии до конца существования самого СССР. Для тех исследователей, кто сохранял ей верность, вывод Ненарокова был значительной поддержкой⁷⁴. Но сам автор, сделав шаг в верном направлении, боялся освободиться от этих объятий, хотя и переключился на изучение большевистского alter ego – меньшевиков и их практик обустройства государственности, особенно, в Грузии⁷⁵.

Четвертый период в историографии начался с решительной ломки сталинской концепции образования СССР. В перестройку на улицы и площади Алма-Аты, Грузии, Еревана, Вильнюса, как и в 1917 г., вышли представители национальных

⁷⁰ Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. М., 1991.

⁷¹ Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. М., 1991. С. 18.

⁷² Первое советское правительство, окт. 1917 – июль 1918: [Совет нар. комиссаров: Сборник / Науч. ред. А.П. Ненароков]. М.: Политиздат, 1991.

⁷³ Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6. С. 58.

⁷⁴ Ненароков А.П. История Великой российской революции: парадоксы современной историографии // Великая российская революция 1917 г.: 100 лет изучения. Международная научная конференция 9–11 октября 2017 г. М., 2017.

⁷⁵ Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии / М.: Новый хронограф, 2011; Nenarokov A. P. Zur Rolle von Irakli Zereteli sei der Ausarbeitung der von der russischen Sozialdemokratie in der Konstituierenden Versammlung vertretenen Auffassungen // W. Hedeler (Hrsg.). Die russische Linke zwischen März und November 1917. Berlin, 2017 и др.

движений и народных фронтов. Осенью 1986 г. тысячи машинописных экземпляров разлетелась по стране переписка историка Н. Эйдельмана и писателя В. Астафьева по поводу рассказа Астафьева «Ловля пескарей в Грузии»⁷⁶. Ее принято считать ключевым моментом в «перестроечной» смене концепции образования СССР. А.Д. Синявский в 1986 г. выразил солидарность с позицией Эйдельмана, демонстративно опубликовал переписку в одном из номеров эмигрантского «Синтаксиса»⁷⁷. Поначалу М.О. Чудаковой показалось: Эйдельман «ребячески-бездумно тронул голой рукой провода, по которым давным-давно бежал ток, невидимо их раскаляя». Ответ Астафьева был «ревом медведя, которому он в берлогу прямо в морду сунул на палке горящую паклю». «Новый период застал ... большинство из нас, в немалой степени врасплох», – итожила она после смерти одного из авторов⁷⁸.

Основная часть скандального успеха выпала на долю Астафьева. Его позиция потрясла читателей. Резко и прямо, с неожиданной откровенностью и с еще более неожиданной грубостью высказаны шовинистические взгляды автора и обвинения в адрес евреев. Но Астафьев высказал немало продиктованного и оскорбленной любовью, даже в Грузии немногие, но нашли в себе мужество с ним согласиться. Реальность расходилась «с обаятельно-застольной Грузией, которую, по сути, выдумали Думбадзе и Габриадзе, Иоселиани и Данелия, Квирикадзе и Джорджадзе»⁷⁹. Зрела катастрофа, ее размеры накрывали не только грузинское общество.

Этнокультурные элиты обострили внимание к позитивным сторонам развития национальных образований в составе СССР, усилили поиск объективных оценок совместной истории народов, ущерба национальной самобытности, экономике, духовности. После распада СССР оказалось, что в бывших советских республиках, в их составных образованиях имеется свой взгляд на процесс, подкрепленный документами ранее принадлежавшими, как считалось, враждебному лагерю⁸⁰.

На первый план в поиске легитимации СССР выдвинут поиск смысла перехода от имперской к советской государственности. Это потребовало раскрыть полностью источниковую базу.

Начал складываться воедино ряд факторов, результирующих анализ.

Во-первых, недоступные ранее советским исследователям зарубежные исследования Э. Карра, С. Коэна, Р. Пайпса, Р. Такера и др. и их разногласия в оценках образования СССР стали составной частью российского историографического комплекса⁸¹. В 2000 г. в Нью-Йорке (США) и Казани (Россия) основан журнал

⁷⁶ Наш современник. 1986. № 5.

⁷⁷ Эйдельман Н.Я., Астафьев В.П. Переписка из двух углов // Синтаксис. 1987. № 17.

⁷⁸ Чудакова М. Еще не вспоминая – помня // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990; См. также: Чудакова М. Почто мой друг // Звезда. 2010. № 5.

⁷⁹ Быков Д. // Известия. 2009. 25 ноября 2009.

⁸⁰ Винниченко В.К. Из «Дневника» // Новое время. 1992. № 24; Грушевський М. Орієнтація чорноморська / он же. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ: Знання України, 1991;

⁸¹ См.: Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М.: «Интер-Версо», 1990; Беладі А., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1989; Таскер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991; Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford University Press, 1993. P. 1–2; Ronald Suny u Valerie Kievelson. Russia's Empires. New York, Oxford: Oxford University Press, 2017. С. 109, 129; Киракосян Д. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1980; Слезкин Ю. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Vol. 53. № 2 (Summer 1994). P. 414–452; Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период: Сборн. Самара, 2001. С. 329–374.

«Ab Imperio» Американской ассоциации содействия славянским исследованиям. Журнал инициировал конференции и исследовательские проекты по новой имперской истории в рамках отечественной истории.

Во-вторых, концентрация внимания на правовых источниках и тех, что отложились в деятельности партийно-государственных структур, оказалась недостаточной даже с учетом рассекреченных документов об этнополитической субъектности федеративного советского государства. Появилась возможность уточнить и обогатить интерпретацию конституирования СССР в целом. Естественно, первыми использовали их историки государства и права, дополняя и уточняя в 1990-е годы собственные оценки⁸².

В-третьих, историки начали ломать сталинские схемы, совершать *историографический поворот к радикальному переосмыслению и перемещению антропологических объектов из культурно-релятивистского времени и структурно-функциональной методологии в конкретную историю СССР*. В авангарде выступили этнографы во главе с академиком В.А. Тишковым⁸³. Первые результаты прочтения текстов советских этнографов принадлежат Э. Геллнеру, который пытался разгадать, что такое советская этнография с ее марксистскими постулатами. Ряд ответов изложил В. Шнирельман, аргументацию его Геллнер счел богатой и убедительной⁸⁴. Шнирельман взял на себя роль основного академического критика назойливых текстов, доморощенных этимологий и архаизирующих гипотез, из которых, собственно, и выросла вся дилетантская квазиисториографическая публицистика, которая выходила из-под перьев этнонационалистических публикаторов⁸⁵. Другие иностранные авторы, например, Ф. Хирш, усилили внимание к роли этнографического знания в образовании СССР. Вводя выражение «концептуальное завоевание земель и народов», Ф. Хирш подчеркнула: переустройство огромной территории и управление ею совершалось не только с помощью спецслужб или насилия, но и с помощью науки, т. е. процедур и технологий классификации, определения, воображения. Этнографы вместе со своими внутридисциплинарными разногласиями и корпоративными интересами, со своим научным языком вовлекались в трансформацию государственного устройства и влияли на восприятие властью народов и земель, а

⁸² См., например, Чистяков О.И. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955; Чистяков О.И. Национально-государственное строительство РСФСР в период гражданской войны. М., 1964; Чистяков О.И. Становление Российской Федерации. М., 2003; Чистяков О.И. Образование Союза ССР. М., 1973 (в соавт. с Д.А. Златопольским); Чистяков О.И. Очерк истории советской Конституции. М., 1976, 1980, 1987 (в соавт. с Ю.С. Кукушкиным); Чистяков О.И. Проблемы демократии и федерализма в первой Советской Конституции. М., 1977; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984 (изд. 2-е, переработ., 2003); Российское законодательство. В 9-ти т. М., 1984–1994; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. В 3-х кн. М., 1993; Они же. Опыты федерализма. М., 1994; Зорин В.Ю. Федерализм как судьба многонациональной России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1; Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003; и др.

⁸³ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996.

⁸⁴ Gellner E. State and society in Soviet thought. Oxford; New York: Blackwell, 1988; Шнирельман В.А. Золотые заключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3; Петров А.Е., Шнирельман В.А. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М.: ИА РАН, 2011.

⁸⁵ Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3–13; Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестн. Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 66–71.

соответственно – на принятие тех или иных политических решений. Однако, справедливо заметил С.Н. Абашин, включая в понятие «этнографическое знание» разные разделы академической науки, в том числе географию, археологию, физическую антропологию и лингвистику как локальное знание о землях и народах, которое создавали местные чиновники и краеведы, расширение понятия «этнографическое знание», «смешение академической деятельности и интересов местной элиты, может показаться довольно искусственным»⁸⁶, хотя оно и позволило Хирш рассмотреть более широкий контекст процесса. Конечно, этнография и сама испытывала давление со стороны власти, меняя предмет изучения с учетом политических и идеологических обстоятельств⁸⁷. Поменялись, добавим от себя, и местные элиты, основательно прореженные сталинскими репрессиями⁸⁸. Но появились новые аспекты и их инструменты изучения этничности: этносоциология, этнолингвистика, этнопсихология и пр.

С учетом этих обстоятельств, английский исследователь Э.Х. Карр не до конца учел специфику партийного диктата, считая: «СССР был федерацией в чистом виде. Он был создан соглашением между формально равными суверенными государствами, и Конституция добровольно признавала сохраняющийся суверенитет субъектов федерации». Это цитировал В. Гросул⁸⁹, поддержав оценки Карра, в отличие от оценок американского историка Р. Пайпса – автора книги «Образование Советского Союза»⁹⁰, выдержавшей с 1954 г. несколько изданий. Ненароков, написавший к 14-томному изданию Карра (1990 г.) предисловие, заметил: Карр, как и многие другие, находился под сильным воздействием успехов Советского Союза в социально-экономической области, роста авторитета и могущества, его влияния на международной арене⁹¹. В 1989–1991 гг. Р. Коллинз считал: СССР распался на несколько государств, которые избрали разные версии коммунистической идеологии⁹².

В зарубежной литературе СССР подавался и как империя нового типа. Пайпс отстаивал парадокс советского опыта: антиимпериалистический Советский Союз был риторической поддержкой антиколониальных движений. Но его внутренняя структура – псевдофедеральная, ее главная роль монополизировать и удерживать суверенитет в Москве. Легитимный дискурс – марксистская миссия *Civilisatrice* (просветительская): авангардная партия приведет рабоче-крестьянскую страну к социалистической цивилизации – был имперским. Близкого взгляда на политическую систему СССР придерживается Р.Г. Суни. По его мнению, СССР должен

⁸⁶ Абашин С.Н. Рец. на: F. Hirsch. Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005 // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 165–168.

⁸⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2004.

⁸⁸ Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А. Этнические элиты рубежа XIX–XX веков: между традицией и модерностью / Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2012.

⁸⁹ Гросул В. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2007.

⁹⁰ Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, Harvard University Press, 1997.

⁹¹ Карр Э.Г. История Советской России. В 14-ти кн. Предисл. А. Ненарокова. М.: Прогресс, 1990.

⁹² Коллинз Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 234.

считаться именно империей, поскольку он представлял собой сложное государственное образование, стремившееся объединить в единое целое формирующиеся нации⁹³. Речь шла о «третьем варианте» политического развития империй XIX–XX вв., связанном с превращением в неимперское ненациональное государство, считающее себя альтернативой государству как таковому⁹⁴. По Пайпсу образование СССР стало результатом завоевания, оно сформировано как централизованное, унитарное и даже тоталитарное государство.

Эти трактовки подхвачены как зарубежными исследователями, так и в СССР, особенно, после его разрушения, когда сходной интеллектуальной конфигурацией с помощью классической рефлексии и современных эмоций богатой фактографии объединительным процессам придан новый смысл. Обобщили их В.А. Тишков и В.В. Шишков⁹⁵.

Другой взгляд на образование СССР предложила Т.Ю. Красовицкая, положив в основу подхода этнокультурные аспекты перехода к индустриальному обществу модерна, приблизив хронологию к реформам Александра II. Результаты реформ принудили большевиков принять федерализм в качестве новой формы государственного устройства РСФСР, распространить ее затем и на СССР. Этот подход освобождал Красовицкую от идеологических рефлексий (подобных поздним эмоциям В. Булдакова по комментируемым им этносоциальным конфликтам 1917–1918 гг. на базе «официального (?)», по автору, интернационализма⁹⁶), помог перевести акцент на объективные причины образования СССР, увязать их с трагическими событиями безгосударственности гражданской войны. С этой точки зрения важную роль получило включение в исторический контент реального субъекта действия – этнических элит, активно отстаивавших интересы своих сообществ в формируемых структурах власти разного уровня⁹⁷. Данный подход реализован и в совместной монографии группы авторов, посвященной 1000 летию образования России⁹⁸. Этих же подходов придерживается Е.Л. Назарова⁹⁹. Особый аспект проблемы поднял М.Ш. Дэвид-Фокс, показав опыт переработки СССР наследия Российской империи, развития сложной интеллигентски-элитарной формы модерности с набором новых практик¹⁰⁰.

⁹³ Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001. № 1–2. С. 17.

⁹⁴ Суни Р.Г. Уроки империи: Россия и Советский Союз // *Прогнозис*. 2006. № 4 (6). С. 140.

⁹⁵ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001; Шишков В.В. Политика Советского Союза как имперский проект // *Полития*. 2013. № 2 (69). С. 129–141.

⁹⁶ Булдаков В.П. Хаос и этнос: этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010.

⁹⁷ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством. 1917–1925 гг. Монография. М.: Наука, 1992; Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М.: ИРИ РАН, 1998; Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф, 2015.

⁹⁸ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012; Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А. Этнические элиты рубежа XIX–XX веков: между традицией и модерностью / Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2012.

⁹⁹ Назарова Е.Л. Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917 / Альманах североамериканских и балтийских исследований / *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. Issue 3.

¹⁰⁰ Дэвид-Фокс М.Ш. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / Пер. с англ. М.: НЛО, 2020.

Данный подход не только соответствовал активному вовлечению в анализ роли многочисленных акторов национальных политических и культурных движений. Изучение проблемы требовало использовать достижения этнологов, лингвистов, демографов, славной генерации российских востоковедов, важных и для имперской, и советской власти интеллектуальных ресурсов¹⁰¹. Ученые преобладали абсолютно в том, что им больше, чем другим приходилось осваивать взаимосвязи стран и народов мира, выявлять нарастание дезинтеграции, связанной с этнической и религиозной феноменологией. Добытые характеристики как исторические факты Красовицкая систематизировала по численности этносов, их языкам, принадлежности к мировым религиям, этнопсихологическим данным. Это оказалось полезным Красовицкой для понимания как расстройств механизмов поздней истории Российской империи, так и проблем образования СССР, а именно: подойти к процессам строительства наций в имперском ядре, спорным вопросам с этнической и политической стороны дела. В ходе образования СССР ученые привлекались к организации работ по кодификации границ республик, их устройства на основе знаний этнической истории, государственного опыта и пр., высказывая свои соображения и суждения. Разные грани этнических конфликтов превращались в дискуссии о том, каким быть идущей «войне с прошлым» Российского государства в войне «защиты будущего».

Такой подход хронологически расширял, содержательно углублял, выводил анализ за рамки бесконечного цитирования мнений и уточнения оценок лидеров большевиков. Вводились проекты и претензии местных лидеров, их идеологемы, политические программы и даже проявления веры, наполненные чувствами и эмоциями. После распада СССР на новые протогосударства сложные факты упорядочивались в социополитической реальности, наполняя процесс собирания новых государств далеко не забытым содержанием¹⁰².

Распад СССР повлиял на региональные историографические коллективы. Возрождение украинистики, белорусоведения, литуанистики, арменистики и пр. происходило в исторически сложное время. В украинистике вернулись к концепту «Центральной Европы» и его значению (или фактическому отсутствию) в истории образования Украинской ССР как части СССР. Сам концепт, по сути, связан с иллюзиями и практиками национального оптимизма многоэтничной Речи По-

¹⁰¹ Красовицкая Т.Ю. Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927 гг.) // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР. Сб. статей Института истории СССР. М., 1987.

¹⁰² Тихомиров А. Украинские дискуссии об истории: между политикой, памятью и самоидентификацией // Неприкосновенный запас. 2013. № 2; Королев Г. Идея черноморской федерации Михаила Грушевского (1918 г.) // Белорусский Исторический Обзор. Т. 18. Тетради 1–2 (34–35) декабря 2011. <http://belhist.ru> //; Соколова М.В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917) [Электронный ресурс] // Сайт ист. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/sokolova.htm> (дата обращения: 29.09.2017); Алексейчик Я. Варшава и белорусский вопрос – век XX // Наш современник. 2013. № 7; Алексейчик Я. «... Отодрвать белорусов от востока». Варшава и белорусский вопрос – век XX // Беларуская думка. 2012. № 5; Кирчанов М. Zemnieki, latvieši, pilsoņi идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж. Научная книга. 2009; Кирчанов М. Четвертая модернизация: преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж: Кварт, 2015; Мухомина И. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М.: Изд-во «Европа», 2007; Паоло П., Шаблей С. Эксперименты империи: адат, шарият и производство знаний в казахской степи. М.: НАО, 2019. С. 280.

сполитой. В случае Галичины с ним явно конкурировал «австрийский», или «габсбургский» миф¹⁰³. Для белорусоведения и литуанистики оказалось актуальным осмысление этническими элитами исторических практик Великого княжества литовского. Концепт «Центральной Европы» (его вариант – идею «Центральной и Восточной Европы», предложенную польским историком Е. Клочовским) критиковали российские историки А. Миллер и Л. Горизонтов¹⁰⁴, обращая внимание на отрыв истории Белоруссии от общерусской (общей) истории. Выделим работы канадского историка С. Плохия¹⁰⁵, сосредоточившего интерес на домодерных идентичностях, опираясь на источники США и Канады, работы З. Когута, А. Каппелера, Р. Шпорлюка, Т. Снайдера, труды диаспорной украинистики, их анализ роли украинского фактора в истории России. П. Толочко, впрочем, отметил: в последние годы на Украине идея федеративного государства подверглась демонизации и шельмованию. Сознательно или по недомыслию в официальной доктрине Украины эта идея отождествлена с сепаратизмом и превращена в запретную тему¹⁰⁶. А. Ливен воссоздал исторический портрет стран Балтии¹⁰⁷.

Э.А. Столер, Р. Суни отметили ключевую, но противоречивую роль империй в истории¹⁰⁸. А. Миллер, один из авторов альманаха «Ab imperio», существенно усложнил картину, в рамках которой империи выступали «инкубаторами модерна»: «Модерное государство рождается в сердцевинах империй и во многом как реакция на проблемы, возникающие в контексте соревнования империй»¹⁰⁹.

Профессор Гарвардского университета Т. Мартин «осовременил» оценку советского проекта. СССР – первая страна, где разработаны программы политической деятельности в интересах национальных меньшинств. Идеологический контент интернационализма – программное положение о равенстве шансов – автор заменил концепцией Affirmative Action, заложив в нее пре-

¹⁰³ Ситник О. Археологія: наука у Львові. Перша половина ХХ століття. Львів–Жешів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України; Інститут археології Жешівського університету (РП), 2012; Неменський О.Б. Воображенні союзи в «Палинодії» Захарія Копыстенського і «Обороне унії» Льва Кривиз // *Белоруссия и Украина: История и культура*. Ежегодник, 2005. М.: Наука, 2006; Сняков С.В. Украинская история как пространство современного творчества (рус.) // *Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»*. Філософія. Психологія. Педагогіка: науковий журнал. Київ, 2011. Вип. 2. С. 151–158.

¹⁰⁴ Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // *Полис*. 1996. № 4; Центральная Европа как исторический регион. Миллер А.И. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996; Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001; Снайдер Т. Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь. 1569–1999 гг. М., 2003.

¹⁰⁵ Плохий С.М. Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: Corpus: АСТ, 2016; Plokhly S.M. and Frank E. *Syn. Religion and Nation in Modern Ukraine*, Canadian Institute of Ukrainian Study Parishes, 2003; Plokhly S.M. *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*, University of Toronto Press, 2005; Plokhly S.M. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus*, Cambridge University Press, 2006; Plokhly S.M. *Ukraine and Russia: Representations of the Past*, University of Toronto Press, 2008 и др.

¹⁰⁶ Толочко П.П. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 406.

¹⁰⁷ Lieven Anatol. *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. New Haven: Yale University Press, 1993; Каспаравичюс А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия*. М., 2015. Вип. 7. Памятные даты и историческая память. С. 256–262.

¹⁰⁸ Stoler A.L., Cooper F. (eds.). *Tensions of Empire. Colonial Cultures in the Bourgeois World*. Los Angeles: UCLA. 1997. P. 22; Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999; Суни Р. Дилектика империи: Россия и Советский Союз // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 163–196.

¹⁰⁹ Миллер А.И. (ред.). *Российская империя в сравнительной перспективе*. М.: Новое изд-во, 2004; Миллер А.И. *Наследие империй и будущее России*. М.: НАО, 2008. С. 28.

ференции «положительного (позитивного) действия». Образование СССР Т. Мартин считает исторической премьерой: ни одна страна не сравнилась с советскими начинаниями по масштабности¹¹⁰. Новая формула понравилась, охотно использовалась отечественными историками, нисколько не усматривавших в ней неокOLONиальный смысл. Но еще Н. Бердяев предостерегал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать»¹¹¹.

Однако за скобками изучения проблем образования СССР остается нескончаемое поле неисследованных мотивов. Например, изучение объединительных процессов как существенной базы образования страны не включает до сих пор изучение мотивов освоения русского языка, например, польским инженером или предпринимателем; чиновником или советским служащим из поляков же, прибалтийского немца и эстонца; еврея, стремящихся получить образование и/или добиться финансового или карьерного успеха. Национальные историографии не слишком интересуются этой темой, во многом оставаясь сосредоточенными на теме оппозиции как имперской, так и советской власти.

А.И. Миллер первым вывел мотивы освоения русского языка из идеологического плена и поднял вопрос о том, что они исследованы лишь как прагматически позитивные мотивы развития рынка языков для освоения социальных и иных лифтов людьми из простонародья, усиленные географической мобильностью, формами экономической активности нерусских крестьян в имперский период. Они сыграли немалую роль в поддержке рынка языков и в советский период. Внизу социальной пирамиды действовали иные механизмы, чем среди образованных слоев, что сохраняло общее государственное тело страны¹¹². Слабо учтен фактор готовности и имперской, и советской властей и общества такую прагматику принять. Но она была качественно разной в отношении еврея, татарина, чуваша, немца, поляка или украинца.

Историки патриотического направления представили свои интерпретации. С одной стороны, они поддерживали процессы аккультурации и советизации, а с другой – трактовали русскую нацию в этническом ключе, отрицая право вполне ассимилированных «инородцев» претендовать на членство в ней. Классическим примером явилась работа А. Солженицына «Двести лет вместе» о сложном опыте русско-еврейского исторического взаимодействия¹¹³. Серией

¹¹⁰ Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

¹¹¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 88–89.

¹¹² Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 34 (1). С. 84–96; Тишков В.А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. Т. 5. № 2 (8); Тесля А. Учение о народности. Пробуждение русского национализма в XIX век // Русский журнал. 2012. 13 февраля.

¹¹³ Вдовин А.И. Российский федерализм и «русский вопрос» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2000. № 5; Барсенков А.С., Вдовин А.И., Воронкова С.В. История России XX – начала XXI века / под ред. А.В. Милова. М.: Эксмо, 2006; Вдовин А.И. Новейшая история России (взгляд с позиции национально-государственного патриотизма) // Проблемы методологии отечественной истории и культурологии: материалы конференции. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та леса, 2009; Вдовин А.И. Русский взгляд на новейшую отечественную историю. Об изучении и преподавании с позиций национально-государственного патриотизма (редакция от 02.09.2009) // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=16376> и др.

статей на основе архивного материала выступили Г.В. Костырченко и О.В. Будницкий¹¹⁴. Это усложнило «патриотические» стратегии изучения межнациональных проблем¹¹⁵.

Евразийство (им увлекались в период активного формирования СССР многие в советских структурах власти) приобрело известную популярность в Казахстане, чему способствовало увлечение президента Н. Назарбаева последователем евразийцев 1920-х годов Л.Н. Гумилевым. Волею судьбы талант Гумилева ушел в теоретическую схоластику, в «биологизаторский» или «биолого-энергетический» подход к этнической истории, а не в эмпирическую историографию. Но сами концепты роли степи и неславянских народов в истории России, как вариант неоевразийства, оказались востребованными. Это проявилось в книге Н. Назарбаева «В потоке истории». Основной смысл ее сводился к доказательству исторической обусловленности национального государства казахов «последнего номадического материка в центре Евразии» на территории современного Казахстана. Назарбаев, подчеркнув: «Тоталитарная государственность завела в тупик внешнеполитический компас крупнейшего европейского государства», выделил «три ветви ... три кольца становления тюркской духовности в Казахстане, оставивших след в культурно-исторических архетипах современных тюркских народов, в том числе и казахского». Что касается «тюркизма-огулизма ... опирающегося на мощную генеалогическую историю, на степную историологию», то апелляция к национальным духовным основам сама по себе обоснована¹¹⁶. Однако она должна дистанцироваться от мифотворчества; опираться на достоверные и научно доказанные факты¹¹⁷. Из фундированных архивными источниками исследований назовем работы Д.А. Аманжоловой, посвященные влиянию казахских элит, их партии Алаш на вхождение в советское политическое пространство, Е.Б. Сыдыкова и М.П. Малышевой об аналогичных проблемах в Сибири, Казахстане¹¹⁸.

Таким образом, на пространстве СНГ историография образования СССР разделилась на несколько лагерей по историческим, патриотическим, политическим, религиозным, национальным, языковым, культурным, промышленно-экономическим точкам соприкосновения. Мощную поддержку дискурсу в

¹¹⁴ Костырченко Г.В. Русско-еврейский вопрос в советскую эпоху // Новый век. 2002. № 2; Костырченко Г.В. Из-под глыбы века. О второй части книги Александра Солженицына «Двести лет вместе» // Родина. 2003. № 7; Костырченко Г.В. Сталин и национальный вопрос в СССР // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX / века. Материалы «круглого стола» 4 марта 2003 г. М.: ИРИ РАН, 2005; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005.

¹¹⁵ Юсова Н.Н. Первое совещание по вопросам этногенеза и создание специальной комиссии по проблематике происхождения народов в контексте актуализации этногенетических исследований в СССР (конец 1930–х гг.) // Проблемы славяноведения. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2007. Вып. 9. С. 95–113.

¹¹⁶ Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. С. 252, 276.

¹¹⁷ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007; Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы, 1998; Данияров К. О новой истории Казахстана. Алматы, 2004; Кадисова Р.Ж. Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.). Историография проблемы. Алматы: Гылым, 2004; Досымбаева А. Тюркология. Историко-археологический аспект. Алматы: Service Press, 2014.

¹¹⁸ Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2013; Сыдыков Е.Б., Малышева М.П. Сибирь и Казахстан (Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей, 2010.

конце XX века придали работы выдающегося социолога П. Сорокина, коми по происхождению, высланного из СССР в 1922 г. Эвристическая ценность его публикаций тогда не представлялась высокой. Многоаспектная программа сбора и обобщения данных о социокультурной динамике обществ в мировой истории завершена Сорокиным в американский период творчества, но на базе докторской диссертации, защищенной в 1920 г. в Петрограде¹¹⁹. Его работы вернулись на родину лишь в 1990–2000-е годы¹²⁰ и нашли своих читателей среди антропологов, активно обратившихся к исследованиям национального характера. Сами по себе исследования диктовались текущей политикой: необходимостью изучения бывших союзников, ставших противниками, и бывших противников, ставших союзниками. Эпистемологически подобная редукция требовала считаться с иерархией разнопорядковых явлений и признаков, обнаруживающих свою прогрессирующую или регрессирующую динамику. Назовем труды А. Тойнби с масштабными объяснениями и моделями огромного материала по истории незападных обществ¹²¹.

Ведущая тенденция развивалась в перспективном направлении, но общая картина усложнялась. Историки поднимали важные для объективной оценки образования СССР, например, армяно-азербайджанские отношения 1918–1920 годов, что, по понятным причинам, было практически невозможно в советских условиях. Они уточнили важные акценты в позициях Сталина, Ленина, Чичерина, Кемаля о размежевании этнических территорий, взорвав общественно-политическую ситуацию уже в конце 1980 – начале 1990-х годов не только в кавказском регионе¹²². Наследие национально-государственного строительства в современном грузинском национализме и его роль в политической нестабильности и политическом радикализме Грузии описал М. Кирчанов¹²³. Добываются ценные выводы о том, что мусульманские, славянские, балтийские этносы России, побывав на окраинах двух, даже трех империй, делали выбор в пользу преодоления отдаленности, провинциальности, опыта более развитых культур не на базе партийных указаний и пропагандистских лозунгов. Анализировались чужие стратегии, сопоставлялись практики, оценивались внутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Сюжеты этнической истории, исторические мифы использовались для обоснования места в общем цивилизационном потоке. Историки описывали, как этносы

¹¹⁹ Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. Пг.: Колос, 1920; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Пер. с англ. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

¹²⁰ Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992; Сорокин П.А. Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005; Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003 и др.

¹²¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: СПб., 1996.

¹²² См. об этом: Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и материалы. Т. 1–3. М.: Гардарики. 2002–2003; Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921). М.: Модест Колеров, 2019; Илларионов В.П., Галустьян О.А. Россия и Армения: размышления о прошлом, настоящем и будущем. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Баберовский И. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010; Гаджиев А.Н., Белов В.К. Определение государственно-территориального статуса Нахичевани на завершающем этапе Гражданской войны в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 13–22 и др.

¹²³ Кирчанов М. Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности между традициями политической нации и вызовами радикализации // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4.

уточняли поведенческие модели границ и норм, ища путь развития в обществе модерна. Результаты, добытые в рамках новой имперской истории, утабили сложность проблемы, но альтернативной «теории консенсуса» в роли человеческих отношений и поступков в истории СССР не создали.

В концепции «русского мира», которая мыслилась как поликультурная, цивилизационная, доминирует этноцентричность¹²⁴. В таком подходе форма нового государства по-прежнему нуждается в объяснении рамочных условий. Те, что имелись, отбросили тень на реальную автономию субъектов, на игру с разделением полномочий, не давая возможности судить о федерации и ее реалиях. По-прежнему федерализм как политический принцип и политическая практика, их исторические корни в федеральной телеологии, сложные и противоречивые этапы, заслуживают пристального изучения. Ведь СССР начинался как федерация современного, но довольно рыхлого объединения субъектов, что постоянно держало проблему целостности страны под напряжением.

Новые подходы и новые уточнения, добытые региональными и национальными историографиями с использованием данных этнологов, социологов, лингвистов, психологов, потребовали новой оценки роли Ленина и Сталина, хотя те и отходили, казалось, на второй план внимания постсоветской историографии¹²⁵. Из текстов речей «вождей», звучавших на партийных ареопагах, большей ценности историку уже не извлечь, как и из известного конфликта Ленина со Сталиным 1922 года – новых красок, но нюансы и краски драматичного полотно дополняют данные о позициях «республиканских» вождей. Заметим, особый всплеск внимания к издаваемым работам о Сталине, мало интересных с научной стороны, указывает на существенные пробелы в исследовании этнополитической воли русского этноса, его государственного статуса, согласовании с национальными историографиями¹²⁶.

Новые факты о лидерах национальных движений, национальных образований, структур, ими возглавляемых, оценка размышлений, вклада, ранее относимых ко второму ряду событий, потребовали большей увязки с целесообразностью формы создаваемого государства¹²⁷. Тем более взгляды самого Ленина носили динамичный характер. У него разногласия возникали не

¹²⁴ Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. 14 февраля; Алейникова С.М. Русский мир: белорусский взгляд. Мн.: РИВШ, 2017; Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. М.: Фонд «Единство во имя России», 2007. № 7.

¹²⁵ Жукот Ю.Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы. От Российской империи к СССР. М., 2011; Арутюнов А.А. Ленин. Личностная и политическая биография. Документы, факты, свидетельства. В 2 т. М.: Вече, 2003.

¹²⁶ Тоған З.В. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа: Китап, 1994. Кн. 1; Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сб. документов / Сост. предисл. прим. Г.Г. Мамаева. М.: Социально-политическая мысль, 2012; Джавахишвили Н. Борьба за свободу Кавказа (Из истории военно-политического сотрудничества грузин и северокавказцев в первой половине XX века). Тбилиси, 2005; Мамаева Г. Из истории кавказско-украинского сотрудничества в рамках движения «Прометей» (1918–1939) // Nowy Prometeusz, Dom Kaukaski w Polsce, Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2011. № 1; Еришов В.Ф. Северокавказское зарубежье 1920–1930-х гг. в Турции, Западной Европе и США: эволюция и социально-культурная специфика и др. // Архивы и общество. 2012. № 22.

¹²⁷ Волковинский В.М., Кульчицкий С.В. Христиан Раковский. Политичний портрет. Київ, 1990; Ланда Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999; Исхаков С.М. А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история / 1997. № 6; Борисенко Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. 1998; Габиев С.И. Избранные труды. Махачкала, 2001.

только со Сталиным, который, как считалось, долго скрывал свою позицию, но и с ближайшими соратниками. Не было у Ленина устойчивой позиции. Политические события всегда ее корректировали. Как только менялись исторические условия, под сенью декларируемых идей федерализма укреплялось централизованное государство, соответствовавшее ленинской стратегии увязать классовые и национальные интересы в советском проекте¹²⁸. С 1985 г. появились условия для объективной оценки лидеров РКП(б), в 1920-е годы противников Сталина. Роль Каменева и особенно Троцкого в образовании СССР стала освещаться сквозь призму властных отношений в СССР, федерализма, не получившего согласованной позиции во властном сообществе¹²⁹. Анализ партийных дискуссий на съездах пополняется ранее закрытыми архивными данными, уточняющими содержание борьбы за права и юрисдикцию субъектов союза, суверенизацию РСФСР и других республик СССР.

В новом ракурсе предстала история образования ЗСФСР, столкновение Г.К. Орджоникидзе с группой Ф.И. Махарадзе, известный «грузинский инцидент» и отношение к нему Ленина¹³⁰. Изменилась оценка лидеров республик, в первую очередь, Украины, Белоруссии и др., в частности, Х.Г. Раковского, М. Султангаиева, Т. Рыскулова и др. С них сняли клеймо сепаратистов и национал-уклонистов. Их взгляды стали рассматриваться как протест против административно-бюрократических методов строительства СССР. Письма, телеграммы, разговоры «по прямому проводу» восстанавливают динамику и наполняют важным смыслом цепочку событий в общих чертах описанных, но не проанализированных в деталях¹³¹. Уточняется отношение к форме устройства СССР и Сталина, особенно в период, когда Ленин уже не мог влиять на действия не только главы Наркомнаца, но и генерального секретаря ЦК. Но как бы ни «теоретизировал» по национальному вопросу «чудесный грузин»,

¹²⁸ Мельниченко В. Христиан Раковский. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Киев, 1992; Ергин Ю.В. Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения Малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6; № 8; Ергин Ю.В. Айдаров Галим Ахметович – нарком просвещения Малой Башкирии в 1919–1921 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 2 (9); Шарипов Ф. Башкирский самородок. К 115-летию со дня рождения видного государственного и политического деятеля М.Д. Халикова // Ватандаш. 2008. № 10; Абибуллаева Д. Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР // Голос Крыма. 2016. 11 ноября. № 45.

¹²⁹ Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989; Ненароков А.П. Председатель по делам национальностей И.В. Джугашвили (Сталин) / Первое советское правительство, октябрь 1917 – июль 1918. М.: Политиздат, 1991.

¹³⁰ Муханов В.М. Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе // Международная аналитика. 2017. № 1 (19). С. 89–98; Муханов В.М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) // Кавказский сборник. Т. 8 (40). Москва, 2014. С. 171–228; Квашонкин А.В. Технология «красных революций» в Закавказье в начале XX в. // Политика и общество, 2016. № 4; Чеботарева В.Г. Грузия 1920-х годов: фатальная обреченность национального суверенитета // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание... Проблемы истории российско-грузинских отношений XIX–XXI вв. М., 2011; Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7; Нариманидзе Э.Ш. Национально-освободительное движение в Восточной Грузии в 1921–1924 гг. Тбилиси, 1999; Халим А. Убить империю. Казань, 1997; Амбарцумян К.Р. Особенности взаимоотношений Союза объединенных горцев и Грузинской демократической республики (1918–1919 гг.) // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 104–113. Smith Jeremy. The Georgian affair of 1922–Policy failure, personality clash or power struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. May (Vol. 50. P. 519–544); Suny R.G. The Making of the Georgian Nation (Studies of Nationalities). Indiana University Press, 1994; Амбарцумян К.Р. «Грузия нужна нам как временный буфер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920–1921 годы) // Новый исторический вестник: научное издание. 2019. № 1 (59). С. 88–105.

¹³¹ Чернявский Г.И. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрполиграф, 2014; Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды. Казань: «Гасыр»; 1998; Аманжолова Д.А., Рыскулов В.В. Председатель западного отделения Алаш-Орды Д. Досмухамедов и судьбы казахской интеллигенции в период сталинских репрессий. www.kutguz.ru [02.04.2004]; Джелал-Эд-Дин Коркмасов. Выдающийся государственный и общественный деятель России и Дагестана. Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения. М., 2009 и др.

его идеалом было мощное государство с концентрацией власти в Москве. Это вовсе не противоречило идеологии демократического централизма, изобретенного для РСДРП Лениным¹³². Здесь уместно указать, что у основных исторических деятелей (Ленина и Сталина) вокруг которых скрещиваются мечи, нет научной биографии, хотя для Ленина организована источниковая база в т. н. полном собрании сочинений (5-м), есть и более удачная его биохроника, у Сталина же не опубликованы многие сочинения.

К выделению «своей» специфики приступили современные антропологи, обращаясь к источникам 1920-х или о 1920-х годах. Казахский исследователь А. Бисенова, используя литературные памятники, привлекла внимание к значению «старого» культурного капитала, сохранявшегося в лакунах памяти. Циркулируя в «узких кругах», он ждет момента, когда «сможет опять стать значимым» в академических практиках, упрощавших процессы обретения опыта государственного бытования в этническом самосознании¹³³. С образованием СССР, преодолевая местный изоляционизм и придавая дополнительный импульс модернизации, процесс вел как к разрыву с традицией воспроизводства этого капитала, его вытеснению, но и к повторной провинциализации и новым формам национализирующих практик. К.А. Богданов в социальной антропологии углубил представления о «национальном характере» вообще, психологической склонности тех или иных этносов к «рабству» и «свободе», моральной демагогии¹³⁴. Авторы выявляют историческую инерцию: систематическое давление утопической практики, чрезмерной доверчивости к революции как способу решения государственных проблем¹³⁵. Право трактовки, интерпретации их поддерживает приемы изучения компрадорства, этнополитической мимикрии. Идет вытеснение некогда конвенциональных нарративов новыми, в чем-то «революционными», соотнесение процессов социокультурной модернизации с цивилизационной спецификой России¹³⁶.

Драматические последствия распада СССР в 1991 г., крушение надежд на амортизирующую роль Содружества Независимых Государств рождают новый спектр дискуссионных вопросов¹³⁷. Рубеж тысячелетий стал временем

¹³² Аманжолова Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг.: М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019.

¹³³ Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab Imperio*. 2016. № 4; Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019.

¹³⁴ Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: [сб. ст.] / [под ред. К.А. Богданова, Р. Николози и Ю. Мурашова]. М.: НАО, 2013; Богданов К.А. Атавизмы свободы, рефлекс рабства и «русский национальный характер»: история одной истории одной этнопсихологической гипотезы. НАО. 2016. Т. 1. № 5 (141).

¹³⁵ Ахизер А.С., Колова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994.

¹³⁶ Черноус В.В. К вопросу о горской цивилизации // *Россия в XIX – нач. XX века*. Ростов н/Д., 1992; Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // *Полис*. 1994. № 6; Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация // *Научная мысль Кавказа*. 1995. № 1; Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука – Вост. лит., 2019 и др.

¹³⁷ Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) / Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014; Ахмедова Ф. Национальный вопрос и конфликты в большевистской элите в первые годы советизации Азербайджана / Там же; Михутина И.В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М.: Европа, 2007.

пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий¹³⁸. Можно считать неким феноменом количественные параметры литературы и разнообразие научных тем. Современная наука существенно обогащает изучение советского проекта, созданного большевиками с применением собственной технологии и сложнейшего комплекса этнических ресурсов. «Традиционное» и «модерное», «крестьянско-общинное» и «буржуазное» противостояли в нем и стадиально, и «регионально», в качестве и территориальных, и интеллектуальных позиций в глобальном геополитическом конфликте. «Советской цивилизации», построенной большевиками, удалось придать «традиционному» политико-географическую определенность и сделать его равноправной альтернативой западной *modernity*.

Одновременно заметим: исследования остаются слепком бурных политических процессов на постсоветском пространстве, в определенной степени следуя за ними, хотя и «проживая» самостоятельную жизнь. Она избавляется от советского наследия радикально и порой экзотически¹³⁹. Таким образом, современная наука выявила комплекс весомых объективных причин – предпосылок образования СССР. Они, конечно, подразделялись на историко-идеологические, политические, экономические и культурные¹⁴⁰. Захват власти большевиками и последовавший монополизм контроля над их анализом придали им разный вес, перемешали друг с другом во имя мифической истории. Понадобились интеллектуальные усилия, чтобы отделить их от мифа, созданного советской историографией, выдвинувшей на первый план «гениальные идеи» В. Ленина и И. Сталина (за их доминирующую роль в образовании СССР в общественном сознании до сих пор идет борьба).

¹³⁸ Солдатенко В. Новіші видання і дослідження з історії української революції 1917–1920 рр. // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ століття. Національна Академія наук України. Інститут історії України. Збірник наукових праць, присвячений пам'яті академіка НАН України Юрія Кондуфора. Т. 1. Київ, 2004; Солдатенко В.Ф. Українська революція. Концепція та історіографія. Київ, 1997; Українська революція і державність (1917–1920 рр.). Науково-бібліографічне видання. Київ, 2001; Солдатенко В.Ф. Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. Київ, 2011; Музыченко П. История государства и права Украины. Киев, 2001 и др.

¹³⁹ См., например, Сахаров В.А. На распутье. Секретные миссии. М.: «Аква-Терм», 2012.

¹⁴⁰ Вдовин А.И. Особенности этнополитических отношений и формирование новой государственности в России: исторические и концептуальные аспекты. М., 1993 и др.

Глава 2

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА, ЕГО ФОРМУЛА, СТРАТЕГИЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ТАКТИКИ

§ 1. Советский федерализм в оптике Гражданской войны

В сентябре 1917 г. на Всероссийском Демократическом совещании представитель мусульман У. Токумбетов, указав на «смертельно опасный момент», настаивал на выработке «государственно-полезной» идеи: «так называемые инородцы всегда стояли на страже как нашей общей родины, так и на страже дорогой нам свободы, но нас ... не хотели знать ... И, конечно, не нам вернуться, не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок»¹.

В.И. Ленин видел пользу права наций на самоопределение в эффективной, но по значимости второстепенной, силе разрушения империи. Участники же гражданского противостояния с антисоветской стороны смотрели на нее, стоящие за ней движения, тем более требования переустроить Россию, с нескрываемым раздражением. Этнические сообщества находились в турбулентных отношениях с властями, пестрыми, но духовно напряженными.

Заветной целью этнических элит была ликвидация имперского порядка и встраивание своих активистов в управленческие структуры власти разного уровня на принципах федерализма. За это они и боролись. Они видели собственную роль в Гражданской войне в переустройстве государства.

Большевики также не желали восстановления империи. В их квазирелигиозной интернационалистической идеологии государство представлялось чем-то принципиально новым, в конечном счете, должным охватить все человечество. Воззрения этнических идеологов были конкретнее и утилитарнее.

В исторической аналитике ситуация рассматривается как национально-государственное строительство в Советской России в период Гражданской войны, подается как с точки зрения национализма или интернационализма, так и либерализма или традиционализма, государственничества или анархии. Любая из них внутренне непротиворечива, хотя в каждой присутствует умолчание каких-то сторон прошлого. Размышления о децентрализации и регионализации власти, обра-

¹ «Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной»: Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. Сентябрь 1917 г. / публ. Т.Ю. Красовицкой и А.П. Ненарокова // www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah.

зовании этнополитических блоков, регулирующих их деятельность механизмов власти, опасение или поддержка разных систем управления с изменчивой геометрией обязательств, ответственности, союзов и субординации переполняют нарративы, но чаще воспринимаются с отрицательной коннотацией. В лучшем случае на передний план выходит формирование диалоговой позиции о предпочтении федеративной формы как основы будущего государственного устройства². Охотно поддерживается диалог этнических структур с властными структурами обеих сторон – большевистской и антибольшевистской.

Однако вне внимания исследователей остается анализ по горизонтали совокупности действий тех, кто присматривался к идеям и практикам российского федерализма. В первую очередь, учреждений, созданных этническими элитами на отделившихся территориях, в силу разных обстоятельств, действовавших в контакте или в контексте с советскими или антисоветскими силами. Этнические элиты, прежде чем перейти на советскую сторону, излагали свои проекты государственного переустройства не только в белом стане, но и Ю. Пилсудскому, К. Маннергейму, М. Кемалю, представителям Германии и стран Антанты. Совокупность таких союзов и договоренностей и их последующий распад заставляет взглянуть на роль российского федерализма в Гражданской войне по-новому, увидеть сложный путь к нему, пройденный всеми участниками процесса. В результате складывается масштабное полотно, воссоздающее историю перипетий, протекавших в пространстве власти. Право первенства в реализации государственных практик, ранее относимых советской историографией к опыту большевиков, надлежит вернуть тем, кому оно по праву принадлежит.

В трансформации России в советское федеративное государство, разумеется, участвовали большевистские вожди. Однако роль одних (например, Ленина) достаточно изучена, роль других и структур, ими руководимых, ограничивалась абстрактно-логическими размышлениями по проблеме. Из критических текстов, звучавших на партийных ареопагах, новой пользы историку не извлечь, как и из известного конфликта Ленина со Сталиным 1922 года – новых красок.

Этот аспект Гражданской войны разработан в исторической науке слабо, точнее, не разработан совсем, хотя инструментальный аспект рождения федерализма в России не мог не вывести на нее исследователей причин Гражданской войны. Мало кто будет отрицать, какими символическими вехами в ней стали разгон Учредительного собрания и Брестский мир. Останется ли Россия имперским централизованным государством (т. е. восстановится ли в ней закон и порядок?) или станет принципиально новым советским государством диктатуры пролетариата – эти вопросы решались в кровавых столкновениях. К противостоящим сторонам добавлялись силы этнических обществ, в большинстве стоящих за федеративную республику. Лишь немногие колебались, занимая нейтральное положение.

² Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф. 2015.

Историки не связывают содержание, которое вложил В. Ленин в название непростой для природы любого (российского, тем более) государственного организма должности И. Сталина, равно как и с отзвуком его, бередившего память смертельно больного: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик»³.

Наркомнац, им предстояло руководить Сталину, поначалу задуман как специальная комиссия, не комиссариат. Это заметил еще Е.Н. Городецкий, вслед за ним Р. Такер⁴, А.П. Ненароков⁵. Ленин поместил ее в список должностей Совнаркома *предпоследней*. «Председательской» формулировкой главы он возвысил степень важности ее в гражданском противостоянии. Но слишком быстро от Ленинского замысла, даже от названия должности ничего не осталось. Потому исследователи и проходят мимо вопроса: к чему такое название? Понятно, тому мешает или сугубо негативная, или противостоящая ей положительная оценка Сталина. Одним из основных аргументов Ленина для формулировки Сталинской должности могло быть понимание: политика в государстве должна подчиняться определенным императивам, призванным поддерживать не только порядок *многоэтничных пространств*. Их границы следует обсудить с представителями этих *пространств*, затем организовать в территориально-инструментальные блоки под своим управлением и политическим контролем. Здесь-то и свяжем «диалектику» Ленинских замыслов с его формулировкой должности Сталина в декрете о составе правительства.

Появление Наркомнаца в структуре государственной власти свидетельствует: советская власть, как и Временное правительство, не знает, как построить архитектуру и нужные механизмы управления многоэтническим социумом. Инструментального опыта расшифровки этнического аспекта федерализма и «наполнения» механизмами и структурами управления не имел никто в кругах как близких, так и далеких большевистским. Требовались специальные знания для «распутывания» гордиева узла мифологизированных как до 1917 года, так и в феврале–октябре 1917 года проблем, отделения их от проблем реальных. Нюансы Ленинских смыслов для установления генезиса федерализма в формирующейся системе власти России весьма существенны.

Но как пропустил такую формулировку честолюбивый Л. Троцкий, настаивавший: декрет о составе СНК составляли они с Лениным вдвоем? Троцкий уколол Сталина, заодно и Ленина. «2 ноября опубликована за подписью Ленина и Сталина “Декларация прав народов России”, объявляющая, что национальную политику советской власти будут направлять четыре принципа: 1) равенство всех народов России; 2) право на отделение и образование самостоятельного госу-

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

⁴ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства (1917–1918 гг.). М., 1964. С. 158; Такер Р. Сталин. Путь к власти. С. 24.

⁵ Ненароков А.П. Председатель по делам национальностей И.В. Джугашвили (Сталин) / Первое советское правительство, октябрь 1917 – июль 1918 / М.: Политиздат, 1991. С. 239–270.

дарства; 3) отмена всех национальных ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств в составе каждого из народов». «Текст самого документа, несущего на себе ... черты тяжеловесности, – пишет Троцкий далее, – был, видимо, очищен рукою Ленина. На тексте этого исторического документа есть поправки, внесенные Бухариным и Сталиным»⁶. Что здесь раздражает Троцкого много лет спустя? Троцкий цитирует Декларацию прав народов России (на ней подпись Сталина стоит *впереди подписи Ленина*, видимо, это и раздражает), но использует неточный комментарий к проекту другой, более важной для нас «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она написана Лениным и именно в ней появилась Ленинская формула нового государства: «свободного союза свободных наций *как федерации Советских национальных республик*». Право наций на самоопределение Ленин, единственный автор формулы *советского федерализма*, подчинил *классовому подходу*⁷.

Выработке формулы не предшествовали процедуры переговоров, нет хотя бы наброска полагавшегося федеративного договора. Но воздадим должное Ленинскому политологическому искусству: Троцкий, автор ценных и точных оценок, понимает, для чего требовалась идеальная формула должности!

До Декларации прав народов России 2 ноября 1917 г. ни один большевистский декрет не отражал многоэтничность пространств и интересов населяющего их населения. Большевики, западный «продукт» политических практик, не любили юристов. Увлекаясь «стратегическими» рассуждениями, в официальной риторике они легко превращали Россию в абсолютную противоположность социальным и политическим нормам других государств. Но республику (объявил А. Керенский) предстояло превратить из умозрительного конструкта в реальное государство. Мысль большевиков искала то, что позволяло объективировать новую реальность. Не стало исключением и федеративное устройство. Оно выгодно компенсировало дефицит идентичности, возникший при Временном правительстве. Сложная «нормативность» кадетской политико-юридической рациональности демонтировалась. Проблематика этнополитических решений переносилась в регистр конфликта и раздела сфер влияний и правомочий, но как иронизировал М. Горький, «Ленин был в словах, как рыба в чешуе»⁸. Отношение Ленина к федерализму обостряла необходимость заключить мир с Германией: переговоры начались и шли параллельно подготовке к открытию Учредительного собрания.

Пока же в чреве рождающегося государства создан механизм (!) для встречи загадочных субъектов, имя одному – Сталин, другим – этнические элиты, этим двум сущностям понять друг друга будет очень сложно. Последние в подавляю-

⁶ Троцкий Л. Сталин. См. в издании: Всероссийское учредительное собрание. Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Под редакцией М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева. ГИЗ. 1930.

⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., Госполитиздат. 1957. С. 315–317; Троцкий пользуется изданием: Всероссийское учредительное собрание. Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Под редакцией М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева. ГИЗ. 1930.

⁸ Горький М. Владимир Ленин. Собр. соч. в 30 т.

щем большинстве, как указано выше, стояли за переустройство России на основах федерализма⁹ и направлялись с этой целью на заседание Учредительного собрания.

Сталин – один из наркомов в советском правительстве, видел свою роль в «вертикальной» схеме действий центральных наркоматов, *индифферентных национальной специфике*. В их структурах не имелось никаких отделов, нацеленных на решение национальных проблем. Сталин же – центр притяжения национальных элит, понимает задачи как разрешение прав и компетенции центра и национальных территорий.

Первая задача, которую Сталину предстоит решить: использовать приезд в Петроград членов Учредительного собрания. Большевиков среди них было 24,5%. У приехавших эсеров (в их программе федерализм занимал важное место) было 51,7%, левых эсеров – 5,6%, кадетов – 2,4%, меньшевиков – 2,1%. Казахский депутат А. Байтурсынов писал: *«То, что вторая революция показала казахам непонятной, объясняется просто: у казахов нет капитализма и классовой дифференциации, даже собственность у них не так разграничена, как у других народов»*. Классовая доктрина большевиков не вызывала симпатий. 86 членов Учредительного собрания были от национальных партий и групп. Заявка на реализацию классовой доктрины серьезно отражалась на центробежных движениях окраин: о суверенитете объявили Финляндия и Украина, об автономии Эстония, Крым, Бессарабия, казачьи области, Закавказье, Сибирь... Различные партийные структуры Мусават, Алаш, башкирских федералистов, украинских эсеров, Дашнакцутюн, польских, литовских, латышских, эстонских социал-демократов и др. в 1917 году накопили опыт решения этнических проблем в разнообразных управленческих структурах.

Но депутаты считали Декларацию прав народов России, Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока хорошей правовой базой самоопределения народов, входивших в Российскую империю, хотя и огромной дерзостью большевиков. А.М. Топчибашев, лидер Мусавата, просто называл их блефом¹⁰. В.К. Винниченко писал: «В том, что подавляющее большинство большевиков не ведают, “что творят”, – в этом никаких сомнений уже быть не может»¹¹. Депутат из Армении А. Оганджян 24 ноября призвал «сопротивляться крепнущему большевистскому движению»¹².

Этническим активистам предстояло, решая судьбу миллионов людей и огромных территорий бывшей Российской империи, отстоять в Петрограде их интересы. Ценой компромисса было федеративное устройство России.

7 ноября в Киеве Малая рада в чрезвычайном порядке приняла III Универсал:

⁹ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М.: Новый хронограф. 2015.

¹⁰ Гасанлы Дж.Али Мардан-бек Топчибашев. Жизнь за идею / ред.: Х. Пашаев, пер.: Х. Рзаев, Дж. П. Гасанлы. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014.

¹¹ Винниченко В.К. Из «Дневника» // Новое время. 1992. № 24. Публ. И. Задорожнюка.

¹² Киракосян Д. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1980.

«... во имя спасения всей России оновещаем: отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся *республика Российская стала федерацией равных и свободных народов*»¹³.

«Мы, – утверждал башкирский лидер А.-З. Валидов, – были единодушны в том, что на *Совещании надо бороться за федерацию и на этой почве объединиться с украинцами и белорусами*»¹⁴. Возникла Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР).

Как сообщил в начале декабря 1917 г. депутат Ю. Бруцкус, Украинская центральная рада (УЦР) вступила в переговоры с «правительствами Дона, Петрограда, Бессарабии, Белоруссии, Крыма, Сибири» о создании *общероссийской федеративной власти*¹⁵.

Украинские депутаты получили установку Киева: при открытии Учредительного собрания заявить: они должны ограничиться поддержкой принципиальных основ государственного устройства России как федеративной республики и покинуть собрание. Остальные вопросы будет решать *Украинское учредительное собрание*: выборы намечались на 27 декабря¹⁶. 1 декабря 1917 г. в Киеве I Всеукраинский съезд советов рабочих и солдатских депутатов поддержал УЦР. Эти меры предпринимались в ответ на «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Центральной раде», изданный 4 декабря 1917 г. от имени СНК как *центрального правительства*.

Усиливая позиции центра, в Харькове группа большевиков объявила себя I съездом советов Украины. 12 декабря 1917 г. она провозгласила Украину республикой, но *частью федеративной Советской России*.

IV Универсалом 9 января 1918 года УЦР, ссылаясь на переговоры в Брест-Литовске, заявила о *временной самостоятельности УНР*¹⁷.

Октябрьские события 1917 г. в Петрограде ускорили оформление Латышского временного национального совета, представляющего интересы латышского народа. Отношения автономной Латвии с другими государствами и Конституция будут выработаны Учредительным собранием и *илебисцитом*¹⁸.

За два дня до открытия Учредительного собрания ВЦИК *провозгласил Рос-*

¹³ Вісник Генерального секретаріату Української Народної Республіки. 1917. 23 листопада. № 2; Мироненко А.М. Третий Универсал Украинской Центральной Рады // Юридическая энциклопедия: В 6 т. / М.: «Укр. Енцикла.», 1998.

¹⁴ *Заки Валиди Тоған. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-торков за национальное бытие и сохранение культуры*. Книга I. Уфа, Китап. 1994. С. 203.

¹⁵ Рассвет. 1917. № 20–21. 13 декабря.

¹⁶ Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Збірка документів і документальних матеріалів. – К.: Філософська і соціологічна думка, 1992. С. 263.

¹⁷ Атоян О.Н. Брест-Литовский мирный договор как катализатор крестьянского сопротивления // Вісник Луганського державного ун-ту. 2009. № 2. С. 5–14.

¹⁸ Latviesu Pagaidu Nacionālā padome создан 17 ноября. Глава Совета З. Мейеровиц отправился в Европу, чтобы известить западных лидеров об образовании и намерениях нового органа власти. «[Относительно вопроса об] объявлении балтийской аристократией независимости Ливонии и Эстонии, с просьбой о протекции со стороны Германской империи». Телеграмма из Стокгольма 31.01.1918. AMAEF (Archives duminis tèresdes Affaires étrangères) 98 CPCOM. Z. 659/1. Папка «Курляндия. 1 мая 1918 – июль 1919».

сийскую Советскую Республику федерацией советских национальных республик. Последним решением и Учредительного собрания стало **Постановление о государственном устройстве России**: «Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное Собрание постановляет:

*Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные»*¹⁹.

30 декабря 1917 года на переговорах в Брест-Литовске разгорелся спор, в какой именно момент следует считать, что новое государство образовано. Он касался правомочий представителей народов, чья территория (и судьба!) стала предметом переговоров. Могут ли они участвовать в решении собственной судьбы? Секретарь иностранных дел Германской империи Р. Кюльман заявил: «народы, живущие на прежней западной границе Российского государства, уже *выразили в убедительной для нас* (т. е. германской делегации – Т.К.) *форме свое желание быть самостоятельными*». Их участие в переговорах, как представителей новых государств, приемлемо. Если «*российское правительство провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение вплоть до полного отделения, то оно примет к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии об их стремлении к полной государственной независимости и выделении из Российской Федерации*»²¹.

И решения Учредительного собрания, и восприятие их участниками переговоров стали поворотом в поведении делегации большевиков в Брест-Литовске. «Большевики ... обладали дозой самоуверенности и смелости ... *Не сдерживаемые никаким государственным чувством*, они без колебаний заняли собой на несколько недель сцену мировой истории ... *Они отправились в Брест, шумно и крикливо, как победители и учителя всего мира*»²², заметил член Юридического совещания Временного правительства Б. Нольде с иронией.

Содержание разговора Ленина с Троцким свидетельствует об изменении, по крайней мере, состава делегации: «Мне бы хотелось *посоветоваться сначала со Сталиным*, прежде чем ответить на Ваш вопрос...». «Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ» и в итоге: «*Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Ленин. Сталин*»²³. О чем свидетельствовали изменения? Помимо других (военных аспектов, их мы не касаемся!), Ленин отходит от приоритета классовой риторики, развиваемой Троцким и раздражающей деловых германцев. Большевики, упразднив легитимное собрание народных избранных, начали гражданскую войну.

¹⁹ Законы и постановления, изданные от имени Учредительного собрания. С. 6.

²⁰ Мирная Конференция в Брест-Литовске 1917–1918 гг. Печатный текст протоколов заседаний конференции в Брест-Литовске с приложениями. М., 1920. С. 91.

²¹ L'Allemagne et les problèmes de la paix. Док. № 118 от 26 декабря по н. ст. 1917 г. Тел. Кюльмана в МИД Германии. См.: Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 2. Большевик. 1917–1923 гг. М.: Центрполиграф. 2012.

²² Нольде Б. Итоги 1917 года. Брестские переговоры и Брестский мир // Вестник Европы. 2001. № 2.

²³ Впервые напечатано: Пролетарская Революция. 1929. № 5.

Вторая задача, стоящая перед Сталиным, окажется связанной с первой: использовать введенных в делегацию на переговоры членов Учредительного собрания, перешедших на советскую сторону, на переговорах в Брест-Литовске.

Задачей Сталина стало усиление делегации *«консультантами по национальным вопросам»*. Так их называет Ю. Фельштинский²⁴. Мало обращают внимание: для чего Ленин срочно и лично начинает формировать структуры Наркомнац, связанные с конкретными территориями, отторгаемыми от России на переговорах в Брест-Литовске?

10 членов Учредительного собрания влились в Наркомнац, в государственный аппарат власти. Их мандаты на переговорах придали бы весомость делегации. В структуре советской власти спешно *создаются должности в первую очередь польского, литовского, армянского и латышского национальных комиссаров*.

В Петрограде предпринимают ряд дополнительных (в этом контексте их можно назвать и лихорадочными) действий. В перерыве в переговорах в Брест-Литовске 18 декабря Ленин вручает П. Свинхувуду декрет о государственной независимости Финляндии. Ленин лично относит текст в редакцию «Известий» для срочного опубликования. На следующий день, 19 декабря, Троцкий на объединенном заседании ЦИК и Петроградского совета выступает за *«действительное самоопределение Польши, Литвы, Курляндии»*²⁵. 23 декабря Ленин ставит на обсуждение проект декрета о Турецкой Армении на заседании СНК. 29 декабря он подписывает декрет. В нем поддержано право армян на свободное самоопределение вплоть до полной независимости²⁶. Декрет отражает реакцию на притязания участника переговоров в Брест-Литовске Турции на территории армян.

В состав делегации СНК на переговоры в Брест-Литовск назначаются те национальные комиссары, этническое происхождение которых связано с территориями, обсуждаемыми в Брест-Литовске. Это – литовский комиссар В. Мицкявичюс-Капсукас, от польского – С. Бобинский, от армянского – В. Терян. В советскую делегацию включен и член Учредительного собрания латыш П. Стучка, Латышский комиссариат будет создан в марте 1918 г. Усилить «вес» национальных комиссаров должен К. Радек, уроженец польских земель в составе Австро-Венгрии²⁷. Национальные комиссары должны придать советской делегации респектабельность государственной делегации и снизить пафос революционности.

Появление в Бресте Ст. Бобинского, В. Мицкевича-Капсукаса, В. Теряна и К.Б. Радека «придержали» до 29 декабря из-за переговоров с делегацией УЦР. На них М.Н. Покровский, выступая экспертом, напомнил «тот знаменательный факт, что переговоры оборвались на вопросе, **непосредственно затрагивающем право на самоопределение именно Русского народа**». С юридической точки зрения «Украинская республика как таковая войны Германии не объ-

²⁴ Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 2. Большевик. 1917–1923 гг. М.: Центрполиграф. 2012.

²⁵ Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва. С. 169–170; Троцкий Л. Историческое подготование Октября. Ч. II. От Октября до Бреста / Троцкий Л. Соч. Т. 3. Ч. 2. М.–Л., 1925.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24221; Декреты. Советской власти. Т. 1. М., 1957, С. 298–299; ГА РФ. Ф. Р–130. Оп. 1. Д. 55. Л 52.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5046, 5047, 25189–25197. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5.

являла, стало быть, и заключать мира не может». Вступив же в переговоры, Украине следовало, считал он, держать с Россией перед немцами единый фронт²⁸.

Представитель делегации УЦР М. Полозов возразил: есть «чрезвычайно существенная разница» между формулой Покровского и украинской – речь идет о двух **равноправных** делегациях, и просил назначить пленарное заседание не прежде, чем будет уточнен этот вопрос с представителями Германии. Покровский выразил удивление, почему не предусмотрено создание самостоятельного Белорусского государства, подданными какого государства окажутся белорусы из западных уездов? Дискуссия, двигаясь в сторону уточнения этнических границ, умножала «пользу» присутствия советских национальных комиссаров на переговорах²⁹.

3 января, в день публикации Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Ленин разговаривает с Троцким о том, что прислать «одного или двух представителей украинского ЦИК было бы очень желательно». «Государственный» статус *советской* Украины предполагалось усилить председателем Всеукраинского ЦИК Е.Г. Медведевым и народным секретарем по военным делам В.М. Шахраем (из Харькова). Шахрай и Медведев готовы *отказаться от должности наркомов Советской Украины*, но именно в Петрограде их убедили: *важен как раз наркомовский статус*³⁰. Сталин, изначально пробуя административные рычаги, зачислил Шахрая в срочно созданный Украинский отдел Наркомнаца. С прибытием их в Брест-Литовск военный консультант (с советской стороны) на переговорах Д.Г. Фокке констатировал: Шахрай и Медведев «безгласные и безответственные пешки в руках Троцкого». «Советские» посланцы от Украины попытались получить право голоса. Но на пленарном заседании Украинской Рады в Киеве Н. Любинский разоблачил игру: «заяви більшовиків про цілковиту волю народів Росії – це лише грубі демагогічні засоби... Тільки зі страху перед розвитком національних революцій виставили більшовики... засаду права на самовизначення. Для того щоб не допустити цієї засади до здійснення, уживають вони не тільки банди наймитів червоної гвардії»³¹. И Кюльман указал: Троцкий не сообщил своевременно о наличии еще одной делегации, претендующей на роль представителей украинского народа³².

Министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин писал 6 января: «Украинцы сильно отличаются от русских делегатов. Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и очень мало – социализмом. Они, в сущности, не интересуются Россией, а исключительно Украиной, и все их старания направлены к тому, чтобы как можно

²⁸ Мирная конференция в Брест-Литовске 1917–1918 гг. Печатный текст протоколов заседаний конференции в Брест-Литовске с приложениями. М., 1920. С. 204.

²⁹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 204. Попытка направить белорусского представителя на переговоры в качестве консультанта украинской делегации была отвергнута.

³⁰ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 21. Д. 20. Л. 228.

³¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920. Т. 1. С. 136; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 455. Л. 191; Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) / Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. 20. Берлин, 1930. С. 203–207; Чернявский Г. Лев Троцкий. Большевик. 1917–1923. М.: Центрполиграф; 2012. С. 10.

скорее эманципировать ее. Но они, по-видимому, не выяснили себе, будет ли независимость полная, то есть, будет ли Украина признана самостоятельным государством, или же она должна быть включена в рамки русского федеративного государства»³³. Дополняет оценку запись в его дневнике от 2 февраля 1918 года: «Я просил украинцев открыто, наконец, высказать свою точку зрения петербуржцам, и успех был даже слишком велик. Грубости, высказанные украинскими представителями петербуржцам сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть отделяет оба правительства...»³⁴.

В Бресте проявилось истинное отношение большевиков к федерализму. О. Чернин запечатлел реакцию Троцкого на острые выступления председателя украинской делегации В.А. Голубовича, особо болезненную, когда дело касалось федеративных отношений Украины и России. Честолюбивый и умный Троцкий терял лицо: «был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление... Он, по-видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его согражданами в присутствии врагов»³⁵. 11 января он записал «Сегодня утром Троцкий сделал тактическую ошибку. Он произнес целую речь ... заявив, что мы играем в фальшивую игру, что стремимся к аннексиям, прикрывая их мантией права народов на самоопределение»³⁶. В этом сюжете и кроется ответ на выше приводимое раздражение Троцкого Сталиным. История с экзотическим для центрального правительства наименованием должности Сталина завершилась. У Троцкого возник конфликт и с В. Теряном, протестующим против передачи армянских территорий Турции. Троцкий обозвал его «армяшкой»³⁷, запретил «национальным консультантам» выступать на пленарных заседаниях, вести беседы с представителями противной стороны, на совместных обедах и пр.³⁸

В феврале председатель Закавказского сейма Н. Чхеидзе и председатель правительства Е. Гегечкори заявили: Закавказье не признает Брест-Литовский договор. Закавказский сейм постановил отделиться от Советской России и создать независимую федеративную Закавказскую республику. Но азербайджанские министры требовали признать его и заключить мирный договор с Турцией, иначе они выйдут из состава Сейма и правительства и объявят о независимости³⁹.

В Петрограде же после разгона Учредительного собрания III Всероссийский съезд Советов принял Ленинскую Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, а по докладу Сталина о национальном вопросе – резолюцию о федеральных учреждениях Российской республики⁴⁰. Сталин на съезде подчеркнул: целый ряд конфликтов между СНК и окраинами «вокруг вопроса о власти ...

³³ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М. – Пг., 1923. С. 230–275.

³⁴ Граф Оттокар Чернин. Переговоры в Брест-Литовске. Ч. III.

³⁵ Брест-Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина). С. 129.

³⁶ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М. – Пг., 1923. С. 254.

³⁷ <http://orsk.teryan.ru/o-vaane-teryane/>

³⁸ http://www.e-reading.club/chapter.php/1017972/8/Felshtinskiy_-_Lev_Trockiy_Bolshevik.1917-1923.html

³⁹ Мелик-Карагезян Г. Делегация Армянского Национального Совета в Германию и в союзные с ней страны в 1918 году. – М.: Русская панорама, 2017. – 160 с.

⁴⁰ Правда. 1918. 17 и 18 января.

По вопросу о *федеральном устройстве Российской Республики*»⁴¹. В Бресте, считал Сталин, подписан «фиктивный договор с мертвецами»⁴². Он и в самом деле лишь оттенял отношение большевиков к федерализму.

Развитие дискуссий в Брест-Литовске касалось и «внутренних» этносов, на территории которых германские войска не находились: «Россия, в соответствии с принципами права на самоопределение народов, объявленного ее нынешним правительством, должна признать это право и за мусульманскими народами империи. При этом имеются в виду Казань, Оренбург, Туркестан, Бухара», – информировал в декабре 1917 года Берлин германский генерал Х. фон Сект из Стамбула⁴³.

Г. Исхаки на заседании Миллет Меджлисе 10 января 1918 года обратил внимание: в настоящий момент «делится наследство России». С. Максуди ему возразил: идет не раздел русского наследия, а создание *федеративной республики, в которой народы должны бороться за защиту своих прав*. С. Максуди пытался заручиться международными гарантиями, используя дискуссии в Бресте. Для этой цели он выезжал в Москву. Депутаты наказали своей Комиссии по вопросам мира: («Солых хэяте») внести «на *международную арену* обеспечение правового статуса решений, принятых Миллет Меджлисе мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири о конституции национальной автономии и Идель-Урал Штата»⁴⁴. Делегация Белорусской народной республики добиралась на переговоры кружным путем, опасаясь ареста со стороны СНК Западной области. Они оказались в Бресте лишь 15 февраля, но переговоры фактически завершились. Немцы встретили их холодно, отметив: она прибыла слишком поздно⁴⁵.

В конце января 1918 года аналитики Генштаба Германии обращали внимание: развал России достиг такого уровня, что линия политического поведения по отношению к ней должна быть основана «не на принципе раздела России и свободного расцвета национальностей, имеющих полный суверенитет, а наоборот, на сохранении целостности территории России, установлении федеративного способа правления (подчеркнуто в документе – Т.К.), позволяя национальностям достаточную автономию для свободного развития в общих рамках российской общности. Эта формулировка совпадает с заявлениями политической необходимости избежать расчленения России, чтобы обеспечить поддержание равновесия в Европе»⁴⁶.

Возьмем суть: в конце 1918 года СНК утратил власть над большинством окраин бывшей Российской империи, что являлось прямым следствием заключения Брест-Литовского мира. Он стал вторым после разгона Учредительного со-

⁴¹ Правда. 1918. 17 и 18 января. №№ 12 и 13.

⁴² ГА РФ. Ф. Р–130. Оп. 2. Д. 585. Л. 5–6. Михутина И. Украинский Брестский Мир...

⁴³ См.: Аветисян Г. К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. В 3-х кн. М.: Весь мир, Кн. 1. 1997. С. 141.

⁴⁴ Тормыш. 1918. 4 января; Хабутдинов А. Ю. Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. – Вологда, 2001.

⁴⁵ БГАМЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 261. Л. 26–27 об.; Тихомиров А. Брестский мир 1918 г. и Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2.

⁴⁶ «К вопросу о линии поведения в России», 25.01.1918. SHAT (Архив Министерства иностранных дел Бельгии (Archives du Ministère Belge des Affaires Étrangères). Серия «Классификация В» (Série «Classement В»). Опись «Россия. 1917». 16 № 3060, Папка «Третье бюро, № 15/17». Документ выявлен Т. Зазерской.

бразия рубиконом, заставив большевиков ввести этнические элиты не только в советское пространство власти, но и в непосредственные ее механизмы. Включение советских национальных комиссаров в состав делегации повлияло на отношение к формированию федеральных структур власти в РСФСР. Формальное присутствие на переговорах уточнило характер Гражданской войны со стороны не только классового, но и национального противостояния. Н. Бердяев подчеркивал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и **ориентализация** марксизма»⁴⁷.

§ 2. Политический кроссворд для большевиков

Для понимания сложного характера и остроты гражданского противостояния важно учесть: и национализм, и интернационализм – две версии западной прогрессистской парадигмы модерна и его неотъемлемых черт. Версии активно обсуждались в кругах не только этнических элит как перспективные представления народов о себе и о других⁴⁸. Для анализа этого «проблемного» поля требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек. Через Сталинский кабинет проходили разнообразные сотрудники, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность.

Если Брестский мир уточнил отношение к федерализму западных этнических элит, то ментальность тюркско-мусульманских элит большевики связывали с ориентализмом. Осмыслению и оформлению их позиций в советское русло призваны способствовать выдающиеся российские ученые-востоковеды. Они стали активной идеологической стороной конфликта Гражданской войны, реализуя и свои претензии на монополию в науке, которые у них были всегда, что заметил В. Алпатов⁴⁹. Ведущие ученые эпохи, по словам В.И. Вернадского, «крупные диктаторы»⁵⁰, хотели стать во главе будущего идеала – «царства» науки, что корреспондировало и с философией большевиков о «царстве будущего». Выход из старого порядка вещей и комплекса убеждений предполагал занятия концептуальной рефлексией и социально-историческим анализом проблем самопонимания общества и взаимопонимания его членов. До октября 1917 г. российское востоковедение было важным интеллектуальным ресурсом мирового уровня имперской власти. Получив мощную прививку немецкой классической ориенталистики, оно признавалось одной из сильнейших мировых научных школ. Среди специалистов востоковеды преобладали абсолютно в том, что им больше

⁴⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 88–89.

⁴⁸ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Academia, 1998.

⁴⁹ Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. С. 64.

⁵⁰ Вернадский В.И. «Царство моих идей впереди...» (Из записей 1931 года) // Природа. 1990. № 6. С. 99.

чем другим приходилось осваивать взаимосвязи стран и народов мира, выявлять нарастание дезинтеграции, связанной с этнической и религиозной феноменологией. Это было плодотворно для понимания некоторых механизмов поздней истории Российской империи, процессов строительства наций в имперском ядре, спорных разграничительных демаркационных вопросов как с этнической, так и геополитической стороны дела.

Но важным было и то, что имея богатый опыт исследования национального дискурса в имперском обществе, востоковеды понимали научные связи и традиции, уже наработанные в Западной Европе, общаясь с ней в прямом и переносном смысле на одном языке и в едином методологическом ключе⁵¹. Востоковед-тюрколог А.Е. Крымский вспоминал: «Когда в Москве ... в первый же день, как только умолкли пушки, собрав заседание профессорского совета Института, склонил своих коллег послать как можно скорее депутацию к представителям Советской власти. Таким образом, из всех вузов Москвы Лазаревский институт был первым, который не замедлил заявить о своей верности советской революции»⁵².

В начале 1918 г. большевики предприняли поиск союзников в среде академической профессуры, в том числе среди московских и петроградских востоковедов. 18 февраля 1918 г. общее собрание Академии наук приняло постановление о готовности сотрудничать с советской властью⁵³.

В основе термина «ориентализм» востоковеды использовали дихотомию географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Двойственное чувство оставлял дискурс, в котором Восток предстал сакральным пространством. Для русской мысли он не был нейтральной темой, вспомним А.С. Хомякова⁵⁴. «Просвещенный космополитизм» и у Н.Я. Данилевского не противостоял имперскому сознанию, являясь его «парадной» стороной. За ней скрывалась обратная, необходимая спекулятивным переполюсовкам, схематизации и иерархизации проектов будущего, сторона⁵⁵. Он утверждал: ислам – «необъяснимая историческая аномалия». Но она своей пространственной локализацией позволяет связать эмпирическое знание с ментальным атласом. Восток брал на себя описание и объяснение различности человеческих обычаев, языков и религий.

Ученые нащупали когнитивные параллели и разработали механизмы их изучения. Ориентализм как «знание второго порядка» активно утверждался в интеллектуальном пространстве восточных этносов России после 1917 года, но был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Ориенталистский дискурс, подходивший к социальной теории и политической практике, в гражданских боях был задействован в публицистике,

⁵¹ См.: Красовицкая Т.Ю. Об одном этапе дискуссии православных миссионеров с исламскими модернистами на рубеже XIX–XX веков / Историк и художник. Сб. воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013.

⁵² Бабышкин О.К. Агафангел Крымский. Киев, 1967, с. 27 (на укр. яз.).

⁵³ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Сб. документов. Л.: Наука, 1968. С. 420.

⁵⁴ Хомяков А.С. «Семирамида» (Исследование истины исторических идей) // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1994.

⁵⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 162.

становясь остро востребованным. В архиве тюрколога В.А. Гордлевского сохранились афиши, свидетельствующие о планах нести «знания в массы». В них говорилось: этнолого-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института «преследует следующие задачи ... с) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института». Другая афиша знакомила с лекционными программами⁵⁶.

Востребовано осмысление требований этнических обществ в аспекте государственных интересов. А.С. Лаппо-Данилевский в плане сборника «Русская наука» выделил на эту работу 61,5 п.л. Возглавил ее акад. С.Ф. Ольденбург. Выделены проблемные зоны и авторы, за них отвечающие: «а) Христианский Восток – акад. Н.Я. Марр; б) Мусульманский мир – акад. В.В. Бартольд; с) Кавказ – акад. Н.Я. Марр; d) Иран – акад. С.Ф. Ольденбург; е) Турецкие народы – акад. В.В. Бартольд; f) Буддийский мир – акад. С.Ф. Ольденбург; h) Дальний Восток, Индия, немусульманская Средняя Азия – акад. С.Ф. Ольденбург; i) Сибирские народы – Л.Я. Штернберг; к) Финны – акад. А.А. Шахматов»⁵⁷. В 1918 г. в Петрограде изданы важные рукописи В. Бартольда и О. Розенберга⁵⁸.

Отметим общую готовность к теоретичности, к системности, структурности, которая не только позволяла упорядочить материал, представив его текущие проблемы. Кардинальные политические изменения в стране влияли на востоковедные оценки. В.В. Бартольд, В.В. Жуковский, В.Ф. Минорский, В.А. Иванов, А.Э. Шмидт, И.Ю. Крачковский, Е.Э. Бертельс, их труды получили международное признание. Н.Я. Марр с полным основанием позднее сказал: востоковедов «калибра Бартольда на Западе не было ни одного».

Политические, социальные, военные обстоятельства создавали условия для интенсивного диалога между петербургскими востоковедами, Совнаркомом, Наркомнацем, интеллектуалами из меньшинств восточных и южных окраин, между славяноведами и интеллектуалами из украинских, белорусских, польских обществ. Многие востоковеды работали в структурах Наркомнаца (В.Л. Котвич, М.П. Павлович, арабист М. Аттая, первый директор Института востоковедения) и др. Тюрколог А.Е. Крымский, знаток более 30 языков, непримиримый оппонент М. Грушевского, был участником событий и при УЦР, и при гетмане П. Скоропадском. С 1918 года он преподавал историю в Киевском Ближневосточном институте.

На заседаниях коллегии Наркомнаца или национальных комиссариатов обсуждались проекты интеграции этнических обществ в советскую среду, оказывая влияние на ход гражданской войны. Востоковед М.П. Павлович (Вельтман) в автобиографии указывал: «я был вызван в Москву для работы по подготовке съезда народов Востока в Баку (приняли участие свыше 2 тысяч представителей от 44 национальностей более 30 стран – Т.К.); принял участие в этом съезде и был

⁵⁶ Становление советского востоковедения (Сборник статей). М.: Наука. 1983. Ч. 2. Документы и материалы. С. 164.

⁵⁷ Неосуществленный проект Академии наук. Публ. В. Есакова // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 12.

⁵⁸ Бартольд В.В. Культура мусульманства. Общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 112 с.; Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. 368 с.

оставлен в Баку для руководства вместе со Стасовой Советом действия и пропаганды народов Востока. В октябре 1920 г., во время восстания, организованного Нажмуудином Гоцинским в Дагестане, я отправился в горы вместе с Коркмасовым, председателем Даггревкома, членом Реввоенсовета Орджоникидзе, командиром Геккером и др. Вызванный затем в Москву, я был назначен членом коллегии Наркомнаца (1921–1923) и председателем Научной ассоциации востоковедения».

Многие петроградские востоковеды (Н.Я. Марр, Л.З. Мсерианц, И.А. Орбели, А.Н. Самойлович, А.Э. Шмидт) в 1918–1919 годах приезжали читать курсы лекций в Лазаревском институте в Москве из Петрограда.

Декан восточного факультета академик Н.Я. Марр предложил «использовать ученые силы факультета восточных языков» Петроградского университета. Он представил в 1918 г. «Записку о преобразовании специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института». Постановлением Наркомпроса от 13 сентября 1919 г. на базе восточного, историко-филологического и юридического факультетов, Археологического и Историко-филологического институтов и Бестужевских высших женских курсов создан факультет общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета⁵⁹. Слияние факультетов, писал он (с деканом историко-филологического факультета С.А. Жебелевым) «вольет свежую струю новых материалов, новых мыслей и научных подходов»⁶⁰.

Нарастал накал гражданской войны. Нарастала и потребность в специалистах-практиках, знающих Восток. В 1919 году расформирован факультет восточных языков Петроградского университета. Необходимость подготовки востоковедов-практиков реализована декретом СНК РСФСР 7 сентября 1920 года в Центральном институте живых восточных языков (ЦИЖВЯ)⁶¹. Член коллегии Наркомнаца М.Х. Султангалиев считал: открывать новый институт для подготовки «практических» востоковедов следует в Москве, «тогда как в Петрограде почти исключительно теоретики». Идею поддержал Ленин: «Когда тов. Диманштейн, проводивший в Петрограде... совещания, передал т. Ленину, что научные работники настаивают на открытии института в Петрограде, постольку они, связанные с научной работой, не хотят переезжать в Москву, т. Ленин еще раз категорически подтвердил, что новый востоковедный вуз должен быть в Москве, если хотят, чтобы этот вуз был практическим»⁶².

ЦИЖВЯ находился в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и НКВД. Идея принадлежала выдающемуся буддологу В.Л. Котвичу, он, придя в Наркомнац, провел организационную работу, став первым ректором института⁶³. В институте имелись отделы: арабский, армянский, грузинский, индийский, монгольский, персидский, турецкий и сартский.

⁵⁹ Востоковедение в Петрограде. 1918–1922. Пг., 1923. С. 34.

⁶⁰ О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук (в части, касающейся историко-филологического факультета и факультета восточных языков). Пг., 1919. С. 15.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

⁶² https://mgimo.ru/upload/2015/10/lazarevsky-institut_g3.pdf

⁶³ ГА РФ. Ф. Р.-1318. Оп. 21. Д. 389. Л. 310–312. В 1923 году он эмигрировал, получив приглашения в Ягеллонский университет в Кракове и в университет имени Яна Казимира в Львове.

В конце 1918 – начале 1919 г. содержанию образования в Лазаревском институте придан более узкий профиль. В Наркомнаце контроль и опеку над ним отдали Армянскому комиссариату Наркомнаца. С июня 1918 г. комиссаром Лазаревского института назначен П.М. Макинцян, заведовавший отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР. 4 марта 1919 г. декретом СНК РСФСР, подписанным Лениным, Лазаревский институт преобразован в Армянский институт. Мотив переименования указан в отношении от 26 мая 1920 г. комиссара Армянского института заместителю комиссара по делам армян в Наркомнаце: «по политическим мотивам Институт, во избежание могущих возникнуть недоразумений, назван Армянским. Сделано это очевидно с той целью, дабы народные массы знали, что Рабоче-крестьянское правительство проводит решительно и последовательно защиту культурных нужд малых народностей»⁶⁴.

Московскому институту востоковедения, подчиненному Наркомнацу (1921) предписано готовить кадры специалистов для союзных и автономных республик. ЦИЖВЯ готовил кадров тюркологов для тюркоязычных республик и областей страны. Из 300 вакансий на 1921–1922 гг. примерно две трети «распределены между наркоматами, заинтересованными в работниках на Востоке: ЦК РКП – 20; Наркоминдел – 20; Наркомвнешторг – 15; ВЦСПС – 10; Наркомвоен – 10; Наркомпрос – 20; Наркомздрав – 5; ВСНХ – 5; НКВД – 5». Часть вакансий Наркомнац распределил следующим образом: «Армения – 5; Грузия – 5; Азербайджан – 5; Белоруссия – 3; Украина – 5; Абхазия – 3; Хива – 3; Бухара – 3; ДВР – 5; Башкирская – 3; Татарская – 5; Киргизская – 3; Туркестанская – 5; Горская – 5; Дагестанская – 5; Крым – 5; Буряты – 3; Якуты – 3...»⁶⁵.

На окраинах возникали «свой» востоковедные учреждения. В 1918 г. в Ташкенте и Киеве открылись восточные институты. В 1918–1922 гг. во Владивостоке в частном Историко-филологическом факультете Дальневосточного университета работал теоретик российской этнологии С.М. Широкогоров⁶⁶.

Открывшийся в Казани в 1917 году Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ) занимался изучением местных этносов, турецко-татарских и финских древностей, мусульманского искусства, мусульмановедения, географии Поволжья, истории просвещения народностей Поволжья и Приуралья, казанско-татарского наречия, марийского языка.

В 1920-е гг. в Академии наук, кроме Азиатского музея и Коллегии востоковедов, были и другие учреждения, ориентированные на изучение Востока. Среди них – Институт яфетических языков (основан в 1921 г., глава Н. Марр), позже Институт буддийской культуры (Ф. Щербатский и С. Ольденбург), Тюркологический кабинет (В. Бартольд).

⁶⁴ https://mgimo.ru/upload/2015/10/lazarevsky-institut_g3.pdf

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 459. Л. 11.

⁶⁶ Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров: его жизнь и труды. (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987. Тезисы докладов научной сессии. Л., 1989. С. 25–27.

Деление на Окцидент и Ориент отразилось на устройстве органов управления многоэтническим сообществом. Проблема была источником острых межведомственных конфликтов, отражавшихся на течении Гражданской войны.

На Первом съезде народов Востока в Баку 1 сентября 1920 года, собравшем 2050 делегатов (44 национальности), Т. Рыскулов говорил: «Мы видим, что мелкобуржуазные революционеры на Востоке ... хотят обязательно создать свои национальные автономные республики, то эти автономные республики будут только на бумаге, никогда самостоятельной республики, автономной республики не будет»⁶⁷. В гражданской войне федеративные проекты этнических элит о будущем были важной частью представлений о будущей государственности, формах связи с центром, с соседней идентичностью («латышскостью», «белорусскостью», «татарскостью» и т. п.). Идеологическим обоснованием гражданского противостояния служил тезис: только народ образует законный источник суверенной власти. Его решения являются приоритетными и обязательными. Особое место занимали взаимоотношения между центром и этническими территориями⁶⁸. У каждой этнической группы элит имелись и планы встраивания этнических интересов в общий государственный механизм. Существовали неформальные авторитетные группы. Они создавали часто переплетавшиеся с официальными структурами очаги власти (местные съезды, партийные структуры и пр.). На их позиции влияли структуры общества, «воображённая история», литературный язык, формы искусства, художественная литература. Темы сохранения национальной идентичности преобладали. Для осознания этносом себя в рамках пространства, среды обитания в проекты включалось все: рельеф местности (горы, реки, леса), высокодифференцированные понятия (государственная идея, войны, союзы, культурные контакты и пр.).

Меньше обращалось внимание на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам, несмотря на их ограниченность и субъективизм, в трактовке перспектив гражданского противостояния. Выдвигались деятели, они контролировали ход противостояния, патронировали его, информировали о нем. Этнические элиты и их федеральные проекты разогревали политическое поле. Не в федерализме самом по себе состояло дело, а в доминировании на различных этапах центробежных или центростремительных сил. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись смутно.

Выделялась склонность к централистской форме: политическую и другую жизнь в этнических территориях государства должны регулировать решения общих органов, сохраняя культурную самобытность народов.

⁶⁷ I съезд народов Востока. 1–8 сентября. Стенографический отчет. Пг., 1920. С. 163–169.

⁶⁸ Элейзер А. Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5.

Сталин изначально нацелен проводить политику более централистскую. Он воспринимал федерализм в схемах большевизма: «преодоления национального гнета», в эти рамки вписаны этнические проекты и практики. «Окраины России мигом покрылись “общенациональными” учреждениями ... “Национальные советы” в Латвии, Эстонском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Киргизии и Среднем Поволжье; “Рада” на Украине и Белоруссии; “Сфатул-Церий” в Бессарабии; “Курултай” в Крыму и Башкирии; “автономное правительство” в Туркестане, – вот те “общенациональные” институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия, – писал Сталин в 1918 г. – Эти “национальные правительства” и слышать не хотели о социалистической революции»⁶⁹.

С этой точки зрения Сталину важно бы знать федералистские проекты соперников и соратников. Какие планы вынашивают этнические элиты, какими властными полномочиями планируют наполнить структуры власти больших пространств? Важно не упускать из виду главную задачу наркома: видеть слабые места в позициях и проектах.

Восточные элиты, конечно, видели неудачный перенос западных культурных практик на Восток, но хотели, используя их, модернизировать свои ресурсы⁷⁰. Первым шагом в этом направлении они считали создание институтов власти. Интеллектуальные возможности претендентов в ноябре 1918 г. характеризовал лидер Мусавата А.М. *Топчибашев*: «Сразу же после распада Закавказской Федеративной Республики Национальным Советом Азербайджана ... сформировано правительство (Кабинет), состоявшее из 12 министров. Получив блестящее образование в лучших европейских и русских университетских и высших технических учебных заведениях, о чем свидетельствует наличие в составе Кабинета четырех докторов права, четырех инженеров, трех докторов медицины и одного доктора филологии, они, будучи азербайджанскими тюрками, являются истинными подданными и патриотами своей страны»⁷¹. Сходная ситуация характерна и для Поволжья, Средней Азии, Крыма.

Сложная комбинаторика этнического и конфессионального обуславливала гетерогенность тюркско-мусульманского пространства. Модели федерализма мультиплицировались адекватно социокультурным условиям. На Северном Кавказе пример тому – имамат Н. Гоцинского, Северокавказский эмират Узун-Хаджи⁷². Правительство было интернациональным: в нём было по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца. Министром юстиции, просвещения, вакуфных дел и имущества был И. Дышнинский, ранее пристав небольшого селения.

⁶⁹ Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос / Сталин И.В. Соч. 4. С. 155–167.

⁷⁰ Кирчанов М.В. [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций / Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. С. 186.

⁷¹ *Топчибашев* А.М. Меморандум, предъявленный находящимся в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской республики, Чрезвычайным министром-посланником при правительствах Баишательной Порты, Армении и Грузии Алимардан-беком Топчибашевым (ноябрь 1918 г.). Баку, издательство «Азербайджан». 1993. С. 30.

⁷² *Доного* Х.М. Андийский съезд. 1917 год. Махачкала, 2017.

С. Максуди пытался превратить ислам в интегратор федерализма, вписать ислам в институциональный дизайн власти новой России, адаптировать к новым вызовам, реформировать социокультурное бытие народов России. В июле 1917 г. создана единая структура автономных органов мусульман Внутренней России и Сибири для решения управленческих задач. В тюркском мире проект выделялся особой целью. Духовная власть поставлена под контроль светской: администрация опиралась на светские корпорации и коллегиальные формы. В проекте доминировала татарская элита⁷³. С. Максуди возглавил Милли Идарэ. Он хотел объединить родственные ресурсы для использования вестернизаторских практик. Его ставки на религию, один из связующих факторов, в таком контексте вполне понятны. Он оставался сторонником создания большой политической нации российских тюрков. По мнению Х. Максуди, основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма»⁷⁴. Волжские и крымские татары воспринимали тюркизм как развитие интеллектуального дискурса Гаспринского о цивилизационном единстве славян и тюрков России. По мнению М.Э. Расуладе, идеи «романтического пантуранизма» в федеральном проекте сохраняли ценность, он признавал тюркизм как «научно-философско-эстетическое течение»: «Мы – народники в политике, тюркисты в культуре!»⁷⁵. Казахская элита двигалась по пути стандартизации письменного языка, издания национальной газеты, используя автономию для сплочения общества на базе продуктов и инструментов культуры⁷⁶. Тюркизм не был «турецким импортом», как казалось многим, им еще П. Столыпин запугивал как перспективой «отуречивания». Российские тюрки отвергли османизм как политическую концепцию *государственного устройства*, хотя в симпатиях к нему их подозревал Столыпин (потом и Сталин). Федеративные проекты тюркистов оспаривали те, кто в основу будущего клал интересы отдельных этносов (А.-З. Валидов и др.). Но и они были за федеративное устройство России.

Логику федералистских построений «западных» элит также следует искать на перекрестье обстоятельств места и времени, начиная от игр ума (они могли быть увлекательными) до построения проектов будущей государственности.

Касаясь западного ареала – Украины, Белоруссии, Польши, Н. Бердяев писал: «Это, прежде всего, распря двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять»⁷⁷.

Лидеру украинской элиты М.С. Грушевскому федерализм представлялся политической реальностью. В разгар Гражданской войны в статье «Годовщина

⁷³ Хабутдинов А. Начальные этапы формирования татарского управленческого аппарата // Вестник Евразии. 1999. № 1/2. С. 66–67.

⁷⁴ Тормыш. 1917. 26 ноября.

⁷⁵ Расуладе М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С предисловием Н. Жордания. Париж, Издательский дом «Кавказ», 1930. С. 120.

⁷⁶ Аманжолова Д. На изломе. Алматы. 2009. С. 302.

⁷⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1918. С. 160.

украинской независимости» (1919) историк писал: «провозглашение самостоятельности хотя отсекает всякие претензии к Украине представителями старой и новой России, тем более не побрезгует идеей федерации Украинской Республики с другими республиками, с которыми ей будет по дороге»⁷⁸. Наступление большевиков и их репрессии лидеров украинского движения определили отход Грушевского от пророссийских конструкций. Из-под его пера вышел ряд работ, сведенных в трактат «На пороге новой Украины». Грушевский изменил геополитический контекст федеративного проекта. Федеративная идея здесь переориентирована на Восточную Европу, Грушевский доказывал геополитическую органичность Украины восточно-европейскому пространству. Его концепция черноморской ориентации Украины предусматривала создание «кооперации народов Черного моря» в этом мега-регионе⁷⁹. Статья «Ориентация Черноморская» об исторических предпосылках этой федерации логически развивала идею Грушевского об ориентации западной: «исторические условия жизни ориентировали Украину на Запад»⁸⁰, однако географические условия ведут ее на юг, к Черному морю⁸¹.

Свой трактат Грушевский насытил и мессианскими конструкциями. «Насильственные мероприятия московские», писал он, привели к отчуждению Украины от близкого ей «духом и нравом» западного мира. Ей следует вернуться в первую очередь – «в мир германский, немецкий, с которым и в прошлом у нее было больше всего связей»⁸². В основе новой федеративной концепции Грушевского лежал отход «новой Украины» от общего с Россией государственного организма. Историк не исключал использования черноморской ориентации в качестве противовеса идее «славянского единства», создать федерацию украинского, белорусского и литовского народов на балто-черноморских путях. В эмиграции он упоминал планы украинских политиков 1917–1918 гг. создать славянскую федерацию в составе «западнославянских и балканских земель»⁸³.

В Белоруссии идеи федерализма направлялись на конкретизацию этнокультурного пространства как инструмента воздействия, ресурса, предмета для торга с Москвой или с Вильно. Образ исторического прошлого Беларуси (территории нации и языка) стал универсальной информационной кладовой, из нее черпали разную аргументацию противоборствующие группировки белорусских элит. Белоруссия как федеральное политическое пространство осмыслялась в разных проектах элит, предлагавших свои трактовки *беларускости*. Население столкнулось с ключевой проблемой: возможной утратой этнокультурных особенностей и традиций. Два проекта непосредственно связаны с «метаниями» «федералистов».

⁷⁸ Цит. по: Королев Г. Идея черноморской федерации Михаила Грушевского (1918 г.) // Белорусский исторический обзор. Т. 18. 2011. Декабрь. С. 161.

⁷⁹ Грушевский М. На пороге Новой Украины. Киев, 1918.

⁸⁰ Цит. по: Королев Г. Идея черноморской федерации Михаила Грушевского (1918 г.) // [Электронный ресурс] <http://belhist.ru/2012/11/gennadij-korolev-ideja-chernomorskoj-federacii/>.

⁸¹ Грушевский М. Ориентация черноморська // он же. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991. С. 144–146.

⁸² Там же. С. 148.

⁸³ Грушевський М. В перший делегації Української партії соц-революціонерів (квітень 1919 р. – лютий 1920 р.) // Боритесь – побороете! Відень, 1920. № 3. С. 51.

Первый – между «возрожденческой» / «роевропейской» и второй – между «советско-московской», восточной или русофильской ориентацией. «Возрожденческий» симбиоз мог быть одним из ресурсов и литовско-белорусского федеративного проекта. Так или иначе, будущая Беларусь виделась исторически европейским государством, с синтетической культурой и доминированием европейских ценностей. Сторонникам идеи национального суверенитета Белоруссии приходилось противостоять, во-первых, сильному влиянию русской и польской культур, а, во-вторых, интернационалистским целям мировой революции.

Жестким противником белорусских элит был секретарь Северо-Западного областного комитета РКП(б) В. Кнорин, урожденный латыш⁸⁴. Он отрицал существование белорусского народа: нужно стереть всякие отличия белорусов от русских. Осенью 1918 года Кнорин заявил: «Время национальных государств уже прошло ... Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых национальных рогаков. Белорусское же движение является таким воздвижением национальных рогаков»⁸⁵.

Из западных этносов заметное место в презентации проектов федерации занимали элиты самого многочисленного народа Прибалтики – литовцев. Теоретическое влияние на содержание федерализма оказали польские партии. Р. Дмовский убеждал европейских политиков: возрожденная Польша должна играть ведущую роль в регионе по причине цивилизационного превосходства поляков. Литовцев слишком мало, чтобы они могли создать свое государство. Их будущее может обеспечить только включение в состав польского государства. «Между сильной немецкой нацией и русской нацией нет места небольшой нации, мы должны стремиться к тому, чтобы стать нацией большей, чем мы являемся»⁸⁶.

Специфика литовского федерализма сводилась к феноменальной роли культурно-исторических и, особенно, религиозных корней. Длительное время литовцы-католики разделяли романтические представления поляков о том, что вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые жили на польских землях. Религиозная принадлежность католицизму – важный фактор ментализации и этнополитической самоидентификации – влиял на отношение литовской элиты к федерализму. Эти предпосылки вносили важную лепту в литовский федеральный компонент.

Эксперимент литовско-белорусского федерального строительства 1918–1919 гг. был сложной интригой, неким, по Сталину, «средостением» на пути на запад, в успехе ее Сталин не сомневался. Правительство Литбела не имело в составе ни одного белоруса. Все руководящие посты заняли сотрудники Литовского,

⁸⁴ Vilhelms Vilis Knoriņš. С декабря 1918 г. секретарь Центрального бюро КП(б) Белоруссии и член Временного рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссия.

⁸⁵ Звезда. 1918. 6 октября; Кнорин В.И. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте / В. Кнорин; Истпарт. Комис. по ист. Окт. рев. и КП(б)Б. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1925.

⁸⁶ Цит. по: Алексейчик Я. Варшава и белорусский вопрос – век XX // Наш современник. 2013. № 7.

Еврейского, Польского комиссариатов. Литература издавалась по-литовски, по-польски и по-русски. В пропагандистских целях Литбел называли «государством обоих народов». «Белорусов лихо шельмовали», признавали современники событий⁸⁷. Но Литбел не был признан никем, кроме РСФСР. Такой федерализм население не восприняло.

К 1917–1918 годам латышская элита находилась под влиянием процессов Центральной и Юго-Восточной Европы, в них национальное государство рассматривалось важнейшим центром нации, элементом сплочения и организации⁸⁸. Их появление подпитывало идею латышской государственности.

Для латышских элит выбор внешнего ориентира превращался в важнейший вопрос. Звучали голоса об отказе от российской ориентации, после захвата немцами Риги возникло мнение: «от России и Германии ничего не ждать, объявить вопрос о Латвии международным вопросом и ждать, чтобы говорили Союзники»⁸⁹.

В октябре 1917 года появилась новая ориентация. Латышский вопрос из внутривосточного превратился в международный⁹⁰. Идея автономии Латвии в составе федеративной России вытеснялась из политического дискурса. Но Крестьянский союз Латвии (лидеры З. Мейеровицс, К. Улманис, Я. Голдманис и др.) отстаивал *автономию Латвии в федеративной России*. Аналогичные решения приняла Национально-демократическая партия Латвии: «Латвия представляет собой демократическо-республиканское государство латышей в федеративной республике России»⁹¹. Занятие территории Латвии немцами превратило латышский вопрос в составную часть балтийского международного вопроса. Практика советизации латышских территорий превратила Россию в непривлекательного партнера федеративных отношений.

Выделим две позиции участников латышских съездов в Сибири. В них региональные различия отражали сложный симбиоз автономистских и федералистских настроений. Сторонники первой утверждали: латышскому народу следует обеспечить право избрать всенародным голосованием Учредительное собрание и «свободно решить будущую судьбу Латвии»⁹². Признавалось «желательным» «заключить федерацию в форме демократической республики с народами, живущими на бывшей территории России». Сторонники другой считали: «... Если ранее создания подобной федерации образовалась бы демократическая федерация народов средней, северной или восточной Европы, то для Латвии желательно присоединение к подобной федерации, которая в дальнейшем своем

⁸⁷ См.: Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. – М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013.

⁸⁸ О стимулирующем факторе соседних молодых государств см.: Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи / В.И. Фрейдзон // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981. С. 28–30.

⁸⁹ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг.

⁹⁰ Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж 2007. С. 45; Он же. Четыре модернизации: преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж. Кварта. 2015. 597 с.

⁹¹ См.: Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып. 2. М., 1996. С. 47–51.

⁹² Голос Приморья. 1919. 5 июня; Уральская жизнь. 1919. 13 июня.

развитии преобразовалась бы в свободный союз всех наций Европы, а в дальнейшей стадии развития во Всемирную Лигу Народов»⁹³.

Иное отношение к этническому федерализму в российском государственном организме разделяли в еврейской среде. В еврейском сознании утверждение идеи федеральной власти вместо идеи власти племен со времен Соломона являлось важной исторической вехой и в какой-то мере историческим заданием. Бунд был катализатором обсуждения национального вопроса в российской социал-демократии. Его лидеры внесли в эту среду вопрос о нации, которым, в отличие от западных социалистов, серьезно никто не занимался. Социальные революции, затрагивая еврейские сообщества, даровали гражданские права, породили мощный всплеск активности. Они активно выбирали путь, который раньше был закрыт или рассматривался как ненадежный с точки зрения прибыли или карьеры. Но победил сионизм – форма рационалистического мессианизма, «очень странная смесь современного национализма с мистическими пережитками средневековья», считали евреи-большевики⁹⁴.

Занятие государственных должностей в федеральных структурах оборачивалось для еврейской элиты другой ипостасью: не усматривалась перспектива развития своей государственности (ее перекрыла идея сионизма). Позднее обсуждалась идея еврейской автономии, внутри РСФСР для нее долго искали место. В российских условиях обсуждение сбивалось на поиск модернизации государственного устройства на путях унитаризма.

На Кавказе армянский этнос представлял едва ли не самый цементированный коллектив. Национальное самосознание армян, сформировавшись в древности, прошло разные исторические стадии, национальные победы и поражения, приобрело исключительную устойчивость. Важнейшей особенностью была их разделенность между двумя – Российской и Османской – империями. Армянский национализм Г. Нжде характеризовал как «проявление справедливого стремления нации остаться верной духу своего рода, совершенствованию своего исторического типа и защите своей свободы».

В программе *minimum* армянская партия Дашнакцутюн заявляла: «Закавказье, в качестве демократической республики, является составною частью России – республики *федеративной*»⁹⁵.

Бурятской элите для адаптации к новым историческим реалиям оставался важным опыт цинского права⁹⁶. Но панмонголизм оформился в среде европейски образованных бурят Восточной Сибири, учившихся в русских и европейских университетах. Буддийские лидеры имели «свои» центры притяжения за пределами России: формировалась sdвоенная пограничная идентичность. С одной стороны, они генетически тяготели к тибето-буддийской цивилизации,

⁹³ Цит. по: Нам И.В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) / Россия и Балтия. Вып. 5: Войны, революции и общество. М., 2008. С. 139–176.

⁹⁴ Зиславский Д. Всемирная еврейская нация // Голос Бунда. 1917, № 4. С. 3.

⁹⁵ Программа Дашнакцутюна, Женева, 1908.

⁹⁶ В период правления династии Цин (1644 по 1912) применялись нормы обычного права.

являясь ее культурной периферией, с другой стороны, исторически связаны с Россией. Буддийский прагматизм проявился в переходные периоды развития общества. Он достаточно легко и гармонично вписался в социокультурное пространство России и даже вышел за пределы традиционного бытования. Традиционная гибкость буддизма сделала возможным декларацию его единства с марксизмом, обновленчеством с призывами к приобщению к науке и мировой (в том числе русской) культуре.

Формировалось осознание территории своей родиной, поддержка и перегруппировка этнокультурных ресурсов в проектах федерализма. На границах трех распадающихся империй, Российской, Австро-Венгерской и Османской, этнический фактор испытывал влияние европейской политической традиции.

У тех и других, и третьих представления о государственном устройстве бывшей Российской империи – евразийского геополитического пространства – складывались по мере развития политической ситуации и под ее воздействием. В немалой степени и под влиянием проектов, поддерживаемых разными элитами. Процесс их участия в процессах федерализации России был «не складом фактов, а творческим процессом». Казахский нарком просвещения А. Байтурсынов писал: «Первая революция была правильно понята и с радостью встречена казахами потому, что ... подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно»⁹⁷. В федеративных конструкциях этнических элит отражались полезные цели: общее гражданство вне зависимости от этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др. Эти мотивы стали важны для советской власти. Но Восток не вписывался в стратегии национальной идентичности, ограничиваясь констатацией отличия.

§ 3. Механизмы сотрудничества с элитами

В Гражданскую войну большевиками двигал пафос нового в человеческой истории политического, экономического и социокультурного порядка – Космоса, радикально рвущего со старым миром. Но в условиях неясных перспектив этнические элиты рассматривали возникновение своих «государств» естественной реакцией на распад общероссийского целого. Разгон Учредительного собрания они восприняли как угрозу своим планам.

Первые советские национальные автономии и союзные республики создавались, во-первых, для удержания территорий и, во-вторых, с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину. Большевики раскалывали элиты по разным азимутам: по отношению к Москве и ее доктрине, по отношению к контрэлите, которая стремилась реализовать свои планы в структурах белых или

⁹⁷ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 40–41.

иностранных активистов. Обещания и с той, и с другой стороны давали надежду на свободу действий: намечались руководящие должности в автономиях.

Российская власть, в чьих бы руках не находилась, осторожно относилась к пределам политического самоопределения этнических сообществ. Несмотря на сложное положение советского центра власти в Москве и советов на местах (последние то свержались «белыми», то вновь восстанавливались), Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. закрепила федеративное устройство России по национально-территориальному принципу. РСФСР «двигалась» к федеративному устройству на базе автономии. Но Конституция не определила национально-государственный состав республики.

Декретирование федеративного устройства государства не означало, что большевики имеют выверенные теоретические представления и политические рецепты воплощения их в жизнь. Они «солидаризировались» с местной «геополитикой», если та сулила им преимущества и союзников, хотя бы и временных. Этнические элиты, выбирая новых «покровителей», оказывались в плену между преданностью представлениям о традиционном порядке законности и социокультурным новым, его структурами, которым предстояло канализировать этническую энергию в русло строительства советского государства. В условиях гражданской войны поле выбора было резко сужено. Переход на сторону советской власти означал «выпадение» из властной прежней иерархии, боязнь не попасть в новую. При этом политические, культурно-религиозные и иные претензии пришлось бы согласовывать с нею. Элиты опасались большевистских политических практик, тем более жертва интересами и ресурсами этноса часто воспринималась предательством.

Однако если для общероссийских сил была важна борьба за власть в стране, то для национальных движений в большей степени – этнический контекст ее государственного устройства. Этнические элиты подчиняли свою борьбу за образование и правомочия автономных органов управления в советских структурах власти. Те, кто перешел на службу советской власти, формировали властные структуры преимущественно для «своего» этноса, оговаривая их юрисдикцию.

Для башкирского лидера А.-З. Валидова причиной разрыва с большевиками стала утрата веры в готовность Москвы сохранить за республикой автономные права.

Валидов воспринимал федерализм как протест против прежней несправедливости имперского устройства. Идеалом он считал многонациональное федеративное светское государство, построенное на широкой демократической основе. Оно состоит практически, если возьмет «за основу демократию и эволюционное развитие» и соединится «с национальной идеей и исламскими ценностями»⁹⁸. Залог устойчивого политического и социального развития он видел в создании союза «мусульманских наций» с их чувством коллективной ответственности, которое, в свою очередь, зависит от культурного уровня каждого народа, его традиций, обычаев, менталитета, от взаимодействия с разными

⁹⁸ Цит. по: Тоған А.З.В. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа. 1998. С. 181.

языками, дискурсами и контекстами. Практики большевиков радикальными методами внедрить социализм в России он расценивал как глубоко ошибочные, поскольку многие положения марксистской теории не соответствовали реалиям жизни нерусских народов России.

Немало коллизий во взаимоотношениях советского центра и республик вызывалось организационной пестротой, неясностью принципов соподчинения, многочисленностью рождавшихся по инициативе как сверху, так и снизу органов, участвовавших в решении национальных проблем. Большинство планов формирования механизмов власти, конечно, оставалось в мечтах и на бумаге, но представители местных элит обретали опыт и атрибуты государственности – от конституций до кабинетов наркомов, пусть и недолговечных.

Велась острая, содержательная дискуссия по злободневным вопросам строительства местной власти, стилю и методам работы ее институтов. В Туркестанской АССР председатель ВРК А. Казаков обратил внимание: «в республике Туркестан проживает 95% мусульман и только 5% русских, и эти 5% держат все в своих руках и продолжают править». Социалист И.Н. Шендриков писал: «широкие слои туркестанского общества рассматривали объявление автономии, прежде всего, как организованный протест против *разнузданности и анархии большевистской власти*, которая начала уже проявлять себя во всю в Ташкенте». Левый эсер К.Я. Успенский на IV краевом съезде советов напутствовал делегатов: «Товарищи мусульмане, мы ваши старшие братья, поэтому вы должны нам подчиняться!» В телеграмме Ленину 26 декабря 1917 года говорилось: «Просим вас как высшую власть российской демократической республики дать распоряжение туркестанскому СНК сдать краевую власть временному правительству автономного Туркестана во избежание анархии, двоевластия, могущих привести Туркестан к величайшей катастрофе». В апреле 1918 г. Ленин возмущался: «ташкентские коммунисты ... наделали кучу глупостей». Весной 1918 года наркомнац Туркестанской АССР возглавил большевик Т. Ашур-Ходжаев. 14 мая он просил Сталина телеграммой выслать ему материал о структуре национальных комиссариатов, их правах и функциях⁹⁹. Нарком внутренних дел Туркестанской советской республики сообщал Москве 31 мая 1918 г. о хаосе и об отсутствии исполнительной дисциплины на всех уровнях власти, о межэтнических конфликтах. То же касалось восприятия и этнорелигиозных особенностей. У большевиков не было опыта работы в иноэтничной среде.

Первые стихийно возникшие автономии отличались разнообразным устройством, аппаратами управления и власти. В Крыму власть «второго пришествия» «запрягла в какую-то сумасшедшую бессмысленную гонку ... мудрые же и лукавые с глубоко запрятанной усмешкой и любезной внешностью рачительных чиновников ... сидели покорно на бесконечных заседаниях»¹⁰⁰. Но накал популизма в дискурсе советского нарастал. В 1920 году, сравнивала С.Н. Шиль, «новая власть

⁹⁹ Сазонов А. Кокандская автономия // Красная летопись Туркестана. Ташкент, 1923. № 1–2. С. 88–93; Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. Ин-т истории АН Респ. Узбекистан Ташкент, ТИУ, 2006. С. 34–36; Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. документов. Т. 2. Ташкент, 1972. С. 266.

¹⁰⁰ Шиль С.Н. Крымские записки. 1916–1921. М.: Новый хронограф. 2018. С. 129.

была совсем другая, с железными декретами и неумолимыми программами ... весь город утопал в канцеляриях, были уже, по-видимому, испытанные на севере руководители с точными предписаниями»¹⁰¹.

Склонить на свою сторону авторитетных казахских автономистов из Алаш, не признававших октябрьский переворот, но ведущих переговоры с СНК об условиях автономии весной 1918 г., большевикам удалось не сразу.

Первый Всероссийский съезд удмуртов летом 1918 года постановил: «Входя в состав Российской федеративной республики советов, мы также имеем право на долю самоопределения (самоуправления) ... но, говоря о самоуправлении и самоопределении народности, мы должны соблюдать общее единение с русскими гражданами и составить с ними единое государство ... где у каждого народа будет свое управление (внутреннее), свой суд, свои законы, свой язык, свое образование, свое правительство. Только тогда, когда каждой народности будет предоставлено свое полное самоуправление (внутреннее), проснутся спящие народы, и быстрыми шагами пойдут по пути прогресса, только тогда все народы и мы, удмурты в частности, быстрыми шагами пойдём вперед по пути цивилизации ...»¹⁰²

В Баку жестко критиковали уполномоченных центральных ведомств, обнажая ряд серьезных проблем. От их решения зависела советизация национальных регионов, оформление интереса к ним в высоких эшелонах российской власти.

В Москве искали механизмы сотрудничества с элитами. Наркомнац призывал к западным, по сути, практикам: вовлекал обещанием автономии: ее «необходимо взять» у «буржуазных групп», «очистив ... от буржуазной скверны». Призывы оказывали провоцирующее воздействие: их направленность, масштабы и последствия выходили за рамки региональной повседневности. Привлекательный лозунг права наций на самоопределение обладал мобилизующей силой. Элиты видели в большевистских практиках если не триумф модерна, то западной модели практик управления. Они были нацелены мобилизовать своих адептов на ее освоение. В процесс вовлекались народы с разным социальным уровнем и культурными возможностями.

Наркомнацу во главе с И. Сталиным предстояло *установить пределы компетенции центра и этнической периферии* и с помощью автономных структур построить разнообразные ресурсы в большевистский концепт. Пределы компетенций увязывались с проектами государственных образований Прибалтики, Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири. Яснее виделся объем компетенций этносов западных территорий, апробированных практически в современном формирующихся после распада мировых империй (Австро-Венгерской) национальных государств. С распадом Османской империи процесс образования государств шел сложнее в силу многоэтничности населения и ясных отланий их друг от друга. Публичная риторика создать в ближайшем будущем

¹⁰¹ Шиль С.Н. Крымские записки. 1916–1921. М.: Новый хронограф. 2018. С. 142–143.

¹⁰² Удмуртское национальное движение: связь времен. К 85-летию I Всероссийского съезда удмуртов / Составитель А.П. Федоров, Ижевск, 2003.

федерацию как «союз равных» успокаивала регионы, но, как показали дальнейшие действия Кремля, не означала отказ от практического курса российских большевиков на «слияние». Член политбюро ЦК КП(б)У А. Иоффе в апреле 1919 г. направлен «в состав Украинского правительства для усиления там централистских элементов», не одобрял стремительных темпов «слияния». Разделяя с Кремлем основной курс «отношений» с УССР на полный централизм, А. Иоффе расходился в оценке темпов «слияния». В телеграмме Сталину и Троцкому 21 июня 1919 г. он подчеркивал: хотя «центр занят вопросом объединения центральных учреждений с украинскими, я считаю, что пока существует украинский Совнарком, до тех пор должны храниться и *декорумы отдельных наркомов*»¹⁰³. В письме к Ленину, Троцкому, Сталину и Чичерину 27 июня 1919 г. он настаивал на сохранении «фиговых листков» украинской государственности: «В дальнейшем, конечно, это все уладится и здесь, как *наладилось у нас*, но теперь приходится считаться и с «самостийностью», и с внутренним кипением и брожением в Украине. Приходится, по этой причине, хранить и Совнарком, и отдельные Наркоматы»¹⁰⁴. Но интернационалистская позиция преобладала. В апреле 1919 года первый нарком юстиции УССР А. Хмельницкий утверждал: «Для нас, коммунистов, является совершенно неприемлемым, совершенно несвоевременным не только практическая, но даже принципиальная постановка вопроса о суверенитете народа»¹⁰⁵.

Очевидно, однако, и у «нас», т. е. в РСФСР не ладилось. Объем автономных компетенций нуждался в уточнении применительно к восточным, тюркско-исламским сообществам.

Доминировали два разных подхода к проблеме. Новая формула – «единство многообразия»: «национальному большинству» нужно относиться «с нежностью» к культурам национальных меньшинств. «Интернационалисты», не разделяя лирики, этой формулой настаивали на жестком единстве: «стремление во что бы то ни стало консервировать и развивать ... безжизненно и не считается со всей сложностью и многообразием социально-культурной организации современной эпохи»¹⁰⁶.

Второй подход был противопоставлен первому: нужны особые национальные комиссариаты, их «*федерация*» *вокруг русского, под ним подразумевался центральный механизм в Москве*. Его поддержало большинство этнических элит. «Центристский» проект, совпадавший с идеями лидеров ЦК РКП(б) о сильном, едином центре и недопустимости делиться властью, поддерживали и в ЦК.

ЦК признавал: вопрос «остается дискуссионным для партии»¹⁰⁷. Твердой позиции Оргбюро не имело.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р–130. Оп. 3. Д. 682. Л. 87.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2159. Л. 49; Єфіменко Г. ВУЧК у системі відносин між УСРР та РСФРР у 1919 р. / Радянські органи державної безпеки в Україні (1918–1991 рр.): історія, структура, функції. Матеріали круглого столу 19 грудня 2013 р., м. Київ. С. 70–83.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р–5881. Оп. 1. Д. 526. Л. 1–22.

¹⁰⁶ Сегаль А. К итогам совещания по просвещению народов нерусского языка // Жизнь национальностей. 1919. 31 августа.

¹⁰⁷ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. С. 201.

Летом 1920 г. башкирский лидер А.-З. Валидов в письме секретарям ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому и Е.А. Преображенскому признавал: «наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения» «серьезно разошлись»¹⁰⁸.

Формирование аппаратов управления в автономиях было очередной ступенью федерализации советского аппарата. Но элиты воспринимали их не утверждением начал в русле европейских практик с соответствующими структурами советского геопространства. Многим этническим лидерам новая Россия виделась федерацией самоуправляющихся крестьянских миров. Исключая, может, Казань с ее особым русско-татарским человеческим составом города. Влияние элит оставалось сильным в сохранявшей традиции деревне – их главной опоре, но «слабом» звене для большевиков. С уходом белых, иностранных и иных антисоветских сил с российской территории сторонники федерализма в этнических сообществах теряли «союзников», препятствующих большевистским практикам, но в Москве опасались: «свои» элиты в деревне потенциально опасны. Они не смогут обуздать процесс, к которому примкнули в погоне за популярностью, должностями и иными преференциями. Собственных же кадров на этнических территориях было мало. Признав центральную власть и заявив о верности ее канонам, представления многих элит весьма отдаленно напоминали западную идею «суверенной нации» и набор прав, на которые она претендует. Механизм заимствования у центра «общих» практик в полиэтничных регионах управленчески не был обустроен. Следовало связать местные обстоятельства с природой советской власти, с ее доктриной реальным механизмом, а не политической риторикой. В декабре 1919 года Гисматулин говорил на совещании в Наркомпросе: «Нас объединяет ... духовное родство ... Нам совсем не интересно ругать Наркомпрос ... Центробежная сила все равно направит сюда, в Москву, за тем или другим». Но «насилованным самодержавным порядком нельзя устроить дело».

Гисматулин остро ставил вопрос об отношении к национальным работникам в контексте федерализма: им «меньше доверяют в деле проведения коммунизма», потому и нет «возможности проявиться». Если же «атмосфера даст возможность», то и «люди найдутся, которые сумеют повести дело». Иными словами, «если хотите, чтобы работа шла применительно к условиям жизни данной нации, ... дайте им работать самостоятельно. Стремление «избегать» параллелизма в области «народной психологии и культуры», приводит к тому, что имеющийся аппарат «ненормален», «мертворожденный». Гисматулин напомнил: «самое радикальное, самое левое: предоставить каждой национальности отдельный Компрос», «создать федерацию их вокруг русского»¹⁰⁹.

Готовилось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О государственном

¹⁰⁸ Ултинбеков Б. История Татарстана: Сталин и «татарский след». Казань, 1995. С. 161–62; Исхаков С.М. Ахмед-Заки Валидов. С. 147–159.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 182–185.

устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», опубликованное 19 мая 1920 г. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 15 мая обсуждался вопрос о реорганизации Наркомнаца и уточнении полномочий Башкирии¹¹⁰. Председатель ВЦИК М.И. Калинин говорил: «Мы башкирам не верим ... Нам надо играть в их автономию, повсюду пролезать к ним и коммунизмом парализовать корни и остальные вредные стороны»¹¹¹. Планировалось изменить соглашение о статусе Башкирской АССР и полномочиях ее органов власти (март 1919 г.).

Новое постановление послужит основанием к разрыву башкирского лидера А.З. Валидова с советской властью и уходу в эмиграцию, к этому вернемся ниже.

Сейчас интереснее содержание переписки членов Политбюро Ленина, Каменева и Троцкого, их обмен мнениями в записках 15 мая 1920 г. в ходе обсуждения постановления (п. 34, предпоследний) «О реорганизации Наркомнаца и установлении взаимоотношений с Башкирией»¹¹². Отметим: Сталин на заседании присутствует, переписка ведется за его спиной.

Начало записки Ленина Каменеву не сохранилось, сохранный текст начинается так: «...вопросы совсем не готовы, прения хаотичны, толку не будет, думаю, что все сие неисправимо и придется пострадать ушами и мозгами».

Каменев ему отвечает: Затрудните себя вот какой мыслью: вопросы этого порядка всегда будут не подготовлены, пока в центре не будет человека, постоянно и систематически знакомящегося с этим делом. Сталин только эксперт. Ставлю, – если это не будет обиды для Сталина – свою кандидатуру. Путаница здесь создает через несколько недель несносную кашу на местах.

Ленин – Каменеву с раздражением: Не раз уже “затруднял себя” (выражаясь по-башкирски) этой “мыслью”. НКНац Вас нельзя: не создать ли комиссию? или не ввести ли Вас членом коллегии НКНаца?

Каменев – Ленину: Надо бы организовать Федеральный совет, который наблюдал бы за правильным проведением решений и в Башкирии, и в Туркестане, и на Украине, и на С[еверном] Кавказе (если туда придем) и делал бы это систематически, а не наскоком, как теперь Ц[ентральный] К[омитет] и С[овет] Н[ародных] К[омиссаров], собирал материалы (газеты, отчеты, работников и прочее)).

Ленин – Каменеву: Да, нечто подобное необходимо. Через Наркомнац? Главное, хороших сил нет.

Каменев – Ленину: Наркомнац и должен был бы это делать. Больше ему и делать нечего. Надо туда поставить “человека”, инструктировать, вообще поднимать. – Это к будущему Политбюро.

Ленин: Да.

Далее Каменев напоминает Ленину о решении Политбюро 14 ноября 1919 г.: «В какой-то комиссии, – пишет он, – кажется “по упрощению” было решено:

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78 Л. 1–5.

¹¹¹ Национально-государственное устройство Башкортостана. Уфа, 2006. Т. 3. Ч. 1. С. 122.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78.

коллегию Наркомнац сделать узкой (по примеру других; все равно всех нельзя в нее ввести)¹¹³, но зато при НКНац создать совет из представителей всех национальностей. Быть председателем его согласен. Его (совет) можно сделать работающим учреждением. А членом коллегии при нынешнем параличе всего НКНаца ничего не выйдет».

Слова Каменева нуждаются в пояснении.

VII Всероссийский съезд советов (декабрь 1919 г.) в резолюции «О советском строительстве» поручил ВЦИК «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»¹¹⁴. 7 февраля 1920 г. ВЦИК образовал Комиссию для разработки федеративного устройства РСФСР. Ей поручалось разработать конституционное устройство, строение центральной федеративной власти, объем прав отдельных частей федерации, отношения центральных и местных органов власти. «Установление нормальных отношений, – отмечалось в постановлении, – своевременное удовлетворение их нужд и выработка *форм государственных* (NB! – Т.К.) отношений между находящимися в ее составе частями составляет одну из важных задач ВЦИК»¹¹⁵. Другими словами, ВЦИК продолжал поиск форм устройства федеральной России. О ходе работ Комиссия обязана доложить следующей сессии ВЦИК¹¹⁶.

Председателем комиссии был Л. Каменев. В нее вошли И. Сталин, М. Владимирский, Ю. Мархлевский, С. Саид-Галиев, Н. Крестинский, А. Рыков и Х. Раковский. От Наркомпроса РСФСР введен М. Покровский (всячески, как помним, противившийся процессам федерализации в Наркомпросе), от Наркомнаца – Г.К. Клингер¹¹⁷. Никакой отчет комиссия последующим сессиям ВЦИК не представила. Ю. Жуков объясняет это чрезвычайной загруженностью ее членов и ссылается на безынициативность и бездействие («равнодушие») Каменева. Он считает: «национально-государственное строительство в рамках РСФСР приняло стихийный характер, исключающий какой-то продуманный план»¹¹⁸. На самом деле, *позитивное* отношение не только к установлению четких правил взаимоотношений автономий РСФСР, но к самому федеративному устройству РСФСР поддерживали не все ее члены. Но разошлись радикально взгляды и заместителя Председателя СНК РСФСР Каменева и Председателя СНК Украины Раковского. Раковский на заседании комиссии 2 июня 1919 г. подчеркнул возможность объединения только на началах *федеративного устройства при создании единого органа верховного управления в виде Федеративного Совета Республик*. Как временную меру он предложил ввести в состав ВЦИК

¹¹³ См. об этом главу 4. Центральный аппарат власти: конфликт культурных смыслов и федеральных статусов в Наркомнаце, а также Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 1919–1929. М.: Росспэн. 2000. С. 45.

¹¹⁴ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М. 1939. С. 152.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 11. Л. 8. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 226; Кислицин Н.М. О конституционных основах федеративного устройства России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. Вып. 2. С. 45–60.

¹¹⁶ Никитяков О.И. Становление Российской Федерации. М., 1966. С. 145.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р–5677. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹⁸ <http://proflib.com/chtenie/33435/yuriy-zhukov-pervoe-porazhenie-stalina-97.php>

представителей других республик (в июне 1920 года 30 членов ВУЦИК вошли в состав ВЦИК) и подчинить ряд наркоматов ведомствам РСФСР¹¹⁹. На заседании 9 марта 1920 года Комиссия выдвинула «национальный момент» районирования на первое место, что и обусловило ее новое название – Административная комиссия.

Подготовка материалов сосредоточилась в Наркомнаце. Тяжелые дискуссии и в нем сопровождали практику выделения той или иной территории в автономную, уточнение статуса ее (коммуна, область, республика). 29 марта 1920 года Совет национальностей в Наркомнаце организовал свою «комиссию для собирания и разработки материалов для проведения административного деления РСФСР по национальному принципу»¹²⁰. Вернемся к переписке Ленина с Каменевым. Ленин вовлекает теперь в переписку Троцкого: «По-моему, надо Каменева сделать и членом коллегии НКНац, и председателем совета. Иначе мы в хаосе полном, и не вылезем. Еще бы кого-н[и]б[у]д[ь]?»

Троцкий – Ленину: «Не возражаю. Троцкий».

Ленин, обобщая переписку и набрасывая будущее решение, предлагает Каменеву: «Вас назначить и членом коллегии НКНац, и председателем “Совета нац[ионально]стей”, дать Вам двух помощников: Енукидзе + ? (двух “националов”, тактичных, знающих) (+ с совещ[ательным] голосом Влад[имирс]кого)»¹²¹.

После заседания Политбюро 15 мая, обмена записками Ленина с Каменевым и Троцким, в июне вновь создана (или возобновила работу) Административная комиссия ВЦИК во главе с Каменевым¹²². В нее входили Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский, Д.И. Курский, принимали участие Л.М. Карахан, А.И. Рыков, Э.М. Склянский.

В итоге поручалось «Президиуму ВЦИК провести на 1-м же заседании вопросы о реорганизации Наркомнаца и определении отношений с Башкирской республикой»¹²³. На заседании Президиума ВЦИК 19 мая 1920 г. утверждены постановления о взаимоотношениях Башкирской советской республики и РСФСР и о реорганизации и ближайших задачах Наркомнаца. В третьем пункте постановления о реорганизации Наркомнаца говорится: «Во главе Наркомнаца ставится Совет национальностей». Но четвертый пункт снимал недовольство участников переписки Сталиным. В нем указывалось: «во главе Совета национальностей его председателем ставится народный комиссар Наркомнаца, коллегия наркомата также входит в Совет»¹²⁴. Сталин стал председателем Совета национальностей.

Содержание цитируемых записок показывает понимание федерализма Лениным, хотя он недоволен Сталиным как наркомом. И Каменев указывает: «Наркомнац и должен был бы это делать. Больше ему и делать нечего». Но проблема

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 45. Л. 4; Мельниченко В. Христиан Раковский. Известные страницы жизни и деятельности. Киев, 1992. С. 46.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24402, 24403, 24404; Опубл.: Ленинский сборник XXXIX. С. 228.

¹²² Волковинский В.М., Кульчицкий С.В. Христиан Раковский. Политический портрет. Київ, 1990. С. 187.

¹²³ РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 78. Л. 5.

¹²⁴ См.: Декреты Советской власти. Т. 8. С. 220–222.

не в том, вытекает ли из содержания переписки за спиной Сталина, оставлять или не оставлять его наркомом по национальным делам. Сталин позже в сердцах напомним, сколько раз он просился в отставку, и, видимо, это правда. Текст постановления Политбюро подтверждает: в Москве еще не сделали окончательного выбора относительно федеративного устройства страны. Объясняя «эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации», Сталин в 1924 г. признал: «Удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, ... чем это могло казаться»¹²⁵. Но в 1920 году он понял: переход от узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы)¹²⁶ требовал адекватного отражения в структурах управления.

Но аппаратная игра с восточными структурами продолжалась. В феврале 1921 года вниманию Наркомпроса РСФСР предложено несколько вариантов создания Восточного комиссариата просвещения. Обосновывалась «строгая автономность и самостоятельность» восточной специфики, необходимость органа, который «не должен заменить Наркомпрос», но «стать связующим звеном между Наркомпросом и наркомпросами республик», координирующим и планирующим их деятельность среди массы трудящихся. Она «в значительной степени однородна (турко-татарская раса и говорит на разных, часто диалектах одного и того же языка)», имеет «общность религии ... своеобразный уклад жизни, бытовые условия, общность шрифта (арабский)»¹²⁷. Тогда же предложено создать отдел Востока Главполитпросвета.

4 марта коллегия Наркомпроса предложила партийным структурам, Цбюро К(ОН)В «предварительно поставить данный вопрос на совещании представителей советских республик»¹²⁸.

Автономные республики 1918 года образованы не актами центральной власти, а соответствующих территорий. В какой-то степени они опирались на общероссийский закон, поощривший их образование, на решения III Всероссийского съезда Советов о федеративных отношениях РСФСР в резолюции «О федеральных учреждениях Российской республики». Ст. 5 Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа предусматривала отношения, **похожие на договорные**: «Разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно, по образованию областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик»¹²⁹. Конструирование автономизируемых территорий осуществлялось волевым порядком, этнокультурный энтузиазм перекрывал популизм центральной власти.

¹²⁵ Сталин И.В. Против федерализма / Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3. С. 30–31.

¹²⁶ Сталин И. Политика Советской власти по национальному вопросу // Правда. 1920. 10 октября. № 226.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 573. Л. 2–2 об.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 634. Л. 18. Д. 637. Л. 18.

¹²⁹ Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 11 (56). 1918. 31 (18) января.

Согласование прав и компетенций автономных структур власти вышло на первый план после включения центральных властей в процесс образования советских автономных республик, башкирской (1919 г.), в первую очередь.

Идейно-политическое и правовое оформление ее носило сложно-конфликтный характер, что отразилось и на объявлении других автономий. Наряду с «хитростью и осторожностью восточных политиков, готовых на всевозможные уступки, лишь бы получить право на официальное признание»¹³⁰, на интриги способна была и Москва, хотя манифестировала себя оплотом законности. В поиск компромисса помимо Наркомнаца (на начальной стадии он играл определяющую роль), включались СНК, ВЦИК, в особо конфликтных случаях подключались Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б). Центральная власть предлагала элитам образовать автономные структуры власти. Те обсуждали проекты и согласовывали их с Москвой. Незыблемым оставалось признание приоритета классовой доктрины советской власти как условие вхождения этнических элит в советские органы власти.

Трения происходили с местными партийными структурами: обкомами, различного рода комиссиями со статусом ЦК РКП(б). Они негативно воспринимали молодые республики, игнорировали их права, руководя ими по указанию центра¹³¹.

По словам Султангалиева, Ленин относился настороженно к личному общению с национальными лидерами, но подействовала записка «принять и выслушать»: «Я имею больше права на это, чем З. Валидов, М. Бигиев и другие»¹³². Недоволен отношением и Валидов: «Мы вышли от Ленина в приподнятом настроении. Через пару дней (19 марта) Ленин вступил на съезде в спор с Бухариным по национальному вопросу. Он отвечал Бухарину, что из *тактических соображений приходится идти на соглашение* даже с буржуазными националистами, и что разве большевики, мол, не были вынуждены скрепить своей подписью такое соглашение ... вчера – вступить в сотрудничество с башкирским правительством? ... Значит, Ленин и его соратники считают соглашение с нами *явлением временным*. Из его слов мы поняли, что их *товарищеское отношение к нам также ненадолго*. В будущем нас ... они отбросят в сторону, а власть передадут руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем. Но о том, что мы *разгадали их намерения*, не стали говорить ни друзьям, ни врагам»¹³³.

Провозглашение автономии Башкирии – первый опыт договорного способа образования автономии. Он оформлен подписанием сторонами *Соглашения*. Со стороны Центра его подписали нарком И. Сталин, председатель СНК В. Ленин и

¹³⁰ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.

¹³¹ См. об этом прекрасный сборник документов: Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сборник документов и материалов / Акад. наук СССР. Башкир. филиал. Ин-т истории, языка и литературы. Архивный отд. МВД Башкир. АССР. Центр. гос. архив БАССР. Парт. архив Башкир. обкома КПСС; Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа: Башкиргониздат, 1959. 990 с.

¹³² Об их подоплеке и роли основных участников см.: *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). – Казань: Татарское книжное издательство, 1999. 468 с.

¹³³ *Заки Валиди Тоган.* Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, Китап. 1994. С. 291.

председатель ВЦИК М. Владимирский, с башкирской стороны – М.А. Кулаев, М.Д. Халиков, А.И. Бикбавов. Ю. Борисенко подробно описывает как «обхаживал» Сталин лидера Башревкома Валидова, надеясь его «приручить»: «20 марта 1919 года было объявлено об образовании в составе РСФСР Автономной Башкирской Советской Республики. Валидова вызвали в Москву и поселили в “Метрополе”. С ним были любезны Ленин и Сталин. Особенно Сталин. Уже тогда он начал присматриваться к молодой партийной поросли и подбирать “молодых волков” в свою команду. Валидов ему сразу понравился. Он был свой – холодный, циничный ум, блистательный авантюризм, осторожность, неспособность к любви, манера играть с людьми и пробовать их “на зуб”. Нарком по национальным вопросам Иосиф Виссарионович предложил Валидову убрать из Башкурдистана русских переселенцев, появившихся там во времена Столыпина и в годы первой мировой. – Вы просто уничтожьте этих людей, и не будет никаких проблем. Вырежьте их, – предложил он Валидову (это слишком вольное использование авторами текста Валидова – Т.К.). – Иосиф Виссарионович, – ответил тот, – о чем вы говорите? Да если у них кровь из носа пойдет, все эти уфимские и оренбургские мыцины сразу завопят, что башкиры режут христиан! Лучше не трогать беженцев, да мы их, собственно, и не трогаем.

Валидов не был гуманистом – просто он сразу просек сталинскую провокацию. В игре в “кошки-мышки” он мог быть только “кошкой”. Сталину Валидов определенно нравился. Он обольщал Ахмета-Заки как мог»¹³⁴.

Споры о правах и полномочиях задевали конкретные судьбы и карьеры лидеров движений. Сталину казалось: они привязаны к большевистской колеснице прочнее, чем это было на самом деле. Он недооценил свойственный им дух независимости. Или переоценил их тщеславие.

Идеалы «интернационалистов» соседствовали с массовыми арестами, расстрелами. Тем значимее выглядят опасения этнических элит, завершившиеся переходом на сторону басмачей члена ВЦИК и Председателя Башревкома. Это единственный случай «дезертирства» с поста легитимного руководителя советской республики, но случаи ухода в эмиграцию можно найти и в истории сотрудников самого Наркомнаца.

Отозванный в Москву в аппарат ВЦИК Валидов «отпросился» у Ленина в мае 1920 г. на кумысолечение в Астрахань. Оттуда он бежал в Среднюю Азию. Летом 1920 г. он писал секретарям ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому и Е.А. Преображенскому: «Наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения ... к сожалению, серьезно разошлись»¹³⁵. «Кто же Вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? ...

¹³⁴ Борисенко Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. 1998. 9 марта.

¹³⁵ Сутинбеков Б. История Татарстана: Сталин и «татарский след». Казань. Татар. кн. изд-во. 1995. С. 161–162.

Э. Карр обратил внимание на примечание к английскому изданию 1936 года работы Сталина «Марксизм и национальный вопрос»: «Сильное правительство Колчака, *случайно издавшее указ об отмене автономии* Башкирии, вынудило правительство Валидова в 1919 г. под давлением масс объявить о своей верности Советскому правительству»¹³⁶. Понятная для года новой Сталинской Конституции ремарка. О *случайном* характере указа Колчака писал и В. Чернов в 1921 году, показывая, что он в курсе, как развивается федерализм в России¹³⁷.

Сталин и не забыл неприятный лично для него факт: в 1919 г. **Москва вынуждена была вступить в переговоры** с башкирской элитой, новое же постановление от 19 мая 1920 года отменяло договорный характер решения 1919 года. Объясняя «эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации»¹³⁸, ведь 16 марта 1919 года ЦК поручил именно «т. Сталину **точно договориться** с башкирами о действиях их как областного объединения, с представительством во ВЦИКе и вхождением нашего представителя в их ЦИК»¹³⁹.

Содержание примечания выдает остающееся и в 1936 году раздражение в «верхах» (не только у Сталина!) *договорной природой* федеральных связей. На практике ни одна из автономных республик, возникших в 1918 г., не заключала какого-либо соглашения с РСФСР. Их ЦИК не вступал в контакты по этому поводу, но автономии надеялись на развитие такой практики¹⁴⁰. Провозглашение Башкирской автономии – **позитивный** опыт практического конституционно-правового *оформления* федеративных отношений в РСФСР, использование основы федерализма – договора (соглашения). **Использование переговоров** было важным условием признания равенства договаривающихся сторон, неприятного для природы власти Москвы¹⁴¹. При образовании других автономий переговоры активно велись, но оканчивались **уже не соглашением, а изданием декрета или постановления высшего центрального органа власти**, как правило, ВЦИК и СНК РСФСР. Становится понятней смысл изменений, вызвавших «башкирский» конфликт.

Ю. Борисенко и А. Шишков списывают конфликт на отказ Ленина передать башкирам участок территории Оренбургской губернии (Валидов-де подъезжал с этой просьбой к Ленину). Авторы утверждают: «Ленинская мудрость сегодня очевидна», но невольно выгораживают Сталина, хотя тот на IV партсовещании

¹³⁶ Stalin I. Marxism and the National and Colonial Question. Engl. transl. 1936. P. 297.

¹³⁷ Chernov V. Mes tribulations en Russie. Paris. 1921. P. 10.

¹³⁸ Сталин И.В. Против федерализма / Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3. С. 30–31.

¹³⁹ Чистяков О.И. Становление «Российской Федерации» (1917–1922). М., 2003. 352 с.

¹⁴⁰ Первый Всероссийский съезд удмуртов летом 1918 года постановил: «Входя в состав Российской Федеративной Республики Советов, мы также имеем право на долю самоопределения (самоуправления) ... Говоря о самоуправлении и самоопределении народности, мы должны соблюдать общее единение с русскими гражданами и составить с ними единое государство. Все народы, и большие, и малые, многочисленные и малочисленные, составят общий союз, и тогда земля наша (Российская) будет землей союза народов, где у каждого народа будет свое управление (внутреннее), свой суд, свои законы, свой язык, свое образование, свое правительство. Только тогда, когда каждой народности будет предоставлено свое полное самоуправление (внутреннее), проснутся спящие народы, и быстрыми шагами пойдут по пути прогресса, только тогда все народы и мы, удмурты в частности, быстрыми шагами пойдем вперед по пути цивилизации ... Пришла свобода, пришла федерация, пришло самоопределение» (Удмуртское национальное движение: связь времен. К 85-летию I Всероссийского съезда удмуртов / Составитель А.П. Федоров, Ижевск, 2003).

¹⁴¹ СУ. 1919. М., 1943. С. 653–656.

ЦК с наработниками в июне 1923 года говорил о Валидове: «это “человек незаурядный, сильный, с характером, с волей, человек практики”».

На самом деле, Валидов 13 декабря 1919 года писал Ленину о важности «дovести до конца» создание автономий в «киргизско-башкирских краях» путем объединения этих территорий с центром в Оренбурге¹⁴². Эту «заветную мечту Валидова объединить Башкирию, Казахстан и Среднюю Азию в единое тюркское пространство» в этот день похоронило Политбюро. Видимо, на заседании докладывал Сталин. На заседании (п. 4 «*Мусульманские* вопросы») постановлено: «Предложить Президиуму ВЦИК устроить совещание» представителей Президиума ВЦИК, Валидова, Байтурсунова и др. и «на этом совещании *разрешить отрицательно вопрос* о слиянии Башкирской и Киргизской республик».

Если учесть содержание переписки Ленина с Каменевым на заседании Политбюро 15 мая, Сталин понимал: блок задач, на которые он брошен, решения с «советской» точки зрения не имеет. О восприятии майского декрета 1920 года нарком просвещения Ягафаров писал: «Положение о БСФ от 22 мая 1920 года, произвело на наших работников убийственное впечатление. Мы создали автономную республику, теперь Центр её ликвидирует. Нам стало ясно, что мы работаем в пустом пространстве»¹⁴³.

Взрывы раздражения проявлялись с обеих сторон. Было бы упрощением характеризовать их только как проявление российского имперства в отношении национальных окраин. Достанет и пресловутого демократического централизма из письма Ленина Шаумяну еще 1913 года: «Пределы автономии определит центральный парламент! Мы за *демократический централизм*, безусловно. Мы против федерации»¹⁴⁴. Неопределенность конституционно-правового положения автономных республик в составе РСФСР способствовала многочисленным жалобам ОК на них в Москву.

Башобком, например, считал излишней самостоятельность автономных структур, направляя информацию напрямую в Центр. Летом 1919 г. валидовцы создали Временное центральное бюро коммунистов Башкирии. В ноябре 1919 года на I Всебашкирской партийной конференции Валидов ратовал за создание «*особой национальной партии коммунистов Башкирии*». Руководство ею должно принадлежать только башкирскому пролетариату: а русским коммунистам – ограничиться работой «*только среди колонистов, подчиняясь всецело общему партийному органу*»¹⁴⁵. В январе 1920 г. Башобком развязал конфликт, ревнуя Башпревком к «сношениям с федеративными советскими республиками, входящими в РСФСР»: это «первый шаг к полному отделению».

С.М. Диманштейн писал: «Мне помнится такой эпизод: как работник Наркомнаца, я был тогда в связи с этим делом в ЦИКе (речь идет о приказе № 1 Башпревкома, о вступлении его в непосредственное управление Башреспубликой от

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 938. Л. 1–2.

¹⁴³ Известия БашЦИК и Башобкома РКП(б). 1922, 25 февраля; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 956. Л. 5–6.

¹⁴⁴ Первое напечатано в 1918 г. в газете «Бакинский Рабочий» № 48. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 234–235.

¹⁴⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. Советский период. – Уфа, 1966. Под редакцией Иванкова В.П. С. 153.

26 августа 1919 г. ... Тов. Лутовинов (он был, кажется, тогда секретарем ВЦИК): «Вам позволяют играть в бирюльки, а вы воображаете, что вы самостоятельная Башреспублика». Я увидел на лицах этих националов невероятное изумление, они не ожидали таких рассуждений со стороны официального лица, считая их противоречащими всей нашей работе среди национальностей. К сожалению, такое суждение было свойственно тогда далеко не одному Лутовинову»¹⁴⁶.

17–18 января 1920 года Политбюро постановило: «Президиуму ВЦИК создать комиссию для вербовки тезисов основ федеральной конституции РСФСР»¹⁴⁷. 23 января оно рассмотрело заявление Валидова о том, что башкирские деятели не возражают против объявления Татарской автономии в границах декрета 1918 года об автономии ТБССР. Речь идет о Сталинском проекте Татаро-Башкирской республики, о «протоколе федеральных намерений» беспокройной весны 1918 г. 30 января Политбюро отложило просьбу Валидова отозвать Сталина в Москву для формирования восточной политики¹⁴⁸.

Параллельно разрабатывались основы взаимодействия РСФСР и Украины. 6 февраля Политбюро разослало в центральные (общие для обеих республик) наркоматы резолюцию ЦК о взаимоотношениях между РСФСР и Украиной¹⁴⁹. ЦК РКП(б) учредил специальную комиссию во главе со Сталиным по башкирскому вопросу.

12 марта 1920 года Башревком обратился во ВЦИК, ЦК РКП(б), лично к Ленину, Троцкому, Сталину, ЦБ КОНВ и к Реввоенсовету Туркфронта с заявлением, известным как «Ультиматум Валидова» о невмешательстве местных партийных органов в административные дела автономии¹⁵⁰. 8 апреля 1920 г. Сталин выступил на пленуме ЦК как председатель комиссии по башкирскому вопросу. ВЦИК (выше упоминаемой Административной комиссии) поручалось «точно и безоговорочно» определить права автономной Башкирии, нормы ее отношения с РСФСР.

14 апреля 1920 г. Политбюро с участием Ленина обсуждало «башкирские дела»: тезисы Сталина о взаимоотношениях РСФСР и Башкирии. Решено не только «отозвать из Башреспублики – Валидова, Юмагулова», но и их противников из ОК «как неспособных примирить борющиеся в Башкирии группы». Но в тексте постановления отсутствует якобы шедшее от Сталина указание: «определить пределы прав Башреспублики и нормы ее отношений к РСФСР на основе установившейся практики на Украине»¹⁵¹.

Он знал, о чем писал. Как представляли эти отношения башкирские лидеры: «Об общероссийской федерации и отношении Башкурдистана к этой федерации 1. Российская республика состоит из союза (федерации) автономных на-

¹⁴⁶ Димаништейн С.М. Башкирия в 1918–1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5(76). С. 152.

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 55. Л. 1–3.

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 60. Л. 1–3.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 61. Л. 1–2.

¹⁵⁰ Ергин Ю.В. Аллабирде Ягафаров – первый нарком просвещения Малой Башкирии // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 6. С. 175–189.

¹⁵¹ Об этом читаем в книге Б. Султанбекова «Образование Башкирской и Татарской республик: сцена и закулисы».

циональностей и окраин. Башкурдистан входит в состав России как один из национально-территориальных штатов. 2. Все штаты федеративной России равны в политических и других правах, так же и Башкурдистан. 3. Союзная власть состоит из союзной палаты с равным количеством представителей от каждого штата, союзного правительства и союзного суда. Ни одна из национальностей и ни один из штатов, сколько бы они ни были велики по численности населения, не могут иметь представителей в составе союзного правительства более одной трети сего правительства»¹⁵². Разумеется, Ленин понял резоны Сталина, и племум решил: из-за «контрреволюционной» опасности усилить руководство Башкирией коммунистами¹⁵³.

Основные положения легли в текст нового декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об отношениях Автономной Советской Башкирской Республики к Российской Советской Республике». 19 мая 1920 г. его подписали Ленин и Калинин. Но в «Известиях ВЦИК» он опубликован под названием «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики»¹⁵⁴. В нем уже отсутствовало указание на федеративный статус органов власти, которые реализовали ее права. Декрет усиливал централизацию управления, урезал права автономии, достигнутые «Соглашением» 1919 года. Росло недоверие местных элит Москве. События принимали трагический оборот. Документ возмутил членов Башревкома, вызвал разрыв отношений Валидова с Советской властью и уход его в эмиграцию. Восстало башкирское население, массовое стихийное движение переросло в вооруженное столкновение с регулярными частями Красной армии.

Важно, что события развивались на фоне объявления Татарской автономии (май 1920 г.), Киргизской (Казахской) АССР (26 августа 1920 г.).

Но в Манифесте о созыве Всебашкирского съезда Советов (25–28 июля 1920 г.) говорилось: «Башкирия первая прodelьывает мировой опыт федеративного (союзного) сожительства автономных (самостоятельных) советских республик...»¹⁵⁵

28 июля 1920 года в Стерлитамаке первый съезд Советов Автономной Советской Башкирской Республики передал полномочия избранному съездом Башкирскому ЦИК. Сфера просвещения оставалась в автономной юрисдикции. Но Наркомпрос БАССР становился ответственным непосредственно «Всероссийскому ЦИК», а не как прежде Башревкому. Эта формула использовалась затем в декретах об образовании Татарской, Киргизской, Горской, Дагестанской АССР. Тексты декретов унифицированы аналогично «башкирскому» декрету¹⁵⁶. Посмотрим, как эти условия влияли на реализацию автономных структур управления на начальном этапе? Как они отразились на правомочиях структур?

Этнические элиты требовали от Москвы конкретного распределения прав, согласования содержания политических акций. Становление автономной си-

¹⁵² Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. В 4-х томах. Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев. Т. 1. Уфа, Китап. 2002. С. 202.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.

¹⁵⁴ Известия ВЦИК. 1920. 22 мая. № 109; СУ. 1920. № 45. Ст. 203.

¹⁵⁵ Еникеев З.И., Еникеев А.З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007. 432 с.

¹⁵⁶ СУ. 1920. № 76. Ст. 359; № 53. Ст. 232; 1921. № 235. Ст. 39, 41.

стемы управления и оформление ее полномочий в этнокультурной сфере имело ряд отличительных черт и особенностей.

Из практических соображений Ленину (как и Сталину) не нравилось федеративное устройство России¹⁵⁷. Сам Ленин воспринимал революционный процесс не только как органический вызов времени, но и как собственный инструмент. Он усматривал возможность их использовать в контексте мировой революции, используя федерализм, непосредственно вплетая одно в другое. Мало кто увязал Ленинский опрос видных политиков по этому вопросу накануне конгресса Коминтерна¹⁵⁸. Валидов вспоминал: «Спустя несколько дней после возвращения с Южного фронта мне позвонила секретарь Ленина и предупредила: “Владимир Ильич хотел встретиться с вами”. В назначенное время я был в кабинете Ленина. Ленин сообщил, что для II съезда Коминтерна, который откроется на днях, он подготовил “Тезисы по национальному и колониальному вопросам”, и попросил меня как можно скорее набросать по ним свои соображения. “Когда я прочитаю Ваши ответы, мы с Вами снова встретимся”, – добавил он. ... Я из собственных уст Ленина услышал: “Центр будет и впредь опираться в прежних колониях на представителей русского пролетариата, мы же будем пользоваться доверием в той мере, в какой проявим лояльность и верность их “руководству”... Это открытие тоже поставило нас перед необходимостью начать против Советов серьезную и открытую борьбу»¹⁵⁹. Валидов тяжело переживал крушение планов, «не оставляя надежды» найти общий язык с большевиками.

Но имеется и ответ Сталина на вопросы Ленина. В нем Сталин 12 июня рассуждал о разных формах связи вплоть до конфедерации, не видя большого отличия в них: «типа башкирской или украинской». Он удивлялся: **«Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю»**.

В чем, по Сталину, проблема элит? «Федерацию *советского* типа – пишет он, – они рассматривали бы как *форму умаления их государственной самостоятельности, как покушение на последнюю*». Для них «наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным, как путь к *интернациональному единству*. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли её давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений»¹⁶⁰.

В новой архитектуре российской государственности Ленин поддержал идею национальной структуры федерального устройства вместо территориальной, но одновременно выстраивал централизованную систему советских институтов власти. Это крайне противоречивые подходы. Они создают массу трудностей системе управления. Понимание этих проблем видно из содержания выступления Сталина в разгар острых дискуссий на XII съезде РКП(б) о правах и пол-

¹⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 51.

¹⁵⁸ См. Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. М.: Наука. 1992.

¹⁵⁹ Валиди Тоған 3. Воспоминания. Кн. 1. Уфа. 1994. С. 373–374.

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24248. Л. 2. Оpubл.: Коминтерн и идея мировой революции. М., 1999. С. 182–184.

номочиях союзных республик в федеративном СССР (март 1923 г.). Он сетовал: «Политика наша верна, но аппарат фальшивит ... поэтому машина движется не туда, куда нужно, а сворачивает»¹⁶¹. Ленин, увлеченный мировой революцией, видел проблему сквозь призму Коминтерна: тот превратит этнические элиты в послушных функционеров Кремля. Сталин понимал: для наркома по национальным делам Коминтерн – пока второстепенная структура. Это, во-первых.

Во-вторых, и Ленина, и Сталина волновало, каждого по-своему: многие заражены великодержавными настроениями.

Члены направленной в Туркестан Комиссии ВЦИК и СНК Ш. Элиава, В. Куйбышев, Я. Рудзутак в феврале 1919 г. подтверждали: становление советского федерализма идет в формах, далеких от желаемых. Всюду «доведенный до абсурда автономизм», деление населения на мусульман и европейцев. Под именем РКП(б) группируются различные элементы, имеющие отдаленное отношение к этнокультурным деятелям: такая «форма господства отдельных групповых интересов над туземным населением грозит смениться взрывом шовинизма – как реакцией против прежнего притеснения». Предстоит грандиозная работа по реорганизации аппарата власти: «Силы местных советских работников можно использовать, только когда они станут перед фактом *твердого решения центра* сделать Туркестан одной из составных экономических частей республики»¹⁶². Сталин открыто признавал: усилился «национализм русский»: «...бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т. е. создать так называемую “единую и неделимую”»¹⁶³.

Мусульманский конгресс в Самарканде в апреле 1922 г. провозгласил Туркестанско-тюркскую независимую республику, восстановил законы шариата¹⁶⁴. В 1922 г. процесс охватил Северный Кавказ, Татарию, Бухару и Хорезм. Большевики отступили, вернув шариатские суды, мечетям и медресе отобранное имущество, управление вакфов, выборность имамов.

Вернемся к текстам документов. В тексте Соглашения об образовании Башкирской АССР 20 марта 1919 года федеральные права и полномочия определяла ст. 1: «Автономная Башкирская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и *составляет федеративную часть*, входящую в состав РСФСР». Далее указывалось: «Власть в автономной республике организуется на точном основании Советской Конституции 1918 года». Ст. XIII гласила: «Вся полнота власти в пределах Башкирской Советской Республики впредь до созыва съезда Советов Башкирии переходит к Временному Революционному Башкирскому Комитету. Для созыва съезда образуется смешанная комиссия из пяти, из коих двух делегирует Башкирский Революционный Комитет и двух – Центральная Советская власть, пятый же назначается по соглашению сторон и комиссии»¹⁶⁵.

¹⁶¹ Сталин И.В. Организационный отчет Центрального комитета РКП(б) XII съезду РКП(б) 17 апреля 1923 г. / Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; 1947. С. 207.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 10. Л. 130, 201.

¹⁶³ Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. / Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ, 1947. С. 236–263.

¹⁶⁴ Ланда Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 53–70.

¹⁶⁵ Известия ВЦИК. 1919. 23 марта; СУ. 1919. №. 46. Ст. 451.

Другими словами, структуру и правомочия аппарата управления должны *сообща* определить центр и автономия.

22–26 февраля 1919 года Башревком сформировал правительство из пятнадцати комиссаров. Но не затихала борьба Башобкома с руководством БАССР, уже без Валидова. После самороспуска Башревкома и проведения I Всебашкирского съезда Советов в июле 1920 г. деятельность комиссариата просвещения попадает под полный контроль Башкирского обкома РКП(б). Проводятся ревизии и чистки руководящего ядра Наркомпроса, в состав коллегии комиссариата вводятся коммунисты. В 1921 г. при Наркомпросе учреждается Башглавполитпросвет, который напрямую подчинялся Башобкому и Наркомпросу РСФСР, в его составе находилась и Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности¹⁶⁶. С января 1921 г. по сентябрь 1922 г. в Башкирии «комиссарская чехарда»: пост наркома просвещения четырежды переходил «из рук в руки». В основе лежали политические и личные мотивы, локальные события и общая нестабильная обстановка. В августе 1922 года Айдаров по мобилизации ЦК РКП в числе «тысячников» возвратится в Уфу, Башобком назначил его заведующим Главбашполитпросветом.

Политический вектор на централизацию усилил IX съезд РКП(б). В апреле 1920 г. принята резолюция «По организационному вопросу» о создании в отдаленных от центра регионах параллельных партийных структур ЦК. С 1920 года созданы 8 региональных бюро ЦК РКП(б). Ряд из них образованы ранее, например, Сиббюро (17 декабря 1918 г), ряд имел статус государственных комиссий, например, Башкиропомощь (1919), Средазбюро 19 мая 1922 года заменило собой Турккомиссию ВЦИК и СНК, созданную 8 октября 1919 г. Большую роль в структуре новой власти играли Кавбюро (8 апреля) и Уралбюро (20 апреля). Бюро были полномочными представителями и региональными отделениями центрального правительства, инструментом навязывания большевистской гегемонии. Центр ставил бюро ЦК задачу содействовать национальной автономии, но в то же время не позволять снизить уровень контроля Москвы. В Центральной Азии Средазбюро имело широкие инструкции от высших партийных комитетов, собирая информацию на местах и направляя ее обратно в Москву, организовывая и дисциплинируя туркестанские парторганизации, подбирая кадры и определяя политическую повестку дня ее курса. Федеративные отношения между Якутской АССР и РСФСР первоначально определялись постановлением ВЦИК от 27 апреля 1922 г., не имели детальной правовой регламентации и регулировались отдельными правовыми актами. 4 января 1923 г. Наркомнац просил СНК РСФСР урегулировать их, ибо Сибревком активно вмешивался в дела Якутской АССР. Вплоть до того, что центральные наркоматы посылали указания якутским структурам через Сибревком. Предложение Наркомнаца поддержал Наркомат юстиции, Наркомфин, НК РКП.

¹⁶⁶ Гибадуллина А.Г. Деятельность Башкирской партийной организации по ликвидации неграмотности взрослого населения (1917–1939 гг.). Пермь, 1977.

Лишь 13 ноября 1923 г. урегулированы взаимоотношения с Сибревкомом, налажены сношения Якутской АССР с федеративными органами.

В 1921 году, подсчитала Г. Макарова, из 462 вопросов, рассмотренных коллегией Наркомнаца, 24 посвящены образованию новых автономий, 7 – разграничению территорий между ними, 33 – обсуждению проектов декретов и постановлений, затрагивающих интересы республик, областей или отдельных национальностей, 11 – взаимоотношениям автономий с РСФСР, 34 – удовлетворению просьб отдельных национальностей, 56 – другим вопросам, касающимся нерусского населения¹⁶⁷.

С оформлением федеративных отношений внутри РСФСР тесно связан порядок появления структур управления, он раскрывал, как связывались федеральные части общим делом.

Представления о государственном устройстве евразийского этнокультурного пространства в Гражданскую войну утверждались по мере развития политической ситуации на фронтах и под их воздействием. Отношение к нему являлось сложным, многогранным и подвижным. Большинство представителей элит демонстрировали позитивное отношение к федерации как таковой, не вдаваясь в детали относительно того, как, собственно, это устройство будет выглядеть: какие части бывшей империи вступят в договорные отношения? всегда ли центральная власть будет выступать договаривающимся субъектом, и если да, то с кем и о чем? Возникали иллюзии о возможности когнитивного консенсуса. Другими словами, после обмена разными мнениями создание, а потом принятие общего представления. Но интересное и заключается в осмыслении того, каким образом в Гражданской войне шел поиск этого консенсуса между этносами на пространстве бывшего имперского общежития.

Мы вряд ли могли освободиться в данном разделе от груза первичной эмпиричности, в которой несть числа любопытным деталям, приближающим к пониманию главного. Выделим мотивы, побуждавшие этнические элиты к выбору федеративной формы устройства государства. Процесс такого выбора иллюстрирует сложную картину побед и поражений в битвах Гражданской войны. Белорусские, грузинские и украинские социалисты-федералисты, якутские федералисты видели в федеративном устройстве России механизм реализации социалистических идей, одновременно создающим условия для развития национальной культуры и языка. Эстонским и литовским федералистам, которые опирались на идею синтеза социализма с национализмом, было ближе автономное устройство. Белорусская партия социалистов-федералистов не признала Литовско-Белорусскую ССР, созданную в феврале 1919 г., выступая, однако, и против превращения белорусских земель в часть польского государства.

Бывшему главе украинской Центральной Рады М.С. Грушевскому федерализм, как и борьба за образование социалистической федерации, представлялся

¹⁶⁷ Макарова Г.П. Народный комиссариат. С. 105.

политической реальностью. В разгар Гражданской войны в статье «Годовщина украинской независимости» (1919) ученый писал: «провозглашение самостоятельности хотя отсекает всякие претензии к Украине представителями старой и новой России, тем более не побрезгует идеей федерации Украинской Республики с другими республиками, с которыми ей будет по дороге»¹⁶⁸.

В трактовке типологии государства многие федералисты выступали сторонниками цивилизационного подхода. Основными критериями для них были духовные, исторические, культурные ресурсы – наука, нравственность, право, религия. Для гражданского противостояния на Западе (поляков, украинцев, белорусов, литовцев) и на Востоке (тюркских народов) было характерно отсутствие серьезных конфликтов, языковая, а часто и религиозная близость. При этом каждый народ жил на своей этнической территории – национальные кордоны были незначительными. На выбор федералистских конструкций влияли интернационалистские идеи, воплотившиеся в реакции на динамическую смену политической карты не только Восточной Европы, но и Османской империи.

В Гражданскую войну большевиками двигал пафос формирования нового в человеческой истории политического, экономического и социокультурного порядка – Космоса, радикально рвущего со старым миром. Первые советские национальные автономии и союзные республики создавались во многом для удержания территорий в боях за них и с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину. Культурные контакты обретали авторитарную природу. Немало коллизий во взаимоотношениях советского центра и национальных республик проистекало из организационной пестроты, неясности принципов соподчинения, многочисленности рождавшихся по инициативе как сверху, так и снизу учреждений, которые участвовали в решении этнокультурных проблем. Этнические элиты подчиняли свой пафос борьбе за образование автономных органов управления в советских структурах власти, разработке их полномочий. Перешедшие на службу советской власти представители этнических элит формировали властные автономные структуры преимущественно для «своего» этноса, оговаривая их юрисдикцию. Исключения были незначительными (автономии на Северном Кавказе).

В центре возникновения региональных «государств» рассматривали как естественную реакцию на распад общероссийского целого в условиях неясных перспектив. Разгон Учредительного собрания этнические элиты восприняли как угрозу своим планам. Однако и сами эти планы были разными. Если для общероссийских сил была важна борьба за власть в стране, то для национальных движений в большей степени – этнокультурный аспект ее государственного устройства. Так или иначе политические, культурно-религиозные и иные претензии пришлось бы согласовывать с общероссийской властью.

¹⁶⁸ Грушевский М. На пороге новой Украины. К., 1919. С. 10–11.

§ 4. Антисоветские проекты и ориентации этнических элит

Представления лидеров белых о роли этнического фактора в будущем государственном устройстве России, о принципах взаимоотношений центра и этнической периферии, о степени самостоятельности этнокультурных автономий были различными. В них сложным образом отражались и конкурировали друг с другом в разном соотношении автономизм, регионализм, федерализм и великодержавие.

А.Г. Корнилов, возглавив Добровольческую армию, заявил, что будет отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, входящих в состав России при сохранении государственного единства¹⁶⁹. За Польшей, Финляндией и Украиной признавалось право на «государственное возрождение». А.И. Деникин изначально был настроен скептически по отношению к «бесконечным национальным военным съездам» и высказывался за единство России с демократической «общерусской» властью, основанной на «добровольном и добросовестном» народоправстве¹⁷⁰. Руководство Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР) вообще занималось национальной политикой неохотно. Только с начала 1919 г. Подготовительная по национальным делам комиссия приступила к созданию малорусского, кавказского, белорусского, крымско-татарского и других отделов. Комиссию возглавил историк, член-корреспондент Петербургской и Краковской академий наук И.А. Линниченко. Линниченко исходил из концепции единства русской и украинской истории и культуры. Признавая существование украинского («малорусского») языка, но называл областным. Убежденный в германской подноготной украинского национального движения, он считал появление украинской автономии нецелесообразным и вредным для самой Украины. В свою очередь проект областного деления Украины с введением культурно-национальной автономии не устраивал украинских националистов.

Взаимоотношения власти с крупными национальными организациями складывались напряженно. В переменчивой военно-политической обстановке и в отсутствии сильного центра каждая сторона пыталась оговорить гарантии и выработать принципы взаимодействия. Предлагались разнообразные варианты федеративного устройства крупных регионов России – Федерация автономной Сибири, автономии «Алаш», Башкирии и Туркестана. Наиболее последовательно использовать этнокультурный фактор стремился Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Самарский Комуч, июнь–декабрь 1918 г.) на территории с развитыми национальными движениями и организованными элитами. Инородческий отдел Комуча выпускал газеты, листовки, брошюры на языках народов Поволжья, пытался организовать местное самоуправление, устраивал лекции и курсы, проводил митинги.

В сентябре 1918 г. на Государственном совещании в Уфе с программным заявлением от имени азиатских автономистов выступил А. Букейханов. Он говорил:

¹⁶⁹ Белый архив. Т. 2–3. Париж, 1928. С. 130–131.

¹⁷⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. М., 1991 (Гл. XXVIII).

«Мы – инородцы старой самодержавной России примкнули к демократической части России, республиканской России, мы ждали, чаяли, что надежды на народовластие будут осуществлены Всероссийским Учредительным Собранием ... Власть была захвачена демагогами, которые хотели установить в Российской республике диктатуру пролетариата и таким образом Российскую республику обратили в страну полной анархии, развала, отсутствия всякой власти. Вот в этих обстоятельствах создаются областные правительства ... Автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России ... Мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую, счастливую Россию»¹⁷¹. В будущее коалиционное правительство Букейханов предлагал включить представителя от автономий Туркестана, Киргизии и Башкирии.

Член бюро Государственного совещания М. Чокаев, отмечая необходимость представительства национальностей в новой государственной структуре, допускал возможность доверить защиту их интересов «лицу русского происхождения»¹⁷². Глава башкирских автономистов Валидов подчеркивал: «Старое время ушло, Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не сможем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято»¹⁷³.

Привлечение казахских и башкирских автономистов обостряло соперничество Комуча с Временным сибирским правительством в борьбе за право представлять всероссийскую власть. Последнее выступало как орган областной автономии и было готово предоставить культурно-национальную автономию народам Сибири. В «Основных положениях о границах культурной автономии национальностей Сибири» его Министерство туземных дел учитывало этнокультурное своеобразие народов Сибири, в большинстве своем объективно не готовых к самостоятельному государственному развитию¹⁷⁴. Кроме того кадетов, которые доминировали во Временном сибирском правительстве, раздражали амбиции этнических элит. Они опасались юридически и политически помогать «новым государственным единицам», поскольку добровольно санкционировать «иностранческий сепаратизм», по их мнению, могло «только государство, решившееся на самоуничтожение»¹⁷⁵. Важными считались «культурно-хозяйственное устройство и административная организация сибирских иностранных племен в соответствии с их национальными и бытовыми особенностями», оказание им помощи в переходе к прогрессивным формам хозяйствования. Особая программа намечала меры в культурно-правовой области, в записке на имя А.В. Колчака областники выдвинули неотложные меры по распространению образования¹⁷⁶.

¹⁷¹ Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сб. документов. Караганда, 2005. С. 43.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Уфимское Государственное совещание // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 152, 154.

¹⁷⁴ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Ч. 1. Пекин, 1921. С. 116.

¹⁷⁵ Сибирская речь. 1918. 5 авг.

¹⁷⁶ См.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 240.

В августе 1918 г. Комиссия для выработки программы Сибирского автономного областного управления заслушала представителей Дальнего Востока и казахских автономистов. Заместитель председателя Комиссии известный сибирский этнограф Н.Н. Козьмин считал, что территория будущей автономии должна охватить Сибирь от Урала до Охотского моря, казахи по объективным причинам присоединятся к Сибири на особых условиях. Но председатель Комиссии кадет А.С. Белевский усмотрел в оглашенном проекте предпосылки к отделению от метрополии, а в предложении создать министерства – превышение полномочий местного самоуправления. Появление Высшего суда Сибири, по его мнению, создаст «два правосознания для Сибири и всей остальной России, т. е. два государства». Право же генерал-губернатора накладывать вето на законодательные решения областных органов «делает автономию Сибири в достаточной мере призрачной». Член комиссии П.А. Кронеберг считал, что национальный состав, язык, религиозная принадлежность, бытовые особенности не дают «никаких оснований для политического обособления Сибири»¹⁷⁷.

Организационная, военная и экономическая слабость многих национальных структур заставляла их идти на уступки белым, лавировать в сложной военно-политической обстановке. Бурятский национальный комитет в ноябре 1918 г. был объединен с Бурятским отделом правительства атамана Г.М. Семенова. Аймачные отряды Улан-Цагда, призванные охранять и защищать национальные земства, на деле стали карательными. Бурятские лидеры оказались вынуждены согласиться на сотрудничество со сторонниками идеи панмонголизма, которую поддерживали атаман Семенов и японские военные круги¹⁷⁸.

До созыва регионального Учредительного собрания народам Сибири предоставлялась культурная автономия, «гарантирующая свободное развитие каждой отдельной национальности». Речь шла об организации преподавания на местном языке и изучении русского на средства государственного бюджета, если не доставало «местных национальных средств». В местных судах разрешалось применять местные обычаи, если они не противоречили «основным правовым принципам цивилизованных народов»¹⁷⁹.

Вместе с тем статус Министерства туземных дел неуклонно понижался. 25 августа 1919 г. межведомственное совещание по проекту учреждения при МВД Департамента туземных дел и Совещания для составления законопроектов по туземным делам признало: «Настоящий момент совершенно не подходящ для спокойной творческой работы». Попытки организовать национальное самоуправление на местах, в ряде случаев успешные, вызывали серьезные дискуссии в правительственных учреждениях белой Сибири. Создание бурятских аймаков в Иркутской губернии считалось «разлагающим антигосударственным элементом

¹⁷⁷ См.: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 243.

¹⁷⁸ Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 12. После укрепления советской власти большевики утилизировали эту не имевшую серьезной идеологической базы идею направлением бурятской элиты (Ц. Жамцарано и др.) в Монголию для ее трансформации в духе идей мировой революции.

¹⁷⁹ Там же.

этнографически-политического сепаратизма бурят с монгольской ориентацией»¹⁸⁰. Незаконным было признано и существование Бурятского национального комитета – политической партии без устава и регистрации. Предлагалось ее распустить. Избранные на основе пропорционального национального представительства земства этнические элиты рассматривали как приемлемый путь разрешения проблем. Но буряты не добились от Колчака разрешения самостоятельно утверждать судей, земские советы, управления милиции. Не менее проблемными были отношения с властью и у других национальных организаций. В 1919 г. сократилась деятельность якутских федералистов. Съезды и собрания горных алтайцев разрешалось проводить только с санкции гражданских и военных властей, лидеры движения подверглись репрессиям.

Образование в сентябре 1918 г. центра антибольшевизма на востоке страны в лице Временного Всероссийского правительства (Директории), казалось, создало основу для учета этнокультурного фактора на обширной подконтрольной ему территории. Уже в октябре национальные и областные автономии получили самостоятельность в устройстве народного просвещения и культуры. Но вскоре областные правительства были упразднены – в условиях широкомасштабной вооруженной борьбы набирала обороты централизация. Предоставление государственного статуса тем или иным образованиям откладывалось до окончания войны, создавались комиссии для подготовки положений о представительных национальных органах¹⁸¹.

18 ноября 1918 г. Верховный правитель России А.В. Колчак заявил: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности»¹⁸². Будущее демократическое государство обеспечит равенство сословий и классов: все «без различия религий и национальностей получают защиту государства и закона»¹⁸³. Ликвидация «самочинных» правительств прикрывалась перспективой созыва Учредительного собрания. Создать его Колчак намеревался после разгрома большевиков, отрицательно относясь к представительству национальностей в исполнительных и законодательных органах власти¹⁸⁴. 14 мая 1919 г. он заявил еврейской делегации: «Я против национальной фракции, не имею оснований менять свое отношение к этому вопросу. Объясняю шероховатости ... в национальных отношениях нервным состоянием страны, особенно в прифронтовой полосе». Приказом от 28 июля 1919 г. Верховный правитель призвал к борьбе «за русское национальное дело восстановления России как свободного, единого и независимого государства»¹⁸⁵.

Осью политики Н.Н. Юденича стал лозунг «единой неделимой России» с характерной для него, по словам очевидца, «тягой к военной диктатуре»¹⁸⁶. Эта по-

¹⁸⁰ Цит. по: Аманжолова Д. На изломе. С. 124.

¹⁸¹ Вестник Временного всероссийского правительства. 1918. 16 ноября.

¹⁸² Цит. по: Зырянов П.Н. Колчак. М., 2012. С. 125.

¹⁸³ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

¹⁸⁴ См.: Правительственный вестник. 1918. 1 дек.; Заря. 1918. 31 дек.; Русская речь. 1919. 3 июня.

¹⁸⁵ Правительственный вестник. 1918. 24 ноября; Сибирская речь. 1918. 19 дек.; Колчаковщина на Урале и в Сибири. 1919-1920: Архивные материалы библиотеки ИНИОН. М., 1992. Док. № 80.

¹⁸⁶ Горн В. Гражданская война на северо-западе России. Берлин, 1923. С. 42.

зиция в дальнейшем отразилась в неприятии русских финской и эстонской прессы, в лишении их ряда гражданских прав. Бывший министр исповеданий Временного правительства А.В. Карташев писал министру внутренних дел правительства Колчака В.Н. Пепеляеву: «Мы здесь [в Финляндии] ... неизмеримо бесправнее евреев в прежней России»¹⁸⁷. В ходе летнего наступления Юденича и белоэстонцев в июне 1919 г. Колчак обратился с просьбой о помощи к временному главе Финляндии барону К. Маннергейму, со своей стороны заверяя в отсутствии неразрешимых проблем между будущей Россией и Финляндией. Маннергейм в ответ заявил, что финляндский сейм не одобрит подобного предприятия, не заручившись гарантиями «нашего национального и государственного бытия»¹⁸⁸.

Юденич выступил с проектом соглашения, по которому Финляндия могла бы двинуть войска на красный Петроград. «Россия безусловно признает независимость Финляндии, – говорилось в нем ... Высочайший указ 15 февраля 1864 года о передаче Финляндии ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана, подлежит исполнению в кратчайший срок ... За карелами Олонецкой и Архангельской губерний признается право на полное самоопределение ... За русскими подданными финской национальности, проживающими в Петроградской губернии, обеспечивается право сохранения своей религии, языка, судов, управления и школ. Одинаковые права предоставляются русским в Финляндии»¹⁸⁹. Однако Колчак оценил проект Юденича как «мало приемлемый».

В общем, отношение к этнокультурному фактору антисоветских режимов определяли «непредрешенчество» и приоритет, отдаваемый ими общенациональным интересам. Один П.Н. Врангель выдвинул идею «тактического федерализма» и признал суверенитет Украины, но сделал это слишком поздно. Как верно отмечает Д.А. Аманжолова, их «доктрина “целокупной России” носила великодержавный характер, и хотя это нельзя приравнивать к провозглашению курса на шовинизм и русский национализм, тем не менее лозунг единства и неделимости страны в ее прежних границах этнополитическими движениями и организациями воспринимался именно как возвращение к дореволюционной политике»¹⁹⁰. Соглашения, если и достигались, были кратковременными, на психологию белых накладывались амбиции этнических элит и местных правительств¹⁹¹. Антисоветские режимы контролировали полиэтнические районы Сибири, Урала, Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Крыма, Северо-Западного края, Туркестана. Между армиями Деникина (позднее Врангеля), Колчака, Юденича военно-политическое и территориальное размежевание менялось, но общая регионализация сохранялась. К августу 1918 г. здесь насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств. Но политика белых в этнокультурной сфере оказалась непродуктивной.

¹⁸⁷ Цит. по: Корнатовский Н. Борьба за Красный Петроград. СПб., 2017. С. 602.

¹⁸⁸ Архив Гражданской войны. Т. 1. Берлин, 1923. С. 23.

¹⁸⁹ Цит. по: Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор по исключительно официальным архивным документам бывшего колчаковского правительства. Л., 1926. С. 246–251.

¹⁹⁰ Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР: 1920–1930 гг. М., 2010. С. 19.

¹⁹¹ Бислый архив. Т. 2–3. С. 176; Национальная политика России: история и современность. С. 250–251.

В этнокультурном плане К. Маннергейм пытался разрешить конфликт, вызванный стремлением шведоманов возвести барьеры между Финляндией и Россией, повторно присоединив ее к Швеции. В языковой борьбе финноязычные средний класс и сельское население их не поддерживали.

В 1920 г. в Эстонии возникло Русское научное сообщество, а в 1921 г. – Русская академическая группа под председательством И.М. Тютрюмова. Ее целями было «объединение русских ученых, проживающих в Эстонии, на почве их научных занятий; установление связей как с научными кругами Эстонии, так и с русскими академическими группами в других странах»¹⁹². Группа частично брала на себя расходы на научные командировки за границу и организацию продовольственной помощи голодающим ученым советской России. По приглашению министра юстиции Эстонии Тютрюмов в 1920–1921 гг. принимал участие в разработке эстонского Гражданского уложения. Философ И.А. Ильин, говоря о здешнем влиянии русских правоведов, писал: «Судьи прибалтийских государств вплоть до сенаторов, изучившие русское право на русском языке, готовясь к слушанию сколько-нибудь сложного дела, обращались к русскому праву и к образцовым произведениям замечательных русских юристов, от Н.С. Таганцева до И.М. Тютрюмова, – и по ним искали права и правды для своих соплеменников, и затем подбирали новые слова на своих языках, чтобы передать и закрепить рецепированное русское право»¹⁹³.

Этнические элиты имели богатый опыт противостояния сохранявшейся имперской практике. Принимая участие в борьбе с большевиками, в целом ряде случаев они начинали воевать и против белых армий. Большинство из них не смогли стать самостоятельной политической силой, не имели для этого достаточных социальных ресурсов, не были едины, распадались на непрочные партийно-политические группировки. Внимание власти к этнокультурным проблемам было единичным и, по сути, несущественным, и наоборот. Министр иностранных дел Грузии Е. Гегечкори, например, вообще не признавал за командованием Добровольческой армии права выступать от имени России.

Этнокультурные проекты самих элит возникали и как конкретные программы в сфере образовании и пр., и как предлог для разрешения крупных политических проблем (отделение Польши, прибалтийских регионов). И проекты, и программы были наспех обоснованы, направлялись на развитие «неисторических» (т. е. не имевших ранее государственности) наций. Важной особенностью таких проектов явился их «геополитический» масштаб и стремление объединить силы родственных в культурно-историческом плане этносов.

Хотя IV Универсал Украинской Центральной Рады 9 января 1918 г. провозгласил независимость Украины, Грушевский остался верен идее федерализма, но в новом геополитическом и цивилизационном контексте. Наступление большевиков и их репрессии лидеров украинского движения стали определяющей

¹⁹² <http://www.kaminski.ru/index.php/matertop/31-materkat/368-rus-akad-obsch>

¹⁹³ Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. I. Париж, 1956. С. 35.

причиной кардинального отхода Грушевского от пророссийских федералистских конструкций. Из-под его пера вышел ряд работ, сведенных в трактат «На пороге новой Украины». Федеративная идея здесь была переориентирована на Восточную Европу, Грушевский доказывал геополитическую органичность Украины на восточно-европейской карте¹⁹⁴. Его концепция черноморской ориентации Украины предусматривала создание федерации как «кооперации народов Черного моря» в этом мегарегионе. Статья «Ориентация Черноморская» об исторических предпосылках этой федерации стала логическим продолжением работы Грушевского об ориентации западной: «исторические условия жизни ориентировали Украину на Запад»¹⁹⁵, однако географические условия ведут ее на юг, к Черному морю¹⁹⁶.

Свой трактат «На пороге новой Украины» Грушевский насытил мессианскими и федералистскими конструкциями вне российского контекста. «Насильственные мероприятия московские», писал он, привели к отчуждению Украины от близкого ей «духом и нравом» западного мира, куда ей следует вернуться, в первую очередь – «в мир германский, немецкий, с которым и в прошлом у нее было больше всего связей»¹⁹⁷. В этнокультурной части новой федеративной концепции Грушевского лежал отход «новой Украины» от общего с Россией государственного организма. Одновременно историк не исключал использования черноморской ориентации в качестве противовеса идее «славянского единства», говоря о создании федерации украинского, белорусского и литовского народов на балто-черноморских путях. Позднее, уже в эмиграции, он вспоминал о планах украинских политиков в 1917–1918 гг. создать славянскую федерацию в составе «западнославянских и балканских земель»¹⁹⁸.

В августе 1918 г. ЦК Белорусской партии социалистов-федералистов поддержал провозглашенную 25 марта 1918 г. независимость Белорусской Народной Республики (БНР). Однако в октябре Глава Польского национального комитета в Париже Р. Дмовский представил президенту США В. Вильсону специальный «Мемориал» с характеристикой литовских и белорусских этнокультурных ресурсов как «давних территорий польского государства». Поляки, утверждал польский политик, представляют собой единственную интеллектуальную и экономическую силу на этих землях, в то время как «русское (украинское), белорусское и литовское большинство» состоит «почти исключительно из мелких крестьян и духовенства». Евреев, которые «добились значительного прогресса в экономической и умственной жизни края», немного, причем они «частично приняли русский язык и культуру» и настроены «скорее враждебно по отношению к полякам»¹⁹⁹.

¹⁹⁴ Грушевский М. На пороге Новой Украины. Киев, 1919.

¹⁹⁵ Цит. по: Королев Г. Идея черноморской федерации Михаила Грушевского (1918 г.) // <http://belhist.ru/2012/11/gen-ralnij-korolev-ideja-chernomorskoj-federacii/>.

¹⁹⁶ Грушевский М. Ориентация черноморська // он же. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991. С. 144–146.

¹⁹⁷ Там же. С. 148.

¹⁹⁸ Грушевський М. В першій делегації Української партії соц-революціонерів (квітень 1919 р. – лютий 1920 р.) // Бороться – перемогти! 1920. № 3. С. 51.

¹⁹⁹ Алексейчик Я. Варшава и белорусский вопрос – век XX // Беларуская думка. 2012. № 5. С. 87–89.

Фактический руководитель Польши (*Naczelnik Państwa*) в 1918–1922 гг. маршал Ю. Пилсудский выступал за создание «самостоятельных государств» под главенством Польши. В августе 1919 г. на переговорах с председателем правительства БНР А. Луцкевичем (тот добивался включения «белорусского вопроса» в программу Парижской мирной конференции) польский лидер обещал освободить Белоруссию из-под власти России. Раздел своей страны по решению Брестского и Рижского мирных договоров Луцкевич воспринял как угрозу исчезновения белорусского этноса и его культуры. В связи с тем, что Антанта не признает государственности Белоруссии, Пилсудский видел выход в возрождении Польши в границах 1772 г. с включением в ее состав белорусских земель²⁰⁰. Немцы предложили свое видение решения проблемы – с их помощью в Белоруссии начали открываться национальные школы, клубы, общества, издаваться газеты на белорусском языке. Одних таких школ за 1915–1918 гг. было открыто порядка 300–350²⁰¹.

После занятия в феврале 1918 года Минска польскими войсками в белорусской Раде произошел раскол, вызванный разномыслием в вопросе об этнокультурном генезисе белорусов. Большая часть Рады во главе с В. Ластовским придерживалась «кривической» теории, согласно которой белорусы являлись прямыми потомками восточнославянского племени кривичей. Именно на территории их расселения позднее появилось Полоцкое княжество, оказавшее существенное влияние на развитие белорусских земель.

На совместной конференции представителей БНР и польского правительства в Минске 20–24 марта 1920 г. польская сторона отклонила Декларацию о защите целостности Белоруссии и обязательство обеспечить равноправие белорусского языка с польским, как и автономию белорусской школы²⁰². Равным образом было отвергнуто создание польско-белорусской Следственной комиссии для ликвидации последствий большевизма, Генерального комиссариата по белорусским делам, литовско-белорусского правительства в Вильно.

Прибалтийская элита стала искать поддержку в Берлине, зондируя почву относительно присоединения к Германии Эстонии и Латвии в виде Балтийского герцогства. В октябре 1918 г. рейхсканцлер М. Баденский передал управление Прибалтикой Регентскому совету в составе четырех немцев, трех эстонцев и трех латышей во главе с бывшим членом Госсовета Российской империи бароном А.А. Пиларом фон Пильхау²⁰³. С поражением Центральных держав 29 ноября 1918 г. в Нарве была образована Эстляндская Трудовая коммуна²⁰⁴. Управление культуры и просвещения в ее Совете возглавил рабочий А. Вальнер, экстерном окончивший Петербургский университет, ректором Тартуского университета впервые стал эстонец, математик Я. Сарв, председателем Отдела по

²⁰⁰ Алексейчик Я. Варшава и белорусский вопрос – век XX // *Беларуская думка*. 2012. № 5. С. 87–89.

²⁰¹ Сідарэвіч А.М. Антон Луцкевіч // *Крыніца*. 1999. № 5. С. 55.

²⁰² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г. М., 1964; Алексейчик Я. «... Оторвать белорусов от востока». Варшава и белорусский вопрос – век XX // *Беларуская думка*. 2012. № 5. С. 87.

²⁰³ Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003. С. 326.

²⁰⁴ Жизнь национальностей. 1918. 8 дек.

охране исторических памятников – скульптор Я. Коорт. В уездах и волостях было введено бесплатное обучение на родном языке²⁰⁵.

В августе 1919 г. на конференции под Ригой родилась идея Балто-Черноморского союза. Его проект разработал глава МИД Латвии З. Мейеровиц, противник имперского консервативного курса. Мечтой Мейеровица была балтийская Антанта с участием Финляндии и Польши. Его программа содержала конвенцию о взаимной поддержке, обеспечении свободного пути от Балтийского моря до Черного. Проект Мейеровица поддержали делегации Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, польские и украинские представители. Гордостью этнокультурной программы Латвии стал основанный в 1920 г. Культурный фонд, который способствовал развитию сети библиотек, строительству домов культуры, поддерживал музеи, театры, музыкальную жизнь, выделял средства художникам и учёным на учёбу за границей.

Литовская с.-д. партия поддерживала проект федеративного союза Литвы, Польши и России. Много споров вызвала проблема планируемого союза признать права национальных меньшинств участвовать в выборах в Сейм. В знак протеста поляки и евреи отказались от работы в нем. Однако у национальных меньшинств сохранялась широкая культурная автономия, возможность учреждать школы на родном языке, действовали различные общества. С 9 декабря 1918 г. в Кабинете министров работал министр без портфеля по делам белорусов. Он защищал их интересы, заботился о культурных и просветительских делах, издавал печатные бюллетени. Министерство образования руководило работой образовательных, научных, культурных и культовых учреждений²⁰⁶.

9 апреля 1918 г., после объявления независимости Закавказья, закавказский Сейм избрал комиссию для разработки Конституции. Правительству поручалось «незамедлительно представить законопроект Конституции независимой Федеративной демократической республики Закавказья»²⁰⁷. Армянская партия Дашнакцутюн выступала за «Закавказье в качестве демократической республики ... составною частью России –республики федеративной»²⁰⁸. Грузинские федералисты главную задачу Сейма видели в размежевании закавказских народностей, без чего, по их мнению, было «невозможно ни самоуправляться, ни самоопределяться». «Мы, социалисты-федералисты, – заявил министр народного образования Г. Ласхишвили, – давно призываем народы Кавказа к разрешению вопросов о территориях ... В основание размежевания мы ... вводим коллективный опрос населения, референдум, в особенности на периферии, и требуем самого широкого обеспечения прав меньшинства»²⁰⁹. Идею референдума поддержал и председатель Правительства Грузинской Демократической Респуб-

²⁰⁵ Зеттенберг С. История Эстонской Республики. Таллинн, 2013. С. 125.

²⁰⁶ Обзор оцифрованных документов: исторический контекст и источники. Литовская Республика в 1918–1940 гг. // <http://valstybingumas.lt/RU/saltiniu-apzvalga/LR-1918-1940-saltiniai/Pages/default.aspx>.

²⁰⁷ С.картвело. 1918. 12 апр.

²⁰⁸ Программа Дашнакцутюн. Женева, 1908.

²⁰⁹ Закавказский сейм: Стенограф. отчеты. Сессия первая. Тифлис, 1918. С. 28.

лики Н. Жордания²¹⁰. Перед элитами встал «сложный и запутанный» при дисперсном расселении народов вопрос их территориального разграничения с «образованием национально-территориальных кантонов» и обеспечением прав национальных меньшинств. Закавказский Сейм был призван «привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни»²¹¹.

Первые заседания Сейма омрачили армяно-азербайджанские столкновения в Эриванской губернии. Партия Дашнакцутюн обвинила азербайджанцев в измене не только демократическому делу, но и родине²¹². Споры ослабляли узы, связывавшие Закавказье с Россией. По мере углубления противоречий инстинкт самосохранения в условиях обостряющихся межнациональных отношений объективно способствовал усилению центристских сил. В марте 1918 г. было санкционировано отделение Закавказья от России, в апреле провозглашена ЗДФР, но вскоре федерация распалась.

Организационные формы множили конкуренцию за ресурсы, амбиции и противоречия элит, представлявших различные варианты взаимодействия традиций духовно-культурного развития своих народов с вызовами модерности. К лету 1918 г. образовались Грузинская демократическая республика, Республика Армения, Азербайджанская республика. Пятая статья Акта о независимости Грузии гласила: **«Демократическая республика Грузия в пределах своих границ обеспечивает равенство всех граждан в гражданских и политических правах независимо от национальности, вероисповедания, социального положения и пола»**²¹³. В первой статье Конституции Грузии 1921 г. грузинский язык провозглашался государственным.

Наибольшее число федералистских проектов было создано польской элитой. Соединённые Штаты Польши – такова была концепция возрождения Речи Посполитой польского композитора, государственного и общественного деятеля, дипломата, министра иностранных дел Игнация Яна Падеревского. Она была впервые сформулирована в его меморандуме президенту В. Вильсону от 11 января 1917 г. Падеревский видел Польшу федеративным государством с законодательно закрепленными правами различных этнических и религиозных групп. Территориально оно должно было включать большую часть Речи Посполитой образца 1772 г. с населением порядка 54 млн человек. В административном отношении Соединённые Штаты Польши должны были включать несколько автономных королевств (Польское, Литовское, Полесское, Галицко-Подольское, Волынское) во главе с президентом, который одновременно носил бы титул короля Польского, Литовского, Полесского и Галицкого²¹⁴.

Ключевой фигурой с несомненным геополитическим горизонтом использования федерализма в самых разнообразных политических проектах был Ю. Пилсуд-

²¹⁰ Жордания Н. Национальный вопрос в Закавказье: Тезисы и резолюции. Тифлис, 1917. С. 34.

²¹¹ Закавказский сейм. Стенограф. отчеты. Сессия первая. С. 6–29.

²¹² Там же. С. 35.

²¹³ Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси, 1993. С. 172.

²¹⁴ Joanna Gierowska-Kałuża Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa, 2003. P. 19.

ский. Его задумка *Intermarium'a* (Междуморья) – союза наций между Балтийским и Черным морями – до сих пор не выключена из арсенала геополитических концепций и стратегий. Пилсудский часто повторял: «Польша как бублик. Посередине дырка, а самое вкусное по краям, на окраинах (кресах)». Яркий и харизматичный политик, он видел себя, прежде всего, «отцом польской нации». Для Пилсудского главной опасностью была Россия, которая, по его мнению, независимо от господствующего в ней режима, будет всегда стремиться восстановить контроль над пространством бывшей империи. Чтобы воспрепятствовать этому, Пилсудский выступал за создание федерации, включающей в себя Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Белоруссию и Украину. «Междуморье» предполагалось связать с Венгрией, Румынией, Югославией, Болгарией и Турцией.

В начале 1920-х гг. планы Пилсудского получили продолжение в «Ягеллонской идее» – проекте федерального государства, направленного на Восток в сторону Литвы, Белоруссии и Украины. В ареале культурного польского влияния основным противником мультинациональной, многоконфессиональной федерации оставалась Россия. Ягеллонская идея подразумевала освоение Польшей востока Европы с цивилизаторской миссией введения окраин – «кресов» – в лоно европейской культуры. Ее практическим воплощением стал специфически польский мессианский проект – прометеизм. Дополняя Ягеллонскую идею, он ставил цель расчленив Россию, поддержав национальные движения малых народов, которых Польша «освободит», а затем объединит в федерацию с собой во главе. Географически проект распространялся за пределы балто-славянского ареала. В Варшаве полагали, что прометеизм будет эффективен и в объединенном кавказском государстве, сохранив его независимость от вожделений как красной, так и белой России²¹⁵.

Польские проекты играли большую роль в решении проблем возврата польских культурных ценностей. 19 января 1918 г. появился декрет СНК РСФСР «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу». Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины, музейные предметы ставились под охрану правительственного Комиссариата по польским делам и Общества охранения древностей для их последующей передачи польской стороне²¹⁶. После подписания в Риге в 1920 г. соглашения о мире²¹⁷ Комиссию с польской стороны возглавил А. Ольшевский, с советской – О.Ю. Шмидт (вскоре его сменил советский полпред в Польше П.А. Войков). В польском составе Комиссии имелось несколько подкомиссий: музейная (директора музеев Львова и Кракова), библиотечная и исторических архивов (представители библиотек Кракова, Варшавы и Познани), административных архивов. Комиссия размещалась в Москве, имела отделения в Петрограде и Варшаве. В состав Комиссии с советской стороны

²¹⁵ Писменский О.Б. Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления // Звенья. 2011. № 1 (14); Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сб. документов / сост., авт. предисл. и примеч. Г.Г. Мамула. М., 2012. С. 32.

²¹⁶ Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 19 янв.

²¹⁷ Гернович Т.Д. Роль М.К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Навук. зб. Вып. 8. Мінск, 2013. С. 204–209.

входили С.И. Мрочковский и А. Аршруни, экспертами выступали известные ученые А. Браудо, О. Добиаш-Рождественская, И. Грабарь, С. Яремич, Н. Лихачев, М. Любавский, М. Лозинский, С. Ольденбург, С. Платонов, С. Ушаков. Отправной точкой в выработке советской концепции перемещенных архивов стал циркуляр управлениям музеев, дворцов, архивов, библиотек и других художественных и научных хранилищ РСФСР. В марте 1921 г. Главархив создал Комиссию для выяснения вопросов, связанных с передачей архивных документов Польше, в которую вошли В.И. Пичета, Н.Ф. Бельчиков, С.К. Богоявленский и М.К. Любавский.

Лозунг белых – воссоздание единой и неделимой России – усиливал внимание этнических сообществ к советским федералистским практикам. Их тревога и беспокойство обретали этнический вектор, порождая конфликт, который оборачивался неприятием того или иного этноса. Погромные настроения с воззваниями «к славянству и его благородным союзникам», надежды на «суверенную волю русского народа» перемежались арестами за «русофильство»²¹⁸. Влияние элит на свои этносы было значительным. Сами же элиты испытывали воздействие, с одной стороны, европейских, а с другой – российских идей, взглядов и практик. В зависимости от степени модернизации этносов европейские или российские культурные ориентиры играли большую или меньшую роль. В Польше, Финляндии, Прибалтике определяющим было европейское влияние, тогда как на Украине, в Казахстане, на Кавказе – российское. На западе в большей мере декларировались лозунги и реализовались практики политической независимости, в то время как на востоке все сводилось к культурно-политической автономии.

Этнические элиты стремились упрочить влияние на автохтонных территориях, но не были едины даже на внутриэтническом уровне. Они встали на путь небескорыстного использования этнокультурного потенциала. Существенным мотивом была власть как средство подавления соперников. Сталин в связи с этим заметил: «Не забывайте, что если бы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича мы не имели бы так называемых “инородцев” ... это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все ... мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов ... Угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия»²¹⁹. Реальная картина выглядела намного сложнее, но ведущая тенденция оценена верно.

§ 5. Новая российская государственность в планах иностранцев

В ноябре 1918 г. в румынском городе Яссы состоялось совещание дипломатических миссий союзников с делегациями антибольшевистских правительств, которые на помощь Антанты возлагали большие надежды. Союзники, в том числе французский командующий союзными войсками в Румынии и на Юге

²¹⁸ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 18–19.

²¹⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 245–246.

России А. Бертелло, были готовы ее оказать, не признавая советскую власть и считая «Россию существующей». В записке, адресованной союзному командованию, русские представители указывали, что если страны Согласия желают видеть новую Россию членом семьи цивилизованных народов, «помощь, которую они России окажут, не должна ни опоздать, ни быть незначительной»²²⁰.

Русская делегация в Яссах воспринималась союзниками как ядро культурной программы русского возрождения, «неоспоримый моральный центр русского дела»²²¹. Но оказалось, что полномочий для серьезных переговоров местные представители Антанты не имели. «Заседание есть лишь безответственный обмен мыслями вслух», вспоминал участник совещания Н.В. Савич от Совета государственного объединения России. Западные представители в Яссах обещали помощь русским силам, но были оторваны от главных политических центров Антанты²²². «На Парижской мирной конференции, – пишет историк С.В. Листиков, – сложный “русский вопрос” западные политики метко сравнивали с обитающим в старинном замке кровавым призраком, вызывающим всеобщее отвращение, но требующим постоянного внимания»²²³.

Общей позиции участникам яесского совещания выработать не удавалось. Мусульманские, славянские, балтийские элиты России, побывав в роли окраин двух или даже трех империй и испытав давление имперской системы, делали выбор в пользу более развитых ресурсов культуры, стремились преодолеть свою провинциальность, расширяя границы сознания и поведенческих моделей, раздвигая границы нормы для инновационного развития. Факты этнической истории и мифы народов использовались ими для обоснования места их культуры в общем цивилизационном потоке. Анализировались чужие стратегии, сопоставлялись практики, оценивались внутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Конечно, контакты носили амбивалентный характер, вызывая чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией исторически апробированного объекта, с которым связывали чувства религиозной общности, сопричастности, сопереживания.

Характерная для европейских процессов интенсивность социокультурной динамики (автономия подсистем, избирательное право, институционализация социальных изменений, рационализация, светская культура, торжество закона) существенно модифицировала чувство онтологической безопасности. В ее институциональных принципах внимание участников встреч сосредоточивалось на собственной в прошлом государственности. Пакетное наполнение российскими реалиями ставилось в зависимость от порождаемой ею мощи.

Вопреки ожиданиям, большевики оказались сильным противником. 16 января 1919 г. Д. Ллойд-Джордж возражал Ж. Клемансо: «Неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась ...

²²⁰ Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1992. № 3. С. 338–342.

²²¹ Там же. С. 327.

²²² Яесское совещание 1918 (журналы заседаний Русской делегации). СПб., 1992. Кн. 3.

²²³ Листиков С.В. Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция // Версальская система и современность. Сб. ст. СПб., 2012. С. 177–198.

Большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было ... их влияние на народ теперь сильнее ... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, – безумие»²²⁴. Военный министр Англии У. Черчилль 17 июля 1919 г. на банкете британско-русского клуба, говорил: «Россия, милорды и джентльмены, является в настоящее время решительным фактором мировой истории ... Сила Лиги наций будет испытана в русском вопросе»²²⁵. В марте 1919 г. представитель Русского политического совещания в Париже В.А. Маклаков, обращаясь к дипломатической канцелярии в Екатеринодаре и к омскому МИД, подчеркивал: «Мы не представляем себе будущее России иначе, как *свободным* [курсив мой – Т.К.] сожительством народов на принципах не только автономизма и федерализма, но даже в некоторых случаях и на условиях, установленных обоюдным соглашением и на началах независимости»²²⁶.

В годы Гражданской войны белые режимы даже в период своих наибольших военных успехов не были признаны странами Антанты за исключением правительства Врангеля в Крыму. Впоследствии Деникин упрекал союзников, сетуя на то, что те охотно и торопливо признавали новые государства, возникавшие на окраинах России, и их этнокультурные программы²²⁷. Дальновидные деятели понимали бесперспективность курса на силовое решение этнических проблем. Белогвардейские идеологи и политические лидеры считали возможным поддерживать притязания народов на самоуправление и даже на самоопределение, но только в границах единой России. Провозглашая политическую интеграцию, они подчеркивали свое неприятие жесткого централизма²²⁸. Об этом прямо говорилось в декларациях Русского политического совещания конца 1918 г., обращенных в первую очередь к западным политикам. При этом за Польшей, Финляндией и Украиной признавалось право на «государственное возрождение»²²⁹.

Мнение Особого совещания при Главнокомандующем А. Деникине относительно участия новых государственных образований в Парижской мирной конференции 1919 г. выглядело следующим образом: «Россия должна быть представлена, как единое целое. Представительство отдельных государственных образований, возникших на ее территории, не должно быть допущено. В образовании единого представительства России должны принять все те правительства отдельных ее частей и временных государственных образований, которые, отвергая Брестский договор, со всеми вытекающими из него последствиями, а равно все договоры и акты, заключенные от имени России или ее частей с коалицией центральных держав после 25 октября 1917 г., ведут борьбу во имя Единой России».

Но на самой Парижской конференции Россия была признана страной, побеж-

²²⁴ Танин М. 10 лет внешней политики СССР. М.: А., 1927. С. 61–62.

²²⁵ Цит. по: Генерал А.С. Лукомский. Воспоминания. Берлин, 1922. С. 250.

²²⁶ Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 215.

²²⁷ Деникин А. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 81.

²²⁸ Наумова Н.И. Автономизм и федерализм в идеологии и политике белого движения (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 58–61.

²²⁹ Белый архив. Т. 2–3. Париж, 1928. С. 130–131.

денной в войне. Отношение к федерализму, о котором у сторон были разные представления, превращалось в важную переговорную позицию. На приеме у представителя Азербайджанской республики А. Топчибашева в Стамбуле 15 ноября 1918 г. украинский посланник в Турции М. Суковкин заметил: «Украина не будет против федерализации отдельных государств, образовавшихся в разных частях России. Такая федерализация может быть наподобие Штатов С[еверной] Америки. Но нельзя допустить, чтобы снова могло образоваться и существовать единое Российское государство, как раньше. Это невысказано»²³⁰. П.П. Скоропадский, подчеркивая, что Суковкин – это посланник министра иностранных дел УНР Д.И. Дорошенко, позиция которого, по словам министра исповеданий в правительстве Скоропадского В.В. Зеньковского, сводилась к тому, что для него «Россия (или Московия) была просто чужим государством, с которым недобрая судьба приказала пребывать в соседстве; вся русско-украинская проблема заключалась для Дорошенко (по крайней мере, тогда) в том, как отгородиться от России»²³¹. Сам гетман хотел лишь «широко децентрализованную Россию», чтобы «в этом теснейшем союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место и чтобы все эти области и государства сливались бы в одном могучем органе, названном Великая Россия, как равные с равным»²³².

Дипломатический представитель Англии в Стамбуле полковник Тампл острей вопросов концентрировал на основательности притязаний на независимую государственность Азербайджана, на имеющиеся к тому культурные ресурсы. В беседе с Топчибашевым он интересовался ролью русской культуры в развитии региона, на что представитель Азербайджана сообщил: «Вначале русская оккупация представлялась для нас благом, но в последнее время – чтобы помешать народу ясно видеть пути своего освобождения – российское правительство беспоощительно сдерживало наше развитие»²³³. В декабре 1918 г. бывший министр иностранных дел П.Н. Миллюков на встрече с тем же Топчибашевым дезавуировал позицию Суковкина, заявив, что вся власть на Украине пока будет сосредоточена в руках генерала Деникина, с чем согласен и Скоропадский²³⁴. В Яссах Миллюков предрекал, что Россия вернется к монархии²³⁵. Однако с падением правительства Скоропадского настроения на Украине изменились. Представитель нового киевского режима заявил Топчибашеву, что «большевизм русский оттолкнул от России почти все народности, коим нужна взаимная поддержка в деле признания их самостоятельности»²³⁶.

Что касается точки зрения Миллюкова, то Топчибашев приводит следующий с ним диалог:

²³⁰ Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле. С. 145.

²³¹ Зеньковский В. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995. С. 137.

²³² Скоропадский П.П. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 80.

²³³ Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле. С. 148.

²³⁴ Там же. С. 150.

²³⁵ Савич Н.С. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 42.

²³⁶ Письма из Парижа: донесения председателя делегации Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции (март–декабрь 1919 г.). Баку, 1998. С. 112.

«Миллюков: Я понимаю, что ваши народы должны были спасать себя и в этих видах образование ваших республик естественно, вы должны были так и поступить. Но, с другой стороны, в образовании ваших республик нельзя не видеть дела рук немцев и их восточной политики за последнее время.

Я: По поводу вашего мнения о немцах можно спорить, ибо это вряд ли так, но совершенно верно, что Россия сама ушла от нас, ушли сами войска, ушли власти. Ну, а дальше, какое будет отношение к отделившимся?

Миллюков: Дальше? Трудно сказать: очень сложно и запутано. Конечно, важно решение самого населения таких частей. Впрочем, для нас сейчас всего важнее центральная Россия. А как вы думаете?

Я: Я думаю, что народы уже решили свою судьбу и в том числе мы, азербайджанцы»²³⁷.

Не менее важный диалог состоялся у Топчибашева в начале января 1919 г. На этот раз его собеседником выступил бывший царский министр иностранных дел, а теперь член Особого совещания при Деникине С.Д. Сазонов:

«Сазонов: Значит, татары на Кавказе, т. е. мусульмане, уже похоронили Россию и поставили на ней большой крест?!

Я: Нисколько. Напротив, мы, азербайджанцы, желая идти своей дорогой и жить по своим представлениям и силам, тем самым облегчаем задачи будущей России из чисто русских провинций и с чисто русским населением. Такой России мы всегда будем желать счастья. Затем мы, азербайджанцы, хотели жить в дружном сожительстве с нашими соседями грузинами и армянами и намечаем образование единой федеративной республики наподобие швейцарского союза.

Сазонов: Вряд ли это окажется возможным: слишком большая разница между народами Кавказа. Особенно с вами не пойдут армяне»²³⁸.

На Парижской конференции в качестве независимых государств были представлены Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Финляндия, Польша, Латвия, Литва, Эстония и Горская республика. Их политические позиции корректировались в соответствии с международной конъюнктурой, позициями великих держав по конкретному случаю, относящемуся к самоопределению народов России.

Манифест Совета старейшин эстонского Земского Собора от 24 февраля 1918 г., объявив Эстонию независимой демократической республикой, наряду с эстонцами народами своей страны признавал русских, немцев, шведов, евреев и др. Упомянутый манифест и Конституция Эстонии гарантировали им право на культурную автономию. Парижская делегация Латвии требовала «четко сформулировать отношение ведущих наций – немецкой и русской – к латвийскому народу, особо указав на планы и попытки русификации и германизации, а также замыслы колонизации. В меморандуме следует особо указать на политические усилия русского общества и возможности для латвийского народа не

²³⁷ Дипломатические беседы А.А. Топчибашева в Стамбуле. С. 156.

²³⁸ Там же.

возвращаться под эгиду России, а также не федерализоваться, по крайней мере на данный момент»²³⁹.

Комитет еврейских делегаций 10 июня 1919 г. представил в Париже меморандум с требованием включить в договоры с новыми государствами особые условия, гарантирующие обеспечение их автономии в культурной, религиозной и общественной жизни. Однако требование признать национальные меньшинства политически автономными не было удовлетворено. Обобщающий термин «национальное меньшинство» заменен более ограниченным определением: «лица, принадлежащие к этническим, языковым и религиозным меньшинствам». Договор о правах таких меньшинств подписала Польша, содержащиеся в нем обязательства взяли на себя Латвия, Литва и Эстония. В системе международно-правовых актов, зафиксировавших произошедшие в Европе политические и территориальные изменения по итогам Первой мировой войны, немалое место отводилось вопросам защиты прав национальных меньшинств в новообразованных государствах. В конституции новых балтийских государств были включены пункты, гарантирующие политические и культурные права национальных меньшинств, проживавших на территории этих стран. Однако в Польше возобладало мнение: великие державы вынудили Польшу подписать несправедливый Малый Версальский договор, польские политики обвиняли в активной лоббистской деятельности международные еврейские организации и программу президента США В. Вильсона. Созданный в марте 1919 г. Объединенный Комитет еврейских делегаций, добивался обязательного включения в перечень положений этого документа пунктов о соблюдении гражданских и политических прав национальных меньшинств. 10 июня 1919 г. Комитет опубликовал меморандум с требованием обеспечить культурную и религиозную автономию представителям меньшинств. Стремление союзных держав навязать Польше подобное соглашение воспринималось польской общественностью как попытка ограничить суверенитет польского государства²⁴⁰.

Севрский договор от 10 августа 1920 г. между странами Антанты и присоединившимися к ним государствами, с одной стороны, и правительством Турции, с другой, выделил проблему оттоманского имперского наследия. Ст. 147 документа оговаривала права меньшинств – их защищенность законом, право учреждать этнокультурные институты, преподавать свой язык в школах. В силу слабой этнокультурной дифференциации на Востоке эти проблемы затрагивали частично и российские этносы, особняком в них стоял армянский вопрос. Раньше все мусульмане придерживались ортодоксального исламского пути, теперь же этнокультурные проекты намечали несколько полюсов влияния и развития. Глава парламента Азербайджана М.Э. Расулзаде доказывал важность выбора этнокультурного (не

²³⁹ Борьба дипломатов за независимую Латвию: протоколы Парижской мирной конференции // <http://rus.lsm.lv/statja/analitika/analitika/borba-diplomatov-za-nezavisimuyu-latviju-protokoli-parizhskoy-mirnoy-konferencii.a220853/>.

²⁴⁰ Гущин А.В. Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Юрченко Е.С. Проблема еврейских погромов в польско-американских отношениях 1918–1919 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 48–50.

исламского) фактора: «нация, не уверенная в себе и ожидающая подачек от других, не может жить как нация». Этот выбор волновал многих: модернистские концепции точно вокруг оси вращались вокруг проблемы национальностей. Расулзаде подчеркивал: «нет нации, называющейся ислам. Счастье этой нации в ней самой, в ее национальном правительстве. Прежде чем Россия разделится на автономии на национально-территориальной основе, она поделится на несколько автономий – российских тюрко-татар, Туркестан, Казахстан, Башкирию и Азербайджан-Дагестан, которые, в свою очередь, образовав тюркскую опору, займутся решением собственно национально-культурных вопросов в форме учреждения»²⁴¹.

Делегацию Горской республики на Парижской конференции возглавлял А.-М. Чермоев, чеченский нефтепромышленник. Он представлял ЦК Союза объединенных горцев Кавказа, фактически – местное правительство, выстроенное по национально-федеративному признаку. В него вошли представители карачаевцев, балкарцев, кумыков, караногайцев, туркмен Ставропольской губернии, ставропольских ногайцев, кубанских черкесов, чеченцев и ингушей, осетин и дагестанцев²⁴². Развитие идеологии конфедеративного Кавказа зафиксировано в тайной переписке представителей местных элит, декларациях кавказских политических организаций, позднее принявших участие в прометеевском движении²⁴³. Согласно одному свидетельству, после поездки Чермоева в Париж Ленин отметил: «Теперь он собирается сменить чеченский (кавказский) костюм на европейский»²⁴⁴.

В Закавказье у азербайджанцев сложились особые отношения с их соседями-армянами – народом древней и оригинальной культуры (их религия – особая ветвь христианства), но и тяжелой судьбы. Воспоминания о древнеармянских царствах одновременно и грели, и растравляли душу армян в годы невзгод, порождали грезы о своем столь же великом будущем. На протяжении многих столетий армяне не имели государства, были окружены культурно чуждыми народами, испытали множество страданий и унижений. Естественно ощущение трагичности судьбы этого народа, его комплекс культурного превосходства над соседями и одновременно – страх перед их многочисленностью, острое ощущение униженности своего положения, сложное и амбивалентное отношение к будущему. Азербайджанцы – люди иной психологии и культуры. Их этнокультурная уникальность девальвируется в их сознании принадлежностью к громадным общностям – мусульманской и тюркской. У них нет ощущения, никогда не покидающего армян, что ты окружен врагами, которые могут тебя уничтожить. У азербайджанцев нет и «великого имперского прошлого», нет и соответствующих компенсаторных мечтаний.

²⁴¹ Цит. по: Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах (1922–1943). М., 2013. С. 266.

²⁴² См.: Первый горский съезд 1 мая 1917 года / сост. Б.К. Даглат. Владикавказ, 1917; Владикавказская конференция Юго-Восточных областей 16–21 октября 1917 года. Владикавказ, 1917; Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Сб. документов. Вып. 2 / сост. В.М. Фомин. М., 1996; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 1994; Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. М., 2007.

²⁴³ Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сб. документов. М., 2012.

²⁴⁴ Цит. по: Натаев С. Тапа Чермоев. Вехи судьбы // Молодежная смена. 2009. 9 дек.

Получив приглашение, армяне направили в Париж две делегации – от западных армян (во главе с П. Нубаром) и от Армянского национального совета, провозгласившего независимость Армении в мае 1918 г. (во главе с А. Агароняном). На конференции была образована комиссия для решения вопроса об объединении кавказских республик, однако армянская делегация отказалась участвовать в ней. Агаронян заявил: «У нас дорога шире, а идеалы – великодушные. У нас узко-кавказские интересы, у нас же заботы об интересах всего армянского народа, всей объединенной Армении»²⁴⁵. Представитель Грузии на Парижской конференции И.Г. Церетели выступил за объединение закавказских народов, полагая, что в противном случае они будут «растоптаны»²⁴⁶. В Закавказской федерации он видел единственный способ защитить культуру малых народов с опорой на международную демократию, для чего и явился на конференцию. Чермоев считал, гораздо проще добиться международного признания Кавказской федерации в целом, чем отдельно каждой здешней республики. Руководителю делегации Горской республики, вспоминал грузинский дипломат З. Авалишвили (Авалов), «однажды показалось, что мечта его о слиянии грузинской, азербайджанской и горской делегаций в одну кавказскую непременно осуществится в конце их одного важного совещания. На сей торжественный случай было даже припасено несколько бутылок шампанского, выстроенных в ряд на выступе камина в зале совещания. Слияния делегаций, однако, не произошло, и шампанское так и осталось не откупоренным»²⁴⁷.

Грузинские делегаты в Париже, добиваясь признания независимости Грузии, в марте 1919 г. представили доклад с указанием на древность ее литературных традиций, большое количество образованных людей, «компетентных в разных областях жизни государства», на приверженность ее правительством курсу на национализацию, демократизацию, секуляризацию и европеизацию грузинской культуры. Действительно, тбилисские власти с успехом провели реформу системы образования, в результате которой начальное образование стало бесплатным, всеобщим и обязательным, была осуществлена национализация школ и семинарий, отделение школы от церкви с запретом на преподавание религии в школе. Профессура Тбилисского государственного университета привлекалась к решению важнейших государственных вопросов. При университете в январе 1919 г. был создан санитарный институт, из которого впоследствии вырос медицинский вуз; в марте 1920 г. появилась художественная галерея, задачей которой было собирание старинных и новых художественных полотен и скульптур²⁴⁸.

Задачи делегации русского Особого совещания на Парижской конференции сводились к «признанию восстановления status quo ante bellum в отношении

²⁴⁵ Пифталиев И. Армянские капризы на Парижской мирной конференции // Каспий. 2017. 20 июля.

²⁴⁶ Церетели И. Речи. Т. 1–2. Пг.; Тифлис, 1917–1918. Т. 2. С. 100–121.

²⁴⁷ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Париж, 1924. С. 24.

²⁴⁸ Авалишвили Е. Грузинская культура и Тбилисский государственный университет в 1918–1921 годах. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Тбилиси, 2006.

прежних российских владений, за исключением земель, имеющих отойти к независимой Польше»²⁴⁹. Образованное в декабре 1918 г., русское Политическое совещание в Париже (в него, в частности, вошли кн. Г.Е. Львов от Омского правительства, С.Д. Сазонов от командования Добровольческой армии, Н.В. Чайковский как глава Северного областного правительства) по вопросу о «судьбе тех населяющих Россию национальностей, представители которых в Париже добиваются от союзников признания своей независимости», свою точку зрения выразили в особой декларации от 9 марта 1919 г.²⁵⁰ В ней указывалось, что новая Россия готова удовлетворить законные стремления народностей устроить свою национальную жизнь на «самобытных началах» и мыслит себя в виде свободного сожительства народов, ее составляющих, на основах автономии и федерации или даже, в некоторых случаях, на началах независимости отдельных национальностей, при условии обеспечения интересов России. В то же время, говорилось далее в декларации, «какие бы то ни было окончательные решения в этой области (за исключением Польши, независимость которой была уже признана Временным Правительством) не могут быть приняты в настоящее время без участия и согласия русского народа. Вместе с тем, вполне понимая неотложную необходимость для национальностей создать теперь же временный порядок, который отвечал бы потребностям момента, Россия не возражала бы против признания союзниками созданных отдельными народностями властей – в качестве фактических правительств, поскольку эти власти действительно имеют за собой поддержку населения»²⁵¹.

П.Б. Струве вручил председателю французского правительства Э.А. Мильерану письмо, в котором высказался относительно будущей организации России. Она, по его мнению, должна была стать основанной «на договоре, заключенном между политическими новообразованиями, фактически существующими. Воссоединение различных частей России ... в широкую федерацию должно быть основано на свободно заключенном договоре, исходящем из общности интересов»²⁵². По свидетельству офицера британской разведки С. Хора, Сазонов в разговоре о будущих русских границах заявил, что если Россия их и потеряет временно, «она обязательно вновь достигнет их»; «Какое право русский патриот, – гневно воскликнул бывший царский министр, – имеет торговать хотя бы пядью русской земли!»²⁵³.

Однако российские представители потеряли право голоса, союзники перестали считаться с их мнением и настаивали на признании фактически суще-

²⁴⁹ «Наказ» русской делегации на Версальской мирной конференции, разработанный Сазоновым и генералом Деникиным, см.: ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

²⁵⁰ Карпович М.М. Русское политическое совещание в Париже, 1919 г. / публ. А.В. Смолина // Санкт-Петербургский университет. Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2015. № 14. С. 187–197.

²⁵¹ Archives du ministère des Affaires étrangères (AMAE). Correspondance politique et commerciale (CPC). 1914–1940. Série Z (Europe). Dossier № 794 (Russie). Fol. 51–52S (Sazonoff, prince Lvoff, N. Tchaikovsky, W. Maklakoff. A Monsieur le président de la conférence de la Paix. Paris, 9.3.1919); *Топчибаши А.А.* Парижский архив 1919–1940. В 4 кн. Кн. 1. 1919–1921. М., 2016. С. 8.

²⁵² *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг.). Ч. II. М., 1992. С. 189, 190.

²⁵³ Цит. по: Кононова М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // *Международная жизнь*. 2001. № 9–10. С. 71–83.

ствующих окраинных государств²⁵⁴. Руководитель ОСВАГа при Особом совещании Вооруженных Сил Юга России К.Н. Соколов отмечал, что политика стран Антанты все дальше отклоняется от «национально-государственной программы» Деникина, и они открыто «потворствуют» государственным новообразованиям²⁵⁵. Не прошла незамеченной выходка главы украинской миссии в Париже Григория Сидоренко, которую современники расценили как «акт дипломатического вандализма». На встрече с представителями Антанты в присутствии грузинских, литовских и латышских делегатов тот заявил: «Сьому Черчиллю, я йому дам по морді! Що він, сукин син, думає собі, що проводити думку про Єдину Росію. Я його поставлю на належне місце!»²⁵⁶. Новые окраинные элиты разрушали имперские грезы старого русского истеблишмента, даже высокоодаренные представители которого порой оказывались в роли трагикомических неудачников. Впрочем, не лучшая судьба ожидала и их оппонентов в Париже.

Усугубляло ситуацию недоверие союзников друг к другу. По сведениям Деникина, главе военной миссии Польши А.С. Карницкому на переговорах с ним в сентябре 1919 г. были «даны инструкции настаивать перед командованием Юга на границах “Великой Польши”, обнимающих Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию и Волинь». Деникин обратил внимание и на то, что Франция, оказывая материальную поддержку вооруженным силам Юга, Украины, Финляндии и Польши, серьезно относилась лишь к последней и «только для ее спасения вступила впоследствии в более тесные сношения с командованием юга в финальный, крымский период борьбы»²⁵⁷. С.Д. Сазонов соглашался: «Польша очутилась в положении государства, лежащего между двух соседей, более ее сильных, из которых каждый считает себя ею оскорбленным. Ее третий сосед, Литва, хотя сам по себе менее опасный, но вновь призванный к государственной жизни при тех же обстоятельствах, как и она сама, еще более остальных потерпел от ее неудержимого империализма. Европа признала Литву самостоятельным государством в границах, близко подходящих к ее этнографическому составу»²⁵⁸.

Из беседы с Соколовым грузин Авалишвили вынес впечатление, что белые и, в частности, Деникин, более всего уповали на армию, способную «установить то соотношение сил, которое позволит России решать все вопросы по-своему», и потому недооценивали «весомые и невесомые причины, входящие в состав грузинского и вообще кавказских и других окраинных вопросов»²⁵⁹. От некоего «видного русского дипломата» в момент наибольших военных успехов Дени-

²⁵⁴ Паумова Н.И. Национальные проблемы и их решение в мемуарах К.Н. Соколова «Правление генерала Деникина» // Документ как социокультурный феномен. Сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Томск, 29–30 октября 2009 г.). Томск, 2010. С. 424–427.

²⁵⁵ Цветков В.Ж. Русское Политическое совещание в Париже – международное представительство Белого движения. Основные черты внешнеполитического курса. Определение международного статуса белых режимов в 1918–1919 гг. // <http://www.dk1868.ru/statii/Tsvetkov10.htm>.

²⁵⁶ Цит. по: Пришва Р. Агония Первой Украинской Республики и уроки ее крушения // <http://hvylya.net/analytics/history/agonyu-pervoy-ukrainskoj-respubliki-i-uroki-ee-krusheniya.html>.

²⁵⁷ Деникин А.И. Поход на Москву. Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 172, 180.

²⁵⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 83.

²⁵⁹ Авалиов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Париж, 1924. С. 320.

кина в октябре 1919 г. тот же мемуарист слышал: «Теперь ... девяносто шансов из ста, если не все сто, что восстановление России с юга закончится успешно ... Украинский вопрос как-то исчезает – самостоятельность сходит на нет. О белорусском можно не говорить ... Граница с Польшею? Это вопрос будущего. Пока как-нибудь обойдемся. Соберется Россия с силами, и будет видно. Независимость Финляндии будет нами признана, надеюсь, теперь же. Что касается балтийских государств, то хотя многие там действуют так, как если бы Россия окончательно сгинула, но и там ведь имеются люди, знающие действительно Россию. Бессарабия? Мы допускаем плебисцит в южной части. Румынскую точку зрения мы все же провалили здесь в Париже»²⁶⁰.

На границах двух распадающихся империй, Российской и Османской, испытывалось влияние европейской политической традиции. Упразднив Османский султанат и халифат, М. Кемаль ориентировался на французскую модель нации: «Наша мысль должна работать не в духе латаргической ментальности прошлых веков, а в соответствии с представлениями о скорости и действии нашего века», – был убежден он²⁶¹. С. Хантингтон отмечал, что идеалы кемализма были даже более проевропейскими, нежели настроения в самой Европе тех лет²⁶². Главным содержанием реформ Ататюрка стали гражданские гарантии свободы совести и вывод культуры и образования из-под контроля церкви. Тем не менее оставалось представление о практиках европейских политических институтов, в том числе государственного устройства, как о враждебной или, по крайней мере, чуждой силе, которая рассматривалась как угроза тюркскому единству. Упомянутый Севрский договор предусматривал раздел османского наследия между различными этническими общинами и оставался болевой точкой тюркского коллективного сознания. Весьма болезненно он отразился и на этнокультурных проектах, реализуемых в Закавказье.

²⁶⁰ Цит. по: Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 338.

²⁶¹ Жевахов А. Кемаль Ататюрк / науч. ред. и автор предисловия Я.Д. Васильев (пер. с: Alexandre Jevakhoff. Kemal Atatürk. Paris; Tallandier, 1999). М., 2008. С. 344.

²⁶² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 603.

Глава 3

ЦЕНТРАЛИЗМ СОВЕТСКИХ ПРАКТИК УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Практики управления многоэтничным государственным организмом в Наркомнаце

Предмет исследований политолога Ф. Фукуямы и социолога П. Штомпки, то, как функционирует общество, построенное на доверии, изучено и более-менее понятно. Управление социальными культурно-сложными организмами, фундаментом которых является *недоверие*, изучено намного слабее. Особенно теми, где нет доверия внутри управленческих структур власти, между разными этажами управления и пр.¹ Структуры, разворачиваемые в Наркомнаце и Наркомпросе – яркий и мало осмысленный опыт управления таким обществом.

Представления советских лидеров о культурно-сложном обществе соответствовало представлениям о нем как о буржуазных претензиях из «армянского курятника», о кротовых дорожках в саду (обществе), который должен быть безупречным. Русские были весьма терпимы к имперской разновидности унитарного плюрализма. «Накануне революции господствовал русский дух и не было заметно сколько-нибудь широкого массового национального движения», – считал украинский социал-демократ И. Мазепа². Мир становился многолюднее и не имел хорошей репутации. Ощутимо ухудшалось отношение людей к государству. Развитие индустриализма формировало новый социальный заказ в контексте культурно-сложных обществ, как проблемы глобальной для современного мира, его социальных систем. В этносоциальных системах зарождались структурные конфликты, выражавшиеся, прежде всего, в том, что традиционные для каждого этноса механизмы социальной защиты, эти азиатские и прочие задворки вдруг издавали на-гора жесткие претензии одряхлевшей византийской политической системе, трагически неспособной к реорганизации.

Большевики начали с вполне имперского правила: разделяй, чтобы управлять (править). Их структуры власти быстро отождествили себя с центральными, что извращало суть деклараций о правах народов на самоопределение. Но пропагандистский пафос их лозунгов и не вполне конкретно сформулированных программных установок следовало сделать привлекательным со всеми контрапунктами и ритурнелями.

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004; Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

² Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Т. 1. Прага, 1942. С. 42; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии. М.: Новый хронограф, 2010. С. 167.

Ленина раздражали шовинистические настроения партийных управленцев в советских наркоматах. С трибуны партийного съезда он прямо укажет на Наркомпрос и на коллизии, которые окружали Сталина в его наркомате: «Поскрести иного коммуниста – найдешь великорусского шовиниста ... Он сидит во многих из нас»³. Сталин козырной картой прав народов на самоопределение завлекал лояльные элиты в управленческие структуры, но видел, нерусские сотрудники Наркомнаца не доверяют великороссам из большевиков.

В тексте Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, документе конституционного значения Россия провозглашалась федерацией. Вписанное Лениным в формулу послереволюционного государственного устройства слово «советский» указывало на *способ реализации управленческих практик в многоэтничном государственном организме*.

Впечатление двойственности, расхождения смысла установок, звучащих с трибун высших советских органов власти и практических действий отражали сложную и противоречивую реальность периода.

Сталин был прагматичным централистом. Как вспоминал С. Пестковский, нарком по национальным делам выступал за организацию РСФСР *по национальному признаку*. К ведению субъектов федерации Сталин в *первую очередь* отнес школу, судопроизводство, администрацию – набор полномочий, *обеспечивающий границы и компетенции культурно-сложного общества*. Он искал симпатии национальностей на условиях признания Советской власти, обещая разные формы применения этнокультурного многообразия в российских условиях. Но оставался приоритет классового фактора, обозначенный Лениным в Декларации. Сталин попытался реализовать его в многоэтничном Поволжье, региональном проекте Татаро-Башкирской республики, представить проект побудительным импульсом и примером обустройства другим лояльным территориям.

В марте 1918 года Сталин писал и на Кавказ, другой сложный в этнокультурном отношении регион, председателю Бакинской Коммуны С.Г. Шаумяну: «Если мусульмане требуют автономии, нужно им дать её, выговорив безусловное признание советской власти в центре и на местах, нужно немедленно основать при Бакинском Совете мусульманский отдел, широко развить мусульманскую литературу, нужно основать такой же армянский отдел и вообще вести политику сплавивания *мусульмано-армянских низов в их борьбе против своих верхов*»⁴. Широким жестом он предложил ряду уездов, недовольных присоединением к Украине по условиям Брестского мира, провести опрос жителей. «... Если верно заявление о желании всего населения упомянутых трех уездов остаться в составе Российской Советской федерации ... пусть жители этих уездов немедленно созывают уездные съезды делегатов от волостей и ставят там вопрос, хотят ли делегаты и их избиратели присоединиться к Украине или остаться в составе Российской Федерации»⁵.

³ Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. Протоколы. М., 1933; Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 17.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 130. Л. 2–3.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–2.

22 марта 1918 года Положение о Татаро-Башкирской республике за подписями Сталина, комиссара по делам мусульман внутренней России М. Вахитова, комиссара по еврейским делам С. Диманштейна телеграф передал Ташкентскому Совету⁶. Но проект провалился не только в Ташкенте, даже в Москве, даже в его наркомате. Придумав Татаро-Башкирскую республику в кабинетах наркомата, Сталин породил ничтожную в конституционном и политическом смысле химеру автономии.

Используя авторитет руководителей Мусульманского комиссариата при ликвидации Милли меджлиса и Милли Идаре, Сталин уже 23 марта 1918 г. в статье поторопился сообщить: «Татаро-Башкирия является, кажется, единственной областью, революционные организации которой определенно начертили план федерирования с Советской Россией»⁷. На совещании с активистами этой республики он с нарочитой прямоотой изложил централистскую основу советской национальной политики: стране нужна «сильная общероссийская власть, способная окончательно подавить врагов социализма и организовать новое, коммунистическое хозяйство». Он отверг как антисоветскую, ведущую к размежеванию населения «чисто националистическую» автономию, при которой организация какой-либо этнической группы представляла бы ее интересы независимо от места проживания на советской территории. «Необходимо оставить в руках центральной власти все важные для всей страны функции», на местах «предоставить областным органам главным образом административно-политические и культурные функции чисто областного характера»⁸. Местные и областные суверенные органы власти только мешали бы решить эти задачи. Основу федерализма (договора, согласования и т.п.) Сталин назвал «законодательной волокитой и удушением всякого революционного дела»⁹.

13 мая разногласия между Сталиным и поддерживающими его ранее активистами выплеснулись на заседание ЦК РКП(б). Как следует из документа, на заседании фракции коммунистов Сталин поддерживал их, а на совещании выступил против: «Мы отказываемся ... понимать основу национальной политики нашего ЦК»¹⁰, возмущались 5 коммунистов, уходя с совещания. Есть другое свидетельство 1918 года: «Т. Сталин вообще в принципиальных вопросах никогда не считает нужным принимать во внимание мнение большинства коллегии»¹¹ — таково мнение членов коллегии Наркомнаца, не принявшей и переименования мусульманского комиссариата. Вопрос достиг такой остроты, что 28 марта комиссар Мусульманского комиссариата М. Вахитов направил Сталину письмо о «ненахождении общей линии компромисса», поэтому «весь состав комиссариата выходит в отставку».

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–2.

⁷ Правда. 1918. 23 марта.

⁸ Сталин И. Соч. Т. 4. С. 88.

⁹ Правда. 1918. 18 мая.

¹⁰ Сиддашева М. А. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918–1923. М.: 1969. С. 66.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 83. Л. 2–3.

Известна нервная резолюция Сталина: «Отставку не согласен принять ни в коем случае. Очень прошу всех остаться на своих местах и уладить трения со мной»¹². С апреля 1918 года Мусульманский комиссариат переименован в *Центральный мусульманский комиссариат*.

Приведем эпизод, в котором сталинская линия еще выразительней. 3 апреля 1918 г. на заседании Совнаркома РСФСР, происходившем под председательством Ленина, принята резолюция о постановлении II Всеукраинского съезда Советов об объявлении Украинской народной республики самостоятельной федеративной Советской республикой. Резолюция выражала «восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции»¹³. Назавтра, 4 апреля, Сталин телеграфировал Советскому правительству Украины: «Достаточно играть в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросать игру»¹⁴.

Р. Люксембург отметила: «Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы “вплоть до государственного отделения” сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, Балтийские страны, кавказцев и так далее верными союзниками русской революции, но мы наблюдаем обратную картину»¹⁵.

Финским элитам этнокультурный щит помог противостоять радикальному большевизму. Началось обновление школьной системы. В Турку помимо существовавшего в Хельсинки, основаны два новых университета. Осенью 1918 года начал работу шведский, а в 1922 году – финский университеты.

Но строительство структур, берущих в руки управление различными институтами и ресурсами этнических культур, развивалось в регионах с февраля 1917 г., их следовало «оседлать» и направить в свое русло. После того как Советское правительство переехало в Москву, в Петрограде появился Петроградский Комиссариат по делам национальностей Союза Коммун Северной области (Комнац) во главе с эстонцем Я.Я. Анвельтом. В Положении указывалось: «Комиссариат имеет целью удовлетворять нужды политического, правового, культурного и бытового характера национальных меньшинств в пределах Северной области»¹⁶. Разработанные этнокультурные программы в белорусском, еврейском, латышском, финском и эстонском комиссариатах включали охрану и создание национальных школ, библиотек, национальных издательств. Немало усилий положено на создание «национальных» вузов: Петроградского еврейского народного университета (ПЕНУ), Эстонского педагогического института и Петроградского

¹² Цит. по: Тюрко-Татарский Мир: Татарские мурзы и дворяне // tataroved.ru Ссылка на Б. Султанбекова.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 688.

¹⁴ Данные из стенограммы выступления А. Снегова в ИМА при ЦК КПСС, обсуждавшей 28 июня 1966 г. макет III тома «Истории КПСС». См.: Зимин А. У истоков сталинизма 1918–1923. Paris, Слово. 1984.

¹⁵ Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Вопросы истории. – 1990. – № 2. С. 20–21.

¹⁶ Романова Н.М. Петроградский комиссариат по делам национальностей и его роль в организации культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств города и губернии (1918–1923 гг.): Автореф. дисс. канд. СПб., 1991. Комнац и его отделения в Петрограде ликвидированы в 1923 г.

института живых восточных языков. В первые годы в ПЕНУ работали три отделения: общее; национальной истории, литературы и экономики; национального искусства. Среди профессорско-преподавательского состава числились известные историки: С.Г. Лозинский, С.М. Гинзбург, С.М. Дубнов, Ю.И. Гессен, египтолог и ассириолог В.В. Струве, экономист М.И. Кулишер и др. В Эстонском институте нашли работу эвакуированные ученые Юрьевского университета.

Многие регионы самоопределялись, игнорируя центр, полагаясь на собственные ресурсы и самостоятельно устанавливаемые правила. В апреле 1918 года на V съезде Советов Туркестана создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) Туркестанской АССР.

Стремительно росли центробежные тенденции, множились, как выше показано, и проекты управления культурно-сложными обществами в региональном масштабе. Там, куда дошла уже советская власть, Сталин ликвидировал разные национальные советы, разные «Милли-Шуро», Уфимское «Милли-Идаре», еврейские структуры и др. Закрыт знаменитый «Терджиман», который основал И. Гаспринский. Но от Москвы фактически отделилось Закавказье, требовала автономии Башкирия. Сложившаяся ситуация становилась опасной для центральной власти. Сталин перехватывал инициативу местных элит, в кругах которых уже начала укрепляться идея строить российскую федерацию по национально-территориальному принципу. Требовался реальный механизм, который обеспечит взаимодействие центра и культурно-сложными окраинами. В апреле 1918 года его начала разрабатывать Конституционная комиссия ВЦИК.

5 апреля 1918 года на заседании Конституционной комиссии Сталин поддержал предложение Свердлова определить взаимоотношения между центральной и областной властью, сосредоточиться на разработке их полномочий. В Наркомнаце-де скопились разные проекты федерации, исходящие от буржуазии и полудемократических групп. Они требуют «полную автономию», а из «низов» исходит лишь «совершенная индифферентность»¹⁷.

Работа велась по двум направлениям: 1) по линии разграничения полномочий центральной и местных властей; 2) по линии представительства этнических элит во всероссийских структурах власти. Касаясь разграничения полномочий между центральной и местными властью, Сталин отстаивал делегирование Центру основных властных функций: руководство военно-морскими силами, внешней политикой и внешней торговлей, транспортом, связью, финансами. Местным властям отводились «формы проведения общих декретов», просвещение и судопроизводство.

Сталинский подход не разделял замнаркома просвещения М.Н. Покровский, который возглавлял и Московский областной Совнарком. Он обращал внимание на доминирование русского культурного ресурса в интернационалистских практиках: *«могучий центр с 80 миллионами всегда сможет подавить, если захочет, самостоятельность этих областей»*¹⁸.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 18.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 140. Л. 42.

Комиссия ВЦИК приняла проект Сталина. Федерация, понимал Сталин, есть сложное государство, но центр власти один. Квазифедеративная централистская модель будет диктовать политику культурно-сложному обществу: делиться властью Москва не будет. В национальной политике кристаллизовалась и постепенно оформилась особая сталинская авторитарная линия, далекая от принципа федерализма.

В самом Наркомнаце зарождаются и начинают борьбу с центром две содержательно чужеродные друг другу «управленческие» линии. В них отражается, с одной стороны, линия соответствовать общим политическим задачам центральной власти, с другой же – отражать этнокультурную специфику территорий и взаимодействовать с ними.

Очевиден первый конфликт федерализма с централизмом. *Idée fixe* большевиков не отменяла задачу управлять имеющимся сообществом народов. Понятны задачи Сталина-наркома: сплотить под знаменами мировой революции (своего наркомата) как можно больше народов и их культур.

В отчете Наркомнаца V Всероссийскому съезду Советов подчеркивалось, что Наркомнац как «*центральное учреждение*», дает «общую политическую линию», «не допуская разрозненных и противоречивых шагов»¹⁹.

Перед национальными комиссариатами в отчете ставятся задачи: 1) информировать Советскую власть о нуждах данной национальности; 2) информировать национальности о мероприятиях Советской власти; 3) удовлетворять через органы Советской власти их культурно-просветительные нужды; 4) улаживать всякого рода конфликты, возникающие между органами Советской власти и различными национальностями, и т.д. У них появились отделы труда, беженцев, соцобеспечения, просвещения, земледелия, юридический и др. Названия отделов практически дублируют названия большинства имевшихся центральных наркоматов.

Число национальных структур Наркомнаца достигло 19. Революция освободила огромные запасы этнокультурной энергии в разных социальных слоях. Мелкие обедневшие дворяне и польские шляхтичи, дети приказчиков, торговцев, мулл и раввинов, дорвавшиеся до гимназий и учительских семинарий, получившиеся в западных университетах, увидели открывающиеся перспективы. В молодые годы идеи Просвещения, равенства, справедливости увлекли их в революцию. Фигуры внутренне противоречивые в силу своей переходности, участники или свидетели болезненных процессов, конечно, многие искушены другой культурой, побывали в разных странах, многое повидали, над многим задумались. Стоя одной ногою на одной, другою на другой социальной почве, они не разрешили внутри себя конфликта между этносом, их вырастившим, и классом, восхождению которого им суждено, как им думалось, быть вождем, а вскоре окажется – лишь политическим «аккомпанементом».

Расчищая путь советским автономиям как форме управления культурно-слож-

¹⁹ Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1917 – 20 июня 1918 г. М., 1918. С. 6.

ным обществом, в апреле 1918 г. они помогали Сталину ликвидировать «наследие» Февраля – буржуазные национальные комитеты, работающие «в узко националистическом духе». В «Правде» с таким предложением выступил литовский комиссар²⁰. Комиссариаты и отделы получили право самостоятельно решать судьбу национальных структур, созданных в феврале–октябре 1917 г. Вскоре закрыты Высший Литовский Совет в России²¹, Московское Милли Шуро (отделение Центрального Мусульманского национального совета), связанные с ним организации, Всероссийский Мусульманский Военный Совет, ряд грузинских военных организаций, многочисленные еврейские и другие этнокультурные общества.

Давление нарастало. Но когда 30 августа 1918 г. коллегия Наркомнаца пыталась вмешаться в утверждение состава коллегии Мусульманского комиссариата, вопрос снят с обсуждения с мотивировкой комиссариата: *«по существующему до сего времени порядку вопросы внутреннего устройства национальных комиссариатов разрешались последним самостоятельно»*²².

2 октября 1918 г. коллегия Мусульманского комиссариата уточнила позицию:

«1) Комиссариат стоит на точке зрения торжественно провозглашенного революцией принципа самоопределения народных масс мусульман в вопросах культуры и просвещения и федеративное начало Советской республики понимает ... в смысле предоставления национальностям, потерявшим в историческом ходе развития политическую независимость, самой широкой культурно-просветительной автономии.

2) Комиссариат считает самой лучшей формой разрешения национального вопроса сосредоточение всех сторон жизни, касающихся культуры и просвещения данного народа, в руках централизационного (так в документе – Т.К.) аппарата, выделенного революционно-пролетарскими организациями из недр народных масс, но подчиненного, в свою очередь, общему единому центру. Структура Центрального Мусульманского Комиссариата, выкованная в процессе революции, соответствует данному положению.

3) Самым существенным завоеванием Октябрьской революции для угнетенных, преследуемых и физически истребляемых в прошлом наций в России было предоставление им права активного участия в решении своих судеб, отмеченное целым рядом декретов Совнаркома, напр., создание Туркестанской республики, принципиального согласия о [б] отпуске средств на организацию Татаро-Башкирской республики, декретирование создания мусульманских и других декретов.

4) Все эти декреты и распоряжения Совнаркома до сих пор не отменены, а представленный проект совершенно расходится с ними и аннулирует их.

5) Считая национальный и в особенности мусульманский вопрос имеющим большое принципиальное и даже международное значение, Коллегия не считает возможным взять на себя тяжелую ответственность участвовать в его решении

²⁰ Правда. 1918. 7 апреля. № 76.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 103. Л. 5 а.

²² ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.

таким порядком и находит, что это относится к сфере компетенции мусульманской секции съезда Советов, в данном случае 6-го, а Комиссариат же может только собрать и представить систематизированный материал по этому вопросу к съезду»²³.

В октябре 1918 года Ценмуском сообщал СНК РСФСР, что у него основными пунктами расхождения с коллегией Наркомнац остаются следующие положения:

«1) Конструкция Наркомнац и национальных комиссариатов должна определяться теми принципами, которые положены в основу образования Российск[ой] Социал[истической] Федерат[ивной] Советской Республики, а именно: *принцип свободного федерирования трудовых элементов отдельных наций* и вытекающий отсюда принцип культурно-национальной автономии для пролетариата этих наций.

2) Конкретно этот принцип может выразиться лишь в создании отвечающих задачам развития всемирной революции *постоянных и единых органов культурно-национальной автономии нации*. Такими органами являются национальные комиссариаты с их провинциальными разветвлениями.

3) Взаимоотношения государства в целом и национальных комиссариатов в отдельности должны регулироваться созданием Народного Комиссариата по делам национальностей *по компромиссному сочетанию принципа пропорционального представительства пролетариата отдельных национальностей и принцип[а] установления государственного контроля над централизованными при Наркомнац национальными комиссариатами*.

Конкретная форма выражения такого сочетания: Коллегия Наркомнац *конструируется из представителей трудовых элементов входящих в него наций, избираемых национальными секциями Всероссийского Съезда Советов*. Комиссариат возглавляется Народным Комиссаром по делам национальностей, избираемым Всероссийским Съездом Советов. Все решения Наркомнац принципиального значения санкционируются Совнаркомом.

4) Централизация местных органов культурно-национальной автономии трудовых элементов отдельных наций (губерн. и уездн. национальных комиссариатов) происходит через центральные национальные комиссариаты, централизованные в свою очередь при Наркомнац. Этим совершенно устраняется необходимость искусственного создания на местах отделов Наркомнац, непосредственно подчиняющих себе отделы центральных национальных комиссариатов»²⁴.

10 октября 1918 г. коллегия Наркомнац решила на компромисс: «...Представители всех национальных отделов имеют право решающего голоса по всем вопросам, касающимся их национальности. По всем другим вопросам они имеют совещательный голос»²⁵. Представителям не вошедших в коллегию национальных подразделений сохранено право участия в работе коллегии.

В начале 1919 года коллегия самого Наркомнац продолжала функциониро-

²³ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 4. Л. 14–14об.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 19. Л. 49–51об., 54.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–75 об.

вать, сформированная по национальному принципу. В Наркомнаце работал уже 21 национальный отдел. Нарком игнорировал коллегия, за процессами в наркомате наблюдал со стороны, но внимательно.

В Наркомнаце изоляционизм соперничал с открытостью, влияние сотрудников друг на друга влекло к обсуждению проблем культуры, связанных с историей соседних, и сошедших с исторической сцены, и существующих этносов. Взоры обращались к образовательным структурам, новым практикам. Проблемы языковых сообществ (тюркских, монгольских, семитских языков) привлекали внимание на отдельный этнос, на рациональный выбор открытых возможностей действия.

В регионах этнические отличия начинали обретать императивный характер. Вопросы этнической истории, исторические мифы народов влияли на обоснование места своей культуры в общем потоке устройства нового государства. Анализировался чужой опыт, сопоставлялись практики, оценивались внутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Начинали восприниматься те социокультурные практики, что поддерживали большевики. Нетривиальную оценку им даст еврейский национальный комиссар С. Диманштейн. В начале 1920-х годов, считал он, у советской власти не было ни связной политической стратегии в национальном вопросе, ни разработанной теории. Он отмечал: «Имеются “счастливые” и “несчастливые” вопросы: одними интересуются далеко не по заслугам, а другими пренебрегают, хотя они являются довольно жгучими. К таким несчастливым вопросам можно отнести вопрос национальный ... Мы занимались им от случая к случаю, как будто только для того, чтобы от него отделаться»²⁶. Конечно, процессы носили амбивалентный характер, вызывая чувство психологического дискомфорта, вызванного деконструкцией прежних структур, с которыми человека связывали чувства религиозной общности, сопричастности, сопереживания.

На самом деле, Сталин предлагал этническим элитам альтернативную федерализму концепцию управления и новую тактику, которые поддерживал Ленин. Сталин продвигал его взгляды на национальный вопрос, пусть с характерными акцентами, умолчаниями и отклонениями²⁷. С идеологической стороны они нацеливали на создание наднационального сообщества, на лояльность метафизическому и трансцендентному советскому государству.

27 января 1919 г. на одном из заседаний Оргбюро ЦК РКП(б) коллегия Наркомнаца, казалось, склонилась к своему составу по «политическому признаку»²⁸. Но 5 июля 1919 г. на заседании Оргбюро Сталин поставил вопрос о ликвидации Наркомнаца. Соглашаясь с ним (доводы Сталина в протоколе не изложены!) Оргбюро постановило «закрыть Наркомнац и создать при ВЦИК особый отдел»²⁹.

²⁶ Диманштейн С. Этапы программной разработки национального вопроса // Марксизм и национальная проблема. Сб. 1. Харьков, 1923. С. VII.

²⁷ См.: Зимин А. У истоков сталинизма. 1918–1923. Париж, 1984. С. 45–46.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 1. Л. 7.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Оп. 6. Л. 36.

8 июля 1919 г. коллегия Наркомнаца, обсуждая вопрос «о подготовке к ликвидации наркома (именно так – Т.К.) по делам национальностей», постановила: «Имея в виду то, что нарком (опять так – Т.К.) по делам национальностей не имел строго определенных функций, затрагивая функции многих ведомств, и с изменением штата многие неотложные дела в последнее время не могли быть разрешены, коллегия постановила, что нарком (опять! – Т.К.) по делам национальностей переходит со всем своим аппаратом во ВЦИК. Коллегия находит, что для плодотворной работы во главе отдела по делам национальностей должен стоять член Президиума, который является ответственным за свою работу»³⁰. Дополнительно указывалось: «Вопрос о ликвидации тех или иных национальных отделов передается на разрешение тех или других центральных национальных партий».

16 августа на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) этот вопрос обсуждался, но решение отложили до приезда Сталина³¹. Позже Сталин скажет о Наркомнаце, так и не ставшем его вотчиной, напротив, рассадником «федералистской фронды»: «Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получал отказ. Это орган ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освобождали от наркомства. Я и здесь был подневольным человеком. Все-таки то, что я предлагал в ЦК, это не есть Наркомнац. Наркомнац комиссариат агитационный, никаких административных прав Наркомнац не имеет»³². В госаппарате действительно господствовала идеология военного коммунизма и мировой революции.

На заседании СНК в октябре 1919 г. Ленин, укрепляя руководство Наркомнаца, предвосхитил будущее «странное» решение Политбюро ЦК РКП(б) от 14 ноября 1919 г.³³ Коллегия Наркомнаца, указывалось в ноябре, состоит из четырех человек: наркома (председатель) и трех членов, один из которых в обязательном порядке *должен был быть мусульманином, а другой – евреем*³⁴. Уже в июне 1920 года Каменев пишет Ленину: «все равно всех нельзя в нее [в коллегия – Т.К.] ввести»³⁵. Роль «мусульманина» отдана Н. Нариманову, ранее заведовавшего отделом Востока в Наркоминделе, роль еврея – спустя полгода – А.З. Каменскому³⁶. Пестковский пишет: Сталин осуществлял личный контроль над политикой «в отношении восточных народностей, передоверив ему работу среди национальностей западной части страны: поляков, латышей и т. д.»³⁷.

Как восприняли решение в Наркомнаце? Известна реакция главы Мусульманского комиссариата Султангаиева. Он называл Каменского и секретаря Наркомнаца Товстуху абсолютными «профанами в национальном, и тем более в восточном и мусульманском, вопросах»³⁸.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 3. Л. 120 с об.

³¹ Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. Каталог. М.: РОССПЭН. 2000. С. 38, 45; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 21. Л. 1–3.

³² Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 170.. № 4. С. 170.

³³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. Март – ноябрь 1919 г. М.: 1976. С. 108.

³⁴ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 61; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1756. Л. 160–160 об.; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. Ноябрь 1919 – июнь 1920. М., 1977. С. 588.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24402, 24403, 24404; Опубликовано: Ленинский сборник XXXIX. С. 228.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–4.

³⁷ И.П. Товстуха // Вопросы истории КПСС. 1969. № 4. С. 128–130.

³⁸ Мирсаид Султан-Галиев. Статьи: выступления, документы. Казань, 1992. С. 278.

Решение, видимо, заложило первый камень в острейший конфликт Сталина с Султангалиевым, в котором Сталин выбрал, конечно, не сторону Султангалиева. Те, на чьей стороне он остался, включая Ленина и Троцкого, “западники”, ожидали победу революции в Европе, не понимали Султангалиева. Более того, относились к нему подозрительно, когда он находил то позитивные черты в исламе, то поддерживал федералистские проекты «восточников», то расширял масштабы действия Мускома на восток за пределы Советской России³⁹. По словам Султангалиева, его обижало настороженное отношение Ленина к личному общению: «Я имею больше права на это, чем З. Валидов, М. Бигиев и другие»⁴⁰. Недоволен отношением и А.-З. Валидов: «Мы вышли от Ленина в приподнятом настроении. Через пару дней (19 марта) Ленин вступил на съезде в спор с Бухариным по национальному вопросу. Он отвечал Бухарину, что из *тактических соображений приходится идти на соглашение* даже с буржуазными националистами, и что разве большевики, мол, не были вынуждены скрепить своей подписью такое соглашение ... вчера – вступить в сотрудничество с башкирским правительством? ... Значит, Ленин и его соратники считают соглашение с нами *явлением временным*. Из его слов мы поняли, что их *товарищеское отношение к нам также ненадолго*. В будущем нас ... они отбросят в сторону, а власть передадут руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем»⁴¹.

2 января 1920 г. представления членов Цebюро КОНВ (М. Султангалиева, III. Измаилова, А. Мухитдинова) о работе с восточными культурно-сложными общностями изложены в их записке ЦК РКП(б). Они считали важным «перейти от области слов и мечтаний к делу, и действительному революционизированию Востока путем намечания и проведения в жизнь определенно-конкретных мероприятий в области выявления революционно-сознательной воли угнетенных масс Востока. Что же касается существующей восточной политики советского правительства, как внутренней и так внешней, то она *страдает недостаточно рельефно выраженной определенностью и полнотой*. В ней нет той смелости, решительности и идейного единства, которые свойственны всякой идее революции.

Действия советского правительства в этом отношении невольно напоминают известную поговорку: “Хочется и колется”. Все это, по нашему мнению, объясняется тем, что *советская власть не выделила из своей среды авторитетного как в глазах революционного Востока, так и в смысле понимания и познания Востока человека, который постоянно, не отрываясь от своего дела, сидел бы над ними и творил бы его*. Таким лицом, по нашему глубокому убеждению, был народный комиссар по делам национальностей тов. Джугашвили-Сталин. Своей открытой, честной, прямой и решительной политикой в национальном вопросе он сразу привлек к себе внимание широких слоев населения всех национальных

³⁹ Мирсаид Султан-Галиев. С. 86–87, 92–93, 132–134; Тайны национальной политики ЦК РКП, С. 5–6.

⁴⁰ См.: Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (20 век). – Казань: Татарское книжное издательство, 1999. – 468 с.

⁴¹ Заки Валиди Тоған. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, Китап. 1994. С. 291.

меньшинств Советской России, особенно же народов восточного происхождения, и завоевал у них громадный авторитет.

Человек, вышедший из Кавказа, т. е. из страны, представляющей из себя сотни разных языков и племен, а потому в высшей степени чуткий ко всякому национальному вопросу, поскольку он имеет естественноисторический и пролетарско-классический характер, тов. Сталин вполне правильно оценил значение национального вопроса в развитии социальной революции, и та форма разрешения его, какое получал этот вопрос у него в отдельных случаях, был единственно правильной формой его разрешения, как принципиально, так и тактически.

Но почему-то до последнего времени тов. Сталину не давали возможности как следует работать в области национальной политики и, в частности, восточной.

Несмотря на то, что формально тов. Сталин продолжал считаться комиссаром по делам национальностей, фактически же его делом руководили другие или, вернее, никто не руководил, т. к. те люди, которые заменили тов. Сталина, слишком были далеки от правильного понимания своих задач и лишь тормозили начатую им работу. Мы слишком редко видим тов. Сталина в своей прямой обязанности, мы видим лишь одно: как его назначают то комиссаром продовольствия на Северный Кавказ, то отправляют на расследование причин отдельных неудач отдельных фронтов, то назначают членом Реввоенсовета фронтов и т. д.

По нашему мнению, продолжаться дальше такое положение не может. Тов. Сталина необходимо отозвать от фронта и поручить ему руководство всей внутренней и внешней политикой советской власти на Востоке, назначив его комиссаром иностранных дел на Востоке и соответствующим образом реорганизовав Наркоминдел. Считаем своим делом заявить, что все те недоразумения, которые происходили и происходят в настоящее время с башкирами, киргизами и туркестанцами, объясняются в значительной степени отсутствием тов. Сталина в центре и неумением других работников наладить с ними правильные отношения.

Ввиду всего указанного мы, нижеподписавшиеся члены Центрального Бюро Коммунистических организаций народов Востока, считаем необходимым просить ЦК РКП(б) о следующем: 1. Отозвать тов. Сталина от фронта и поручить ему заниматься непосредственным руководством внутренней национальной политикой и внешней политикой советской власти на Востоке. 2. Реорганизовать *Восточный отдел и отдел по делам мусульман Ближнего Востока при Наркоминделе с тем, чтобы вся внешняя политика на Востоке была выделена и концентрирована в этом отделе*⁴².

В начале 1920-х годов сотрудники Наркомнаца позиционировали Наркомнац «военным штабом» организации советской власти на освобождаемых от антисоветских правительств территориях⁴³. С. Диманштейн считает: советскую власть на исторически нерусских территориях создает не съезд Советов или СНК, а

⁴² РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 86. Д. 130. Л. 1–106.

⁴³ Национальная политика Советской власти за два года: Сб. / Под ред. зам. нар. комиссара по делам национальностей С. Диманштейна. М.: Госиздат, 1920. С. 4; Трайнин И. К ликвидации Наркомнаца // Жизнь национальностей. 1924. Кн. 1 (6). С. 19; Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац, 1917–1923 гг. (вместо отчета). М.: Наркомнац, 1924. С. 6, 7, 123.

«мы» – Наркомнац. Постановление Наркомнаца от 27 января 1918 г. подчинило Центральному мусульманскому комиссариату все мусульманские отделения местных Советов. Постановлением СНК РСФСР от 29 июня 1918 г. к нему присоединены губернские и уездные мусульманские комиссариаты. В трактовке Диманштейна Наркомнац имел качественный вес «параллельной» государственной власти, действующей за пределами этнически русской территории. Спустя несколько лет он провел прямую преемственность союзного ЦИК от Наркомнаца. «Шесть лет вел Наркомнац энергично дело устройства народов России, пока закончил самое главное, и наша федерация, в общем, была создана, а затем сошел со сцены, передав свои главные функции еще более солидному и ответственному выборному органу – Совету Национальностей СССР»⁴⁴.

Очевидны особые претензии Наркомнаца устроить управление федеративным пространством культурно-сложного общества СССР, игнорируя фундаментальное отличие учреждений исполнительной власти одной из советских республик и палатой выборного законодательного органа союзной федерации⁴⁵.

Первая попытка Сталина упростить этнокультурную структуру хотя бы Поволжья была принята в штыки. На первых порах он благосклонно взирал на «самоорганизующихся» мусульман. Те намеревались придать Центрмускому особую роль: создать мусульманскую администрацию, автономную компартию и национальную территориальную автономию. Султангалиев видел в мусульманском государстве на Волге интеллектуальный центр Востока, откуда коммунизм шагнет в отдаленные уголки Азии. «Татарстан, – напишет он позднее, – должен сыграть огромную роль в пропаганде социалистической революции на Востоке. Культурные кадры, которые там куются, призваны принять активное участие в развитии отсталых регионов нашей периферии на Востоке».

Разногласия «снимались» усилением классового компонента. В мусульманское название комиссариата, указывает В.Г. Чеботарева, внедрен и региональный компонент. *Отдел по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Туркестана* в апреле 1918 года состоял из трех (на самом деле четырех) отделов: по делам Северного Кавказа и Дагестана, Крыма, по делам Туркестана и по делам Закавказья. Выделялись самостоятельные национальные отделы. *Как в случае и с горскими этносами Северного Кавказа, аппаратным решением создан киргизский отдел* в Наркомнаце.

Отражение большевистских идей «классовой» нотой в названии не прижилось. Перевесила «этнокультурная», что более соответствовало и дискурсу, и реальной структуре общества тех лет.

Но исламские названия Сталин изгнал из ведомственных структур. К этнокультурным названиям органов власти склонялись элиты в местных органах власти. В результате «маневра» комиссариат переименован в Татаро-башкирский,

⁴⁴ Диманштейн С.М. Прошлое и настоящее: Жизнь народов СССР. М.: Московский рабочий, 1924. С. 38.

⁴⁵ Крисовицкая Т.Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.) // *Rozprawy z dziejow oswiaty*. 2011. Т. XLVIII. Р. 73–129.

орган с узкими полномочиями. Политические и организационные функции перешли к ЦБ КОНВ, обозначив и повысив роль партийных структур.

Сталин насыщал советский проект федерализации этнонационалистическим дискурсом⁴⁶, в отличие от модернистских исканий Луначарского, другого наркома – просвещения.

§ 2. Практики Наркомпроса: *революционный модерн чувствований и действий*

Новые идеалы культуры становятся объектом внимания этнических элит, осваивающих кабинеты в новых коридорах власти. Это объясняет активное их участие в острых спорах о создании нового человека, путях и способах достижения этого идеала. *Еврейский комиссариат Наркомнаца в декабре 1918 года подчеркивал: чтобы освободить детей «из ужасной тюрьмы, от полной умственной деградации и физического вырождения».*

А. Луначарский, подходя к проблеме тоньше, раскрыл свое понимание *стандартизации жизни*, когда цивилизация властной волной напирала на страны и народы, «которые живут в национальных формах, более или менее самостоятельных». Стандартизация стремится к полному поглощению качества количеством, к стиранию индивидуального творчества. Она нивелирует культуру народов, «стараясь одеть все человечество в какой-то пиджак определенного образца». Наш интернационализм, – убеждал нарком, – не имеет ничего общего с этой тенденцией нивелировки, стандартизации и огрубления культуры народов. И «поскольку национальности признаются равноправными, поскольку подчеркивается их право на культурное самоопределение», постольку «мы можем ждать именно от коммунистического движения *колоссального защитительного вала против этой нивелирующей евро-американской силы*».

Размышляя о перспективах советского будущего, Луначарский верил: пролетариату, во-первых, удастся сломить поползновения поглотить и нивелировать национальные культуры, затем наступит «чрезвычайное и новое цветение этих отдельных национальных черт искусства и быта, а во-вторых, огромный взаимный интерес национальностей друг к другу». И утвердится «*принцип братства отдельных народов*»⁴⁷. Эта позиция наркома окажет влияние на федерализацию инструментов управления культурно-сложным обществом.

Особого применения требовал основной идеологический тезис – интернационализм. Его политические миражи направлялись на разные сферы культурного производства. Те ощущали их воздействие в большинстве своем болезненно. Троцкий видел: «Интернационализм Ленина – никак не формула

⁴⁶ Шницерман В. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78).

⁴⁷ Луначарский А.В. Собр. соч. в 8-ми томах Т. 7. С. 487–489.

словесного примирения национального с интернациональным, а формула *международного революционного действия*»⁴⁸.

В планах созидания новых продуктов и институтов культуры полной ясности не было. Разные участники процесса по-разному видели то, что, как, зачем и для кого созидать. Одни хотели благ для народа, другие для трудящихся, третьи только для пролетариата. В зависимости от этого раздвигались или сдвигались функциональные параметры. На начальной стадии большевики сосредоточились на секуляризации, централизации институтов культуры, управлении ими и на языке их будущего развития.

Е. Канчер, активный организатор I Всебелорусского съезда (декабрь 1917 года) в Смольном перед съездом беседовал с В. Лениным и А. Луначарским:

«Луначарский. Понимает ли белорусский народ тот язык, на котором выступают белорусские деятели с приветствиями и декларациями?

Канчер. Не понимает.

Луначарский. А имеют ли белорусы свой язык для национализации школы и учреждений?

Канчер. Белорусское национальное движение, возглавляемое Белорусской Великой Радой, выработало белорусский язык, отличный от русского и народного белорусского, но очень близкий к польскому. В народе, среди учителей и белорусов восточной ориентации этот язык абсолютно не популярен. Белорусский Областной Комитет полагает, что автономная Белоруссия может существовать с тем языком, какой она знает и признает своим. Что касается национального языка, то он будет создан народом, как только выяснится в этом потребность.

Луначарский. Следовательно, школа и учреждения не национализируются?

Канчер. Школа и учреждения могут переходить на белорусский язык годами, по мере создания языка. Но они могут с таким же успехом укреплять русский язык, если этого желает народ.

Ленин. Вы правы. Язык – дело не срочное, тем более что белорусы уже веками рождаются и воспитываются в русской культуре.

Канчер. И в польской – в западных губерниях.

Ленин. Это и есть ориентация, о которой вы говорите?»

В мемуарах, написанных в 1937 г., Канчер дополняет ответ Ленину: «О независимой республике вопрос даже не ставится, этого не желает народ. Мы говорим об автономной республике в духе высказываний т. Сталина»⁴⁹.

В школьной программе культурной автономии чувашской элиты заявлено: «1. Дело образования чуваш впредь должно вестись на началах культурного самоопределения нации. 2. Чувашский народ должен быть обеспечен государством желательными для него национальными школами разных типов и ступеней».

Программа конкретизировала: для детей, обучающихся в чувашских начальных

⁴⁸ 1 Правда. 1920. 23 апреля.

⁴⁹ См.: Евсеев Канчер. Из истории гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам) Фрагменты 5-й главы // Белорусская думка. 2010. № 1. С. 94. Публикация В. Скалабана. Встреча в Смольном. Декабрь 1917 г.

школах, основным языком преподавания на все годы должен стать чувашский язык. Русский язык изучается с первого класса и «занимает место как предмет изучения». Особо подчеркивалось: его изучение должно быть качественное. В связи с тем, что объем школьной программы увеличивался, то решено было увеличить продолжительность курса чувашских начальных школ на один год в сравнении с русской начальной школой. Учителя должны быть «природные чуваша» либо знающие язык и традиции народа. Если они не окончили чувашскую учительскую семинарию, то должны сдать экзамены на знание языка и методики преподавания предметов. Во всех уездных земских управах, где проживает чувашское население, должны быть созданы особые отделы по школьному образованию чувашей, ведающие всем начальным образованием чувашей данного уезда. Разумеется, это должен быть либо чуваш, либо знающий язык и традиции. Находясь на финансовом балансе уездного земства, *работники этих отделов должны подчиняться специальному центральному координирующему органу, который заведует делом образования чувашского населения на уровне начальной школы, выбирается на учительских съездах и находится на финансовом балансе государства*⁵⁰.

В системе среднего образования преподавание для чувашей должно вестись на русском языке из-за недостатка учебников на чувашском языке и знающих язык учителей. В учебных заведениях среднего звена со значительным числом чувашских учеников предлагалось изменить учебные программы *«на основах, соответствующих национальным потребностям чувашского населения»*. Подобные семинарии будут *находиться в системе единой средней школы*, но кандидатов на должности директоров и преподавателей семинарий будут рекомендовать чувашские съезды и общество⁵¹.

Уровень претензий со стороны этнокультурных сообществ был различный, хотя на многих территориях много раз сменялась власть, гремели битвы гражданской войны. Новые структуры советской власти, укрепляясь в регионе, учитывали претензии и реальные ресурсы этнокультурных структур, выдвигая на первый план политико-идеологические задачи, решая их, а не собственно культурные.

С.Н. Ставровский в мемуарах описывает педагогические проблемы Харькова, оказавшегося столицей советского «Донкривбаса»: «Учебные заведения заваливались кучей циркуляров, требовавших немедленного (курсив док. – Т.К.) проведения разных реформ в советском духе. Выполнять все эти циркуляры не было никакой возможности, тем более что многие из них противоречили друг другу». Однако автор оценивает атмосферу в структурах образования все же «достойными, независимыми» в отличие от позже установленных «хамских порядков в школе (1924–1925)». Что удивительно, отмечает он, «украинское правительство, как при Раде, так и при гетманщине ... их не трогало и даже до известной степени с ними считалось»⁵².

⁵⁰ Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск: Типолитография Исполнительного Комитета, 1917. С. 20–24.

⁵¹ Там же. С. 16–20.

⁵² Ставровский С.Н. Черные годы, или «Bestia triumphalis» (1917–1922) // Минувшее. 1993. № 14. С. 37–39.

Придавая новым проектам классовый характер, Наркомпрос РСФСР выступал *доминантным политическим их регулятором и государственным спонсором*. Роль административного ресурса в развитии национальной культуры он понимал как освобождение от ее традиционных элементов. Такие представления упрощали реальность, но усиливали возражения традиционных структур. Генерал Ф.Я. Ростковский, поляк по рождению, внимательно отслеживал и ежедневно оценивал действия новой власти: они «низводятся до непонятного уровня при непостижимой цели»⁵³.

Однако Луначарский был не формальным проводником и исполнителем партийных указаний в культурно-сложное общество. Марксизм с его неприятием индивидуальности и инженерным подходом к общественным отношениям кое-кому казался оптимальной идеологией для византийско-русского культурного типа. Ленин «пришел к твердому убеждению, что ... на важных постах сидят дураки и педанты» и выговаривал В.М. Молотову: «коммунистическое дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом»⁵⁴. Он задавал новые цели: превратить инструменты культуры и искусства в эффективный инструмент передачи новых ценностей. Для завоевания пространства культуры этого общества в разных отраслях искусства, гуманитарных науках, утверждения в них своей идеологии, мировоззренческих и публицистических позиций, он привлек к *формированию прагматики будущей советской культуры* творческие элиты.

Пролетарская культура – новая культурная парадигма – направлялась на укрепление политической базы и подъем культурно-образовательного уровня населения, особенно крестьянства. С 1918 по 1920 гг. Наркомнац выпустил более чем на 20 языках свыше 700 названий книг, общий разовый тираж которых составил 12 млн. экземпляров. Но из его кабинетов взирали с любопытством, страхом, завистью на политическую огранку процессов, развивающихся в Наркомпросе.

Луначарский же распахнул кабинеты Наркомпроса, и в них воцарился дух бунтарства, новаторства, нигилизма. Огромное желание сбросить оковы культуры, традиций прошлого будоражило модернистские сообщества музыкантов, художников, репортеров, писателей, журналистов, новых идеологов. Они были отдельным миром, чутким к происходящим переменам, выдвигавшим своих апологетов, лидеров, фанатиков и новаторов. Посылы Ф. Маринетти, побывавшего в 1914 году в Петрограде, его призывы звали к действию: «Ускорение жизни теперь всюду обладает быстрым ритмом. Физическое, интеллектуальное и эмоциональное балансирование человека на натянутом канате скорости среди противоположных магнетизмов, многогранность одновременного сознания в одном чувстве мира»⁵⁵.

Луначарский писал: «в петроградском художественном мире царил враждебное к нам учредилловское направление. На собраниях Союза художников выносились всякие резолюции более или менее саботажного типа... Часть

⁵³ Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания. 1917-й: революция глазами отставного генерала. М.: Росспэн. 2001. С. 495.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392.

⁵⁵ Львов-Рогачевский В. Футуризм // Литературная энциклопедия: слов. лит. терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2: П–Я. Стб. 1047–1058.

интеллигенции, как и всякая другая, в то время была остро недовольна нашим курсом ... Даже официальная крайняя левая художников, не только более революционная в смысле исканий, но и в смысле политического настроения, склонна была диктовать Советской власти разные условия, при исполнении которых художники-де готовы были войти с «самозваной властью» в известный контакт»⁵⁶. Он учредил Отдел изобразительных искусств (ИЗО) Наркомпроса, лояльный новой политической власти орган, главной задачей его являлось реформирование художественного образования. Поначалу ИЗО насчитывал семь членов, среди них известные Н. Альтман и старый друг Луначарского бундист Д. Штеренберг. Они рискнули сотрудничать с большевиками и за несколько месяцев превратили ИЗО в серьезный фактор власти в области искусства. Отдел отвечал за художественное образование на территории всей РСФСР и за покупку новых произведений искусства для музеев.

Наиболее яркие действия ИЗО в корне изменили правила игры в русском изобразительном искусстве, превращая его одновременно в авангард и бастион «футуристов». Перешел вскоре в ИЗО и польский шляхтич К. Малевич, так и не поделив модернистскую корону живописи с В. Татлиным. Малевич и его последователи создали «новую партию в искусстве» – УНОВИС (Утвердители нового искусства).

12 июня 1918 г. на Всеукраинском съезде художников Н.А. Прахов, представитель Товарищества киевских художников, говорил: «Ниагара человеческой крови, так расточительно щедро пролитой на фронте, весенним половодьем хлынула на родную землю. Затопила города, деревни, села, отуманила разум, опьянила волю и в стихийном порыве смела и сметает и тысячи человеческих жизней и то, что в них всегда было, есть и будет самым ценным: культурные начинания современников, *культурное наследство предков*. Гибнут художественные, научные ценности, темной толпой, обманутой и обманываемой демагогами всех цветов и оттенков, уничтожается народное богатство, сжигаются книги, рвутся картины, бьется редчайший фарфор и, нарождающиеся в этом вихре низменных страстей и инстинктов, новые нации и вскормившая их страна – кажется, кубарем летят в пропасть духовного банкротства. Ружья, пулеметы, ручные гранаты, снаряды чередуются с мукой, сахаром, воблой, и весь этот пестрый хоровод существовавших и раньше, но где-то под спудом, поднятый – вдруг сделался центром современной жизни, ее «краеугольным камнем». Так – жить нельзя! Мы – люди свободных художественных профессий – испокон века работающие для всего народа, не отдающие свое дарование, свое общественное чутье на службу интересам правительства, политических партий и политических групп – в годину общественного бедствия не имеем нравственного права быть инертными, не смеем молчать! Нас всех, носителей и провозвестников культуры объединяет единая задача – защита жизни»⁵⁷.

⁵⁶ Об Отделе изобразительных искусств [Наркомпроса. 1920 г.]. Публ. А. Ермакова // Новый мир. 1966. № 9. С. 236–239.

⁵⁷ Филина Ю.С. Революционная теория и практика в изобразительном искусстве (по воспоминаниям художника Н. Прахова / Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2017 г. СПб., 2017. С. 414–423.

Члены ИЗО изображали культурно-сложное общество в практиках, которые финансировал Наркомпрос, используя государственный административный ресурс⁵⁸. Коммунист-анархист А.Д. Древин (Древиньш, 1889–1938) – живописец, вспоминал: «9-й латышский стрелковый полк выдвинул меня на общественную работу в Национальный латышский комиссариат; тогда же я принимал участие в выставке в Кремле, устроенной стрелками... После 1-й выставки Союза художников Москвы, где я впервые выставился с русскими художниками, В.Е. Татлин пригласил меня в Отдел изобразительных искусств, где я проработал до 1920 года»⁵⁹. В 1919 г. Древин руководил Музеем живописной культуры, вступил в Ассоциацию крайних новаторов живописи, входил в объединение латышских художников «Группа экспрессионистов». Среди течений русского авангарда работы Древина «ближе всего к принципам лучизма»⁶⁰. «Это почти то же самое, – считал идеолог «лучизма» М. Ларионов, – что мираж, возникающий в раскаленном воздухе пустыни, рисующий в небе отдаленные города, озера, оазисы». В «лучистой» картине предметы реального мира не имеют никакого значения⁶¹.

Авангардисты выступали за радикальное изменение общества. Большинство их поддержали Советскую власть и ленинский план «монументальной революционной пропаганды». В Киеве художественный «десант» из Москвы **«пробудившихся утром киевлян ... буквально ошеломил изменившимся за одну ночь видом города»**⁶². В 1918 г. в Одессе создана Свободная академия изящных искусств, Одесское художественное училище обрело статус высшего учебного заведения. К празднику 1 мая 1919 г. одесские авангардисты (А. Нюренберг, А. Экстер, М. Гельман, С. Фазини) взялись за «революционное оформление» города, прогремела «1-я народная общая выставка», в которой доминировали работы авангардистов. Нюренберг в 1920 году сотрудничал с В. Маяковским в «Окнах РОСТА», изготовив около 200 плакатов, разлетевшихся по всей России. Блестящие страницы истории театра А. Таирова неразрывно связаны с открытиями и достижениями театрально-декорационного искусства А. Экстера. Брат И. Ильфа С. Фазини (С.А. Файнзильберг) в 1920 году работал художником в ЮгРОСТА под руководством Б. Ефимова; рисовал плакаты в стиле Матисса на революционные темы.

М. Шагал с первых дней его работы на посту комиссара по делам искусств Витебской губернии активно интересовался «русской иконой». В интервью американскому критику Э. Родити он позже объяснял: «Можно понять, почему люди думают, что многие из этих старых икон созданы не рукой человека, а каким-то таинственным образом посланы с неба»⁶³. Гений политической конь-

⁵⁸ См.: Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М.: Наука. 1975.

⁵⁹ Стародубова В.В. Александр Древин (1889–1938). М.: Галарт, РА, 2005; ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 21. Д. 382. Л. 463.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Иньшаков А.Н. Ларионов и Малевич: лучизм и супрематизм // Н. Гончарова, М. Ларионов: Исследования и публикации. Сб. статей / Комиссия по изучению искусства авангарда 1910–1920-х гг. М.: Наука, 2001. С. 3–21.

⁶² Воспоминания художника Н.А. Прахова. 1918–1919 гг. // Отечественные архивы. 2015. № 1.

⁶³ Родити Э. Диалоги об искусстве: Марк Шагал. Перевод с немецкого А. Белодед // Бюллетень Музея Марка Шагала. Вып. № 1 (7). Витебск: Витебская областная типография. 2002. С. 8; Хмельницкая Л. К истории одной идеи Марка Шагала: от городского художественного музея к Музею современного искусства в Витебске // Там же. Выпуск 16–17. 2009. С. 102–114.

юнктуры В.И. Ленин этот интерес оценил сразу: эти вознесения живьем на небеса, разговоры с богом, посягательства на творца – этот «Их марш»⁶⁴.

Важные аспекты взаимодействия структур управления с творческой элитой приводит Н.И. Харджиев, «Малевичу вообще было наплевать – он никаких национальностей не признавал. Ему было важно – художник или не художник ... Вообще на эту тему никто тогда не задумывался ... Да, когда к Малевичу перебежали от Шагала все эти еврейские мальчики ... скандал был на весь Витебск»⁶⁵.

«Одна война проиграна, другая – мировая война – предстоит, а вы – маленький еврейский мальчик с сердцем, полным русских пятистопных ямбов», – описывает И. Бродский глазами О. Мандельштама время в эссе «Сын цивилизации». 1 июня 1918 года Мандельштам по рекомендации А.В. Луначарского заведовал подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы Наркомпроса. Когда Наркомпрос переехал в Москву, Мандельштам перебрался в новую старую столицу, поселился в гостинице «Метрополь». «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля», – пишет он и ... оказывается в Харькове, большевистской столице Украины. Р. Ивнев вспоминал, «я никогда не встречал человека, который так бы как О. Мандельштам одновременно и принимал бы революцию и отвергал ее. Он был похож на заблудившегося ребенка»⁶⁶.

Что из этих взаимодействий было доступно пониманию башкира ли, татарина, кавказского горца? Откуда им было знать, к чему ведет монополия государства диктовать образ жизни и устанавливать благонадежность мышления, лишать свободы и отнимать саму жизнь? Но кое-кто уже понимал: «Весной 1918 года – пишет В.Ф. Ходасевич, – началась советская служба и вечная занятость не тем, чем хочется и на что есть уменье ... В Пролеткульте внутренний развал: студийцы быстро переросли своих “идейных вождей”. Бросил, ушел»⁶⁷.

В Наркомпросе В. Брюсов, поддерживая формалистов, искал каналы распространения теории литературной эволюции на социальные практики, но с установкой на политическую эффективность и динамизм исторического движения. Внутреннее «сродство» формалистов уловил В. Шкловский в «Сентиментальном путешествии» (1923): «Ленин говорил речь с элементарной стремительностью, катя свою мысль, как громадный булыжник; когда он говорил о том, как просто устроить социальную революцию, он сминал перед собой сомнения, точно кабан тростник».

Формалисты литературными средствами разрушали привычки восприятия и интерпретации. Символическое значение и социальный заряд обеспечивал политическую легитимацию представлений о природе поэтического языка, его возможностей идеологического измерения художественной формы. История

⁶⁴ Мариенгоф А.Б. «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги». С. 205–207.

⁶⁵ Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. Том I. – М.: Галерея «IN ART-IBUS», 2017; <https://kid-book-museum.livejournal.com/1060182.html>; http://rupo.ru/m/4312/?_utl_t=lj

⁶⁶ Краснящий А. Мандельштам и другие. Писатели в Харькове // Новый мир. 2016. № 10.

⁶⁷ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997.

автоматизировала их с еще большей степенью интенсивности, чем искусство.

В Литературно-издательском отделе Наркомпроса с 1918 по 1920 годы литовский поэт-символист Ю.К. Балтрушайтис с помощью А.М. Горького налаживали выпуск массовой серии «Народной библиотеки», создав издательство «Всемирная литература».

Первые острые противоречия проявились в содержании советских декретов, резко меняющих этнокультурную атмосферу страны. Общественные расколы и потрясения гражданской войны отражались в этнокультурной и социально-психологической сфере. С программой лекций «История культуры мыслей» А. Белый договорился с Луначарским⁶⁸. «Нервные» импульсы его, «специалиста-консультанта» отдела Пролеткульта на изгнание С.А. Есенина, А.С. Клычкова и др. как «людей чуждой и враждебной идеологии», «мертвецов» в ноябре 1918 г. показывают сложность «притирки», понимания и оценки творческих задач новой властью. Но татарские писатели М. Гафури, Г. Ибрагимов, Ф. Амирхан восприняли Революцию как выход из тупика. Татарская художественная литература, «верная спутница» истории, выявляла связи с проблемами эпохи, важнейшими из которых стали «человек и общество». Эмоциональный М. Гафури воспринял октябрьские события как осуществление вековых надежд татарского народа на равноправие с народами мира, а попытку перестроить общество путем насилия, как и многие собратья по перу, – как месть злодеяниям прежних властей.

У ядра «Левого блока», в который наряду с Маяковским и Мейерхольдом входили Татлин, Шагал, Альтман, были основания считать, что диалог с традиционалистами затянулся. Многие ранее были активными деятелями Культур-лиги. Ее манифест гласил: «превратить еврейство в нового члена большого сообщества мировой культуры не означает перевода мировой культуры на идиш. Это также не должно быть просеиванием общечеловеческой культуры через темперамент одной отдельной нации. Это означает гораздо большее – *создание сплава нашей истории, живущей в нас, с культурой нового времени*»⁶⁹.

Многие деятели Культур-лиги, переехав в Москву, в художественной секции Наркомпроса РСФСР сблизилась с художниками-модернистами М. Шагалом, Р. Фальком, Н. Альтманом, Д. Штеренбергом, А. Лабасом⁷⁰. Став союзниками новой власти, ближайшими советниками Луначарского, они *поглощены ее организацией в высших звеньях художественной администрации революционной власти*.

Из кабинетов национальных комиссариатов на них смотрели с экзистенциальным любопытством. Чувашский художник М.С. Спиридонов, ученик Н.С. Самокиша, в 1920–1926 годы руководил секцией изобразительного искусства в

⁶⁸ Глухова Е.В. Андрей Белый в проектах первых лет советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос. Андрей Белый. Проект лекционных курсов театрального университета Наркомпроса. 1918. / Арабески Андрея Белого: сб. статей по материалам конференции в честь 135-летия со дня рождения А. Белого, состоявшейся 26–31 октября 2015 года в Москве / ред.-сост. К. Ичин, М. Спивак. Белград: Филологический ф-т Белградского ун-та, 2017. С. 177–185.

⁶⁹ <https://eleven.co.il/jewish-history/modern-era/12257/>

⁷⁰ Казовский Г. Феномен Культур-лиги // Еврейский обозреватель. 2007. Декабрь. № 23/162.

подотделе искусств Чувашского областного отдела народного образования. Он вспоминал, что он, как заведующий, был «командирован в Москву в Наркомпрос. В ИЗО Наркомпроса я познакомился с художниками, которые в то время ведали вопросами изобразительного искусства. Они провели со мной инструктивную беседу. Из этой беседы я понял, что они хотят направить искусство по формалистическому пути ... Запомнились мне ... работы Штеренберга, Малевича и других – изображение на плоскости разных прямоугольников, кругов и других форм, а также уродливые портреты, пейзажи и натюрморты ... У нас ... таких течений не было и в помине ... Контакта с отделом изобразительных искусств Наркомпроса у меня не получилось и связь с ним оборвалась»⁷¹. Позднее он поддержит АХРР и возглавит его Чувашский филиал. О том, что в Казани «наличие в руководстве изофронта формалистов ... покалечило немало молодежи», писал и В.К. Тимофеев⁷². В 1926 году в Азербайджане выставку АХРРовцев попытались поджечь «выходцы с того света». Это «геростратов жест бессильных реставраторов прошлого, теряющих рассудок от картин настоящего»⁷³.

Для централизации театрального дела в январе 1918 года создан ТЕО (театральный отдел) Наркомпроса РСФСР. Луначарский, его первый руководитель, видел цель театра в распространении «революционного образа мыслей, чувствований и действий во всей стране»⁷⁴. В августе 1919 года Ленин подписал декрет «Об объединении театрального дела». ТЕО активно приступил к созданию нового революционного театра, нового репертуара. В состав ТЕО входили историко-теоретическая, репертуарная, режиссерская, педагогическая секции. Указами Ленина в ведение ТЕО переданы Театральный музей имени А.А. Бахрушина в Москве (в феврале 1919 года) и Институт истории искусств в Петрограде (в 1920 году).

ТЕО возглавил В.Э. Мейерхольд, став театральным диктатором от большевизма. «Он заявил, что ... театр есть коммунистический фронт», вспоминал внук декабриста С. Волконский⁷⁵.

Молодой реформатор развернул идеологическую битву с академическими театрами. ТЕО рассылал рекомендательные списки лучших драматических произведений, занимался учетом и охраной частных театральных библиотек, музеев и коллекций. Велись активные дискуссии. Появились «ополченцы» и «партизаны» революционного театра, их Мейерхольд встраивал в колонну «театрального Октября», делая и спутниками, и соперниками театральных студий Всероссийского Пролеткульта. В театрах демократической интеллигенции Казани, европейски образованной, в 1917 году преобладали артисты, наделенные «природным демократизмом»⁷⁶.

⁷¹ Спиридонов М. Чувашский филиал АХРР / АХРР. Сборник воспоминаний, статей, документов. М.: Изобразительное искусство. 1973. С. 162–163.

⁷² Тимофеев В.К. Казанское отделение АХРР / Там же. С 161.

⁷³ Бакинский рабочий. 1926. 10 июня.

⁷⁴ Луначарский А.В. Революция и искусство // Коммунистическое просвещение. 1920. № 1.

⁷⁵ Кн. Сергей Волконский. Мои воспоминания Родина. Берлин – М.: Кн-во «Медный Всадник», 1923. С. 68.

⁷⁶ Стрельникова О. С чего начинался татарский театр // Татарстан. 2006. 28 декабря.

Театры разведывали пути внедрения образцов народной героики в злободневную политическую сатиру. Воздействие театральных представлений на неискушенных зрителей было таким глубоким, что вызывало ассоциации с религиозным действием. М.И. Калинин на V Всесоюзном съезде работников искусств 25 мая 1925 года говорил: «на квартире у Владимира Ильича ... мы разговаривали о том, чем заменить религию? ... Надо религию эту чем-нибудь заменить, и тов. Ленин говорит, что место религии займёт театр»⁷⁷.

А. Азарх-Грановская вспоминала: «Я встретила мою приятельницу, работавшую юрисконсультком в Еврейском комиссариате. ... Она мне задала вопрос: “Скажите, ваш муж еврей?” Я говорю: “Да”. – “Ну вот, а никто не знает, кто Грановский. А ведь он, говорят, очень талантливый режиссер”. Я говорю: “Говорят”. – “Знаете что, скажите, пусть он придет в комиссариат. Обязательно пусть придет. Мы ищем страстно режиссера, еврея, который может поработать и поискать, так сказать, пути национального театра”. Дома я рассказала Грановскому об этой встрече, и, подумав пару дней, он сказал: “А знаешь, я ведь давно мечтал о создании театра, о поисках в этом направлении”». Весьма тонко реакцию на идеологический аспект централизации театрального дела отразила В. Гудкова. Описанные ею яркие страницы борьбы еврейского театра «Габимы» с ТЕО Наркомпроса, ведущиеся с романтической пылкостью, свидетельствуют: «Бывшие местечковые евреи обрели весь мир – и освобожденная энергия, столетия стиснутая «чертой оседлости», была сравнима лишь с энергией ядерного взрыва, – и столь же непродолжительна»⁷⁸.

Заведующий еврейским отделом Наркомнаца И.Х. Мандельсберг 31 июля 1920 года настаивал в коллегии Наркомнаца на истинной подоплеке: «Вопрос о “Габиме” не является спором о ее художественной ценности, ... а исключительно политическим спором двух классовых мировоззрений, принявшим в условиях еврейской действительности форму борьбы двух языков»⁷⁹. В. Иванов рассказывает: помог «Габиме» Иосиф Сталин. Он решительно поддержал «Габиму» в борьбе с ревнителями «пролетарского еврейского театра» – членами Евсекции Наркомпроса. «Идея театра на иврите, апеллирующего к фундаментальным духовным ценностям и способного стать инструментом культурно-национальной идентификации, была двойным апофеозом: почвы и беспочвенности, – пишет В. Иванов. – В отсутствие почвы “Габиме” предстояло самой стать почвой».

Постановщиками первых спектаклей на якутском языке в 1917–1918 годы, первыми якутскими актерами являлись члены Общества просвещения якутского народа («Сырдык»). Многие вскоре попали под жернова политических репрессий, их имена преданы забвению или попали под запрет. Помимо В.В. Никифорова-Кюлюмнюр одним из режиссеров был ученый-филолог, основоположник якутской советской литературы П. Ойунский (П.В. Слепцов).

Ленин и театр // Рабочий и театр. 1929. № 4. С. 3.

⁷⁸ Гудкова В. Московские сезоны еврейского театра // Дружба народов. 2000. № 8.

⁷⁹ Иванов В.В. Русские сезоны театра Габима. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1999. С. 247.

В Наркомпросе активно поддерживались выступления самодеятельных артистов, самодеятельную практику с ориентацией на острые социальные конфликты и драматические ситуации, в которых виделись истоки духовного здоровья нации, героизма и творческой энергии народа, народная традиция и профессиональное исполнительство новоевропейского типа.

Музыку большевики считали мощным средством коммунистической пропаганды. В 1918 году Ленин подписал декрет «О государственном музыкальном строительстве». Главной задачей было управление происходившими в музыкальной культуре процессами, насаждая новую идеологию. Сложность и пестрота музыкальных явлений начала XX века, расцвет «модерна» в русской музыке, особенно в столичных городах, подвергались выборочным ограничениям. Музыкальный отдел (МУЗО) стал одним из первых централизованных органов. Его возглавил организатор Всероссийского союза композиторов Б.Б. Красин в Москве. В Петрограде с 1918 по 1920 год «строил» новую пролетарскую музыкальную культуру А. Лурье. Вместе с Б. Лившицем и художником Г. Якуловым в Петербургском футуристическом манифесте «Мы и Запад» они еще в 1914 году провозгласили принципы, общие для трех искусств – поэзии, живописи и музыки.

Произошла реорганизация крупных музыкальных коллективов, национализировано имущество РМО, нотные магазины, склады, издательства, музыкальные театры, концертные залы и т. д. МУЗО обрел право контроля над деятельностью всех живущих авторов, без разрешения запрещалось издавать что-либо. Запрещались поездки артистов с концертами без разрешения (для его получения требовалось представить программу концерта, афиши и даже билеты). Запрещались концерты, «не имевшие художественной ценности» (т. е. не соответствующие идеологическим установкам), проведена ревизия учебных заведений.

Но с другой стороны, постановлением Наркомпроса РСФСР от 25 ноября 1918 года музыка включена в программу единой трудовой школы «как необходимый элемент общего образования детей, на равных началах со всеми другими предметами», введены уроки музыки в общеобразовательных школах. Музыкальные уроки приравнены к общеобразовательным. Возникла необходимость совершенствовать занятия, повысить квалификацию школьных учителей музыки⁸⁰. 10 сентября обнародовано постановление «О доступе народных учителей в специальные музыкальные учебные заведения»⁸¹.

В музыкальной жизни сохранялась конфронтация национальных музыкальных сред, отсутствовал этнографический подход к оценке музыкальных практик. Музыкальный критик газеты «Варшавский дневник», член совета Варшавской консерватории польский еврей А.В. Затаевич с 1920 года проживал в Оренбурге. В тяжелые годы разрухи, холода, голода, эпидемий, поддержанный

⁸⁰ Отчеты-бюллетени МУЗО Наркомпрос «О том, что сделано». Вып. 1, 2. М., 1919; Миклашевский М. Задачи и достижения МУЗО Наркомпрос // Художественная жизнь. 1919. № 1. С. 6–7 и др.

⁸¹ Календарь-справочник. П.–М., 1919. С. 229. См. также: Бронфин Е.Ф. Музыкальная культура Петрограда первого после-революционного пятилетия 1917–1922. Л.: Советский композитор. 1984.

казахской элитой (А. Букейхановым, С. Сейфуллиным, А. Байтурсиновым и др.) он собрал, записал и систематизировал более 2300 произведений музыкального казахского фольклора об укладе жизни, традициях, характере, быте казахов. Его труд стал явлением мировой музыкальной этнографии.

Сотрудник МУЗО Наркомпроса Р.М. Глиэр, член этнографической секции Пролеткульта, в течение нескольких лет занимался хоровым творчеством со студентами Коммунистического университета трудящихся Востока⁸². В 1919 г. Ученый совет МУЗО Московского Пролеткульта вел работу в теоретическом и этнографическом аспектах. Весной 1921 г. на базе Комиссии этнографа, фольклориста, антрополога Н.А. Янчука в Москве создана Этнографическая секция Пролеткульта. Она занималась сбором, изучением, обработкой, пропагандой песен народов России.

8 февраля 1921 года Якутский отдел Наркомнаца и Полномочное представительство ЯАССР при Президиуме ВЦИК в Москве начали переговоры с ГИМН об обработке якутских песен, которые бы отображали новый советский строй жизни квалифицированными композиторами и издании их массовым сборником. Осенью 1923 г. в Москву выехала делегация Якутской АССР для участия в первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, которая открылась 19 августа 1923 г. Среди участников находился и самодельный якутский композитор Адам Скрыбин со своей художественной программой⁸³.

8 октября 1923 г. в Большом театре состоялся вечер национальностей, населяющих СССР. Около 200 представителей разных народов были на сцене в национальных костюмах: буряты и киргизы, алтайские ойроты и далекие якуты, скромно одетые чуваша, сверкали яркостью костюмов горцы Кавказа и Крыма. Киргизы прибыли с верблюдами, кавказские горцы с огромной арбой, якуты выставили походную юрту, увешанную звериными мехами. Каждый народ дал красочное представление о том, что создано его культурой. Луначарский, выступая, указал на политическую значимость вечера. Перед зрителями в течение 5 часов прошли 20 национальностей с песнями и плясками, с народными обрядами, оркестрами своеобразных инструментов⁸⁴.

Мусульманские сообщества пытались оценить роль и значение светской музыки в жизни мусульман, соотнести их с контекстом «музыка и ислам». Народная музыка поволжских тюрок обогащалась восточными, в т. ч. арабо-мусульманскими традициями и арсеналом музыкальных инструментов. На местах с интересом наблюдали и за европейскими музыкальными процессами, «секуляризацией» светской музыки. Сохранялось настороженное отношение к музыкальному модерну и европеизму. Педагог Х. Максуди относил музыку к занятию, статус которого не описан четко в исламе, нельзя ее запрещать, но нельзя и пропагандировать. Свою роль сыграло печальное обстоятельство: в Казани в 1917 году сгорел театр, утра-

⁸² Явгильдина З.М. История музыкального образования в Казанской губернии (вторая половина XVIII – начало XX вв.). Казань: Издательство Казанского университета, 2012.

⁸³ Кривошапко Г.М. Адам Скрыбин. Из истории якутского музыкального искусства. Якутск. 1973. С. 12.

⁸⁴ Вечер народностей // Правда. № 229. 10 октября 1923. С. 3).

чены прекрасные оперные спектакли с участием Ф.И. Шаляпина, большая нотная библиотека, сотни костюмов, реквизит.

Слабый опыт переноса современных явлений музыкального искусства на этнокультурную почву осложнен не только гибелью объектов культуры, их разрушением, использованием часто в военных целях. Попытки возобновить опыт в созданной Восточной консерватории осложнялись позицией местного Пролеткульта. Но в музыкальной жизни горцев Северного Кавказа, например, доминировала героическая тема древнего эпоса «Нарты». Культурный «капитал» этногенетических мифов начинал вводиться в борьбу за политическое обоснование северокавказских автономий, порождая бесконечные дискуссии, дожившие до современности. В «Нартах» ценность прошлого традиционно занимала высшую иерархическую ступень в системе приоритетов кавказского сознания. Сказания покоились на уникальной мировоззренческой платформе, включающей оригинальные космогонические и морально-этические представления предков. Музыкальная культура следовала за событиями истории и жизненного уклада горцев. Из общего фольклорного наследия в отдельных автономиях складывалась консолидация не столько гражданства, сколько этничности, в чем заинтересованы местные номенклатуры.

В июле 1918 г. СНК опубликовал декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». Для установления государственного порядка в национализации книжных ресурсов проводились реквизиции, конфисковались личные библиотеки. Началась чистка библиотечных фондов. Изымалась религиозная, монархическая и антиреволюционная литература, художественные произведения, воспевающие буржуазную и мещанскую мораль, «быт, нравы и идеологию старого мира». Брюсов, руководитель Библиотечного отдела Наркомпроса РСФСР, лично описывал богатейшую библиотеку Н.Б. Юсупова – одно из самых крупных частных книжных собраний России XVIII – первой трети XIX века⁸⁵. «Власть времени сильнее, затаена / В рядах страниц, на полках библиотек: / Пылая факелом во мгле, она / Порой язвит, как ядовитый дротик», – писал он в 1917 г.⁸⁶

Пополнение библиотек шло в основном агитационно-пропагандистской и научно-популярной литературой, книгами и брошюрами об Октябрьской революции, истории революционного движения, о социализме и коммунизме.

Другие акты, например, декрет СНК о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения, о порядке реквизиции библиотек, книжных магазинов, складов и книг вводили контроль центральной власти над культурными ресурсами.

В культурной политике контроль становился ведущим и практически универсальным, осуществлялся в суровых формах. Помощь и заимствования в такой практике воспринимались как чуждый феномен⁸⁷.

⁸⁵ См.: Библиотечное дело в СССР. 1917–1920. Сб. документов. М.: Книга. 1975.

⁸⁶ Брюсов В. Стихотворения, лирические поэмы. М., Московский рабочий. 1979.

⁸⁷ Файзрахманова А.Т. Первый опыт организации высшего музыкального образования в Казани (Восточная консерватория в 20-е годы XX столетия) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010.

Этническая специфика влияла на отношение этнических элит к большевистским атакам на ресурсы культуры. В большинстве они пребывали вне большевистского политического мейнстрима. Атаки властей направлялись на этнокультурные институты, но поддерживали специалистов, особенно если в них была острая потребность. Главная задача – внедрить метод «штурма», укрепить политическую легитимность режима и не допустить критики со стороны конкурирующих практик.

Настороженное отношение к современным течениям: модерну и европеизму, избравшим своим объектом выражения противоречивые грани бытия и человеческого сознания, эйфория, вызванная переменами в политическом строе, сменялась недовольством. Реакция в этнокультурных средах на политические действия большевиков была разной. Она зависела от наличия и степени развития тех инструментов культуры, на которые направлялись политические акции.

В Области немцев Поволжья в 1919–1920 гг. в рамках общегосударственных кампаний местная власть пыталась обеспечить выполнение решений о всеобщем начальном образовании и ликвидации неграмотности, но это не принесло больших результатов. Школы ликбеза в 1920 г. посещали 9,2 тыс. человек, из них окончили обучение всего 517 человек. В это же время политико-воспитательную работу в Области проводили с населением свыше сотни культурно-просветительных кружков, примерно такое же количество изб-читален, свыше двух десятков клубов и народных домов.

Этническое самосознание оставалось основанным на вертикальных связях, ученые выделялись как его контролеры. В 1920-х гг. местные историки создавали идеализированные представления об этническом прошлом. Актуализация исторической памяти играла важную роль в регионе, к ней обращались политические силы для продвижения своих проектов культурно-сложного общества⁸⁸.

В 1918 году Общество любителей белорусского народного искусства в Петрограде ставило целью содействовать развитию белорусской музыки, литературы, театра, народной словесности, архитектуры, защитить и сохранить исторические памятники. Учредитель, белорусский поэт Д. Жилунович, на короткое время став председателем СНК БССР, 30 января 1919 года подписал декрет «О передаче культурных ценностей науки и искусства, которые находятся в поместьях и разных учреждениях, Комиссариату просвещения и об организации их учёта, охраны и сбора». В создаваемые комиссии вошли консультанты, составлявшие художественные силы интеллигенции Белоруссии⁸⁹. Они готовили почву для создания после провозглашения БССР в крупных городах народных консерваторий. Театрально-музыкальная секция в Минске регистрировала хоровые, музыкальные коллективы, театры, лиц, имеющих отношение к искусству. В 1919 году в Могилеве открыта первая в Беларуси государственная музыкальная школа для детей: «тру-

⁸⁸ Шницерман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

⁸⁹ Савецкая Беларусь. 1921. 20 июля.

довой рабочий элемент может получать не только эстетическое удовольствие в качестве слушателей, но и выступать в качестве хоровых и оркестровых исполнителей, а также выделять из своей среды руководителей в деле обучения и распространения искусства повсеместно»⁹⁰.

Но разнонаправленность ориентаций белорусских элит драматически отражалась на жизни и творческой судьбе белорусских музыкантов. Польско-литовско-белорусскую перспективу в творчестве увидел ученик Л. Ауэра и С. Рахманинова К.А. Горский. В 1919 г. он переселился в Польшу. Напротив, оставшийся белорусский дирижёр, композитор, фольклорист, церковнослужитель В.В. Теравский с Минским белорусским хором, выступал перед делегатами съезда белорусских партий и организаций⁹¹. Сотрудничество с советской властью не означало, что они приняли коммунистическую идеологию. Как писал латыш А. Аузанс, они хотели работать ради науки (добавим, искусства) и ради России. Практика Наркомпроса, напротив, повергала их в изумление. В 1919 г. начался отъезд латышских ученых в Латвию, когда в Риге открылась высшая школа (университет). Работать в университете уехали химик П. Валденс (стал первым ректором), математик Э. Лейниекс, историк и в будущем дипломат А. Спекке и др. В 1919–1920 годах вернулись литераторы (поэт-символист В. Эглитис, писатель и историк А. Швабе, А. Деглавс). Одни подвергались репрессиям, как А. Аузанс, или опасались их, по разным причинам не видели своего будущего в Советской России. В 1924 г., получив командировку в Европу, вернулся в Латвию Фр. Балодис, после закрытия Московского археологического института решил уехать на родину и Б. Брежго. Вернулись художник и археолог О. Калейс, языковед и публицист Е. Велме⁹².

Подобные примеры можно привести из поведения этнических элит, будь то армянских, украинских, грузинских, татарских, еврейских, немецких и др. Они опасались жесткой централизации культурных ресурсов и требовали переустроить государственный аппарат управления, увязать с политическими обязательствами, приведшими их на государственную арену власти. В Наркомнаце были *против имперского (видя в нем давление русских культурных ресурсов, не предполагали всеобщую централизацию ресурсов) подхода* к проблеме. В Наркомпросе острее борьбы направлено против буржуазных («высоких», в т. ч. современных) ресурсов культуры. Задачей государственных органов – секций, отделов и комиссий – было очистить исполнительские коллективы от чуждых элементов. Национальная тема в этот период не оттеснена на периферию дискурса, хотя политическое ее наполнение в интернационалистской концепции воспринимается Наркомпросом неуместным.

Партийный историк и идеолог М.Н. Покровский, заместитель наркома просве-

⁹⁰ Мастацтва Савецкай Беларусі. Мінск, 1976. С. 240–241; Ершова Э.Б. Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917–1941). М.: Изд-во МГОУ, А/О «Росвузнаука», 1994.

⁹¹ Биографический справочник. Мн: Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1982. Т. 5.

⁹² Назарова Е.А. Латыши в Советской России / СССР с 1917 до конца 1920-х годов. Смена идеологических ориентиров / Россия и Латвия в потоке истории 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. М.: ИВИ РАН, 2015.

нения РСФСР рассуждал с классовых позиций с превосходством носителя мощной русской культуры: «Когда к нам приходит энтузиаст-интеллигент, который предлагает строить Чувашскую публичную библиотеку, чувашский театр, причем, оказывается, что решительно все пьесы нужно сначала перевести на этот язык, то тут мы должны указать на то, что пока вся масса чувашского народа не выразит желания создать свою публичную библиотеку, свой театр, университет с профессорами, которые должны будут учиться чувашскому языку, то эта задача совершенно праздная. Мы просто укажем, что это совершенно нелепо»⁹³. Обнаружились другие небрежные суждения, основанные на классовых подходах. Авторитаризм центральной власти усиливал конфронтацию с этнически сложной структурой общества.

Уже летом 1918 г. Н. Бердяев понял смысл организуемых процессов: «В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны». По сути, он разделял опасения Наркомнаца: лишь «духовно-культурная децентрализация» способна вызвать «духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни»⁹⁴.

Местные элиты, сотрудники Наркомнаца, их съезды и петроградские этнографы требовали административной автономии, должностей и финансирования. Но Покровский отрезал: «в Большой Государственной комиссии решено не поддерживать национальную культуру – это дело самой нации, а наша задача – общегосударственная»⁹⁵.

В Наркомпросе позицию Наркомнаца считали «мещанским идеалом», «национальную культуру» – буржуазной претензией. Интернационализация казалась прогрессивным процессом вытеснения «подвижным пролетарием» «тупого», «медвежьим дикого» «заскорузлого» крестьянина. Он «прирос к своей куче навоза» и почитаем по этой причине любителями национальной культуры⁹⁶. Покровский ориентировался на Ленина: «затронутый вопрос особого свойства, он имеет политическое значение». Что касается контроля, «он, конечно, останется за центром». Поскольку, признал он, «нельзя устранить местное влияние», средством «устранения» будет связь и влияние «на проведение наших идей через посредство инструкторов»⁹⁷.

§ 3. Вертикаль унификации и централизации власти

Военно-коммунистические методы управления, пренебрежение большевиков национальной спецификой вызывали сопротивление, выражавшееся в разных формах – от глухого раздражения и игнорирования до открытого сопротивления новой власти. «Я и мои единомышленники, – объяснял будущий нарком просве-

⁹³ – Твердыни национального отъединения». Публ. В.А. Владыкиной и Т.Ю. Красовицкой / Труды Института национальных проблем образования. 1993. Вып. 1.

⁹⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 73.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 194. Л. 33–34.

⁹⁶ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС. Т. 24. С. 26. С. 15–16.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 194. Л. 33–34.

щения А. Байтурсынов в 1918 г., – не мирившиеся с таким положением раньше при царской власти, не могли мириться и теперь, и, думая, что подобные дела творятся повсюду в советской России, были против признания советской власти»⁹⁸.

Ленин предостерегал от увлечения примитивной централизацией: «Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной “решительностью” без уменья правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого уменья нельзя»⁹⁹.

Национальная проблематика подготовила Сталину, ответственному за связь с этническими территориями, много «сюрпризов». Он вынужден был идти на ряд уступок в сфере управления. Такой уступкой стала идея национальной спецификации федерализма, но ... с выстраиванием унифицированной системы советских институтов¹⁰⁰. В основу положена вертикаль власти как отвечающая задачам массовой мобилизации, унификации и централизации политической системы. Но этнокультурные ресурсы обрекались быть слугой двух господ или ребенком при многих няньках.

Возникла парадоксальная ситуация: традиционные ресурсы культуры одновременно были и препятствием, и опорой культурной активности. Театры выполняли указания ТЕО: работая на родных языках, ставились одноактные пьесы-агитки. При ТЕО возникла коллегия национальных меньшинств, объединившая представителей 14 комиссариатов Наркомнаца¹⁰¹.

Наркомнац привлекал специалистов по восточным культурам. Академик Н.Я. Марр представил в 1918 г. «Записку о преобразовании специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института».

Но окраины едва ли не опережали, создавая собственные структуры, «свои» востоковедные учреждения: в 1918 г. в Ташкенте и Киеве, во Владивостоке в частном Историко-филологическом факультете Дальневосточного университета преподает теоретик российской этнологии С.М. Широкогоров¹⁰².

Большую роль в нахождении общей линии играла Н.К. Крупская¹⁰³, отвечая за пропаганду. Во Внешкольном отделе, которым она руководила, активно выступали представители украинского, чувашского, латышского и др. комиссариатов: совещания проходили «очень дружно»¹⁰⁴. Политическая линия обсуждалась на заседаниях отделов: литературного, театрального, школьной политики.

⁹⁸ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 40–41.

⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 294.

¹⁰⁰ Спор Рейснера и Сталина см.: Стенограмма заседаний Комиссии от 19 апреля 1918 г. с приложением проектов общих положений Конституции РСФСР Сталина и других членов Комиссии // ГА РФ. Ф. Р–6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–10.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 24. Д. 180. Л. 1.

¹⁰² Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров: его жизнь и труды. (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987. Тезисы докладов научной сессии. А., 1989. С. 25–27.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 15. Д. 63. Л. 14.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 15. Д. 63. Л. 15; Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 404. Л. 67–68; Д. 494. Л. 52–54.

28 сентября Госкомиссия Наркомпроса, наконец, вынесла проблему управления на обсуждение трех наркоматов: Наркомпроса, Наркомнаца и Наркомюста. Присутствующие согласились: централизация руководства должна состояться¹⁰⁵.

Но наметившееся сближение позиций вновь разладилось. Мусульманский комиссариат, возглавляемый М. Султангалиевым, заявил: «Комиссариат стоит на точке зрения торжественно провозглашенного революцией принципа самоопределения народных масс мусульман в вопросах культуры и просвещения и федеративное (подчеркнуто авт. – Т.К.) начало Советской республики понимает ... в смысле предоставления национальностям, потерпевшим в историческом ходе развития политическую независимость, самой широкой культурно-просветительной автономии».

Мусульманский комиссариат решением вопроса считал сосредоточение организационных вопросов «культуры и просвещения данного народа в руках централизованного аппарата, выделенного революционными пролетарскими организациями из недр народных масс», т. е. ему как таковому. Уточнялось: «структура Центрального мусульманского комиссариата, выкованная в процессе революции, соответствует данному положению»: декреты и постановления СНК о свободном и равноправном развитии народов «до сих пор не отменены», но межведомственные маневры по сути их аннулируют¹⁰⁶.

31 октября 1918 года Наркомпрос дополнил «Положение о единой трудовой школе РСФСР», утвержденное 30 сентября 1918 года ВЦИК, постановлением «О школах национальных меньшинств»¹⁰⁷. Его подписал замнаркома М. Покровский.

Чего же в итоге добились работники Наркомнаца? Постановление гласило: «1) Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе. 2) Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. 3) С целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей, в школах меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области. 4) Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяются во всей полноте положение о единой трудовой школе, опубликованное в № 226 «Изв. ВЦИК». 5) Все управление школами национальных меньшинств сосредоточивается в Народном Комиссариате или Губернских Отделах Народного Образования. Примечание 1-е: Для заведования школами национальных меньшинств при Нар. Ком. по просвещению создаётся особый отдел, коллегия которого должна состоять из равного количества представителей Нар. Ком. по делам национальностей, причём последние утвер-

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 35. Л. 220–222.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 26. Л. 5–5 об.

¹⁰⁷ СУ. 1918. № 80. Ст. 835.

ждаются Нар. Комиссариатом по Просвещению. Примечание 2-е: Для заведования школами национальных меньшинств на местах Областные и Губернские Отделы организуют секции на тех основаниях, как и в центре»¹⁰⁸.

Но в Наркомпросе продолжались нешуточные схватки. Они вынудили заместителя Сталина Пестковского 31 мая потребовать от Покровского усилить внимание к проблеме, одернуть Покровского. Если власть «из лишнего усердия или непонимания, или просто самодурства, выказывает склонность к притеснению инородцев», то, напомнил он, нерусские народы уже «все-таки знают, ... куда можно жаловаться»¹⁰⁹. Оценивая воздействие Наркомнаца на климат в этнических сообществах, он подчеркнул: «Результат самый блестящий: национальные трения везде уменьшились до минимума, а там, где они еще проявляются, это следствие общей неурядицы и административного неустройства»¹¹⁰.

Разногласия вели к попыткам выработать общую позицию. 3 июля 1919 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению П. Макинцян продвигал позицию Наркомпроса: «В эпоху диктатуры пролетариата предоставление национально-культурной автономии всем народам нерусского языка было бы равносильно тому, как если бы в области экономической для русского населения ввести нормирование продуктов и введение твердых цен, а для нерусских – предоставление свободы торговли»¹¹¹.

Макинцян напомнил: Наркомнац «невольно» стал органом с двумя десятками «целых министерств просвещения того или иного народа»: ибо Наркомпрос «не предпринял никаких шагов». Нужно «перейти, наконец, от слова к делу». Наркомнац, говорил он, «натолкнулся на необходимость пользоваться» родным для народов языком: иначе «подступить нет возможности». С организационной стороны предложено использовать «степень культурности народов». «Отчего поляки должны сидеть в одном и том же отделе с ингушами, что общего между просветительной работой среды зырян и евреев? Ясно, что такое притягивание за волосы ... искусственно».

Пестковский подчеркнул: «господствует убеждение, что революционные марксисты не должны заниматься “насаждением национальной культуры” ... Мы, говорят они, – интернационалисты, сознаем, что деление на национальности препятствует делу сплочения пролетариата всех стран ... создавать еще новые ... это отнюдь не является задачей революционных марксистов». Но «насильственная ассимиляция до сих пор приводила или к стихийным бунтам, или еще усиливала ... обособленность»¹¹².

Представители Наркомпроса вновь настаивали на жестком «императиве»: задачи стоят «коммунистические и интернациональные». Потому «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык», «национальный вопрос не

¹⁰⁸ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 357–359.

¹⁰⁹ Пестковский С. Национальная культура // Жизнь национальностей. 1919. 8 июня.

¹¹⁰ Жизнь национальностей. 1919. 8 июня.

¹¹¹ Жизнь национальностей. 1919. 8 июня.

¹¹² Жизнь национальностей. 1919. 8 августа.

должен существовать»¹¹³. Выстраивая вертикаль управления, они то необоснованно вмешивались в события в регионах, то проявляли беспомощность в выполнении функций. На местах стремились переложить ответственность на центральный аппарат. Однако Б.Б. Каратаев¹¹⁴ (ВЦИК) подчеркнул: проблема «ни сколько не потеряла своей остроты». С острым возражением выступил представитель чувашей М. (возможно, публицист, эсер А.П. Милли-Прокопьев). «Мы считаем своей нравственной обязанностью вставать и кричать...». Для тех, кто мыслит «социалистически, марксистски», цель просвещения «несомненно, ... должна быть ассимиляция народностей в идеале ... Затем ... одна единая общечеловеческая пролетарская культура». Но «нужно задуматься» и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие ... 99,9% чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т. д.». Только тогда «вы пробудите народное самосознание, ... воляете все зачатки возможностей и сил». Но тогда придется признать, что родной язык – «единственное орудие влияния»¹¹⁵.

Покровский резюмировал: «общая теза такова, что всякая национальность имеет право учиться ... на родном языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Прибавлять, заново творить мы, конечно, не будем, потому что коммунисты, потому что интернационалисты, потому что национальной культуре мы большого значения не придаем». Однако согласился: «мешать самостоятельному развитию ... мы не должны»¹¹⁶.

Практики космополитического универсализма (интернационализма) применительно к различным этносам, притом, что исторические характеристики не заданы ни универсалистской, ни ориенталистской метафизикой; выстраивались с учетом способности к прозелитизму. Элиты воспринимали ориентализм как синоним слабости, триумф западной теоретической модели знания, управления и развития, этносов на востоке Российской империи было достаточно. Многочисленны и их проекты федерации.

Наркомнац «приберегал» кадровые ресурсы как «зачатки будущих государственных единиц разных федеративных советских республик», структуры видел «школой для подготовки работников для этих республик»¹¹⁷.

Летом 1919 г. Луначарский предложил формулу управления культурно-сложным обществом: «единство многообразия»: «национальному большинству» нужно относиться «с нежностью» к культурам национальных меньшинств. «Интернационалисты» из Наркомпроса не разделяли наркомовской лирики, настаивали на жестком единстве¹¹⁸.

¹¹³ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 102. Л. 96, 103.

¹¹⁴ Каратаев Бакытжан Бисалиевич-чингизид, праправнук хана Абул-Хайра (Младший Жуз). (Мусульманские депутаты Государственной думы России, 1906–1917 годы: Сборник документов и материалов. Уфа, 1998. С. 290).

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 102. Л. 104, 117.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 102. Л. 112–114.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.

¹¹⁸ Сегаль Л. К итогам совещания по просвещению народов нерусского языка // Жизнь национальностей. 1919. 31 августа.

Член коллегии Наркомпроса Башкирской АССР А. Гисматулин возражал «интернационалистам»: «просвещение национальностей должно быть организовано в виде *особых национальных комиссариатов*». Необходима «*федерация Наркомпросов*»: «насилованным самодержавным порядком нельзя устроить дело»¹¹⁹. ЦК поддержал позицию Наркомпроса РСФСР: «Единый Наркомпрос». Но вопрос «остается дискуссионным для партии»¹²⁰.

13 января 1920 г. новый проект направлен на раздел структур управления культурно-сложным обществом на две части: структуры управления просвещением народов Запада (поляков, латышей, эстонцев, евреев и др.) и народов Востока (татар, чувашей, мари, киргизов и др.). Предлагалось строить управление на цивилизационной, а не этнокультурной основе. Реанимировалась идея разделить Наркомнац на восточный и западный. 19 февраля 1920 г., в связи с «единодушными протестами» представителей народов Востока против отделения их «от культурных народностей Запада», Наркомпрос отказался от проекта. Он уже пытался привязать язык как рабочий инструмент к управленческим задачам. Предполагалось создать дошкольные, внешкольные, искусств, литературно-издательские подотделы при языковых отделах. Проект оказался аппаратной игрой, мало что меняющей.

Проект о подотделах Востока и Запада коллегия Наркомпроса нашла «принципиально приемлемым»¹²¹, возражая лишь против перевода подотдела Востока в Казань¹²². Ф. Кон готов был перевести восточный подотдел в Казань, но это «не могло пройти. Они должны войти в состав Наркомпроса – *таково было руководящее мнение*»¹²³. К «народам Востока» отнесли чувашей и мари. Христиане чуваша (тюрки) и мари (угро-финны) предлагали выделить их в особый подотдел народов «промежуточной (?) культуры»¹²⁴. Прimitивный «цивилизационный» подход вульгаризировал управленческие механизмы.

Идея создания подотдела Востока – это попытка сопротивления централизму. Раздражение им не скрывалось. «Устанавливается взгляд на Восток как на отсталую, темную и поработленную часть человечества, которую суждено освободить только европейцам», – возмущенно писали члены полномочной делегации Туркестанской АССР А. Ходжаев и Т. Рыскулов В. Ленину 16 июня 1920 года. Формы «советского механизма, которые существуют в Европе», утверждали они, «неприменимы» на Востоке¹²⁵. «Восток, – предостерегал 7 октября 1920 года Н. Нариманов ЦК РКП(б), – ... разочарован в благотворной, благотельной силе европейской культуры, и если он разочаруется и в нас, то нет никаких сомнений, что будет искать спасения в панисламизме, а это значит, дать простор восточному деспотизму еще долгое время издеваться над личностью человека»¹²⁶.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 185.

¹²⁰ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. С. 201.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 387. Л. 116 об.

¹²² ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 2. Д. 9. Л. 12; Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 406. Л. 10.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 182.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 406. Л. 10; Народное просвещение. 1921. № 82. С. 5.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 33. Л. 1 а.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 89. Л. 43.

19 ноября Цебюро КОНВ предложило организовать «восточный отдел Наркомпроса», а также восточные структуры в Главполитпросвете и ВЧК ликбез¹²⁷. Габитов, выступая от Цебюро КОНВ, подчеркнул: «своеобразную восточную культуру ... нужно возобновить». «Мы в смысле европейском отстали, но в смысле культуры мы не так отстали ... У нас особенный своеобразный быт, свои задачи, через которые мы должны проходить». Если, подчеркивал Габитов, будет принят предлагаемый подход, то отпадает проблема кадров. Габитов писал Луначарскому, Сталину и во ВЦИК: «*восточные народы ... не желают давать своих работников потому, что условия были неприемлемы, ... квалифицированные работники не могли примириться с конструкцией отдела национальных меньшинств, поэтому они предпочли работать ... не в центре*». Там предпочитают «все время» заниматься «организацией», «переорганизацией» отдела¹²⁸.

14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало «необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»¹³⁰. Попытки применить в структуре управления деление этнокультурного пространства на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток) отброшены. Но пространственная локализация в структуре управления оказалась мало полезной. Хотя Восток, беря на себя описание и объяснение различных человеческих обычаев, языков и религий, помогал понять: выбор культуры никогда не случаен, но не вписывался в стратегии большевистского мессианства.

Постановка проблемы Восток-Запад, изначально имевшая политическое и идеологическое измерение, инициаторам представлялась защитной мерой от крутых темпов централизации культурных ресурсов. В постановке проблемы легко усматриваются претензии к Москве при осуществлении лобовых атак на историко-культурные традиции, обычаи, уклад жизни. В Москве это воспринимали «националистической тенденцией, скрываемой под различными масками»¹³¹.

Примитивный «цивилизационный» подход вульгаризировал управленческие механизмы. А.М. Страшун, активист Культур-лиги, докладывал 19 февраля «единодушные протесты представителей народов Востока против проектируемого отделения последних от культурных народностей Запада», но Гисматулин напомнил предложение: «Предоставить каждой национальности отдельный Компрос», «создать *федерацию их вокруг русского*»¹³². Он ссылался на записку в Наркомпрос арабиста А.Э. Шмидта об изучении «двух культурных миров – западноевропейского и восточного мусульманского». Шмидт считал «ложным» «широко распространенный взгляд [как на] непримиримо стоящих друг против друга». Совместная организация работы – это средство «культурного сближения этих миров и более глубокого взаимного понимания»¹³³.

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 957. Л. 67 об.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 115.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 16. Л. 25; Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 181.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 115 Л. 1–5.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 957. Л. 23.

¹³² ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 9. Л. 47–48; Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 182–184.

¹³³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 369. Л. 28–29.

Несмотря на полученные рядом этносов автономии, развитие их аппаратов управления, в общегосударственном масштабе налаженного механизма не имелось.

Тяжелые дискуссии сопровождали выделение территорий в автономные, уточнение их статуса (коммуна, область, республика). 29 марта 1920 года Совет национальностей Наркомнац организовал свою «комиссию для собирания и разработки материалов для проведения административного деления РСФСР по национальному принципу»¹³⁴. «Камнем преткновения» являлась специфика и неравенство ресурсов.

Вернемся к переписке Ленина с Каменевым. Ленин вовлекает теперь в переписку Троцкого: По-моему, надо Каменева сделать и членом коллегии НКНац, и председателем совета. Иначе мы в хаосе полном, и не вылезем. Еще бы кого-н[и]б[у]д[ь]?

Троцкий – Ленину: Не возражаю. Троцкий.

Ленин, обобщая переписку и набрасывая будущее решение, предлагает Каменеву: Вас назначить и членом коллегии НКНац, и председателем “Совета нац[ионально]стей”, дать Вам двух помощников: Енукидзе + ? (двух “националов”, тактичных, знающих) (+ с совещ[ательным] голосом Влад[имирс]кого)¹³⁵.

После заседания Политбюро 15 мая, во главе Наркомнац поставлен Совет национальностей. Но его председателем стал нарком, т. е. Сталин¹³⁶.

В Москве еще не определились относительно федеративного устройства страны. Сталин в 1924 г. признал: «Удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, ... чем это могло казаться»¹³⁷.

Аппаратная игра с восточными структурами продолжалась. Взяты за основу оба проекта: Восточный комиссариат просвещения и тюркская коллегия при Наркомпросе. Тогда же предложено создать отдел Востока или тюркскую коллегия при Главполитпросвете. Секция нацмен ВЧК ликбеза восточную секцию переименовала в тюркскую¹³⁸.

Проблема, касающаяся «неудобной» структурной части в одном центральном наркомате, затрагивала не только центральный и автономный аппарат управления, но *природу власти* культурно-сложного российского общества.

Реформа Наркомпроса РСФСР весной 1921 г. существенным образом перестроила систему руководства. Далеко не сразу советский интернационализм удалось организационно увязать с этнокультурными интересами. Советский модернистский проект требовал наличия инструментов и институтов эпохи модерна. К ним лежали корни интереса и местных элит: к современным практикам, применению их к этнокультурным особенностям народов. Но и в центре, и на местах не доставало опыта. Преобладали примитивные лозунги и действия.

В представлении этнических элит угнетенные в прошлом народы разделят

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24402, 24403, 24404; Оpubл.: Ленинский сборник XXXIX. С. 228.

¹³⁶ См.: Декреты Советской власти. Т. 8. С. 220–222.

¹³⁷ Сталин И.В. Против федерализма / Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3. С. 30–31.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. А–2314. Оп. 6. Д. 1. Л. 14.

общие ценности политического равенства и социальной справедливости; совместными усилиями будут строить новое общество. Но ... сохраняют свои языки и культурные особенности под руководством собственных, а не присланных из центра лидеров, собственным путем и темпами, опираясь на местные ресурсы.

Сложно-конфликтный характер, «хитрость и осторожность восточных политиков, готовых на всевозможные уступки, лишь бы получить право на официальное признание»¹³⁹, интриги, на них способна была и Москва, хотя манифестировала себя оплотом законности, сопровождали поиск компромисса. Помимо Наркомнаца (на начальной стадии он играл определяющую роль), в процесс включались СНК, ВЦИК, в особо конфликтных случаях подключались Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б). Центральная власть предлагала элитам образовать автономные структуры власти. Те обсуждали проекты и согласовывали их с Москвой. Незыблемым оставалось признание приоритета классовой доктрины как условие вхождения этнических элит в советские органы власти. Сфера просвещения оставалась в автономной юрисдикции.

Трения происходили с местными партийными структурами: обкомами, различного рода комиссиями ЦК РКП(б). Они негативно воспринимали молодые республики, игнорировали их права, руководя ими по указанию центра.

Споры о правах и полномочиях задевали конкретные судьбы и карьеры лидеров движений. Сталину казалось: они привязаны к большевистской колеснице прочнее, чем это было на самом деле. Идеалы «интернационалистов» соседствовали с массовыми арестами, расстрелами.

Использование переговоров было важным условием признания равенства договаривающихся сторон. Переговоры активно велись, но оканчивались не соглашением, а изданием декрета или постановления высшего центрального органа власти, как правило, ВЦИК и СНК РСФСР¹⁴⁰. Этнические элиты требовали от Москвы конкретного распределения прав, согласования политических акций.

Параллельно разрабатывались основы взаимодействия РСФСР и Украины. 6 февраля Политбюро разослало в центральные (общие для обеих республик) наркоматы резолюцию ЦК о взаимоотношениях между РСФСР и Украиной¹⁴¹.

В новой архитектуре российской государственности Ленин поддержал идею национальной структуры федерального устройства вместо территориальной, но одновременно выстраивал централизованную систему советских институтов власти. Это крайне противоречивые подходы. Они создают массу трудностей системе управления. Понимание их видно из содержания выступления Сталина в разгар острых дискуссий на XII съезде РКП(б) о правах и полномочиях союзных республик в федеративном СССР (март 1923 г.): «Политика наша верна, но аппарат фальшивит ... поэтому машина двигается не туда, куда нужно, а сворачивает»¹⁴².

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.

¹⁴⁰ СУ. 1919. М., 1943. С. 653–656.

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 61 Л. 1–2.

¹⁴² Сталин И.В. Организационный отчет Центрального комитета РКП(б) XII съезду РКП(б) 17 апреля 1923 г. / Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: ОГИЗ; 1947. С. 207.

Ленин, увлеченный мировой революцией, видел проблему сквозь призму Коминтерна: тот превратит этнические элиты в послушных функционеров Кремля. Сталин понимал: для наркома по национальным делам Коминтерн – пока второстепенная структура.

Многообразие культур вынуждало формировать структуры управления все-таки на индивидуальной этнокультурной основе. В Горской АССР в наркомпросе выделены шесть национальных окружных структур: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский, 6) Карачаевский, что отразилось в кадровых назначениях. По сути, Наркомпрос Горской АССР, хотя и указан среди 11 наркоматов автономии, но так и не сформирован. Горский ОК не справился с отбором и в состав президиума ЦИК.

Буддийские лидеры имели «свои» центры притяжения за пределами России: формировалась двоякая пограничная идентичность. С одной стороны, они генетически тяготели к тибето-буддийской цивилизации, являясь ее культурной периферией, с другой стороны, исторически связаны с Россией. Буддийский прагматизм достаточно легко и гармонично вписался в социокультурное пространство России, сделав возможным декларацию его единства с марксизмом, обновленчеством с призывами к приобщению к науке и мировой (в том числе русской) культуре.

По «Положению о государственном устройстве Б-МАССР» от 12 сентября 1923 г. аппарат управления культурой указан как один из важнейших *государственных механизмов «пладарма мировой революции на буддийском Востоке»*¹⁴³. Наркомпрос Б-МАССР концентрировался на народном образовании, политической пропаганде и собственно культуре.

31 июля 1922 г. Положение о Бурмонсовкуде утверждено СНК, а затем 15 августа 1922 г. Президиумом ВЦИК. В июле 1922 г. на конференции по культурным делам двух Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР учрежден Ученый комитет (Буручком).

Автономные наркомпросы управляли рядом отраслей культуры в соответствии со своей структурой. Она отражала не только проблемы институтов и ресурсов культуры, но и политические задачи центра.

Многомерный мир этничности требовал организации понятных практик. Расхождения в понимании задач и тактике их решения вели к нарушению не просто достигнутых компромиссов. Первая линия конфликтов находилась между областными обкомами РКП(б) и автономным руководством.

Став в апреле 1922 года генеральным секретарем ЦК, Сталин начал использовать *возможности партийного поста*, впервые рискнул продемонстрировать самостоятельность в решении крупных государственных проблем, бросив открытый вызов Ленину. Он полагал: успех обеспечит благоприятная конъюнктура на советской бирже власти. Курс политических акций новоиспеченного генсека шел в гору, а тяжело заболевшего и терявшего влияние учителя – сни-

¹⁴³ Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ, 1972. С. 393.

жался. В августе Сталин подготовил проект резолюции пленума ЦК РКП(б). Признавалось «целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР». *Предусматривалось распространение юрисдикции органов власти и управления РСФСР на аналогичные структуры этих республик.*

Сталин давал понять: игра в суверенитет окончена. Свою позицию он изложил 22 сентября 1922 г. в письме Ленину. «За четыре года гражданской войны, – писал он, – когда мы ввиду интервенции *вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе*». Мы переживаем такой этап развития, говорилось далее, когда коммунисты на окраинах «игру в независимость *отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету* и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик». Республики же, считал он, должны беспрекословно подчиняться Центру. «Если мы теперь же не заменим формальную (фиктивную) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять *фактическое единство советских республик*»¹⁴⁴.

Однако Сталин недооценил ситуацию, надеясь, что «плану автономизации» в русле традиций российского государственного централизма в советском прагматизме не будет серьезной альтернативы. Мотив серьезно искажал механизм управления культурно-сложным обществом и стал причиной серьезной размолвки с Лениным.

26 сентября 1922 года Ленин в Горках после почти трехчасовой беседы со Сталиным категорически отверг «план автономизации», выдвинув идею создания «Союза советских республик Европы и Азии». В качестве альтернативы проекту наделить все национальные республики одинаковыми автономными правами «в смысле языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и прочее...» (по Сталину) выдвинут проект сложного федеративного устройства. Планировалось возвести «многоэтажную» иерархическую конструкцию. На верхнем ярусе будут располагаться ранее «независимые» Россия, Украина и Белоруссия, ступенькой ниже – Грузия, Азербайджан, Армения, входившие в союз в составе Закавказской федерации. Еще ниже – автономные республики в составе союзных и т. д. по нисходящей¹⁴⁵.

Для Ленина создание СССР это новая фаза реализации проекта «Всемирной федеративной республики Советов», о ней он заявил еще в январе 1918 года. «Кремлевский мечтатель» видел «пробуждающийся Восток», ожидал пролетарскую революцию в Германии, триумфальное шествие коммунизма.

Наиболее откровенные документы, свидетельствующие об остроте проблемы, до последних дней советской власти оставались секретными. Без партийно-административного контроля над аппаратом управления Сталинская модель вряд ли могла нормально функционировать. Об этом и шла речь на за-

¹⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 77, 198–200.

¹⁴⁵ *Поэма Карп. Двойной реванш*. СПб., 2017.

седаниях комфракции X Всероссийского съезда советов (26 декабря 1922 г.) и национальной секции XII партсъезда (25 апреля 1923 г.).

На заседании комфракции делегат Лисовский напомнил: «Если кто имеет в виду, как бы наркоматы не уклонились от идейного руководства, то стоит вспомнить, что ЦК партии данной республики являет чем-то вроде областной организации русской коммунистической партии и что можно, не смущая националистов, провести свое вмешательство ... в их внутренние дела, которые, наконец, дождались независимости». Это «давным-давно делалось» и является *«не дефектом ... структуры, а ее достоинством»*¹⁴⁶.

Сталину возражал Султангалиев. Он предложил уравнивать автономные республики с независимыми республиками. Недопустимо разделять национальности «на пасынков и настоящих сыновей» ... «Пора кончить эту игру в независимку».

Многие считали: «фракция ведет себя нехорошо»: «мы стремимся слопать ... самоопределение».

Сталин отвел упреки о «пасынках» – российских автономиях: «они составляют *часть целого, часть Российской Федерации*». Аргументы Султангалиева о недопустимости «категорирования» народов он переделал, придав им опасное направление: «Разложив наши федеральные образования на части», придется создать «русский ЦИК, не российский, а русский ЦИК, русский Совнарком... Как русским войти в состав Союза? Никак ... Какая в этом политическая необходимость?»

Тему централизма продолжил председатель СНК УССР Х. Раковский: «я ... *предвидел то "едино-неделимое" сменовеховское устремление наших советских аппаратов, которое теперь устанавливает т. Сталин*». Он подчеркнул: «центральным органам было дано в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до союзной Конституции».

На национальной секции XII съезда РКП(б) собралось не менее ста человек. Записки с просьбой выступить подали 44 человека, т. е. практически каждый второй участник, успели выступить лишь 14. Обстановка накалялась. Сталин прерывал тех, кто выступал, желчными репликами, нервничал: «Тут говорили, что я мастер по национальному вопросу ... Никогда я на это звание не претендовал. ... Я скажу, что я не сведущ в этих делах, кое-какие знания я имею, ... но мне это надоело хуже горькой редьки».

Сталин объяснил задачу: «Вы должны честно и открыто сказать всем националам ... Те, которые здесь охотно раздают всякие обещания, должны сказать честно, что *мы нарушаем право на самоопределение и не можем не нарушать*, ибо вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему». Он дезавуировал ленинское указание: «тов. Ленин ... многое забывал в последнее время». «Вам нужны цитаты из книг Ленина?» – бросит он залу.

¹⁴⁶ Здесь и далее выступления цит. по: Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенограф. отчет. М.: Госполитиздат. 1968. Стенограмма комфракции цит. по: РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 10. Л. 71–131.

И снисходительно обронит: «Я могу представить сколько угодно цитат». На возражение из зала, что Ленина на октябрьском Пленуме 1922 г. не было, Сталин огрызнется: «Это тов. Ленин принял и утвердил. Затем это внесли в ЦК, который тоже это утвердил. Я готов представить любой документ».

Ленин искал менее конфликтных путей, но после категорического требования Ленина Сталину пришлось согласиться на создание добровольного союза равноправных и суверенных советских республик. Теперь перед ним встала задача выстроить *автономные структуры власти, чтобы равноправие республик оказалось формальностью.*

§ 4. Федеральные комитеты – могила для Наркомнаца

Особая линия конфликта затронула те структуры центральной власти, чьи перспективы в новом союзном государстве оставались неясными. У двух центральных наркоматов Наркомпроса (возглавляемого Луначарским) и представителей Наркомнаца (возглавляемого Сталиным) представления о правовой регламентации структур в стране, с крайне сложным в этнокультурном отношении населением, оставались различными.

Реформа Наркомпроса РСФСР весной 1921 г. существенным образом изменила механизм реализации программ модернизации. Ленин непосредственно повысил их статус в этнокультурной сфере: создавался Совет по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен РСФСР)¹⁴⁷. Важным стало размещение новой структуры при коллегии Наркомпроса: все принимаемые Наркомпросом РСФСР решения должно интерпретировать применительно к особенностям национальных культур и «их историческому развитию». Юрисдикция Совнацмена распространялась на неавтономные территории РСФСР. Там создавались губернские совнацмены. К концу 1921 г. их было уже 78¹⁴⁸. С наркомпросами автономий Совнацмен предполагал согласовывать ход реализации проектов через коллегию Наркомпроса РСФСР. Председатель Совнацмена введен, наконец, в коллегию наркомата. В главных управлениях – Главсоцвосе, Главполитпросвете, ВЧК по ликвидации безграмотности, Главпрофобре, Главнауке созданы представительства. Такую конструкцию переняли наркомпросы автономий и союзных республик.

Реформа мотивирована очевидной неэффективностью разных экспериментов Наркомпроса со структурами управления. Украинский наркомпрос инициировал созыв конференции наркомпросов советских республик. 11 июля 1919 года коллегия Наркомпроса РСФСР утвердила программу ее, включив в обсуждение комплекс вопросов: единой трудовой школы, профтехобразования, высшей школы,

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 39. Л. 100; См. Ахапкин Ю. Новые документы В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1986. № 7. С. 3–19.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–73.

внешкольного образования и коммунистической пропаганды, подготовки учителей. Отдельно стоял доклад о «создании единого федерального центра» (п. 13), доклад поручили подготовить А.Г. Шапиро, представив тезисы к заседанию 17 июля. Приглашения на совещание посланы наркомпросам Крымской, Литовско-Белорусской, Латышской республик и Эстонской трудовой коммуны¹⁴⁹.

Сохранился протокол лишь второго дня заседания (21 июля) конференции (совещания). В ходе обсуждения отмечено отсутствие у Наркомпроса Украины стремления координировать организацию образования с руководством РСФСР и другими республиками. Выяснилось и осторожное отношение к реформе школы в РСФСР. В.М. Познер выделил резкое неприятие политических решений РСФСР о «1) Законе Божиим» и 2) [о] национальном образовании». Закрывая заседание, Покровский приветствовал созыв съезда, «на котором должен быть поставлен вопрос о прочном объединении советских республик и настоящей федерации»¹⁵⁰. Пресечена практика вводить декреты РСФСР на Украине в обход ее властей. 7 мая 1920 г. А.В. Луначарский и нарком просвещения УССР Г.Ф. Гринько договорились: Наркомпрос РСФСР действует «исключительно через Наркомпрос УССР»¹⁵¹.

Романтические идеалы «интернационалистов» соседствовали с упорством этнических элит из регионов. Идеология новой школы вызывала острые противоречия. Раздражал уход от антропологизма, жесткий марксистский социоцентризм, взгляд на человека как на продукт внешних факторов (жизненные ситуации, воспитание), определявший сущность человека как комплекс социальных отношений.

29 ноября 1920 г. коллегия Наркомпроса приняла предложение А.М. Страшуна созывать периодически «совещания наркомпросов федеративных частей республики в центре ... для согласования и направления в федеративном масштабе основных мероприятий по просвещению всех федераций и иных политических образований в Советской России». Их компетенцию свести к «установлению единой политической линии»¹⁵². На I Всероссийском совещании представителей автономных республик и областей и губернских национальных отделов в Москве 18–21 декабря 1920 г. Страшун поставил вопрос «ребром»: как строить работу: «путем механического смешения наций, или мы должны поднимать культуру всех наций?»¹⁵³

Возникал новый федеральный механизм – совещания наркомов просвещения. Контакты наркомпросов стали регулярными¹⁵⁴. Развертывание нового механизма вызывало опасения за единство страны и культурной политики. Наркоматы, изначальные противники федерализации, с трудом отходили от практик централизма и его инструментов.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 181. Л. 134–134 об.; 150–152 об.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 403. Л. 1–4.

¹⁵¹ СУ Рабоче-крестьянского правительства Украины и уполномоченных РСФСР. 1920. № 9. Ст. 163.

¹⁵² См.: Красовицкая Т.Ю. Совещания наркомов просвещения советских республик в 1919–1924 гг. // Исторические записки Института истории СССР. Т. 113. М.: Наука. 1986. С. 55.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 105.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 15. Д. 219. Л. 64–66.

Связи в государственном аппарате выстраивались по двум «горизонталям». Между госаппаратами договорных республик возникли совещания наркомов. Но вопрос юрисдикции Совнацмена, как и связи Наркомпроса РСФСР с автономными наркомпросами оставался открытым. Последние ему не подчинялись. Юрисдикция Совнацмена распространялась на неавтономные территории РСФСР. Там создавались губернские совнацмены. Совет умерял централизм, разделяя полномочия между центральным аппаратом и губернским для меньшинств, остающихся вне рамок автономий.

Эту конструкцию переняли наркомпросы будущих союзных и российских автономий. В 44 губерниях РСФСР, где нацменьшинства составляли значительную часть населения, губсовнацмены открылись к концу 1920 г., к концу 1921 г. они работали уже в 78 разных губерниях¹⁵⁵.

Не утихали дискуссии о компетенциях центральных органов. Наркомнац и Наркомпрос РСФСР оспаривали их, ревниво оценивая успехи и не упуская возможности отметить промахи. 31 марта 1921 г. коллегия Наркомпроса РСФСР утвердила положение о Совнацмене РСФСР, *исключив (!) порядок взаимоотношений его с автономиями*. Наркомпрос запросил Оргбюро ЦК РКП(б): «как надо толковать» появившееся «его решение о личной унии завнацмен Наркомпроса и члена коллегии Наркомнаца? О нем в Наркомпросе ничего неизвестно». Как выяснилось, Наркомнац считал: только он имеет право назначать председателя Совнацмена, заручившись поддержкой ЦК РКП(б)¹⁵⁶. В 1921 году в Наркомнаце решили упорядочить «проблемное поле», которое требовало управления. Помимо этносов, уже имеющих автономии, Наркомнац выделил еще три категории политических субъектов, требующих внимания и контроля: а) тех, кто жил в пределах РСФСР, «но имеющих соответствующие территориальные объединения, не входящих в состав РСФСР и не являющихся союзными советскими республиками» (поляки, литовцы, эстонцы, финны и др.); б) евреев как особой группы; в) национальных групп на территории РСФСР, не имеющих национальных отделов при Наркомнаце и не входящих «в соответствующие национально-территориальные объединения»¹⁵⁷.

Наркомпрос возмутило решение Оргбюро, принятое тотчас по завершению (16 марта) X съезда РКП(б), на котором Сталин предполагал вести речь о «целесообразности и гибкости федерации как общей формы государственного союза советских республик», выделяя «взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее»¹⁵⁸.

Однако он характеризовал федерацию «искомой формой государственного союза, живым воплощением которой является РСФСР». На взгляд Сталина, мешает «игра в республики»¹⁵⁹.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-73.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 634. Л. 45; Д. 637. Л. 33.

¹⁵⁷ См.: Дёмингхаус В. В тени Большого Брата: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.).

¹⁵⁸ Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии / Соч. Т. 5.

¹⁵⁹ Десятый съезд Российской коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1921. С. 206-209.

Доклад вызвал бурную реакцию. Представитель Украины В.П. Затонский, заявил: следует «вытравить из голов товарищей представление о советской федерации как федерации непременно “российской”, ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская»¹⁶⁰.

Но Наркомнац настаивал: только он должен назначать председателя Совнацмена. Об этом он и просил ЦК РКП(б)¹⁶¹. Заведующий еврейской секцией ЦК А.Н. Мережин считал: Наркомнац превышает права: «заведующего назначает тот ... наркомат, который ответствен за его работу». Мережину ответили: 7 июня 1921 года коллегия Наркомнаца решила «наиболее целесообразным» вообще сосредоточить «в Наркомнаце работу Наркомпроса среди всех национальных меньшинств, объединить ее с работой в автономных республиках, областях и коммунах». Мотивы сводились к необходимости контроля не только наркомпросов, но и наркоматов здравоохранения, юстиции в автономиях.

Совет национальностей Наркомнаца поддержал коллегию лишь в том, что председатель Совнацмена должен быть членом коллегии Наркомнаца. Передача дела просвещения в Наркомнац признана вопросом «главным образом политическим»¹⁶². Луначарский личным распоряжением назначил автора реформы Совнацмена Страшуна заведующим. Сталин в ответ через ЦК РКП(б) включил Страшуна и Мережина в число мобилизованных в Среднюю Азию¹⁶³.

Проблему распределения прав и полномочий между структур управления РСФСР обострила подготовка к международной конференции в Генуе в апреле-мае 1922 года. Оживающие мечты «верхов» о единстве вызывали сильное раздражение, особенно на Украине. Как представлять интересы Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Бухарской, Грузинской, Украинской, Хорезмской и Дальневосточной республик делегацией РСФСР? 28 января 1922 года Г.В. Чичерин писал Сталину: «Было бы империализмом подчинить братские наркоминделы российскому наркоминделу вместо того, чтобы поставить во главе всех *настоящий федеральный наркоминдел*»¹⁶⁴.

Ситуация отражалась на взаимоотношениях наркомпросов разных уровней управления. 24 февраля 1922 года состоялся съезд заведующих губоно. Присутствовали представители Белорусской, Украинской ССР, а также Горской, Дагестанской, Башкирской, Татарской, Крымской автономных республик, Вотской и Карельской автономной областей. Обсуждалась организация Федерального совета по просвещению при Наркомпросе РСФСР¹⁶⁵. Докладывал А.М. Страшун, содокладчик – уполномоченный от УССР В.А. Гадзинский.

«Единогласно признано необходимым организовать» указанный Совет, возглавить его предложено наркому просвещения РСФСР или его заместителю.

¹⁶⁰ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографич. отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 205.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 34. Л. 45; Д. 637. Л. 33.

¹⁶² ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 6. Л. 89-90.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 333. Л. 2; Д. 330. Л. 2.

¹⁶⁴ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 91-92.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Совещания... С. 22-23.

Предложение Гадзинского образовать Федеральный совет «*независимо*» от Наркомпроса РСФСР с правом вносить постановления непосредственно во ВЦИК или СНК, *отклонено*. Он видел в конструкции претензии на союзное ведомство, что ограничило бы права республик. Принята поправка наркома просвещения В.М. Игнатовского (Белоруссия): *Федеральный совет, находясь при Наркомпросе РСФСР, имеет право вносить постановления во ВЦИК*. Представитель Вотской АО считал необходимым участие в Совете и представителей автономных областей¹⁶⁶.

В марте 1922 г. в Наркомнац направлен наркомпросовский проект декрета о Федеральном комитете по просвещению. Как видим, совещательный статус предполагаемого органа уступил в названии статусу «императивному»¹⁶⁷. В Наркомнаце проект вызвал резкие возражения: в структуре союзного этажа власти Наркомнац, как и Наркомпрос РСФСР, не предусматривались¹⁶⁸.

На проектировании союзного этажа управления культурно-сложным обществом отражались разногласия между Лениным и Сталиным о форме объединения республик. Заместитель Сталина Г.И. Бройдо 29 апреля на заседании Совета национальностей Наркомнаца заявил: «Мы должны объявить войну *против федеральных комитетов* и войну реальную, ... признать, что они родились в результате нашего бездействия... Нужно создать комитеты при Наркомнаце по тем линиям, которые вызываются жизнью: НКЗему, НКПросу ... Идя по такому пути, Наркомнац превратился бы в ведомство,веряющее другие ведомства». В противном случае, пугал Бройдо, «федеральные комитеты представляют уже не могилу для Наркомнаца, а первый ком земли, брошенный на гроб Наркомнаца ... Надо ... научить все ведомства тому, что без Наркомнаца они ничего не могут сделать. Не могут разрешить политических вопросов, не перейдя через Наркомнац ... Работа по просвещению национальных меньшинств должна находиться у нас, а не в НКПросе»¹⁶⁹. Данная позиция сводилась к жесткой централизации управления культурными процессами в Федеральном комитете по просвещению, но при Наркомнаце. Совнацмен следовало передать в Наркомнац.

Передачу в Наркомнац сотрудники Совнацмена не поддержали: возникавшие конфликты «примут межнациональный антирусский характер, что недопустимо»¹⁷⁰.

3 мая 1922 г. Совет национальностей Наркомнаца одобрил Положение о создании в Наркомнаце федеральных комитетов, в первую очередь, Федкомпроса. Главная функция Наркомнаца уточнена как «обеспечение мирного строительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также договорных братских союзных республик». Это вполне укладывалось в линию Сталина на «автономизацию». 27 июля ВЦИК утвердил (!?) это Поло-

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 11. А. 21, 24.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 11. А. 21.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 113. А. 72.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 144. А. 23–24 об.; 40–44.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1293. А. 27.

жение¹⁷¹. Срочно создана должность замнаркома по культурно-просветительной работе. Согласно утвержденному Положению о Федкомпросе¹⁷², компетенция его сосредоточивалась на формировании культурной политики среди нерусских народов и ее реализации. Предполагался и перевод кредитования в Наркомнац.

Решения пленума ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г., казалось бы, положили препоны устремлениям Наркомнаца создавать свою конструкцию управления культурно-сложным обществом. Казалось бы, Сталин признал в интервью «Правде» 18 ноября: «комиссариаты внутренних дел, земледелия, просвещения, юстиции, собес и народного здоровья этих республик и федераций остаются в безраздельном и непосредственном ведении этих последних»¹⁷³. Но с формированием союзных органов управления вопрос о судьбе Наркомнаца оставался открытым.

Жесткая борьба ведомств обрела новое содержание. Луначарский продвигал на роль общесоюзного органа совещания наркомов. После пленума 22 октября он «уколот» Сталина на страницах «Известий» указанием на «неумное перенесение необходимой политической федерации, вызывающейся разнообразием национальностей, ... в таком вопросе, как ... дело народного образования»¹⁷⁴.

Но и совещания наркомов просвещения были наполнены противоречиями и конфликтами о составе участников, их компетенции и юрисдикции. Они разрешались с большим трудом. Обсуждая состав совещаний, наркомы автономий настаивали на равных правах с наркомом союзных республик. Нарком просвещения Украины В.П. Затонский предложил трансформировать Федкомпрос в Союзный комитет по образованию. Луначарский вначале согласился: Союзный комитет, «в удобной, не посягающей на гегемонию форме, создал бы некоторую централизацию, способную обнять единой системой все строительство». Но «юридически, – настаивал он, – все наркомы по просвещению равноправны ... Это вытекает из самого принципа автономии ... национальностей»¹⁷⁵.

Многие, не разделяя сталинский подход, оставались сторонниками централизма, к нему склонен и сам Луначарский. Добиваясь равенства наркомов, он обеспечивал доминирующее положение среди них Наркомпроса РСФСР.

На совещании наркомов просвещения 29 декабря 1922 г. Затонский заявил, что видит Союзный комитет теперь как орган, исполняющий решения, принятые большинством наркомов, как орган «защиты интересов народного образования во всем Союзе по соглашению с отдельными его частями». Он должен собираться периодически для координации работы. Предложение Затонского было поддержано, но возникли расхождения: при какой структуре учреждать Союзный комитет? Замнаркома просвещения РСФСР И.И. Ходоровский считал, что при ЦИК СССР, нарком просвещения Татарии Брундуков – при Наркомпросе РСФСР. Совещание поддержало Ходоровского¹⁷⁶.

¹⁷¹ См.: Жизнь национальностей. 1922. № 17. С. 11.

¹⁷² Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. С. 275.

¹⁷³ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 138–144.

¹⁷⁴ Известия. 1922. 22 октября.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 1293. Л. 27; Известия. 1922. 22 октября; 1923. 10 января.

¹⁷⁶ Красовицкая Т.Ю. Совещания... С. 58.

Основа единой стратегии в развитии органов управления в СССР была спорной и зыбкой. Свою позицию упорнее других отстаивали на совещаниях украинские наркомы. Споры были острые. Существовали различия между национальными пространствами, их ресурсами в республиках. Например, в РСФСР единая трудовая школа была девятилетней, в УССР – семилетней. В РСФСР техникум был подготовительным звеном в институт, в Украине институт и техникум считались равноправными вузами с той разницей, что техникум ставил задачей выпускать узких специалистов, институт – высококвалифицированных специалистов-практиков.

Луначарский продолжал отстаивать равенство прав автономий с союзными республиками. На открытом заседании X Всероссийского съезда советов 30 декабря он подтвердил: «НКП РСФСР ни в какой степени не подведомственны народные комиссариаты не только других советских республик, что само собою разумеется, но также и автономных республик»¹⁷⁷. Разногласия по составу участников совещаний вылились в дискуссию теперь уже о составе Союзного комитета. Представители Белоруссии и Украины считали, что в него должны войти лишь наркомы союзных республик: у них не было автономий и при голосовании они оставались в меньшинстве. Соглашения достигались с большим трудом. Формула состава совещаний оставалась расплывчатой: наркомы или замнаркомы «всех советских социалистических республик Союза ССР». Позднее Ходоровский объяснял ее нечеткость «определенными затруднениями», за ними скрывалась острота борьбы вокруг формы объединения.

Сталин отлично понимал «резоны» Луначарского как наркома республики с множеством автономий. Сразу после подписания Союзного договора 31 декабря Наркомнац провел отдельное совещание. Судьба Наркомнаца оставалась открытой. Бройдо заявил: «Наркомнац твердо становится на путь превращения его в НКПрос национальных меньшинств, ибо за 5 лет существования НКПрос РСФСР почти не мог проявить себя как нерусский комиссариат»¹⁷⁸. Другой заместитель Сталина в Наркомнаце Г.К. Клиnger, утверждал: «Мы предполагаем вхождение в Федкомпрос при Наркомнаце и союзных республик на договорных началах. Жизнь заставит». Оценивая проект Луначарского, он отметил: «Федком при Союзном ЦИКе не сможет так выявить нужды и потребности автономных республик, как при Наркомнаце, в который, по точному смыслу Конституции, войдут представители союзных республик, следовательно, от РСФСР – один представитель»¹⁷⁹.

Луначарский не сдавался, 6 января 1923 г. он пишет письмо Сталину: «Дорогой товарищ! Я посылаю Вам копию моей статьи об объединении чрезвычайно осторожном и вполне в духе общей конституции дела просвещения в Союзе. Очень прошу внимательно прочесть ее. Я знаю, что Ваши товарищи по

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1369. Л. 16.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 56. Л. 18 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 56. Л. 18 об.

коллегии Наркомнаца стоят на другой точке зрения, и они все время Вами лично пугают: Сталин-де считает это недопустимым и т. д. Конечно, если бы у меня было какое-нибудь поползновение нарушить автономию того или иного наркомпроса, Вы должны были бы пресечь это. Равным образом, если бы я пытался изменить ту политическую линию, согласно которой автономные республики не получают непосредственного представительства в союзных органах, то и тут Вы должны были бы враждебно встретить меня. Но я ни того, ни другого не делаю, а исходя именно из обеих необходимостей: объединения, с одной стороны, и [с другой,] действительной автономии и действительного равенства в отношении просвещения между отдельными наркомпросами (равенства юридического, конечно, ибо идейно и морально мы постараемся приобрести руководящее положение, и нам это будет нетрудно) – создаю весьма скромный аппарат совещательный – “Союзный комитет по народному образованию”, в который будут входить все наркомы по просвещению, которые будут собираться раз в три месяца, которого председатель будет входить с совещательным голосом для защиты интересов народного образования в общесоюзный центр и т. д. Очень подчеркиваю Вам, что все наркомы по просвещению, большие и малые, единогласно и решительно высказались за этот план, мною предложенный, единогласно и решительно отвергли параллельный план Наркомнаца. Я настолько верю в Вашу огромную политическую проницательность, что уверен в способности Вашей совершенно объективно отнестись к этому делу, независимо от Вашего положения комиссара по делам национальностей и той отрасли, в которой все это дело представлено Вам Вашими товарищами по ведомству»¹⁸⁰.

В «Известиях» появилась серия статей Луначарского под общим заголовком «О народном образовании». В них Луначарский впервые открыто признает, что Наркомпрос РСФСР понимается как русский наркомат. Луначарский привлекает внимание к статусу всех народов в федеративном союзе: «Понятно, – пишет далее он, – из каких соображений исходя, рекомендовали организацию такого Федкомпроса при Наркомнаце, а не при русском Наркомпросе. От последнего могло бы повесть на те или иные настороженные нервы попыткой какой-то русификации. Наркомнац же является конституционным защитником интересов национальных меньшинств в федерации и мог бы, таким образом постоянно присутствовать в качестве некоторого арбитра между московским Наркомпросом и наркоматами относительно малых наших автономных республик. *Обстоятельства теперь изменились.* Приходится говорить об объединении не внутри Федерации, а внутри Союза, и вот Наркомнац предлагает придерживаться прежнего своего плана, вышеуказанный комитет устроить опять-таки при Наркомнаце. Я думаю, что защищать серьезно эту точку зрения вряд ли было бы возможно. Если это будет союзный комиссариат, то, конечно, он не может существовать при Наркомнаце одной из федеративных республик ... Весь

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 1. Д. 3352. Л. 13.

дух нашей политики настаивает именно на полном сохранении автономии на равных началах и для Белоруссии, и для Татарской республики»¹⁸¹.

Этнокультурная специфика превращалась в козырную карту борьбы ведомств. Сталин в открытую дискуссию с Луначарским не вступил. Его позицию продолжал отстаивать Бройдо: «Наркомнац должен стать в области просветительной работы Наркомпросом автономных республик»¹⁸². Бройдо подготовил статью, свидетельствующую об острой реакции лично Сталина на механизм, выстраиваемый Луначарским. В рукописи, хранящейся в архиве, под названием «Два уклона в национальной политике и т. Луначарский», Бройдо назвал его ответственным за «процесс разъединения уже существующих федеративных образований». Он цитировал Сталина: такой механизм ведет к «опрокидыванию вверх дном» начавшийся процесс объединения республик¹⁸³. Позиция Наркомпроса выглядела предпочтительнее. Регулярные совещания наркомов создавали механизм принятия решений с учетом заинтересованных сторон. Наличие Совнацмена позволяло учитывать потребности культур народов, не имевших автономного статуса¹⁸⁴.

XII съезд РКП(б) углубил драматизм применения различных видов федераций: основанных на договорных отношениях, на автономии, на промежуточных ступенях между ними. Сталина раздражали элиты, мешающие выходу из трудноразрешимого противоречия между управленческими централистскими практиками и этнокультурными потребностями.

Борьба начала терять остроту после февральского 1923 г. пленума ЦК РКП(б), рекомендовавшего создать Совет национальностей в двухпалатном ЦИК СССР. Это «один из наиболее целесообразных путей для решения национального вопроса». Сталин заблокировал постановку вопроса о создании второй палаты ВЦИК: «нечего и говорить, что трудовые массы России не примирятся с такой двухпалатной системой»¹⁸⁵. Обсуждение проблемы спустилось на «отраслевой» уровень проблем, вызванных нэпом. Круг решаемых вопросов был серьезно расширен.

Конференция представителей главных управлений науки республиканских наркомпросов 25–28 апреля разрешали проблемы отнесения институтов науки, имевших общереспубликанское и местное значение. Покровский отметил: «составные части Российской Федерации вполне автономны, и культура их должна развиваться совершенно автономно, но область научных исследований интернациональна ... В РСФСР необходимо произвести ту же интернационализацию науки, т. е. [объединить] научные учреждения, *распределение которых не стоит в связи с настоящим распределением частей республики* ... Работа их по существу имеет общенаучное мировое значение и не может вестись обособленно ... Из таких соображений исходит проект создать *центральные научные учреждения* в старых границах России».

¹⁸¹ Известия. 1923. 10 января.

¹⁸² Бройдо Г. Наша национальная политика и очередные задачи Наркомнаца // Жизнь национальностей. 1923. № 1. С. 12.

¹⁸³ Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 152.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 72. Л. 183–187.

¹⁸⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 70–71.

Решено разделить те учреждения, что находились «на территории федеративных республик» на учреждения, «имеющие общемировое научное значение, и их филиалы, и учреждения местного значения»¹⁸⁶.

На конференции установлен список памятников архитектуры и старины. К памятникам мирового значения отнесены: храмы в Дранде, Пицунде, Кутаисский собор, Никорцминда, собор в Мцхете (Грузия); Ханский дворец, судилище и мечети (Азербайджан), мечети Гур-Эмин, Шах и Зинда, Улуг-Бек, Шир-Дар (Самарканд), мечеть Калан, Диван-Бей, минарет и медресе Мир-Араб (Бухара), мечеть султана Санджара (Старый Мерв), Софийский собор, Собор Михайловского Златоверхого монастыря, Киево-Печерская Лавра, Андреевский собор (Украина). В список имеющих союзное значение памятников включены: древние города Ольвия, Пантикопей, Херсонес, городище Афросиаб, Булгары.

Признаны имеющими мировое значение «Аскания-Нова», Забайкальский, Туркестанский и Саянский государственные заповедники. Они также переданы в ведение Главнауки Наркомпроса РСФСР. 14 крымских заповедников признаны республиканскими¹⁸⁷.

28 апреля конференция приняла Положение об управлении научными учреждениями, подчеркнув, что оно распространяется на «научные учреждения всех автономных республик, входящих в состав РСФСР» (п. 6). Вся ответственность, контроль работы, планирование и финансирование оставались за центром. Автономиям оставалось право давать заключения об их работе, делегировать представителей на совещания. Однако в п. 7 Положения указывалось: «Относительно украинских научных учреждений должно быть выработано особое соглашение наркомпросов обеих республик»¹⁸⁸.

Создание второй палаты ЦИК СССР – Совета национальностей – позволило обосновать статус наркомов автономных республик как равноправных участников. Коллегия Наркомпроса РСФСР 3 сентября 1923 г. предложила открываемому 6 сентября совещанию наркомов организовать единое с ними совещание. И.И. Ходоровский говорил: теперь появился образец: «Я думаю, что мы не можем выбросить автономные республики. Это противоречило бы нашей национальной политике и не имело бы жизненного значения... В вопросах просвещения автономные республики независимы и самостоятельны как и республики союзные»¹⁸⁹. Присутствовали представители 17 наркоматов. Замнаркома просвещения РСФСР Ходоровский усилил их вес: «Мы, РСФСР, считаемся Наркомпросом РСФСР, но мы – Наркомпрос РСФСР минус некая величина – Киргизская республика, Татарская, Башкирская, Бурят-Монгольская, Якутская, Крымская, имя им легион... Мы не можем за них решать дела»¹⁹⁰. Но 13 сентября 1923 г. он сообщал Политбюро: хотя наркомы и «аб-

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 36. Л. 23–24.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 27. Л. 87–88; Д. 36. Л. 1, 3, 19, 27–29. Совещания. С. 203.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 36. Л. 4; Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 634. Л. 92–96.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2093. Л. 40–42.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2093. Л. 40–42.

солютно независимы в своей деятельности», такой механизм предлагается «во избежание «бестолочи, бюрократизма и бесконечных конфликтов»¹⁹¹.

Совещания делегировали своему представителю в СНК СССР (им стал Луначарский) вопросы согласования: 1) систем народного образования в отдельных республиках, 2) бюджета, 3) издательской деятельности и 4) просвещения нацменьшинств, проживающих на территориях республик.

Обустройство Сталиным культурно-сложного общества критиковал в последних работах Ленин: аппарат управления «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром ... Все будет тонуть в этом море, ... как муха в молоке». «Роковую роль, – констатирует он, – сыграли торопливость и администраторское увлечение Сталина»¹⁹².

Несмотря на победу позиции Наркомпроса РСФСР в споре центральных наркоматов за механизм управления культурно-сложным обществом, жесткие административные импульсы множились. Сталин укреплялся в роли генерального секретаря ЦК, используя свое положение поддерживать позиции и оценки руководителей обкомов в национальных республиках. Повсеместно укреплялся состав обкомов партии в республиках, Киргизский обком, например, за 1921–1922 гг. вырос с 14 до 28 чел.¹⁹³

Партийные руководители республик надеялись получить в ЦК РКП(б) практические рекомендации. Их возмущало привлечение в аппарат «нелояльной интеллигентской публики», оно «шло в большинстве случаев в полном несоответствии с требованиями необходимости использовать ту или иную спецовскую или научную силу»¹⁹⁴. Такая «публика» «не обладает ... прикладными знаниями, годными для практического использования в соваппарате, а является, главным образом, лишь теоретической подготовительной силой». Констатировались серьезные трудности во взаимодействии присылаемых из Москвы «европейцев» (этнически других) с местной элитой, особо подчеркивалась проблема лояльности¹⁹⁵.

Осенью 1923 года шла разработка *типового* проекта исполнительного аппарата автономных республик согласно постановлению III сессии ВЦИК X созыва¹⁹⁶. Началось объединение финансовых и управленческих служб Наркомпроса, Наркомздрава, НКСО и НКВД с аппаратом ВЦИК и СНК. Это являлось «фактически упразднением означенных наркоматов»¹⁹⁷.

К основным инструментам воздействия отнесем специфические «чистки», оптимизацию штатной численности аппаратов, получившее название «рацио-

¹⁹¹ Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг. Сб. документов. М., Наука. 1985. С. 57–58.

¹⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.

¹⁹³ Коммунистическая партия Казахстана: организационно политическое развитие. Справочник. Алма-Ата: Казахстан, 1990. С. 34–37, 278–283.

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 535. Л. 40.

¹⁹⁵ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 355–359.

¹⁹⁶ Постановления Третьей Сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета X Созыва. М.: ВЦИК, 1923. С. 59.

¹⁹⁷ Зимин А. У истоков сталинизма 1918–1923. Издательство Слово, 1984.

нализация». Важным «подспорьем» было направление на учебу в партийные, преимущественно, вузы. В 1924 году состоялось «перераспределение» ответственных из нацреспублик в губернии с русским населением. Перспективные личности, имевшие за плечами административную практику, драматичный опыт политической борьбы, компромиссов, переговоров и противостояний направлялись в губернии, где не приходилось реализовать ни опыт, ни знания.

Утвержденные в январе 1924 года Конституция СССР и в 1925 году Конституция РСФСР предоставили право автономиям в зависимости от местных условий сокращать количество наркоматов в пределах своей юрисдикции¹⁹⁸. Комиссия ВЦИК исключила разделы, трактующие «взаимоотношения с общесоюзной властью и форму участия в общесоюзном правительстве РСФСР». Подчеркивалось: «Термин “государство” вообще не может быть применен в отношении автономных республик»¹⁹⁹. Но Наркомюст РСФСР разъяснил: структура органов власти автономии устанавливалась декретом ВЦИК, *имеющим конституционный характер* и местный ЦИК не имел права на подобные реорганизации²⁰⁰.

6 октября 1925 года для использования ресурсов культурно-сложного общества в общеполитических программах ВЦИК и СНК РСФСР утвердили новое положение о Наркомпросе РСФСР. Развертывание преобразований, в первую очередь, всеобуча, усложнило его задачи как политического и методического центра важнейших политических кампаний в сфере культуры. Они нацелены на выравнивание культурных и образовательных ресурсов культурно-сложного общества, приведение их к единому стандарту, реализации идеологических задач. Эффективными средствами считалось директивное централизованное планирование, перестройка всей системы управления, введение единоначалия, ответственность руководства за выполнение плана.

11 октября 1925 г. Совнарком впервые заслушал доклад о Совнацмене, отметив «заметные достижения», но указал: «общее состояние этого дела еще во многом отстает»²⁰¹. Разрыв в возможностях ресурсов оставался колоссальным. Роль Совнацмена, лучше знающего их арсенал, была ключевой.

При разработке нового положения о Наркомпросе учтена в целом правильная с точки зрения новой Конституции и новых политических задач позиция: «Совнацмен, передавая постепенно функции главным управлениям Наркомпроса, должен главным образом *сосредоточиться на методической работе*, помогая управлениям как эксперт, в деле просвещения национальных меньшинств». Создавался президиум, который нес ответственность за методическое, учебно-программное и организационное обеспечение работы, за разработку системы народного образования, подготовку кадров, выпуск учебной

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 30. Л. 78; СУ. 1925, № 30. Ст. 218; Известия. 1925. 26 мая. № 118.

¹⁹⁹ Образование Башкирской АССР. С. 818.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 118. Д. 2. Л. 57–58.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 4. Л. 275 об.

литературы. При нем учреждалась методкомиссия с уполномоченными по издательским делам²⁰².

Внимание Совнацмена направлялось на расширение охвата и *учет отличий ресурсов культур*. Взят курс на группировку этнокультурных ресурсов по разным признакам: языковому, географическому или уровню развития, отвергнутому в 1920 году, когда структуру отдела просвещения национальных меньшинств предполагалось разделить на подотделы народов Запада, Востока и промежуточной (?) культуры. К 1 октября 1926 года 17 национальных бюро Совнацмена слиты в 5 укрупненных отделов: тюркский, угро-финский, монголо-маньчжурский, народов Северного Кавказа и народов западной культуры²⁰³. Новая структура связала руки Совнацмену. Решение не вписалось в сложно достигнутый на совещаниях наркомов просвещения механизм связей с автономными наркомпросами. Вновь обострялась борьба за права и компетенции, иницилируемая, как видим, из центра. Естественным следствием стала политическая напряженность в республиках.

26 ноября 1926 года Совнацмен реорганизован в Центросовнацмен. Значительно расширен представительский состав: вошли представители ЦК ВКП(б), ЦК ВАКСМ, Отдела национальностей ВЦИК, автономных республик, Комитета Севера, заведующие облоно, начальники главных управлений Наркомпроса²⁰⁴. Расширение состава привело к сессионному порядку работы (не реже 2 раз в год), что осложнило оперативное реагирование на местные коллизии. Центросовнацмен стал одним из главных управлений Наркомпроса, утратив важное место нахождения – при коллегии наркомата. Важной потерей было упразднение национальных подразделений в главках, их изоляция в Центросовнацмене.

2 января 1926 г. секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов созвал совещание *руководителей парторганизаций* союзных республик с тюрко-язычным населением – Казахстана, Средней Азии, автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана). Конкретных указаний он не дал: «нужно идти не по национальной линии ... К партийному руководству нужно привлекать не левых, а лучших. Нужно требовать, чтобы люди знали язык, работая там, иначе ничего не получится». Как кандидат в члены Президиума ЦИК СССР он сетовал: «Создали Совет национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский ... Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают». «Подтягивая» рычаги управления к партийным структурам, считал: «без ЦК воспитывать будет, правда, трудно»²⁰⁵ и заключил: «Какие решения?

²⁰² ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–4; Ф. А–2306. Оп. 69. Д. 717. Л. 10.

²⁰³ ГА РФ. Ф. А–2306. Оп. 69. Д. 717. Л. 44.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–4.

²⁰⁵ Цит. по: Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю., Тишков В.А. Центр и периферия в начале XX века: от российского к советскому / Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. 19 декабря 2017 г., Москва. М.: ИЭА РАН. 2018. С. 308.

Просто никаких решений не будем принимать»²⁰⁶.

Но согласование предпринимаемых действий обрело самодовлеющее значение. Динамика преобразований была таковой, что этнос, как субъект, начинал ощущать себя «выпадающим» из алгоритма²⁰⁷, намеченного властью в Москве. Их оценивали «издевательством над национальной политикой, как «прямой анекдот», как «невероятные, но ... факты».

Поддержка творческих сил, которые начали осмысление политических процессов, перекрывалась критическим отношением к тем, кто стремился в глубинах истории найти ответы на вопрос: какое место в модернизации отводится человеку, его этнокультурной идентичности? Но в 1920-е годы политикам мало было практического смысла дорожить изобилием старинных практик в древних обычаях, находках и их интерпретациях. Их больше волновали реалии дня²⁰⁸.

Трудности восприятия преобразований мешали выстраивать взаимодействие, росли опасения попасть в «различные уклоны», сформулированные Сталиным на X и XII партийных съездах, в переброски в регионы, далекие от своих сообществ и их культур.

Люди стремились понять пропагандистские смыслы, содержание идей, их рациональный слой. На нижних этажах этнокультурных практик множились призывы принять во внимание сложность национальной специфики, использовать инструменты культуры, которые помогут преодолеть коммуникативные трудности. Правда, результат часто получался трагикомическим. 27 февраля 1926 года Юнусов, выступая на совещании, говорил: «Когда говорят об узбеках, у всех получается какое-то туманное представление. Что они представляют собой? Узбеки – это люди с длинной бородой, большой чалмой и длинными широкими халатами ... Генеалогического изучения узбеков еще нет. Имеющиеся данные настолько скудны, настолько темны, что они ничего абсолютно нам не говорят, а когда мы проверили эти данные на местах и хотели узнать, кто из этих 92 племен узбеков живут в настоящее время в пределах Узбекистана, где, в каких кишлаках начинается каждое племя, мы видим, что во многом не соответствуют истине сведения этих авторитетов»²⁰⁹.

Руководители в республиках оказывались в сложном положении. Им до конца не доверяли в Москве: слишком мал был их партийный опыт и «вес», они не стали, за малым исключением, до конца «своими». В условиях недостатка кадров центр выдвигал их на ответственные посты: бюрократическую сеть учреждений множили политические кампании. Реализовать успешно очередную акцию оказывалось невозможным по целому ряду объективных обстоятельств (новизна дела, сопротивление человеческого материала).

²⁰⁶ Аманжолова Д. А. Проблемы формирования советской этнобюрократии в 1920-е годы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омск, 2016.

²⁰⁷ Д. Ц. По-большевистски бороться за коренизацию // Революция и горец. 1933. № 9. С. 9, 12.

²⁰⁸ Аишхамаф Д. К вопросу о языковом строительстве // Революция и горец. 1932. № 2–3. С. 133.

²⁰⁹ Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку – АССР. 1926. С. 114–116.

Большинство деятелей сделали искренние ставки на новую власть, стремились освоить большевистскую теорию и практику модернизации. Но, отмечали эмигранты, «ввести в заблуждение представителя власти не считается грехом, ибо, в конце концов, и для коммуниста-кавказца советская власть остается, прежде всего, русской властью»²¹⁰. Любопытно, что оценки эмигрантов, по сути, совпадают с постоянными обвинениями партийных органов²¹¹. Отмечалось: «часто ошибки и промахи своих товарищей фиксируют для себя и прячут в карман, чтобы потом “когда-нибудь” использовать против ошибавшихся»²¹².

С другой стороны, совещание (известное как “рыскуловское”) руководящих работников автономных образований РСФСР – членов ВЦИК и ЦИК СССР 12–14 ноября 1926 г. выявило реакцию культурно-сложного общества на чрезмерную централизацию управления, бюрократизм и нежелание понять главные проблемы. На совещании присутствовало 49 человек – председатели СНК и председатели ЦИК и облисполкомов. Рыскулов и другие докладчики говорили: «централистские тенденции сказываются во все возрастающих стремлениях центральных органов РСФСР подчинить себе всецело автономные республики, сведя на нет их автономию». Н. Самурский (Дагестан) считал: «Бессилие оградить свои интересы в советских учреждениях, которое испытывают АССР, порождает у них стремление к выходу из РСФСР и переходу на положение союзных республик». Многие выступавшие подчеркивали: в центре «понимание национального вопроса ... выливалось в форму действий необъединенных наркоматов РСФСР, направленных на слияние автономных наркоматов республик, умалению прав автономных республик и областей». Выдвинутый план судеустройства РСФСР предусматривал унификацию и централизацию судебного дела. Такая же централизация предусматривалась для службы статистики. Республики оказывались на положении губерний. Среди предложений политического характера, наибольший резонанс вызвало предложение постепенно преобразовать автономные области в автономные республики, а автономные республики – в союзные²¹⁴.

С конца 1920-х годов формировался новый идеологический курс с ориентацией на форсированную модернизацию, что отразилось в решениях Всероссийского совещания по национальному просвещению 13–17 мая 1929 г. в Москве. 1 февраля 1929 года СНК утвердил Положение о Комитете по просвещению национальных меньшинств РСФСР при коллегии Наркомпроса РСФСР²¹⁵, 27 января 1931 года СНК РСФСР утвердил Положение о Комитете по просвещению национальных меньшинств РСФСР при коллегии Наркомпроса РСФСР. Существенно обновился состав пленума Комитета по просвещению национальных меньшинств. В него

²¹⁰ Догуж. Еще о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 18.

²¹¹ Там же: «О состоянии и работе Кабардино-Балкарской парторганизации» от 30 ноября 1927 г. // Известия Северокавказского крайкома ВКП(б). 1927. № 14 (24). С. 8–10.

²¹² Ислам Карачайлы. Горский коммунист и адаты / Ислам Карачайлы. Статьи и очерки. С. 161.

²¹³ ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 109. Оп. 5. Д. 54. Л. 73–77, 142; Ф. 15. Оп. 2. Д. 183. Л. 19, 21–24, 26, 56; Д. 183. Л. 71–72, 75, 80 и др.

²¹⁴ Устинов В.М. Турар Рыскулов. Очерки политической биографии / В.М. Устинов. Алматы, 1996. С. 7–8.

²¹⁵ СУ. 1929. № 31. Ст. 323, и № 35. Ст. 360.

вошли представители Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК, ЦК ВЛКСМ, автономных областей, ЦК профессионального союза работников просвещения, Наркомзема, Наркомздрава, ВСНХ и Наркомтруда РСФСР, Наркомпути, Центросоюза, Колхозцентра, Всекопромсоюза, Центроиздата, представители общественных организаций, фабрично-заводских предприятий со значительным составом рабочих из среды национальных меньшинств и просветительных учреждений национальных меньшинств (институтов, клубов, школ и т. п.), а также лица, персонально назначаемые коллегией Наркомпроса РСФСР.

На совещании 1933 г. утверждалось: «Национальные меньшинства нашей республики уже вышли из той стадии, когда они плакались о своих нуждах по всякому поводу и без всякого повода, что трудящиеся массы национальных меньшинств благодаря той помощи и вниманию, которые им оказывали и оказывают партия и правительство, в огромной степени хозяйственно и культурно выросли и понимают, что дальнейшее их развитие, дальнейший их культурный и экономический подъем зависит от них самих»²¹⁶. К 1934 г. относятся первые констатации о «полной ликвидации национальной отсталости»²¹⁷. По существу, ставилась точка в политическом повороте. В Конституции СССР 1936 года вывод о разрешении национального вопроса в Советском Союзе стал теоретическим обоснованием поворота.

Проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»²¹⁸ разработан отделом школ ЦК ВКП(б). 7 марта текст постановления обсуждался на совещании в ЦК ВКП(б). В тот же день решением Политбюро ЦК создана специальная комиссия под председательством А.А. Жданова, которой поручено за «три-четыре дня» выработать окончательный текст постановления. При доработке документа звучание его заголовка усилено. Представленный комиссией проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР назывался «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» и утвержден решением Политбюро ЦК от 13 марта 1938 года. В марте–апреле 1938 года аналогичные постановления приняли во всех союзных республиках. Новые постановления не означали, что до них в национальных республиках не было обязательного преподавания русского языка. Оно существовало и раньше, но осуществлялось без единой централизованной системы, по-разному в разных республиках и областях, обычно не ранее, чем с третьего класса, уровень преподавания русского языка был низким. В Таджикистане, например, в 1937 году из 4132 национальных школ обучение русскому языку вели лишь 150–200 школ. Постановление вызвано объективной необходимостью достичь единства во взаимодействии в культурно-сложном обществе, но в реальности ускорило ассимиляционные процессы.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 128. Д. 4. Л. 124.

²¹⁷ Революция и национальности. 1934. № 1. С. 6.

²¹⁸ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269>

§ 5. Первые наркомы как советский социокультурный феномен

Подход к этнической элите как важнейшей и целокупной генерации проводников советского проекта затрудняет создание их общего портрета. Легче всего утверждать, что практически все они – сторонники федеративной республики. Другое дело, в чьей интерпретации: собственной, советской или Учредительного собрания. Но и такая дифференциация упрощена. В 1995 г. известный семиотик Вячеслав Всеволодович Иванов применял осторожные формулировки об амбивалентных шовинистических и антисемитских идеях и стереотипах антимодернизма в культурном пространстве раннего советского периода, хорошо его зная. В Наркомпросе, куда «сбегут» элиты из Наркомнаца, они столкнутся с ультралевыми, ультиматистскими и идеалистическими взглядами, по Бердяеву, с «монашеским орденом или религиозной сектой со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием»²¹⁹. Советский проект будет изменять их; находящихся внутри, это будет заметно.

Попробуем обозреть «кадровый» кроссворд из этих фигур на советском политическом поле России, *взвесить их совокупность* с учетом революционного времени, сложных процессов, вызванных как объективными общемировыми тенденциями, так и особыми в стране обстоятельствами. Посмотрим, какую карьеру сделали те, кто с ними или за ними пришел, посланный с мандатом национального съезда.

Выделяются три разные группы элит в политическом мейнстриме первого десятилетия. Образованные, лидировавшие весной 1917 г. в общероссийской политике, были в меньшинстве. Из них некоторые уйдут в антисоветский стан, большинство – в эмиграцию, будут ревниво следить за победами и поражениями оставшихся на советском политическом поле. Многие станут верной опорой Сталину. Вторые, имевшие также опыт взаимодействия еще с Временным правительством, из-за его неуступчивости левели и теряли поддержку в своих обществах. Третья группа интенсивно пополнялась активистами из советов, набиравших силу к осени 1917 г., особенно, из солдатских комитетов.

Членам Учредительного собрания (пришедшим в Наркомнац и в другие советские структуры) в региональной историографии посвящены солидные публикации, но упускается их вклад в зарождение первых советских федеральных структур власти.

Начнем с представления о потенциале генерации в целом: соответствовал ли он уровню подлежащих решению задач.

Первыми пришли из Учредительного собрания в Наркомнац Я.Я. Анвельт, С.Я. Бобинский, М.М. Вахитов, Ю.М. Лещинский, Ш.А. Манатов, Г.Г. Пегельман, М.Н. Полозов, М.Э. Расулзаде, Ф.А. Розинь, В.Ш. Таначев, Г.Х. Терегулов, И.С. Уншлихт и сам, конечно, И. Сталин. Руководящие должности в Нарком-

²¹⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 17–31.

наце заняли представители около полусотни национальностей. Их совокупность важна сама по себе, как и численность каждой этнической группы в структуре Наркомнаца. Самой крупной группой были евреи – 48 ответственных сотрудников. За ней следуют поляки – 31, татары – 25, латыши – 19, осетины – 18, литовцы – 16, марийцы – 14, армяне – 13, немцы и белорусы – по 11, коми – 10, киргизы – 9, башкиры – 8, эстонцы, украинцы, мордва, калмыки – по 7, удмурты, чувашаи, азербайджанцы, якуты – по 6 и другие – 7.

Для оценки потенциала важен учет «образовательного» ресурса. Впечатляет число ответственных сотрудников Наркомнаца (64) с высшим (не всегда завершённым) образованием в Московском, Петербургском, Казанском, Киевском, Томском, Донском (Варшавском) университетах, а также в заграничном – Берлинском, Женевском, Венском, Цюрихском, Сорбонне, Бейрутском, Каирском университете. Выпускниками факультетов восточных языков Лазаревского института, восточного отделения Военной академии, Академии Генерального штаба были 9 сотрудников, 78 выпускников были из других вузов. Обратим внимание на то, что многие учились преимущественно на историко-филологических факультетах. Там учились юноши состоятельных родителей (другое дело, не все из них осваивали учебу до конца).

Но и на начальных курсах историко-филологические факультеты раскрывали широкий горизонт получаемых знаний, открывали путь на государственную службу, в науку. Неплох был вариант устроиться в классическую гимназию. Для нерусских студентов перспективным было устроиться помощником к депутатам Государственных дум, в партийные структуры. Историко-филологические знания оказывались полезны в борьбе «своих» за политические права. В общественно-политическом движении особо активными были студенты. Их волнения носили непрерывный характер. Университеты и институты были очагами студенческой вольницы.

Этнические элиты, войдя в кабинеты власти, сохраняли в себе память о том, как Российская империя содрогалась от грохота международных конфликтов и внутренних революций, русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн. Они опасно приближались к двум направлениям: к левым экстремистам, к социалистам, к их презрению богатства и бизнеса, но и к неуважению обычной человеческой жизни, оправданию насилия ради высшей цели. Среди русских студентов Гейдельбергского университета известный философ Ф.А. Степун выделял группу «русского партийного студенчества», их «центром» «была знаменитая гейдельбергская читальня», группу «интеллигентно-академических» студентов, ... а также «шумно веселившуюся» «теплую компанию дворянско-сановной молодежи».

После Февраля 1917 г. всё сорвалось даже с этих зыбких мест. Но никуда не делись изоляционизм, провинциальное российское мессианство.

Вот фрагмент студенческих воспоминаний: «Осенью 1904 года я поступил в

Петербургский университет на филологический факультет. Мой молодой энтузиазм на первой же лекции получил холодный душ. Профессор Шляпкин просто не явился на лекцию, и мы его зря прождали два часа. Вскоре начались студенческие забастовки, актовый зал превратился в арену для политических митингов, некоторых правых профессоров пытались оскорблять действием, например, Александра Ивановича Введенского²²⁰. Я на это смотрел до осени 1905 года, когда в один прекрасный вечер мне позвонил по телефону мой товарищ Володя Олив и сказал, что он через несколько дней едет в Гейдельбергский университет. Недолго думая, я ответил: «Ну, и я поеду». Нас для начала собралось четверо ... позже прибавились другие. О немецких университетах и их жизни мы имели весьма малое понятие, и первый семестр вели себя, как дикари. Я намеревался изучать историю. Приехав, взял расписание лекций и с удивлением увидел, что ординарный профессор, а не какой-нибудь там приват-доцент, читает историю искусства. Никогда не представлял я себе, что это серьезная наука, как и другие. Я, правда, читал несколько книжек по искусству, бывал в музеях, но никогда не предполагал, что это «всерьез». Набрал я себе, следуя русским представлениям о многопредметной университетской программе, целых одиннадцать курсов. Тут была и философия, которую читал знаменитый Виндельбанд (еще более знаменитый Куно Фишер был еще жив, но по старости не читал), была и история, и французская и немецкая литература, и индология и еще кое-что, а что именно, не припомню, и, наконец, история искусства. Ее читал Henry Thode, как оказалось – знаменитость. Я слушал, смотрел проекции (он в этот семестр читал раннее немецкое искусство), хлопал ушами и понимал, что невежество мое безгранично»²²¹.

Логично, что первые нападки на высшую школу большевики сосредоточат на историко-филологических и правовых факультетах университетов.

Покинув места традиционного обитания, студенты из российских этнических окраин столкнутся с *городом* – центром революционной активности, этим приоритетом «горожан» над «сельскими жителями». «Вокруг церкви, заборы, лавки, синагоги, незамысловатые и вечные строения, как на фресках Джотто, – вспоминал сотрудник Наркомпроса РСФСР М. Шагал. – ... Спешит домой нищий, степенно вышагивает богач. Мальчишка бежит из хедера. И мой папа идет домой. В те времена еще не было кино. Люди ходили только домой или в лавку»²²².

Люди беспокойные, кадеты называли бы их – тех, кто менял места учебы, службы, работы, места жительства и даже стили жизни, – маргиналами. Каждый из них – пример интеграции социальности и индивидуальности. У тех, кто работал в Наркомпросе и Наркомнаце, оставалась привязанность к традиционным практикам, знакомым с имперских времен: при поступлении на службу использовались знакомства, родственные связи и т. п. черты незабытого «как не порадеть родному человечку?» Приведем пример Б. Турганова, осетинского

²²⁰ Русский философ и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства.

²²¹ Зубов В. П. Странные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925) / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т. Д. Исмагуловой. М.: Индрик, 2004. С. 90.

²²² Шагал М. Моя жизнь. М.: 1994.

публициста, с воодушевлением принявшего революцию 1917 года. В 1918 году он – сотрудник Наркомнаца, заведовал экономическим, а потом культурно-просветительным отделом горцев Кавказа. По его рекомендации в Наркомнац приняты несколько сотрудников-осетин. В апреле–июле 1919 г. Турганов – заведующий подотделом горцев Кавказа ОПНМ Наркомпроса РСФСР. Участвуя в заседаниях, он выступал за радикальные реформы школы²²³. Но в украинский отдел Наркомнаца, по рекомендации У. Алиева, он просил устроить его дочь Фатму, студентку консерватории²²⁴.

М.Г. Авсарагову, главе представительства Горской АССР при Наркомнаце, затем – наркому внутренних дел республики, вполне вписавшемуся в структуры власти советского проекта и на региональном, и на центральном уровне, вернуться в родные места не позволял обычай кровной мести из-за ссоры сородичей. Обе стороны беспощадно истребляли друг друга. Лишь в 1921 г. в с. Христиановском комиссия по примирению кровников (возглавил ее народный просветитель М.К. Гарданов), вынесла решение о примирении²²⁵.

В Наркомпросе РСФСР работала комиссия по изучению еврейской истории и еврейских знаний. В ней работали очевидные родственники. Иосиф Давидович Левин (1901 г., из Варшавы), с апреля по 15 ноября 1920 г. научный работник по истории еврейского просвещения в научной секции еврейского подотдела ОПНМ. В будущем он известный советский государствовед, юрист и философ. Через месяц, с мая по 15 ноября 1920 г., устроится заведовать научной комиссией еврейского подотдела его брат, Илья Давидович Левин (1900 г., из Варшавы). Оба брата – студенты московских вузов. Очевидные суровые обстоятельства 1920 года привели в ОПНМ и их отца Давида Герцовича Левина (1875 г., из Варшавы с домашним образованием). Он стал сотрудником научной секции еврейского подотдела, указывая в анкете: «до революции занимаясь службой по педагогической деятельности» (скорее всего, в хедере). Работал также в продсовете «по счетоводству, в мастерской». С сентября 1920 г. сотрудником исторической секции еврейского подотдела (еврейской исторической комиссии) работал Левин Липман Шаев(ич), (1877, Могилёв, образование – домашнее)²²⁶.

Город познакомит будущих управленцев этническими регионами с современными инструментами политической власти, принятием и осуществлением советских решений. Они быстро учились. Заместитель наркома просвещения Горской АССР лингвист Б. Алборов вспоминал, с чем ему приходилось сталкиваться по окончании «истфила» Киевского университета. Он обивал пороги в поисках работы, но царское правительство не пускало образованных «тузем-

²²³ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 21. Д. 406. Л. 529; Ф. А–2306. Оп. 2. Д. 101. Л. 102–104; Оп. 57. Д. 627.

²²⁴ Суменова З.Н. Батырбек Туганов (критико-биографический очерк) // Туганов Б.И. Произведения. – Орджоникидзе: Ир, 1986. С. 34.

²²⁵ Карданов Тимур <http://yandex.ru/clck/jsredir?bu=m804&from=yandex.ru%3>

²²⁶ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 21. Д. 394. Л. 271; Ф. А–2306. Оп. 56. Д. 853; Оп. 1. Д. 385. Л. 405; Д. 406. Л. 39; Оп. 51. Д. 24; Оп. 50. Д. 133; Д. 132; Д. 131; Д. 130; Оп. 49. Д. 251; Оп. 47. Д. 173; Оп. 44. Д. 320; Оп. 42. Д. 200; Оп. 55. Д. 63; Оп. 43. Д. 202; Д. 141; Оп. 43. Д. 438, 439; Оп. 3. Д. 229. Л. 25; Вестник Еврейского университета в Москве. 1998. № 2 (18). С. 274; Костырченко Г. Указ. соч. С. 78.

цев» учителями на родину. В Киеве ему сказали: нужны те, кто «стараются в процессе преподавания русифицировать нерусское население»²²⁷. Неожиданно для сотрудника наркомпросовского ЛИТО Ю. Балтрушайтиса (историко-филологический факультет Московского университета), отделившаяся Литва назначит его послом в РСФСР, пишет Ю. Анненков. Он «довольно бедно одет и жил в Москве в маленькой, неряшливой комнатке». Анненков «видел его даже спящим однажды в прихожей театра нашего общего друга Федора Комиссаржевского ... Балтрушайтис похрапывал, лежа под висевшими над ним шубами, на ящике для калош и ботишков». Став послом, пишет Анненков, одетый в новый костюм, «его сиятельство» гостеприимно устраивал обеды в бывшем барском особняке и шутил насчет важности срочно освоить литовский язык, «которым владел в совершенстве»²²⁸. Д.И. Дорошенко (прошел историко-филологические факультеты Варшавского, Санкт-Петербургского и Киевского университетов), украинский интеллигент, по политическим убеждениям – либерал. Общественный и земский деятель, он первым получил высокий государственный пост – стал комиссаром Временного правительства в Галиции и Буковине. Эта должность соответствовала царскому генерал-губернатору. При Скоропадском Дорошенко – министр иностранных дел. Судя по воспоминаниям современников, государственной службой тяготился и больше напоминал не министра, а гимназического учителя словесности. Его воспоминания историка, посвященные Центральной Раде, гетманату Скоропадского и петлюровщине, станут одним из основных источников по истории украинской государственности, попыткам «сговориться» с большевиками, с 1919 г. он в эмиграции²²⁹. Советский проект «переживал» и включал в свой «опыт» «первый акт дипломатического вандализма, шокировавший даже самих эмиссаров. Он учинен первым главой украинской миссии Григорием Сидоренко во время консультационной встречи грузинских, литовских, латышских и, конечно же, украинских посланников с представителями Антанты: "... Сьому Черчиллю, я йому дам по морді! Що він, сукин син, думає собі, що проводить думку про Єдину Росію. Я його поставлю на належне місце!"»²³⁰. Сидоренко возглавлял делегацию, общую от УНР и Западной Области УНР.

У членов Совнаркома и, особенно ЦК, образовательный багаж скромнее: Сталин – из бедной семьи сапожника, учился в Духовной семинарии. Университетское образование в первом СНК получили (в основном не полностью) 4 человека (Ленин – экстерном). Но этот высший слой большевистской элиты (СНК, члены и кандидаты Политбюро) теснее связан с городом и городскими профессиями.

В каждой языковой или конфессиональной группе были свои нюансы. Для еврейских элит важен религиозный аспект, он объединял их в различных проектах советской политики централизации. Первые наркомы просвещения имели

²²⁷ См.: Историко-филологический архив. 2007. № 6. С. 17.

²²⁸ Юрий Анненков. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Ротапр. издание. Б.г. Б.м. С. 151–152.

²²⁹ Дмитро Дорошенко. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1921). Львів, 1925.

²³⁰ См.: Пришива Р. Агония Первой Украинской Республики и уроки ее крушения <http://hvylya.net/analytics/history/agoniya-pervoy-ukrainskoy-respubliki-i-uroki-ee-krusheniya.html>

и духовное, и светское образование. А.Б. Юнусова и Г.Б. Фаизов обратили внимание на эти обстоятельства²³¹. В исламском сообществе это влияло на отношение к большевистской реформе школы, несущей в себе воинствующий атеистический заряд. В хедерах и иешивах учились еврейские активисты, побывавшие наркомаами просвещения в советских автономиях, С. Диманштейн в Туркестанской АССР, например.

Профессиональный опыт давал психологическое превосходство, и, как казалось, право формировать политические цели, выдвигать политических лидеров из своих. В Наркомнаце 104 человека были с педагогическим образованием или с опытом учительства, 31 журналист, 21 юрист, 20 специалистов в историко-филологической области, 5 профессоров Петербургского и Казанского университетов, 4 специалиста-этнографа.

Но этнические лидеры «первого ряда» в Наркомнац не пришли. Активно действовали в период февраля–октября 1917 года будущие наркомы А. Байтурсунов, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Ш. Ахмадиев, А. Амур-Санан, И. Фирдевс и др. Многие поверили в ленинские обещания искренне.

Пришедшие скрывали политический статус, социальное происхождение и пр., например, С.Г. Томпсинский (журналист, с 1908 года – видный член БУНДа), в будущем известный советский историк, директор Историко-археологического института, член-корреспондент АН СССР, пришел в Наркомнац с Московской биржи труда. В карточке биржи указано: «конторщик». В рекомендации на работу в Наркомнац заведующий культурно-просветительным отделом Еврейского комиссариата Н.А. Бухбиндер, характеризовал его 9 июля 1918 г. как «большого знатока еврейской литературы, ... хорошо знает постановку народного образования на Западе». По данным личного дела в Наркомпросе РСФСР Томпсинский до революции был учителем. В 1918–1919 гг. студент университета²³². Не указал происхождение потомок хана Абулхаира из Младшего казахского жуза, сын свитского генерал-майора русской армии, переводчика восточных языков при Туркестанском генерал-губернаторе С. Асфендияров²³³. Лидер оппозиционной партии «Алаш» А. Букейханов, потомок казахских «чингизидов», в анкете указал: «Социальное положение до поступления в Наркомнац: никакой, кроме одежды, не имею собственности»²³⁴.

За месяц до XI съезда РКП(б) Ленин «распекал» куратора Учраспредотдела В.М. Молотова за формализм Всероссийской переписи членов РКП(б) в феврале 1922 г. 59 вопросов в переписи создавали видимость «тщательного» учета, но, по сути, были «канцелярской» дотошностью. Вопрос о «военном стаже в качестве военного служащего и политического комиссара» сведен в таблицу из

²³¹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1994. С. 21; Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. С. 53.

²³² См.: ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 21. Д. 49. Л. 10 об.; Д. 48. Л. 41, 45; Ф. А–2306. Оп. 57. Д. 549.

²³³ Камалиев М.А. С.Д. Асфендияров: жизнь-подвиг (к 125-летию со дня рождения) // Вестник Казахского национального медицинского университета. 2014. № 2(4). С. 226.

²³⁴ ГА РФ. Ф. Р–1318. Оп. 21. Д. 377. Л. 410–414.

11 граф. Следовало ответить, в скольких случаях человек участвовал отдельно «в перестрелках и рукопашных боях»²³⁵? Ленин, встречаясь с этническими лидерами, видел: амбиции – их слабые места.

Перешедших на советскую сторону регулярно призывали на службу в подразделения ЧОН, ВЧК и пр. Большевики привлекали военных и гражданских специалистов из социальных слоев, враждебных или негативно относившихся к ним, к советской власти вообще. Историк А.Т. Гисматулин, возглавляя музыкальный сектор Мусульманского комиссариата в Наркомпросе Северной коммуны (декабрь 1918 – декабрь 1920), редактировал газету «Салават» Туркестанско-Башкирской дивизии (Петроград)²³⁶. В 1919 г. он отстаивал идею федерации наркомпросов, к которой в Москве относились с раздражением.

Вопросы об использовании этнических элит решались на высших партийных этажах власти. 27 октября 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) поддержало Ф. Дзержинского в том, что П.М. Макинцян, освободившийся от работы в ОГПНМ, по состоянию здоровья не может быть направлен на фронт. Дзержинский просил направить его в особый отдел ВЧК. 22 ноября 1920 г. Наркомнац просил Оргбюро ЦК откомандировать к нему Макинциана. Оргбюро при отсутствии возражений со стороны ВЧК согласилось. 26 декабря 1920 г. Г.К. Орджоникидзе предложил Оргбюро ЦК мобилизовать коммунистов для работы в Армении. Среди прочих указан и Макинцян²³⁷, в 1920-е годы заместитель председателя СНК, нарком просвещения и затем внутренних дел Армянской ССР.

В ВЧК работал ряд сотрудников Наркомнаца: латыши П.И. Валескалн и Э.К. Озолин, чуваш Я.И. Иванов, ногаец А.Ф. Насыбуллин, финн П.В. Пальмфельд, эстонец М.И. Рейнбах. Сложные идеологические и прочие перипетии сопровождали карьеру заведующего зырянским отделом Д.А. Батиева. Он был членом комиссии по организации Ухтинского концлагеря ВЧК. Создание лагеря затянулось до 1929 года, когда Батиев оказался кандидатом в его узники²³⁸.

Владение наркомаами родным языком, их вклад в продвижение результатов языкового творчества (учебники, издание газет, написание книг и пр.) превращало их в этнические символы, настраивало исполнять заложенные с детства этнокультурные нормы. На владение двумя языками (русским и родным) указали 126 человек, тремя – 92, четырьмя – 78, пятью – 38, шестью – 19 (руководитель культурно-просветительного отдела мусульманского комиссариата крымский татарин И. Фирдевс владел французским, турецким, немецким, итальянским, татарским, русским языками; руководитель такого же отдела армянского комиссариата П.М. Макинцян (литературовед и переводчик) – французским, немецким, латинским, татарским, армянским, русским), семью – 8 (белорус Ф.Ф. Турук – латинским, греческим, древнееврейским, немецким, французским, русским,

²³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 513. Текст заполненной Лениным анкеты см.: там же. Т. 44. С. 509–514.

²³⁶ Гисматулин Р. Забытая переписка и забытая личность // Ватандаш. 1996. № 9.

²³⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2158. Л. 25; Ф. 17. Оп. 112. Д. 9. Л. 10; ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 495. Л. 7.

²³⁸ Жеребцов И.А. Дмитрий Александрович Батиев: создатель Коми автономии, «враг народа», почетный гражданин. К 95-летию Республики Коми. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 64 с.

белорусским), восемью – 2, девятью – 2 (латыш Ф.А. Розин-Азис – латышским, немецким, русским, английским, голландским, французским, итальянским, латинским, греческим языками).

Многоязычие политика – важный инструмент обмена разных идеологий и практик. Оно увеличивало знакомство с тем, что создано другими народами, делая заманчивым равенство языков и культур, помогало формировать межэтническое нормативное единство, обслуживать новые социокультурные коммуникации. Большую поддержку оказывала специфика образовательных ресурсов самих этносов, наличие и уровень развития этих инструментов культуры. Язык имел символическое значение в системе управления, в ее мобильности и доступе к ресурсам, считался важным инструментом «выковывать целые отряды смелых и сильных культурных работников-пионеров; они должны стать научными лабораториями, где должна слагаться письменность и составляться национальный учебник и национальная книга, они должны стать собирателями, охранителями памятников устного народного творчества и искусства, здесь должны вырабатываться программы и приемы преподавания [как родного], так и русского языков»²³⁹. Но редко те, кого присылали секретарями партийных структур и многочисленных комиссий, знали язык местного населения. Они не всегда понимали этнокультурный контекст управленческой миссии, не вникали в сложность внутриэтнических проблем. 8 июня 1920 г. В.В. Куйбышев от Комиссии ЦК по делам Туркестана, пишет ЦК РКП(б): «... что касается тов. Бройдо, Турккомиссия квалифицирует его как политического авантюриста и его работу в Туркестане считает абсолютно вредной. Ответственная политическая работа не может быть ему поручена». М.В. Фрунзе в 1920 г. также характеризует Бройдо как «злого гения» Турккомиссии и «авантюриста». Сам же Бройдо считал: «Политика на местах по существу своему (а не на словах, прокламациях и резолюциях) – политика русского национализма и российского великодержавия, обильно удобренная простым головоутиятием и возведенными в систему грабежом, мародерством и издевательствами над трудящимися». 22 января 1921 г. Сталин просит откомандировать Г. Бройдо в Наркомнац для организации восточных курсов²⁴⁰.

За переход в советские структуры власти ряд выдающихся деятелей заплатили жизнью. В конце 1918 года убит белыми и комиссар по горским делам Кубано-Черноморского ревкома (затем комиссар просвещения Кубано-Черноморской республики) М. Шовгенов. Первый заведующий Удмуртским отделом Наркомнаца М. Прокопьев погиб летом 1919 г. В паровозной топке в 1919 г. сожгли председателя Бурнацкома, идеолога европейской ориентации бурятского возрождения М.Н. Богданова. В марте 1920 г. оппозиционерами убит уполномоченный Северокавказского ревкома Т.Д. Алиев. А. Ярлыкапов приводит факты из опубликованных Ю. Фельштинским документов коллекции Б.И. Николаевского и

²³⁹ «Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата»: Документы российских архивов о национально-культурном строительстве на Северном Кавказе в 1920-е гг. Публ. Т.Ю. Красовицкой /<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/70593>

²⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21176. Л. 1–4; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1605. Л. 6; Ф. 17. Оп. 9. Д. 1639. Л. 75; Оп. 11. Д. 186; Оп. 84. Д. 59. Л. 30; Д. 81. Л. 28–29; ГА РФ. Ф. Р–1235. Оп. 97. Д. 202. Л. 5; Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: 1991. С. 188.

П.Н. Врангеля о насилии большевиков над ногайцами: «Во время вечернего намаза был задушен ... народный кадий ... Умар Газы Кулунчаков и зарезана его жена ... Несколько дней спустя был зарублен большевиками законоучитель эфенди Нур-Магомет Эсполов» и другие²⁴¹. Комиссар по просвещению Терской республики Я.Л. Маркус убит белогвардейцами на станции Пассанаури. Погибли А. Шерипов, народный комиссар по национальным делам Терской советской республики (август 1918 года), председатель СНК этой республики Н. Буачидзе. Нарком Крымской республики И.А. Назукин арестован контрразведкой ВСЮР и расстрелян. Через полтора года в Трапезунде, при возвращении на родину погиб М. Субхи, турецкий активист в автономиях с исламским населением. В 1919 г. погиб обучавшийся в Каирском университете Темир-Хан-Шуре Казани арабскому языку и преподававший его в кабардинских школах М. Фанзиев. Общественного деятеля А. Аджиева и известного публициста И. Хубиева (Ислама Карачайлы) Д.А. Хачиров выкупил у белых (их приговорили к повешению). Гибли и те, кто не помышлял перейти на советскую сторону. Азербайджанский министр Н. Усуббеков злодейски убит в Кюрдмире неизвестными лицами в мае 1920 года.

Художник Н.А. Прахов, знакомый с Луначарским по пребыванию на Капри в 1910-е годы, объяснял обостренное отношение к нему, посланцу из Петрограда, в Киеве: «К концу собрания избравшего меня народным Комиссаром искусств явился профессор Григорий Григорьевич Павлуцкий²⁴² и узнав, в чем дело – обрушился резко и гневно на присутствовавших в собрании художников, преимущественно украинцев, г. Нарбута, Бурачека, Жука и М.А. Козика со словами (по-украински): “Что вы тут делаете, какого-то Народного комиссара искусств выбрали! Вот погодите, скоро вернется батяню Петлюра – он вам покажет этого комиссара!” Произошло общее замешательство. Украинцы стали между собою перешептываться. Видя их явный конфуз и чувствуя весь комизм своего и общего положения – решил прийти к ним на помощь и обратился к собранию с такими словами: “Дорогие товарищи, вы оказали мне высокую честь, избрав единогласно Народным комиссаром искусств Украины, сейчас вас смутило выступление Григория Григорьевича, и вы не знаете, как быть? Позвольте мне вывести вас из этого затруднительного положения – по вашей воле ровно 20 минут я был Народным комиссаром искусств – разрешите теперь самому сложить с себя полномочия и еще раз поблагодарить Вас за честь.” Украинцы сразу повеселели и вышли вместе с Г.Г. Павлуцким»²⁴³.

Секретарь Чеченского обкома П.Б. Азнарашвили в 1922 г. разъяснял Москве: «Эльдарханов знает настоящее к нему отношение с нашей стороны и что нам приходится с ним считаться постольку поскольку. Укрепление союза с Али Митаевым это делает самоуверенным, смелым, чувствующим свое достоинство, как главы советской Чечни ... Создается впечатление, что Эльдарханов – это все для Чечни»²⁴⁴.

²⁴¹ Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 193–194.

²⁴² Украинский историк искусства.

²⁴³ ГТГ. Отдел рукописей. Ф. 220. Д. 265. Л. 22–22об.

²⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 59–65.

В большинстве случаев – это харизматики, подвергшиеся сильному влиянию русской культуры. Психологически их национализм еще вполне сохранял центростремительный тренд. Но им почти никогда не удавалось представлять его взвешенно, расчетливо, обдуманно – этот компендиум всевозможных заблуждений ими не создан. Они еще далеки от типа советского человека – человека, внутренне расколотого между слепой покорностью государству и анархической ненавистью к нему.

Зеньковский отмечал: «Я чувствовал, как хмель революции все более кружит их головы. В сущности, в музыке революции генерал-басом звучит мелодия “все позволено” – и нет ничего невозможного, чего бы нельзя было, по крайней мере, затеять. Прожектерство – эта хлестаковщина всякой революции – бурлило в украинских головах, воображение, которым вообще очень богата украинская душа, разливалось выше меры. Политическая психология украинских деятелей – это мне было ясно уже тогда – лишена вообще основной силы в политике – реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям, выдержки и хладнокровия. Вчерашние “подпольцы», а сегодняшние властители, эти украинские политики, начиная от самого “батька” М.С. Грушевского, не отдавали себе никакого отчета в реальном положении вещей... Того делового, осторожного строительства, которое им, “самостийникам” так нужно было, чтобы, воспользовавшись слабостью России, сковать свою “державу”, я не видел ни у кого»²⁴⁵. «Многие, – возражает очевидцу А. Дмитриев, – этого сознательного и всегда «взвешивающего» использования обстоятельств и порою людей простить Грушевскому не могли, как Сергей Ефремов, вскоре после возвращения историка отметивший в дневнике: «Грушевский – вождь, пастух, который морально стоит своего стада, и этот путь азиатского политиканства, по которому пошли партийные деятели времен Центральной Рады, собственно, и загубил дело. Теперь они почти все тут, по крайней мере “выдающиеся”, – поклонились Золотой Орде и пьют кумыс... Жаль тех, кто за этими пастухами шли. Часто они стояли выше, но отарный дух одолел и их. Мы побеждены... Еще одна комедия мировой истории. Только комедия эта нам боком выходит и долго будет выходить так нашим потомкам – в первую очередь, тому несчастному поколению, которое уже в колыбели одурачено, заморочено и окружено развратом»²⁴⁶. Но еще один очевидец событий в Киеве Н. Могилянский считал: «трудно допустить, чтобы практичный ум М.С. Грушевского разделял увлечения зеленой украинской молодежи в области ее социологических и социалистических экспериментов. Проще допустить, что, дорожа популярностью, он плыл по течению, бессильный оказать ему серьезное идейное сопротивление»²⁴⁷.

Личный темперамент, сложные характеры позволяли претендовать на полноту профессиональных функций, болезненно реагировать на вмешательство

²⁴⁵ Зеньковский В.В. Пять месяцев ...

²⁴⁶ Ефремов С. Щоденники. 1923–1929. К., 1997. С. 172 (запись от 19 декабря 1924 года).

²⁴⁷ Могилянский Н. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 г.)// Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923.

в сферу их компетенции. Масштаб личности и интеллектуальный потенциал диктовали не только высокий уровень амбиций, их умножал опыт дореволюционных общественных движений на профессиональном поле. Этнические элиты гордились своим прошлым опытом, его корнями. Масштаб личности, несомненно, отразился на статусе занимаемых постов.

Обратим внимание: первых автономий в статусе республики добились элиты преимущественно восточных российских регионов – татары, башкиры, казахи, крымские татары, горцы Кавказа и Дагестана, среди них большой авторитет имели джадиды. Это синтетическое движение рубежа XIX–XX веков захватывало не только систему образования, но и общественно-философскую мысль, этические нормы. Оно относительно органично утверждало связь ислама с просвещением и наукой, в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями. Концептуальный образ автономизируемого этно- и социокультурного пространства России в представлениях и действиях джадидов содержал конфронтационные и конструктивные компоненты, синтез западных и восточных начал. Тюркизм вывел их на авансцену модерна сферы переустройства государства. Назовем назира просвещения А. Фитрата (1923), историка и поэта, члена Бухарской компартии с 1919 года. Фитрат, зная персидский язык, в Стамбуле впитал идеи тюркизма, вплетал их в образы домусульманского Турана, империи Чингисхана. Великий Туран, политическая мечта многих, у Фитрата соседствовала с наследством кочевых традиций, исламом, строителями Самарканда, развивавших культуру, литературу и чагатайский язык.

Чагатаизм стал формой идентичности Узбекистана, вобравшей культуру, ислам, тюркизм, наследие тимуридов. Фитрат надеялся на поддержку политики тюркизации. Понятны оценки Ф. Ходжаева конца 1920-х годов: «Никогда в своих идейных позициях джадидизм не претерпевал такого крушения, как это было после Октябрьской революции. Сначала – раскол по поводу методов борьбы и пределов политических требований ... Они остались вне общественной жизни, проглядев всемирное, историческое значение Октябрьской революции ... Для них путь развития Советской Бухары в сторону большего приближения к советским формам ... борьба с национальной узостью оказались неприемлемыми ... Отдельные краткие периоды их сотрудничества в отношении отдельных мероприятий Советского правительства были настолько условны, настолько кратковременны, что они никак не могут изменить ни их социальной сущности приказчиков байства, защитников интересов отживших классов, ни их облик трусливых предателей интересов трудящихся»²⁴⁸.

Наркомы из среды джадидов-реформаторов наследовали энтузиазм идей Гаспринского по отношению к современной науке и образованию, поиск реформистского русла в собственных исторических истоках на родном языке. Трудно представить, с какими чувствами они должны исполнять большевистские поли-

²⁴⁸ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии / Избранные труды в трех томах. (Ред. колл. А.А. Агзамходжаев и др.) Т. I. Ташкент: «Фан», 1970. Т. I. 1970. С. 192–193.

тические акции, например, крушить «альма-матер», подвергать репрессиям многочисленных друзей и родственников, работавших в медресе и мектебах. Они сохраняли веру в разум истории и гуманизм культуры. Работали шариатские суды, мусульманские школы, медресе, даже вакуфы как мусульманские институты продолжали существовать. Они свернуты лишь в конце 1920-х годов.

Местных лидеров заменяли «свои» же, но уже «посланные» Москвой. Ягафаров в декабре 1920 года писал Ленину, Сталину и Зиновьеву, беспокоясь об управлении Башкирской АССР: в автономию съезжается «громадное количество служащих» с разных концов «Великой Российской империи». Они занимаются «преимущественно устройством личной жизни и бумажных домиков – комиссариатов».

Соседние с тюркоязычными этносы получили автономию в форме автономной области (чуваши, удмурты, карелы, мари и др.). Лишь позднее они добьются статуса республики.

Элиты на западных территориях увеличивали притягательность своих позиций в советском проекте. На Украине роль киевской «Просвиты» выльется в 20-е годы в «шумскизм», «хвыльевизм», волобуевщину», в Белоруссии – Белорусской Громады. Их ментальность также оставалась этноиерархической.

Посты наркомов просвещения заняли, за малым исключением, образованные и авторитетные представители этносов. Преобладание среди них людей талантливых отражает важнейшую черту периода: потребность в знающих этнокультурную специфику руководителей. По социальному положению, как правило, из имущих слоев: получив духовно-светское образование, они продолжили его в российских или зарубежных университетах. Наркомы знали европейскую и русскую культуру, многие языки, имели педагогический, журналистский и научный опыт: создавали национальную периодику, занимались научными исследованиями, участвовали в легальной общественно-политической деятельности, в работе Государственной Думы, либеральных и социалистических партий, земских и иных общественных и культурных объединений. Они были вполне способны отслеживать процессы, происходящие в психоистории, динамику социальных представлений, общественной морали на фоне революционной ломки, грандиозной социальной мобильности, расширения объема информации. Но многим не досталось ничего ни от Временного правительства, ни от советских времен. Жизнь их страшно обделила, обсчитала, как последняя мошенница.

Важно, из кабинетов Наркомнаца 8 человек направлялись возглавлять первые, пусть кратковременные, советские «национальные» правительства на окраинах бывшей империи. Ф.А. Розин-Азис – латвийское, В. Мицкявичюс-Капсукас – литовское, Д. Жилунович – белорусское, Я.А. Анвельт – эстонское, С. Лукашин – армянское; С.Г. Мамсуров – Совнарком Горской АССР, А.А. Биишев – СНК Башкирской АССР, К.С. Атабаев – СНК Туркменской ССР. Шестеро из них в 1930-е годы репрессированы. Лишь двое умерли (до 30-х годов) своей смертью.

Наибольшее число (14) – С.Ж. Асфендиаров, А. Байтурсинов, У. Балич,

Г.И. Бройдо, М.Ю. Брундуков, С.М. Диманштейн, С.Н. Донской, А.А. Мравянц (Мравян), А.Г. Ованнисян, А.А. Полоцкий, Ш.Х. Сюнчелей, И. Фирдевс, Б.Е. Этингоф, Э.Э. Эфферт были наркомами и замнаркомаами просвещения. Двое из них (Байтурсунов, Полоцкий) избирались в Учредительное собрание.

Наркомаами по делам национальностей в автономиях были 6: Г.С. Айкуни, Г.И. Бройдо. И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин, А.З. Каменский.

Наркомаами внутренних дел, начальниками ГПУ стали 6: М. Авсарагов, С.М. Аржаков, Е.Б. Бош, П.Н. Макинцян, И. Фирдевс, Ф.Н. Тухватуллин.

Многие занимали должности наркомов здравоохранения, юстиции финансов, труда, государственного контроля, земледелия.

«Партийную» карьеру сделали трое: Ю.М. Лещинский (с 1929 – генсек Польской компартии), А.Г. Ованнисян – первый секретарь ЦК КП(б) Армянской ССР, С.М. Эфендиев – председатель ЦКК Азербайджанской КП(б). Из «партийных» лишь Ованнисян пережил 1930-е годы.

Сталин видел: «использование национальных интеллигентских групп далеко еще недостаточно для удовлетворения потребности в инструкторах»²⁴⁹. Судя по частой сменяемости наркомов, его раздражало не только несоответствие политических результатов интересам центральной власти, больше же – идеологическим устоям системы. Он критиковал «интеллигентов-националистов», которых «внутренняя механика революции вышвырнула». От автономных наркомов требовалось «...обратить внимание на очистку аппарата просвещения от негодного элемента»²⁵⁰, ликвидировать отрыв от идей единой трудовой школы, от общего курса культурных трансформаций.

С трех сторон (центр, свой народ и эмиграция) обрушили на элиты претензии. Претензии первых двух понятны, что же касается эмиграции, то анализируя деятельность элит на руководящих постах, она делала нелицеприятные выводы в их адрес даже после прошедших процессов над национал-уклонистами в конце 1920-х годов и в разгар репрессий 1930-х годов. Общая оценка сводилась к тому, что опыт сотрудничества с неприемлемой для эмиграции властью мало что изменил со «времен царизма». Эмигранты все же признавали: «коммунисты-националы», «даже свободные от всяких признаков “буржуазного национализма”, автоматически ... противодействуют уравнильно-русификаторским стремлениям советской власти», что отражалось на результатах реализации модернизационных мероприятий новой власти. Их «лояльность ... покоится ... не на внутреннем убеждении, а лишь на оппортунизме и некоей привычке»²⁵¹.

Это, конечно, передержка, большинство деятелей сделали искренние ставки на новую власть, стремились освоить большевистскую теорию и практику модернизации. У. Алиев и др. активно восхваляли Сталинский курс на ускорение темпов латинизации алфавитов для народов Северного Кавказа.

²⁴⁹ Сталин И. Политика Советской власти по национальному вопросу // Правда. 1920. 10 октября. № 226.

²⁵⁰ Кутушев Г.З., Акманов И.Г. Формирование аппарата Наркомпроса БАССР (февраль 1919 – сентябрь 1922) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 780.

²⁵¹ «Буржуазные националисты» в Карачае и Черкесии // Северный Кавказ. 1937. № 35. С. 29.

Но правда и в том, отмечали эмигранты, что «ввести в заблуждение представителя власти не считается грехом, ибо, в конце концов, и для коммуниста-казакца советская власть остается, прежде всего, русской властью»²⁵². Подтверждается этот вывод теми фактами (ими пестрят советские документы), что разъяснение важнейших решений партии и правительства «райкомами не ведется». Советские руководители не читают газет и журналов, не разъясняют принятых решений. Любопытно, что оценки эмигрантов, по сути, совпадают с постоянными обвинениями партийных органов. Это понятно. Эмиграция черпала их из соответствующих постановлений местных обкомов партии. Например, из опубликованного постановления Северокавказского крайкома от 30 ноября 1927 г. «О состоянии и работе Кабардино-Балкарской парторганизации»²⁵³. Из статей И. Хубиева они черпали сведения о склоках и разоблачениях коммунистами друг друга. Коммунисты «часто ошибки и промахи своих товарищей фиксируют для себя и прячут в карман, чтобы потом “когда-нибудь” использовать против ошибавшихся, радуются повторению этих ошибок и промахов и снова фиксируют, и прячут, вместо того, чтобы по-товарищески, по-коммунистически предупреждать друг друга об ошибках, помогать друг другу изживать и не повторять ошибки». Решения обкома Карачаево-Черкесской АО от 21 ноября 1929 г. свидетельствуют: К.А. Курджиев, например, «располагал на многих членов партии и особенно ответработников материалами компрометирующего характера и до сего времени о них никому в письменной форме не сообщает, чем создаются объективные условия запугивания отдельных членов партии»²⁵⁴. Углублялось негативное отношение высших партийных властей к «местным», перемещение с «высоких» должностей на менее значимые должности теряло положительный смысл. Если ранее их направляли учиться в ИКП и в аспирантуры, теперь снятие с должности заканчивалось арестами и ссылками.

Кое-какие акции им удавалось просто не выполнить, но «отчитавшись» перед центром или Ростовом. Как исключение, приводился пример Кабардино-Балкарии, руководимой «лояльнейшим подхалимом Беталом Калмыковым». При нем жертвами репрессий стали заведующий Кабардино-Балкарским национальным издательством поэт и драматург М.А. Афаунов, первый заведующий кафедрой кабардинского языка и литературы, педагог Т.М. Борукаев, драматург и педагог П.Д. Шекихачев (1879–1937), педагог, поэт и прозаик Т.А. Шератлоков (1884–1937) и др. В официальных источниках эмигранты черпали сведения о «наплевательском» отношении райкомов к своим обязанностям. Непродолжительный опыт «с националами в роли секретарей обкомов ВКП(б) ... оказался неудачным»²⁵⁵.

²⁵² Догуж. Еще о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ. 1936. № 32. С. 18.

²⁵³ Там же; «О состоянии и работе Кабардино-Балкарской парторганизации» от 30 ноября 1927 г. // Известия Северокавказского крайкома ВКП (б). 1927. № 14 (24). С. 8–10.

²⁵⁴ Ислам Карачайлы. Горский коммунист и адаты / Ислам Карачайлы. Статьи и очерки. С. 161.

²⁵⁵ Аманжолова Д.А. Испытание властью: из истории формирования бюрократии Казахской АССР, 1920 е гг. // Cahiers du Monde russe. 56/4. Octobre-decembre 2015. P. 753–791.

Глава 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: СУЩНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

§ 1. Исторические предпосылки

Имперская образовательная политика использовала разные образовательные политики и практики в культурно-сложном обществе, исходя из политической целесообразности и государственного единства. В основе политика сводилась к принуждению к единому стандарту, приспособлявая его к местным обычаям и институтам. Политические установки складывались по большей части стихийно, в ходе усложнения внешних вызовов и интересов сохранения и процветания империи. Учитывалась международная обстановка, особенности территории, уровень экономического и социально-культурного развития, наличие или отсутствие ресурсов культуры. Политика выстраивалась как по отношению к каждому народу, входившему в состав России, с учетом условий, складывавшихся на данный момент, так и по отношению к тем или иным мировым конфессиям (исламу, иудаизму, буддизму). Это принималось во внимание в отношениях центра с каждым отдельным народом. Каждый народ проходил несколько этапов введения его в общероссийское культурно-сложное общество, испытывая воздействие специальных учебных заведений в казенных школах для евреев, горских и русско-татарских школах на Северном Кавказе и в Поволжье, бурятских приходских училищах и др.

Ассимиляция занимала длительное время, вызывала коллизии с религиозными структурами, но объяснялась объективными обстоятельствами – модернизацией страны и культурным доминированием русских культурных ресурсов. А.И. Миллер пишет: «В рамках государственного национализма государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность»¹.

Политику консолидации этнического ядра империи – русской народности образовательными средствами начал Александр II. Ее продолжил Александр III, который был убежден в том, что в Российской империи должны господствовать русская государственность (русские учреждения), русский язык и уважение к православной религии. Направления и принципы школьной политики позволяли монархии проводить модернизацию под знаком русификации, которая

¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 54–75.

означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а систематизацию и унификацию управления. А.И. Миллер представляет ее как закономерность развития полиэтнического государства, направленную на государственную стабилизацию, интеграцию окраин в единое имперское пространство.

Царская администрация понимала: для полноценного управления огромными пространствами по одному алгоритму у правительства не хватит ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящая бюрократия приспосабливалась к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под контролем вошедшие в состав России народы и территории культурно-сложного общества, допуская определенные принципы взаимного приспособления народов друг другу и к государству в целом.

Еще при Екатерине II (по закону 1773 года) мусульмане получили возможность открыто исповедовать свою религию, строить мечети в крупных городах, открывались исламские учебные заведения. В XIX веке они исчислялись сотнями, качество образования соответствовало высоким стандартам. Инспектор школ Казанского учебного округа, крупнейший тюрколог В.В. Радлов писал: «... Шакирды стоят умственно гораздо выше наших учителей приходских школ»².

Традиционная учебная программа медресе включала мусульманское право (фикх), догматику (калам), коранические дисциплины, хадисоведение, арабский язык, логику. Дополнительно могли изучаться арифметика, медицина, астрономия, риторика. Но даже наиболее образованным мусульманам было трудно проникнуть в общероссийскую элиту. К концу XIX века это серьезно мешало дальнейшему социально-экономическому развитию исламских народов России.

Движение джадидизма (от араб. джадид, новый) было призвано обновить систему мусульманского образования, привести его в соответствие с требованиями современной жизни. И. Гаспринский считал язык фактором мобилизации общетюркской солидарности. «Общий язык» («*Lisan-i umumi*»), своеобразный тюркский эсперанто на базе модернизированной версии крымско-татарского (модификация османского) языка обеспечивал бы джадидам использование его в процессе обучения³. Русский язык в проекте Гаспринского играл роль связника. «Незнание» его «изолирует» мусульман «от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры»⁴. Удельный вес расхождений живых языков тюркских народов при их структурно-типологическом сходстве и общности лексики к рубежу XIX–XX вв. был достаточно высок.

Делая ставку на язык тюрки, Гаспринский отличал политическое единство от единства духовного. Он выделял «литературный язык, который должен привести всех тюрков к единству». Хотя речь шла лишь о духовном «единении, сближении нравственном, на почве равенства, свободы, науки и образования», Гаспринский считал: России «в будущем ... суждено будет сделаться одним из

² НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 56. Л. 15.

³ Хабутдинов А. Лидеры нации. Казань, Татар. кн. изд-во. 2003.

⁴ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения мусульманина / В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. М., Наука. 1994. Ч. 1. С. 258.

значительных мусульманских государств», но сохранить позиции «великой христианской державы»⁵. Большевики усилили имперскую маркировку проекта как «пантюристского» и «панисламистского».

Джадиды имели прочные основы для обучения и на родных языках: широко использовался современный татарский литературный язык. Другие джадиды (ногайцы, кумыки, башкиры, казахи, карачаевцы и балкарцы и др.) имели, пусть и скромные, учебные пособия, начинали вводить и их в учебный процесс. Имевшиеся учебные пособия, написанные на арабском шрифте, использовались при обучении светским дисциплинам. Но произошел отказ от формирования общего литературного языка в пользу языков национальных.

Наиболее известными новометодными медресе стали «Мухаммадия» и «Касимия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге, «Галия» в Уфе, «Расулия» в Троицке. К 1916 году в России насчитывалось более 5000 таких школ. Преподавание велось не на арабском и старотюркском, как прежде, а на татарском и башкирском языках, изучение светских дисциплин было существенно расширено, упорядочен учебный год, осуществлен переход к классно-урочной системе преподавания. Но религиозные дисциплины и нравственная сторона воспитания не отодвигались на второй план. Просветительское движение джадидов соответствовало традициям ислама, не разделяющего науки на религиозные и светские.

Образцом новометодного медресе была оренбургская «Хусаиния». В ней наряду с мусульманскими дисциплинами преподавались татарский, русский, персидский, арабский и немецкий языки; татарская, русская и арабская литература; российская история, философия, этика, законоведение, педагогика, математика, физика, астрономия, естествознание, химия (отсутствовавшая, кстати, в гимназических программах того времени), гигиена и гимнастика, чистописание, черчение, рисование и т. д.

Стремление сообразовать программы обучения с требованиями современной эпохи затронуло и Кавказ. В начале XX века там насчитывалось более семисот медресе, именуемых худжрами. Они существовали на добровольные пожертвования. Одним из первых на Кавказе к реформированию мусульманской школы приступил лакский ученый и мыслитель Али Каяев. В своем медресе он первоначальное обучение вел на родном языке, затем ученики постепенно переходили на арабский. Новаторская деятельность Каяева получила поддержку многих муфти Северного Кавказа. Новометодные учебные заведения способствовали возникновению новой мусульманской элиты, способной органично включиться в общероссийский культурный и цивилизационный процесс⁶.

В XIX в. еврейская община России была самой большой в мире. В черте оседлости традиционное еврейское образование сохранялось до XX в. В первой половине XIX в. абсолютное большинство еврейских детей обучалось в хедерах и талмуд-

⁵ Там же; Усманов М.А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского / Россия и Восток. Казань. Фэн. 1993. С. 3.

⁶ Амирханов Р.У. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: Очерки. Казань: Мастер Лайн, 2001; Коблов Я.Д. Мечты гитар-магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908.

торах. Было основано много высших школ-иешив: наиболее известная из них – Воложинская. Знаменитые иешивы были также в Мире, Тельшах, Вильне. Во второй половине XIX в. основаны иешивы движения мусар, в которых изучение Талмуда сочеталось с изучением нравоучительных книг. Наиболее крупная из иешив – Слободская – была в Ковно. В конце XIX – начале XX в. возникают хасидские иешивы, наиболее знаменитая – любавичская – «Томхей тмимим» (основана в 1897 г.). Попытка ограничить деятельность хедеров и иешив не увенчалась успехом.

В первой половине XIX в. сторонники движения Хаскала в России развернули энергичную деятельность. Основаны современные школы в Одессе, Риге, Вильне и Минске, в них наряду с еврейскими предметами изучали и общие науки. Однако их основание натолкнулось на сопротивление ортодоксальной части еврейства, лишь некоторые еврейские дети в России получали светское образование.

Основанные правительством (с 1847 г.) казенные еврейские училища не были популярны. Распространение светского образования пошло значительно быстрее в результате реформ Александра II. Но в 1887 г. Министерство просвещения распорядилось, чтобы численность евреев в подведомственных ему средних и высших учебных заведениях не превышала 10% от общего числа учащихся в черте оседлости, 5% – вне нее и 3% – в Петербурге и Москве. Некоторые учебные заведения (лицей и военные школы) были вообще закрыты для евреев, в другие надежду на поступление могли иметь только те, кто получил самые высокие оценки; процветали также коррупция и вымогательство. Система процентной нормы ужесточалась.

Были основаны частные еврейские мужские и женские школы. В школах для девочек еврейским предметам уделялось мало внимания, им отводилось обычно два-три часа. Изучали алфавит, молитвы в переводе на русский язык, иногда библейскую историю и основы иудаизма. В школах для мальчиков на изучение еврейских предметов отводилось больше времени. В большинстве частных школ общим предметам отводилось больше времени, чем еврейским. Во многих талмуд-тора введено преподавание общих предметов, но предпочтение отдавали еврейским дисциплинам.

В 1870-е гг. Э. Бен-Иехуда выдвинул идею возрождения языка иврит: национальные идеалы оказывали влияние на систему еврейского образования. В конце XIX – начале XX в. развитие его приводит к делению школ на иврите и на идиш. Активисты выступали за возрождение языка иврит, за изучение древней и новейшей культуры на иврите, за то, чтобы на иврите преподавались все предметы, чтобы он стал не только литературным, но и разговорным языком.

Появились реформированные *хедеры метукканы*. В них большое внимание уделялось изучению иврита и его грамматики. Часто иврит преподавали по системе «иврит посредством иврита», чтобы сделать его разговорным языком; Библию изучали как часть еврейской национальной культуры. Во многих изучали географию Эрец-Исраэль, еврейскую историю и новую литературу на

иврит. Хедеры метукканы помещались в современных помещениях. Появление их вызвало противодействие со стороны ортодоксальных кругов и со стороны ассимиляторов. Хотя только часть детей (главным образом интеллигенции и среднего класса) посещала реформированные хедеры, они оказали значительное влияние на развитие еврейской национальной школы. Поскольку правительство (до 1914 г.) разрешало преподавание общих предметов только на русском языке, а в хедере запрещалось преподавание общих предметов, реформированный хедер не мог стать универсальной еврейской школой.

8 мая Временное правительство постановило изъять из ведения Святейшего Синода с последующей передачей учебному ведомству почти 40 тысяч церковно-приходских школ, имущество их оценивалось в 170 миллионов рублей⁷. 20 июня правительственное постановление «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» предусматривало передачу учебному ведомству всех начальных училищ, в том числе церковных⁸.

Церковно-приходские школы формально были переподчинены Министерству народного просвещения, на деле они сохранили прежнее положение. Решение Временного правительства перевести их из ведения Святейшего Синода в ведение «светского» министерства вызвало в церковных кругах и среди части православных верующих яростное сопротивление. Святейший Синод утверждал: подобный шаг лишал православную церковь «одного из средств религиозно-просветительного влияния на русский народ»⁹.

При всем разнообразии форм культурной работы наиболее острая ситуация складывалась на фронте образования как более востребованном в культурно-сложном обществе. С октября 1917 года самой важной была реформа школы и содержание знаний в ней. В корне изменено управление образованием (руководящие должности школьной администрации занимали члены партии или ее доверенные лица), тип и характер школы, основные принципы обучения и воспитания, главная цель образования. Изменены учительские кадры и обязанности учителя: учитель провозглашался проводником политики правительства и партии. Но многие не восприняли Октябрьской революции и советской власти, отказались продолжать работать в школах.

Подавляющее число школ для нерусских детей до 1917 года было в ведении религиозных структур, не получало государственного финансирования в отличие от школ, находившихся в ведении РПЦ (исключая инородческие, горские школы, частично школы для католиков).

Первым актом, которым большевики взорвали этнокультурное пространство культурно-сложного общества, стало постановление Наркомпроса РСФСР 11 де-

⁷ Лихачев М.Т. Буржуазная реформация управления народным образованием в России в предоктябрьский период (март–октябрь 1917 года) // Советская педагогика. – 1975. – № 7. С. 104.

⁸ Королев Ф.Ф. Февральская революция и народное образование // Советская педагогика. – 1952. – № 2. С. 51.

⁹ Камнев С.А. Церковь и просвещение в России. М., 1930. С. 94

кабря 1917 года о передаче в его ведение дела воспитания и образования из духовного ведомства. Передаче подлежали все церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, низшие, средние, высшие школы, учреждения духовного ведомства с капиталами, движимым и недвижимым имуществом.

20 января 1918 года последовал декрет СНК о свободе совести. Его дополнил декрет СНК от 26 января 1918 года о переходе на григорианский календарь на территории, находившейся под контролем Советской власти. Декрет, вводя «новое летосчисление», ставил задачу формировать единое время в новом пространстве политического комплекса мер, игнорируя не только этнокультурную, конфессиональную, но и цивилизационную (Восток-Запад) специфику культурно-сложного общества. На оккупированных территориях (Прибалтика, Украина и др.) переход состоялся раньше.

Возникали организационные «прорехи», требующие разрешения. Декрет СНК от 5 июня 1918 года потребовал перевести все общеобразовательные и другие учебные заведения, включая профессиональные и церковные, в ведение Наркомпроса. Другим декретом, от 18 июня, общее руководство образованием в стране возлагалось на Государственную комиссию по просвещению, на местах – на отделы народного образования исполкомов Советов.

Декрет СНК от 20 января 1918 года о свободе совести содержал неточность. Объединив термином «церковь» все религиозные организации, декрет делал размытыми указания относительно нехристианских конфессий¹⁰. Декрет не установил и возрастной ценз учащихся, разрешительную норму обучать и обучаться религии частным образом. Допускались взаимоисключающие толкования. Этнорелигиозные аспекты правовых отношений между государством и верующими в сфере образования требовали разъяснений.

Осенью 1918 г. Германское консульство заявило: в немецких школах на территории Советской России постановления Советской власти о преподавании не должны применяться. Консульство ссылалось на разделы Брестского мирного договора о сохранении в немецких школах церковных дисциплин. Госкомиссия по просвещению игнорировала заявление германского правительства¹¹.

По свидетельству корреспондента, «в крупных городских центрах, как Вильна, заметно сказывается ... сильный отпечаток католического клерикализма». Литовский комиссар В. Мицкявичюс-Капсукас заявил: «Если эта лазейка будет оставлена, то все конгрегации будут делать свое дело, и сведут на нет наше общее положение о трудовой школе, которое мы стремимся провести в жизнь. Нет сомнения, что клерикалисты примут все меры к тому, чтобы расстроить наше дело среди национальных меньшинств». Корреспондент рассказывал: «отсрочивается даже опубликование декрета о светской школе, ибо ксендзы усиленно настраи-

¹⁰ Так, Конституция Туркестанской АССР установила принцип отделения церкви от государства, но мусульманам сделаны уступки.

¹¹ Народное образование. 1919. № 6–7. С. 148, 160.

вают население против»¹². Всеукраинский съезд раввинов в мае 1918 года в Одессе проклял советскую власть. «Большевизм калмыки понимали как вандализм, стремящийся все разрушить, уничтожить и сокрушить, в то же время, не созидая ничего», – признавал в 1920 г. председатель КалмЦИКа А. Ч. Чапчаев¹³.

Больше других возмущалась мусульманская элита. 22 ноября 1917 года Милли Меджлис принял в Уфе конституционные «Основы национально-культурной автономии мусульман внутренней России». 16 января 1918 года их опубликовал официальный орган Национального управления журнал «Мухтариат». В апреле 1918 года Мусульманский комиссариат, опираясь на постановления III Всероссийского съезда Советов, инициировал созыв Первого съезда учителей. Съезд не поддержал курс на централизацию национальной школы¹⁴.

Мусульманское мировоззрение оставалось важным компонентом содержания образования тюркских этносов, их идентификации и духовной консолидации, исторически традиционных форм взаимодействия с Российским государством и полиэтническим сообществом Поволжья, Кавказа, Сибири. Мусульмане содержали школу на собственный счет, из них татары выделялись развитыми ресурсами. «Мы, – отмечалось в татарской прессе, – не видим особенной разницы между мужиком русским и мужиком татарским», но «когда разрешается судьба народов, приходится принять в основу не степень развития масс, а их жизнеспособность и приспособляемость к культуре»¹⁵. Не менее раздражены и другие тюркско-исламские сообщества. Проблема кадрового обеспечения школ «повисла» в воздухе. Дипломатический представитель Азербайджана при правительстве Горской республики А. Ахвердов писал: большинство мусульманских учителей – это «либо муллы, либо лица, пользующиеся в стране влиянием»¹⁶.

В ряде обращений в Наркомюст прямо указывалось: декрет усилит конфликтность в отношениях между государством и мусульманами: «Если до сих пор не было никаких внешних проявлений этого недовольства, то это потому, что местные представители советской власти во многих местах издали успокоительные воззвания о неприменимости декрета к мусульманам»¹⁷.

По России катились волны сопротивления декрету. Большинство учителей не поддержало декрет. Съезд в Чистополе заявил: «Учительство протестует против совершенного изгнания Закона Божия ... из стен школы в том случае, если родители пожелают учить своих детей Закону Божию на свои средства». Представитель мусульман С. Салехов говорил: учительство считает изучение основ религии в школе необходимым¹⁸. Преподавание основ ислама продолжалось.

¹² Обзор состояния народного образования в местностях, освобожденных от немецкой оккупации и ближайшей к ней области // Народное просвещение (ежемесячник). 1919. № 9. С. 91.

¹³ Чапчаев А. Выступления, речи, доклады. Сборник документов. Элиста, Калм. кн. изд-во. 1990. С. 11.

¹⁴ Исхаков С. Российские мусульмане и революция 1917–18 гг. М., 2004. С. 505; См.: Постановление Народного комиссариата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (инструкция) от 24 августа 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 30 августа; ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 1. Л. 77; Гусева Ю. Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, Офорт, 2003. С. 279; Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. № 3. С. 44.

¹⁵ Известия ВМВШ (Всерос. мус. воен. Шуро). 1917. 31 декабря.

¹⁶ На полное восстановление Союза горских народов они смотрят скептически. Доклад дипломатического представителя Республики Азербайджан при Горском правительстве. 1919 г. // Исторический архив. 2012. № 4. С. 153.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 696. Л. 29

¹⁸ Протоколы съезда учащихся г. Чистополя и уезда 3–16 марта 1918. Чистополь, 1918. С. 8, 10–27.

Об отношении населения к запрещению религиозных школ, в передовице первого номера издаваемого Еврейским комиссариатом журнала «Культур ун билдунг» («Культура и просвещение») автор пишет: «У нас нет учителей, у нас нет учеников, еврейские массы не отдают своих детей в наши школы»¹⁹. «В Витебске, в большой синагоге города, – сообщала московская газета “Безбожник”, – собралась многотысячная фанатизированная толпа, от имени которой к залу суда явились депутаты с угрозами и требованием пустить в зал. При выходе из помещения, где проходил суд, тт. Абрам (зав. отделом) и Храповский (зав. губнаробразом) подверглись нападению фанатиков»²⁰. Ряд иешив Житомира, Киева, Бердичева нелегально со своими главами и учениками ушли в Польшу продолжать обучение. Покинули Россию крупнейший раввинский авторитет И.М. Каган (Хафец Хаим) и глава иешивы Слуцка И.З. Зельцер, несколько учеников его погибли при переходе границы. Раввины городов и местечек в России продолжали деятельность под угрозой ареста; лишь единицы отказывались публично от раввинской должности и снимали с себя «позорное звание раввина».

Организовывались массовые крестные ходы и богослужения на площадях, в общественных местах, представители органов власти избивались.

Москва сохранила Духовное Управление «с условием невмешательства в политические дела». Но 25 апреля 1918 г. муфтий Г. Баруди и казыи в воззвании от имени Диния Назараты усилили этнокультурный пафос конфликта. Г. Баруди изложил взгляд Миллет Меджлиса на «декреты, касающиеся дел религии и нации»: «издавать законы на этот предмет – только право Национального Собрания, и потому национально-религиозные дела этой нации должны выводиться, освободиться из области издания и исполнения законов государственных, областных, земских и всевозможных городских учреждений»²¹.

Что касается Национального управления, то оно, «хотя в течение малого времени, начало религиозные и национальные дела великолепно проводить в жизнь, отвечающую интересам нации»²².

Напоминалось: на I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. в резолюции З. Кадыри по культурно-просветительным делам предусмотрено: «заведование просветительными и культурными делами должно быть в руках отдельных наций, осуществляющих это свое право через особые выборные органы каждой нации», сформулирована и программа создания общенациональной системы просвещения.

Большевики не скрывали раздражение: «Вся инородческая демократия ... не понимает общего международного характера российской революции». Они воспринимали этнокультурные проблемы как «личные капризы и узкие интересы», «они пользуются ею [революцией – Т.К.] в своих корыстных интересах»²³.

¹⁹ Sh. G. [Genrikh Sh.]. Undzershul-arbet // Kulturubildung. 1918. № 1. 19 oygust. Z. 3.

²⁰ Зильбер И. Я принадлежу моему другу. Иерусалим. 2004.

²¹ Цит. по: Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: ООО «Офорт», 2013 – С. 382–383.

²² От Духовной секции // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 690. Л. 89.

²³ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 5. Л. 79.

Давление усиливалось. Съезд уездных комиссаров и советов народного образования Казанской губернии в середине мая 1918 г. постановил: «Управление делом народного образования в части финансовой должно быть общим для всех национальностей». Но уточнил: «для управления и руководства учебно-воспитательной стороной в школах образуются советы по народному образованию, распадающиеся на национальные фракции, совершенно самостоятельные в вопросе национального образования»²⁴.

Контроль соблюдения норм, очерченных декретом, СНК РСФСР поручил «особому» (VIII) отделу Наркомюста РСФСР. Он стал правовой инстанцией, регламентируя взаимоотношения власти не только с мусульманской школой.

24 августа 1918 г. Наркомюст издал инструкцию «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви». Разъяснялось: под термином «церковь» следует понимать «исповедания: иудейское, магометанское, буддийское, ламаистское». Четче формулировалась запретительная норма: «преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений ни в коем случае не может быть допущено в государственных, общественных и частных учебных заведениях, за исключением специальных богословских» (п. 33). «Здания духовных учебных заведений всех вероисповеданий» переходили к местным Советам или Наркомпросу. Ни государственные, ни иные публично-правовые общественные органы не имели права выплачивать преподавателям религии зарплату с января 1918 года²⁵.

Учитывая многочисленные конфликты, пресекались репрессии мулл, раввинов за обучение догматам веры в мечетях и синагогах, на дому граждан по их просьбе. Запрещалось закрытие богословских школ, содержавшихся на счет добровольных пожертвований частных лиц.

Мектебе и медресе, хедеры и иешивы не перешли в юрисдикцию Наркомпроса, они оставались, как и до 1917 года, автономными от государственных структур власти, от содержания образования, транслируемого ими.

§ 2. Родной язык – ключевой игрок в школьной реформе?

Задачи модернизации усложнялись. Конечно, в атмосфере социального неравенства этносы переживали вызовы времени по-разному. Поддержка родных языков осложнялась не только проблемой управления их использованием.

Уровень развития языков – основного средства обучения – усиливал «нервность» проблемы и ее особую болезненность. Прежние опасения насильственной христианизации сменялись опасением русификации. Большевики в лозунгах и декларациях поднимали родной язык масс до респектабельного

²⁴ НА РТ. Ф. Р-271. Оп. . Д. 1 а. Л. 19–29. Цит. по: Латыпова Г. Организация советских органов управления народным образованием в Казанской губернии (1917–1918 гг.) // Эхо веков. 2015. № 1/2.

²⁵ Известия ВЦИК. 1918. 30 августа. № 186.

уровня, выдвигали на первый план право каждого этноса использовать исторический шанс, отвечая на вызовы времени, использовать его ресурс.

Поддержав большевиков, национальные просвещенцы не порывали с тюркистскими, сионистскими, панмонголистскими идеями, окрашивая ими образовательные ресурсы. Большая их часть – выходцы из среды джаидов. Они продвигали «прогрессивные социальные» преобразования в рамках мусульманских проектов развития образования, пытаясь сохранить их *организационную* автономию. На I съезде еврейских общин 30 июня – 4 июля 1918 года в Москве из 40 представителей Центрального бюро еврейских общин 16 были сионистами.

В каждом сообществе существовала специфика борьбы за родной язык. Мусульманские активисты намеревались конструировать тюрко-мусульманскую нацию на основе языка тюрки. Бурятские «обновленцы» усилили внимание к монгольскому языку и монгольскому культурному ареалу. Битва за иврит или идиш отразилась на отношении к мобилизационным технологиям. *На языке иврит развивалась* модернистская еврейская литература. Большевики имели дело с плохо образованным, «иностраным» населением, с мрачным крестьянским утопизмом, навязывая ему интернационализм для творения общероссийской политической нации. Те, кто переходил на их сторону, плохо понимали, и не могли квалифицированно представить культурные практики, их сходство с аналогичными, но не в большевистской аранжировке. Одним из направлений атаки новой идеологии на этнокультурные ресурсы был язык.

Столыпинских ошибок в подходе к обучению на родных языках большевики старались избежать. Конституция 1918 года предоставляла «рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование», но вопрос о языке обучения остался открытым, гарантировались только равные права народов на получение образования. Летом 1918 г. сотруднику Латышского комиссариата А.Ю. Вейцгалю культурно-просветительная комиссия Наркомнаца поручила сформулировать к I Всероссийскому съезду по просвещению (август 1918 года) позицию наркомата. Выработать ее, однако, не удалось. Текст, подготовленный Вейцгалем, отразил разное понимание того, что есть национальная школа. Это всего лишь школа на родном языке обучения или это народообразующий механизм? Натиск Наркомпроса возмущал и русское учительство. Летом 1918 г. Общество учителей-историков опубликовало «Обращение», в котором подчеркивалась роль школы в «творении нации»: «*В школе творится нация, через школу протекает и ее распад*»²⁶.

Один из основателей «Габимы» Н.А. Цемах напомнил нервную реакцию Луначарского, защищавшего творения русской культуры: «у него сердце замерло, и душа сочилась кровью, когда стены Кремля были разрушены в боевой схватке двух эпох»²⁷.

В 1920 г. Еврейский комиссариат и Еврейский отдел Наркомпроса образо-

²⁶ В обществе учителей истории // Петроградский учитель. 1918. № 17/18. 20 июля. С. 8.

²⁷ Цит. по: Иванов В.В. Русские сезоны театра Габима. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1999. С. 222.

вали московскую филологическую комиссию (по вопросам языка идиш) во главе с А. Зарецким. В июне 1921 г. в Харькове при Наркомпросе Украины создана филологическая комиссия под руководством А. Зарецкого, активного участника орфографической реформы идиш. В 1921 г. создана секция языка идиш на кафедре лингвистических исследований Харьковского университета.

Усиливается внимание к ресурсам модернизации за пределами страны. Бурятские «обновленцы» обратили взоры к панмонголизму – идее консолидации народов Центральной Азии. Часть бурятской элиты делала ставку на аккумуляцию языковых ресурсов в целях предотвращения угрозы размывания и сохранения культурного пространства буддизма.

28–29 сентября 1918 г., накануне утверждения Положения и Декларации о единой трудовой школе ВЦИК²⁸, Госкомиссия, Наркомнац и Наркомюст согласовали этнокультурные аспекты системы с ними, как с документами, получившими статус «конституционных» для реформы школы. Факт согласования тремя центральными ведомствами и представителями от Конституционной комиссии свидетельствует о трудностях нахождения общего курса. На VIII заседании Государственной комиссии по просвещению 29 сентября 1918 г. председательствующий замнаркома просвещения Покровский признал: «в силу принципа самоопределения национальностей... мы не можем никакой национальности запретить устраивать школы с преподаванием на ее собственном языке». В концепции большевистского «сотрудничества по осуществлению социалистического идеала» появилась формулировка о праве получать образование на родном языке не только в общеобразовательной государственной, но даже в высшей школе. Формулировка включала обучение на «материнском языке» и учет «бытовых особенностей» народов²⁹. Вопрос «на каком языке вести обучение?» уточнен не только с институциональной, но и с содержательной (собственно учительной) стороны.

В образовательном пространстве «конституционно» укреплялся родной язык. Родителям предоставлено право выбора языка обучения. Власть гарантировала открытие школ при наличии 25 детей. Обязательным языком в школе становился язык большинства населения конкретной местности. Понятно, что им оставался русский язык в силу ресурсных возможностей. Но снят болезненно воспринимаемый принудительный характер его освоения. Оставались другие языки, претендующие то на роль *lingua franca* (тюрки), то на свои ресурсы в освоении модерна старыми языками (иврит).

Особые сложности поджидали преподавание на иврите, которое, по мнению Покровского, «есть то же самое, что преподавание на церковнославянском языке в русской школе», придающее ему «клерикальную окраску». Покровский огласил решение коллегии Наркомпроса: «Материнским языком должен считаться тот, на котором дети говорят дома, а так как на древнееврейском не говорит

²⁸ Известия ВЦИК. 1918. 16 октября.

²⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 2. Л. 7.

никто, ... то в виду этого преподавание должно вестись только на жаргоне, так называемом “идиш”, а древнееврейский язык может быть только предметом изучения, преподавание же на нем вестись не может»³⁰. Наркомпрос поддержал сторонников идиша. 20 октября 1918 г. на конференции представителей еврейских комиссариатов и евсекций С.Г. Томсинский заявил: «Древнееврейский язык как совершенно чуждый ребенку должен быть исключен как предмет преподавания, и преподавание должно вестись на разговорном еврейском языке»³¹.

С ивритом борьба на образовательном поле велась с наибольшей энергичностью. Идишисты получили государственную поддержку Наркомпроса. 8 июля 1919 г. в управление делами Наркомпроса направлено письмо председателя Центрального бюро евсекций и главы Еврейского комиссариата Диманштейна. Он требовал исключить иврит из образовательных программ и закрыть школы общества «Тарбут». Автор обосновывал требования решениями местных евсекций РКП(б). Защищают иврит, по мнению Диманштейна, только «клерикалы, еврейские буржуазные элементы в лице сионистской партии»³².

Коллегия Наркомпроса 11 июля 1919 г. заслушала доклад «О преподавании в еврейских школах на языке “иврит”» замнаркома Покровского. Принятое постановление гласило: «а) признать, что язык “иврит” не является разговорным языком еврейской народной массы, почему не может быть отнесен к языку национальных меньшинств и в педагогическом отношении должен находиться в таком же положении, как вообще иностранный язык ...; б) признать, что преподавание на языке “иврит” в школах I ступени должно быть немедленно прекращено, с тем, чтобы к началу будущего учебного года соответствующие школьные советы заявили, на каком из языков, признанных в РСФСР разговорным народной массы, желают они вести преподавание; в) тем учащимся школ II ступени, которые начали обучаться на языке “иврит”, предоставить закончить свое образование на этом языке с тем, что обучение вновь поступающих в школы II ступени вести на языке “идиш” или на одном из языков, признанных в РСФСР разговорным народной массы; г) все меры реквизиции, конфискации, насильственного закрытия школ и т. д., кем-либо принятые по отношению к школам на языке “иврит”, отменить»³³.

Лидер московской общины, один из организаторов Общества любителей еврейского языка и общества «Тарбут» Яков Мазе обратился к Луначарскому. 4 августа 1919 года он указывал: иврит – не только язык богослужения и теологии. Он – проводник светской еврейской культуры. По всем областям современных знаний имелась значительная литература на иврите, она печаталась во многих странах. Нарком просвещения уклонился: «Я не знаю, кто будет сомневаться в ценности иврита, исключая еврейских коммунистов. Но они ... наши союзники и едва ли мы можем не доверять им, когда они говорят, что иврит язык буржуазии, а не народа ... Это не такая большая трагедия, если еврейский народ останется без особого языка»³⁴.

³⁰ Народное просвещение, 1919, № 6–7. С. 150.

³¹ Жизнь национальностей. 1918. 17 ноября. № 2.

³² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 291. Л. 44–44 об.

³³ РГАСПИ. Ф. 445 (Центр еврейских коммунистических секций при ЦК ВКП(б) (1918–1930)). Оп. 1. Д. 28. Л. 87.

³⁴ Gitelman Z.Y. Jewish Nationality and Soviet Politics. – New Jersey. 1972. P. 280.

Диманштейн с раздражением докладывал ЦК РКП(б): «По настоянию московского раввина Мазе ... было пересмотрено постановление о преподавании в еврейских школах на разговорном языке “идиш”, а не на мертво-еврейском “иврит” и под давлением клерикала Мазе было принято постановление, дающее возможность толкования, *проводить в жизнь школьную политику, в корне расходящуюся с нашими взглядами*»³⁵.

Участники Всероссийского совещания национальных меньшинств 23 августа 1919 г. направили во ВЦИК резолюцию, требуя лишить иврит даже прав иностранного языка, допущенного к преподаванию в единой трудовой школе³⁶.

Коллегия Наркомпроса 9 сентября 1919 г. предписала своим местным отделам реформировать школы общества «Тарбут» с преподаванием на иврите³⁷. 10 сентября 1919 г. ЦБ евсекций считало вопрос «политически важным поставить ... на решение Политбюро ЦК РКП»³⁸. Вынесение вопроса на высший партийный уровень свидетельствовало о важности победить иврит культурными практиками большевизма.

«Победа» идиш обозначила стратегию модернизации обучения еврейских детей. Идишизм выступил как национальная идеология. Ему придано социокультурное измерение. Концепция основывалась на возможности модернизации еврейства в диаспоре на базе национальной автономии, создавая «современную еврейскую культуру» на разговорном языке восточноевропейских ашкенази. «Культур-лигизм» рассматривал идиш как средство коммуникации и целостный культурный феномен, результат непрерывного коллективного исторического творчества народа. В российском варианте «культур-лигизма» центральное место заняла идея новой национальной культуры, носящей светский характер, с опорой на народный язык. Считалось, что секулярный характер придаст ей динамичность, устремленность в будущее, демократизм ее обеспечит связь с социальными идеалами. Такой механизм предполагал культурный синтез старого и нового, национального и универсального, творческое превращение разных элементов в органический сплав. Считалось: устранился дихотомия «национального» и «общечеловеческого», еврейский народ полноправно войдет во «всемирную семью народов», не утратив национального характера³⁹.

Началась ликвидация учебных заведений общества «Тарбут». Документы из местных архивов, однако, свидетельствуют о неподчинении решениям. Пензенское губчека 13 мая 1920 года докладывало: «Курсы древнееврейского языка организовались в последних числах ноября 1919 [года] при деятельном участии местного раввина Форрера и буржуазных слоев еврейского населения в знак протеста против изъятия из школ библии и древнееврейского языка согласно декрету Наркомпроса. Занятия на курсах разбили на две группы: для взрослых и детей,

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 22. Л. 47.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 28. Л. 93–93 об.

³⁷ Там же. Л. 201 об–202.

³⁸ Там же. Д. 2. Л. 193.

³⁹ КЕЭ. Т. доп. 3. Кол. 245–251.

где за плату, состоящую из добровольного сбора среди учеников, местное еврейское учительство (в большинстве своем сионисты) преподают библию в ортодоксальной обложке и древнееврейский язык. Среди учеников большинство дети до 12 лет ... Занятия на курсах ведутся целый день в три смены, в то время как все остальные школы в городе закрыты ввиду тифозной эпидемии». Возмущаясь подобным положением дела, указывалось: «Стесняясь узкими рамками почти подпольной работы ... видные сионисты во главе с местным раввином организуют клуб любителей древнееврейского языка (древнеевр[ейской] истории и литературы), который официально регистрируется в отделе народного образования и пользуется субсидией последнего как “просветительская организация”. Для проведения своих целей в жизнь сионисты устраивают при клубе детскую школу, где воспитание детей протекает в национальном, антисоветском духе. Партией “Бунд” было на это обращено внимание инструктора по еврейским школам, который разъяснил городскому отделу народного образования деятельность клуба и поднял вопрос о закрытии клуба, что было решено в положительном смысле, но, благодаря ходатайству сионистов, губ[ернский] отдел наробраз[а] отменил постановление городского отдела, чем дал возможность клубу существовать и продолжать свою деятельность»⁴⁰.

Сходным образом развивались события вокруг иврита в Туркестане. Москва была вынуждена считаться с настроениями местного населения больше, чем в России и Украине. Летом 1919 года члены местной евсекции выступили против иврита в еврейских школах и предъявили требования, чтобы дети учились на идиш, или, в крайнем случае, на таджикском языке. Под их давлением Туркестанский Наркомпрос издал летом 1919 года декрет о введении таджикского языка в еврейские школы. 27 июня 1919 года всеобщее собрание «еврейского местного объединения союза рабочих-профессионалов» выступило с протестом и потребовало, чтобы преподавание в еврейских школах велось на иврите. Такой же протест приняло 11 августа общее собрание учителей «еврейской слободки». Против выступила «секция местных евреев» при компросе. Турккомпрос предложил «закрыть секцию местных евреев», она «фактически возглавляется еврейской буржуазией, которая прикрывается именем секции и проводит действия, против которых мы боремся и боролись».

14 сентября 1919 года на объединенном собрании представители местного еврейского рабочего профобъединения и IV отделения РКП(б) Туркестана требовали немедленно ввести в еврейских школах иврит. Согласно протоколу собрания, где присутствовало 323 человека, принято решение учесть протест против навязывания пролетарской еврейской массе языка фарси и ввести преподавание иврита. В противном случае ни один ученик не будет послан в школу. В решении подчеркивалось: «никакие методы принуждения не изменят стремление воспитать наших детей на языке иврит»⁴¹.

⁴⁰ См. доклад Пензенского губЧК о деятельности сионистов: опубл. Д. Кузнецовым. Еврейские политические партии в Пензе (1917–1922) // Заметки по еврейской истории. 2017. № 7.

⁴¹ Еврейский вопрос: поиски ответа (документы 1919–1926 годов). Винница, Глобус-пресс. 2003.

Борьбу на языковом «фронте» вели и сторонники арабского языка, турки и пр., отстаивая традиционные практики обучения как немалых школьных ресурсов, возвращенных в сложных имперских обстоятельствах.

В Туркестанской АССР декретом № 32 центральное правительство автономии 2 августа 1919 года в силу того, что преобладающая часть коренного населения изъясняется на тюркском языке, признала его государственным наравне с русским «языком законодательства и официальных сношений»⁴².

Первые учебники на татарском языке основывались на арабских методиках. Или же синтезировали подходы русских и арабских образовательных практик, заимствуя достижения европейских, в частности, латинских и греческих. В свою очередь татарские грамматики служили моделью для грамматик других тюркских языков. К началу XX в. сохранилось немало «новометодных» учебников и арабского языка, и на языке турки, и на языках тюркской группы. Татарский языковед, педагог А. Х. Максуди написал свыше 30 учебников⁴³. Написанные им учебники арабского языка с подробными объяснениями, с фонетическим курсом, вводимым на основе языка учащихся звуковым методом, шли на «шаг вперед по сравнению с остальными учебниками». Букварь Максуди «Могаллим эувэл» (издан в 1892 г.), переиздан 31 раз, общий тираж его составил 1 млн 200 тыс. экземпляров. Букварь помогал учащимся освоить технику быстрого чтения и письма на татарском языке на основе арабской графики⁴⁴. Учебники свидетельствовали о сложно-динамичном переходе обучения с традиционного арабского и турки (как *lingua franca* коммуникации мусульман) на родные языки⁴⁵.

Россия была на перекрестье важнейшего выбора: стать ли современным культурно-сложным сообществом, или остаться временным вместилищем будущих национальных государств? С выбором она справлялась откровенно плохо. Если допустить, что культурно-сложное общество – аналитический конструкт, «воображаемый» конгломерат для применения разнообразных политических стратегий, для организации и контроля способов модернизации, то главное внимание неминуемо концентрируется на главном агенте модернизации – государстве. Оно становится ключевым политическим и интеллектуальным игроком. Представления о том, как должны функционировать знания в культурно сложном гетерогенном пространстве становятся определяющими. Права и обязанности госструктур, их ответственность за применение и использование должны были быть выработаны. Борьба за них только начиналась, и ее развитие связано с конкретными политическими действиями в сфере образования.

⁴² Красное знамя труда. 1919. 21 декабря.

⁴³ Сафиуллина Р.Р. Арабская лингвистическая традиция и ее отражение в истории татарского языкознания / Культурные традиции в Евразии. Из серии Восток-Запад: Диалог культур. Вып. 4. Казань: Фэн, 2003.

⁴⁴ Тазиева Л.К. Лексика букварей Ахметхади Максуди / Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика / Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: в 2 т. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2001. Т. 2. С. 88–89; Шарафутдинов З.Т., Ханбиков Я.И. История педагогики Татарстана. Казань, КГПУ.1998. С. 166.

⁴⁵ Сафиуллина Р.Р. Арабская лингвистическая традиция. С. 222.

§ 3. Новому режиму нужны кадры из «националов»

В специфических условиях трудно отделить последовательность решения организационных проблем от решения проблем содержательно-педагогических. Этой проблеме отведено внимание в нашей работе⁴⁶. Содержание образования было важным аспектом реформы в целях формирования соответствующего мировоззрения культурно-сложного общества. Коренному изменению и последующему контролю подлежали как идеологическая интерпретация знаний, этот опыт известен, так и сами знания. Для этого понадобилось установить контроль над высшей школой. Университеты концентрировались в столицах и крупных городах и были доступнее большевистским атакам.

Возглавил реформу содержания университетских знаний и контролировал контроль над ними и внедрение коммунистических установок М. Покровский. Стратегия его сводилась к одновременному контролю содержания школьных знаний, и тех, кто эти знания продуцирует в систему общего образования из высшей школы и из научных структур.

Профессура, не симпатизировавшая большевикам, могла заразить умы будущих активистов чуждыми идеями. Это вызывало сильное беспокойство нового руководства. К гуманитарным знаниям было особое внимание. Гуманитарные факультеты университетов до революции в России считались лучшими центрами их распространения⁴⁷. Покровский инициировал ряд правительственных мер по контролю над содержанием дисциплин гуманитарного цикла. Историк С. Пионтковский, чей дневник опубликовал А. Литвин и подробно разобрал О. Будницкий, писал о Покровском, которого знал с 1920 г.: «... это был самодур и рабовладелец. Он не уважал людей и страшно ценил то политическое положение, которое имел. За него держался зубами, в кровь грызся за увеличение и укрепление своего положения»⁴⁸. Академик Ю. Готье подтвердил: Покровский – «истинно позорное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков»⁴⁹. «Историк М.Н. Покровский, – писал профессор П. Миллюков – злобная, завистливая личность, уже в студенческие годы проявлявшая эти качества по отношению к своим более удачливым товарищам ...»⁵⁰

12 февраля 1918 г. Наркомпрос РСФСР упразднил юридические факультеты «ввиду совершенной устарелости учебных планов ... полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии»⁵¹. Кафедры политической экономики, статистики, финансового права, международного права, русского госу-

⁴⁶ Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920. М.: ИРИ РАН, 2002.

⁴⁷ Топычанов А.В. Политические науки в России в эпоху Университетского устава 1863 г.: проблемы институализации // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2014. № 4. S. 141–158.

⁴⁸ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.А. Литвина. Казань, 2009. С. 3–63; Будницкий О. «Все историки наши жулики» // *Ab Imperio*, 2014. № 3. С. 454.

⁴⁹ Готье Ю.В. Мои заметки // *Вопросы истории*. 1991. № 9–10. С. 169.

⁵⁰ Миллюков П.Н. Два русских историка // *Современные записки*. 1933. № 51. С. 312.

⁵¹ Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2 (с 7.11.1918 по 7.11.1919). С. 15–16; ЦМАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 226.

дарственного права до организации факультета общественных наук (ФОН) отнесены к историко-филологическому факультету. 2 августа 1918 года декретом СНК РСФСР отменены требования к образовательной подготовке абитуриентов: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». Прием студентов на предстоящий 1918/19 учебный год на основании аттестатов или конкурсных экзаменов, объявлен недействительным.

1 октября 1918 года отменены ученые степени, через месяц отменялись дипломы и свидетельства, экзамены, сессии государственных и курсовых испытаний. В 1918–1919 годы обструкции подверглась большая часть «старых» профессоров права, философии, истории, филологии, социологии. Новая власть репрессировала непокорных. Экстраординарный профессор-филолог Казанского университета Е.Ф. Будде в январе 1918 г. негодовал: «Серьезно говорить о каких-либо русских государственных учреждениях ... даже не приходится». В сентябре 1918 г. при оставлении белыми Казани из 81 профессора и приват-доцента университета в городе осталось 42, остальные его покинули⁵².

Профессорские профессиональные и личные трагедии в меньшей степени затронули нерусские этнические элиты. За малым исключением они не работали в общероссийских вузах, но политические, социальные и культурные факторы создали условия для диалога между петербургскими востоковедами и славяноведами и интеллектуалами из меньшинств восточных и южных окраин Российской империи, интеллектуалов из украинских, белорусских, польских обществ. В контактах намечались проекты интеграции меньшинств в общероссийскую культурную среду.

В январе 1918 года Луначарский запросил Академию наук, «что может она дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства, которую считает необходимой произвести новое правительство». 24 января 1918 г. Академия наук приняла постановление: «Значительная часть задач ставится самой жизнью, и Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства»⁵³.

Научный отдел Госкомиссии по просвещению, затем отдел реформы высшей школы Наркомпроса (затем – Главнаука), их курировал Покровский, стали первыми государственными учреждениями, призванными руководить научной деятельностью.

На национальных окраинах функции контроля взял на себя Наркомнац. Положение о нем предусматривало организацию «специальных ученых обществ и учебных заведений для изучения жизни национальностей и подготовки кадров

⁵² Лацис М. Интеллигенция и Советская власть: казанская профессура во время власти «учределовки» // Известия ВЦИК. 1919. 1 марта. № 47; Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. 1804–1930. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1930. Т. 2. С. 300–301.

⁵³ Лапко А.Ф., Люстерник Л. Ленин, наука и просвещение. УМН, 1970.

политических работников нерусской национальности». Национальные комиссариаты разрозненно издавали продукцию: отсутствовала централизация издательской деятельности, четкое понимание ее связи с изучением жизни этносов⁵⁴. В первую очередь переводили и издавали советские декреты, литературу социалистической направленности, брошюры о советской власти, об известных личностях и видных политических деятелях. Польский комиссариат в декабре 1918 года отчитался изданием 706 000 брошюр пропагандистского содержания. Не меньшим был тираж брошюр Мусульманского комиссариата.

Реорганизованы образовательные и научные учреждения, в которых ранее преподавали востоковедческие и другие дисциплины. Для реализации школьной реформы в культурно-сложном обществе нужны были специалисты по современным проблемам экономики, политики, культуры стран Востока, практические работники. Не случайно Наркомнац обратил внимание на Лазаревский институт восточных языков. Он готовил специалистов по странам современного Востока широкого профиля.

В Казани создана местная научная коллегия. Она состояла из отделов по составлению программ и учебников для школы, по организации народного университета, музея и библиотек, отделов литературы, языка и др. Отдел литературы, языка и истории состоял из подразделов по составлению словаря татарского языка и энциклопедии, по разработке орфографии и письма, по собиранию памятников литературы тюрко-татар⁵⁵.

Академик Н.Я. Марр предложил «использовать ученые силы факультета восточных языков» Петроградского университета. Большая часть петроградских востоковедов (Н.Я. Марр, А.З. Мсерианц, И.А. Орбели, А.Н. Самойлович, А.Э. Шмидт) приезжала читать курсы лекций в Лазаревский институт. Учебная программа курсов оставалась, однако, программой классического востоковедения с изучением археологии, этнологии, литературы, искусства, мертвых языков. В конце 1918 – начале 1919 гг. содержанию образования в Лазаревском институте придан более узкий профиль. В Наркомнаце учили тесную связь института с историей армянской культуры и образования в России. С июня 1918 г. комиссаром Лазаревского института назначен П.М. Макинцян, заведовавший отделом просвещения национальных меньшинств Наркомпроса. 4 марта 1919 г. Лазаревский институт преобразован в Армянский институт. Мотивы его переименования видны и из отношения от 26 мая 1920 г. комиссара Армянского института заместителю комиссара по делам армян в Наркомнаце: «по политическим мотивам ... сделано это очевидно с той целью, дабы народные массы знали, что рабоче-крестьянское правительство проводит решительно и последовательно защиту культурных нужд малых народностей». В условиях Гражданской войны

⁵⁴ Московских Е.В. Издательская деятельность наркомата по делам национальностей в 1918 г. / <https://readtiger.com/www.oboznik.ru/?p=51152>.

⁵⁵ Тутаев М.З. Октябрь и просвещение: Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. Казань, 1970. С. 405.

удалось поддержать деятельность лишь армянской трудовой школы первой ступени. В сентябре 1920 г. Армянский институт не работал, «нет слушателей. Зимой число слушателей колебалось от 5 до 12 человек»⁵⁶.

Открывшийся в Казани в 1917 году Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ) изучал местные этносы, турецко-татарские и финские древности, мусульманское искусство, географию Поволжья, историю просвещения народностей Поволжья и Приуралья, казанско-татарского наречия, марийского языка. В 1920 году он преобразован в Восточную академию, вошедшую позднее в состав Восточного пединститута. Историк С.А. Пионтковский отметил в дневнике: «Как бы ни далеко была Татреспублика от всех государств ... здесь причудливо сплетаются влияния и нити Востока и Запада и поволжская культура чувашей и черемисов сплетается с культурой татар ... Связываясь с обслуживанием татарской культуры, историки невольно ... из узких рамок местной истории выходят на простор широкого обобществления истории Востока и смены восточной культуры вообще»⁵⁷.

Подобные структуры открывались в других автономиях, демонстрируя стремление углубляться в этнические истории, языки, традиции культурно-сложного общества. Бурят-Монгольский ученый комитет (Буручком) при Бурмонсовкуде с 1922 года объединял научные и культурные силы бурят-монголов, «научно-теоретические работы в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительных задач бурят-монгольского народа». Накапливался фактический материал для планомерного изучения истории, культуры, быта бурят, проблем развития языка, образования в регионе. Осуществлялись переводы на родные языки учебной и общественно-политической литературы, издания учебников и учебных пособий, велась терминологическая работа, сбор материала по фольклору и языку.

В ряде республик подобные структуры заменяли университеты. Научные сообщества из местных элит включались в новые политические образовательные проекты. Но конструирование национальных историй – ключевая для местных элит исследовательская задача, отодвигалась на второй план⁵⁸. Возникали конфликты, общие планы вырабатывались в непростой ситуации. Постановлением СНК ТАССР от 15 декабря 1920 года СВАИЭИ в 1921 году ликвидирован.

Накал популизма нарастал, его подкреплял «единый, марксистский метод, внедряющий идею неразрывной связи между теорией и практикой...»

С введением нэпа усилилось наступление на содержание гуманитарных учебных курсов. В марте 1921 года появилось два декрета: первым вместо упраздненных историко-филологических факультетов создавались ФОНЫ – факультеты общественных наук. Второй декрет жестко ограничил новое содержание гуманитарных знаний: установлен «общий научный минимум, обяза-

⁵⁶ https://mgimo.ru/upload/2015/10/lazarevsky-institut_g3.pdf.

⁵⁷ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.А. Литвина. Казань: Казан, гос. ун-т, 2009. С. 244, 262–263.

⁵⁸ Бречкевич М.В. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Изв. Северо-Восточного археол. и этногр. ин-та в г. Казани. Казань, 1920а. Т. I. С. 1.

тельный для преподавания в высших школах РСФСР по общественным наукам; 1) развитие общественных форм (1 триместр по 4 часа); 2) исторический материализм (1 триместр по 2 часа); 3) пролетарская революция (исторические предпосылки переворота, включая империализм, его формы и историю в связи с историей 19–20 века вообще и рабочего движения в частности (3 триместра по 2 часа); 4) политический строй РСФСР (1 триместр по 2 часа)»⁵⁹.

В составе ФОН МГУ сформированы семь отделений: общественно-педагогическое, правовое, экономическое, внешних сношений, статистическое, литературно-художественное и этнолого-лингвистическое, осенью 1922 г. добавлено еще и археологическое отделение⁶⁰. 17 августа 1922 г. факультет стал подчиняться непосредственно Главпрофобру, а не правлению университета. Декан ФОН и его помощник назначались Главпрофобром; декан имел право представлять кандидатов на должность профессоров в ГУС и на должность преподавателей на утверждение Главпрофобра. В правлениях университетов по всем вопросам, касающимся ФОН, декан имел право решающего голоса. В бюджетном отношении ФОН находился в особом положении. Отпуская кредиты вузам, Главпрофобр выделял суммы, предназначенные для ФОН⁶¹.

На огромном пространстве ФОНы начали ревизию истории, перемену целых ландшафтов исторической памяти конкретных сообществ, создавая условия для «творения интернационалистической культуры».

Этнические элиты с недоумением восприняли натиск и претензии Наркомпроса на монопольное право формировать содержание образования. Их реакция отражала аргументы воздействия на курс советских декретов. Но в центре к их опыту и этнокультурным ресурсам относились как к «буржуазному» инакомыслию, «классовой борьбе» с ценностями марксистской идеологии. 14 ноября 1921 года нарком просвещения Украинской республики Г. Гринько заявил ВУАН: «Советская власть ни в коем случае не смотрит на нее только как на очаг так называемой “чистой науки”»⁶². Более того, начались «игры» с советской властью М. Грушевского, Д. Багалея, А. Крымского и др. Молодой историк О. Гермайзе даже благодарил власти за «огосударствление украинской науки или государственную заботу о ней». Ответом на заботу должна стать «осознанная потребность» ученых «служить» революционному пролетариату и крестьянству⁶³.

Советская власть начала превращать научные структуры в часть государственной машины, проводников ее политики и нового идеологического содержания. Огосударствление научных структур шло более быстрыми темпами, чем их боль-

⁵⁹ Известия ВЦИК. 1921. 12 марта. № 55.

⁶⁰ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 7. Л. 36–36 об.

⁶¹ Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. С. 30–31; Сафразьян Н.Л. Из истории Московского университета в первые годы восстановительного периода (1921–1922 годы) // Из истории Московского университета. 1917–1941. М., 1955. С. 110; Лагно А.Р. Факультет общественных наук Московского университета как школа подготовки специалистов для советского государственного аппарата // Ученые труды факультета государственного управления. Т. 7. Книжный дом Университет. М., 2009. С. 297–311.

⁶² Історія Академії наук України. 1918–1923. Документи і матеріали. Київ, 1993. С. 290.

⁶³ Гермайзе О. Десятиліття Жовтневої революції і українська наука // Україна. 1927. № 6. С. IV, VII.

шевизация с одновременным усилением административно-политических начал в управлении университетами. Строились «замечательные» теории на базе «пролетарских» критериев истины, создавался новояз науки. Во имя повышения образовательного уровня культурно-сложного общества трагикомическая игра научного сообщества с советской властью губила научные дисциплины, весьма сильные. Прежнего веса советов факультетов уже не было, как не было и самих советов. Роль профессоров свело до минимума Положение о высших учебных заведениях (1921). Учебные дела перешли в ведение предметных комиссий. Сохранившиеся протоколы комиссий говорят об активном участии студенческих фракций в избрании преподавателей, отклонении по политическим мотивам предложенных кандидатур с формулировкой «далек от нового студенчества»⁶⁴.

Специфика использования советизируемых научных структур важна для понимания общественно-политического и идеологического контекста реформы образования. Она отражалась и на специализации учебных заведений. Подготовка специалистов для народного образования выделялась в первоочередную и особо важную, отдавалась местным, позднее автономным управленческим структурам⁶⁵.

В 1921 году после принятия X съездом РПК(б) программы модернизации национальных регионов, предложенной Сталиным в резолюции по национальному вопросу⁶⁶, Главпрофобр РСФСР обсудил дореволюционный опыт подготовки нерусских педагогов. Он оценивался в целом как подготовка «*деятелей, годных для распространения христианства и обрусения своих сородичей*». Признано, что на практике такие учебные заведения «*прорубали окно в Европу*» там, где азиатский фанатизм, подхлестываемый самодержавием, ... заложил непроницаемую стену тьмы и невежества». Их стены «дали первых смелых борцов и разрушителей прадедовского быта и средневековья».

Революция же, отмечалось в тезисах, от педагогических учреждений ждет «не только учителей для светских и советских национальных школ, но и руководителей национальной молодежи, которые должны уметь дать ответ на все многообразные вопросы, волнующие эту самобытную массу»⁶⁷. Они «должны превратиться в культурные центры, опорные и сборные пункты для просветительской работы [среди] данной национальности». Подчеркивая необходимость соединить их деятельность с «научной и педагогической мыслью», исследующей «в живой и настоящей действительности бурную (да, бурную) культурную жизнь», Главпрофобр призывал отменить «ассимиляторскую или националистическую макулатуру». Это – достояние «маленькой кучки академиков», «работы по самым безжизненным областям археологии, древнейшей истории»⁶⁸. Работа в педагогических учреждениях должна «проводиться в свете марксист-

⁶⁴ См.: Сидорова И.Б. Музеи Казанского университета на заре советской эпохи (1917–1929 гг.) // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154. Кн. 3. Гуманитарные науки. С. 227–239.

⁶⁵ Люстиг. Вовлечение горцев в вузы и техникумы // Просвещение национальностей. 1931. № 10. С. 51.

⁶⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I, 1941. С. 356–395.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. А–1565. Оп. 11. Д. 168. Л. 3.

⁶⁸ Там же. Л. 8.

ского миропонимания, в крайнем случае, в поисках за ним». Особое значение придано «прогрессивным и интернационализирующим элементам»⁶⁹.

Прагматизм, вытесняя из процесса этнокультурные интересы, использовал их формально: новому режиму нужны были новые кадры из «националов». Педагог нес в себе авторитарность как родовую черту, которая формировалась в профессии в ходе развития школы в лоне мировых религий. Предопределен тип важного агента модернизационного процесса. Учительская профессия воспринималась наиболее результативной в политических обстоятельствах, весьма органичной авторитарному духу советской модернизации. Большевики, объявившие войну церквям, выстраивали собственную стратегию и тактику, используя существующие не только социокультурные, но и социопрофессиональные ресурсы традиционного общества.

Специализация учебных заведений отражала социопрофессиональные потребности культурно-сложного общества. Власть активно использовала учителя в общественной работе. Один из первых опытов приобретен в развернутой общероссийской кампании ликвидации неграмотности. В ней, помимо очевидной пользы, очевидны политические цели. В дальнейшем учителя активно использовались в различных идеологических и политических кампаниях. Они объясняли различные политические нововведения власти населению. По данным Центрального научно-исследовательского педагогического института национальностей на Северном Кавказе за десятилетие к 1933 году по 1 общественной нагрузке имели 24%, по 2–20%, по 3–18%, по 4 и более – 33% учителей Адыгей, Черкесии и других северокавказских автономий⁷⁰.

Умножение таких кампаний переключало учительство на исполнение функций, все дальше отстоящих от функций профессиональных. В 1920-е годы заложены основы для использования учителя как «многостаночника». В условиях крайней скудности кадров она мешала развитию профессионализма в первую очередь, самого учителя. Эта практика сохранялась на протяжении советского периода, стала отличительной чертой модернизации культурно-сложного общества.

§ 4. «Ребенка формируют цели, которые мы поставили, этой целью является коммунистическое воспитание»

В апреле 1920 г. в тезисах Комиссии ВЦИК «О несоответствии деятельности Наркомпроса с заданиями, поставленными ему программой Коммунистической партии в области единой трудовой школы» подчеркивалось: «Наркомпрос не продумал до конца поставленных перед ним заданий, не столкнувшись в своих собственных рядах о том, ... каким образом должно строить новую школу, чему

⁶⁹ ГА РФ. Ф. А-1565. Оп. 11. Д. 168. Л. 6, 8.

⁷⁰ Фирсов Н.Д. Горский учитель и его подготовка // Коммунистическое просвещение. 1934. № 4. С. 100; Смиренин В.В. Педагоги Кабардино-Балкарии на переподготовке // Революция и национальность. 1933. № 2. С. 69.

учить в ней». Это привело к «падению уровня знаний у детей или, точнее, полному упразднению школы, как таковой, и замене ее двумя–тремя часами “случайных занятий” по усмотрению педагогов». Наркомпрос «ничего не сделал даже для элементарной популяризации среди пролетариата и крестьянства основных идей новой школы. Последняя осталась чуждой ему... Ничего не только не было сделано, но сама мысль об этом, видимо, была чужда Наркомпросу, как чуждой оставалась и населению созданная Наркомпросом школа. Посещаемость школ упала до неслыханной степени, и трудящиеся берут детей своих от туда, махнувши рукой на нее»⁷¹.

Этнокультурные особенности игнорировались как «буржуазные предрассудки». К ним отнесена психологическая культура, духовность и религия. Покровский призывал нещадно искоренять особенно религию: «нежничать с таким зверем ... не следует», как не следует и «щадить религиозные чувства»⁷².

Содержание значительной части учебников и методических пособий для преподавателей и учащихся в 1920-е годы диктовала комплексная система обучения. Ее разрабатывала научно-педагогическая секция ГУС, возглавляемая Н.К. Крупской, курировал ее работу М.Н. Покровский. Центральной задачей системы было построить обучение на основе единого связующего критерия, которым могла быть область детских интересов и склонностей или определенный круг жизненных явлений: «Мы должны сказать, что *ребенка воспитываем мы, что его формируют цели, которые мы себе поставили*, а этой целью является коммунистическое воспитание»⁷³. Комплексный метод, появившийся сначала в теории и практике начального обучения, разработан в противовес существовавшему предметному изучению, когда связь между отдельными элементами строилась по формально-логической схеме.

ГУСовские программы преподносились как последнее слово педагогической мысли, основанной на идеологии диктатуры пролетариата⁷⁴. Провозглашались «три незыблемых принципа Программ ГУСа: комплексность, связь школьной работы с современностью и краеведение». Учебные программы дореволюционной школы отменялись как устаревшие, ибо строились на «дряблой и обманчивой идее старого мира об аполитичности просвещения». К 1924 году работа над программами была завершена⁷⁵. Вскоре появилось на свет «Циркулярное письмо», в нем предлагалось отменить и существующие учебники⁷⁶.

Комплексность в исполнении Наркомпроса на деле обернулась отменой традиционных учебных предметов. В школах вводились два раздела-комплекса – «Природа и человек», «Труд и Общество». Конечная цель сводилась к задаче научить детей «мыслить и чувствовать по-коммунистически». По русской сло-

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–4.

⁷² Покровский М.Н. Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени. М., 1924. С. 21.

⁷³ Первое методическое письмо к работникам просвещения Кирреспублики. Оренбург, 1924. С. 16.

⁷⁴ Новые программы. Сборник. 1923. С. 26.

⁷⁵ Первое методическое письмо к работникам просвещения Кирреспублики. Оренбург, 1924. С. 9.

⁷⁶ Подробнее см.: Сенькина А.А. Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7).

весности издана хрестоматия, состоящая из двух разделов: «Освобожденный труд» и «История классовой борьбы»⁷⁷. Программа ГУСа рекомендовала отказаться от ссылок на природу ребенка. Ребенок или молодой человек рассматривались как человеческий материал, «глина в руках ваятелей»⁷⁸.

По всей стране предпринимались попытки осуществить переход к комплексной системе обучения в начальной школе. Этнокультурные ресурсы обладали основательными культурными продуктами, используемыми в учебной практике. Этнические элиты начали конструировать новый исторический нарратив, историю нового «начала времен», разрабатывать новый ландшафт памяти. Но сохранялись стержневые комплексные темы, уделялось больше внимания систематизации знаний по предметам, хотя отсутствовала согласованность с программами техникумов.

В национальных республиках не было ГУС, в структуре республиканских Академцентров формировались научно-педагогические комиссии. Известны методические письма 1925–1926 годов Методического совета Наркомпроса АССР Немцев Поволжья⁷⁹. После выхода программ Наркомпроса Украины под названием «Руководство по социальному воспитанию», разработанных на основе комплексной системы, в 1927 году Наркомпрос УССР издал новые программы.

Большие трудности пришлось преодолеть той части культурно-сложного общества, например, исламского, где наследуемые практики опирались на базовую методологию: на способ описания окружающего мира и систематизацию информации о нем. Они переносились из века в век. Содержание гуманитарных знаний транслировалось через школьную систему с первых лет обучения.

Казанский историк церкви П.В. Знаменский признавал: казанские мусульмане тянулись к практикам «Каира с их *европейскими знаниями и светским направлением*... Старое, отживающее поколение татар с его фанатичными муллами и старометодными медресами заметно отстают и стушевываются перед новыми требованиями века»⁸⁰.

Экспертиза показала: 70% учебников, используемых в татарских школах, по светским предметам: по всеобщей и российской истории, по русскому языку, естествознанию, астрономии, ботанике, химии, физике, анатомии и гигиене, логике, этике. 394 «общепринятых учебника» на татарском языке выдержали несколько изданий. Отмечалась популярность учебников «История татар» Г. Баттала (1913 г.), «История тюрко-татар» З. Валиди (1912 г.), «Подробная история тюркских племен» Х. Габяши. Авторы стремились совместить в одном издании учебное пособие для учеников, для учителя и необходимый справочный материал историковедческого и историографического характера.

Инспектор Казанского учебного округа Коблов признавал успехи татар, но «сочинения ... в большинстве случаев очень элементарны, ненаучны и пред-

⁷⁷ Программы ГУСа и общественно-политическое воспитание. Первый объединенный съезд опытно-показательных учреждений и методических бюро. М., 1925. С. 171.

⁷⁸ Там же. С. 232.

⁷⁹ О работе школ 1-й ступени. [Покровск]: Наркомпрос, 1926. 61 с.

⁸⁰ Знаменский П.В. Казанские татары. Казань: типолит. Имп. ун-та, 1910.

ставляют ... иногда просто перевод с русских учебников ... с тенденцией восхвалять татар». Выделялись два направления. Первое – попытка самостоятельной научной разработки и второе – «выяснить прошлое, ... и что ожидается в будущем, наметить вехи для этого будущего, чтобы не затеряться среди других народностей и сохранить свою самостоятельность»⁸¹.

В число учебной литературы, изданной на рубеже XIX–XX вв., вошли 206 учебников по татарской литературе, 118 – по татарскому и русскому языкам, 102 – по нравственному воспитанию и др. В общей сложности выявлено 1010 изданий, 740 наименований общим тиражом в 5016630 экземпляров. С 1907 г. количество учебников татарского языка резко возросло, это связано с переходом языка обучения с языка тюрки на татарский язык. С 1905 по 1913 гг. на нем уже издано 394 учебных пособия. Среди учебников по языкам 9 приходилось и на русский язык. Из опубликованных в 1909 г. 311 книг на татарском языке 70 были учебниками. Из них, по данным Р. Фархутдинова, более 50 учебников по истории татар, по данным Р. Валиуллина – 41. 23 учебника посвящены истории татарского и тюркского народов, но 18 – всеобщей и российской истории. Число учебников быстро росло, они теснили арабские и турецкие учебники. Собрания учителей их обсуждали, отбирали лучшие. Издавались педагогические и детские журналы «Мектеп», «Магариф», «Ак юл». В Крыму выходил педагогический журнал «Бильги» («Знание»)⁸².

В марте 1918 года Казанский губернский совет гарантировал неприкосновенность мусульманского образования. Он обещал «научно обосновать» «все вопросы народного образования мусульман», «теоретически» разработать «вопрос о мусульманском университете»⁸³. В 1918 году в программе мусульманских школ Спасского уезда преподавание религии ислама включало в себя ибадат (поклонение), акаид (догматику), заучивание сур Корана (хэфез), священную историю⁸⁴.

В Наркомпросе подобные практики и учебные продукты восприняты негативно: они не соответствуют политическому курсу и новой трактовке знаний.

В июне 1918 г. на III Всероссийском съезде учащихся мусульман большевики «продавили» принятие советской реформы. Однако в печатном органе Наркомнаца упоминался «мусульманский язык». Имелись в виду языки тюркских народов Российской империи, в письменной форме имевшие арабскую графику.

Чувашские эсеры и Комиссариат по чувашским делам при Казанском губернском совете создали 23–29 мая 1918 года Общечувашский съезд учителей в Казани. Около 200 делегатов приняли решение о культурной автономии. «Контроль Наркомпроса» признан, но на «началах культурной автономии»⁸⁵.

⁸¹ Гибатдинов М.М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань: Алма-Лит, 2003. С. 160.

⁸² Валиуллин Р. Учебники для татарских мектебе и медресе и их роль в развитии национального образования / Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 150.

⁸³ Гельмязова Н. Октябрьская революция и умма // Все об исламе. 2002. № 8, декабрь.

⁸⁴ Хабутдинов А. Ислам в советском и постсоветском пространстве: История и методологические аспекты исследования // Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования». Казань: Книгоиздат, 2004. С. 119–137.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

Концепция национального образования стала основой школьных практик Осетинского национального совета. Совет воспринимался «центральным органом, ... общим руководителем в деле установления направления, характера и объема курса преподавания в школах Осетии». Второй съезд учителей Терской области выделил осетинские школы в особый инспекторский район, поздравил «товарищей-учителей Осетии с началом новой эры в истории их школы и всей их народности»⁸⁶.

22 июня 1918 года в Яренске общество «Коми котыр» главной целью ставило «образование особой административной зырянской единицы».

Еврейский комиссариат главную цель видел в «развитии и воспитании широких масс в коммунистическом духе». Планировалось «приблизить общечеловеческую и национальную культуру к еврейским массам». С практической стороны – «покрыть Россию сетью еврейских начальных школ, реорганизовать казенные школы, открыть средние школы, подготовить педагогический персонал для них, создать Евсекцию при местных нарообразках».

В августе 1918 года предложено «полностью исключить из еврейских народных школ» религиозные предметы. Труд преподавателей запрещен к оплате, религиозное образование в школах прекратилось⁸⁷. В передовице первого номера издаваемого Еврейским комиссариатом журнала «Культур ун билдунг» («Культура и просвещение») автор констатировал: «Еврейские массы не отдают своих детей в наши школы»⁸⁸. Но заведующий еврейским отделом Наркомпроса занял жесткую позицию: «Мы предпочитаем, чтобы еврейские дети лучше бегали по улице и кидали камни в окна, нежели посещали эти гнойники духа – хедеры и старые школы»⁸⁹. Сотни хедеров и иешив ликвидировали по всей стране; учеников перевели в еврейские (советские) школы⁹⁰.

В газете «Жизнь национальностей» говорилось: «Семя коммунизма, брошенное в народ мари, нашло себе добрую почву... волна Октябрьской революции разлезется (так в документе – Т.К.) по всему миру»⁹¹.

Автономистские практики, казалось, предоставляли возможность творческих экспериментов с нововведениями центра: участвовать в дискуссиях, сближать или противопоставлять свои интересы как с точки зрения их содержания, и с точки зрения этнокультурных интересов с большевистскими планами. Участие в структурах власти виделось «залогом», в первую очередь, использования собственных ресурсов. Но неразработанность педагогического концепта единой трудовой школы для нерусских этносов, при декларациях обучения на родном языке, отсутствии не только учебников, но и алфавитов, давало населению основание отдавать детей в привычные традиционные школы. Однако вектор модернизации

⁸⁶ Терский вестник. 1917. № 100.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 7. Л. 1 об.; ГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 11 об.

⁸⁸ Kultur ub bildung. 1918. № 1. 19 oygust. Z. 15.

⁸⁹ Кандель Ф.С. Очерки времён и событий из истории российских евреев. Иерусалим. Тарбут, 1994. Т. 3. С. 51.

⁹⁰ Свет Г. Еврейская религия в Советской России // КРЕ-2. С. 205–207.

⁹¹ Образование Марийской автономной области. Йошкар-Ола. 1966. С. 49.

полнился педагогическими экспериментами, не все они были бессмысленны. Опыт реформаторов, до революции начинавших обучать на родных языках, мог быть полезным. Но о каком применении ГУСовских программ можно было вести речь, если у многих не имелось элементарного букваря на родном языке?

Позиция Наркомпроса и тактика его не пользовались поддержкой на местах. Разногласия между «радикалами» Наркомпроса и теми, кто продвигал этнокультурные ресурсы, их взаимодействие, были сложными.

На заседании Госкомиссии по просвещению 28–29 сентября 1918 года Покровский отстаивал тезис: во всех школах следует применять один метод и требовал воплотить его в тексте постановления. Однако заслушав заведующего отделом горцев Кавказа Наркомнаца Б. Туганова, решено «ввиду укоренившихся предрассудков среди мусульман ... сделать некоторую уступку в пользу последних»⁹².

Оставалось много невнятицы относительно юрисдикции институтов культуры нерусских этносов, школы, в первую очередь. Центральным оставался вопрос: каким будет характер самого процесса? Авторитарным, задающим цели «сверху», когда все и идеологические, и содержательные, и специфически этнические аспекты модернизации определяет власть? Или «снизу», когда историческим заданием становится включение в модернизацию всех позитивных элементов национальных культур, соотнесение их с универсальными (идеологическими и содержательными) процессами. В 1922 году А. Луначарский признавал: школ первой ступени хватает только для половины всех детей. А школы второй ступени могут посещать их только 5–6%.

Большевизм редко находил гибкие формы и методы сотрудничества и взаимодействия с этноконфессиональными группами российского культурно-сложного общества. Власть официальной идеологией сближения народов, интернационализма на классовой почве «перекрывала» их этнокультурные мотивы и интересы. «Невежественные и безразличные к тонкостям диалектики, но амбициозные и реалистические, способные совершить любые самые дикие индивидуальные и коллективные действия, они инстинктивно группировались вокруг Сталина ... не скрывали своего высокомерного, презрительного и злобного отношения к ино-родцам. Наиболее проницательные среди нерусских большевистских руководителей с опаской наблюдали за восхождением этой новой генерации “молодых большевиков”. В них узнавали худшие черты шовинизма, старого русского популизма, на этот раз умноженного на пролетарский динамизм»⁹³.

В острой дискуссии с журналистом из «Большевистской смены» (Ростов-на-Дону) Шнелем местный публицист И. Карачайлы резко выступил против «высокомерия по отношению ко всему горскому», против «головотяпских наскоков», «чванства и великодержавной спеси» «не знающих Кавказа южнее Батайска» людей. Он упрекал: «Вы вообще никакого Кавказа не знаете, и знать не хотите». Серьезным упреком прозвучало: «Изучив все 900 вышедших номе-

⁹² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 101. Л. 102–104; Оп. 1. Д. 132. Л. 49–51 об.

⁹³ Bennigsen A. Lemerrier-Quelquejey Ch. Sultan Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. P.: Fayard, 1986. С. 199.

ров “Большевистской смены”, нельзя все же составить представления о разнице между Чечней и Карачаем, между Осетией и Черкесией, между Ингушетией и Кабардой». Каждая из этих областей «имеет свое особое лицо, свои отличительные особенности». За требованиями показа «самоновейшей классовой борьбы» «скрывается ваше верхоглядство», «невежество географическое, этнографическое»: оно «чревато последствиями». И.А.-К. Хубиев возражал против представления о том, что «горские народы Северного Кавказа ... в высшей степени отсталые народы». Часто, пишет он, говоря о культуре, «имеют в виду только те достижения, которые связаны с письменностью, возникли на ее базе. Это, конечно, неверно, ибо культура есть нечто гораздо большее, чем то, что связано только с письменностью»⁹⁴.

На местах кое-какие акции удавалось смягчать, просто не выполнив их, но «отчитавшись» перед центром или Ростовом. В официальных источниках имеются сведения о «наплевательском» отношении райкомов к своим обязанностям. От вузов требовали выпуска «людей, окончивших в университетах “свой” национальные отделения», но на практике они «неспособны ни к какой серьезной и полезной работе».

Никто не учитывал, как чужд горскому юноше, с физиологической памятью о временных циклах крестьянского труда, город. Никто не задавался социо-психологическим аспектом проблемы: как помочь горцу понять преимущества открытости и динамизма города, ведь мало кто в его этническом сообществе обладал таковым опытом. Это была тяжелейшая социокультурная и психологическая проблема, не классовая, отнюдь, как толковали пропагандисты на собраниях в общежитиях. Решение проблемы искали в необходимости «перестроить партработу в учебных заведениях и общежитиях», вести систематическое «интернациональное воспитание», не ограничиваясь «периодической постановкой докладов на общем собрании», «перемешиванием» студентов в общежитиях в процессе совместного проживания. Вчерашнему жителю горного аула, кишлака в Средней Азии или Казахстане, наслегу из Якутии следовало объяснить, что город – это особый организм и механизм социокультурного развития, в нем не господствуют эмоциональные формы мышления, а существуют иные формы контроля над личностью. Огромный процент отсева студентов объяснял возвращение в родной аул, «во все стороны». В 1929 г. Черкесии выделено 90 мест для поступления в вузы, удалось направить 81 человека, фактически принято 39 человек. 50 мест не удалось использовать «вследствие: 1) неподготовленности, 2) обнаружения физических недостатков, 3) социального несоответствия, 4) дезертирства»⁹⁵. В начале учебного года в Северокавказском педтехникуме среди 270 студентов «работал» «классовый враг». Его проишки проявились, «как выражается заведующий», в «необеспечении столовых, постельными принадлежностями, топли-

⁹⁴ Карачайлы И. «О “кровной мести”, о национальных моментах в споре “Большевистской смены” с “Советским СКАЗом” и прочем...» / Хубиев И.А.-К. Статьи и очерки. С. 98.

⁹⁵ Саар Г.П. К вопросу об отделениях национальных меньшинств в высших учебных заведениях // Научный работник. 1928. № 11. С. 32.

вом». Они же «довели до того, что к концу года осталось 52 человека», окончил же техникум 9 человек, из которых «коренных националов – 2»⁹⁶.

В автономиях продолжалась работа над созданием учебников на арабице. В Дагестане А. Каяев создал учебники по естествознанию, лексикографии, хади-соведению, истории и литературе народов Дагестана, «Физической географии» на лакском языке. По заказу дагестанского правительства он писал «Историю Гражданской войны» (1924–1935 гг.), работал над «Материалами по языку и истории Дагестана», «Толковым словарем лакского языка», «Сравнительным словарем лакского, даргинского и аварского языков»⁹⁷.

Если в 1920-е годы «местных» направляли учиться в ИКП и в аспирантуры, в 1930-е снятие с должности заканчивалось арестами и ссылками. Элиты теряли поддержку народов, те видели в них представителей власти, вместо свободы и лучшей жизни – притеснения, непонятные эксперименты, пропаганду, агитацию.

Было бы неверным отрицать положительное влияние школьной политики на культурно-сложное общество 1920–1930-х годов в целом. Программа коренизации стартовала с XII съезда РКП(б), главной задачей ее было установить юридическое и практическое равноправие нерусских языков с русским языком в государственных и общественных учреждениях союзных и автономных республик. Начался перевод делопроизводства на родные языки в советских учреждениях и на предприятиях. Он являлся перспективной задачей обслуживания местного населения на родном языке, но и модернизацией ресурсов культуры.

Крупные изменения в образовании произошли в 1930-е гг. Руководство страны и ВКП(б) приняли постановление «О начальной и средней школе» (1931), где констатировалась слабая подготовка учащихся и намечался перевод школы на предметные программы. Постепенно улучшалось качество обучения. Это оказалось возможным в результате создания устойчивой школьной системы с преемственными ступенями. Стабильные программы и четкая организация обучения способствовали выходу из кризиса образования. Сильные стороны реформ – появление стройной структуры преемственных подсистем (от начальной до высшей), регулярное предметное обучение, единый режим занятий, введение стандартных программ и учебников. Следствием курса на повышение образовательного уровня населения была организация к концу 1930-х гг. в городах всеобщего семилетнего обучения. Реформы 1930-х гг. не позволили, однако, решить важные проблемы образования. Не была ликвидирована неграмотность. В 1939 г. каждый пятый житель старше 10 лет не умел читать и писать. Право на образование оказалось для значительной части жителей СССР и России декларацией. Реформированная система общего образования таила изъяны, которые в дальнейшем отрицательно повлияли на развитие школы: безальтернативность, чрезмерная унификация принципов, содержания и организации учебного процесса, отказ от дифференциации в обучении. Частично

⁹⁶ Люстиг. Вовлечение горцев в вузы и техникумы // Просвещение национальностей. 1931. № 10. С. 52.

⁹⁷ См.: Замир Али. Две разные ориентации // Наш Дагестан. 1994. № 169.

недостатки компенсировали усилия рядовых учителей. В системе образования произошел отход от целесообразных педагогических нововведений 1920-х гг.: сворачивалось трудовое обучение, наметился возврат к консервативным традициям классического гимназического образования. Реформы и изменения в образовании в 1930-гг. происходили в сложных социальных условиях индустриализации, всеобщей коллективизации, раскулачивания, массового голода, политических преследований. Все это имело тягостные последствия для системы образования и подрастающих поколений. Учебным заведениям не хватало финансирования. Многим деревенским подросткам, которые рвались в город, надеясь на лучшую жизнь, получение среднего и высшего образования, путь был закрыт из-за отсутствия паспортов. Права на достойное образование лишались те, кто потерял родителей, получив клеймо «детей врагов народа».

§ 5. Латинизация графики языков в советском проекте

Психологический климат, особая социокультурная обстановка культурно-сложного общества наполняли концепцию модернизации и идеологию советской школы. Она опиралась на обучение на родном языке и зависела от современных инструментов письма. Ситуация, складывающаяся в школьном образовании, понуждала переходить к современному образовательному процессу с адекватными учебными пособиями.

В традиционной школе среди прочих слабыми оставались ресурсы родных языков, учебные продукты, издаваемые на разных графиках. Каждая конфессия использовала собственную графическую систему письма: мусульмане – арабицу, иудеи – квадратное письмо иврит, буддисты – старое монгольское письмо. Курс обучать на родных языках вывел эту проблему на первый план. Мощным конкурентом оставалась кириллица, ее использовал русский язык. Числом владевших, уровнем развития, наличием учебных руководств она значительно превосходила остальных. На кириллице писались документы администрации, армии, суда, работала высшая школа. Существенное наследие оставила православная церковь. Ассимиляция носила религиозный характер. Использовали кириллицу христианизированные чуваша, мордва, удмурты, мари, коми, якуты, ойроты, частично осетины, татары. Большевики опасались обвинения в русификаторстве, поддержав идею латинизации там, где уже функционировала кириллица (у карелов, якутов, вышел белорусский букварь с латинским шрифтом). Что касается мусульман, иудеев и буддистов, то попытки до революции использовать кириллицу крайне малы.

В 1923 г. руководители Дагестана Н. Самурский и Д. Коркмасов воззвали к помощи: «Необходимо поднять ... народы быстрым рывком до общего культурного уровня СССР»⁹⁸. В 1924 г. председатель окружного исполкома

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 568. Л. 10–11.

Ингушетии писал в Наркомпрос РСФСР: «школьный вопрос принял уже политический характер»⁹⁹.

Кроме технических удобств письма, для власти, форсирующей развитие светской культуры, культурную реформу общественно-политической жизни, был важен разрыв с традиционной культурой. Арабица была ее символом. Обеспечение родных языков современными ресурсами письма напрямую зависело от возростающей функциональной нагрузки в автономиях и союзных республиках.

Но сталинский курс на тотальный централизм, насаждаемый с особенной бесцеремонностью, вызывал ропот и недовольство культурно-сложного общества. Раздражение проявлялось повсеместно. В Украинской ССР новые руководители доводили до оголтелой украинизации политику коренизации. В Одессе газеты в 1925–1926 годы извещали: «Все работники учреждений будут разбиты на 4 категории: враждебно относящихся к украинизации, перегруженных работой, специалистов и не овладевших языком вследствие болезни. Лица, отнесенные к 1-й категории, будут немедленно увольняться. Для специалистов предполагается организовать 5-месячные курсы украинского языка с тем, чтобы они в этот срок смогли полностью усвоить техническую терминологию. Сотрудники, не посещавшие кружков по болезни, будут считаться условно уволенными»¹⁰⁰.

Кадет-эмигрант Н. Могилянский писал: «Многие из тех прогрессивных русских деятелей, которые с симпатией относились к стремлениям культурного украинства, к развитию украинского языка, литературы и национального творчества во всех областях жизни, теперь с ужасом отшатнулись от своих прежних симпатий, увидев бездну человеческого страдания, принесенного в качестве жертвы на алтарь национальной обособленности»¹⁰¹. Даже немцы из Киева докладывали в Берлин: «Из украинизации ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе».

Сталинский курс на тотальный централизм с особенной бесцеремонностью насаждался на мусульманских окраинах России. Одним из ярких примеров стало крупное научное мероприятие – Первый Всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 5 марта 1926 г., Баку). Ему придано большое значение и чрезвычайно важная роль в политических трансформациях культурно-сложного общества.

15 февраля 1926 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) установило полномочия участников съезда: «Коммунистам на съезде вести линию на то, чтобы съезд ограничился выяснением возможности перехода на латинский шрифт, не принимая категорического решения на предмет немедленного перехода на этот шрифт»¹⁰². Председатель Академцентра Татарской АССР Г. Ибрагимов, руководивший подготовкой татарской делегации к съезду, надеялся: «Переговоры о латыни будут вестись не с позиций принятия обязующих резолюций, а в системе научных размышлений, которые должны быть приведены в определенную си-

⁹⁹ Там же. Д. 566. Л. 85–86.

¹⁰⁰ Фотографии вырезок из местных газет см.: <https://zhenziyou.livejournal.com/39918.html>

¹⁰¹ Могилянский Н. Трагедия Украины (из пережитого в Киеве в 1918 году). Киев: Изд-во полит. литературы Украины, 1990.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 169. Л. 5.

стему». Но указания обкома своей делегации были неопределенные: «В принципе не возражать, практически в отношении ТССР считать невозможным перейти на новый шрифт»¹⁰³.

Кроме известных востоковедов – В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, А.Н. Самойловича, Б.В. Чобан-заде – в работе съезда участвовали политические и общественные деятели. Они представляли широкую палитру взглядов на обсуждаемую проблему. Съезд открылся докладами представителей фундаментальной науки. Они явно не желали принимать участия в ожидавшейся острой неакадемической дискуссии. Это вызвало плохо скрываемое раздражение партийных функционеров на заседании комфракции съезда. Член азербайджанской делегации М.Д. Гусейнов уточнил: «ЦК знает, что это дело создано для алфавита. Мы же знаем, что съезд созван не для того, чтобы выслушивать доклады Бартольда или Самойловича (смех в зале), а для того, чтобы выяснить точку зрения на алфавит»¹⁰⁴.

После того, как М.П. Павлович зачитал резолюцию ЦК ВКП(б), татарский делегат А. Максудов задал вопрос: «Это значит, что ЦК нам запрещает принятие резолюции такого категорического характера – с одной стороны, и – с другой стороны, ЦК партии нас не обязывает принимать резолюцию положительного характера?»¹⁰⁵ Представитель делегации от Северного Кавказа заявил: выбор подходящего алфавита – партийный вопрос.

Глава татарской делегации Г. Ибрагимов призвал обратить внимание на многосложность языковой структуры культурно-сложного общества, создать «федерацию» тюркских языков: «Я немного *осторожно употребляю этот принцип культурно-литературной федерации тюркских языков*. Мы не можем создать единого тюркского языка, это не позволяет ни фонетика, ни морфология, и главным образом, социально-экономическое положение, но мы, тюркские народы, не можем изолироваться... Я настаиваю: не оторванность будет заключаться в ... федерации тюркских языков, что каждый язык будет автономен в своем строении, но у всех тюркских языков есть общие основы, общие законы, общие черты, которые должны быть приняты во внимание»¹⁰⁶.

Лингвистический аспект «федерации тюркских языков» Ибрагимова ответственный секретарь оргкомиссии съезда А.Р. Зифельд назвал пантюркистским. Он считал: «нет времени ждать развития языка, науки и литературы “естественным” путем, т. е. стихийно». Попытки реформы «старого крайне несовершенного и до отказа засоренного арабскими и персидскими терминами тюркского литературного языка», уверял он, «идут по четырем направлениям: 1) панисламисты стремятся сохранить максимально большое количество арабско-персидских терминов, 2) европеизаторы – максимум европейских слов, 3) пантюркисты стараются навязать или константинопольский литературный язык или носятся с утопическим планом создания единого литературного языка для всего тюрко-

¹⁰³ Фрингс А. Соревнование моделей: татарская делегация на тюркологическом съезде в Баку // ЭО. 2005. № 6.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 41.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 28.

¹⁰⁶ Первый Всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 6 марта 1926 года). Стенограф. отчет. Баку, 1926. С. 164, 165.

язычного мира и 4) «народники» предлагают восстановить в литературе народный язык». Он считал «правильным последнее течение»: «обращаться к народному рабоче-крестьянскому языку»¹⁰⁷. Такое развитие следует «регулировать сознательной силой, государственными терминологическими комиссиями и другими научными органами». Политически поддержал Зифельда председатель съезда С. Агамалы-оглы, будущий председатель Комитета нового тюркского алфавита: «Позволительно спросить у товарища марксиста (товарищ Ибрагимов-коммунист), что это за культурно-литературная федерация? Не пахнет ли здесь *пантюркизмом* вроде пангерманизма?» Он считал: «развитие культуры и литературы как надстроек экономической структуры находится в прямой зависимости от развития общественных отношений ... Федерирование культуры должно произойти не только между тюркскими народами в пределах СССР, но и всеми советскими народами, потому что единообразие экономического и политического строя именно клонит к этой федерации»¹⁰⁸.

Казань оставалась сильным центром антилатинской оппозиции. Новейший татарский алфавит на арабице удовлетворял школьно-педагогическим требованиям, был подкреплен значительным количеством литературы. Имея такие ресурсы, переход к латинице – это, разумеется, совсем не то, что совершить очередную замену одного этапа графической эволюции другим – в Чечне, Ингушетии, Кабарде и т. д., где о богатстве говорить не приходилось, считал известный лингвист Евгений Поливанов¹⁰⁹.

Но многие руководители союзных и автономных структур излишне поспешно поддержали Сталина в ходе латинизации графических систем письма.

Председатель СНК Дагестанской АССР Д. Коркмасов внес резолюцию от делегаций Азербайджана, Узбекистана, Киргизской, Дагестанской, Туркестанской, Якутской, Башкирской республик и автономных областей Северного Кавказа:

«1. Констатируя преимущество и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита над арабским и реформированным арабским алфавитом, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита по сравнению с арабским, ... съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом *каждой республики и каждого народа*.

2. ... Съезд констатирует факт огромного положительного значения, заключающийся во введении Азербайджаном, областями и республиками СССР (Якутией, Ингушетией, Карачай-Черкесской, Кабардинской, Балкарской и Осетией) нового тюркского алфавита.

3. ... Съезд *рекомендует* всем тюрко-татарским народам изучить опыт и метод Азербайджана и других областей и республик СССР для возможного проведения этого у себя»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Там же. С. 186.

¹⁰⁸ Агамалы-оглы. В защиту нового тюркского алфавита. Баку: Азгиз, 1927. С. 64–65.

¹⁰⁹ См.: Поливанов Е. За марксистское языкознание. М., 1931. С. 106–107.

¹¹⁰ Научное сообщество татароведения. 1926. № 6. С. 10.

Резолюция принята большинством в 101 голос, против 7, при 6 воздержавшихся. Ученые сочли «себя не компетентными принимать участие при вынесении окончательного решения по этому вопросу, являющемуся делом самих тюрко-татарских народов»¹¹¹.

28 февраля 1927 г. заместитель заведующего АППО ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейн в ЦК напомнил: «Во время Тюркологического съезда в Баку коммунистической фракции съезда была дана ЦК ВКП(б) директива, чтобы съезд не выбирал постоянно действующего всесоюзного органа по проведению латинского шрифта, считая более целесообразным предоставление самим национальным республикам решить, в какой мере и в какой форме они могут ввести у себя латинский алфавит». Съезд, подтвердил Диманштейн, выполнил директиву, но в Азербайджанский комитет включены представители республик, которым «Азербайджан помогал ввести у себя латинский алфавит, получив для этой цели субсидию из резервного фонда Совнаркома». Съезд избрал общественный Центральный комитет нового тюркского алфавита (ЦК НТА). Но Азербайджанский комитет, подчеркнул Диманштейн, «возбудил ходатайство перед ЦИК СССР, чтоб его (с дополнением нескольких человек) объявили всесоюзным, считать существующим при ЦИК СССР». ЦК счел, что «нет основания» менять статус комитета, но для окончательного решения предложил созвать совещание¹¹².

Совещание состоялось осенью 1926 г. Присутствовали представители почти всех заинтересованных республик. Относительно ходатайства Азербайджана мнения разделились. Против организации комитета при ЦИК СССР «категорически высказались» Туркмения, Татария, Крым, Киргизская (Казакская) АССР. «За организацию комитета был Азербайджан, выставляя главным мотивом вопрос финансирования». Представитель Дагестана Д. Коркмасов считал лучшим, чтобы «комитет носил общественный характер, чем государственный». В целом, итожил Диманштейн, совещание высказалось за «необходимость централизации *научного* руководства по переходу к латинскому алфавиту», считая: «единство может быть внесено только существованием руководящего центра».

28 февраля 1927 г. Оргбюро ЦК приняло постановление о Всесоюзном комитете по введению ново-тюркского алфавита с нахождением его в Баку и представительством в Москве. Возглавил его С. Агамалы-оглы¹¹³. В республиках в течение года созданы собственные комитеты. Их названия исключали слово «тюркский» или «ново-тюркский». Комитеты создавались как дагестанский, татарский, узбекский, казахский и др.

Крупнейший тюрколог Е.Д. Поливанов писал: поворот к латинизации, «крупный идеологический поворот». Он рассчитан «во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза, и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе»¹¹⁴. Анализируя

¹¹¹ Барахов И. Итоги 1-го Всесоюзного Тюркологического съезда // Хозяйство Якутии. 1926. № 5. С. 37–50.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 269. Л. 19–21.

¹¹³ Там же. Д. 268. Л. 4–5.

¹¹⁴ Там же. С. 315.

первые результаты, он считал: «на все реформы письменностей у народов СССР, начиная с русской орфографической реформы, следует смотреть как на процессы революционного происхождения и характера. Это часть революции, протекающая в узкой области духовной культуры; в области технических средств культурного общения. И связь этих “графических революций” с политическими лозунгами революции – несомненна».

Политическую роль кампании усилил известный публицист И. Хансуваров в книге «Латинизация – орудие ленинской национальной политики». Работа вышла в Партиздате в 1932 г., но ее трактовка в советской историографии графической реформы остается незамеченной как и малопонятным отказ от нее и переход к кириллице¹¹⁵. Переход к кириллице, проведенный во второй половине 1930-х, вывел за скобки оценки латинизации, в рамках которой проводился обширный эксперимент. Многие из достижений этой исторически модернистской реформы остались непонятными обширному кругу людей, окончательные выводы из проведенных мероприятий не опубликованы. Совпадение процесса кириллизации письменности народов России, как естественного культурно-исторического процесса, с актами политического произвола и беззакония 1930-х годов, когда оказались репрессированными многие активные участники латинизации, привели к фактическому выведению ее из научного оборота.

В исторической литературе не отложились материалы, связанные с конкретным осуществлением процесса реформирования письменности, а значит и общения модернизационного опыта культурно-сложного общества. Унификация письменности, безотносительно на какой основе она производилась, была направлена на сближение народов обширной страны не в порядке благотворительной акции, а как необходимое условие продуманного прорыва страны в лидеры мирового цивилизационного пространства. Разрыв пространства в таком параметре, как языковая и письменная коммуникация, не был преодолен в самом важном звене.

30 января 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) секретарь крайкома Восточносибирского края М.О. Разумов, цитируя содержание «книжки товарища Хансуварова»: «“Отдельные националистически настроенные интеллигенты-якуты вместе с великодержавными шовинистами русскими из чиновничества и русской интеллигенции пытаются проташить и закрепить русский алфавит”»¹¹⁶, не понимал, «почему в книжке Партиздата те, кто за сохранение уже существующего для якутского языка алфавита, общего с русским, являются националистами и шовинистами, а те, кто борется за сближение с алфавитом французов и итальянцев – являются интернационалистами. Разговор о миссионерском характере русского алфавита в условиях пролетарской диктатуры – это совершенно несуразная вещь...

В своей книжке товарищ Хансуваров скорбит о том, почему ... письменность

¹¹⁵ См., например: Сулейменов Р.Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1972. С. 256; Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. М.: Наука, 1971. С. 112.

¹¹⁶ Хансуваров И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики. М.: Партиздат, 1932. С. 28 (примеч. Разумова).

русского языка не переводится на латинский алфавит. Книжка его заканчивается следующим местом: “Вместе с победой пролетарской революции победит и латинский алфавит. И он станет международным алфавитом”. Тут товарищ Хансуваров явно зарапортовался. Тут он явно скорбит о том, что и в русском языке до сих пор письменность не заменена латинской. А кому и для чего это надо? В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов? Во имя каких “принципов” надо предпринимать гигантскую работу по смене алфавитов, от которой кроме ущерба советской культуре ничего ждать нельзя?»¹¹⁷.

20 февраля 1934 г. директор Партиздата И. Веритэ в письме И. Сталину и А. Кагановичу испуганно оправдывался: «рукопись этой книжки» представлена в первые дни существования издательства. Он-де обратил «внимание Культпропа ЦК ВКП(б) (т. Хавенсона) на имеющиеся в книжке крупные политические ошибки ... Тов. Хавенсон вызвал в Культпроп для оценки ... в качестве рецензента т. Умара Алиева, который ... дал резко отрицательную оценку. Однако никаких дальнейших указаний от Культпропа ЦК ВКП(б) по этой книжке Партиздат не получил, и вопрос о ней до XVII партсъезда не поднимался. Мною дано распоряжение об изъятии этой книги из торговой сети»¹¹⁸.

Какие конкретно проблемы поднял в 1934 году Разумов на партийном съезде? В 1930 году Луначарский в статье «Латинизация русской письменности» писал: «Отныне наш русский алфавит отделил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробуждённого... Выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он даёт нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновлённым Востоком»¹¹⁹.

Новый нарком просвещения А. Бубнов 16 января 1930 г. «секретно» направил И. Сталину «согласно телефонному разговору ... справку Зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации» еще 1929 года. В ней сообщалось о завершении Главнаукой реформы орфографии русского языка. Сообщалось и о том, что «в процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучения проблемы латинизации русского алфавита ... Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, *разнородны*... Главнаука считала и считает необходимым комиссионным путем прорабатывать эту проблему... Предварительная проработка закончена, и весь материал с отзывами как представителей общественности, так и ученых специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании коллегии Наркомпроса. Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны. Вопрос ... *лишь прорабатывается* в органах

¹¹⁷ XVII съезд ВКП(б). Стенографич. отчет. М., Партиздат, 1934. Заседание 9.

¹¹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 90. См. также: Ровинский А. Об одной национально-демократической концепции // Правда. 1934. № 47.

¹¹⁹ Луначарский А. Латинизация русской письменности // Красная Газета. 1930. 6 и 7 января; Культура и письменность Востока. 1930. Кн. 6. С. 20–26.

Наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал Наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох»¹²⁰.

Ответ пришел через 10 дней. Это было постановление Политбюро «О латинизации» (п. 26) от 25 января 1930 г.: «Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита. Секретарь ЦК Сталин». 5 февраля 1930 г. Заведующий Главнаукой И. Луппол сообщал «секретно» в Секретариат ЦК ВКП(б): «Немедленно по получению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) Главнаукой 30/1–1930 года была распущена Комиссия по латинизации и в аппарате Главнауки вся работа по латинизации была прекращена. Частные заметки, появляющиеся в печати, в частности в «Литературной газете» от 3/11–1930 года, шли ... от отдельных членов комиссии, с которыми учреждения вели переговоры до постановления ЦК ... Сегодня Главнаука обратилась в печать с предложением прекратить помещение в печати заметок и статей по вопросу о латинизации»¹²¹.

Споры, на самом деле, шли острые. Латинизация «перекроила» культурное пространство страны, выделив из кириллических просторов острова или островки, подвергаемые с разной степенью успешности латинизации. Созданная при Главнауке Наркомпроса подкомиссия по латинизации русской письменности собирала оценки разных оценок. В некоторых из них русский алфавит объявлялся «идеологически чуждой социалистическому строительству формой графики», «пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии», т. е. «графики самодержавного гнёта, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации» и др.

26 июня 1931 г. окончило работу Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов. В результате горячего обсуждения и проработки проекта в секциях совещание приняло с некоторыми поправками проект НИЯЗ'а. В основу положен принцип приближения письменной речи к устной, точнее, приближение орфографии к живому литературному языку. «Вечерняя Москва» 29 июня опубликовала «Проект реформы русской орфографии».

Только опора на архивные документы дает возможность установить процесс подготовки и принятия не только политических решений, но и «активизм» этого периода, который не всегда шел из Москвы. В разбираемом же случае с цитированием Хансуварова, близкого к ЦК ВКП(б), явно «перестаравшегося» с оценкой перевода и русского языка на латиницу, этот активизм указывает на то, как расширялись рамки кампаний, как включались в нее и те этносы, чья графика письма вовсе не нуждалась в изменении.

Если первоначально введение латинского алфавита связывалось с заменой графики только тюркских народов, то к концу 1920-х годов оно распространилось и на другие языки. Исходя из этого, в 1930 г. Всесоюзный центральный ко-

¹²⁰ АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 54, 56.

¹²¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 52, 54, 56–58.

митет нового тюркского алфавита реорганизован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита. Председателем его, естественно, стал бывший председатель ВЦКНТА Агамалы-оглы¹²². Нетрудно связать разночтения в толковании с изменением как статуса комитета и его председателя, так и с расширением ареала графической реформы. То, что Агамалы-оглы связывал ленинские оценки реформы то с культурной революцией среди тюрков, то с «великой революцией на Востоке» лучшее тому доказательство. Расширенное толкование приписываемой им Ленину фразы рождает сомнения в авторстве. Скорее, она принадлежит самому мемуаристу. Неслучайно на I Тюркологическом съезде (1926 г.), в присутствии востоковедов и политических деятелей, встречавшихся с Лениным, Агамалы-оглы не приводил ленинского высказывания¹²³. Между тем это был съезд, на котором остро столкнулись две точки зрения на будущее арабского алфавита. Одни отстаивали необходимость перевода тюркских языков на латиницу, другие – необходимость реформирования арабицы. Ленинская оценка могла стать решающим аргументом в остром споре. И все же, Агамалы-оглы, не забыв почтить память Ленина, его роль в самоопределении народов, в 1926 г. почему-то не использовал весомый в идеологической борьбе того времени аргумент. Нет ленинской фразы и в воспоминаниях Агамалы-оглы о его встрече с Лениным, которые требовали перекрестного подтверждения. Аналогичного отношения заслуживает и свидетельство Луначарского¹²⁴. Современные попытки в анализе реформы графики опираться на сомнительные цитаты и пропагандистские клише свидетельствуют о сложности выбора вектора модернизации культурно-сложного общества в целом.

Существенно интенсифицировал переход на латиницу III пленум ВЦКНТА, состоявшийся 18–20 декабря 1928 г.¹²⁵ Параллельно принимались решения об усилении борьбы с конфессиональной школой. Уже на II пленуме раздавались голоса: «настала пора вышвырнуть арабский алфавит из школы». Попытки урезонить наиболее ретивых шли даже от Агитпропа ЦК ВКП(б). В статье Ахмеда «О борьбе за новый тюркский алфавит» в 1928 г. отмечалось: «Ошибочно строить большие иллюзии относительно этой реформы как орудия антирелигиозной пропаганды против ислама. Одно ясно, что латинский алфавит если и ослабит влияние старой литературы на новое поколение, то не ликвидирует ислам как определенное мировоззрение». Автор утверждал, что «метод объявления арабского алфавита контрреволюционным, коранским алфавитом следует считать абсолютно недопустимым (подчеркнуто Ахмедом – Т.К.) и вредным с точки зрения хотя бы интересов ... реформы». Такие явления как алфавит, продолжал он, «с навыками и традициями людей могут лишь изживаться. Мы же можем и обязаны по возможности ускорять этот процесс изживания посред-

¹²² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2526. Л. 13.

¹²³ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–63.

¹²⁴ Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. 1930. № 6. С. 20–26.

¹²⁵ Известия ЦИК. 1928. 20, 22 декабря.

ством неустанной борьбы, неустанных разъяснительных работ и организации культурной работы в направлении победы»¹²⁶.

Е.Д. Поливанов, в 1923 г. горячо приветствовавший латинизацию, в 1928 г. обратил внимание на то, что «индивидуально-национальные», как он их называл, реформы рационализации арабицы «могут иметь не меньшую значимость, чем латинизация». Они «уже сыграли свою серьезную роль для дела ликвидации неграмотности». Сравнивая «графический консерватизм, отстаивавший и старую орфографию», он считал, что «реформы носили подлинно революционный характер, и забывать про это, объединяя под единой кличкой “арабистов” и таких революционеров графики как Байтурсунов (в Казакстане), Арабаев (в Киргизии) и, с другой стороны, их религиозно настроенных противников было бы по меньшей степени необдуманно». Ему же принадлежит и оценка политической подоплеки выбора между кириллицей и латиницей: «Естественно ... видеть в ... выборе латинского шрифта протест против русификации. Но если бы этого объяснения было достаточно, то мы вправе были бы ожидать, что и все прочие иносторонние народности выбирали бы для своей революционной письменности именно латинский (а не русский) шрифт... А между тем, мы видим, ... есть и другое русло ... в виде элементарных форм приспособления русского алфавита к данному языку, и что выбор между русской и латинской основой в пользу латинской оказывается, как говорят факты, признаком относительной территориальной цельности и культурной независимости данной национальности»¹²⁷.

Политический аспект унификации алфавитов видели все ученые. Настаивая на более активном ходе реформы, отводя аргументы сомневавшихся, С. Агамалы-оглы игнорировал их опасения, особенно касающиеся проблем орфографии и терминологии. В его выступлениях появились призывы к ужесточению форм борьбы: к «вышибанию старого алфавита новым на латинской основе». Настаивая на таких средствах, Агамалы-оглы писал: «Каков бы ни был алфавит, построенный на латинской основе, он есть истина перед арабским»¹²⁸. Он отверг предостережения ученых: «Беда ... в том, что наши товарищи в некоторых республиках за изысканием идеального, раз и навсегда непорочного алфавита практически отстали в деле латинизации от других республик, а некоторые застряли в области теоретических рассуждений». Поддержал его и У. Алиев. Он заявил о недопустимости «пробности» алфавитов горцев: «территориально и количественно слишком невелики эти народы, чтобы их культурное развитие шло самодовлеюще»¹²⁹.

III пленум ВЦКНА в Казани проходил одновременно (30 мая – 3 июня 1928 г.) с партийным совещанием АППО ЦК по антирелигиозной работе в национальных республиках и областях. Главная цель пленума – усилить темпы перехода на унифицированный алфавит, что прозвучало в выступлении С. Агамалы-оглы. «Сей-

¹²⁶ Ахмед. О борьбе за новотюркский алфавит // Коммунистическая революция. 1928. № 11–12. С. 46–47.

¹²⁷ Поливанов Е.Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. 1928. № 23–24. С. 314, 318.

¹²⁸ Культура и письменность Востока. 1928. Кн. 1. С. 7–9.

¹²⁹ Алиев У. Латинизация письменности, борьба за новый алфавит и наши успехи // Революция и горец. 1928. № 1. С. 34.

час нужно встать на рельсы ускорения и установить один и тот же метод. Метод должен быть таков: повсеместно для каждой республики устанавливается срок, в который все газеты и издательства полностью переходят на новый алфавит. Республики: Крымская, Северного Кавказа, Татарстан, Узбекистан – могут закончить в течение одного года. Остальные в течение 2 лет. Необходимо ускорить темп», – заключил он. Вопрос о сроках перехода занял большое место в прениях, участвовали более 40 представителей от союзных и автономных республик. Многие возражали против установления конкретных сроков. «Но большинство выступавших настаивали на необходимости определить сроки», писала «Красная Татария». В итоге пленум установил срок перехода на новый алфавит от одного до двух лет всем республикам¹³⁰.

С 1929 г. новый алфавит вводился ускоренными темпами. 7 августа 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» переходу на латиницу придан статус закона¹³¹. Этот ключевой документ установил «особое культурно-экономическое значение нового латинизированного алфавита». Все учреждения и предприятия общесоюзного значения, применяя тюркские языки, обязывались пользоваться латиницей. Начался всесоюзный переход на латиницу всех печатных изданий и учебных заведений. Издания на арабице прекращались.

20 февраля 1929 г. постановлением ЦИК и СНК Татарской АССР установлен окончательный срок введения нового алфавита – 1 января 1931 г. С этого числа Яналиф считался «единственным государственным алфавитом» Татарской АССР. В 1930 г. все народы Дагестана перешли на новый алфавит. 6 ноября 1931 г. коллегия Наркомпроса РСФСР констатировала: в Кабардино-Балкарской АО «создана национальная письменность на основе унифицированного латинского алфавита, на котором и изданы национальные учебники и пособия»¹³².

С 1930 г. ВЦИТА переименован во Всесоюзный центральный комитет нового латинизированного алфавита при президиуме ЦИК СССР. В сферу латинизации включаются графики не только тюркских народов. Комитет переведен в Москву, процесс латинизации вышел за пределы республик Северного Кавказа, Поволжья, Закавказья и Средней Азии¹³³.

¹³⁰ Правда. 1928. 22, 25 декабря.

¹³¹ СЗ СССР. 1929. № 52. Ст. 477.

¹³² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2116. Л. 83.

¹³³ Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М, Наука. 1979. См. также: Аитов Г. Новый алфавит – великая революция на Востоке. К межрайонным и краевой конференции по вопросам нового алфавита. Саратов, Нижневолжск. краевое изд-во, 1932. 73 с. (Нижневолжск. ком-т нового алфавита при Президиуме Крайисполкома); Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Сб. статей. Под общ. ред. Н. Нурмакова. М.-Л., «Власть Советов». 1934. 166 с. (Центр. ком-т нового алфавита при Президиуме ВЦИК). Из содержания: Гранде Б. Унификация алфавитов. С. 14–27; Сеид-Заде А. Татарстан больше не оплот арабизма. С. 27–45; Исхаков Ф. Введение нового алфавита в Башкирии. С. 46–60; Тогжанов Г. История движения и победы нового алфавита среди казаков. С. 60–72; Шорукоев Х. Киргизия на фронте латинизации. С. 72–76; Кальменев А. Новый алфавит в Каракалпакии. С. 76–81; Алыков (Кошкин) Я. Новая письменность народов Севера. С. 81–89; Оботуров И. Борьба за новый алфавит в Коми автономной области. С. 89–99; Нечаев Г. Латинизация у коми-пермяков Уральской области. С. 99–103; Яковлев Н. Итоги латинизации алфавита на Северном Кавказе и в Дагестане. С. 103–118; Б. Паиков. Новый латинизированный алфавит в Калмыцкой автономной области. С. 118–124; Недим М. Борьба за новый алфавит в Крыму. С. 124–133; Санжеев Г. О новом бурят-монгольском алфавите. С. 133–136; Ойунский П. К истории алфавитов в Якутии. С. 136–142; Лайхтер И. Первые шаги китайского латинизированного алфавита. С. 143–149.

Постановлением президиума Совета национальностей ЦИК СССР 7 декабря 1932 г. отмечен новый этап латинизации: «от борьбы с арабской письменностью к борьбе с другими отсталыми формами алфавитов (монгольскими, китайской иероглифической и др.), а также к созданию письменности ... для ранее бесписьменных народов, в том числе, для 16 народов Севера»¹³⁴.

В Вотской (Удмуртской) АО под руководством партийных органов с 1930 г. коми активисты (В.И. Лыткин и др.) работали над единым коми-удмуртским алфавитом на латинице, что казалось возможным в силу совпадения фонематического состава этих языков. В 1931 г. в Удмуртии создан местный комитет ВЦК НА (С. Жуйков, Я. Ильин). 16 января 1931 г. пленум ВЦКНА утвердил проект коми-удмуртского алфавита на основе нового унифицированного алфавита, использовавшегося для латинизации письменностей других народов СССР. Близкие проекты предлагала историко-этнографическая секция московского филиала Общества по изучению Коми края, Д.В. Бубрих и др. Окончательное введение латиницы намечалось на 1933 г. В 1932 г. вследствие плохой организации работы местный комитет нового алфавита прекратил существование¹³⁵.

Деятельность теоретиков и практиков языкового строительства распространялась и на языки зарубежного Востока, в частности, на китайский. Китайцы входили в число нацменьшинств Дальнего Востока, считалось, что в Китае скоро произойдет революция, и опыт языкового строительства в СССР будет востребован. В Ленинграде Комиссия по разработке нового китайского алфавита на латинской основе пыталась применять его среди китайцев СССР¹³⁶.

Лингвисты были удовлетворены сделанной в 1920-х годах работой. Как руководитель Технографической комиссии ВЦКНА, возглавлявший ее работу, в 1936 г. Н.Ф. Яковлев подвел итоги. По количеству знаков алфавиты языков народов Кавказа распределились следующим образом: 27 знаков – осетинский, дигорский; 29 знаков – иранский (персидский), осетинский, иронский; 30 знаков – ассирийский, белуджский, горско-еврейский (татско-еврейский), лазский; 31 знак – ингушский, калмыцкий; 32 знака – карачаево-балкарский; 33 знака – кумыкский, чеченский; 34 знака – азербайджанский; 35 знаков – ногайский; 38 знаков – лезгинский; 39 знаков – аварский, даргинский, лакский; 40 знаков – табасаранский; 44 знака – курдский, кавказский, удинский; 45 знаков – цахурский; 46 знаков – кабардинский; 50 знаков – абазинский, адыгейский; 51 знак – абхазский. Отмечая успехи применительно к тюркским языкам, Яковлев считал, что работа над северокавказской группой языков не завершена: «Количество фонем в этих языках достигает рекордных с нашей точки зрения цифр. Так, в кабардинском мы имеем 52 фонемы, в некоторых наречиях кяхского языка это число доходит до 64, наконец, в бзыбском наречии абхазского языка мы имеем 70 фонем. Ясно, что сами

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 124. Д. 34. Л. 29.

¹³⁵ Сахарных Д. Латинизация: очерк из истории удмуртской письменности // Альманах школы молодого автора. М., «Наталис», 2002. С. 97–106.

¹³⁶ Апатов В.М. 150 языков и политика. 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 56.

местные работники иногда приходят в ужас перед необходимостью преподавать в школах алфавиты в 50–60 букв, и все помыслы их бывают направлены на возможные сокращения алфавита, в особенности в связи с проводимой здесь латинизацией»¹³⁷. Но дальнейшее проведение унификации «позволит еще больше сократить сумму знаков НА»¹³⁸. Современные лингвисты высоко оценивают его работу. Н.Ф. Яковлев стал основателем Московской фонологической школы.

Так, начавшись с языков тюркской группы, использовавших письменность на основе арабицы, к 1936 г. на латиницу переведено 68 языков: абазинский, абхазский, аварский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, ассирийский, башкирский, белуджский, бурятский, вепсский, даргинский, дунганский, ижорский, ингушский, ительменский, кабардино-черкесский, казахский, калмыцкий, каракалпакский, карачаево-балкарский, карельский, кетский, киргизский, китайский, коми, корякский, крымско-татарский, кумандинский, кумыкский, курдский, лазский, лакский, лезгинский, манси, молдавский, нанайский, ненецкий, нивхский, ногайский, осетинский, персидский, саамский, селькупский, табасаранский, таджикский, талышский, татарский, татский, туркменский, удэгейский, удинский, уйгурский, узбекский, хакасский, хантыйский, цахурский, чеченский, чукотский, шорский, шугнанский, эвенкийский, эвенский, эскимосский.

Были латинизированы или созданы заново алфавиты для алеутского, корейского и удмуртского алфавитов, но не внедрены. Разрабатывались проекты латинизации всех остальных алфавитов народов СССР. Латиница вытесняла не только арабскую, старо-монгольскую графику, но и кириллицу.

Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа при Главнауке Наркомпроса реорганизован в Институт языков и письменностей народов СССР. Яковлев возглавил отдел кавказских языков.

Но в научной среде не прекращались дискуссии¹³⁹. 4 февраля 1929 г. на лингвистической секции Коммунистической академии, руководимой Н.Я. Марром, состоялся доклад Е.Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория». Он считал, что «работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронной процессии за гробом естественноисторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на фундаменте бесспорных положений и фактов науки». Официальные ораторы называли Поливанова «кулацким волком в профессорской шкуре». Жесткий отпор Поливанов получил и от эсперантистов¹⁴⁰, продвигавших идеи единого языка и еще не подозревавших об общей судьбе с репрессированным в 1938 г. Поливановым. Они организовали «погромную» кампанию в стиле, занявшем в это время ведущие позиции в научной периодике. Тем не менее в 1929

¹³⁷ Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока. Кн. I. М., 1928. С. 41–64.

¹³⁸ Он же. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 25–38.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113 Д. 746. Л. 3; Д. 748. Л. 56.

¹⁴⁰ Е. С.-ч. Кулацкий волк в шкуре советского профессора. О книжке Е. Поливанова «Марксистское языкознание» // Международное языкознание. 1931. № 8–9. С. 357–358.

г. намечалось собрать Всесоюзный съезд востоковедов. Были приняты решения секретариата и оргбюро ЦК ВКП(б). Съезд должен был состояться в Москве 20 ноября 1929 г. с весьма насыщенной повесткой дня. Создана оргкомиссия во главе с секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Однако съезд не был проведен¹⁴¹.

В 1931 г. Поливанов вновь привлек внимание к конфликтности перехода на латиницу в ряде республик. Латинизация графики, по его мнению, не вызвана внутренними потребностями: «Без толчка извне, без примера и призыва со стороны других национальностей (и, прежде всего, Азербайджана) в Казахстане не было бы достаточного импульса для замены своего письма латинским. А отсюда понятно и то обстоятельство, что даже после постановления Туркологического съезда в 1926 г. в Казахстане (и Киргизстане) обнаруживается сильная оппозиция против латинизации, и ее возглавляют именно активные деятели предыдущих реформ (мусульманской графики). Аналогичным образом объясняется и то, что вторым центром антилатинской оппозиции (и, пожалуй, еще более сильным) явилась Казань. Причины те же: новейший татарский мусульманский алфавит также удовлетворяет школьно-педагогическим требованиям, в немногих только отношениях уступая казакскому, а печатная продукция на нем стоит еще выше, чем в Казахстане, т. е. традиция реформированного мусульманского шрифта укреплена значительным количеством литературы на нем. Прodelать в таких условиях переход к латинице – это, разумеется, совсем не то, что совершить очередную замену одного этапа графической эволюции другим – в Чечне, Ингушетии, Кабарде и т. д., где о богатстве говорить не приходится».

Основательно Поливанов прошелся и по Н.Я. Марру: «Весь марксизм к яфетидологии только скверно приклеен, и основан, вероятно, на том, что Марр, как это он высказал с глазу на глаз одному иностранному ученому, принужден “с волками жить, по-волчьи выть”»¹⁴². Поливанов настаивал на необходимости считаться с научной констатацией.

Но ученым противостояла группа молодых партийцев, занимавших ответственные посты, им хотелось выглядеть современными руководителями, вполне компетентными (и даже более компетентными) и в этой области. У. Алиев, к этому времени в Москве ставший основным научным рецензентом, выступил с серией дискуссионных статей. В них он хотя и оперировал научными аргументами, но перевешивали аргументы политические.

В смене графических основ культурно-сложного общества отразилась большевистская нетерпеливость – главная проблема 1920-х годов. «Великий перелом» усилил «классовые подходы», перекрыв профессиональные опасения лингвистов. К концу десятилетия уже поигрывала «мускулами» «партийная» наука. Развивалась и далее дифференциация этнических элит, вытеснение из нее тех, кто разделял опасения ученых. В статье, посвященной 10-летию нового алфавита, Алиев «вскрывал» «классовость буржуазных реформаторских по-

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 746. Л. 3; Д. 748. Л. 56.

¹⁴² См.: Поливанов Е. За марксистское языкознание. М.: «Федерация», 1931. С. 106–107.

пытках», утверждал, что для них важно выдать «форму – попытки заменить графические начертания ... за содержание нового алфавита, выхолащивая таким образом революционную душу нового алфавита, как классового орудия победившего пролетариата». Алиев счел важным даже оспорить лавры первенства по латинизации северокавказских автономий у Азербайджана.

Несмотря на ряд предупреждений ученых, V пленум ВЦКНА в 1931 г. встал на точку зрения общих партийных решений. С этого пленума процесс латинизации пошел «в полном соответствии, – писал У. Алиев, – с темпами социалистического строительства, как составная часть осуществления лозунга *социалистического наступления по всему фронту* (курсив наш – Т.К.)». Он особо отметил: «Слова вождя партии, т. Сталина – “по-новому работать, по-новому руководить”, – становятся с этого пленума боевым лозунгом на всех участках фронта латинизации письменности народов СССР»¹⁴³. Директива V пленума ВЦКНА гласила: «В период социалистического наступления по всему фронту, в период, являющийся в то же время периодом ожесточенной классовой борьбы, – усилить борьбу за правильное проведение генеральной линии партии в работе по латинизации алфавита, за осуществление ленинской национальной политики, против уклонов – великодержавного шовинизма и местного национализма; форсировать темпы латинизации как одного из важнейших орудий культурной революции». Пленум поставил научному совету ВЦКНА «задачу скорейшей перестройки всей своей научной работы в смысле коллективной проработки всех вопросов и *строжайшего соблюдения партийности в науке*» (курсив мой – Т.К.)¹⁴⁴.

Идеи К. Маркса начали «пристраивать» к важнейшей после графики разработке орфографии, созданию терминологических словарей. Аспирант Института национальных и этнических культур Д.А. Ашхамаф критиковал то, что делается в области «построения орфографии». Он призывал к «решительной борьбе с проявлениями великодержавного шовинизма и с местным национализмом», видя их корни в «*реакционных положениях индоевропеистики в области теории и практики языкового строительства*»¹⁴⁵.

Развернулась дискредитация решений I Тюркологического съезда, в работе которого принимали участие крупнейшие лингвисты, в том числе и Б.В. Чобан-заде. Он считал, что работа по составлению терминологических словарей должна строиться средствами, которыми располагает сам язык. Эта позиция осуждена как узко-националистическая. В разработанной терминологической комиссией Горского краевого института инструкции по составлению словарей обнаружили «вредительские», «нацдемовские» ориентации в понятиях, наиболее близких массам. Осуждался выбор «некоторой средней линии» между «выговором наиболее отсталых и менее образованных слоев общества» и «звуковыми навыками

¹⁴³ Алиев У. Победа латинизации – лучшая память о Агамалы-Оглы // Культура и письменность Востока. Кн. VII–VIII. С. 17–30.

¹⁴⁴ Алиев У. Знаменательная дата в истории культурной революции (К десятилетию нового алфавита) // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 21; он же. По-новому работать, по-новому руководить. К итогам V Пленума ВЦКНА // Революция и национальность. 1931. № 9. С. 84.

¹⁴⁵ Ашхамаф Д. К вопросу о языковом строительстве // Революция и горец. 1932. № 2–3. С. 134.

образованных лиц». Такой выбор квалифицировался как «равнение на какие-то без классовой дифференциации» «народные массы», стремление «отгородиться от «интернациональной советской терминологии». Осуждались попытки заимствовать «из родственного соседнего языка», игнорировались исторически сложившиеся языковые процессы. В силу тесного проживания многие жители на том же Северном Кавказе с детства билингвы. Конечно, они не владели в полной мере языком соседей, но объясниться вполне могли. Сохранялись языковые заимствования (арабизмы, персизмы, русизмы). На рубеже 1920-30-х годов их сохранение оценивалось как «обычная позиция буржуазных националистов», как «уход от социалистической современности», «аполитичность терминологии». Обвинения сводились к намеренному содействию «буржуазно-реставраторской политике контрреволюционных элементов в Советском Союзе». Ученый секретарь Северокавказского краевого комитета нового алфавита и главный редактор журнала «Языки Северного Кавказа и Дагестана» Г.П. Сердюченко с гневом восклицал: «Что это должно значить в условиях Северного Кавказа?» Он разгромил вышедшую во Владикавказе в 1930 г. книгу с результатами исследований северокавказских языков Н. Яковлева, М. Беляева, А. Хаджиева¹⁴⁶. Когда Н. Яковлев издал программу для собирания лексического материала языков Северного Кавказа, Сердюченко назвал ее «образцом беспардонности, неряшливости и беспринципности, смыкающейся с проповедью принципов совершенно чуждых нам классов и мировоззрений с вредительством в языковом строительстве». Яковлев разделил словник на разделы «Материальная культура» и «Духовная культура», включив в последний и политическую лексику. На это последовал окрик Сердюченко: «Не известно ли проф. Яковлеву, что с точки зрения марксизма-ленинизма “политика есть концентрированная экономика”, “Отрыв экономики от политики есть характернейшая черта буржуазных теоретиков и их социал-фашистских лакеев”, – говорит тов. Каганович... И на позицию этих социал-фашистских лакеев и стал Яковлев в своей статье»¹⁴⁷.

Здесь уместно коснуться деятельности Московского лингвистического кружка (МЛК, март 1915 г. – 1924, активно работал с 1919 г.), накопившего богатый этнографический материал, в том числе и северокавказского региона. Председатель Московского лингвистического кружка, объединившего формалистов, А.А. Буслаев 29 февраля 1920 г. заявил, что «главная задача Кружка – методологическая революция». К МЛК восходят лучшие традиции российского структурализма и семиотики. Активными членами кружка были Л.И. Жирков, Н.Ф. Яковлев, А.М. Сухотин, С. Карцевский. В 1921–1922 гг. под руководством Яковлева, Жиркова и Е.М. Шиллинга проведено изучение северокавказского языкового и этнического ареала. Члены МЛК имели хорошую методологическую и теоретико-лингвистическую подготовку. Они внимательно следили за достиже-

¹⁴⁶ Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Сб. статей. Владикавказ. 1930; О словарно-терминологической работе // Революция и горец. 1932. № 6–7; Сердюченко Г.П. Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве // Там же. 1933. № 6–7. С. 55–65.

¹⁴⁷ Сердюченко Г.П. Буржуазная контрабанда на фронте языкового строительства // Революция и горец. 1932. № 1. С. 147.

ниями западноевропейской лингвистической мысли. В МЛК начали изучать не различные функции одного языка, а разные функциональные языки. Карцевский, уже эмигрировав, в Праге издал важное исследование о лексико-семантических изменениях в языке после 1917 г., указал на партикуляцию значений в «старых» словах, повышенную эвфемизацию, «погоню за экспрессивностью». Автор считал, что «субъективное отношение к жизни ведет к тому, что мы постоянно прибегаем к метафорам и всячески описываем, вместо того, чтобы определять»¹⁴⁸.

Н.Ф. Яковлев настаивал: «процесс языковой трансформации в сторону унификации человеческих языков запаздывает по сравнению с развитием той основы, под воздействием которой он развивается». Процесс «медлителен», объединение языков – «дело еще настолько отдаленного будущего, что строить какие-либо практические выводы на основе этого нашего общего предположения в смысле искусственного вытеснения или объединения их представляется в настоящую эпоху развития общества и языка *преждевременным*». Сердюченко отменил эти доводы наличием «руководящей политической и методологической линии», ссылаясь на Сталинскую формулу «социалистической по содержанию и национальной по форме» культуры. Яковлеву следует строить «практические выводы», руководствуясь ею: политика «вытеснения и объединения» имеет «классовые корни», их характеристика «прекрасно была дана т. Сталиным на XVI партийном съезде». Позиция Яковлева характеризовалась как «узко-делаческая», «политически невыдержанная, методологически эклектичная».

Вскоре латинская графика перестала отвечать требованиям и интересам советского руководства, и их политике «ускоренного сближения и слияния народов». С 1932–1933 гг. развернулась кампания по свертыванию латинизации, о чем свидетельствуют материалы многочисленных проверок деятельности ВЦК НА. В 1933 г. заведующий культпропотделом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий поставил перед И.В. Сталиным и А.М. Кагановичем вопрос о работе Комитета. В докладной записке он отметил, что «задача латинизации алфавитов в основном и вчерне закончена»¹⁴⁹. «В практике работы Комитета нового алфавита имелись и имеются еще существенные недочеты. Прежде всего, ... увлечение внешней количественной стороной дела и самотек. Так, был создан алфавит для алеутов, которых во всем СССР насчитывается не свыше 400 чел. Подобные увлечения имели место особенно в Дагестане, где чуть ли не каждой из тридцати с лишком национальностей (не исключая самых малочисленных, имеющих не более нескольких сот человек) пытаются создать свой алфавит и даже учебники для начальной школы.

Необходимо также отметить большой недостаток в самой системе новых алфавитов, состоящий в том, что общее число букв по всем азбукам равно 129. До сих пор не проведена до конца унификация в обозначении одних и тех же звуков в различных языках. Многочисленность знаков в отдельных алфавитах (например, абхазский алфавит имеет 51, алфавиты народов Дагестана и Сев. Кавказа – свыше

¹⁴⁸ Карцевский С. Язык, война, революция. Берлин, 1923. С. 11.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 358. Л. 148.

40 букв) должна быть максимально сокращена; недостаточная стандартность начертания букв нового алфавита в разных языках должна быть устранена»¹⁵⁰.

Но Н.Ф. Яковлев и сам, как выше отмечено, признавал, что легче шла работа с тюркскими языками, приспособлять латиницу к кабардинскому и абхазскому языкам труднее. Он подчеркивал, что изобретательские возможности, направленные на точность передачи звука не безграничны. Изобретение новых форм букв, их перечеркивание, перевертывание, использование различных «сидилей» вело «к чрезмерному увеличению» количества типографских знаков. Практика убеждала, что графика, воспринимаемая как «только средство», на самом деле «ключ к грамотности, к культуре»¹⁵¹.

Досталось от Сердюченко и профессору М. Беляеву за ссылки на крупнейшего лингвиста Ф. де-Соссюра, социолога Э. Дюркгейма. Они, по мнению критика, привели Беляева к «неверным, механистическим и идеалистическим установкам». Досталось тому и за «собственное теоретизирование», что «слова и формы языка, его система в целом и в частях являются *традиционно установившейся и вновь устанавливающейся системой сознания*, грамматические формы его – формы социального сознания». Где же, восклицает критик, «мировоззрение общественного человека, классовая борьба»?¹⁵² И не нужно «быть слепым, чтобы не видеть ... проповеди индоевропейской лингвистики», «некритическое рекламирование психологизма идеалиста Вундта», «чистейший механицизм», отсутствие «материалистической системы языкознания» и «языковедного наследия Маркса-Энгельса-Ленина»¹⁵³.

Через год разгромной критике Сердюченко подверг грамматику кабардинского автора Т.М. Борукаева из-за трудностей подогнать на латинице написание даже слов Москва, Ленинград и Харьков. Варшава передавалась как «Барбача»¹⁵⁴. Особенно раздражали критика попытки в терминологических словарях объяснить понятия «революция», «буржуазия», «пролетариат», «коммунист». Введение их в неизменном виде вызывали нарекания с орфографической точки зрения. Например, в кабардинской орфографии «буржуазия» – «biziaz», в адыгейской орфографии «революция» – «rivoluc», «пролетариат» – «prelitar» и т. д. Но сам же Сердюченко отверг поиски Н. Яковлевым синонимов в родных языках, назвав их чем-то «необычайно затхлым, старым»¹⁵⁵.

Необходимость вести работу в темпах, диктуемых партийными органами, приводила к тому, что даже имеющиеся в родном языке слова стали заменяться русскими, но написанными латиницей. Например, вряд ли у черкесов не было слова «отпор», или «северный», или «рынок». Но эти слова, «простые и легко заме-

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 114. Д. 358. Л. 114–121.

¹⁵¹ Яковлев Н. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 27–31.

¹⁵² Культура и письменность горских народов Северного Кавказа. Сб. ст. Владикавказ: Крайнаиздат, 1930. С. 62.

¹⁵³ Сердюченко Г. Больше внимания вопросам языкового строительства в национальных областях // Просвещение национальностей. 1932. № 1. С. 56–60.

¹⁵⁴ Тахтамышев К. Латинизация на Северном Кавказе // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 94; Сердюченко Г.П. Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве // Революция и горец. 1933. № 6–7. С. 63–64.

¹⁵⁵ Сердюченко Г.П. Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве // Революция и горец. 1933. № 6–7. С. 63.

нимые», прямо заимствовались из русского языка и вводились в словарь «механически-произвольно», записывались латиницей даже без изменения их грамматических окончаний. Но такие практики считались прогрессивным «обогащением» за счет заимствований из русского языка. А. Выдрин цитирует из книги 1932 г. (издание АН СССР): «В узбекском языке появилась масса новых слов, понятных каждому: на наших глазах происходит форменное скрещение языков, появляются русско-узбекские слова и обороты: “исдавай килдим – сделал”, “галаваси ишламайди – голова не работает”, “рубильник терпет этмайди – рубильник не терпит”»¹⁵⁶. Это обедняло родной язык и обижало его носителей. «В каракаевском языке многие простые имеющиеся слова, такие как “центр”, “задача”», «в одном случае пишутся без перевода, в другом – с переводом, но в большинстве случаев – неверным». Так, слово «реализация», которому легко подобрать синоним, перевели словом, «означающим буквально “расстилать”. “Центр” – как “промежуточное расстояние”». «Извращения делаются даже в передаче собственных имен. Так, в Чувашии “Борис” передают как “Норис”, “Тегель” как “Кегель”. На одном из тюркско-татарских языков “Степанов-Скворцов” передали как “Истипин-Искириц”, “Сталин” передается то как “Исталин”, то как “Усталин” или “Эй-сталин”». На VII Съезде Советов Татарии в марте 1927 г. нарком Ф. Мухамедьяров предостерегал: реализация татарского языка превращается в «переписывание русских слов, выражений татарскими буквами»¹⁵⁷.

Для населения смысл перевода общественно-политических терминов оказывался не только неточным, но и двусмысленным. Например, в адыгейском языке слово «ударник» переводилось как «бурно живущий»¹⁵⁸. Слово «ударничество» по-ингушски вообще переведено как «газават». Горцы лишь начинали осваивать город, получать зарплату на промышленных предприятиях. Повседневные заботы интересовали людей гораздо больше, чем то, что переводчик неточно перевел термин «финансовый капитал»¹⁵⁹. Затруднялось повседневное общение населения с властью, с работодателями. Власть отмечала: телеграфные сообщения (ими изобиловала связь центра с местами) невозможно и передать, и прочесть из-за постоянных экспериментов по унификации букв, их сокращению, постоянному изменению начертания букв.

Повсеместный переход на латиницу создал большие проблемы для издания газет. Трудноразрешимые и даже неразрешимые – для машинисток и телеграфисток. 14 апреля 1924 г. Президиум ВЦИК постановил перевести делопроизводство на местные языки. Неточность переводов решений и постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркомов СССР и РСФСР, постановлений и инструкций местных органов о том, как должны заводские магазины отоваривать,

¹⁵⁶ Выдрин А. Фитрат, Поливанов, Сталин и другие: Языковая политика в Узбекистане // Звезда Востока. 1994. № 5–6. С. 3.
¹⁵⁷ Хабутдинов А. Лидеры нации. С. 36.

¹⁵⁸ См.: Тахтамишев К. Латинизация на Северном Кавказе // Революция и письменность. 1930. № 4–5. С. 80–96; Сердюченко Г. Больше внимания вопросам языкового строительства в национальных областях // Просвещение национальностей. 1932. № 1. С. 60; Ашхамаф Д. К вопросу о языковом строительстве // Революция и горец. 1932. № 2–3. С. 134.

¹⁵⁹ Булгучев С.М. Недопустимая безответственность в переводе партийных документов на нацязыки // Революция и горец. 1933. № 1–2. С. 109–110.

например, заборные книжки, осуществлять снабжение, людей не могла не волновать. Да и у власти возрастали расходы на переоборудование полиграфической промышленности, на переобучение типографских кадров, переиздание книг, «в особенности наиболее жизненно-необходимых»¹⁶⁰.

Идею переиздания всей литературы новым шрифтом иначе как безумной не назовешь. Латинизация график языков народов СССР продолжалась, но в руководстве страны начинали смотреть на результаты с нарастающим раздражением. На пленуме научного совета ВЦКНА в 1933 г. произошел жесткий разговор между учеными и партийными руководителями. Заместитель заведующего АППО ЦК ВКП(б) С. Диманштейн, входивший в руководство ВЦКНА, спрашивал: как могло получиться, что большая часть напечатанных латиницей словарей и книг немедленно отправляется в макулатуру из-за откровенно халтурной их подготовки? Почему пишущие машинки с новым алфавитом существуют лишь в опытных экземплярах и их производство после стольких лет латинизации только собираются осваивать? Почему не создана стенография на новых алфавитах, и совещания и пленумы невозможно стенографировать? Почему, наконец, никто не задумался о том, что вся телеграфная сеть в стране построена на использовании кириллицы и телеграмму отправить ни на одном новом алфавите невозможно? Но главное, почему так плохо переводятся произведения классиков марксизма Ленина и Сталина? Нет ли в том вредительства? В переводе речи Сталина «Об итогах пятилетки» на чувашском языке выражение «чрезвычайно усилили мощь СССР» передано как «безобразно сильно увеличили мощь СССР». Термин «максимальное усиление» передан как «усиление по мере надобности». В переводах «Вопросов ленинизма» Сталина на бурят-монгольский язык термин «общество» передан как «кружок», «организация»; термин «рабочий» и «трудящийся» отождествлен, слово «иллюзия» переведено трояко: 1) «блуждание и затуманивание», 2) «пустые слова», 3) «недопустимые, обманные дела». В переводах на таджикский язык термин «государственный переворот» передан как «государственные изменения». По-тюркски «реконструкция» переведена как «реформа». «Генеральная линия» переводилась по-таджикски как «царская дорога» (шахрат), а по-бурят-монгольски как «генеральная линейка». «Русская история» М.Н. Покровского вышла на казахском языке как история М.Н. Богоровского. В марийском словаре (срочно изъят) «революция» переведена как «беспорядочное движение». Мало кто стал уточнять, какими словарями пользовался переводчик. Между прочим, в «Толковом словаре» В.И. Даля революция-то и объяснена как «переворот, внезапная перемена состояния, порядка, отношений; смута или тревога; государственная смута, восстание, возмущение, мятеж, крамола и насильственный переворот гражданского быта». Революционер как «смутчик, возмутитель, крамольник, мятежник»¹⁶¹.

¹⁶⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 4. Л. 1.

¹⁶¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т. 4. С. 88.

Обращаясь к историческому контексту тридцатых годов, вопрос о переводах с языков народов СССР поставлен на Первом съезде советских писателей в 1934 году А.М. Горьким. Он уделил внимание фольклорному богатству многонационального Союза ССР. Союз Советских Писателей, объединивший литераторов, пишущих более чем на ста различных языках, ставил задачей ознакомить советских читателей с лучшими образцами творчества всех народов в переводе на русский язык. Переводы перестали быть делом любителей и знатоков других языков и культур, превратились в идеологически ответственное дело. Вопрос о переводах рассматривался на пленумах Правления СП СССР, в республиканских Союзах писателей. Через них претворялась в жизнь политика по созданию национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, внедрялся метод социалистического реализма в литературу и искусство: «Развернувшаяся после съезда переводческая работа явилась фактором огромного культурно-революционного значения, укрепляющим дружбу народов... Пленум поручает секретариату ССП расширить переводную работу, обратив особое внимание на качество переводов, привлекая к ним лучших мастеров»¹⁶². Озабоченность качеством переводов связана не только с культурными задачами. Остро стал вопрос о переводе на языки народов СССР Сталинской конституции и Краткого курса истории ВКП(б), трудов классиков марксизма-ленинизма, постановлений партии и правительства, речей и другой политической литературы. Особенное внимание уделялось тому, чтобы не допустить искажений, двусмысленности или различия в толковании политически важных текстов. Возникла потребность в новых словарях, в которых отражен словарный и понятийный состав литературного языка нового культурно-сложного общества, национального по форме и социалистического по содержанию. Требования к идеологически качественным переводам перенесены на личность переводчиков, которых стали подвергать строжайшей проверке, особенно в проработке материалов о контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевских элементов, после специального письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года. Появилось обвинение в троцкизме и антипартийной деятельности переводчиков партийной литературы.

Несмотря на грозные указания, ситуация не менялась. В ЦК продолжали поступать доклады, что идеологически важные тексты при переводе искажены или выброшены непонятные переводчику куски. В 1935 г., например, при проверке книг, изданных в Казахстане, в «Беседах о ленинизме» выявлены «следующие искажения текста, приводящие к политическим извращениям: на стр. 254 русского текста: “Практика показала, насколько неправильно и недопустимо выделять и осуществлять отдельные мероприятия, оторванные от всей системы”, переведено: “Практика показала и невозможность, и ошибочность осуществления в жизнь хотя бы одного из условий тов. Сталина, не говоря уже о других (стр. 227 казахского текста)”».

¹⁶² Литературная газета. 1936. 24 февраля.

Власть, конечно, искала «происки классовых врагов». ОГПУ информировало: из 922 перлюстрированных писем горожан видно, что 83,9% недовольны уровнем народного образования¹⁶³. Арестованный в 1931 г. Дж. Валиди настаивал: «Слишком много усматривается соответствующими организациями контрреволюции в научной и художественной литературе»¹⁶⁴.

Руководство же в республиках профессиональные трудности списывало на отсутствие классовой бдительности, недостаточную «марксистско-ленинскую вооруженность», «враждебные маневры классового врага, требовавшего многобуквенность алфавитов». В результате получалось «искажение политического смысла ... и большая путаница»¹⁶⁵, отмечал председатель СНК Дагестанской АССР Д. Коркмасов. В сборнике «15 лет Советской Башкирии» (1934 г.) ликвидированный Академцентр назван «гнездом» национализма: «учреждения были наполнены такими антисоветскими участниками валидовской контрреволюции как Мрясов, Вильданов, Адигамоу, которые пытались выработать «безвинный, целомудренный чистый башкирский язык»¹⁶⁶.

Партийные органы обвиняли ВЦК НА в том, что последний возвел «латинизацию в какой-то абсолютный принцип или самоцель», начал «искусственно создавать латинизированные алфавиты для целого ряда малочисленных племен и незначительных этнических групп», препятствуя тем самым «развивающейся тяге народов Советского Союза к взаимному сближению»¹⁶⁷.

В газетах появились многочисленные письма-обращения рабочих и колхозников, заявляющих, что латиница им не подходит и выражающих желание перейти на кириллицу. В 1935 г. был поставлен вопрос о переводе языков народов СССР на кириллицу. Впервые на заседании Президиума ВЦИК от 10 февраля 1935 г. было заявлено о переводе на кириллицу народов Севера¹⁶⁸. «По просьбам трудящихся» языки народов СССР стали переводиться с латинской основы на кириллическую. Высшие органы партии рассматривали одну просьбу за другой. Сохранились многочисленные постановления о переводе адыгейской, бурятской, якутской, абазинской, ногайской, карачаевской, ингушской, чеченской, хакаской и др. письменностей на русскую основу. 13 марта 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»¹⁶⁹. Преподавание русского языка как предмета изучения в школах национальных республик и областей обосновано тем, что «знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту». Переход на кириллицу про-

¹⁶³ Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33–34.

¹⁶⁴ Дж. Валиди. «У меня разногласия с совластью» // Эхо веков. 1996. № 1–2. С. 150–173.

¹⁶⁵ Коркмасов Д. Всесоюзный комитет нового алфавита на новом этапе // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 17.

¹⁶⁶ Ергин Ю. «Хочу передать своему народу мой опыт и знания ...». К 125-летию со дня рождения Г.Ф. Вильданова – башкирского фольклориста // Бельские просторы. 2004. № 2.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 751. Л. 40.

¹⁶⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 91.

¹⁶⁹ Там же. С. 391–394.

ходил более высокими темпами, чем на латиницу. Но не было синхронности, которая наблюдалась при первой смене алфавитов: сроки на этот раз устанавливались очень жесткие – один-два года и не более. Начавшийся в 1939 г. переход на кириллицу в некоторых местностях осуществили в три месяца. Руководство и рядовые члены ВЦК НА возражали, но ВЦК НА был распущен, его руководители – П. Мусабеков, С. Диманштейн, Дж. Коркмасов репрессированы. Единого государственного органа, специально занимающегося только этой проблемой, уже не было. Об успешном завершении кириллизации объявлено в июне 1941 г. Но на самом деле латинизация продержалась до 1950-х годов: у курдов – до 1946 г., у уйгуров – до 1947 г., у дунган – до 1953 г.¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Мусаев К.М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР) // Алматы: Гылым, 1993. С. 53, 135.

Глава 5

НАУКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

§ 1. Ученые на службе нацистроительства

Советская власть позиционировала себя в качестве преобразующей силы, построенной не только на идеях нового социально-экономического порядка, но и организованной на научных основах. Правда, с самого начала большевики подходили к научному знанию избирательно, разделяя его по классовому принципу. Получалось, что есть правильная – материалистическая наука, и неправильная – идеалистическая. Собственно, последняя наукой не считалась. Имея монополию на насилие, а также захватив почти все материальные ресурсы, партия взяла на себя и функцию определения качества научного знания, его соответствия нуждам социалистического строительства, идеологической корректности и т. д.

Несмотря на это, мы не можем говорить, что научное сообщество полностью потеряло свою автономию. Власть нуждалась в специалистах, как с точки зрения практики (без науки немыслимо было построить новое общество и провести индустриализацию), так и с точки зрения пропаганды (наука и ученые быстро превратились в своеобразную «витрину» нового общества).

СССР представлял собой форму современного государства¹. Научное знание в нем рассматривалось как необходимый инструмент исследования, поддержания порядка и преобразования мира. Еще одной особенностью современного общества являлось склонность к унификации и сведению всей сложности развития человека и общества к единым (пусть и зачастую конкурирующим) формулам. От XIX в. и марксизма большевики прочно усвоили идеи прогресса, универсальности развития общества и материализм. Народы в этой парадигме рассматривались как элементы единого движения человечества от одной стадии (формации) к другой, более прогрессивной. В этой связи советское государство было готово рьяно выполнять свою культуртрегерскую роль, двигая народы по пути прогресса, конечным пунктом которого станет коммунизм.

Взаимоотношения между учеными и советской властью можно охарактеризовать как неравноправное партнерство, в котором правила игры определялись властью, но она была вынуждена учитывать интересы научного сообщества и в

¹ Об этом см.: Хоффман Д. Вращивание масс: Современное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. По наблюдению С. Коткина, модернизм идентифицируется через триаду: массовое производство – массовая культура – массовая политика (Kotkin S. Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction // Kritika. 2000. Vol. 2. № 1. P. 111–164).

целом принимать сложившуюся в нем систему неформальных связей, иерархий, этических принципов и т. д. В свою очередь ученые были готовы идти на сотрудничество с новой властью (это при том, что абсолютное большинство первоначально ее не принимало), исходя не только из-за материальной заинтересованности, но и в силу следования этосу служения обществу. Для ряда ученых строительство социализма стало своеобразным окном возможностей, позволяющим реализовать проекты, невозможные до революции. Именно они охотнее шли на сотрудничество с большевиками.

По мнению Ф. Хёрш, в случае Советского Союза можно говорить о новом типе «научного государства», поскольку советская власть выстроила устойчивую систему привлечения ученых и специалистов для решения актуальных проблем. Впрочем, оно же требовало, чтобы они перестроили свои дисциплины в соответствии с требованиями марксизма-ленинизма².

В то же время необходимо учитывать тот факт, что советская наука возникла не на пустом месте, а во многом являлась прямой наследницей дореволюционной. Многие проекты по ее реорганизации возникли еще до революции и были реализованы уже в новых условиях. Мощным стимулом в развитии новых форм организации науки стала Первая мировая война. Именно вызовами военного времени объясняется появление Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС).

В ходе Первой мировой войны значительные территории Российской империи оказались под немецкой оккупацией. Немцы достаточно быстро начали разыгрывать национальную карту в своей политике на оккупированных территориях, что вызвало понятное беспокойство российского правительства, подключившего к решению проблемы и академическую среду. Этот шаг имел далеко идущие последствия для взаимоотношений между властью и этнографией (антропологией), поскольку теперь эта научная дисциплина оказалась встроена в государственную систему³.

14 февраля 1917 г. была организована Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей. Падение царской власти заставило организаторов Комиссии шире взглянуть на ее задачи. 1 апреля 1917 г. она получает наименование Комиссия по изучению племенного состава России⁴. В нее вошли академики А.А. Шахматов, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, В.Н. Перетц, Е.Ф. Карский. Сотрудники комиссии быстро нашли общий язык с новой властью и получили от Временного правительства первые субсидии и задания. Предполагалось, что комиссия займется планомерным изучением национального состава России, подготовит этнические карты и исследовательские очерки. КИПС принимала участие и в организации так и не состоявшейся переписи населения в 1917 году⁵.

² Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 312–313.

³ Мозильнер М. *Номо imperii: История физической антропологии в России*. М., 2008. С. 454–455.

⁴ Псячин А.В. Комиссия по изучению племенного состава населения: от картографии к переписи населения. Уфа, 2010. С. 5–7.

⁵ Кадио Ж. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 18901–1940. М., 2010. С. 146–147.*

Пришедшие к власти большевики продолжили сотрудничество с КИПС, поскольку было ясно, что без экспертного знания решение национальных проблем невозможно. Многие члены комиссии, а также ряд других специалистов (среди них Е.Ф. Карский, М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский, В.М. Игнатовский и др.) принимали участие в научном обосновании этнических границ белорусского народа, после того, как Польша предъявила претензии на свои «исконные территории». Составленная Е.Ф. Карским еще до революции этническая карта белорусов стала веским аргументом в определении границ Белорусской ССР⁶. В дальнейшем этнографические аргументы активно использовались руководством республики для решения своих территориальных проблем уже в рамках СССР. Активно работала и кавказская комиссия КИПС под руководством Н.Я. Марра, целью которой было исследование и определение этнических границ в сложном и конфликтном регионе. Н.Я. Марр организовал Кавказский историко-археологический институт.

Огромную роль КИПС сыграла в подготовке и проведении всесоюзных переписей. Здесь она действовала в тесной связке с ЦСУ. Благодаря рекомендациям КИПС при переписи 1920 г. национальность определялась через призму самосознания, «индивидуального самоопределения»⁷. Безусловно, статистики столкнулись с многочисленными методологическими трудностями при классификации полученных данных (и это помимо реальных трудностей, часто связанных с риском для жизни, когда на переписчиков нападали бандиты). Нередко люди не могли определить свою национальную принадлежность, часто они под разными этнонимами понимали одно и то же (например, в переписи были и малороссы, и украинцы). Тем не менее принцип «индивидуального самоопределения» был огромным шагом вперед в понимании этничности. Он же лег в основу и переписи 1926 г.⁸ В 1924 г. сотрудники КИПС насчитали 191 «племенную единицу», но воздержались от точного определения этнического состава СССР, ссылаясь на недостаток данных и необходимость дальнейшей работы по сбору материалов⁹. По итогам переписи 1926 г. КИПС подготовила «Список народностей Союза Советских Социалистических Республик», опубликованный в 1927 г. и включавший 188 народов.

Таким образом, КИПС оказалась важнейшей институцией, определяющей этническую политику. Полученные при помощи разработанной ею методологии данные легли в основу классификации национальностей, принятой в 1920-е гг. В значительной степени предложенный учеными-этнографами принцип «индивидуального самоопределения» превратился в мощный стимул процесса коренизации и «позитивной дискриминации» в национальной политике. Самоопределение превращало человека не в объект, а субъект национальной

⁶ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 298–300.

⁷ Блюм А., Меспузе М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2008. С. 210.

⁸ Кадио Ж. Указ. соч. С. 158, 179–181.

⁹ Псянчин А.В. Указ. соч. С. 19.

политики, поскольку он сам мог (конечно, в идеале) решать к какому народу принадлежит. В этой ситуации в тысячах локальных миров началась борьба за сторонников «национальных партий» (имеются в виду национальные группы, которые, согласно советской политике, могли требовать особых культурных и гражданских прав), поскольку каждый был волен самостоятельно определить свою национальную принадлежность. В немалой степени это привело к тому, что описал Т. Мартин: «Прочертить любую национальную границу значит создать этнический конфликт. А в Советском Союзе были прочерчены буквально десятки тысяч национальных границ. И в результате каждая деревня, а по сути и каждый человек, вынуждены были заявить о верности своему этносу и бороться, чтобы остаться национальным большинством и не стать меньшинством. Трудно себе представить любую другую меру, которая могла бы больше способствовать этнической мобилизации и этническим конфликтам»¹⁰.

В 1929 г. КИПС прекратила свое существование. В деле фиксации этнической картины основная тяжесть теперь лежала на статистиках из ЦСУ. Под давлением ряда факторов в 1930-е гг. в СССР изменился принцип определения национальностей. До репрессий 1937 г. советская статистическая служба руководствовалась в своей деятельности научными принципами, а не идеологической заданностью¹¹. Уже в 1937 г. перепись насчитала только 109 народов, многие были автоматически приписаны к «большим народам»¹². Теперь доминировала не научная, а административно-надзорная логика.

На смену КИПС пришел в 1930 г. Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), его сначала возглавил влиятельный Н.Я. Марр, которого быстро сменил Н.М. Маторин. В центре внимания нового учреждения стояли по большей части фундаментальные задачи: история народов СССР, изучение материального производства в национальных районах, исследование религии, наконец, подготовка масштабного справочника «Народы СССР». Объединение в 1933 г. ИПИИ и Музея антропологии и этнографии привело к появлению Института антропологии и этнографии АН СССР¹³.

Советские этнографы осознавали себя частью национального строительства. Об этом свидетельствует и знаковое для развития дисциплины совещание представителей Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. На нем обсуждались многие проблемы этнографии как науки, ее категориальный аппарат и общественный статус. Для примера достаточно привести заявления ряда ее участников. Так, С.П. Толстов говорил: «Вопрос национального строительства, безусловно, составляет центральную задачу этнографической науки у нас в Союзе»¹⁴. Ему вторил Богаевский: «Наша советская этнология должна быть не чем иным, как научно-марк-

¹⁰ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 105.

¹¹ Блюм А., Меспузе М. Указ. соч. С. 100.

¹² Там же. С. 210.

¹³ Решетов А.М. Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 28–29.

¹⁴ От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, Д.Дж. Андерсона. СПб., 2014. С. 151.

систским обоснованием Союза более чем 156 народностей»¹⁵. Н.Н. Маторин говорил об этнографах-общественниках, принимающих активное участие в национальном строительстве. Это участие приобретало вполне конкретные формы: помимо собственно изучения народов, оно предполагало антирелигиозную пропаганду, участие в интернациональном воспитании и т. д. Впрочем, на совещании признавался недостаток кадров и ресурсов этнографической науки. Поэтому активный этнограф-общественник часто был скорее желательной, а не реальной фигурой.

Огромную роль научное знание сыграло в нацистроительстве в Центральной Азии. Географическое, политическое и экономическое освоение Востока традиционно дополнялось его научным исследованием. В России появляется и активно развивается отечественная школа востоковедения¹⁶. Постепенно происходил отход от взгляда на Восток как на что-то «иное», экзотическое по отношению к России. Благодаря усилиям Н.П. Кондакова, В.Р. Розена, Н.И. Веселовского, Н.Я. Марра и В.В. Бартольда, русская культура начинает рассматриваться как «результат совместных усилий всех народов Российской империи, в том числе Кавказа и Средней Азии»¹⁷. Более того, с конца XIX в. элита империи все больше обращает свое внимание на восток, считая, что именно там находятся интересы России¹⁸.

Если традиционное востоковедение интересовали в первую очередь культурно-исторические явления¹⁹, то В.В. Бартольд в своих исследованиях и обобщающих трудах сформулировал концепцию Средней Азии как целостного историко-культурного и экономического региона²⁰. По наблюдению ряда исследователей, российские востоковеды, «имперские ученые», приняли заметное участие в формировании советской национальной политики на ее ранних этапах²¹.

Помимо российских востоковедов, группировавшихся вокруг престижных университетских кафедр, в области изучения Туркестана и тюркских народов большую роль играли историки, вышедшие из самой тюркоязычной среды. В сочинениях Ш. Марджани, Х. Атласи, З. Валиди, Х. Габяши, Р. Фахретдина, Р. Измаилова обосновывалась концепция, утверждавшая континуитет тюрко-татарской истории с древних тюркских государств (Тюркского и Хазарского каганатов)²².

¹⁵ От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, Д. Дж. Андерсона. СПб., 2014. С. 160.

¹⁶ См.: Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925; История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв. ред. Ким Г.Ф., Шаститко П.М. М., 1990.

¹⁷ Толыз В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013. С. 67; Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России: идеология и практика управления. 1917–1941 гг. М., 2020. С. 16–17.

¹⁸ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 71–72.

¹⁹ Так в Восток смотрел, в частности, Б.А. Тураев: Захаров А.О. «Древний Восток» в теоретических построениях Б.А. Тураева и В.В. Струве // Ориентализм vs ориенталистика. Сб. М., 2016. С. 31.

²⁰ Bustanov A.K. Soviet Orientalism and the creation of Central Asian nation. NY, 2015. P. 37.; Бустанов А.К. Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» Ленинградского востоковедения // Ориентализм vs ориенталистика. С. 124.

²¹ Hirsch F. Empire of Nations. P. 7–8; Толыз В. Указ. соч. С. 240–241; По мнению А. Халида, участие научных экспертов не стоит преувеличивать: Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire and Revolution in the Early USSR. NY, 2015. P. 288.

²² Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г.: Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 335.

Первоначально центральную роль в изучении и охране исторического прошлого Средней Азии играл Туркестанский комитет по охране памятников искусства и старины (Туркомстарис), возглавлявшийся Д.И. Нечкиным. Сотрудниками были русские, а финансирование шло на союзном уровне. Фактически организация в непростое время реализовывала концепцию изучения региона как единого целого. Но после национально-государственного размежевания организация прекратила свое существование, а исследование памятников было разделено между образованными республиками, что стало еще одним шагом на пути к «национализации» истории советской Центральной Азии²³.

В 1918 г. в Ташкенте открылся Туркестанский институт востоковедения, который в 1924 г. вошел в Ташкентский государственный университет в качестве факультета. Здесь же был опубликован курс лекций «История Туркестана», подготовленный В.В. Бартольдом и прочитанный для местной аудитории²⁴. С кафедры Ташкентского университета знаменитый востоковед представил прошлое Туркестана как развитие единого историко-культурного региона с большим потенциалом.

Очевидно, что историю Средней Азии в советское время нужно было рассматривать через призму марксизма. Предложенная Бартольдом фактическая канва была достаточно убедительна и приемлема, но мало соответствовала формационной концепции. Теория торгового капитализма М.Н. Покровского, господствовавшая в 1920-е гг., уже не подходила ни по политическим, ни по методологическим критериям. Поэтому 1930-е гг. ознаменовались острыми методологическими спорами. Для изучения истории Средней Азии важнейшей оказалась дискуссия вокруг понятия «кочевой феодализм».

Если Бартольд, имевший репутацию ученого, внесшего главный вклад в изучение средневековой истории Средней Азии, осторожно говорил об «удельном строе», привнесенном кочевыми «турками», то для советской историографии вопрос о феодализме и его месте в истории народов СССР стал центральным. Еще в 1920-е гг. известный историк и этнограф П.И. Кушнер писал, что у кочевников существовало «племенное государство», которое рано или поздно феодализировалось, развиваясь по универсальному для мировой истории пути²⁵. С.П. Толстов выдвинул в 1933 г. теорию «кочевого феодализма». С его точки зрения, кочевники проходили обязательную рабовладельческую стадию, а феодализм в кочевом обществе существовал в форме права на рабов и кочевой скот, а не на землю в его классическом варианте²⁶. Несколько иначе на это смотрел Б.Я. Владимирцов, указывавший, что феодальная собственность у кочевников была на скот и на пастбища, то есть землю, что сближало «кочевой феодализм» с классическим²⁷. Именно вокруг объекта

²³ Горшенина С.М. Туркомстарис-Средазкомстарис-Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 1. С. 52–68.

²⁴ Бартольд В.В. История Туркестана // *Бартольд В.В. Сочинения*. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 109.

²⁵ Адымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг. М., 2006. С. 87–124.

²⁶ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // *Основные проблемы генезиса и развития феодального общества*. М.; Л., 1934. С. 165–202.

²⁷ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

собственности (скот или земля) будут «ломаться копыя» в дальнейшем.

Советские ученые сыграли заметную роль в дискуссиях о седентаризации кочевых народов. В прогрессистской модели кочевники являются представителями устаревшего экономического уклада, который следует перестроить и перевести номадов к оседлому образу жизни и хозяйствованию. Но не все специалисты были согласны с таким упрощенным взглядом. Как считает Ф.А. Сеницын, в ходе этих дискуссий выделилась «партия ученых», которые предостерегали от форсированного решения проблемы. По мнению Т.Р. Рыскулова и И.А. Руковишниковой, в отношении Киргизии и Бурятии следует говорить об их «естественной приспособленности» к животноводству. Следовательно, кочевая экономика является следствием географических условий и отличается высокой эффективностью. Статистики С.П. Швецов, М.Г. Сириус, а также бывший член Алаш А.А. Ермаков указывали на то, что кочевое хозяйство идеально подходит и для Казахстана. Также ученые подчеркивали, что кочевники не являются представителями какой-то «более низкой культуры» по сравнению с земледельцами.

В этих условиях С.П. Швецов выдвигал идею симбиоза кочевого и земледельческого хозяйства. Таким образом, несмотря на различные позиции по оценке кочевой цивилизации, ученые предлагали осторожно подойти к седентаризации, учитывать все лучшее, что выработали кочевники Средней Азии. Тем не менее партийное руководство и исполнители на местах были склонны к радикальному сценарию решения проблемы кочевников. Непродуманные действия привели к тяжелому кризису в годы коллективизации²⁸.

Помимо изучения народов Советского Союза и экспертного участия ученые сыграли большую роль в развитии высшего образования в республиках. Показателен в этой ситуации пример с Белорусской ССР. Давно отмечено, что университеты играют колоссальную роль в нациестроительстве. В Российской империи именно университеты оказывались настоящими «лабораториями» национальных движений. Отнюдь не случайно, что царское правительство очень настороженно относилось к открытию университетов в национальных окраинах, справедливо видя в них источник распространения не только вольнодумства, но и национализма. Показательно, что именно Киевский университет играл центральную роль в формировании украинского движения, а в Белоруссии, где университета не было до советской власти, такое движение так и не оформилось²⁹.

Именно советская власть изменила ситуацию. В 1920-е гг. в республике проводилось культурное строительство. В 1921 г. в первую очередь благодаря усилиям В.И. Пичеты в Минске открылся Белорусский государственный университет, целью которого являлось формирование местной интеллигенции. В республике проводилась интенсивная политика коренизации и развития органов самоуправления национальных меньшинств³⁰. В 1928 г. была открыта Бе-

²⁸ Сеницын Ф.А. Советское государство и кочевники: История, политика, население. 1917–1991 гг. М., 2019. С. 45–56.

²⁹ Касьянов Г., Миллер А. Россия–Украина: Как пишется история. М., 2011. С. 183.

³⁰ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 71–72.

лорусская академия наук. Правда, первоначально из-за недостатка белорусских научных кадров она комплектовалась из ученых, так или иначе «связанных» с Белоруссией³¹. Значимым фактором развития Белорусской ССР в 1920–1930-е гг. являлось ее пограничное положение с Польшей и претензии на белорусские земли, отошедшие полякам по Рижскому миру. В противостоянии с Польшей советское руководство активно применяло «пьемонтский принцип», развивая белорусскую культуру и государственность, стараясь тем самым сделать Советский Союз привлекательным для «западных» белорусов³².

Но в 1930 г., по результатам работы комиссии под руководством В.П. Затонского, считавшего, что в республике оказались слишком сильны позиции местных национал-коммунистов и националистически настроенных сменевеховцев, в Белоруссии начались чистки. Было объявлено об обнаружении националистической антисоветской организации «Союз освобождения Белоруссии». Репрессии затронули БГУ и академию наук³³. Под маховик репрессий попал и В.И. Пичета. Его уволили с поста ректора, а затем он оказался вовлечен в аналогичное дело в РСФСР, после чего его сослали в Вятку³⁴.

Но после возврата исторического образования в школы и высшие учебные заведения В.И. Пичета вновь оказывается востребованным советской властью. Особенно его знания пригодились после присоединения в 1939 г. Западной Белоруссии и Западной Украины. Присоединение исторически обосновывалось. Так, на историческом факультете 1 октября ЛГУ прошла сессия, посвященная «освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии от польского ига»³⁵. 22 октября состоялся пленум Института истории материальной культуры АН СССР, где прозвучали доклады по истории Западной Украины³⁶. А в Государственном историческом музее открылась выставка, посвященная истории Западной Украины и Западной Белоруссии³⁷. В «Историческом журнале» была опубликована обзорная статья Ю.В. Готье «Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии»³⁸.

Карьера В.И. Пичеты в этой ситуации пошла в гору. В 1939 г. его избирают членом-корреспондентом АН СССР. Он же готовит записку для ЦК в связи с необходимостью изменения границы Белорусской ССР. В ней он категорически отвергал возможность определения южных границ между Украинской ССР и Белорусской ССР на основе известной этнографической карты Белоруссии, состав-

³¹ «История белорусского народа довольно своеобразна»: доклад В.И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР». 1944 г. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 51.

³² Борисенко Ю.А. Особенности ускоренной белорусизации в Полоцком регионе и польский фактор (1923–1928 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 96–104.

³³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 358–370.

³⁴ Иоффе Э.Г. Владимир Иванович Пичета // Портреты историков: Время и судьбы. М.-Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 179.

³⁵ Историк-марксист. 1941. № 2. С. 140.

³⁶ Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.-Л., 1940. Вып. 111. С. 3–21.

³⁷ Правда. 10 ноября 1939 г.

³⁸ Исторический журнал. 1940. № 1. С. 94–99.

ленной в 1918 г. Е.Ф. Карским. Пичета доказывал, что необходимо рассматривать экономическую, культурную и историческую связь районов и считал, что в основу разграничения должны быть положены старые административные границы³⁹.

Большую роль в продвижении национальной политики сыграли такие специализированные институты, как Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938) и Институт народов Севера (организован в 1930 г.). Они должны были стать кузницей кадров для бывших «колониальных» народов. Одновременно они становились центрами модернизационных проектов, направленных на решение множества проблем нациестроительства: разработку письменного языка и алфавитов, развитие национальной культуры и науки, борьба с «пережитками» и т. д. Конечно же, выпускники рассматривались и как агенты советизации, в том числе и в мировом масштабе.

Коммунистический университет народов Востока готовил специалистов как из СССР, так и из зарубежных стран Востока. «Отсталые народы» Востока рассматривались в качестве одного из важнейших ресурсов грядущей мировой революции, как своеобразный мировой пролетариат, подвергающийся эксплуатации мировым империализмом и колониализмом⁴⁰. Структура института вполне отражала ориенталистские представления в отношении «неевропейских» народов союза. Так, в институт принимались не только студенты из Средней Азии и Дальнего Востока, но и с Кавказа, в том числе и «христианского»⁴¹. По мере развития сети высших образовательных учреждений в «восточных» республиках СССР острая нужда в их централизованной подготовке прошла⁴². Большой террор 1937–1938 гг., больно ударивший по центру международного комдвижения – Коминтерну, непосредственно отразился и на международных задачах института, поставив под сомнение необходимость международных коммунистических образовательных программ. В 1938 г. университет был закрыт.

В Советском Союзе северные народы стали предметом особого внимания, поскольку считалось, что именно по ним тяжелее всего ударила колонизаторская политика царизма. В 1924 г. был образован Комитет содействия народностям северных окраин, членами которого стали ведущие ученые, партийные и государственные деятели: П.Г. Смидович, С.М. Диманштейн, А.С. Енукидзе, Емельян Ярославский, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский и др. Именно комитет утверждал стратегию развития северных народов. Среди политиков и специалистов существовал консенсус: главной опасностью для малочисленных народов является «великорусский шовинизм» и их ассимиляция русскими. Крупнейший специалист по северным народам В.Г. Богораз считал, что в данном случае большой интерес

³⁹ Записка В.И. Пичета «К вопросу о южной границе БССР» // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 488–496.

⁴⁰ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. 2-е изд. М., 2017. С. 170–171.

⁴¹ Обзор истории и развития структуры института см.: Панин Е.В. Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. № 4 (18), т. 2. С. 201–206.

⁴² Записка заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, А.М. Кагановичу, А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Н.И. Ежову о Коммунистическом университете трудящихся Востока. 5 апреля 1937 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 238–239.

представляет американский опыт по созданию резерваций, который он предлагал применить и в СССР. Но в итоге было решено создавать и развивать автономные национальные образования, в рамках которых и должен произойти расцвет национального самосознания и культуры народов Севера⁴³.

Для взращивания национальных кадров для новых автономий в 1924 г. открылось Северное отделение рабфака ЛГУ. Первоначально планировалось набрать 40 слушателей, но даже это оказалось непосильной задачей, поскольку грамотность среди северных народов оставляла желать лучшего и лишь единицы готовы были переехать в большой город⁴⁴. В 1926 г. Северное отделение было преобразовано в Институт живых восточных языков. После ряда реорганизаций в 1930 г. был открыт Институт народов Севера при ВЦИК. В 1935 г. отмечалось 10-летие (?) института. В подготовленной в ЦИК записке указывалось, что за это время было 5 выпусков, а 118 человек выпускников были направлены на работу на Север. Нетрудно заметить, что этого явно было недостаточно. И это с учетом колоссальных трудностей, с которыми сталкивались как студенты, так и выпускники⁴⁵. Но уже в 1935 г. Институт насчитывал 320 студентов и 120 курсантов, которые представляли 30 народностей Севера. Кроме того, в Институте числилось 40 аспирантов, 60 научных сотрудников и 150 преподавателей и профессоров. Сотрудники Института создали письменность для 15 крупнейших народов Севера и 26 грамматик. Они могли с гордостью заявить, что на Крайнем Севере не осталось бесписьменных народов. Также Институт принимал непосредственное участие в развитии национальной литературы и даже физкультуры и спорта⁴⁶. В 1936 г. Институт передали в Главсевморпуть, а с 1939 г. в Наркомпрос. Наконец, в 1939 г. он вошел в Педагогический институт народов Севера.

В рамках Коммунистической академии непродолжительное время работала специальная Комиссия по изучению национального вопроса. Ее работа началась осенью 1927 г. В 1928 г. она вошла в состав Института советского строительства Комакадемии. В комиссию входило всего 7 членов: С.М. Диманштейн (руководитель), С.Д. Асфендиаров, С.Г. Томсинский, Б. Кульбешеров, Б.З. Шумяцкий, Ф.И. Драбкина, И.Д. Левин.

Несмотря на довольно скромные ресурсы, перед комиссией было поставлено множество масштабных задач, которые заключались: «1. В последовательной марксистской разработке национального вопроса, в борьбе с националистической идеологией (как великодержавной, так и местной) и со всеми извращениями и уклонами в этой области. 2. В систематическом изучении и учете опыта и достижений национальной политики и строительства в национальных рес-

⁴³ Слезкин Ю. Указ. соч. С. 174–180.

⁴⁴ Смирнова Т.М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 52–53.

⁴⁵ Слезкин Ю. Указ. соч. Глава. 7.

⁴⁶ Записка Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР в ЦК ВКП(б) о проведении десятилетнего юбилея Института народов Севера // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 144–145.

публиках и областях, в исследовании экономического, правового и культурного положения национальностей СССР, национальных республик и областей. 3. В изучении положения национальных меньшинств и национальной проблемы в буржуазных государствах»⁴⁷.

Из-за недостатка кадров основная работа Комиссии свелась к подготовке исследований и докладов на их основе. Впрочем, привлекались и сотрудники на договорной основе. Было организовано несколько экспедиций. Кроме того, Комиссия достаточно интенсивно налаживала международные связи с германскими, чехословацкими, французскими, венгерскими коллегами⁴⁸.

К сожалению, от Комиссии до нас дошло не так много документов, как хотелось бы. В сохранившемся фонде внимания заслуживает доклад С.М. Диманштейна «Проблемы культурного строительства в национальных республиках», сделанный на заседании Комиссии 24 января 1929 г. Докладчик не только являлся руководителем комиссии, но и считался признанным авторитетом в Советском Союзе по национальным вопросам. В начале 1920-х гг. занимал высшие должности в руководстве Туркестана. В 1930-х гг. он являлся редактором журнала «Революция и национальность». В 1938 г. был арестован, обвинен в троцкизме, связях с Бундом и расстрелян⁴⁹.

Представленный доклад являлся продолжением уже сделанного сообщения (которое обнаружить пока не удалось). В целом докладчик отталкивался от господствующих постулатов советской национальной политики, считая, что национальные культуры лишь форма для общей пролетарской культуры. Он признавал, что в СССР национальный вопрос все еще не разрешен. По мнению С.М. Диманштейна, в СССР на данном этапе происходило не сближение, а «кристаллизация» наций. Он считал это нормальным и естественным процессом, поскольку, согласно доминировавшей среди большевистского руководства теории, первоначально отсталые народы должны повысить свой уровень национального сознания, и только после этого национальности сменит социалистическая общность.

Но, как резонно указывал докладчик, для формирования единства необходимо создать соответствующую материальную инфраструктуру: «Я должен сказать, что тот факт, пока у нас не будет достаточно хорошо устроенного железнодорожного сообщения, может быть, воздушного, речного и т. д., между народами ... это в значительной степени будет удерживать возможность сближения между нациями в смысле культурном, чтобы иметь некоторую ассимиляцию между национальностями, иметь смешение в культурном отношении»⁵⁰. Стоит ли говорить, что слабая связь между регионами СССР действительно являлась ахиллесовой пятой всех планов по сближению народов.

⁴⁷ Комиссия по изучению национального вопроса Коммунистической Академии // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической Академии. 1928. № 4. С. 96–97.

⁴⁸ Переписка Комиссии по изучению национального вопроса Комакадемии с центральными и местными научными учреждениями об организации экспедиций, установлении контакта в работе и об участии в работах Комиссии // Архив РАН. Ф. 361. Оп. 1. Д. 5.

⁴⁹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд. М., 2003. С. 124–129.

⁵⁰ АРАН. Ф. 361 (Комиссия по изучению национального вопроса). Оп. 2. Д. 1. Л. 6.

Впрочем, рассуждая в рамках прогрессистской парадигмы, С.М. Диманштейн высказывал мысли, созвучные с идеями народников во второй половине XIX в. Так, признавая отсталость многих народов Советского Союза, он считал, что в этом есть и большой плюс. Они не знали «ужасов» буржуазного строя, и поэтому могут сразу перейти к более высокому уровню развития, приобщаясь к пролетарской культуре через советскую систему образования и новой культуры. Он оптимистично заявлял: «Теперь наши национальности приобщаются к новой культуре, которая сейчас создается, они имеют счастье получить сразу более здоровую, марксистскую, революционную пищу. Таким образом, для наших отсталых народностей это представляет уже большой плюс в этом деле»⁵¹. Классовое воспитание виделось ему одним из главных факторов успеха. Причем именно пролетариат должен сыграть главную роль в приобщении крестьянства к новому строю. В этом контексте колхозное строительство рассматривалось как форма культурной революции.

С.М. Диманштейн достаточно критично оценил работу советской школы. В частности, он указал на низкий уровень многих школьных учителей, отсутствие полноценного антирелигиозного воспитания. Также он признал ошибкой развитие национальной школы, поскольку в ней приходилось изучать много языков народов СССР, что слишком перегружало образовательный процесс, и без того шедший с большими трудностями: «... Наша национальная школа должна быть во что бы то ни стало хуже обычной школы по двум причинам: первая – у них отнимает очень много времени изучение языка ... у нас есть школа, где надо изучать четыре языка в школе первой ступени. Скажем, таджикам в Узбекистане»⁵².

Интересны и прения, прошедшие сразу после завершения доклада. Особенно активен был М.Я. Шульман. Он согласился с правильностью политики развития национальных культур для последующего их сближения, но выступал и против «перегибов». Например, выражал сомнения, что необходимо термины переводить на национальные языки. Также он указывал на то, что на практике политика форсированного развития национальных культур приводит к их разделению: «Если присмотреться, например, ко всем национальным культурам, везде в той или иной форме вы замечаете процесс – искусственно сознательно проводить толстую стену, отделяющую одну нацию от другой без всякой надобности»⁵³. Более того, можно наблюдать тенденцию «на отмежевание от культуры пролетарской, русской культуры, от пролетарских элементов русской культуры ...»⁵⁴.

Для интеграции народов М.Я. Шульман предлагал развивать не множество местных языков, а внедрять интегрирующие языки, способные стать инструментами межнационального общения. Например, он предлагал поддерживать единый тюркский литературный язык, а не распылять ресурсы на развитие отдельно азербайджанского, туркменского и др. языков.

⁵¹ АРАН. Ф. 361 (Комиссия по изучению национального вопроса). Оп. 2. Д. 1. Л. 10.

⁵² Там же. Л. 16.

⁵³ Там же. Л. 21.

⁵⁴ Там же. Л. 26.

Как уже говорилось, комиссия проработала недолго и от нее осталось характерное для того времени небольшое наследие в виде ряда докладов. В 1930 г. Комиссия прекратила свою работу, а С.М. Диманштейн возглавил журнал «Революция и национальность». Журнал издавался до 1937 г. На его страницах публиковались статьи ведущих советских специалистов по национальной политике. В целом издание последовательно придерживалось линии партии, критикуя как «великорусский шовинизм», так и «местный национализм». Тем не менее именно журнал «Революция и национальность» прилагал усилия для систематизации понятийного аппарата советской теории национальностей⁵⁵. Другое дело, что руководство страны вполне удовлетворяли расплывчатые определения, почерпнутые из сочинений Ленина и особенно Сталина, поскольку в этом случае теорию можно было легко перестроить под прагматические задачи.

В 1937–1938 гг. редакция журнала почти в полном составе во главе с главным редактором была репрессирована. После этого ведущую роль в теоретическом обосновании начинают играть правоведы, в первую очередь И.П. Трайнин. Приходится констатировать, что какие-либо теоретические поиски прекращаются. Публикации окончательно лишаются какой-либо дискуссионности и только восхваляют текущую политику.

Во второй половине 1930-х гг. происходит заметная перестройка всей научной системы Советского Союза, в том числе и тех институций, которые в той или иной форме принимали участие в нациестроительстве. В первую очередь можно было наблюдать ликвидацию коммунистического сектора науки, выразившуюся в присоединении Коммунистической академии к АН СССР. В 1930-е гг., когда старые теоретики партии либо умерли естественной смертью, либо были репрессированы, единственным действующим теоретиком стал И.В. Сталин. В этой ситуации можно было наблюдать, как резко упала роль ученых в выработке решений в гуманитарной области. Окончательное утверждение единовластия Сталина уничтожило и сложную систему партийных лидеров, на которых могли опереться представители разных теорий.

Тем не менее важным фактором развития науки и культуры народов СССР стало динамичное распространение региональных и республиканских научных центров. Особенно интенсивным этот процесс стал после Великой Отечественной войны. Так, эвакуация научно-исследовательских институтов и вузов на восток СССР стала стимулом для расширения научной географии страны. Этот фактор продолжал действовать даже после того, как в 1943 г. было объявлено начало эвакуации⁵⁶. Потребности войны стали причиной заметного роста числа научных учреждений. Если в 1939 г. их было 1557, то к 1945 г. их уже было 2064⁵⁷. Были открыты новые филиалы АН СССР: Киргизский (1943), Татарский (1943),

⁵⁵ Никитин Д.Н. Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930–1937 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1997. С. 11.

⁵⁶ Комков Г.Д., Левицин Б.В., Семенов А.К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. II. (1917–1976). 2-е изд. М., 1977. С. 210.

⁵⁷ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-состав. Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 786.

Западно-Сибирский (1944). В союзных республиках бывшие филиалы стали полноценными академиями. Так, в 1943 г. появились Армянская АН и Узбекская АН, в 1945 г. Азербайджанская, а в 1946 г. – Казахстанская АН⁵⁸. В 1951 г. собственные академии наук появились в Таджикской и Туркменской ССР. В 1954 г. была открыта АН Киргизской ССР⁵⁹. Необходимо указать, что появление собственных академий и филиалов во многом зависело не только от состояния местной науки, но и от амбиций и лоббирующих возможностей властей союзных и автономных республик. Желających получить собственную академию или филиал АН СССР было много: это сулило престиж, дополнительное финансирование и должно было стимулировать развитие местной культуры и экономики. Часто местные органы готовы были взять значительную часть расходов на себя. Но АН СССР не всегда поддерживала такие инициативы, часто считая, что условия на местах еще не созрели. Так, в открытии филиалов АН СССР было отказано Башкирской, Марийской и Чувашской АССР, Поволжью⁶⁰.

Таким образом, наука сыграла заметную роль в процессе национального строительства, развернувшегося в Советском Союзе. Нельзя сказать, что ученые играли в нем решающую роль, которая всегда оставалась за действующей властью. Тем не менее можно говорить о регулярном экспертном сопровождении советского нациестроительства. Другое дело, что партийные бонзы зачастую с подозрением или пренебрежением смотрели на ученых мужей, которые, в свою очередь, часто обосновано сомневались во всемогуществе партии и не верили в ее способность решить все вопросы при помощи «большевистского штурма». Приходится констатировать, что значение ученых в осуществлении национальной политики падало по мере бюрократизации советского государства. Если в 1920-е гг., на волне пафоса революционного переустройства мира, поощрялись смелые научные эксперименты и продолжались дискуссии, то во второй половине 1930-х гг. общественные науки все больше занимались наукообразным обоснованием текущей идеологии.

Наука выполняла и еще одну, может быть важнейшую функцию. В высших образовательных учреждениях и научных центрах ковалась новая национальная интеллектуальная и управленческая элита. Предполагалось, что она будет проводником советизации. Но так было далеко не всегда. Нередко они становились на позиции национал-коммунистов. Во многом в 1940–1950-х гг. была сформирована образовательная, научная и культурная инфраструктура, ставшая кузницей местной национальной элиты.

⁵⁸ Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. Л., 1988. С. 176–216; Стрекопытов С.П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.). М., 2002. С. 181.

⁵⁹ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов А.К. Указ. соч. С. 252.

⁶⁰ Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 139–140.

§ 2. Теории наций и этносов в СССР в 1920–1950-е гг.

Теория нации в социалистическом строительстве формально играла подчиненную роль, поскольку основой развития общества в марксизме традиционно считались базисные, социально-экономические отношения. Тем не менее большевики уделяли немало внимания национальному вопросу еще до революции, и тем более после. Национальные проблемы и национализм рассматривались лидерами партии как «камуфляж» социально-экономических конфликтов, поэтому борьба с ним неизбежно приобретала классовый оттенок⁶¹. В этой ситуации акцент всегда делался на реальных социально-экономических проблемах, решение которых, как считалось, позволит решить и национальный вопрос. Однако, столкнувшись с многочисленными национальными проблемами, советская власть вынуждена была уделять особое внимание их изучению.

Дореволюционные ученые и общественные деятели оперировали терминами «народность», «национальность» и «нация». Причем содержание этих понятий не было четко определено. По наблюдениям А.И. Миллера: «К концу XIX в. сложилась иерархия, согласно которой народность развивается в национальность и, затем, в нацию. В других интерпретациях та же иерархия отражала размер групп – от малых народностей и более многочисленных национальностей к нации. Впрочем, оба варианта этих иерархий не были вполне общепринятыми»⁶². Представления ученых, общественных деятелей и политиков XIX – начала XX в. были, по современной классификации, примордиалистскими, то есть рассматривающими народность и нацию как объективное, реально существующее явление, обусловленное историческим развитием. Влиятельный антрополог А.Н. Анучин в 1913 г. определял народность как этническую единицу, общность которой основана на языке, общей исторической судьбе и культуре⁶³. Расы же выделялись по биологическим признакам⁶⁴. Вообще стоит указать, что в мировой науке начала XX в. биосоциальный подход к народу был широко распространен⁶⁵.

Интересно, что в это же время свое определение нации в знаменитой работе «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913) дал И.В. Сталин. Давно отмечено, что ряд положений Сталин позаимствовал из сочинений «австромарксистов» (О. Бауэра, К. Реннера) и К. Каутского⁶⁶. Существует также мнение, согласно которому в написании статьи самое деятельное участие принимал В.И. Ленин⁶⁷. В статье давалось следующее определение нации: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью

⁶¹ Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма. С. 90–91.

⁶² Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб., 2016. С. 85.

⁶³ Кадио Ж. Указ. соч. С. 139.

⁶⁴ Могильнер М. Указ. соч. С. 11.

⁶⁵ Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond / Ed. by David G. Anderson, Dmitry V. Arzyutov and Sergei S. Alymov. Cambridge, 2019. Pp. 34–37.

⁶⁶ Филиппов Р.В. «Советская теория этноса»: Историографический очерк. М., 2010. С. 13; Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012. С. 117.

⁶⁷ См. обзор мнений: Филиппов Р.В. Указ. соч. С. 11; Соколовский С. «Итальянские корни» советской теории этноса // <https://postnauka.ru/longreads/8877>

языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»⁶⁸. Важно подчеркнуть, что как Сталин, так и Ленин считали, что право наций на самоопределение могло быть реализовано только в форме территориальной автономии⁶⁹. Такой подход имел далеко идущие последствия. В то же время в дальнейшем Сталин категорически отрицал, что нации обязательно должны обладать «государственными признаками». Очевидно, это подразумевало сдерживание государственных амбиций многочисленных народов Советского Союза.

Сталинское определение стало каноническим для советской науки и практики и вошло в БСЭ⁷⁰. Вообще, Советский Союз, во всяком случае в конце 1930-х гг., позиционировался как национальное государство «нового типа», включающее множество наций⁷¹. Собственно, на этом теоретические выкладки заканчивались. Важно отметить и тот факт, что термины «нация» и «народ» в советском научном и политическом лексиконах были взаимозаменяемыми⁷². По наблюдению Д.Н. Никитина, предложенная Сталиным теория нации оказалась очень удобной из-за своей непроработанности и расплывчатости: «В вопросах теории национальных процессов большевики исходили прежде всего из политической целесообразности, активно используя при этом расплывчатость признаков нации в определении Сталина»⁷³.

Уже в конце 1920-х гг. можно было встретить беглые упоминания о новой общности. Так, в 1929 г. на совещании этнографов В.Г. Богораз говорил об «СССР-цах»⁷⁴. В 1935 г. пожалуй впервые Н.И. Бухариным был сформулирован концепт «советский народ»⁷⁵. По его мнению, на базе социалистического хозяйства растет единство трудящихся разных национальностей. Из этого процесса «вырастает новая реальность: “героический советский народ”, многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции...»⁷⁶. Впрочем, Н.И. Бухарин, по понятным причинам, не стал основателем общепринятой советской теории национальных отношений.

На совещании весной-летом 1944 г. историков в ЦК ВКП(б) М.В. Нечкина часто в своем выступлении использовала понятие «советский народ», но ограничилась общими рассуждениями: «Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории челове-

⁶⁸ Цит. по: Илизаров С. Указ. соч. С. 117. В собрании сочинений И.В. Сталина данное определение давалось в слегка отредактированном виде: Сталин И.В. Сочинения. М., 1946. Т. 2. С. 296.

⁶⁹ Баберовски Й. Враг есть везде. С. 189.

⁷⁰ Нация // БСЭ. 1-е изд. М., 1939. Т. 1. Стб. 402–404.

⁷¹ Денисов А. Национальные государства // БСЭ. 1-е изд. М., 1939. Т. 41. Стб. 374.

⁷² Слэкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 366. Ссылка 26.

⁷³ Никитин Д.Н. Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930–1937 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М., 1997. С. 11.

⁷⁴ От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, Д.Дж. Андерсона. СПб., 2014. С. 115.

⁷⁵ В.А. Тишков указывает на более позднее появление этого концепта. По его мнению, это произошло на совещании историков 1944 г. в выступлении М.В. Нечкиной. См.: Тишков В.А. Указ. соч. С. 293–294.

⁷⁶ Цит. по: Ядовин А.И. Русские в XX веке. С. 110.

чества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на многочисленность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию»⁷⁷. Однако рассуждения М.В. Нечкиной прозвучали как бы вскользь и их трудно назвать полноценной попыткой концептуализировать сложное понятие на новом уровне. Однако именно в военное время понятие «советский народ» внедрилось в массовое сознание.

Тем не менее в 1920–1930-е гг. сложилось вполне консенсусное для советской интеллектуальной и партийной элиты представление, что важнейшим фактором развития наций является социально-экономический базис. Следовательно, построение социалистической экономики и соответствующих общественно-производственных отношений позволит решить национальный вопрос.

Также можно зафиксировать и окончательное утверждение в советской науке исторической точки зрения на нацию. На совещании этнографов Москвы и Ленинграда, прошедшем в апреле 1929 г. и ставшем важнейшим событием в развитии советской этнологии, неоднократно звучали мысли о том, что нация – категория современности, а этнос – относится к прошлому⁷⁸. Тем не менее базовыми категориями для советской этнографии оставались формации⁷⁹. Вообще изучение стенограммы совещания позволяет увидеть определенное «недоверие» и даже «боязнь» советских этнографов по отношению к категориям «этнос» и «нация». Из докладов С.П. Толстова, Д.К. Зеленина можно узнать, что представители «национальных этнографий» имеют склонность к использованию их в «шовинистическом» ключе⁸⁰. В ситуации, когда шла борьба как с «великорусским шовинизмом», так и с «местным национализмом», легко было впасть в один из грехов, оперируя этническими категориями. Получалось, что «формация» оказывалась идеологически более нейтральной.

Большое влияние на определение наций и их истории в СССР играло учение Н.Я. Марра. «Новое учение о языке», «яфетическое языкознание», разрабатываемое Н.Я. Марром еще в дореволюционное время⁸¹, утвердилось в 1920-е годы на волне пафоса революционных преобразований в советском обществе. Распространению нового учения способствовало и то, что Марр достаточно быстро от критики большевиков перешел к сотрудничеству с ними. Если в среде лингвистов построения Марра часто вызывали серьезные возражения и даже скепсис⁸², хотя и привлекали многих молодых исследователей, то археологи, философы, фольк-

⁷⁷ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 80.

⁷⁸ От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, Д.Дж. Андерсона. СПб., 2014. С. 122, 209 и др.

⁷⁹ Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму. С. 75.

⁸⁰ От классиков к марксизму. С. 152, 163.

⁸¹ Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012. С. 53.

⁸² В частности, против марризма выступало объединение «Языкофронт». См.: Аляпов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010. С. 458.

лористы видели в них эффективный инструмент решения ключевых научных проблем⁸³. С конца 1920-х гг. при поддержке советской власти учение Марра стало не только поощряться, но и навязываться репрессивными методами.

Основные положения довольно расплывчатой теории можно сформулировать следующим образом. Во-первых, все языки возникли независимо друг от друга, но развиваются по единым законам путем смешения и скрещивания. Во-вторых, отрицалась роль миграций в этнокультурном развитии. В-третьих, постулировалась классовая (а не этническая) сущность языка, который рассматривался как надстроечное явление, меняющееся при революционном изменении базиса. В-четвертых, языковое развитие идет не в направлении выделения новых языков, а, наоборот, к формированию единого. Это позволяло предположить, что в недалеком будущем появится новый мировой язык. Естественно, это будет язык коммунистического общества⁸⁴.

Особенностью учения Марра было то, что из-за расплывчатости его можно было использовать в различных идеологических контекстах. В 1920-е гг. оно было востребовано из-за своего интернационализма, революционного пафоса и материализма. Из теории делались далеко идущие антиколониальные выводы. В 1930-е гг. гипертрофированный автохтонизм уже служил обоснованием идеологии «построения социализма в отдельно взятой стране». Кроме того, учение Марра расценивалось как противовес миграционной индоевропейской теории, положенной нацистами в основу своей экспансионистской геополитической модели. Особенно важным было то, что при помощи яфетической теории можно было доказать автохтонность славян в Европе, что разрушало нацистские построения об их прищлости и недоразвитости⁸⁵.

Накануне Второй мировой войны этногенетические исследования приобрели у советских историков и лингвистов особый размах. Это было связано с рядом причин. Во-первых, с перестройкой всей советской исторической науки с середины 1930-х гг. и необходимостью формирования новой концепции исторического пути народов СССР. Во-вторых, как ответ на этногенетические теории германских историков (в первую очередь школа Г. Коссинны), отводивших славянам ничтожную роль в мировом историческом процессе⁸⁶.

Советские историки и лингвисты, особенно в годы войны, доказывали исконность славянского населения в Европе, приводились аргументы в пользу его высокого уровня развития. Популярностью пользовалась идея о происхождении славян от скифов в результате непрерывного автохтонного развития и перехода на новую этноязыковую стадию. По наблюдениям В.А. Шнирельмана, в этногенетических исследованиях методология играла вторичную роль, подчи-

⁸³ Алпатов В.М. Указ. соч. С. 444–450.

⁸⁴ Подробнее см.: Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 53–55.

⁸⁵ Досталь М.Ю. Проблемы этногенеза славян в трудах отечественных ученых в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012. С. 100–101.

⁸⁶ Там же. С. 98.

няясь идеологии советского патриотизма. Историки часто комбинировали идеи марризма и миграционные концепции⁸⁷.

Таким образом, видно, что марризм являлся чрезвычайно действенным инструментом в идеологическом обосновании особой миссии славянства и народов СССР в истории. Его теоретико-методологические основы позволяли перековать ментальную историческую карту Европы, идеологически застолбив ее пространства для советской (коммунистической) экспансии и подогнать прошлое под идеологию советского патриотизма.

В ходе идеологических кампаний 1947–1949 гг. именно марризм объявлялся единственно правильным языковедческим учением. Наиболее активными фигурами стали Г.П. Сердюченко и Ф.П. Филин, агрессивно громившими несогласных и доказывавших, что именно только «буржуазное» языкознание противоречит теориям Марра.

Тем сложнее объяснить причину разгрома марризма в 1950-м году. До сих пор исчерпывающего ответа на этот вопрос, как кажется, не появилось. Исследователи сходятся в том, что марризм с его интернационализмом, национальным нигилизмом и классовостью, уже не отвечал новой советской патриотической идеологии⁸⁸. В марровской теории слишком акцентировалась классовая сущность языка. Подчеркивалось, что язык различных социальных классов кардинально различается. В послевоенное время наметился курс на построение «общенародного» государства, лозунги классовой борьбы во внутренней политике звучали все глуше. На первый план выдвигались идеи, способные консолидировать советских граждан: «В системе официальной пропаганды язык постепенно превращался из средства борьбы за мировую революцию, торжество социализма и коммунизма в одну из важнейших составляющих понятия “нация”»⁸⁹.

Возможно, определенную роль играли и внешнеполитические факторы. Победа коммунистической партии в Китае превратила эту страну в важнейшего союзника СССР. В марровской теории китайский язык представлял собой низшую стадию развития. Существуют свидетельства, что китайские студенты, приезжавшие в Советский Союз для получения образования, отказывались из-за этого изучать советское (марровское) языковедение⁹⁰.

В ряду причин обязательно называется и субъективный фактор в лице Сталина. Вождь любил периодически подтверждать свой статус главного теоретика. Поэтому во многом появление статей Сталина против марризма носило спонтанный характер и обуславливалось его личными амбициями⁹¹.

Дискуссия началась со статьи грузинского лингвиста А. Чикобава, опубликованной 9 мая 1950 г. в «Правде». В ней критиковались основные положения

⁸⁷ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 60.

⁸⁸ Аллатов В.М. Марр, марризм и сталинизм. С. 464.

⁸⁹ Басовская Е.Н. Советская пресса – за «чистоту языка». 60 лет борьбы. М., 2011. С. 95.

⁹⁰ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 296.

⁹¹ На это указывают почти все исследователи, и особый акцент делает Б.С. Илизаров: Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. С. 177.

марристского учения. Газета объявила открытую дискуссию. Большинство при-
славших свои статьи высказались в поддержку марризма. Программную статью
опубликовал последовательный маррист академик И.И. Мещанинов, занимав-
ший пост директора Института языка и мышления АН СССР и секретаря От-
деления литературы и языка АН СССР. По наблюдению Б.С. Илизарова, и
марристы, и их противники были уверены в поддержке Сталина⁹².

20 июня 1950 г., совершенно неожиданно для участников разгоревшейся дис-
куссии, «Правда» опубликовала статью Сталина «Относительно марксизма в
языкознании». Лингвист С.Б. Бернштейн записал в своем дневнике: «Публи-
кация статьи Сталина была полной неожиданностью не только для нас, но и для
руководящих работников высших партийных инстанций. Многие марристы на-
ходятся в состоянии шока»⁹³.

Основные идеи публикации были следующими. Во-первых, отрицалось по-
ложение о том, что язык является надстройкой над базисом, и, следовательно,
должен радикально трансформироваться с изменением социально-экономиче-
ского строя. Во-вторых, из первого положения вытекало следующее: если язык
не часть надстройки, значит язык нельзя считать классовым явлением. Сталин
акцентировал, что для государства, вне зависимости от господствующего строя,
требуется единый национальный язык. Он утверждал, что язык является насле-
дием истории многих поколений. Таким образом, постулировались созвучные
поздней сталинской идеологии идеи преемственности и единства, а не револю-
ционного разрушения и преобразования.

О типичных признаках языка Сталин говорил неопределенно. Он признавал
тесную связь языка и общества (язык – общественное явление, он является сред-
ством общения). По его мнению, основой языка является грамматический
строй, а его фундаментом – словарный фонд, при этом подчеркивается, что
грамматика и основной словарный фонд имеют большую устойчивость и со-
противляются насильственной ассимиляции. Языковое развитие происходит
путем появления новых слов и включения их в имеющийся фонд, а не радикаль-
ной отменой имеющегося фонда⁹⁴. Исходя из этого, Сталин подчеркивал, что
языковеды должны обратить внимание на внутреннее развитие языка, а не увле-
каться теорией скрещиваний. Сталин опровергал марристский постулат о над-
строечном и классовом характере языка и подчеркивал, что язык создается всем
ходом истории. Он подчеркивал объединяющую для общества роль языка. На-
конец, в заключение Сталин признал правильность широкого обсуждения во-
просов языкознания и выступил за ликвидацию «аракчеевского режима»,
монополии марристов в языкознании.

Языковедческая дискуссия радикально изменила ситуацию в лингвистике и
целом ряд смежных дисциплин. Главными марристами были объявлены И.И. Ме-

⁹² Там же. С. 219.

⁹³ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. М., 2002. С. 151.

⁹⁴ Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 119.

щанинов, Г.П. Сердюченко и Ф.П. Филин. И.И. Мещанинов лишился своего поста директора Института языка и мышления и перестал быть секретарем Отделения литературы и языка АН СССР. Институт языка и мышления был переведен из Ленинграда в Москву и объединен с Институтом языкознания. Новым директором объединенного Института языкознания АН СССР стал В.В. Виноградов⁹⁵.

Новая теоретико-идеологическая ситуация привела к развязыванию широкого фронта исследований образования наций. Разумеется, в основном они сводились к комментированию и фактическому обоснованию положений, выдвинутых Сталиным. В то же время советская идеологическая система встала перед новыми вызовами, обусловленными послевоенными реалиями и статусом сверхдержавы. Теперь перед советскими идеологами и теоретиками стояла задача сформулировать понятные рецепты перехода к социализму для многомиллионного населения стран, оказавшихся в социалистическом лагере или могущих потенциально там оказаться. Одной из проблем и стал национальный вопрос. Особенное значение он начинал играть в условиях кризиса и распада колониальной системы. В этой ситуации вновь была актуализирована формула необходимости единения пролетарского и национально-освободительного движения. В определенном смысле можно говорить, что в новых условиях была частично актуализирована идея Советского Союза как многонациональной федерации, потенциально открытой для вступления в нее других государств. Помимо этого, советское равноправие наций и федерализм должно было быть противопоставлено капиталистической эксплуатации и национальному угнетению.

Очередная сталинская идеологическая мобилизация, прошедшая в послевоенное время и плотно вписанная в реалии наступившей холодной войны, отличалась ярко выраженными национальными мотивами. В идеологический лексикон прочно вошли понятия с негативными коннотациями: сионизм, космополитизм. Одновременно начавшаяся еще до войны реабилитация русскости (правда, помещенной в контекст построения социалистического общества) после войны еще усилилась. Теперь упоминания русского народа, как лидера строителей коммунизма и «первого среди равных», стало обязательным.

В этом контексте и следует рассматривать дискуссию о социалистической нации, развернувшуюся в начале 1950-х гг. Нужно отметить, что сам факт построения в Советском Союзе социалистической нации под сомнение не ставился. Тем не менее требовалось определение основных положений и выработка, так сказать, идеологического функционала концепции, то есть определение ее эффективности в обосновании пропагандистских нужд режима.

Интересно, что разработка проблемы социалистической нации в многом оказалась в руках историков. Причины этого кроются в том, что к тому времени теория нации как исторического явления стала официально признанной. Кроме того, обществоведы в основном оказались в порочном круге бесконечного ци-

⁹⁵ О центральных органах языкознания в Академии наук СССР // Академия наук в решениях Политбюро. С. 453–454.

тирования Ленина и Сталина, а вся аналитическая часть зачастую сводилась к количеству эпитетов «гениальный»⁹⁶. Между тем, как это было и раньше, в новой догме существовало множество теоретических пустот, требующих заполнения и предполагающих определенную дискуссионность.

Пожалуй, главным теоретиком социалистической нации среди историков стал М.П. Ким. 24 декабря 1951 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР он сделал доклад «К вопросу о формировании социалистической нации в СССР». В докладе проводилась традиционная для марксистского подхода установка о доминировании базиса по отношению к «надстроечным явлениям».

Разумеется, основой рассуждений докладчика стали сталинские теоретические установки. М.П. Ким напрямую выводил особенности социалистической нации из социалистического социально-экономического строя. Он утверждал, что буржуазные нации развиваются стихийно и могут появляться еще до победы буржуазного строя, в то время как социалистические нации могут возникнуть только после победы социализма, то есть только после победы Октябрьской революции. В последнем случае национальное строительство происходит не стихийно, а планомерно. Естественно, планомерность возможна только под руководством партии⁹⁷. При этом М.П. Ким подчеркивает и хронологическую разницу в развитии наций: если буржуазные нации появляются в течение столетий, то социалистическая нация складывается в течение полутора-двух десятилетий⁹⁸. Очевидно, этот пассаж должен был обосновывать и быстроту построения социализма (согласно официальной идеологии) в СССР, и форсированное построение нового общества в странах социалистического лагеря. Важной новацией автора стал тезис о двух типах пути к социалистической нации. Так, одни становились социалистическими нациями уже будучи полноценными буржуазными нациями, другие становились таковыми на основе народов и народностей, которые до революции еще не сложились в нации.

Последний тезис оспаривался многими. Так, в программной статье А.К. Азизяна утверждалось, что советская власть не создавала нации, а они появились в результате объективного развития и уже к революции их вполне можно рассматривать в качестве буржуазных наций⁹⁹. Впрочем, схожего с М.П. Кимом взгляда придерживался И. Цамерян¹⁰⁰. М.П. Ким не стал отказываться от своего тезиса и повторил его в опубликованной статье¹⁰¹.

К дискуссии о «социалистической нации» тесно примыкали и дискуссия о «русской буржуазной нации». Взаимосвязь этих вопросов очевидна. Именно русский народ (особенно русский пролетариат), «первый среди равных», со-

⁹⁶ Например: Азизян А. Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинской теории по национальному вопросу // *Большевик*. 1950. № 3. С. 21–36.

⁹⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 282. Л. 26.

⁹⁸ Там же. Л. 29.

⁹⁹ Азизян А.К. И.В. Сталин о возникновении и развитии социалистических наций в СССР // *Вопросы истории*. 1952. № 9. С. 33–34.

¹⁰⁰ Цамерян И. Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР // *Вопросы истории*. 1950. № 11. С. 17–42.

¹⁰¹ Ким М.П. К вопросу о формировании социалистических наций // *Вопросы истории*. 1953. № 1. С. 38.

гласно официальной идеологии, считался лидером народов в их переходе к социализму. В этой связи такие вопросы, как определение времени появления «русской буржуазной нации», ее классовый состав, взаимодействие с другими народами царской империи превращались в определение готовности России к переходу к социализму и построению социалистических наций.

Проблема формирования «русской буржуазной нации» интенсивно разрабатывалась в Институте истории АН СССР, где даже были созданы специальные сектора по изучению формирования буржуазных и социалистических наций.

15 февраля 1952 г. в Институте истории был представлен доклад Н.М. Дружинина «Формирование русской буржуазной нации». Докладчик связывал ее появление с развитием капиталистического уклада в России и относил начало процесса к середине XVIII в., а завершение к 80-м гг. XIX в. Особенностью «русской буржуазной нации» стало то, что главной движущей силой ее формирования стала не буржуазия, а крестьянство. Большое внимание Дружинин уделял русской культуре, «прогрессивные черты» которой облегчили переход к пролетарской культуре. «Отставая от Зап[адной] Евр[опы] в экономическом отношении, русская буржуазная нация своей демократической культурой оказала благотворное влияние на передовые слои западноевропейского общества. Еще большее значение имела русская культура для духовного и политического подъема более отсталых народов»¹⁰², — указывалось в докладе. При обсуждении доклада основные возражения вызвало время формирования «русской буржуазной нации». Ряд историков (Н.В. Устюгов, М.В. Нечкина) считали, что ее развитие следует начинать с середины XVII в., когда начал формироваться капиталистический уклад в России.

Развитием теории «русской буржуазной нации» стала идея Нечкиной о «двух культурах». Вероятно, впервые публичная презентация и обсуждение теории «двух культур» состоялось в Институте истории 7 июля 1952 г. Накануне заседания Нечкина представила тезисы, которые предварялись двумя цитатами. Первая принадлежала В.И. Ленину: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная, — притом не в виде только элементов, а в виде господствующей культуры...» (Критические заметки по национальному вопросу (1913)). Вторая была взята из ультра-актуального на тот момент сочинения И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950): «Ленин признавал наличие двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской... Лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно, и Ленин здесь абсолютно прав»¹⁰³. Таким образом, архитектоника эпиграфов была выстроена так, чтобы второе — Сталинское —

¹⁰² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 808. Л. 20.

¹⁰³ АРАН Ф. 1604. Оп. 1. Д. 137. Л. 97.

высказывание легитимировало первое – Ленинское. Цитата из Ленина не являлась автоматическим верной, желательным было ее актуальность подтвердить сталинским словом.

После такой нехитрой уловки, Нечкина уже могла говорить о существовании полноценного «ленинско-сталинского учения» о «двух культурах». По ее мнению, начиная с Радищева, началась борьба двух культур – передовой и реакционной. Борьба проходила в рамках становления и развития «русской буржуазной нации». Нечкина утверждала, что до 70-х гг. XIX в. нельзя говорить о единой русской культуре, а нужно выделить передовую (демократическую и социалистическую) культуру и культуру эксплуататорских классов. Появление социалистической культуры в пореформенной России являлось предпосылкой формирования небуржуазной, социалистической нации¹⁰⁴. Заметим, что фактически здесь Нечкина смещала акцент с экономических факторов на культурные.

На обсуждении доклада М.В. Нечкиной Н.М. Дружинин осторожно согласился с рядом положений, но возражал против тезиса о появлении социалистической культуры в пореформенное время¹⁰⁵.

Несмотря на критику, Нечкина повторила все эти тезисы в статье, опубликованной в «Литературной газете»¹⁰⁶. Выделение «двух культур» позволяло обосновать концепцию «блага», прописанную в статье Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшего зла”». Получалось, что присоединение народов к России вводило их не столько в ареал реакционной культуры, сколько давало им возможность приобщиться к прогрессивной, демократической культуре, а в перспективе и к социалистической.

Но теория Нечкиной не была принята историками. 22 февраля 1953 г. С.С. Дмитриев записал в своем дневнике: «Вчера в Институте истории прорабатывали Нечкину за ее вздорную статью в “Лит. Газете” “Народ и культура”. Выступали 7 человек (Дружинин, Козьмин, Полевой, Гефтер и др.), все с критикой»¹⁰⁷. Сохранилось письмо М.Я. Гефтера Нечкиной с возражениями ее теории¹⁰⁸.

Фактически теория Нечкиной позволяла обосновать проходившую реабилитацию части дореволюционной истории и культуры. Получалось, что дореволюционную историю творило целых две «нации», одна из которых, прогрессивная и демократическая, являлась предшественницей советской.

Подводя итог, можно указать, что в советской научной и политической мысли господствовал примордиалистский подход к пониманию этнических категорий. Это вполне вписывалось в господствующие в мировой науке тенденции. Тем не менее можно было увидеть и возможные альтернативы. Так, в 1920-е гг. национальность определялась согласно «индивидуальному самоопределению», что уже

¹⁰⁴ АРАН Ф. 1604. Оп. 1. Д. 137. Л. 98–103.

¹⁰⁵ Там же. Л. 2 об.

¹⁰⁶ Нечкина М. Народ и культура. К вопросу о двух культурах в русской национальной культуре в эпоху поднимающегося капитализма // Литературная газета. 1952. 22 ноября.

¹⁰⁷ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 5. С. 142. См. также: «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. М., 2013. С. 374, 668–669.

¹⁰⁸ «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: Документальная монография. М., 2011. С. 396–397.

ближе к конструктивистскому подходу. Но это не устраивало власти, с 1930-х гг. видевшие в ряде национальностей угрозу. Радикальный примордиализм, согласно которому человек самостоятельно не может определять свою национальность, оказался удобен для контролирующих и репрессивных органов, поскольку позволял «безошибочно» найти врага. Таким образом, внутренняя репрессивная политика прямым образом повлияла на теорию этноса.

Здесь же стоит отметить и слабую проработку теории этноса в советском обществоведении. Во многом это было связано с тем, что главным теоретиком по национальному вопросу являлся Сталин, а остальным доставалась роль даже не комментаторов, а компоновщиков цитат. Поэтому к началу 1950-х гг. советская теория этноса и наций оставалась, как это ни парадоксально, запутанной, как терминологически, так и концептуально. Тексты Сталина сложно было назвать вершиной этнологической науки, часто он избегал точных дефиниций, подменяя их перечислением признаков, но спорить с ними не мог никто. Тем не менее в ряде случаев возникали «теоретические пустоты», которые историки и этнографы могли заполнить. Сталинские дефиниции вполне были усвоены и стали неотъемлемой частью представлений как теоретиков, так и практиков социалистического строительства и после смерти их творца.

ЧАСТЬ 2

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Глава 1

ОТ ПОДДАНСТВА К СЕМЬЕ НАРОДОВ

§ 1. «Всякая национальность... является гражданином СССР»

Проблемы устойчивости полиэтнического государства и межкультурной интеграции граждан власть расценивала как ключевые в советском строительстве. Поддержка этнополитических устремлений на окраинах бывшей империи стала одним из важных факторов, обеспечивших утверждение советской власти. Солидарность пролетариата и всех трудящихся на основе социальной справедливости, которая стала базовым советским принципом, предполагала также, что изначально все трудовые слои страны были равно угнетаемыми «эксплуаторским интернационалом» независимо от этнической принадлежности, и теперь их консолидация лишь найдет еще более прочную опору со стороны власти. При этом все коммунисты единодушно признавали приоритет классовых интересов над национальными и еще верили в мировую революцию, а война развязывала руки для самой непримиримой борьбы за эти приоритеты. В 1918 г. Сталин рекомендовал С. Шаумяну быть «особенно беспощадным» к «дагестанским и прочим бандам», мешающим продвижению поездов, и выжигать аулы «дотла», а «для внесения классового раскола внутри национальностей» идти на провозглашение «автономии татар, армян и пр., конечно, на советских началах»¹. Член коллегии Наркомата внутренних дел М. Лацис в феврале 1918 г. писал: «При явно наметившейся тенденции использовать наш программный пункт о самоопределении национальностей в центробежном направлении, вплоть до отделения их от России, предоставление этого права неразвитым народностям, без сильного или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно»².

Сложнейшие перипетии классового и политического противостояния в условиях войны подвигли его допустить практическое разнообразие и колебания во взаимоотношениях Украины (в лице рабочих и крестьян) с РСФСР, призывая относиться к ним «с величайшей осторожностью и терпимостью». Правда, это предполагало нетерпимость и беспощадность в защите основных принципов диктатуры пролетариата, единства и дисциплины Красной армии, как и борьбу против всевозможных украинских националистов³. Приоритет диктатуры про-

¹ Цит. по: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 266.

² Цит. по: Ненароков А.П. Регионализм – федерализм – сепаратизм // Межнациональные отношения в России и СНГ: Семинар Московского центра Карнеги. Вып. 2. М., 1995. С. 139.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 20.

летариата в крестьянском обществе неизбежно оборачивался антикрестьянскими и антиукраинскими действиями применительно к этому региону, вплоть до известных решений VIII съезда РКП(б). В «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» (28 декабря 1919 г.) Ленин вновь подтвердил приоритет единства наций, а также терпимости и уступчивости «к пережиткам национального недоверия». Действительно, большевики в ходе войны смогли склонить на свою сторону многонациональное крестьянство бывшей империи. ВЦИК РСФСР признал независимость Украины, а решать вопрос о характере отношений с РСФСР (федеративных, в едином государстве или как независимых) Ленин предлагал съезду советов республики. Он считал неизбежным и выгодным «тесный военный и хозяйственный союз» Украины и России, поскольку иначе «капиталисты-хищники всех стран» «задавят и задушат нас поодиночке». Тогда же была обоснована борьба «на два фронта» – наряду с местными националистами врагом советской власти и единства наций был объявлен «великорусский национализм»⁴.

Центр рассматривал и осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, одновременно требовалось учитывать принципы национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Основные принципы и практические подходы к решению этой задачи определялись по мере развития государственности. Так, В.И. Ленин поначалу считал необходимым отказаться не только от существа прежней социально-экономической системы Российской империи, но и сложившейся структуры внутреннего устройства страны, отводя экономике главное место в разграничении ее территорий и регионов. Это обусловило и негативное отношение к федерации, якобы ослабляющей экономические связи внутри государства⁵. Меж тем отрезвляющая реальность привела РКП(б) в 1918 г. к признанию федерации как способа создания советского государства, при этом большую озабоченность партии, как показали дискуссии на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., вызывала ключевая проблема – как совместить национальное самоопределение с «общенациональной политикой» и вертикальным управлением страной из единого экономического центра⁶.

Решением этой проблемы центру пришлось заниматься постоянно, на всех уровнях управления, в общегосударственных, региональных и национально-территориальных структурах. Декларация прав народов России и другие акты и действия власти по созданию субъектов новой полиэтнической государственности дали повод лидерам автономий для обоснования правомочности использования термина «государство» в отношении субъектов РСФСР. Поэтому Москве приходилось оперативно определять, в чем состоит «политическое благоразумие»: национальная автономия должна была быть «не настолько узка,

⁴ Там же. С. 43, 46–47.

⁵ Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 24. С. 147, 144; Т. 3. С. 518–520; Т. 33. С. 109, 116; Т. 48. С. 235.

⁶ Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 36. С. 151; Восьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1919. С. 48–71.

чтобы республики затруднены были в своих возможностях национального развития и вызревания, но границы этой автономии должны быть установлены именно точным указанием компетенции республиканских органов»⁷. На основе решений VII съезда Советов (5–9 декабря 1919 г.) Президиум ВЦИК образовал административную комиссию для регулирования принципов районирования и формирования административно-хозяйственных территорий во главе с замнаркома внутренних дел М.Ф. Владимирского. 29 марта 1920 г. Совет национальностей в Наркомнаце организовал «комиссию для собирания и разработки материалов для проведения административного деления РСФСР по национальному принципу»⁸. VIII съезд Советов (22–29 декабря 1920 г.) принял решение за 2 месяца провести такую организацию территорий, дабы центры новых районов были связаны с пролетарским началом.

При этом в реализации классового подхода большевики то и дело «натякались» на этносоциальные барьеры, которые следовало преодолевать на основе заявленных принципов национального самоопределения и равноправия. В феврале 1918 г. Комиссариат по мусульманским делам Наркомнаца потребовал от совета г. Верного прекратить гонения на местное население, продолжавшееся в Семиречье с 1916 г. Стремление к социальному реваншу выражалось в крайних формах: крестьяне решили расправиться с казачеством и коренным населением. 150 тыс. последнего бежало, остальным «сделано хорошее кровопускание: расстреливались целые села, вырезывались женщины, дети; награбленное свозилось в кучи и делилось, мусульманские девушки продавались на рынках. Все это делала “красная революционная армия” Семиречья. Это называлось “Октябрьская революция”». Дискриминация по этническому принципу, правовой произвол властей приобрели беспрецедентные масштабы. Национальная беднота за уход батрака от хозяина, за украденную шпульку ниток получала 3 года тюрьмы⁹. Согласовывать меры по наведению порядка Наркомнац предлагал «с демократическими организациями киргиз, если таковые существуют», – судя по всему, точных сведений о ситуации на местах в Москве было мало¹⁰. В докладе наркома внутренних дел Туркестанской АССР в Москву от 31 мая 1918 г. речь шла о хаосе в административном устройстве края, отсутствии исполнительной дисциплины на всех уровнях власти, конфликтах между коренным и русским населением Сыр-Дарьинской области и Семиречья. Известный лидер казахских большевиков Т.Р. Рыскулов, тогда председатель Аулие-Атинского совдепа Сыр-Дарьинской области, писал в Наркомнац ТАССР: «Многотысячное население до сего времени мало понимает, что такое советская власть, и мало коснулась его агитация»¹¹.

Характерно, что на местах приоритет классового подхода воспринимался как основа для интернационализации своих полномочий весьма предметно. Когда

⁷ Асфендиаров С.А. Проекты конституций автономных республик // Советское строительство. Сб. IV–V. 1926. С. 113–117.

⁸ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 698. Л. 5.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 50. Л. 38.

¹¹ ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 17; Д. 73. Л. 85.

национальные органы поступали вопреки распоряжениям и не подчинялись местным властям, возникало своеобразное двоевластие, и проблема решалась вмешательством центра либо в ходе административно-силового противостояния. Так, Орловский гик 29 ноября 1918 г. решил ликвидировать отдел по национальным делам со всеми его секциями и передать школы, детсады, богадельни и прочее в соответствующие отделы исполкома. В ответ представитель евсекции при поддержке других национальных секций направился за помощью в Наркомнац, где имелись их «головные» органы¹². Не менее решительно действовал Тверской губпролеткульт, конфисковав в декабре 1918 г. предметы интерьера Виленского дворца, вывезенные отделом по литовским делам. Аргументация была демагогическая, но опиралась на классовый принцип: «Не имеется данных о том, что данные вещи являются собственностью народа, и не представляют никакой ценности и исторического значения»¹³.

Когда национальные органы поступали вопреки распоряжениям и не подчинялись местным властям, возникало своеобразное двоевластие, и проблема решалась вмешательством центра либо в ходе административно-силового противостояния. Так было летом 1918 г. в Самарской губернии в связи с реквизицией имущества казахских общин сельсоветами и действиями уездных комиссаров по мусульманским делам¹⁴. В Москве Наркомнац в мае разогнал украинскую колонию, реквизируя ее имущество и помещения, обвинив в контрреволюционной деятельности за попытки взять на себя консульские функции. Вмешательство НКВД не помогло. За антисоветскую деятельность была закрыта украинская громада в Воронеже¹⁵.

В Саратовской губернии СНК предоставил исключительное право управления и ведения дел немецких колоний специально созданному национальному комиссариату. Но уездные власти, озабоченные выполнением продразверстки, противодействовали его намерениям выделить немецкие поселения в отдельный уезд. Обкомиссариат по делам немцев предписал колонистам подчиняться исключительно его распоряжениям, а не местным совдепам. Вскоре из-за реквизиции помещения и средств комиссариата по делам немцев Саратовским губисполкомом и ареста его члена Г.Г. Клингера местной ВЧК, не считавшейся с мнением трезво мыслящих руководителей, Наркомнац обратился в НКВД с просьбой уладить дело: «Немецкий комиссариат является нашим отделением, во главе которого стоят люди, заслуживающие полного доверия». Наркомвнудел Г.И. Петровский в свою очередь в июле 1918 г. потребовал от властей Саратовской и Самарской губерний соблюдать установленный порядок управления немецкими колониями: «Контрибуции в колониях не согласуются с немкоматом, немецкие кулаки забросали гр. Мирбаха (посла Германии в России) жалобами на притеснения со стороны русских, вызвав его дипломатические ноты в СНК». Клингер был

¹² ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

¹³ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1513. Л. 2.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 153–154.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–15.

освобожден. Беспокойство НКВД вызвало и разрешение издавать сельскохозяйственную газету на немецком языке в Новоузенском уезде Саратовской губернии, поскольку она якобы стала органом кулачества, проводившего «имперскую национально-германскую политику», тем паче, что губисполком направил в колонии «заведомых черносотенцев». Сами колонисты и Поволжский комиссариат по немецким делам одновременно просили Наркомнац прекратить налоговое самоуправство уездных совдепов, ссылаясь, наряду с НКВД, на свой устав, который, как и установки центра, местные советы игнорировали¹⁶. При этом сама немецкая колония под эгидой Наркомнаца 30 июня 1918 г. провозгласила курс на «Федерацию Среднего Поволжья», что означало лишь символическую дань фетишу федерализации. Немкомат был упразднен в октябре 1918 г., когда Область немцев Поволжья была декретирована «с характером трудовой коммуны»¹⁷, что отразило вариативный подход Москвы к решению этносоциальных проблем в условиях военно-политической неопределенности.

Сотрудничество с Лениным и партией большевиков представлялось многим националам средством достижения независимости, отражая надежду соединить предлагаемый центром проект со своими смутными представлениями о путях модернизации на основе этноконфессиональных ценностей и социально-культурных традиций. Так, национально-религиозные чувства и политические настроения горцев Северного Кавказа отразились в клятве на Коране аскера Народной армии Совета обороны, руководившего антиденикинским восстанием. Она обязывала защищать «шариат, свободу и независимость народов Северного Кавказа»¹⁸. Сотрудничая с большевиками, Социалистическая группа во главе с М. Дадахаевым и Д. Коркмасовым ссылалась на этнокультурную специфику. Признав союз с большевиками необходимым, они стремились объяснить им укорененность нравственных и правовых норм ислама в сознании горцев¹⁹.

Создание Башкирской автономии сопровождалось противоречиями между представителями Башревкома, местными руководителями и центром по поводу полномочий и границ, и это создало опасность вооруженного конфликта. Политбюро в начале 1920 г. было вынуждено признать, что «неустойчивые элементы» в руководстве Башкирии могли «быть отброшены в сторону контрреволюционного заговора опрометчивыми шагами и заявлениями отдельных местных представителей центральной советской власти и практическими трениями с местными советскими учреждениями». М.В. Фрунзе предлагалось не только немедленно разоружить замешанных в заговоре и арестовать лидеров, но также «разъяснить и подтвердить» националам-большевикам, что «центральное правительство РСФСР с полным вниманием и уважением относится к автономии Башкирской

¹⁶ ГА РФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 133. Л. 52, 35, 25, 24; Оп. 2. Д. 2. Л. 4; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 81. Л. 36. Немкомат – немецкий комиссариат.

¹⁷ Детали взаимоотношений автономии, Наркомнаца и местных структур см.: Деннингхаус В. Между «кайзеровским империализмом» и социализмом: Наркомнац и образование Немецкой автономии в 1918 г. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018. С. 362–367.

¹⁸ Цит. по: Гасанов Б.К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 21.

¹⁹ См. там же. С. 34–35.

республики и никакого покушения на нее не допустит и, наоборот, оградит ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами»²⁰. В мае Оргбюро ЦК партии постановило включить Стерлитамак в состав автономии и реорганизовало состав Башревкома²¹. Границы ее уточнялись и после окончания войны.

Так или иначе, и победы Красной армии, и этносоциальная политика белых побуждали массы и национальных лидеров к признанию советской власти. К примеру, заведующий калмыцким отделом Наркомнаца А. Амур-Санан, в 1918 г. активно участвовавший в установлении советской власти как председатель СНХ Калмыцкой степи, 5 мая 1919 г. сообщил И.В. Сталину о желании представителей национальной интеллигенции, участвовавших в белом движении, перейти на сторону советской власти. Условием для этого выдвигались гарантии автономии и культурного развития, что не противоречило общим установкам большевиков. Однако на месте, как и в других регионах, этим декларативным намерениям противоречили пугавшие население реквизиции скота, осквернение храмов, насилие в отношении женщин со стороны действовавших в тылу 10-й и 11-й армий отрядов. Бандитизм, голод, нищета, понуждавшая людей продавать своих детей, требовали вмешательства центра. Амур-Санан к тому же не совсем безуспешно стремился заинтересовать Москву в оказании помощи и амнистировании образованных калмыков, ссылаясь на их важные для идей «мирового коммунизма» связи с Тибетом и Монголией, в т. ч. в статье «Ключи Востока» (Жизнь национальностей. 1919. 26 мая). Но главным результатом его усилий, совпавших с принципиальной линией власти, стало провозглашение «Автономной области калмыцкого трудового народа в составе РСФСР» летом 1920 г.²²

Гибкость, оперативность и маневренность, разнообразие инструментов утверждения власти, несмотря на слабость и малочисленность «опорных точек» большевизма, позволяла добиваться желаемых результатов. В феврале 1920 г. был восстановлен СНК Туркестанской АССР, в марте ЦК РКП(б) принял «Положение об автономии Туркестана», а 29 июня постановление «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Для руководства партработой было образовано Туркбюро ЦК РКП(б). Но, как оказалось, в центре не понимали положения дел на месте: население, «даже в своей коммунистической части, настойчиво стремится к возможно более широкой автономии и насквозь пропитано узко-националистически. В области военного дела это сказывается в требовании создать мусульманскую армию, открыть чисто мусульманские курсы, назначить на все высшие военные должности мусульман и пр.». Представители Туркфронта, которые стали фактической властью, быстро осознали условность власти партии на месте: «Принимая же во внимание почти полное отсутствие хотя сколько-нибудь политически приемлемых и технически подготовленных сил среди мусульман, выполнение означенных требований было бы равносильно крушению дела. Между прочим,

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 32. Л. 3.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 30. Л. 2.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5556. Л. 1–3 с об.

эти же предъявляются нам по всей линии местного строительства и всюду проскальзывают яркие выражения и почти не скрывааемые узко националистические тенденции». Под именем РКП(б) группируются самые различные элементы, имеющие очень отдаленное отношение к революционному движению²³.

Члены Турккомиссии тогда же докладывали в Москву, что становление советского федерализма происходит в весьма далеких от желаемых формах. Всюду бросались в глаза полнейшая оторванность провинций от столицы автономии, Ташкента, и «доведенный до абсурда автономизм», полное господство местных русских элементов, прежде всего рабочих-железнодорожников, ярко выраженное деление населения на мусульман и «европейцев», коррупция власти. В крае предстоит провести грандиозную работу по реорганизации аппарата власти. «Преыдущая дикая форма господства отдельных групповых интересов над туземным населением грозит смениться взрывом шовинизма – как реакцией против прежнего притеснения. Силы местных советских работников можно использовать только, когда они станут перед фактом твердого решения центра сделать Туркестан одной из составных экономических частей республики»²⁴.

В то же время в руководстве партии, прежде всего в лице И.В. Сталина постоянно прослеживалось стремление к большей централизации. В апреле 1920 г. он выступил против предложения Л.Д. Троцкого поддержать требование Центральной мусульманской комиссии по поводу сохранения 1-й мусульманской бригады. М.В. Фрунзе был за ее включение в состав имеющихся частей, в т. ч. «с трудовыми функциями». В действующих частях, писал Сталин, недопустимо разрешать мусколлегии назначать командный состав. Она должна быть, считал он, «своего рода «ПУР», поставляющей для мусульманских частей комиссаров», а также служить справочной организацией по мусульманскому комсоставу. К тому же, поскольку мусколлегия состояла из татар, с учреждением Татарской республики она должна быть вообще распущена, чтобы усилить и пополнить будущий военкомат республики²⁵. В воинских частях Туркфронта, тем не менее в середине 1920 г. насчитывалось 7882 коммуниста и 2401 кандидат в члены РКП(б), 39,8% составляли мусульмане (в Сыр-Дарьинской области – 40,9%, Семиреченской – 30, Ферганской – 26,1, Самаркандской – 31,4, Закаспийской – 41,2)²⁶.

С другой стороны, и «восточные коммунисты», писал Ленину Н. Ходжаев, отчетливо осознавали, что им не доверяют, проводя идеи коммунизма «через колонизаторов». «РКП не в силах будет бороться без восточных коммунистов в уничтожении всех других некоммунистических течений вплоть до фанатизма. Поэтому, – предупреждал он, – если восточные коммунисты не будут иметь широкого поля, то ответственность перед историей и мировым пролетариатом за своевременное развитие социальной революции на Востоке нести не могут». Свою лепту в напряжение вносили неудачные назначения некоторыми руководи-

²³ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 44. Л. 85–87; Ф. 17. Оп. 65. Д. 10. Л. 130.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 10. Л. 130, 201.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1610. Л. 1–2.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 3; Д. 57. Л. 29.

телями представителей дашнаков, которые прославились насилием в отношении населения²⁷. Многочастие на местах не устраивало и местных коммунистов, более того, они считали «совершенно неверным» представление в Москве о ситуации в регионе, поскольку и столичные руководители национальной политики «дают в ЦК фантастическую информацию»²⁸. 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало «необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»²⁹. 18 ноября 1920 г. совместным решением Турккомиссии, крайкома партии, ТуркЦИК, СНК, Мусбюро и крайкома иностранных коммунистов все национальные парторганизации вошли в Компартию Туркестана, обеспечив консолидацию партийной власти. Турккомиссия работала до августа 1922 г., хотя и среди ее членов возникали стычки и взаимные обвинения в недостаточном соответствии партийным требованиям³⁰.

Лидеры этнических движений стремились, считаясь с объективными условиями и примыкая к побеждающей стороне, получить от руководителей новой России уступки. В то же время сами большевики не без труда добивались раскола в политическом руководстве национальных движений и выделения из них леворадикальных направлений, включали считавшихся авторитетными деятелей в партию или создавали протокоммунистические организации. Осенью 1918 г. из части левых младобухарцев была образована Бухарская компартия, которую Мусбюро и КПТ не считали вполне коммунистической. В начале июня 1919 г. в Ташкенте прошел учредительный съезд БКП, но ясности в отношении внутри небольшой организации, как и КПТ к ней больше стало ненамного. Попытки спровоцировать революционные перемены в Бухаре не удалось, в июле в Ташкенте прошел 2-й съезд БКП, которая подчинялась теперь крайкому КПТ, а не Мусбюро, в декабре – 3-й съезд. Тогда же в Ташкенте в интересах «мировой революции» создается Совет интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпроп), с октября 1920 г. – Туркбюро Коминтерна, призванное консолидировать просоветские силы Бухары. Началась активная подготовка свержения эмира, состоявшегося в сентябре 1920 г.³¹ Между тем в начале 1920 г. возникла еще одна прокоммунистическая организация – младобухарцев-революционеров во главе с Ф. Ходжаевым, поддержанная на месте лишь Совинтерпропом. Тогда же Политбюро ЦК РКП(б) обсудило подготовленные Сталиным тезисы о коммунистической работе среди рабочих и крестьян мусульманского Востока. Они оказались не вполне удовлетворительными. Сталину вместе с Раковским было поручено оперативно доработать их общую часть и организовать комиссию из образованных мусульман «для собрания и разработки всего текущего материала по рабочему движению среди мусульман»³². 29 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) в ответ на просьбу о включе-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1444. Л. 2–4.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 115. Л. 1–5.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 16–19.

³¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 450–451, 478–481.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 32. Л. 1.

нии партии бухарских революционеров в РКП(б) благоразумно постановило отклонить ее, «признав необходимым оказывать этой организации содействие в ее революционной борьбе». Младобухарцы же, видимо, чувствуя неестественность смычки с марксизмом, не могли принять упрощенный подход большевиков к социальным явлениям на Востоке. Присланная в ЦК программа новой партии содержала ссылки на социальную справедливость шариата, предлагала создание демократической республики и обещала допустить к управлению представителей других национальностей. Устав также отвергал «всякое национальное или классовое подразделение, предлагал объединение со всеми трудящимися мира и обещал «всеми силами стремиться освободить угнетенные народы Востока против ига европейского капитала»³³. Вряд ли такие установки могли стать основой для слияния с РКП(б).

Политбюро ЦК РКП(б) 10 августа 1920 г. приняло директиву РВС Турк-фронта о взаимоотношениях с Бухарой, создав политическую основу для решительных действий³⁴. Председатель ЦК БКП Н. Хусаинов и председатель Центрального бюро партии младобухарцев-революционеров Ф. Ходжаев были включены в военно-революционное бюро, олицетворяя просоветские силы Бухары. Переговоры с эмиром велись на основе взаимных уступок³⁵. Свержение эмирского режима частями Красной армии при участии коммунистов, младобухарцев-революционеров и незначительной части населения завершилось в сентябре 1920 г.³⁶ Хотя за 4 года существования Бухарской республики басмачество не было уничтожено, именно здесь впервые большевики добились определенных успехов в политике национального примирения³⁷.

Ярким примером служит и ситуация с созданием профсоюзов, призванных объединить пролетариат, национальный слой в котором был ничтожным. 11 июля 1921 г. Туркбюро и Исполбюро ЦК КПТ по итогам обсуждения доклада Э.Б. Шахновского о вовлечении кустарей в профсоюзы постановили в полном соответствии с установкой на уничтожение социального неравенства включать лишь тех, кто не эксплуатирует «чужого труда», независимо от работы «на государство, кооперацию или на вольный рынок». Председатель Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия) М.П. Томский предлагал при этом создать для них особые секции при соответствующих профсоюзах, и вместе с членом Туркбюро ЦК РКП(б), полномочным представителем ВЧК в ТАССР и начальником ЧК Ташкента Я.Х. Петерсом сформулировал «особое мнение». Они считали грубейшей ошибкой включать кустарей в профсоюзы на равных правах, поскольку при малочисленности т. н. настоящего пролетариата кустари будут оказывать «организованное давление» не только на советские и хозяйственные органы, но и на всю политику партии. Посланцы Москвы проголосовали против

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 55. Л. 2, 8–10.

³⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии. Сб. документов. М., 1976. Т. 3. С. 543.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 44. Л. 210.

³⁶ История таджикского народа. Т. V. Новейшая история (1917–1941). Душанбе, 2001. С. 248–272.

³⁷ Перипетии установления советской власти в Бухаре см.: Крушельницкий А. Бухарская революция; Эргашев Б. Дорогу выбрал курултай // Родина. 1989. № 11. С. 31–39.

предложения Шахновского, которого меж тем поддержал член Турккомиссии и ЦК КПТ Н.Т. Тюрякулов, не участвовавший в заседании³⁸.

В те же дни Шахновский опубликовал в официальном органе ЦК КПТ и ТуркЦИКа «Известия» статью под характерным названием «Профессиональное колонизаторство или профессиональный кретинизм? (О кустарях)». Он привел важные данные: в Туркестане было до 1 млн. кустарей, и не менее 70–80% представляли собой «единственный источник жизни», т. к. почти все производство в автономии базировалось на них³⁹. В связи с конфликтом свою позицию высказал Секретариат ВЦСПС: 1 августа он принял решение не включать кустарей Туркестана в профсоюзы, предложив Туркбюро ВЦСПС точно руководствоваться этим. Саму проблему предложили обсудить на ближайшем пленуме ВЦСПС, а Шахновскому немедленно выехать в Москву⁴⁰.

10 августа дело дошло до Оргбюро ЦК РКП(б), которое признало тезисы Шахновского и, в частности, пункт о кустарях, «неправильными и противоречащими строительству профсоюзов». Секретарь ВЦСПС А.И. Догадов 27 августа сообщил в Политбюро ЦК РКП(б), что такое решение было принято с санкции ЦК⁴¹. Меж тем член Президиума ВСНХ и кандидат в члены ЦК РКП(б) В.В. Куйбышев обратился в Политбюро и Оргбюро, а также Президиум ВЦСПС с изложением иной позиции. Ссылаясь на знание дел в Туркестане, он счел исключение кустарей из профсоюзов «крупной политической ошибкой, отбрасывающей в сторону от организующего влияния пролетариата широкие массы мусульманской трудящейся бедноты и ставящей в изолированное положение русских рабочих, тем самым усилия и углубляя национальную разобщенность». Он обратил внимание, что мусульманских рабочих в ТАССР «почти нет», а потому такое решение создаст организацию русского городского населения, которое будет противопоставлено распыленной мусульманской бедноте. Куйбышев просил поставить вопрос на обсуждение в Политбюро с его вызовом, а пока приостановить исключение кустарей из профсоюзов в Туркестане⁴².

Между тем, практическая задача обеспечения массовой социальной базы советской власти оставалась актуальной, что побудило руководство республики к созданию массовой организации сельской бедноты – союза «Кошчи» (пахарь). Учредительный съезд состоялся в декабре 1921 г. в Ташкенте, но на местах его организации оформлялись одновременно с проведением земельно-водной реформы, начатой весной 1921 г. К тому же ЦК РКП(б) предлагал использовать Кошчи и другие объединения бедноты и батраков для их вовлечения в советское и хозяйственное строительство⁴³. Положение о союзе было утверждено в марте 1922 г. и содержало примечательное объяснение – экономические условия

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 198. Л. 66, 71.

³⁹ Там же. Л. 69.

⁴⁰ Там же. Л. 74. Томский, в начале 1922 г. вернувшийся на пост главы ВЦСПС, с которого был снят в мае 1921 г., наверняка сыграл роль в принятии такого решения.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 198. Л. 75.

⁴² Там же. Л. 72.

⁴³ См.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 530–531.

жизни деревенской бедноты требуют особых мероприятий со стороны власти, дабы выработать у нее по примеру пролетариата «привычку работать сообща по одному плану», причем «не только в экономической, но и политической жизни по пословице: один за всех и все за одного». Кошчи был «профессионально-политическим» объединением⁴⁴ коренного населения аулов и кишлаков, не являясь моноэтничной структурой и основываясь на приоритетах социальной консолидации и идентификации.

Социально-классовое переформатирование общества, в котором не оставалось места для частных собственников, осуществлялось в связи с реинтеграцией многонациональных и моноэтничных регионов. Так, в марте 1920 г. группа бурятских автономистов образовала Временный общепурятский национальный комитет, в мае–июне в Верхнеудинске прошел съезд представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков Забайкальской области. Он высказался за территориальную целостность и автономию бурятского народа, органом исполнительной власти стал Бурят-Монгольский народно-революционный комитет. Правда, М.И. Амагаев признавал: «Автономное строительство было делом новым, не имевшим в прошлом почти никакого опыта и приходилось вновь создавать и административные единицы, и аппараты управления»⁴⁵. В апреле 1921 г. принят Основной Закон (Конституция) ДВР, по которому Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки объединялись в Бурят-Монгольскую АО (БМАО). В мае народно-революционный комитет преобразовался во Временное областное управление БМАО ДВР⁴⁶. Известный бурятский деятель Э.-Д. Ринчино в соответствии с установками РКП(б) увязывал судьбу бурятской автономии с актуальными внешнеполитическими приоритетами советской власти: «немаловажное значение будет иметь то или иное разрешение инородческой проблемы в Сибири в качестве иллюстрации искренности заверений и политики Советской России ... Все работы об улучшении положения инородцев ... в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии, будут немедленно просачиваться за границу и вызывать соответствующие результаты...» В своих обращениях в Наркомнац он также обращал внимание на необходимость территориального единства бурят в рамках одной автономии⁴⁷. В августе 1921 г. Временное областное управление было признано официальным органом исполнительной власти БМАО. Уже после войны 30 мая 1923 г. постановлением ЦИК СССР автономные области бурят-монголов объединены в Бурят-Монгольскую АССР.

Для национально-государственного строительства и на юге Сибири власть считала важным учитывать внешнеполитические интересы. Автономия горцев Алтая была санкционирована в конце 1921 г. с ясным указанием на решающую роль

⁴⁴ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 302. Л. 33–34. Документ А. Жунисбаем.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 31 об.

⁴⁶ См.: Елаев А. А. Бурятия: Путь к автономии и государственности. М., 1994; Его же. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: РАГС, 2000.

⁴⁷ Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 86, 189–190.

Москвы: «Не возражать против созыва совещания алтайских народов на предмет их волеизъявления». Сиббюро ЦК РКП(б), правда, выступало против автономии ойратов и хакасов, считая ее «совершенно нежизненной и политически опасной» из-за неспособности алтайцев «обеспечить политическую устойчивость южной границы Сибири». Организовать советскую власть на огромной территории «на национальном принципе представляется явно несущественным делом», если обеспечить классовую сплоченность населения. Требование автономии объяснялось ее пропагандой с 1917 года, в т. ч. сибирскими областниками и этнографами, влиянием насилия колчаковцев и вылазок белогвардейцев из пограничной Монголии. Тем не менее комиссия Наркомнаца, занимавшегося этим вопросом с сентября 1921 г., в начале ноября констатировала, что все доводы Сиббюро нельзя считать вескими и обоснованными, а укрепление советской власти возможно лишь при правильном проведении национальной политики. Да и решение специфических задач политического влияния советской власти в Урянхайском крае и Джунгарии диктовало необходимость автономии⁴⁸.

В Якутии попытка установить советскую власть летом 1918 г. провалилась, но зимой 1919 г. местные большевики сумели утвердиться. 10 марта 1920 г. на совещании в Иркутске впервые прозвучала идея учреждения национальной и культурно-национальной автономии в Якутской области. Но наличных сил здесь было явно недостаточно, лишь якутский большевик М.К. Аммосов проявил настойчивость в продвижении этой идеи. В апреле 1920 г. по итогам совещания Сибревкома было принято решение упразднить Якутскую область и присоединить ее территорию к Иркутской губернии. Обосновывалось это решение опасениями мятежа против советской власти. 1 мая 1920 г. М.К. Аммосов составил записку в Сибревком «о предоставлении Якутии губернской самостоятельности». В сентябре такое решение состоялось, но тяжба между общесибирскими и иркутскими большевиками, якутскими автономистами продолжалась, пока центр не определил свою позицию. В январе 1922 г. по предложению Наркомнаца Политбюро ЦК РКП(б) опросом решило выделить Якутию «в автономную единицу»⁴⁹. В апреле 1922 г. была провозглашена декларация об образовании ЯАССР в составе РСФСР с центром в Иркутске, хотя границы и административный облик автономии еще предстояло уточнить⁵⁰.

Большое значение придавалось созданию условий для развития экономики, при этом В.И. Ленин на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г. связывал научное обоснование областного районирования и работу ЭКОСО (экономических совещаний при местных органах власти) с учетом всевозможных обстоятельств хозяйственного развития, географических и инфраструктурных факторов на местах⁵¹. В ноябре 1921 г. Президиум ВЦИК создал комиссию по районирова-

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 2, 34–36, 39–42 об., 44.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 181. Л. 2–3, 36, 38; Оп. 163. Д. 239. Л. 11.

⁵⁰ Подробнее см.: Коробейников А. Якутская автономия: постимперские политические проекты якутской интеллигенции, 1905–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2017. № 3. С. 77–118; Антонов Е., Антонова В. Разногласия Якутии, Дальнего Востока и центра по вопросу административно-территориального разграничения в контексте национальной политики // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 97–139.

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 115.

нию РСФСР под председательством М.И. Калинина. Она должна была обеспечить единство замысла и его реализацию на основе неких общих принципов, при этом, как считал Калинин, «граница может быть и здесь, может быть и там. Какая река будет границей или будет какая-нибудь этнографическая граница, это вопрос мест. На местах к этому вопросу подойдут заинтересованные стороны, мы же ставим перед собой принципиальный вопрос. Решению этого вопроса местные интересы должны быть целиком принесены в жертву. Мы должны иметь в виду интересы коммунистического строя»⁵².

Именно в связи с этими решениями, возможно, разгорелся конфликт между Чувашской и Марийской АО, когда 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял предложения Административной комиссии и комиссии районирования Госплана РСФСР о передаче левобережной части Чебоксарского уезда Чувашии в состав Марийской области (Чувашия включалась при этом в состав планируемой Средне-Волжской области, которая в итоге образовалась лишь в 1928 г.). Комиссия по районированию исходила не только из преобладания марийцев в этом уезде, но и необходимости выхода к Волге Вятско-Ветлужского района и управления запланированной электростанции со стороны центра. В пользу Чувашии заключение дал лишь Главлеском⁵³. Руководство обкома партии и облисполкома Чувашии направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором доказывало, что позиция центральных органов управления о приоритете экономической целесообразности, которую нужно отделить от вопроса культурной и национальной автономии. Это расценивалось чувашскими деятелями как претензия «к пересмотру и изменению самих основ федеральной конституции РСФСР» и великодержавие⁵⁴.

В конфликте наглядно проявились повсеместные проблемы советского строительства, когда «интересы коммунистического строя» в рамках хозяйственной специализации и межрегиональных экономических связей в огромной многонациональной стране противоречили этническому картографированию во имя заявленных принципов национального самоопределения. Планы районирования не устраивали местные элиты, при этом сами руководители Чувашии признавали, что их «область по экономической природе не имеет никакого практического значения, т. к. ... является экономической единицей обычного губернского типа и самостоятельной экономической политики не ведет». Но чисто теоретические, как они считали, подходы к районированию, предусматривавшие отторжение лесных массивов по Волге расценили как вопрос жизни и смерти именно в экономическом смысле. В политическом отношении они считали такое решение противоречащим идее создания автономий в составе РСФСР, поскольку «этнографический принцип разграничения ни в коей мере не должен идти вразрез с основными тенденциями экономики», и передача уезда в состав Марийской АО, пугали они, «будет учтена населением, как злост-

⁵² Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / под ред. К.Д. Егорова. М.-Л., 1925. С. 11–26; ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 1. Л. 17об.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 59, 60–61.

⁵⁴ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 56.

ная провокация», способная породить контрреволюционные выступления⁵⁵. Наркомнац в своем заключении к заседанию Оргбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1921 г. указал, что «нет никаких оснований к пересмотру данного вопроса» в пользу Чувашской АО, предложил пользование лесами урегулировать на уровне Федерального земельного комитета, «куда чувашам надлежит обратиться». Оргбюро тогда же приняло решение предложить Президиуму ВЦИК повторно рассмотреть вопрос с участием всех заинтересованных сторон. 27 ноября ВЦИК постановил отложить решение до июля 1922 г., комиссии по районированию рассмотреть вопрос с учетом интересов обеих областей, а НКВД и Наркомнацу было предложено разработать мероприятия «для смягчения затруднений» из состояния границ двух автономий⁵⁶.

В тезисах доклада Президиума ВЦИК очередной сессии ВЦИК 9 созыва (апрель 1922 г.) по вопросу об экономическом районировании, которые готовили общеплановая и административная комиссии ВЦИК, Комиссии по районированию Наркомзема и ЦСУ (обсуждались в конце 1921 г. в Секретариате ЦК), подчеркивалось: «Провозглашенный Советской властью принцип самоопределения должен быть сохранен, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении. Поэтому границы автономий при включении в экономические области не должны были нарушаться, а «политические права и компетенция национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат умалению». Экономическое районирование, говорилось далее, «должно обеспечить мирное сожительство и братское сотрудничество всех национальностей и племен РСФСР, также и договорных дружественных Советских Республик»⁵⁷. Однако ВЦИК не принял решение о районировании, передав его на обсуждение местам⁵⁸.

Предполагалось в том числе, что выделение этнически однородных районов ускорит выдвижение в аппараты управления представителей титульного этноса и развитие двуязычия среди управленцев. И. Оайон пишет, что административно-территориальные изменения служили элиминации родовых отношений, поскольку клановая идентичность и межродовое соперничество в условиях новой системы управления должны были сокращаться или вообще становились невозможными. Проведенное в 1928 г. районирование, по ее мнению, могло способствовать разобщению казахов при их внешнем территориальном единстве⁵⁹. Но несмотря на определенные успехи в деактивации традиционных социальных сетей, власти в целом не удалось разрушить многовековые практики

⁵⁵ Там же. С. 57–58.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 66, 3; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 58.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5614. Л. 101об.

⁵⁸ В 1923 г. XII съезд РКП(б) принял резолюцию «О районировании». Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 697–698. Но его реализация растянулась до конца 1920-х гг. и обрела существенную региональную специфику. См.: Сухова О.А., Филенкова О.А. Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 62–77.

⁵⁹ Ohayon I. La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. Collectivisation et changement social (1928–1945). Paris, 2006. P. 42–43.

внутриэтнических взаимоотношений, прежде всего нормативного и регулятивного свойства, в т. ч. внутриэлитного взаимодействия по вертикали и горизонтали. «По существу Казкрайком партии утерял живую организационную связь с рядом райкомов»⁶⁰, – за этой констатацией партийного издания 1990 года стоит признание фактической деградации и хаотизации системы управления и ее кадрового состава. Эта объективная оценка соотносится с размышлением И. Оайон о различии между подходом и реальной практикой: «принцип нового административного деления должен был позволять осуществление глобального контроля всей территории, облегчение слежения за регионами, заселенными казахами, и их образом жизни и, как следствие, эффективное осуществление репрессивных мер: конфискацию, а позже коллективизацию и седентаризацию»⁶¹.

Именно на местах – в национально-государственных и административно-территориальных образованиях разворачивалась тяжелая и затяжная дискуссия по поводу распределения управленческих полномочий и оптимизации хозяйственных связей, сложившихся чаще всего задолго до этнического картографирования страны. Э.Д. Ринчино предлагал большевикам понять, что «инородческий вопрос в Сибири – это вопрос не чисто национальный и не может быть рассматриваем исключительно на национальной почве, – это прежде всего вопрос глубоко социальный», аналогично рабочему вопросу. Меж тем грубые ошибки местных властей вели к отчуждению от советской идеи и усиливали риск межэтнических конфликтов вопреки отсутствию у инородцев «узкогруппового или национального эгоизма»⁶². Кроме того, как признавал позже М.И. Амагаев, внесший важный вклад в партийное строительство среди бурят, «никакого ни организационного, ни идейного руководства и помощи, никакой финансовой, из центра оказано не было. ... В органах управления сидели в лучшем случае неподготовленные работники, зачастую бывшие люди – нойоны»⁶³.

Социальное переструктурирование органов власти осложнялось и проблемами в системе управления и ведомственной иерархии. 9 июня 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровский направил «весьма секретно» телеграмму в ЦК партии о том, что декрет ВЦИК о Якутской республике «не оговаривает подчинение ЯССР в хозяйственном отношении Сибревкому». Якутские товарищи, говорилось далее, «склонны понимать это буквально, [есть – Д.А.] опасность невыполнения ими распоряжений Сибревкома, нарядов Сибпродкома и т. п.». Он просил срочно провести через ВЦИК подчинение республики Сибревкому в хозяйственном отношении. На расшифровке телеграммы член Сиббюро, член ЦК партии Е.М. Ярославский написал: «Это необходимо срочно сделать, ввиду чрезвычайно сильных сепаратистских настроений у части руководящих работников якутов»⁶⁴. Вертикаль власти отстоять удалось: в тот же день Секретариат ЦК

⁶⁰ Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник. Алма-Ата, 1990. С. 63.

⁶¹ Оайон И. Седентаризация казахов в СССР при Сталине. С. 46.

⁶² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2927. Л. 1–9.

⁶³ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 31 об.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 339. Л. 55.

РКП(б) по докладу Ярославского и члена коллегии наркомфина, замнаркома РКИ СССР С.Е. Чуцкаева по вопросу о взаимоотношениях Якутского обкома партии с Сибревкомом постановил известить Якутский обком, что «согласно постановления ЦК Якутская область в хозяйственном отношении подчинена РСФСР через Сибревком». 13 июня в Якутский обком была направлена срочная шифротелеграмма о решении ЦК, 9 июня утвердившего состав Якутского ревкома. Там же доводилось до сведения постановление ЦК РКП(б) по спорному вопросу⁶⁵.

Претензии на самостоятельность, не подкрепленную реальными возможностями и практической необходимостью, проявлялись у лидеров и других «самоопределившихся» под крылом большевиков республиках. Но даже в 1921 г. вступившего в партию еще в мае 1917 г. главу Белнацкома А.Г. Червякова С.С. Пестковский считал «средне надежным» и попавшим на высокие посты лишь как «самого видного “белоруса”». Держать его в качестве руководителя можно было, только приказав ЦК РКП(б) «более тщательно направлять его деятельность»⁶⁶. В другом еще более сложном по составу регионе в апреле 1920 г. было создано Кавбюро ЦК РКП(б)⁶⁷. Но эта опора была недостаточно устойчивой: в 1921 г. Политбюро было вынуждено вызывать в Москву руководителей Азербайджана М. Гусейнова и В. Ахундова «для разъяснения им правильной коммунистической политики» в республике. Осенью 1921 г. Кавбюро, опережая события, приняло решение о создании Закавказской федерации. Это заставило Политбюро ЦК затребовать срочные разъяснения, «как представляете себе взаимоотношения союзного совета Закавказской федерации и РСФСР». К тому же, центру пришлось более детально заняться вопросами формирования полупартизанских плохо управляемых национальных воинских бригад и военных складов. А.Д. Троцкий предлагал заключить конвенцию о венных взаимоотношениях РСФСР с республиками Закавказья, «обеспечив заранее решения... партийным путем». «Ввиду исключительной важности» выборы Кавбюро ЦК партии разрешалось проводить на общей партконференции закавказских республик только при согласовании списка его членов с ЦК партии⁶⁸.

16 октября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) заслушало и приняло к сведению доклад П.Г. Смидовича о Всекиргизском⁶⁹ съезде советов. Именно он сообщил, в частности, «о наличии взаимных дипломатических представительств в Киргизии, Башкирии и Туркестане». Оргбюро было решено «разъяснить указанным странам [так в тексте – Д.А.], что конституция их как автономных республик исключает существование дипломатических представительств»⁷⁰. Очевидно, в качестве диппредставительств выступали органы, созданные для

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 339. Л. 3, 52.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5624. Л. 1–5.

⁶⁷ По решению IX съезда РКП(б) «По организационному вопросу» (апрель 1920 г.) для обеспечения большей управляемости из центра создавались региональные структуры ЦК. Сиббюро было создано 17 декабря 1918 г., в 1920 г. – 8 региональных бюро ЦК РКП(б), в т. ч. Уральское.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 199. Л. 20; Д. 214. Л. 7–8; Д. 230. Л. 39.

⁶⁹ Имеется в виду Казахская АССР. До 1925 г. в отношении казахов использовался этноним киргизы.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 379. Л. 2.

урегулирования хозяйственных и административно-территориальных вопросов, возникавших в ходе федерализации. В связи с этим в тот же день было принято отдельное постановление Оргбюро «О представительствах». В нем констатировалось, «что дипломатических представительств при Автономных республиках Киргесреспублика не имела. Бывшее представительство при Сибревкоме ликвидировано со времени окончания присоединения Семипалатинской и Акмолинской губерний. В Башкирии был представитель по вопросам лесозаготовок, но в настоящее время не имеется. Туркестанское же представительство вело главным образом работы по заготовке хлеба и сбору в пользу голодающих киргиз». Президиуму КирЦИК было предложено заслушать доклад о работе Туркпредставительства и «необходимости оставления агентур в дальнейшем». По поводу Башкирии, видимо, был направлен отдельный запрос, т. к. 26 октября Башкирский обком партии представил в Оргбюро выписку из протокола, в коем доложил, что «никаких дипломатических представителей у Башкирии нет, а лишь имеются в Оренбурге и Туркестане уполномоченные Башсовнаркома по экономическим вопросам, и по окончанию борьбы с последствиями голода в Башреспублике последние будут отозваны»⁷¹.

В ходе образования СССР, как известно, взгляды В.И. Ленина и И.В. Сталина разошлись⁷². Дискутировался в том числе вопрос о системе управления и иерархии наркоматов в новом государстве. По предложению Сталина создавалась трехуровневая система: объединенные наркоматы на уровне РСФСР, управлявшие своими филиалами в автономиях и собственно наркоматы автономий. Дебатам руководителей страны сопутствовали инициативы лидеров автономий: М. Султангалиев и другие пытались добиться вхождения автономных республик и областей в СССР напрямую, минуя РСФСР, что, по мнению Сталина, могло привести к созданию русского СНК и ЦИК⁷³.

В конце 1922 г. проявились, как считают историки, два подхода: «крепнувший день ото дня, демонстрируемый Чичериным, Сталиным и Пятаковым, – проводил идею ликвидации “либерализма Москвы” в национальном вопросе, отказа признавать независимость договорных советских республик “за чистую монету”, считая это “игрой”. Дело организации союза республик по существу сводилось в этом случае к вопросам управления административно-территориальными единицами. Другой подход (его представляли в Комиссии Раковский и Каменев) ... отражал поиск баланса интересов, сочетания суверенитетов, заложенных, как представляется, в ленинской формуле “вместе и наравне”». В частности, Г.А. Пятаков в письме к Сталину и Л.Б. Каменев в письме к Ленину обращали внимание на потенциальные сложности управления и опасности бюрократизации, связанные с созданием разноразрядных наркоматов в иерархии субъектов создаваемой федерации»⁷⁴.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 379. Л. 14 и об. – 15 и об.

⁷¹ См.: *Ненароков А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924 / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. 270 с.; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 542–550.

⁷² Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 102–105.

⁷³ См.: На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102.

При подготовке Конституции СССР 1924 г. проблемы взаимоотношений центра и субъектов федерации вновь актуализировались. Национальные элиты продолжали «битву» против «шовинизма» всех этнических цветов, за укрепление своих внутрирегиональных позиций и повышение реального статуса в принятии общесоюзных политических решений. Накануне X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.) непосредственно перед провозглашением СССР приехавшие в Москву казахские делегаты встретились с делегатами из Башкирской, Татарской и Туркестанской АССР в номере главы правительства Казахстана С. Сейфуллина гостиницы «Париж». Инициаторами и организаторами т. н. совещания 20 лидеров тюркских автономий стали представители автономий при ВЦИК. От КАСР, кроме Сейфуллина, участвовали председатель КазЦИК С. Мендешев, 2-й секретарь Киробкома РКП(б) А. Асылбеков и представитель КАСР при СНК РСФСР М. Мурзагалиев.

Главным докладчиком и руководителем обсуждения был М. Султангалиев, который, по данным Полномочного представителя ГПУ в Казахстане И.Д. Каширина, заявил, что с заключением Союза ССР права «отдельных республик урезаются, но зато они будут иметь общий Союзный ЦИК и СНК, и тогда положение прочих автономных республик сведется к положению губернии, поэтому было бы целесообразным, если бы остальные республики также вошли в Союз»⁷⁵. Как указывал далее Каширин, Асылбеков, «согласившись с доводами ... о необходимости вступления в союз, крайне обиженно и с заметным негодованием, как представитель целой республики, обойденной вниманием центра, закончил свою речь следующими словами: «Нам нужно во что бы то ни стало отвоевать себе место в союзе, если же этого не будет, то нужно все бросить и пускай ликвидируют всякую автономию, ибо все равно ничего не выйдет».

Вслед за этим выступил Мурзагалиев, который со свойственным ему пафосом доказывал, что это создание союза клонится к руссофикации [так в тексте – Д.А.], великорусскому господству, что видно, например, из того, что даже такая маленькая республика, как Белоруссия, входит в Союз, в то время как более крупные автономии Республики остаются на положении губерний без малейшей местной инициативы. Далее Мурзагалиев делает заключение, что с созданием союза, при необходимости организации государственного капитализма, предполагается образовать в Москве единый руководящий промышленный центр для Западной России в целях единого планового использования сырья, каковое, очевидно, предполагается выкачивать из Восточных Республик.

Заканчивая свою речь, Мурзагалиев сказал: «Теперь мы переживаем худший момент, – момент эксплуатации государственным капитализмом, т. е. возвращаемся к старому угнетенному положению. Я об этом кричал в свое время, говорил,

⁷⁵ 11 января 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) решительно осудило поведение Султангалиева, «выразившееся в выступлении на заседании большой коллегии Наркомна с представителями мест в присутствии беспартийных с предложениями, идущими вразрез с постановлением фракции РКП X-го съезда Советов по вопросу о Союзе Республик». Его дальнейшая работа в коллегии была признана нецелесообразной, однако в феврале этот пункт был отменен по предложению Г.И. Бройдо. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 402. Л. 3; Д. 411. Л. 3.

что центр душит нас, стремясь к великодержавному господству, – меня обвинили в национализме и выбросили вон. Поэтому во что бы то ни стало нужно отстоять самостоятельность, т. е. иметь место в союзе». Мендешев при обсуждении этого вопроса держал себя сдержанно. Одобряя мысль о вступлении в союз, он тем не менее предоставлял это решение всецело ЦК РКП(б), которому и подчинится. Сайфуллин совершенно себя не проявил, оставаясь все время пассивным». Асылбеков же «почти все время волновался и говорил, что если ничего не выйдет, то он откажется от должности секретаря Киробкома РКП(б) и уедет куда-либо в губернию, где и будет работать в каком-либо предприятии». В итоге было решено создать комиссию из 4 человек, а через два дня председатель СНК Татарской АССР К. Мухтаров составил проект обращения к руководству страны, который подписали все участники совещания⁷⁶. 25 декабря 1922 г. 31 делегат X Всероссийского съезда Советов от автономных республик и областей направили в Политбюро ЦК РКП(б) письмо с предложением положить «в основу конструирования союзного ЦИК и СНК ... непосредственное и широкое участие в них не только независимых, но и всех автономных единиц»⁷⁷.

Эта инициатива не могла остаться без внимания. В ходе подготовки тезисов о национальных моментах в партийном и государственном строительстве к XII съезду РКП(б) И.В. Сталин, продолжая отстаивать позицию, обсуждавшуюся в спорах с Лениным, 4 февраля 1923 г. обратился к членам Политбюро ЦК (копия была направлена секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе) с «совершенно секретной» запиской, в которой заявил, что в вопросах партийного строительства «едва ли придется сказать что-либо новое на партийном съезде, – тут все ясно, и дело ограничится по всей вероятности изменением некоторых второстепенных пунктов устава партии».

А вот проблемы государственного строительства он расценил как менее ясные и требующие «некоторых существенных изменений» в Конституции СССР. Для составления тезисов Сталин просил членов Политбюро высказаться по трем ключевым вопросам. На 1-е место он поставил вопрос о праве вхождения автономий в состав СССР «как отдельных государств», а не через объединявшие их РСФСР и ЗСФСР, поскольку он «усиленно дебатировался среди восточных националов и отчасти среди грузин»⁷⁸.

По мнению Сталина, эта идея отвечала национальным стремлениям субъектов федерации и устраняла «среднюю ступеньку в строении союзного государства (федеральные образования) и вместо трех ступеней (национальная республика – федеральное образование – союз) создает две ступени (национальная республика – союз)». Существенные минусы он видел в том, что такой подход «обязывает нас создать новую русскую [подчеркнуто Сталиным] республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой». К тому же, «оно вынуж-

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 39 об – 40 с об.

⁷⁷ См.: Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. Сб. документов. Алма-Ата, 1990. С. 66–67.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

дает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и, во всяком случае, вынуждены будут серьезно перекроить свои территории, что еще больше усложнит организационную перестройку. Я думаю, что тут плюсы явно превышают минусы, не говоря уже о том, что минусы эти не могут быть оправданы, по крайней мере, в данный момент политической необходимостью.

Поэтому вхождение республик в союзные государства через федеральные образования должно быть оставлено в силе»⁷⁹, – делал вывод Сталин.

Он также предложил внести изменения в Конституцию и наряду с союзным ЦИКом, представляющим главным образом наиболее многочисленных русских, «создать еще параллельный союзный орган, являющийся представительством всех национальностей союза на началах равенства». Сталин не считал нужным создавать для этого «более или менее самостоятельный» и стоящий над ЦИК орган. «Целесообразнее было бы, предлагал он, – создать такой модус, при котором: а) Союзный ЦИК состоял бы из двух, скажем, палат, из Союзного Собрания (представительство рабочих и крестьян на началах пропорциональности) и Союзного Совета (представительство национальностей на началах равенства); б) в Союзный Совет входили бы, скажем, по четыре представителя от каждой республики, в том числе и от русских (Центральная Россия), не имеющих своей республики, но посылающих в Союзный Совет своих представителей от центральных губерний, и по одному представителю от национальных областей вроде Кабарды, Карелии и пр. (8 автономных республик, помноженных на четыре, плюс четыре русских представителя, плюс Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения, помноженные на четыре, плюс тринадцать национальных областей, помноженных на единицу = 69 членов Союзного Совета); в) существенные законы проходили бы через обе палаты, собирающиеся посессионно и обсуждающие их раздельно; г) Президиум Союзного ЦИК и Союзный Совнарком выбирались бы на совместном заседании обеих палат, причем в периоды между сессиями Президиум Союзного ЦИКа являлся бы носителем верховной власти.

Сказанное не исчерпывает вопроса о функциях двух палат, оно даже не затрагивает вопроса о способах разрешения разногласий между двумя палатами (это дело специальных комиссий), но я полагаю, что идея в второй палате с представительством национальностей назрела... Само собою понятно, что в случае принятия этого предложения, Наркомнац придется упразднить»⁸⁰. Последнее, вполне вероятно, для Сталина было еще и способом избавиться от дополнительной нагрузки.

Наконец, среди главных проблем государственного строительства Сталин выделил вопрос: не следует ли в СНК СССР ввести наркомов по просвещению, внутренним делам, земледелию, юстиции, здравоохранению и соцобеспечению, кроме наркомов по объединенным комиссариатам. Он считал, что инициативу

⁷⁹ Там же. А. 21–22.

⁸⁰ Там же. А. 22–23.

по данному вопросу не должны выдвигать москвичи, чтобы националы не смогли обвинить центр в стремлении к снижению прав республик. Если же националы поставят данный вопрос, – писал он далее, – то в резерве стоит иметь следующие предложения: а) при СНК и Президиуме ЦИК создать Советы по просвещению, здравоохранению, земледелию и пр.; б) в состав Советов входят представители соответствующих наркоматов республик; в) представители данных Советов входят в состав СНК СССР на правах наркомов; г) права и обязанности их исчерпываются контрольными функциями. Эти идеи должны были продемонстрировать готовность центра идти навстречу требованиям республик и в то же время обеспечить необходимую иерархию в строившейся управленческой вертикали. Он считал также, что до подготовки тезисов о национальных моментах в партийном и государственном строительстве к съезду по всем спорным вопросам нужно сформулировать директиву Политбюро⁸¹.

8 февраля 1923 г. Политбюро рассмотрело вопрос «Письмо т. Сталина о Конституции Союза советских республик» и постановило: «Впредь до окончательного решения общего вопроса о равном представительстве национальностей поручить т. Сталину разработать свой проект более детально». 20 февраля Политбюро по вопросу «Тезисы по национальному вопросу» (докладчик Сталин) постановило: перенести на пленум⁸².

Между тем 6 марта секретарь ВЦИК и председатель малого СНК РСФСР Т.В. Сапронов обратился к М.И. Калинин со своими предложениями. Он считал, что созданием двух палат «делается трещина в направлении расчленения РСФСР». Его аргументы сводились к следующему: «Если в Союзной палате будут представители всех Республик и даже автономных областей, то тем самым, как будто бы предreshается вопрос о непосредственном вхождении этих республик и областей в Союз. ... Учреждением Союзной Палаты имеется в виду охранение прав Украины, Закавказья, Белоруссии от засилия РСФСР в целом; непосредственное представительство Башреспублики, Кирреспублики, Области Марийцев и др. в Союзной Палате дает им право возбуждать вопросы, касающиеся данной республики или области, т. е. те вопросы, которые должны решаться органами РСФСР. Это вторая трещина, которая делает ненужным существование РСФСР».

Кроме того, «паритетное представительство дает громадный перевес крестьянству над пролетариатом, что явилось бы принципиальной уступкой в сторону отказа от гегемонии пролетариата. Строить все на партийной дисциплине ошибочно, так как требовательность в сторону расширения автономности и самостоятельности все больше и больше будет увеличиваться, и под этим напором неизбежно то, что называется партдисциплиной и должно будет давать трещины», – предостерегал он и предлагал усилить роль Союзной палаты, включив в нее представителей промышленно развитых областей и предоставив больше законодательных прав⁸³.

⁸¹ Там же. А. 23.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 317. Л. 16; Д. 320. Л. 12.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 3. Л. 1–4.

В итоге 22 марта по этому же вопросу Политбюро постановило: «Поручить т. Сталину вставить в тезисы пункт согласно обмена мнений в П.бюро по вопросу об объединении наркоматов»⁸⁴. В тезисах И.В. Сталина к XII съезду «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» отмечалось, что объединение национальных республик в СССР – заключительный этап «военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство», поскольку в советском строе нашелся «ключ к правильному разрешению национального вопроса ... путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности». Там же были определены главные препятствия в решении этой задачи – т. н. наследство в виде пережитков великорусского шовинизма, «хозяйственное и культурное неравенство национальностей» СССР, а также «пережитки национализма в среде целого ряда народов». При этом последнее препятствие, перераставшее в шовинизм доминировавших в республиках «против слабых национальностей в них, объяснялось как следствие первого»⁸⁵.

Одним из проявлений великорусского шовинизма Сталин считал попытки «значительной части советских чиновников» ликвидировать республики и в качестве одного из шагов провести слияние наркоматов, которое стало экзаменом для советского аппарата. В одобренные Политбюро ЦК партии тезисы было включено предложение Сталина создать в системе высших органов власти специальный орган равноправного представительства национальных республик и областей. Что касается наркоматов, тезисы лишь рекомендовали конструировать союзные комиссариаты «на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза»⁸⁶.

Однако почти сразу после XII съезда РКП(б) проблема взаимодействия центра и мест была озвучена вновь. 14 мая 1923 г. глава правительства Татарской АССР К.Г. Мухтаров и представитель автономии при Наркомнаце А.М. Енбаев от имени ответственных работников республики направили заявление в ЦК партии, И.В. Сталину (копии секретарям ЦК Рудзутaku и Молотову, членам ЦК Троцкому, Г.Е. Зиновьеву, Н.И. Бухарину, В.В. Куйбышеву, А.Б. Каменеву), в котором в связи с известным делом М. Султангалиева подчеркнули, что XII съезд с очевидностью обнаружил массу противоречий, накопившихся в партии по вопросу о национальных моментах в партийном и советском строительстве». Они обвиняли чиновников из центральных ведомств в колонизаторстве, а экономические органы как «первых в роли душителей Автономных Республик». Требования были связаны и с решениями X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.), поскольку он рассматривал вопрос об СССР «без достаточной предварительной агитационной подготовки», что якобы было воспринято в массах «как единство и неделимость великой России и упразднение автономных республик». Татарские

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 325. Л. 30.

⁸⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. 1921–1923. М.: ОГИЗ, 1947. С. 186, 187–189. Съезд проходил 17–25 апреля 1923 г. Тезисы опубликованы в «Правде» 14 марта 1923 г.

⁸⁶ Там же. С. 193–194.

лидеры претендовали на выражение позиции и других «тюркских» автономий, утверждая, что «левые» коммунисты и националы в Москве связались с «левыми» группировками Крыма, Башкирии, Казахстана и Татарстана и вели «самую гнусную работу», причем «в центре обстрела оказался» Султангалиев. Они выступили в защиту казахских националов, которые в конце 1922 г. якобы были заменены «левыми», и башкирских, кои не просто ослаблены, а «еще сильнее придавлены»⁸⁷.

На заседании ЦК КП Туркестана по итогам XII съезда партии и IV совещания говорилось о настоятельной необходимости расширить права республики в экономике, просвещении и других сферах: «...в Грузии все национальное просвещение стоит лучше, чем у нас, в Федерации [РСФСР], в Украине то же самое. Они умеют хозяйством заниматься. В Грузии они держат крупные предприятия и отрасли хозяйства в своих руках, это не значит, что нефтяная промышленность и другие столь же крупные отрасли промышленности не централизованы, но, тем не менее, что возможно, они держат в своих руках и выжимают из этого максимальные выгоды. Туркеспублика живет преимущественно на средства Наркомфина СССР. Заблагорассудится Наркомфину РСФСР, он делает вычеты, заблагорассудится ему, он по открытым уже кредитам не снабжает нас дензнаками ... Словом, мы находимся в полной зависимости от капризов Наркомфина. Имеет ли Туркеспублика свою финансовую базу, участвуем ли мы, например, в налоговом вопросе в какой-либо мере? Говорить же о Наркомпросе и почтово-телеграфном ведомстве уже не приходится, туда и подавно нос сунуть нельзя... Нужно, чтобы Туркеспублика принимала участие в хозяйственной жизни всех государственных фондов и была в курсе всех их работ»⁸⁸.

Это подвигло центр на более конкретные меры. 19 мая 1923 г. по предложению В.В. Куйбышева Политбюро постановило поручить ЦКК и Секретариату ЦК партии примерно через 2 недели провести совещание националов окраинных областей, причем с приглашением по 2 представителя, «по возможности антипода». Целью встречи было изложение дела Султангалиева, дабы «показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы», изучение «положения коммунистической работы на окраинах» и ее руководителей, их сплочения и более тесной связи с ЦК. Сам Султангалиев в обширном письме к руководству партии, в частности, довольно метко охарактеризовал начальные результаты большевизации элиты азиатских автономий: «“Левые” оказались “правыми”, “правые” – “левыми”, “националисты” оказались “русскими колонизаторами”, а “интернационалисты” – “националистами”»⁸⁹. На совещание от КАССР предагались С. Мендешев, М. Мурзагалиев и А. Коростелев. При этом на списке работников национальных республик и областей, подготовленном в Секретариате ЦК РКП(б) и утвержденном Политбюро 24 мая 1923 г. для созыва совещания, С. Мендешев и М. Мурзагалиев значатся как имеющие «более националистиче-

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 47 с об.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 525. Л. 38.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 51, 71–72.

ский оттенок», а А. Джангильдин, оказавшийся в итоге вне списка, – «примыкающим к европейским работникам», «но не пользующимся влиянием»⁹⁰. Примечательно, что в поправках Е. Ярославского к заседанию Политбюро по проекту Секретариата ЦК на данное совещание отмечалось: для характеристики общей линии партработы в крае в отношении влияния прежней элиты нужно вписать, что «фактически такие явления, как букейхановщина, не растут, а лишь оформляются» и получают «более отчетливое выражение»⁹¹. Именно активизация региональных элит по поводу прав и полномочий республик в связи с образованием СССР дала Москве повод считать национализм главной опасностью на пути большевизации. Эта опасность отягощалась внутриэлитными противоречиями в руководстве автономии.

Как известно, IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня 1923 г. ознаменовало поворот центра в отношении этноэлит и поставило двуединую задачу борьбы с уклонами к русскому национализму и одновременно к антирусскому и вообще, к местному национализму. Наказание М. Султангадиева и общая линия Сталина на стадии обсуждения в Политбюро вызвали весьма показательные сомнения. Они отразились в карандашных заметках участников заседания 4 июня на обороте протокола: «"уравнительность" двух задач?»; «На Ильича нечего ссылаться, у нас нет Ильича. 1) Как изменился Сталин за последние 6 месяцев. 2) Я ... больше, может быть, чувствую ту опасность, которую несет нашей партии упущение 2-й задачи... 4) Дисциплина в национальных компартиях нужна или нет?»; «1) Сталин провел свою точку зрения, мы промолчали. 2) Какая все же разница между резолюцией и проектом?»⁹².

Понимание нового качества целостности граждан единого государства вызревало постепенно. Приоритет классовых критериев и социального равенства формально должен был обеспечить равенство и национальное, но его фактическое наполнение происходило достаточно сложно. Власть пыталась, активно и целенаправленно занимаясь нациестроительством, нащупать такие инструменты, которые могли бы объединить граждан страны, разделенных внутренними границами и администрациями субъектов федерации. При обсуждении Конституции СССР 14 июня 1923 г. на заседании расширенной комиссии ЦИК СССР развернулась дискуссия о том, как совместить гражданство республик и СССР. Украинские руководители считали нужным реализовать фактически двойное гражданство, против чего выступили представители центра. Показательны доводы председательствующего М.И. Калинина, которые он приводил на встрече «у горцев»⁹³: «вы не только граждане-горцы, вы граждане громадной общесоветской территории, там все национальности сливаются, там выра-

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 107, 111; Ф. 17. Оп. 163. Д. 339. Л. 7.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 114. См. также: Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенограф. отчет. М., 1992.

⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 341. Л. 17 об. Авторы заметок и подчеркиваний не установлены.

⁹³ В мае 1923 г. М.И. Калинин совершил поездку по маршруту Пятигорск – Минеральные Воды – Владикавказ – Махачкала – Грозный – Нальчик – Ростов-на-Дону. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. С. 135.

батывается новая государственность, вы являетесь гражданами нового государства, не бывалого еще в мире, государства СССР. Поэтому всякая национальность, поддерживая свою национальность, вместе с тем обязана проявить чувство, что он является гражданином СССР»⁹⁴. По существу, это был один из первых тезисов в пользу советской многонациональной общности, гораздо позже получившей термин «советский народ».

Для поиска компромисса возникла идея составить наказ о взаимоотношениях центральных органов Союза республик и органов национальных республик, а 5 апреля 1924 г. Секретарит ЦК партии создал для этого комиссию, которую возглавил М.И. Калинин. Правда, не все ее члены занимались этой проблемой. Зампред ВСНХ и Госплана СССР Г.Л. Пятаков в ответ на просьбу дать заключение по проекту возмоллся: «Не терзайте», поскольку это не входит в его обязанности, И.В. Сталин на двукратное обращение не ответил. Так или иначе, после поправок, в основном внесенных главой СНК Украинской ССР В.Я. Чубарем, «Проект наказа ЦК РКП коммунистическим фракциям ЦИКа, Совнаркомам, СТО, членам РКИ, народным комиссарам СССР об укреплении Союза Республик» был согласован к октябрю 1924 г. В нем отмечалось, что руководители союзных органов должны особо внимательно относиться к интересам и нуждам национальных республик и областей; оказывать им непосредственную помощь, а за пренебрежение к обращениям правительств республик или их представителей «решительно удаляться из учреждений и сурово караться». В союзные аппараты следовало привлекать максимум сотрудников разных национальностей не только на руководящие посты, но и технические, причем на вторые со знанием языков. Коллегии объединенных наркоматов должны были работать с участием представителей не только наиболее крупных и важных республик, но и «хотя бы выдающихся работников и небольших национальностей». Совместительство функций наркома Союза с такими же по отдельным союзным республикам разрешалось лишь в исключительных случаях по специальному разрешению ЦК. Уполномоченные союзных наркоматов должны были знать особенности республик, а президиумы ЦИКов и СНК союзных республик могли мотивированно отводить их, но окончательно вопрос решал Президиум ЦИК СССР. «На ближайший период закрепления Союзных форм строительства и установления правильных взаимоотношений между центральными органами Союза ССР и органами Союзных Республик должна быть проявлена сугубая внимательность к сохранению рамок Союзной Конституции. Против недопустимых расширительных толкований Конституции, ведущих к умалению прав Национальных Республик или направленных против интересов единого Союзного Государства, должна быть проведена решительная борьба»⁹⁵.

29 октября 1924 г. во ВЦИК прошло совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР. Оно утвердило тезисы Отдела на-

⁹⁴ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. С. 127.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 3–4, 6, 13, 35, 48.

циональностей ВЦИК об упрощении государственного аппарата в автономных республиках и областях. Признавалась необходимость «стремиться к максимальной экономии государственных средств и изыскивать пути к возможному сокращению средств на содержание госаппарата». В то же время вновь всплыл вопрос о правах автономий: при реорганизации этих аппаратов следовало иметь в виду: «различие между автономной республикой и губернией заключается главным образом, в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате). ...в построение аппарата отдельных республик и областей должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной единицы, ее экономики и административного деления». Показательно, что классификация автономий проводилась по формальному признаку – количеству административно-территориальных единиц: а) масштабом в несколько губерний (Киргизия), б) масштабом в 1 губернию (Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестан и Якутия), в) масштабом в несколько уездов (Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская). Автономные области: в несколько уездов – Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская, масштабом в один уезд и менее уезда – Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северной Осетии, Ингушетии, Калмыцкая и Ойратская⁹⁶.

Начавшееся в Средней Азии размежевание в этом контексте требовало учета организационных и этнополитических факторов, возникавших в ходе нациестроительства. В частности, дискутировался вопрос о статусе автономных областей в этом регионе. Член ЦК КПТ Ю. Абдрахманов выступал против включения нового субъекта – Кара-Киргизской АО – в состав создаваемой тогда же Узбекской ССР. Каракиргизы, писал он Сталину, Рудзутaku и Калининu, расселены в трех областях и составляют там меньшинство, они не могут себя защитить, тогда как руководители уделяли им «слишком минимальное внимание». Узбекское большинство оказывает на них «стихийное влияние» и может ассимилировать каракиргиз, имеющих более отсталое и отличное по направлению хозяйство, язык и культуру. Абдрахманов не видел оснований и для включения области в состав Киргизской (с 1925 г. Казахской) АССР, поскольку и здесь, несмотря на этническую близость и социально-экономическое «равенство», они «не тяготеют друг к другу», а составляющие большинство казахи будут иметь «преимущество в решении вопросов». Вхождение Кара-Киргизии непосредственно в РСФСР «никаких затруднений, по-моему, для федерации не сделает», – убеждал он, а в международном плане будет «сплошной воротой для Западного Китая, начиная от Памира до Кульджинской провинции Синзянского (округа) края»⁹⁷.

Для Казахстана проблемы государственного строительства также оказались тесно связаны с размежеванием и переносом столицы из Оренбурга. В 1922 г. планировалось разделить территорию КАССР на три области – Средне-Киргизскую с центром в Оренбурге (Оренбургская, Кустанайская, Актюбинская

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 1, 5.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 5–6.

губернии, Адаевский уезд и части Илекского уезда Уральской губернии), Восточно-Киргизскую с центром в Семипалатинске или Омске (Семипалатинская и Акмолинская губернии) и Западно-Киргизскую с центром в Уральске (Букеевская и Уральская губернии, часть Уильского района Актюбинской губернии). Этот проект, выдвигавшийся руководством автономии, не получил тогда развития, хотя, как считали авторы, учитывал принципы удобства управления, экономические связи объединяемых территорий, «концентрацию и более рациональное использование административных и политических сил», а также необходимость в сокращении бюджета⁹⁸.

Но в связи с национально-территориальным размежеванием в Средней Азии бюро Киробкома РКП(б) 23 декабря 1924 г. приняло решение о сохранении столицы в Оренбурге и объединении Оренбургской губернии и Тургайской области. Член бюро С.М. Мендешев 27 декабря направил секретное письмо в ЦК партии с объяснением сути дискуссий о столице КАССР. Он был против объединения двух регионов, как слишком различающихся по национальному составу и хозяйственному укладу, хотя большинство обкома считало, что такое объединение поможет «обкиргизить» Оренбург. Мендешев был также против сохранения столицы в Оренбурге. Он предлагал создать в КАССР 7 областей (Семипалатинская, Акмолинская, Уральская, Каракалпакская, Сырдарьинская и Оренбургская) и перенести столицу в Ак-Мечеть⁹⁹.

Между тем в тезисах полномочного представителя автономии при Наркомнаце М. Мурзагалиева «по административно-экономическому районированию Киргизии в новых границах» (конец 1924 г.) за основу предлагалось взять природно-географические особенности автономии, 84,1% территории которой по площади равнялись площади Германии, Франции, Испании и Италии. «Центральные учреждения КССР», писал он от имени ЦИК КАССР, решили создать 6 административно-экономических областей, но принцип, применимый в европейской части РСФСР, где в каждой могло быть 5–8 млн населения, здесь нельзя было реализовать «при совершенном отсутствии связи и низкой плотности населения». Поэтому предлагалось образовать Урало-Букеевскую, Оренбургско-Тургайскую, Акмолинскую с включением в нее Кустанайской, Семипалатинскую, Сыр-Дарьинскую и Джетысуйскую области, а также Каракалпакскую вместо автономной области. Плотность населения в каждом регионе была низкой – от 3,3 чел. на 1 кв. версту в Урало-Букеевской до 2,1 – в Оренбургско-Тургайской. При этом ряд уездов и волостей должны были передаваться из прежних губерний в соседние области¹⁰⁰.

Считалось, что данный вариант районирования будет полезен для создания прочной базы «построения устойчивых взаимоотношений центра Республики с ее составными административно-территориальными единицами». В то же

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 250.

⁹⁹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. М., 2005. С. 252–255.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 247–249 с об.

время отрицательной стороной проекта, сильно уменьшающей возможность нужных практических достижений, была большая площадь 6 областей без должной инфраструктуры. С учетом расположения центров на границах областей это создаст, считал председатель Административной комиссии при Президиуме ВЦИК А.Г. Белобородов, возникнут «чрезвычайные затруднения в управлении огромной территорией» республики, исправить которые можно лишь в «весьма отдаленном будущем». Поспешность в проведении новой перекройки территории, судя по имеющемуся опыту, нельзя приветствовать, «т. к. образование новых единиц, не имеющих разработанного бюджета, поведет к большим осложнениям в их работе»¹⁰¹.

Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский 23 января 1925 г. направил «весьма срочно» обращение в ЦК партии по поводу тезисов Мурзагалиева. В документе отмечалось, что деление КАССР на 6 областей не соответствует общему масштабу районирования, принятому Госпланом, который наметил 21 область для всего СССР в среднем по примерно 1 млн км² с населением около 6,4 млн чел. в каждой. В казахстанском проекте эти критерии не выдерживались, не планировалось выделять округа, к тому же национальный состав населения планируемых областей был неравномерным – в Оренбургско-Тургайской и Акмолинской получалось преобладание русских. Все центры регионов располагались по плану КазЦИК на самом севере или на юге автономии, и «только с Семипалатинском положение складывается несколько благоприятное. Такое размежевание чрезмерно осложняет связь области с ее центром», – писал он. Вместо Чимкента глава Госплана предлагал рассмотреть Аулие-Ату. Еще одним недостатком была неопределенность с центром всей КАССР. Между тем проект самого Госплана до размежевания в Средней Азии предполагал создание в КАССР всего двух областей – Западно-Киргизской и Восточно-Киргизской, после него добавилась бы Южно-Киргизская, что более соответствовало бы общесоюзному плану районирования. Кржижановский считал, что доложенный Мурзагалиевым проект районирования КАССР «подлежит коренной переработке»¹⁰².

Административная комиссия при Президиуме ВЦИК 24 января 1925 г., рассмотрев проект, рекомендовала «учесть количество и характер административных звеньев (ступеней), при помощи которых будет осуществляться управление Кирреспублики. Данных точных об этом нет. Но имеются сведения, что предполагается количество ступеней от ЦИК СССР до сельсовета 7, а от КирЦИКа до сельсовета 5 (село, волость, город, область, республика)»¹⁰³. 2 февраля Президиум ЦКК, обсудив постановление пленума ОКК КАССР по вопросу районирования и о центре автономии, постановил сообщить КирОКК, что «ЦК РКП(б) решил вопрос о перенесении центра в Перовск и ЦКК полагает, что это решение правильно и не видит оснований к его пересмотру»¹⁰⁴. 2 апреля

¹⁰¹ Там же. Л. 251 об.

¹⁰² Там же. Л. 252–253.

¹⁰³ Там же. Л. 250–251 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 254.

Политбюро ЦК создало комиссию по вопросам КАССР, а 21 мая заслушало доклад и предложения комиссии, в т. ч. о строительстве Ак-Мечети¹⁰⁵.

Взаимоотношения центра и республик, как и субъектов федерации между собой оставались почти перманентно чувствительными в советском проекте нациестроительства, при этом они были прямо связаны со всеми другими вопросами комплексного перехода от традиции к модерности, а решение их зависело от партийного руководства. После упразднения Наркомнаца именно отдел ВЦИКа по советской линии ведал практически всеми областями и инструментами управления этносферой. Несмотря на наличие и усиление постоянного руководства со стороны общесоюзных партийных органов, ВЦИК оставался значимой структурой в системе исполнительной власти, имея непосредственное отношение ко всем преобразованиям во всех областях развития государства и общества. При этом этносоциальная и этнокультурная проблематика пронизывала все стороны жизни страны, что превращало Отдел национальностей ВЦИК в посредника между разными наркоматами, ведомствами и органами управления на местах, активного проводника национальной политики и своеобразным центром социальной защиты многочисленных народов РСФСР.

Вместе с тем принятие Конституции СССР и формирование нового облика советской политической системы требовало большего внимания к новым органам союзной власти, призванным олицетворять и проводить в жизнь принципы равенства и модернизации всех народов страны. М.И. Калинин в связи с этим писал в июне 1925 г. И.В. Сталину о необходимости повысить значимость Союза национальностей «в разработке национальных вопросов, стоящих перед президиумом ЦИК Союза. Кроме того, в политическом отношении крайне важно, чтобы Совет национальностей стал бы более популярен, представляя себя на деле перед националами». В качестве инструмента для решения данной задачи всесоюзный староста предлагал усилить кадрами секретариат президиума Совета национальностей, прежде всего за счет утверждения на должности заместителя секретаря С.М. Диманштейна, «как знакомого с национальной работой и связанного с этой работой в ЦК». Кроме того, он просил включить в правление Центрального издательства народов СССР для связи «как в смысле руководства, так и контроля» секретаря президиума Совета национальностей Б. Кульбишера и заведующего отделом национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиарова¹⁰⁶.

В июле 1925 г. Отдел национальностей ВЦИК направил в Национальную группу Орграспредотдела ЦК РКП(б) проект предложений по вопросу о советском строительстве и национализации партийных, профессиональных и кооперативных учреждений в национальных республиках и областях. Во ВЦИКе считали, что «...следует более основательно поставить учебу ответработников, не знающих местного языка, и в первую очередь националов, не владеющих родным языком ... Выдвижение и вовлечение в государственную работу крестьян

¹⁰⁵ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. С. 255.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 45. Л. 1–2.

и рабочих идет в нацреспубликах и областях чрезвычайно медленно»¹⁰⁷. На совещании комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) 8 сентября 1925 г. заведомо печати ЦК партии И.М. Варейкис посетовал: «... в нацреспубликах, как общее правило, нет правильного фракционного руководства партийных органов советами, а есть командование. Необходимо учесть этот момент и указать конкретные мероприятия по проведению общих партдиректив по этому вопросу в условиях нацреспублик. ... В советских органах нацреспублик и областей происходят громадные злоупотребления (обогащение председателей советов и всего его рода). Нужно в резолюции заострить вопрос о проведении революционной законности, о фактическом контроле масс и т. д.»¹⁰⁸.

Через неделю при обсуждении проекта резолюции по этому вопросу 15 сентября состоялось детальное обсуждение. К примеру, заместитель заведующего Орграспредотделом ЦК партии М.М. Хатаевич признал, что «отношения партии с аппаратом сложная вещь». Традиционная внутриэтническая иерархия, межнациональные распри на почве противоречий в хозяйственных укладах и экономической культуре составляли серьезное препятствие для советского строительства в его идеальном социально-классовом облике. Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров привел данные о неравенстве в оплате труда советских руководителей на местах: «предрик¹⁰⁹ на Украине получает от 45 до 75 руб. в мес. в зависимости от местных бюджетов; в Башкирии – 40 рублей, в Актюбинской губ. (волбюджет в кирволостях не проведен) предвик получает 12 рублей. Предсельсовета в Белоруссии получает 15,6 рублей, в Ферганской области 12,5 рублей, в Актюбинской губернии 5 рублей, причем жалование на окраинах выдается с большим опозданием. Например, в Актюбинской губернии до 3 месяцев, в Ферганской от 5 до 8 мес.». Это наверняка играло свою роль в злоупотреблениях властью в сельсоветах и влиянии на них межродовой борьбы¹¹⁰.

Он обратил внимание и на связь между экономическим развитием, административно-территориальным устройством и эффективностью управления. «С экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов. Границы отдельных республик проходят не по естественным преградам ... Экономическое и торговое тяготение к отдельным центрам не было достаточно учтено». В результате «среди таджикского населения наблюдается стремление к выделению из состава Узбекской республики и образованию самостоятельной республики. Созданная Кара-Калпакская область не имеет под собой твердой экономической базы... Сельское хозяйство вынужденно находится в кочевом состоянии вследствие «капризов» Аму-Дарьи, постоянно меняющей свои берега». Асфендиаров привел примеры дезорганизации управления: в Нуратинском районе Узбекистана большинство

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 8.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 17.

¹⁰⁹ Предрик – председатель районного исполнительного комитета; вик – волостной исполнительный комитет.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 23, 30, 69.

населения составляли казахи, узбеки же в основном жили в городах, и в итоге были созданы 2 исполкома. Один имел дело с казахским населением и подчинялся центру КАССР, другой – с узбекским и подчинялся узбекскому центру. В Зитиашинской волости Ташкентской области «засилие в органах власти узбеков», хотя казахи составляли 1/3 населения, в итоге из-за конфликтов то и дело принимаются приговоры о присоединении волости к тем и другим. «Интересно, что в этом споре киргизы были объединены общим национальным интересом и не замечалась родовая борьба». Районирование между тем не помогло приближению чиновного аппарата к населению. В понимании широких беспартийных масс и в самих сельсоветах, «советы – это аульные старшины. Совет находится там, где живет председатель». Общественные организации действовали по привычной схеме. Так, во время кампании МОПРа «председатель делает обязательную раскладку». В Каратугайской волости глава сельсовета был уличен в умышленном уменьшении байского скота на 60%. В некоторых районах волисполкомы с бедняков в 8 душ семьи при 1 лошади брали 5 руб., а с бая (8 баранов, 12 коров и рабочий скот) 6,5 руб. – в Чарской и Еганской волостях Семипалатинской губернии¹¹¹.

На сессии ВЦИК XII созыва (октябрь 1925 г.) представители автономий попытались отстоять свои полномочия при обсуждении проекта годового госбюджета. 30 октября главы ЦИК Дагестана и правительства автономии немцев Поволжья обратились в ЦК партии с предложениями внести изменения в Положение о наркоматах РСФСР, касающихся взаимоотношений союзных и автономных ведомств. Они были против расширения полномочий Президиума ВЦИК и СНК РСФСР в этой области, пытались оставить ее в ведении съездов советов. Но поскольку точного разграничения прав и функций между ними не было, а СНК был по сути законодательным органом, пришлось снять данное предложение. Однако расширение прав Президиума ВЦИК и ВЦИК на руководство необъединенными наркоматами (земледелия, просвещения, здравоохранения и т. п.) вовсе лишало ЦИКи автономий самостоятельности вопреки конституции РСФСР и принципу автономии.

Тем не менее 31 октября 1925 г. под давлением партийного руководства ВЦИК и СНК РСФСР приняли Общее положение о наркоматах РСФСР, обозначившее тенденцию централизации. «Необъединенные народные комиссариаты РСФСР ... непосредственно подчиняются ВЦИК, его президиуму и Совету народных комиссаров Российской Федерации и осуществляют в своей деятельности их постановления и директивы». ЦИКи автономных республик, краевые и обласполкомы могли в исключительных случаях под свою ответственность приостанавливать распоряжения наркоматов РСФСР, предварительно известив Президиум ВЦИК. Кроме того, 10 ноября последовало заключение «редактора-консультанта» Игнатьева, полностью развенчавшего претензии автономистов ссылаками

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70–71, 73, 83.

на ту же конституцию РСФСР. Это было несложно, поскольку решения центральных органов власти и управления были обязательны для субъектов, а аналогии с союзным законодательством считались неубедительными – система наркоматов в союзных республиках изначально не совпадала с общей по СССР. Взаимоотношения наркоматов РСФСР и автономных республик, подчеркивал он, складываются «из прав первых давать соответствующие директивы вторым, из обязанностей вторых подчиниться распоряжениям первых». Аналогичные выводы сделали заместитель заведующего секретариатом Президиума ВЦИК Т. Круглов и консультант Бибин. Ссылка руководителей автономий на ст. 47 Конституции РСФСР неверна, считали они, так как она не говорит ничего о взаимоотношениях между наркоматами РСФСР и автономий, а лишь констатирует, что центральный аппарат автономий состоит из таких-то наркоматов. Нельзя из этого делать вывод о неподчинении их ВЦИК и о том, что «не ответственны перед ним, как это делают представители автономных республик, совершенно не представляется возможным». В результате Секретариат ВЦИК «совершенно секретно» принял заключение по протесту автономий, сославшись на декреты об образовании этих субъектов РСФСР и отсутствие в российской конституции каких-либо серьезных оправданий для «бузы»¹¹².

Однако, проблема согласования решений и действий многочисленных бюрократических инстанций, созданных, как и сами автономии, по принципу матрешки, сохранялась, как и недовольство на местах. Возможно, поэтому уже в феврале 1926 г. М.И. Калинин направил Сталину «строго секретно» и «лично» записку, вновь отмечая как несерьезные протесты представителей автономий. Он кратко повторил доводы Игнатьева, сославшись на статьи Конституции РСФСР и декреты об образовании автономных республик и согласованность позиции Президиума ВЦИК и СНК РСФСР. Права необъединенных наркоматов предлагалось уточнить при утверждении конституций этих субъектов федерации¹¹³. Глава отдела национальностей ВЦИК Асфендиаров обращал внимание на решение ЦИК СССР о расширении полномочий ЦИКов и правительств автономий в области местных финансов, а наркомюстов – в судебном управлении, при соблюдении субординации в спорных и общих вопросах подчинением указаниям ВЦИК и наркоматов РСФСР¹¹⁴.

Особая практика складывалась в отношении меньшинств, не имевших своих «этнических квартир». Одновременно с созданием «политических крыш» для народов СССР развернулось масштабное форматирование советскости для национальностей в виде национальных сельсоветов. Эта работа оказалась одной из самых грандиозных, поскольку дисперсно расселенные этнические группы имелись буквально во всех административно-территориальных единицах страны. Их организационное и локально-территориальное вычленение требовало колоссальных усилий центра и местных органов власти, вызвало массу проблем с подготов-

¹¹² Асфендиаров С.Д. Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3; ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. М., 2005. С. 346–350; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 35. Л. 2–18.

¹¹³ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. М., 2005. С. 365–366.

¹¹⁴ Асфендиаров С.Д. Вопросы III сессии ВЦИК и национальные автономии // Власть Советов. 1926. № 41. С. 1–3.

кой кадров, использованием национальных языков в делопроизводстве на всех этапах власти и управления, перекодированием социальной активности граждан. Затянувшееся переустройство территории страны, когда наряду с районированием выделялись национальные территории и одновременно реорганизовывались сельсоветы и волости, сделало чрезвычайно сложным и громоздким это устройство и управление регионами. Если в бывшей Российской империи в границах РСФСР было 10606 волостей и 476 уездов в 56 губерниях, то в 1926 г. насчитывалось 11 АССР, 12 АО, 4 области и 40 губерний, а также 58 округов, 359 уездов, 76 районов и 3479 волостей. Сельсоветы то укрупнялись, то разукрупнялись, образование автономий приводило к изменению границ соседних регионов, укрупнение волостей делало их подчас несопоставимыми по размерам.

На III съезде Советов СССР 20 мая 1925 г. в постановлении «О советском строительстве» было констатировано, что национальная политика «вполне оправдала себя и оказала огромное влияние в деле укрепления Советского Союза». ЦИК СССР обязывался обеспечить «введение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, в случаях значительной численности национальных меньшинств образование отдельных Советов с употреблением этих языков меньшинств, организацию школ и судов на родном языке и т. п.». 23 сентября 1925 г. было принято постановление Президиума ВЦИК о выделении административно-территориальных единиц с преобладающим составом населения из одной этнической группы. Через месяц последовал декрет ВЦИК «О плане работ уполномоченных ЦИКов автономных республик, областных исполкомов автономных областей, краевых, областных и губернских исполнительных комитетов по делам национальных меньшинств» и соответствующий циркуляр, определявший их компетенцию, в т. ч. в развитии экономики, подготовке национальных кадров и т. д. Один раз в 3 месяца уполномоченные должны были представлять письменные доклады о работе в президиумы исполкомов, которые затем отправлялись в Отдел национальностей ВЦИК. По два раза в 1926 и 1927 гг. выпускались циркуляры ВЦИК на сей счет¹¹⁵.

Одновременно был выпущен циркуляр ВЦИК об усилении вовлечения нацменьшинств в избирательную кампанию и перевыборы советов в 1925/26 г. и об обеспечении их соответствующего представительства в советах, на съездах советов и в исполкомах. По специальному плану Отдел национальностей проводил обследования состояния работы с нацменьшинствами в разных регионах. С 1926 г. Отдел национальностей ВЦИК проводил периодические совещания ответственных работников – заведующих и их замов, инструкторов с участием представителя Совета нацменьшинств Наркомпроса и некоторых национальных секций при ЦК ВКП(б).

Принятая в 1926 г. инструкция ВЦИК по перевыборам советов, взяв за основу соответствующие решения июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), обя-

¹¹⁵ Съезды Советов в документах. Т. III. М., 1960. С. 82; СУ № 85. 925. Ст. 628; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 366. Л. 2.

зала включать в состав избирательных комиссий представителей этнических меньшинств, а также создавать самостоятельные избирательные участки для них и проводить предвыборные и выборные собрания на родном языке. Предусматривалось издание соответствующей литературы на языках меньшинств, введение именных повесток для избирателей, привлечение общественных организаций и т. д. ВЦИК предлагал также заострить внимание на максимальном охвате и учете избирателей от меньшинств, обеспечении их представительства в практической работе советов и на высшестоящих съездах советов, отражение культурно-хозяйственных нужд данных групп в наказах новым советам. В ряду поставленных задач были также меры по включению в планы работы советов мероприятий по всем сферам жизни этнических групп и проведение отдельных собраний для женщин, прежде всего в традиционных обществах, ориентированных на раздельное выполнение социальных функций мужчинами и женщинами. III Всесоюзный съезд советов принял также решение об организации школ и судов для обслуживания меньшинств.

Отдел национальностей ВЦИК летом 1927 г. составил список губерний и областей, имевших значительное количество представителей меньшинств. Таких оказалось 25. Совещание уполномоченных по делам национальных меньшинств России, состоявшееся в Москве в 1927 г., обратило внимание на учет интересов этих групп во всех направлениях деятельности органов советской власти, особенно в отношении наиболее экономически и культурно отсталых, к коим относились угро-финские этносы, татары, башкиры, казахи и др. На первое место выдвигались расширение сети просветительных, медико-санитарных, агрономических, судебных и других учреждений для них, строительство школ, ускорение землеустройства и улучшение сельскохозяйственного кредитования. Была дана директива завершить (определенный срок не устанавливался) создание национальных советов и перевод их делопроизводства на языки меньшинств, обеспечить подготовку кадров секретарей, счетоводов и т. д., а исполнительные органы власти – специалистами со знанием национальных языков и освободить уполномоченных по делам меньшинств от не связанных с их обязанностями поручений¹¹⁶.

Национальные меньшинства в силу часто дисперсного расселения не только испытывали трудности адаптации к разным условиям, но и быстрее наращивали необходимые для их преодоления интегративные практики. Так, при Московском комитете партии вследствие растущей потребности в оказании разнообразной помощи представителям меньшинств столицы были созданы мордовский, чувашский, киргизский (казахский), китайский подотделы, но ликвидировались англо-американский, югославский, румынский, в частности, связи с тем, что представители этих народов уже выучили русский язык¹¹⁷. В 1920-е гг. в Москве работали национальные школы, детские дома, детские сады, общеобразовательные курсы, институты, сов-

¹¹⁶ СУ № 85. 1925. Ст. 628; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 47. Л. 156; Оп. 120. Д. 39. Л. 2–3; Оп. 122. Д. 40. Л. 126, 162, 3–5; Добрый. Перевыборы советов и нацменьшинства // Власть Советов. 1926. № 51. С. 15–16; Советское строительство. 1927. № 7. С. 143.

¹¹⁷ Гончарская С. Работа среди нацменьшинств. Опыт Московской партийной организации. М., 1929. С. 26.

партшколы, ликбезы, школы политграмоты, национальные отделения при институтах, культурно-просветительные общества, клубы, театры, издательства и т. д. В столице открылись мордовский клуб, библиотека, общеобразовательные курсы, школа I ступени; работали грузинский дом культуры, туркменский и бухарский дома просвещения, узбекский институт просвещения, узбекская государственная показательная драмстудия и студия при консерватории¹¹⁸.

В 1927 г. в Москве действовало 20 ликбезов для татар, где обучалось 500 человек. Особенно важны были для вчерашних крестьян, привыкших к натуральному патриархальному хозяйству, школы профграмоты. В них, а также на собраниях, которые велись на родном языке, «рабочим разъясняли, куда они могут обращаться за помощью, какие права они имеют ... давали им целый ряд практических указаний для разрешения разных конфликтов». Более подготовленные рабочие поступали на общеобразовательные курсы, где в 1927 г. обучалось 86 человек. 45 детей воспитывались в татарском детском саду. В конце 1920-х гг. имелось 18 татарских библиотечек-передвижек. Вскоре возникла и центральная татарская библиотека, открылись татарский дом просвещения и центральный татарский клуб. Только за лето 1927 г. его силами было поставлено 10 спектаклей. Татарская драматическая труппа действовала и при дворце строителей. На праздновании Сабантуя среди зрителей всегда было много представителей разных национальностей¹¹⁹.

Усилиями Отдела национальностей ВЦИК и подотчетных ему структур удалось добиться постепенных сдвигов, что видно на примере развития сети культурно-просветительных учреждений для нацменьшинств в Московской области¹²⁰.

	польские	татарские	еврейские	латышские	ассирийские	мордовские	цыганские	корейские	молдавские	китайские	всего
Клубы	2	2	1	-	-	-	1	1	-	-	7
Библиотеки	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	3
Курсы	1	4	1	2	-	1	-	-	-	-	9
Красные уголки	-	47	-	-	-	-	-	-	-	-	47
Пункты по ликвидации неграмотности	-	66	-	-	3	2	3	2	1	3	80
Передвижки	2	20	1	-	-	-	-	-	-	-	23
Избы - читальни	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Итого	6	140	4	3	3	3	4	3	1	3	170

Посредническая миссия Отдела национальностей ВЦИК в условиях, когда специальный наркомат по делам национальностей отсутствовал, а прогресс всех

¹¹⁸ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М.: ГИЗ, 1923–1936.

¹¹⁹ Гончарская С. Работа среди нацменьшинств. Опыт Московской партийной организации. М., 1929. С. 52.

¹²⁰ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1069. Л. 2.

народов мог быть обеспечен только в рамках всесторонней успешной модернизации страны, приобрела особый смысл. Так, в 1925 г. Отдел занимался землеустройством еврейского населения в Крыму, в 1926 г. по его ходатайству автономии немцев Поволжья было разрешено иметь бюджетный фонд для стипендий курсантам совпартшкол; тогда же его глава принимал участие в урегулировании межэтнических земельных конфликтов в Карачаево-Черкесии; направил в ЦИК КАССР требование Президиума ВЦИК урегулировать ситуацию в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, откуда поступали жалобы русских крестьян на нападения казахов (избиения, кража сена и пр. под лозунгом «наша автономия, и все наше») и Кустанайском округе в связи с принудительным выселением 13 русских семей из республики¹²¹.

Совещания уполномоченных по делам меньшинств, проведенные во второй половине 1920-х гг. Президиумом ВЦИК по инициативе Отдела национальностей и при непосредственном его участии в их организации, послужили стимулом к большей регламентации их работы с учетом нового районирования страны и упразднения губерний. Стремление повысить ответственность, значимость и одновременно подконтрольность действий уполномоченных продиктовало назначение на эту должность членов президиумов соответствующих исполкомов – от автономий до краев, областей и округов, в крайнем случае и с разрешения Президиума ВЦИК – из членов исполкомов. Положение обязывало отказаться от прежней практики совмещения основных должностей с обязанностями уполномоченного (было даже принято решение, что уполномоченные должны тратить не менее трети своего времени на обследование мест, доклады в советских органах власти) – теперь они определялись как основные. Кроме того, уполномоченные теперь подчинялись соответствующим исполкомам, что должно было сделать работу среди меньшинств неотъемлемой частью планов, сводок, взаимодействия всех отделов того или иного исполкома. Они могли рассматривать и давать заключения, защищать интересы меньшинств при составлении планов, бюджетов, выделении национально-территориальных единиц, решении о языке делопроизводства, подготовке кадров, в избирательных кампаниях, проверке низовых советов, организации судебных участков и камер на национальных языках. Все вопросы, связанные с интересами этнокультурных общин, должны были решать при участии уполномоченных или с учетом его письменного заключения. Из представителей разных отраслевых органов на местах создавались также постоянно действующие комиссии при уполномоченных, но своего аппарата они не имели и должны были использовать возможности все тех же исполкомов. В 1927 г. Президиум ВЦИК предложил центральным и местным органам советской власти во всех своих планах и мероприятиях по советскому, хозяйственному и культурному строительству учитывать и отражать интересы национальных меньшинств, в особенности

¹²¹ Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М.: ГУ МДН, 2008. С. 302, 137, 180, 528, 530.

наиболее экономически и культурно отсталых (угро-финские народности, татары, башкиры, казахи и др.), связывая всю работу среди них с общими планам и задачами соответствующего края, области или губернии¹²².

Свою специфику имела интеграция тюркоязычных народов, значительная часть которых получила национально-государственные образования. 2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) состоялось совещание секретарей парторганизаций по вопросу о «большевизации национальных кадров». В нем участвовали руководители партийных организаций регионов с тюркоязычным населением – Казахстана, Средней Азии, в т. ч. Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана). Они обсудили важные проблемы формирования национального политического класса в республиках с мусульманским коренным населением, а также реализации советской этнополитики, прежде всего, с точки зрения укрепления влияния власти в этносоциальных общностях на основе их классового расслоения.

В самом начале заседания секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.С. Зеленский, кратко охарактеризовав ситуацию в регионах, выделил круг основных проблем, которые затем обсуждали секретари парторганизаций на примере своих республик: рост «националистических» элементов (панисламизм и пантюркизм), связь членов партии с «националистическими» буржуазными элементами и их влияние на партию, рост национального сознания коммунистов и «тенденция стать ближе к управлению», проблема подготовки новых кадров, развитие партийного строительства. Обсуждение показало, что во всех республиках наиболее сложными для большевизации управленцев-националов и советского государственного строительства оказались проблемы взаимодействия присланных из Москвы руководителей (как их тогда называли, европейцев, имевших отличную от коренного населения этническую принадлежность) с традиционной элитой и интеллигенцией, прямо и опосредованно влиявших на местное чиновничество, на характер и смысл реализуемых центром проектов преобразований. Особую роль в становлении системы и кадров управления играли не только вовлекавшиеся поначалу в органы власти лояльные представители бывших национальных партий и движений (так называемые националистические буржуазные элементы), но и основанные на многовековой социальной иерархии внутриэтнические противоречия¹²³.

Практически все выступавшие констатировали серьезные трудности в решении задач по формированию новых кадров национальных управленцев (коренизации), которые объективно не успевали получить должное образование и достичь необходимого уровня общей культуры. В то же время специалисты с

¹²² Итог работ совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств // Советское строительство. 1927. Июль. № 7 (12). С. 143.

¹²³ Так называемая группировочная борьба была особенно характерна для нарождавшейся советской бюрократии таких республик, как Казахстан, Крым, Киргизия, Бурят-Монголия, Юго-Осетия, Каракалпакия, Дагестан, Татария // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 355–359.

досоветским опытом и лучшей подготовкой не устраивали власть по идейным соображениям. Большевизация и национализация власти посредством создания управленческого класса с априори заданными параметрами обернулись большими сложностями. Трудности гармонизации межэтнических отношений и языковой политики при необходимости проводить ускоренную социально-экономическую модернизацию на классовой основе усугубляли ситуацию. Выказывалась «обида на ЦК в отношении того, что вопросы, которые пытались ставить в том или другом ведомстве или в ЦК, не только не получали разрешения, но даже не встречают достаточного внимания к себе». М.М. Хатаевич заметил: «...все автономные республики, расположенные в средней части РСФСР, хотят создать нечто вроде средне-русских соединенных штатов». Партийные лидеры республик надеялись получить в ЦК РКП(б) конкретные рекомендации по поводу методов и средств социально-политической консолидации этносообществ на основе советских преобразований.

Несмотря на согласие, что «мы до сих пор мало занимались национальными республиками», идею провести новое совещание по национальной политике¹²⁴ В.М. Молотов отверг. Он подтвердил наличие проблем в урегулировании прав и полномочий субъектов федерации, а также взаимодействия их с центром: «Создали Совет Национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский. Тут до известной степени националов обида сохранилась. Тут националы сидят, там русские сидят, ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают». Признав, что непосредственно с вопросом «знаком не очень хорошо» и подтвердив: «национальный вопрос будет иметь решающее значение», – один из высших руководителей партии сделал весьма путаное заключение. Его резюме, завершенное словами: «Какие решения? Просто никаких решений не будем принимать», – можно считать свидетельством сложившегося в руководстве мнения о достаточности принятых ранее мер и неизменности избранной стратегии. Между тем круг обсуждаемых вопросов и содержание выступлений участников совещания сохраняли значение и важны для понимания общих и специфических проблем реализации советской этнополитики в республиках с коренным тюркоязычным населением, роли отдельных центральных ведомств и органов власти, занимавшихся национальными вопросами после принятия Конституции СССР¹²⁵.

¹²⁴ 7–25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б) осудил «национал-уклонистов», прежде всего в Грузии. 9–12 июня 1923 г. состоялось 4-е совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, участвовали представители 20 партийных организаций. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу был И.В. Сталин. Большое значение имел представленный на совещании от имени ЦКК доклад В.В. Куйбышева о «деле» М. Султан-Галиева, которого обвинили в уклоне к местному национализму. Было решено учредить в составе ЦИК СССР две равноправные палаты (Союзный Совет и Совет Национальностей). Закрепление сталинской линии в этнополитике после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех парторганизаций Востока. См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

¹²⁵ Стенограмму совещания см.: «Как вести руководство, на что ориентироваться?» Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

Довольно частые административно-территориальные изменения по всему СССР влияли не только на иерархию национально-государственных образований, но на конкретную организационно-управленческую деятельность на местах. При этом верховенство классового подхода над национальным считалось приоритетным. Так, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал: «Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов ...». Он обвинял автономии в центробежных тенденциях, которые содержались в проектах конституций автономных республик, представленных в Президиум ВЦИК. Некоторые положения в них, говорилось далее, трактуются «на основе отвлеченных предпосылок национального самоопределения», а не классовых требований текущего момента¹²⁶.

Позиция лидеров национально-государственных образований и их отношения с центральной властью в советской истории и современности представляют важнейшую часть комплекса мер по обеспечению целостности страны со сложным этносоциальным составом населения, устойчивости ее политической системы, эффективности внутренней и внешней политики, межкультурной интеграции и гражданской консолидации общества. Продолжавшиеся дискуссии, в том числе о полномочиях и компетенции субъектов РСФСР, привели к тому, что 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов – членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»¹²⁷. По итогам Рыскулову, председателю СНК автономии немцев Поволжья В.А. Курцу, председателю ЦИК Дагестана Н. Самурскому, наркому соцобеспечения РСФСР И.А. Наговицыну и С.Д. Асфендиарову было поручено встретиться со Сталиным и доложить о результатах работы. Состоялась ли эта встреча, неизвестно¹²⁸. Указанные руководители подготовили свои предложения, причем Самурский и Наговицын, подписывая документ, оставили рукописные уточнения по поводу отдельных пунктов. Одновременно Асфендиаров и Самурский подготовили свои предложения к совещанию, причем первый повторил в них идеи, высказанные в записке от 14 апреля 1926 г.¹²⁹

В общих предложениях по итогам совещания констатировалось, что полное проведение в жизнь решений XII съезда и других постановлений по национальному вопросу «недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих Госорганов РСФСР». Особенно «отличились в этом плане Наркомюст и Наркомзем, что отразилось прежде всего в земельном вопросе, когда

¹²⁶ Енукидзе А.С. Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3–4. С. 20, 33, 35.

¹²⁷ Подробнее см.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

¹²⁸ В журнале записей приемов за 1926 год сведений об этом нет. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. <http://istmat.info/node/165> (дата обращения: 24.04.2018).

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–40.

реакция центральных ведомств на «необоснованные» прошения ходоков не учитывала других важных местных обстоятельств. «Неурегулированность взаимоотношений центра с национальными окраинами по хозяйственно-финансовым вопросам и слабый учет по этим вопросам центральным аппаратом нужд и интересов этих окраин», воспринимавшихся в центре «рвачами», объяснялась отсутствием националов в составе центральных учреждений РСФСР и ничтожным представительством их на сессиях ВЦИК. В документе отвергалась идея выделения великорусской республики и предлагались практические меры по подъему национальных регионов по линиям хозяйственного и советского строительства, а также партийной линии.

Среди них стоит выделить следующие: «установить определенную долю участия АССР в средствах, ассигнуемых на промышленность и капитальное строительство, определив эту долю в соответствии не только с количеством населения АССР с экономическими возможностями, но также с задачами преодоления, имеющего место, фактического материального неравенства», в т. ч. развитие национальной кооперации по решениям XIII съезда партии; «полное и реальное отражение в бюджете и в обще-хозяйственных планах РСФСР нужд и потребностей национальных окраин»; соблюдение правильной линии в земельной политике и завершение землеустройства в соответствующих национальных окраинах; «решительно приспособить Госплан и ЦСУ РСФСР к внимательному изучению экономической и культурно-социальной жизни автономных национальных объединений, динамики их развития, степени отсталости, выявления более точно коэффициента удельного веса каждой из автономии в составе РСФСР»; закрепление в конституциях РСФСР, АССР и Положении об автономных областях «автономных прав национальных объединений, с учетом необходимости расширения законодательных прав АССР для применения общих законов к местным условиям»; увеличение числа представителей автономий в составе членов ВЦИК и в Президиуме ВЦИК, с приданием им в Президиуме ВЦИК «определенного влияния в работе», а также установление «определенных расширенных функциональных прав» Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК; «дальнейшее введение в управленческие, планирующие и руководящие хозяйственные органы РСФСР националов, по кандидатурам которых должно учитываться мнение всех местных национальных организаций партии» с созданием «особых секций» во всех объединенных наркоматах, планирующих и хозяйственных органах под руководством националов; а также «установление на ближайшие годы особого культурного фонда, который был бы в бюджете РСФСР постоянной величиной, пропорциональной росту бюджета». По партийной части самым важным было предложение об увеличении «количества националов в ЦК ВКП и ЦКК, с учетом положения нацобъединений в РСФСР, обеспечение участия секретарей национальных организаций на Пленуме ЦК и ЦКК с совещательным голосом, а также связи с ЦК выдвинутых в Президиум ВЦИК и СНК РСФСР националов по во-

просам национальных окраин». Против этого пункта возражал Наговицын, оставивший запись при подписании документа. Участники совещания выступили и за созыв V совещания при ЦК партии по национальному вопросу. Самурский, подписывая документ, выступил против пункта о ненужности великорусской республики. Он считал: если мы будем националистами, то потеряем все завоевания, так как «единый русский кулак сильнее вас ударит, чем кулак, в котором хотя бы один палец принадлежит автономным республикам». При большом количестве русского населения в автономиях от всех республик оно должно войти в Русскую республику. «Сумеете ли вы тогда защищать свои автономные права, о которых мы так много говорим ... Чем сильнее внутри РСФСР объединятся автономные республики, тем скорее и правильно мы разрешим национальный вопрос», а потому надо отвергнуть выход из РСФСР и переход в союзные с выделением чисто великорусской республики, а также создать Совет национальностей при ВЦИК¹³⁰.

В его предложениях к совещанию под руководством Рыскулова содержались уточнения по поводу поведения наркоматов: НКЮ РСФСР по новому положению о судостроительстве пытался подчинить себе прокуратуру и НКЮ АССР; а при аппарате Наркомпроса РСФСР пытались создать Федеральный Комитет для руководства делом всеобщего обучения. Именно он критиковал также слабое присутствие националов во ВЦИК. «Предлагаемый некоторыми товарищами выход из РСФСР автономных республик и переход их в союзные, с выделением особой чисто-великорусской республики должен быть решительно отвергнут», – писал он. «Теснейшее сплетение» автономий с РСФСР и участие представителей меньшинств в законодательных и исполнительных органах в центре он считал лучшим средством от великорусского шовинизма, а усиление социалистического строительства на местах – от национализма автономий. Вошло в общий текст и предложение о развитии кооперации, но идея создать особый фонд для этого не была поддержана. Предложение о культурном фонде вошло в итоговый текст, но без уточнения против его подмены резервным фондом. Важно, что Самурский заявил о необходимости увеличения «интернационального» пролетариата в республиках для межэтнической интеграции. «Чтобы, прежде нежели кочевые племена осознают себя единой нацией, значительная часть их уже осознавала бы себя интернациональным пролетариатом». Самурский также настаивал на создании Совета национальностей ВЦИК. Практически все выше перечисленные пункты итогового документа совещания были обоснованы Самурским более детально. Так, он предлагал, чтобы в особые секции представители выдвигались не центральными органами РСФСР, а только местными парторганизациями и утверждались ЦК ВКП(б)¹³¹.

Асфендиаров в своем проекте к совещанию на первое место поставил задачу коренизации «всех без исключения аппаратов соввласти нацреспублик и областей, как местных, так и централизованных (хозяйственные органы, филиалы со-

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–12; Ф. 78. Оп. 7. Д. 88. Л. 15–17.

¹³¹ Там же. Л. 34–39.

юзных органов и органов РСФСР)» и предложил «ввести обязательное, параллельное делопроизводство (на русском и на языке местной национальности) во всех звеньях власти в текущем же году». По поводу культурного фонда он уточнял: его средства нужно направить как целевые на школы и медицину, чтобы за 2–3 года создать минимальную и необходимую сеть таких учреждений. Все его идеи касались конкретных нужд автономий: не допускать сокращения наличного состава рабочих из местного населения, создать фонд на развитие промышленности в национальных республиках и областях из правительственных ассигнований, установить определенные отчисления от прибылей заготовительных органов на территории автономий, экспортирующих и перерабатывающих предприятий вне зависимости от места нахождения. По примеру черноземных областей он считал необходимым выделить денежные фонды помощи сельскому хозяйству автономий в виде долгосрочных кредитов, запланировать на текущую пятилетку строительство железных дорог в нацреспубликах и областях. Стоит обратить внимание на его предложение «постепенно преобразовывать автономные области в автономные республики и автономные республики в союзные. К предстоящему XIII Съезду Советов, – писал он, – преобразовать автономные Вятскую и Марийскую области в автономные республики и автономную Казакскую ССР в союзную». Он повторил свои апрельские пункты о реорганизации отделов ВЦИК. Не менее важно, что Асфендиаров предложил «разработать Конституции автономных республик на основе:

а) предоставления права законодательства в сфере деятельности необъединенных наркоматов, оставив за центральным правительством РСФСР право установления общих начал в этой области;

б) предоставления права общей и частной амнистии ЦИКа автономных республик;

в) предоставления права руководства объединенными наркоматами в установленных пределах и полного руководства необъединенными, сохраняя за правительством РСФСР право верховного надзора за соблюдением общих начал, установленных Конституциями РСФСР и СССР;

г) предоставление автономным республикам определенных бюджетных прав». Последнее предложение в его проекте касалось партийной работы в национальных автономиях: «Меньше преследовать удобства управления и больше углубленной партийно-воспитательной работы, не взирая на трудности»¹³².

Материалы совещания Рыскулова (ноябрь 1926 г.) стали предметом обсуждения в Комиссии по строительству РСФСР, национальных республик и областей во главе с М.И. Калининым. 13 декабря Енукидзе составил совершенно секретную записку «К вопросу о конституционных взаимоотношениях между центральными органами РСФСР, как союзной республики, и входящими в ее состав автономными республиками». Он раскритиковал предложения Асфендиарова о

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 30–32.

передаче его отделу всех национальных дел. Неприемлемой представлялась его идея о том, что национальные единицы существуют лишь по форме, что существует чрезмерная централизация в советском и хозяйственном строительстве. Асфендиаров, считал он, неверно толкует слова Сталина, что советская автономия не есть нечто застывшее, так как по мере общих социалистических успехов автономии тоже будут расти в сторону укрепления центростремительных сил, а не центробежных. Он был и против его предложения преобразовать Казахстан в союзную республику. Националы в сводке их мнений такого вопроса не ставят, отмечал Енукидзе, к тому же при рассылке стенограммы обсуждения для правки Асфендиаров смягчил свои требования. Важные уточнения касались того, что проекты конституций автономных республик предлагали узаконить право их собственности на водный, железнодорожный транспорт, на воздушный флот, или вхождение этих республик через РСФСР в СССР. Енукидзе отмечал: нужно не менять основные принципы построения РСФСР, а конкретизировать разграничение компетенции между федерацией и ее составными частями. «В целях единой формы национальных образований и ввиду наличия значительного подъема их национальной культуры считать возможным в ближайшее же время переход автономных областей в автономные республики во всех союзных республиках». Он был также против создания Совета национальностей в РСФСР и за сосредоточение национальных дел в одном из отделов ВЦИК¹³³.

Но политизация этничности все равно стоила дорого. Содержание Башкирского ЦИК и СНК обходилось в 158 тыс. руб., для Татарской АССР стоимость этих аппаратов и Госплана по госбюджету, местному и спецсредствам обходилась в 240 тыс. руб. Наркомат РКИ СССР в плане на 1925–1927 гг. предусматривал изучение и решение важных проблем взаимодействия и управления многосоставным пространством страны. Необходимо было обеспечить упрощение и удешевление центрального аппарата автономных республик и областей; провести реформу административного деления АССР и АО в связи с проведением в них районирования и на этой основе – упрощение и удешевление аппарата местных советских органов АССР и АО; упрощение порядка прохождения дел АССР и АО в аппарате союзных республик и Союза ССР. Предварительно НК РКИ РСФСР провел проверку ряда автономий – Башкирии, Татарстана, Крыма и др. Казахстан в обследование не включался, т. к. отличался особыми условиями. Было установлено, что повсеместно управленческие структуры излишне раздуты, нерационально организованы и дублируют структуру органов СССР и РСФСР. Дороговизна аппарата, параллелизм функций, большое число инстанций, через которые должны проходить любые решения – все это делало работу неэффективной. Опыт показал – сократить управленческий аппарат надо было не менее чем на 20%. Как надеялись в центре, это позволило бы устранить громоздкость, организационную сложность, сокращение инстанций прохождения даже простейших

¹³³ Там же. Л. 147–158.

дел, разбухшие штаты, растущие с каждым годом, дороговизну госаппарата и параллелизм функций. Кроме того, предстояло устранить копирование центральных аппаратов с их комиссиями и наркоматов, нерациональную организацию работы в целом. С этой целью были ликвидированы малые президиумы ЦИК и малые СНК автономий, сокращены комиссии при них, сокращен штат Госпланов, почти везде упразднен НКСО, сокращены отделы НКЮ и НКВД¹³⁴.

Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский писал в ЦК партии (29 декабря 1927 г.): «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат». А.С. Енукидзе 31 января 1928 г. заявил: единообразие в районировании сразу же упрощает управление¹³⁵. Показательно, что и национальные руководители выступали за оптимизацию управления, что могло не только облегчить их работу, но и способствовать большей социально-экономической консолидации субъектов федерации в единое целое. Так, глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов писал И.В. Сталину: «Мы являемся составной частью РСФСР», но «очутились в положении тройного “подданства”» – органам РСФСР, Средней Азии и СССР. Одним из последствий такого сложного управления были не только ослабление связи с РСФСР, в составе которой находилась автономия, но и противоречия между конкурирующими проектами и требованиями Москвы и Ташкента. В итоге в апреле 1930 г. СНК СССР разрешил руководству Киргизской АССР обращаться непосредственно в союзные правительство и СТО¹³⁶.

20 января 1928 г. ВЦИК провел совещание по вопросу о пересмотре системы управления в автономиях. Вскоре вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах РСФСР». Так, в АССР госбюджет республик включал госдоходы и расходы по их необъединенным наркоматам, по объединенным наркоматам и по всем учреждениям РСФСР, находящимся на территории автономий. Наркомфину РСФСР предлагалось пересмотреть список централизованных кредитов по необъединенным наркоматам для передачи некоторых из них в бюджет АССР. ВСНХ СССР и союзных республик должны были стремиться к максимальному сокращению числа предприятий, находящихся в непосредственном управлении общесоюзных и федеративных органов на территории автономий. Правительствам АССР предоставлялось право перераспределения в пределах утвержденного общего штатного контингента для АССР – штатов по отдельным наркоматам АССР (увеличение штатов одних учреждений за счет сокращения штатных единиц других).

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 33–36. НКСО – наркомат социального обеспечения.

¹³⁵ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 531–534.

¹³⁶ Цит. по: Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 74–75, 77.

В области внутреннего управления, в частности, АССР предоставлялось право окончательно разрешать вопросы перенесения волостных центров, переименования отдельных населенных пунктов, не имеющих железнодорожных станций или почтово-телеграфных учреждений, перечисления селений из волости в волость, выделения, слияния и разделения сельсоветов, установления и изменения низового адм. деления АССР. Для лучшей координации дел Отдел национальностей ВЦИК был преобразован: в нем создавались секции общая, земельная, культурная и нацменьшинств. При Президиуме ВЦИК организовывался Комитет по делам национальностей в составе: заведомо национальностей, его заместителя и еще 3-х лиц, назначаемых персонально Президиумом ВЦИК. Председателем комитета был заведомо национальностей. С Отделом национальностей должны были согласовываться все ведомственные проекты, касающиеся автономных республик и областей, вносимые на рассмотрение ВЦИК, СНК, МСНК, ЭКОСО РСФСР¹³⁷.

В том же году Политбюро ЦК партии утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края). Предусмотрены начала добровольности (по решению съезда Советов республики) и право выхода, незыблемость конституций АССР, их «культурно-хозяйственный рост и национальное развитие» в составе нового региона, единство хозяйственного плана края для входящей в него АССР, как и подчинение парторганизации республики соответствующей краевой структуре (то же касалось комсомола, профсоюзов, кооперации и т. п.). Распределение работников-националов вели обкомы АССР, но выдвижение на краевую работу согласовывалось с краевыми органами партии¹³⁸.

Между тем фактическая этнокультурная сложность ситуации была повсеместной и не позволяла простыми административными мерами совмещать курсы на национальное равенство и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Так, в 1929 г. коренное население в Крымской республике составляло 25%, русских было 42,2% и украинцев 10,8%; в Чеченской АО титульный этнос составлял до 94%, в Башкирской АССР – 23,6% при удельном весе русских в 39,7%, в Карелии карел насчитывалось 37,3%, русских – 57, в Ойратии русских было 51,9%, алтайцев 35,7%, ойратов же – 1,4%¹³⁹.

При обсуждении во ВЦИК хода реализации решений совещания по делам нацменьшинств в декабре 1926 г. отмечалось, что в РСФСР 11 млн относятся к меньшинствам, не имеющим своих автономных образований (22% из них составляли украинцы). Но, к примеру, «собрать вместе казаков и армян нельзя ... Ведь это совершенно различные национальности, с совершенно различным

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 5, 9–22.

¹³⁸ Между тем секретариат Казкрайкома партии своим решением от 25 февраля 1928 г. отметил, что вопрос о согласии с проектом расширения бюджетных прав автономных ССР не был поставлен ни в СНК КАССР, ни в самом Крайкоме. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 164.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 69. Л. 7.

культурным уровнем». С другой стороны, и в национальных республиках проводить официальную политику было непросто. В Белоруссии «народ протестует против преподавания в школах белорусского языка и против перевода сельсоветов» на этот язык. Райисполкомы в ряде мест вели делопроизводство на украинском языке, но переписку с сельсоветами вели на родных языках, что при отсутствии переводчиков вызывало неразбериху и усложняло контакты с вышестоящими органами. Не учитывалось и желание родителей и детей в выборе языка обучения, «ими кто-то распоряжается извне», – заявил один из участников. Как правило, на заседаниях советов и других организаций с участием представителей разных национальностей использовался общий для всех русский язык, а выступления на родном языке ставили собрания в тупик: «его не понимают, предлагают остановиться, он же президиуму отвечает на русском: “я не могу иначе, я не знаю”». А.С. Енукидзе вынужден был признать: «Вопрос о работе среди нацменьшинств очень важный, – и я должен прямо сказать, что к нему не подготовлены, что мы сами не сговорились об интересах соответствующего нацменьшинства и соответствующего государства»¹⁴⁰. Термин «государство» в данном случае он использовал в отношении автономий.

Создание новых кадров управленцев и интеллигенции подразумевало широкое внедрение советской идеологии и системы ценностей, в т. ч. интернационалистских, в повседневную жизнь всех субъектов федерации. Но повышение квалификации или мобилизация кадров, в т. ч. с ротацией между регионами с разным этническим составом, не означали их устойчивое закрепление на местах. Крупные партийные и советские работники из северокавказских горцев (впрочем, то же было в Казахстане и Средней Азии), не рвали прочных связей со своими родовыми объединениями даже после вступления в ВКП(б). В итоге давали о себе знать давние клановые зависимости и связи, включая недобросовестную конкуренцию, субъективное распределение ресурсов и т. п., что в значительной степени подрывало доверие местного населения к новой власти. Русские управленцы не могли всерьез влиять на внутриэтнические противоречия, не рискуя, к примеру, выезжать из Грозного в горные районы Чечни и Ингушетии вплоть до конца 1930-х гг. К тому же, в конце 1920-х гг. в Чеченской АО, например, из 325 тыс. населения русские составляли лишь 9122. На латинице, введенной в 1926 г., было издано 38 учебников и пособий общим тиражом 120 тыс., а всем ответственным и техническим работникам вменено изучение чеченской письменности¹⁴¹.

Организованное властью создание полноценной системы образования было тесно увязано с острой потребностью в кадрах и с идейно-политической «перекодировкой» программы, содержания обучения, принципов подготовки педагогов для всех звеньев школы – от пунктов ликвидации безграмотности до вузов. Основными способами образования для правящего класса и всей управленческой страты были ускоренная подготовка представителей социальных

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 4. Л. 292–293, 353.

¹⁴¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. С. 471–477; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 69. Л. 1 с об.

низов на всевозможных местных и региональных курсах и школах политпросвещения; вовлечение национальных масс в многочисленные общественные организации, прежде всего профсоюзы, кооперативы и комсомол, для скорейшего отбора активистов и выдвижения их на советскую и партийную работу; прикрепление выдвиженцев как практикантов для получения начального управленческого опыта в наркоматы, советские и другие органы; направление выдвиженцев в европейскую часть СССР и наоборот – «европейских» работников в республики; создание сети средних и высших партийных учебных заведений в республиках и направление в Москву и Ленинград проявивших себя наиболее активно на общественной и партийной работе.

В январе–мае 1924 г. комиссия ЦК РКП(б) по проверке выполнения советскими, кооперативными и хозяйственными органами директив XII съезда РКП(б) и IV совещания по национальному вопросу, в частности, постановила: «Добиться максимального укомплектования сов. аппарата в уездах и деревнях (аула и кишлаках) местными низовыми работниками – крестьянами, дехканами (вытесняя оттуда чиновников, аксакалов, волостных управителей, не гоняясь при подборе обязательно за партийностью выдвигаемых, вовлекая и беспартийных, руководствуясь честностью и деловитостью последних)»¹⁴². Кроме того, в совпартшколах Туркестана, Казахстана и Азербайджана предлагалось проводить кружковую работу на местных языках, организовать параллельные курсы на языках, в зависимости от наличия лекторов, знающих эти языки; при разверстке в коммуниверситеты и школы соблюдать интересы наиболее отсталых народностей, живущих на территории парторганизаций, – туркмен, киргиз, кавказских горцев, азербайджанских и нахичеванских тюрок, аджарцев. Устанавливалось также: «...во всех, без исключения, учебных заведениях нац. республик и областей ввести язык национального большинства, как обязательный предмет преподавания». В государственную сеть включались школы политграмоты. Было решено «максимально сократить в Средней Азии и Украине количество издаваемых и переиздаваемых книг на русском языке», частично на государственный счет принять школы 1-й ступени и школы-интернаты «на языках народностей» Туркестана, КАССР (а также горских народов Северного Кавказа, Калмыцкой области, Башкирии, Бурято-Монгольской и Якутской областей). Размер госсубсидии определялся в зависимости от состояния республики или области «(голод, басмачество)»¹⁴³.

Однако введение делопроизводства на разных языках по апрельскому решению 1924 г. ВЦИК вызвало практические трудности для рядовых граждан, поскольку выданные им документы вызывали «затруднения у граждан и в учреждениях». Поэтому уже 22 декабря 1924 г. ВЦИК постановил внести изменения в постановление, разрешив предъявлять документы на русском или на двух языках, или на «туземном» с приложением заверенного перевода на русский¹⁴⁴.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 189. Л. 35–36.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 189. Л. 38–39, 41–42.

¹⁴⁴ СУ. 1925. 28 января. № 3. Ст. 20.

ЦК партии выпустил также циркуляр, по которому в совпартшколы 1-й и 2-й ступени прием слушателей «восточных национальностей» рекомендовалось проводить «на смягченных условиях в смысле партстажа»¹⁴⁵. Показательно, что в республиках и краях РСФСР по данным Всесоюзной партпереписи 1927 г. среди служащих-коммунистов – руководителей учреждений, их заместителей и помощников уровень образования по 5-балльной шкале (5 – высшее образование, 3 – среднее, 1 – низшее и домашнее) оценивался в среднем в 1,76 балла, заведателями учреждений, их заместителей и помощников – 1,83, аналогично по подотделам и другим звеньям учреждений – 1,53, инструкторов и инспекторов – 1,71¹⁴⁶.

Центральные партийные учебные заведения частично способствовали подготовке новой элиты. В конце 1925 г. в КУТВ им. Сталина около 25% слушателей были беспартийными, 75% имел «непролетарский» социальный статус. В университете обучались представители 72 национальностей, около трети из них были иностранцы из «отсталых стран». Ректор КУТВ Г.И. Бройдо жаловался в ЦК и ЦКК ВКП(б) на слабый состав преподавателей, которые не борются с группировками среди слушателей отдельных стран. Еще в январе в письме И.В. Сталину он писал: «Я руковожу КУТВом в течение 4-х лет. Мало членов партии понимает, что это одна из труднейших позиций для работника. Руководить и достигать единства в Ячейке из 72 национальностей с 3–4 группировками в каждой, с крестьянской массой, живущей тысячью уклонов, при условии, когда Ректор (если он не хочет быть спокойно управляющим бюрократам) должен проводить партийно-воспитательную работу, перманентно занимая позицию против течения, в борьбе с уклонами – это работа, которая имеет право на большое внимание»¹⁴⁷. Особое внимание уделялось идеологической подготовке кадров через коммунистические вузы, обучавшие в начале 1930-х гг. 6,5 тыс. чел. Но только осенью 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вменило в обязанность руководящих партийных и советских работников изучение языка соответствующей союзной или автономной республики¹⁴⁸.

По решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 11 мая 1930 г. система комвузов получила еще большую иерархичность и организованность: специальные отделения должны были готовить партийных работников, советских вплоть до уровня крупных сельсоветов, пропагандистов их преподавателей средних советско-партийных школ, организаторов народного образования. Широко внедрялась форма заочного и вечернего обучения. В декабре 1930 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) дополнительно к этой системе постановило создать двухгодичные Центральные курсы при Коммунистическом университете трудящихся Востока для переподготовки «работников из националов для руководящей партийной работы в национальных областях». Направление на курсы осуществляли местные партийные организации, и выпускники обязывались вернуться на прежние

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 719. Л. 4.

¹⁴⁶ См.: Коммунисты в составе аппарата госучреждений и общественных организаций. Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М., 1929. С. 12.

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 764. Л. 23, 21.

¹⁴⁸ См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. С. 563.

места. Узбекистану было выделено 25 мест, Казахстану и Туркмении – по 20, Киргизии и Башкирии – по 15, остальным автономиям, имевшим тюркское население, – от 3 до 10 мест. Элиту партийных и научных кадров готовила сеть Институтов красной профессуры. В главном – Московском институте, в частности, работали экономическое, историческое, философское, литературное и естественное отделения. В 1930 г. были созданы аналогичные институты – историко-партийный, мирового хозяйства и мировой политики, философии; советского строительства и права; литературы, искусства и языка; аграрный и экономический¹⁴⁹. Они работали до 1938 г. и, несмотря на тотальную идеологизацию общественного сознания и социальной практики, не только обеспечивали всеохватный контроль за расстановкой кадров на ключевых направлениях развития, но и заложили почву для создания национальной научной интеллигенции в союзных и автономных республиках.

Масштабные акции по ускоренному формированию новой элиты из рядов рабочих и крестьян неизбежно были во многом декоративными, а маргинальные группы выдвиженцев «из народа» консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное зависимостью от вышестоящих чиновников и структур, скороспелым и поверхностным образованием, стремлением сохранить и преумножить социальные привилегии, прилагавшиеся к должности, страхом и незащищенностью перед возможным в любой момент падением с достигнутой ступени в иерархии созданного советским государством острова престижного потребления в океан бесправия и полуголодной жизни. Выдвиженцы-националы стремились не возвращаться в родные деревни и аулы, проявляя «необычайно большую потребность к получению политического и общего развития. Она стремится в город, так как в деревне и ауле она этого не получает. Это явление большое...» Национальные активисты неохотно шли на профсоюзную стезю из-за молодости профсоюзного движения, его неавторитетности и непопулярности. Слабость национальных парторганизаций зачастую превращала комсомольцев в невольных лидеров политической и социальной жизни в деревне. Одну из трудных проблем составляли межэтнические коллизии: колонизаторское прошлое оборачивалось бумерангом против русскоязычного населения¹⁵⁰.

Качество социального обеспечения и жизни людей оставалось низким. Численность интеллигенции в Казахстане с 1926 по 1939 гг. выросла в 8 раз. Но в 1933 г. в 70 районах республики, где коренное население составляло более 90%, один врач должен был обслуживать 38 тыс. жителей. Между тем здесь проживало 52,8% населения и 83% казахов республики. И в 1939 г. 75% специалистов колхозов не имели профессиональной подготовки. В Коми-Пермяцком округе

¹⁴⁹ См.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 751–756.

¹⁵⁰ Лицом к нацокраинам. Стенограммы национального совещания при ЦК РАКСМ. М.-Л., 1925. С. 3–6, 35–36; ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 114. Л. 11, 31–34, 36–41, 44; Из стенограммы заседания Президиума ВЦИК о советском строительстве в Дагестанской АССР за 15 лет. 20 мая 1935 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. С. 114–121.

в 1940 г. не было роддома, обеспеченность жилплощадью составляла от 1,7 до 1,3 кв. м., причем 57% общей площади находилось в частном владении, и значительное число агрономов, врачей и других специалистов оставляли работу из-за отсутствия жилья или размещались в служебных помещениях. В Калмыкии высокая текучесть номенклатурных и высококвалифицированных кадров также объяснялась отсутствием жилплощади (в Элисте 2,3 кв. м. на человека, в улусах значительно меньше). В Дагестане из 66 больниц лишь 2 имели лаборатории, из 48 сельских только 8 – специальные здания. От 35 до 65% населения плоскостных районов были заражены малярией¹⁵¹.

«Переселение» национально-государственного образования из одной «матрешки» в другую, наделение управленческого люда той или другой, не очень большой «матрешки», более высоко котиrowавшимися в советской номенклатуре статусными регалиями декларировалось как дополнительный и оправданный рычаг для скорейшего и успешного прогресса этнической общности. К примеру, в 1930 г. Каракалпакская АО, входившая в состав Казахской АССР, непосредственно вошла в состав РСФСР. Еще в 1925 г. в связи с национально-территориальным размежеванием глава области А. Досназаров, выступавший против националистического курса, как он считал, руководства КАСР, прежде всего в лице С. Ходжанова, просил ЦК и членов Политбюро «выделить Кара-Калпакскую Автономную область из состава КССР и присоединить ее непосредственно к СССР с переименованием в Кара-Калпакскую Автономную Социалистическую Советскую Республику»¹⁵². Однако управленческая машина перестраивалась с трудом. Представитель Кара-Калпакии при Президиуме ВЦИК 15 декабря 1930 г. К. Аевзов попросил Секретариат Президиума ВЦИК немедленно опубликовать в центральных органах, особенно в «Известиях», постановление о выделении КАО, так как во всех оперативных планах «обслуживания и руководства» область по-прежнему включалась в состав Казахской АССР, «в результате чего Каракалпакия и КАСР никогда не закончат размежевания и постоянно между ними будут возникать споры». Заведующий Отделом национальностей ВЦИК Н.Н. Нурмаков в марте 1931 г. вынужден был обратиться в союз союзов сельхозкооперации, наркоматы, ведомства и учреждения РСФСР по поводу того, что несмотря на постановление ВЦИК от 20 июля 1930 г. о выделении Каракалпакской АО (КАО) с непосредственным подчинением центральным органам РСФСР, «в ряде случаев в контрольных цифрах на 1931 год не выделяется отдельного плана» для области¹⁵³.

Уже в январе 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что Казкрайком

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 593. Л. 16–19; Д. 668. Л. 61–63; Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 3–4. С. 17, 19; № 5–6. С. 41; Абжанов Х.М. Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. Алма-Ата, 1988. С. 39; Партийная жизнь Казахстана. 1990. № 10. С. 77; Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). М., 1979. С. 295; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. С. 530–532, 539, 118–119. 25 июня 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение СНК СССР о выделении 700 тыс. руб. на коммунальное и культурное строительство ДАССР в связи с 15-летием ее создания. В Коми-Пермяцкий округ по тому же поводу было выделено 50 тыс. руб. на проведение юбилея // Там же. С. 122, 532.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 199. Л. 8, 2–5.

¹⁵³ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 685–688.

и Средазбюро не приняли нужных мер к экономическому и партийному укреплению Каракалпакии, и 23 февраля 1932 г. Политбюро ЦК решило преобразовать область в автономную республику «ввиду большой удаленности ... от промышленных центров и от Москвы, а также ее особой экономической и культурной отсталости»¹⁵⁴. Однако в новом статусе республика не могла развиваться вне регионального контекста, не связанного прямо с РСФСР, и 5 декабря была включена в состав Узбекской ССР. Административно-территориальные преобразования середины 1930-х гг. вкупе с переносом в центр с 1935 г. назначения руководителей округов укрепляли вертикаль власти в ущерб относительной самостоятельности регионов и республик¹⁵⁵.

Смена состава местных элит в ходе провалов коллективизации и репрессий, параллельно с кампанией «борьбы с бюрократизмом» создавала условия для вовлечения в их число нового поколения более образованных и благонадежных, менее амбициозных кадров. Заложенный в основу административно-территориального разграничения регионов страны этнический признак (в одном из решений подчеркивалось: «...нужно ведь прямо признать, что советская федерация мыслится как федерация национальностей, а не областей»)¹⁵⁶, который во многом искусственно привязывался к определенной местности, создавал проблемы координации и распределения полномочий, средств, кадров, ресурсов и ответственности, постоянно сопровождая жизнедеятельность субъектов федерации и их управленцев. Не случайно В.И. Пичета свидетельствовал, что руководители Витебска, опасаясь белорусизации, выступали против его включения в состав Белоруссии, но вскоре вполне успешно интегрировались в минский политический класс¹⁵⁷.

Именно в 1930-е гг. в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах: число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре с конца 1920-х гг. сократилось до 120¹⁵⁸. Иерархия народов по Сталину (нации, национальные группы и народности) была связана с административно-территориальной организацией СССР и также отражала нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии.

Этническое картографирование к тому же не всегда отвечало интересам экономической интеграции, сложившимся исторически хозяйственным связям и производственным специализациям регионов. В частности, даже после разме-

¹⁵⁴ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 685–688.

¹⁵⁵ Структура Отдела руководящих парторганов ЦК партии // Партийное строительство. 1935. 15 октября. № 17. С. 73–78.

¹⁵⁶ См.: Ливеский А. Роль этнографа в советском строительстве Севера // Советское строительство. 1929. № 8. С. 114; Игнатев В. Национальный момент в районировании // Там же. 1929. № 10. С. 62, 67, 65.

¹⁵⁷ «История белорусского народа довольно своеобразна». Доклад В.И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР». 1944 г. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 43–44.

¹⁵⁸ См.: Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // Ab imperio. 2002. № 4. С. 177–206.

жевания в Средней Азии руководству республик приходилось сталкиваться с проблемами локации хозяйственных объектов в приграничных зонах. В 1928 г., получив разрешение центра на строительство Сулюктинского цементного завода, киргизские власти обнаружили, что место для него было определено на территории Узбекистана. Глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов в связи с этим признался в дневнике: «Идиотское положение – сам возглавляешь правительство и не знаешь, где твоя граница»¹⁵⁹.

Несмотря на очевидную стабилизацию административно-территориальной организации Советского Союза после войны, международные и внутривнутриполитические обстоятельства потребовали уточнения конституционных основ государства, что обусловило изменения в Конституции СССР, утвержденные в феврале 1947 г. Подготовка и обсуждение этих изменений выявили симптоматичные сдвиги в осмыслении новой реальности, происходившие у этнополитической элиты страны под влиянием политики поддержки национально-освободительных движений в мире со стороны СССР.

При обсуждении изменений и поправок в Конституцию СССР, как отмечал председатель редакционной комиссии А.Я. Вышинский, предлагалось перечислять автономные республики по алфавиту, а не в связи с численностью населения, что не было в итоге поддержано. Не были упомянуты и автономные округа, при этом поддержано предложение «ограничить широкую практику образования новых единиц помимо Верховного Совета СССР». Уточнялось, что в компетенцию СССР входит не только утверждение образования новых краев, областей и автономных республик, но и образование новых автономных областей», однако национальные округа, упоминавшиеся при обсуждении, не включались. Не было принято предложение указать, что административное деление в пределах союзной республики является вопросом внутривнутриреспубликанского значения, поскольку оно «противоречит принципу стабильности административно-территориального устройства советского государства». Отнесенное в статье 14 к компетенции СССР утверждение образования новых краев и областей, автономных республик и автономных областей в составе союзных республик снимало вопрос о подобной возможности.

Стремление этнополитических лидеров усилить свои позиции отразили предложения президиумов Верховных советов республик. Так, руководство Казахской ССР предлагало включить в перечень компетенций СССР установление структуры, номенклатуры должностей и штатов государственного и хозяйственного аппарата союзного подчинения, что не было поддержано, поскольку «все эти вопросы относятся к нормативной деятельности правительства и к области текущего законодательства». Лидеры республик обратили пристальное внимание на трактовку их суверенитета. Казахстанские руководители предлагали уточнить в статье 15, что суверенитет союзных республик

¹⁵⁹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 114.

ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. «Вне пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик»¹⁶⁰. Президиум Верховного Совета Татарской АССР предложил: «Каждая Союзная республика есть суверенное государство. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик». Такую новацию комиссия сочла излишней: «Предлагаемое дополнение лишне, ибо принцип суверенитета союзной республики ясно зафиксирован в тексте ст. 15». В то же время президиумы Верховных Советов Узбекистана, Украины и Казахстана предлагали исключить из статей 22–29 перечень краев и областей, входящих в союзные республики и ограничиться перечислением входящих в них автономий, входящих в союзные республики. Комиссия же руководствовалась интересами государства как целостного организма: «В целях сохранения принципа стабильности административно-территориального деления следует сохранить в указанных статьях перечисление краев и областей». В главе 60 о Верховном Совете союзной республики руководство Украины считало нужным предоставить союзным республикам право представительства ее в международных сношениях, выступления во внешней торговле на основе общесоюзной монополии, поскольку Украина и Белоруссия уже осуществляли международные сношения в некоторых вопросах. Однако, по мнению комиссии, по существу это подразумевало бы преобразование Министерства внешней торговли СССР в союзно-республиканское министерство, что также не отвечало интересам проведения единой внешней политики. Не было учтено желание Президиума Верховного Совета Казахстана восстановить практику учреждения ордена республиканского значения, добавив к ним и медали¹⁶¹.

Население же проблемы внутривнутриполитического устройства и межкультурных взаимоотношений волновали в практическом преломлении, что наглядно отразили наиболее распространенные вопросы пропагандистам и лекторам во время их выступлений по актуальным темам внутренней и международной повестки. В справках представителей пропагандистской группы Управления пропаганды и агитации ЦК партии (1944–1946 гг.) перечислялись следующие: «Какими особыми правами пользуется население прибалтийских советских республик? Могут ли выбирать и быть избранными калмыки, карачаевцы и другие, административно высланные в отдаленные районы Советского Союза? Пользуются ли избирательным правом женщины, вышедшие замуж за немцев? Какие взаимоотношения существуют сейчас между церковью и государством в СССР?» Как известно, в

¹⁶⁰ Статья 15 в итоге звучала следующим образом: «Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик» // https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1936/red_1936/3958684/chapter/36bfb7176e3e8bfebe718035887e4efc/ (дата обращения: 16.11.2020).

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 379. Л. 1–37.

феврале 1944 г. по решению пленума ЦК ВКП(б) решение по расширению прав союзных республик в сфере обороны и внешней политики. В тот же день сессией Верховного Совета СССР были приняты законы «Об образовании воинских формирований союзных республик» и «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних отношений». Соответственно вносились изменения в Конституцию СССР и конституции союзных республик, в каждой учреждались наркоматы обороны и наркоматы иностранных дел, которые просуществовали вплоть до 1946 года. Наркомат иностранных дел СССР стал союзно-республиканским. Вопрос об участии всех 16 советских республик в работе будущей ООН был поставлен советским правительством перед участниками международной конференции еще в 1944 г. в Думбартон-Оксе при создании Устава ООН. Представители западных держав данное предложение отклонили на основании того, что СССР стремится к обеспечению себе политического господства в будущей организации путем увеличения числа своих сторонников в лице союзных республик, но УССР и БССР в итоге стали одними из учредителей ООН.

В освобожденных от временной оккупации районах проблемы, интересовавшие население, также подавали чувствительные сигналы по поводу меняющихся условий развития общества, статуса СССР и его субъектов: «Послы Чехословакии, Польши, Румынии и других небольших государств в связи с решением X сессии после войны будут аккредитоваться только при правительствах Украины, Белоруссии, Латвии и других соседних с нами союзных республик или при правительстве СССР? Как будут заключаться союзными республиками международные соглашения, имеющие Союзное значение? Какой будет Красная армия – общесоюзной или национальной? Не создается ли такое положение, что войсковые соединения республик будут защищать лишь интересы своих республик? Когда будут создаваться национальные армии, теперь или после войны? Не повлечет ли за собой создание наркоминделов в союзных республиках приток шпионов и диверсантов? Будут ли находиться общесоюзные пограничные войска в союзных республиках на границе с СССР? Может ли Украина вести самостоятельные переговоры с Польшей о Западной Украине? Будет ли создана еврейская национальная армия?»¹⁶².

Не менее важными, несмотря на преобладание международной тематики, были социально-политические проблемы: «Почему нам необходим блок коммунистов и беспартийных на выборах, когда у нас в СССР большевистская партия является единственной правительственной партией, она осуществляет руководство всеми организациями и ей народ доверяет свою судьбу. Будем ли мы видеть и знать депутатов, за которых будем голосовать. ... М.И. Калинин сказал верно, что наш народ за войну потрепался. Как будет развиваться легкая промышленность, в частности, текстильная. Почему не увеличивают хлебный

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 420. Л. 62, 75; Д. 242. Л. 11; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2009. Кн. 2. 1933–1945. С. 791–799; Манукян Г.А. Опыт международной деятельности республик Советского Союза // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 76–81.

паяк рабочим и служащим. Почему после окончания войны сельское население не снабжается солью, мылом, спичками, хлопчаткой, обувью и одеждой. Почему введено платное обучение в средних и высших учебных заведениях»¹⁶³.

Деятельность органов власти регулировалась и адаптировалась в соответствии с текущими задачами обеспечения устойчивости механизмов и структур управления в рамках принципиальных подходов в национальной политике, включавших поддержку самоопределения и государственного нациестроительства, спонсирование этнокультурных практик вместе со столь же востребованными мерами межэтнической интеграции и гражданской консолидации. Это подразумевало не только социокультурные, но и административные, правовые, экономические инструменты формирования советскости как воплощения культурной сложности общества в ее современной сущности. Она совмещала большевистскую интерпретацию западной идеологии с полиэтнической «начинкой» государственных институтов и социальных отношений.

§ 2. Коренизация как часть советского проекта

Особенно важной в условиях культурного и языкового многообразия стала стандартизация как одно из действенных средств модернизирующей державы. Формирование национальных кадров происходило одновременно со становлением советской политической системы и было ее неперенным условием. Укрепляя власть, большевики активно и целенаправленно искали и апробировали разные средства. Прежде всего, обращалось внимание на выявление и привлечение лояльных представителей коренного населения (впрочем, этот прием использовался во всех многонациональных государствах, в том числе в Российской империи), а также на включение в их состав деятелей, имевших партийный опыт и хотя бы минимально знакомых с этнокультурной спецификой региона. Они должны были «помогать» националам, «перекочевавшим» в 1917 г. вместе со всей страной из одной реальности в другую, верно действовать в рамках заданной парадигмы строительства социализма, олицетворяя курс на самоопределение и равенство народов. При этом и центр, и национальные деятели надолго оказались заложниками идеи политизации этничности как единственного способа решения их многообразных проблем, существенно ограничивая иные, не менее важные механизмы и формы жизнедеятельности поликультурного общества.

Исследователи советской национальной политики 1920-х гг. сходятся в том, что именно тогда наиболее интенсивно создавались и внедрялись в социальную практику механизмы и институты категоризации этничности, ее включения в один из важнейших критериев успешности или неудач в формировании современного общества. Отечественная историография на большом корпусе разнооб-

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 420. Л. 21–24.

разных источников реконструирует и уточняет наиболее значимые стороны этого процесса. Сюда входят выделение национальной политики в специальную сферу внутренней, прежде всего через Наркомнац и другие институты, образование СССР и развитие советского федерализма, создание национальных политических элит, в том числе через коренизацию, революционные по масштабам и значению меры по развитию индустриальной среды, образования, языков (включая создание письменности), культуры, искусства, здравоохранения, инфраструктуры и коммуникативных практик спонсирования национальностей и одновременного укрепления единства многонационального государства и культурно сложного общества.

На примере разных народов показано, что консолидирующие тенденции, воплотившиеся в объединении народов бывшей царской монархии в новое союзное государство, имели, безусловно, объективную основу, но политическая практика была противоречива: не получили возможность плодотворно участвовать в органах власти представители других партий и идейных взглядов, лояльные по отношению к Советам; не произошло на деле разделение функций партийного и советского аппарата; уже решением X съезда РКП(б) были быстро сведены на нет попытки конструктивного диалога и свободной дискуссии по вопросам национальной политики, как и по другим направлениям. Те, что проводились, не дали желаемых, по мнению современных ученых, результатов с точки зрения гармонизации интересов, полномочий и оптимального уровня самостоятельности субъектов федерации в экономической, политической, социальной, культурной и других областях. Стремление правящей партии сохранить и укрепить власть не способствовало консолидации, а напротив, вело к конфронтации с национальными элитами. Новая экономическая политика исключала политические преобразования, демократизацию национальной политики, повышение политической и правовой культуры масс, превращение советов в действительные органы самоуправления, в том числе национального. Предлагавшиеся в самой партии, как и национальными деятелями, проекты, прогнозы развития межнациональных отношений и взаимоотношений субъектов федерации, центра и национальных регионов были перечеркнуты, в том числе в области демократического самоуправления народов, экономической самостоятельности, кадровой и языковой политики, социального и культурного развития¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924. М., 1991; Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992; Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005; Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006; Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.). М., 2006; Её же. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в. М., 2011; Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2008; Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008; Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 26–47; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012; Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. М., 2014. С. 544–551; Марчуков А.В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015; История Крыма. Т. 2. М., 2017; Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2018 и др.

Ценные сведения содержат труды историков бывших советских республик, воссоздающие и дополняющие новыми данными представления об этносоциальной и региональной специфике национальной политики¹⁶⁵. Важный аналитический и насыщенный фактическими материалами вклад в эту работу внес Ш. Кадыров. Он обратил внимание на этнополитический аспект кадровой политики как действенный рычаг укрепления советской власти и борьбы с национальными элитами, в данном случае – с племенным гегемонизмом, показал действие субэтнического принципа административно-территориального строительства азиатских республик, прежде всего Туркменской ССР, подчеркнул двоякий характер результатов социалистических преобразований за счет «метрополии», когда не только произошла модернизация региона, но и сформировалась стремящаяся к большей самостоятельности элита. Приводятся интересные данные о роли интернациональных браков в складывании новой элиты, о процессах аккультурации и европеизации этнического сообщества и борьбе сталинского руководства против туркменского национализма, аккумулированного в ахалтекинском землячестве политических руководителей республики. Запреты и репрессии, наряду с развитием регионов в противовес центру и программами аккультурации этносов, ставшие основой национальной политики при Сталине, сохраняли унитарное государство, а после 1991 г. получили обратное развитие в действиях прежде всего европеизированной местной элиты¹⁶⁶.

В целом научное сообщество этих стран в разной степени подвержено разделению на небольшую часть «хранителей» подходов, заложенных в советский период, с их дополнением за счет новых источников; доминирующую часть сторонников тоталитарной советологии, придерживающихся «обвинительного» тренда в отношении всей истории пребывания тех или иных народов в составе Российской империи и СССР как жертв нещадной колонизации, а также постепенно укрепляющуюся группу ученых, которые получили опыт обучения или сотрудничества в западных институтах и стремятся использовать новейшие теоретические наработки для анализа советской национальной политики, прежде всего в рамках т. н. «деколониального поворота». Такие исследователи считают, что давление «метрополии» продолжается и «академический национализм сам оказывается в плену гегемонного дискурса бывшей метрополии», при этом даже получившие образование за пределами бывшего СССР историки не способны к радикальной деколонизации знания¹⁶⁷. Применительно к укра-

¹⁶⁵ Національні відносини в Україні у XX ст. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1994; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; История таджикского народа. Т. V. Новейшая история (1917–1941 гг.). Душанбе, 2001; «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003; Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003; Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Мат. Межд. конф. Ташкент, 2009; Плоских С. В. Интеллигенция и власть Кыргызстана: проблема взаимоотношений в советскую эпоху. Бишкек, 2012; История белорусской государственности. Т. 3. Мн., 2019 и др.

¹⁶⁶ Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. С. 77–127, 222.

¹⁶⁷ Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab imperio*. 2016. № 4. С. 213, 222, 221, 233, 234; Kudaibergerova D. The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 5. July 2016. P. 917–935.

инской историографии показано, что изменения в ней отличаются от общего тренда в постсоветских странах, поскольку решающее влияние на нее оказала украинская диаспора Северной Америки и Европы, которая финансировала или возглавляла новые институты, активно интегрировала их в систему международных академических связей, также фонд Сороса. Реальные результаты институциональных изменений не замечены, значительная часть трудов украинских историков считается выполненной на низком уровне, а использование трудов западных историков приобрело (впрочем, не только в украинской историографии) ритуальный характер без понимания их теоретической сути¹⁶⁸.

За пределами бывшего СССР стремление к пониманию специфики и результатов деятельности советского государства в национальной сфере привело к признанию не только сложности и неоднородности советского общества, но и разнообразия самого опыта СССР в управлении им. В анализе советского феномена важную роль сыграли и историки, и антропологи, отдававшие предпочтение не столько описанию и осмыслению его фактической основы, сколько приложению теоретических наработок западной социально-культурной антропологии к оценке национальной политики СССР, ее результатов и последствий.

Исторические штудии усилили дискуссионный акцент в осмыслении хода, нюансов и итогов советского нациестроительства. В частности, Т. Мартин обратил внимание на «позитивную дискриминацию» со стороны власти в отношении народов, что привело к многократно описанному в отечественной историографии и подтвержденному внушительным конкретно-историческим материалом росту национального самосознания, развитию и конструированию современных наций часто в ущерб самому многочисленному русскому народу¹⁶⁹. С его формулой соглашается, в частности, Д. Усманова, признавая, что в рамках советской национальной политики татарский народ с собственной национальной государственностью в виде автономной республики появился не только как объект исследования, но и субъект¹⁷⁰.

К примеру, материалы Комиссии по выработке основ и текста Конституции СССР, созданной Пленумом ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г., показывают активную роль национальных деятелей, борьбу мнений и поиск компромиссов, в ходе которых сформировалось классовое бюрократическое централизованное унитарное государство. Дискуссии велись по вопросам о слитых и объединенных наркоматах, о сохранении или ликвидации наркоматов автономных республик, противоречивых положениях о праве выхода республик из союза¹⁷¹. Весьма интересен в связи с этим анализ роли и судьбы Наркомата по делам национально-

¹⁶⁸ Грицак Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 432–435, 451.

¹⁶⁹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

¹⁷⁰ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 351.

¹⁷¹ На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // *Отечественная история*. 1992. № 4. С. 91. См. также: Из истории образования СССР // *Известия ЦК КПСС*. 1989. № 9. С. 18–19; Из истории образования СССР. Стенограмма. // Там же. 1991. № 3. С. 170–72; № 5. С. 154–176; XII съезд РКП(б): Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Там же. 1991. № 4; Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

стей, которым руководил Сталин. В 1987 г. Г.П. Макарова подсчитала, что в только 1921 г. из 464 вопросов, которые обсуждались на коллегии Наркомата, 24 были посвящены образованию новых автономий, 7 – разграничению территорий между ними, 33 – обсуждению проектов декретов и постановлений, затрагивающих интересы республик, областей или отдельных национальностей, 11 – взаимоотношений автономий с РСФСР, 34 – удовлетворению просьб отдельных национальностей, 56 – другим вопросам, касающимся нерусских народов. Наркомнац тогда же участвовал в работе комиссий о 6 вопросах строительства федерации и автономных республик, а также в комиссиях по уточнению и урегулированию границ, выполнял функции общесоюзного органа, в том числе через Совет национальностей и представительства автономий при нем, отделы при Советах¹⁷².

Однако Наркомнац все реже привлекает внимание исследователей, анализирующих советскую национальную политику и роль Сталина в ней. Важный вклад в понимание проблем становления институциональных основ советской национальной политики и взаимодействия Наркомнаца с национальными элитами внесла Т.Ю. Красовицкая¹⁷³. В.Г. Чеботарева считает, что Сталин ненавидел занятия национальной политикой, считал свое ведомство ненужным и в итоге добился его ликвидации, поскольку не был ведущим теоретиком национальной политики. Как нарком он не встречал понимания национальных лидеров и своих подчиненных, которые были в оппозиции к нему, а главное – его личные интересы сосредоточились на утверждении своей диктатуры. Автор признает межведомственный характер полномочий Наркомнаца, пересечение функций и задач с другими наркоматами и структурами, пренебрежение центра власти – партийных органов во главе с тем же Сталиным позицией и предложениями наркомата. Именно Наркомнацу в то же время ставится в заслугу решение проблем строительства федеративного государства, установление вертикальных и горизонтальных межнациональных, экономических и культурных связей, содействие обустройству народов в соответствии с их традициями и духовной культурой. Автор считает преждевременным его упразднение именно в связи с незавершенностью в решении этих задач, тем более что Совет Национальностей ЦИК СССР был для такой миссии негоден¹⁷⁴. Однако, уже в силу своего предназначения Наркомнац оказался обречен на неудачную в условиях государства, централизованного по замыслу и необходимости, роль посредника, а потому и был ликвидирован после достижения необходимого уровня прочности скрепляющих регионы уз Советского Союза¹⁷⁵.

¹⁷² Макарова Г.П. Наркомат по делам национальностей РСФСР. 1917–1923 гг. Исторический очерк. М., 1987. С. 105–108.

¹⁷³ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт государственного руководства национально-культурным строительством. 1917–1925 гг. М., 1992; Ее же. О сталинской формулировке нации в контексте времени и места ее бытования // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 313–326.

¹⁷⁴ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 29, 808–828.

¹⁷⁵ См.: «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

Реактивный и импровизационный характер отношения большевиков к национальному вопросу после прихода к власти¹⁷⁶, обусловивший формирование советской федерации, с 1920-х гг. переформатировался в объективно необходимую перманентную и достаточно гибкую настройку. Она сопровождалась стандартизацией механизма управления и контроля в национальных регионах. Ж. Кадио и Ф. Хирш обращают внимание на роль государства в категоризации и классификации этничности, на приверженность большевиков теории социальной эволюции и усилия по ускорению поэтапного прогресса отсталых народов для их слияния в единую общность, что не мешало им в 1920-е гг. поддерживать развитие наций, чтобы затем перейти к жесткой централизации и унификации многоликого сообщества народов СССР¹⁷⁷. Это не столько противоречит идее Т. Мартина о «позитивной дискриминации» народов, сколько дополняет возможности более полного и широкого представления о разных аспектах национальной политики и их связи с общими задачами развития советской политической и социально-экономической системы, а также о роли науки в нациестроительстве. Как считает Дж. Бурбанк, в СССР «дружба народов» сочеталась с мобилизацией кадров из этнических групп, контролируемых через однопартийную систему и «полицейский контроль», формальное деление государства на национально-государственные единицы. Поскольку практика культивирования национальных различий была основной в имперском управлении, она предлагает учитывать множество форм, в которых власть осуществляется через пространство¹⁷⁸.

В 1920 г. И.В. Сталин писал: «Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, ... было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя ... малочисленные группы местных интеллигентов»¹⁷⁹. При этом установка на борьбу с националистами стала неотъемлемым элементом этнополитики. С учетом временной объективной потребности в «старых» кадрах он определил две опасных крайности: с одной стороны, «уклон к национализму, с другой – «уклон к великорусскому шовинизму» как высоकोмерное игнорирование национальных особенностей¹⁸⁰.

В докладе на XII съезде РКП(б) Сталин обосновал политику формирования национальных кадров управленцев: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт.

¹⁷⁶ Semyonov A., Smith J. Nationalism and Empire before and after 1917 // Studies in Ethnicity and Nationalism: Vol. 17. 2017. № 3. P. 369–380.

¹⁷⁷ Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 177–206; Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.

¹⁷⁸ Burbank J. Empire and Transformation: The Politics of Difference // Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order. Ed. by UYAMA T. // SlavOc Eurasian Studies. № 33. P. 11–33.

¹⁷⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 360–361.

¹⁸⁰ Там же. С. 441, 442.

Только тогда ... Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью ... межнациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке»¹⁸¹.

Такая политика получила название коренизации. Она сформулирована на Четвертом совещании с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.), созванном для обсуждения практических мер по осуществлению решений XII съезда по национальному вопросу. На совещании была принята программа мер по развитию экономики и культуры в национальных республиках, по расширению участия нерусских народов в политической жизни и т. п.¹⁸² Совещание постановило, во-первых, очистить государственный и партийный аппараты окраин от националистов; во-вторых, неуклонно и систематически вводить в делопроизводство местные языки и обязать ответственных работников изучать их; в-третьих, избирать и привлекать «более или менее лояльные элементы местной интеллигенции» к работе в административных учреждениях при одновременном акценте на подготовке новых кадров из числа коммунистов¹⁸³. Последний пункт объявлялся «одной из коренных задач партии»¹⁸⁴ – скорейшее выращивание социально близкой правящей прослойки, не связанной с традиционными дореволюционными элитами.

Цели коренизации были определены властью, но исследователи делают акцент на разных доводах, в большинстве отмечая тесную взаимосвязь общих задач национального самоопределения и равенства с потребностью реализовать их на месте, опираясь на этносоциальную базу каждого народа. К примеру, Й. Баберовски называет две цели: снять опасность «фантазий» национал-коммунистов насчет отделения и сделать пропаганду социализма понятной массам через национальные языки, как и стиль управления – через их носителей¹⁸⁵.

Г. Убриа считает, что коренизация стала вынужденной мерой, поскольку большевикам пришлось склонять на свою сторону группы из коренного населения, «чтобы обеспечить выживание революции и государства». А. Семенов и Дж. Смит уточняют: коренизация связана с переходом к НЭП и компромиссом власти с крестьянством, при котором многонациональное государство должно было опираться на лояльных представителей разных народов и сохранять за собой «командные высоты» управления¹⁸⁶.

Лю Сяньчжун дополняет: коренизация проводилась «посредством замещения национальными языками русского, инкорпорирования аборигенов в политику местных властей». Однако коренизация партийного и государственного аппарата

¹⁸¹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

¹⁸² См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М., 1992; Якубовская С.И. Образование и развитие Советского многонационального государства. М., 1966 и др.

¹⁸³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 491, 492.

¹⁸⁴ Там же. С. 488.

¹⁸⁵ Баберовски Й. Врар есть везде: Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 306.

¹⁸⁶ Ubiria G. Soviet Nation-Building in Central Asia. The making of the Kazakh and Uzbek Nations. Central Asian Studies Series. Routledge. London-NY, 2016. P. 148; Semyonov A., Smith J. Nationalism and Empire before and after 1917 // Studies in Ethnicity and Nationalism: Vol. 17. 2017. № 3. P. 376.

была неудачной, поскольку русские оставались в большинстве, пишет он. Другое направление коренизации – строительство национальных школ и внедрение национальных языков, наряду с переводом делопроизводства на языки народов СССР, – он оценивает как более успешное, ссылаясь на высокую оценку 1920-х гг. советской национальной политике, которую дал А. Каппелер¹⁸⁷. В очевидной увязке с актуальными внутривластными проблемами КНР китайский историк акцентирует внимание на негативных последствиях коренизации, к коим относит игнорирование интересов титульных этносов в республиках, особенно русских, рост национализма в национальных элитах и пренебрежение властью к требованиям значительного числа представителей разных народов, не желавших отказываться от русского языка. В итоге, резюмирует он, «советский опыт национальной политики не успешен, он отнюдь не нашел способ, каким образом укрепить и развить многонациональное государство, гарантировать гармоничное сосуществование народов, их совместное процветание»¹⁸⁸.

Вряд ли эти идеальные цели могли решаться посредством лишь коренизации, но именно она, будучи объективно связанной с основными направлениями общей модернизации для народов СССР, направленная на выдвижение и подготовку кадров управленцев, хозяйственников, интеллигенции среди титульных этносов, расширение сферы применения национальных языков, стала проектом всеохватной модернизации на этнической основе. Она дала в итоге результаты, длительно влиявшие на положение дел в национальной сфере.

Коренизация приобрела особую важность в национальной политике. Крайний дефицит таких специалистов у подавляющего большинства народов ставил под сомнение возможность национального равенства и самоопределения. Добиваясь декларируемого доминирования «титульных» этносов в системе власти и управления, власть спешно создавала условия для образования, развития культуры и организации делопроизводства на родном языке; вовлечения местных жителей в народное хозяйство. Действительно, на местах документы вскоре стали составляться на национальных языках, для подготовки работников создавался институт практикантов, работали курсы по изучению местных языков русским населением¹⁸⁹. С помощью слоя людей, воспитанных на новых идеологических принципах, чаще всего не связанных с дореволюционной национальной интеллигенцией, ее культурой и ментальностью, карьера которых теперь полностью зависела от верности партии и адекватной реализации ее указаний в жизнь, власть проводила свою политику в жизнь. Но социально-культурный прогресс одновременно объективно подстегивал укрепление власти этноэлит и национального самосознания, способного стать угрозой единству и прочности поликультурного государства.

Продвигалась коренизация с трудом. Практически повсеместно национальные

¹⁸⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 274.

¹⁸⁸ Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41–49.

¹⁸⁹ См. подробнее: Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000; Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в. М., 2011.

деятели пытались поначалу рассматривать коренизацию как инструмент этнизации своих национально-государственных образований, тогда как центр осуществлял ее в рамках общей социально-классовой политики и основных принципов советского нациестроительства. К тому же, как верно подметил М.В. Кашычки, модернизация и входящая в нее коренизация осуществлялись на этом этапе прежде всего русскими/русскоязычными работниками за отсутствием национальных кадров, что могло восприниматься как русификация, таковой не являясь¹⁹⁰. Это не могло не вызвать противоречий. Особенно сложно обстояло дело в автономиях. Осенью 1923 г., например, в Башкирии обострились разногласия между ответственными работниками – выходцами из Уфы и т. н. Малой Башкирии. В составе пленума обкома партии «башкирцы» имели 33% мест, в его президиуме – 25, в кантонных комитетах – около 27. Среди 10 ответсекретарей канткомов было 2 башкир. Дело-производство на башкирском языке было введено в 53 из 86 волостей с татаро-башкирским населением. 1900 коммунистов – татар и башкир – не могли получить «марксистское образование» на родном языке из-за отсутствия переводной литературы. Обком партии предпочитал действовать «по возможности» и «без наскоков», документы на башкирском языке в кантонах принимались неохотно, а один из прокуроров вообще считал, что «башкирский язык лишь усилит конокрадство». В итоге, по результатам обследования Секретариат ЦК РКП(б) поддержал идею проверяющих из Москвы увеличить представительство националов в президиуме обкома до 4, но не башкир, как предлагалось в докладе, а «татаро-башкирских работников»¹⁹¹.

Сама практика нациестроительства создавала препятствия коренизации, поскольку политическая институционализация этничности требовала гораздо меньше всесторонних усилий, нежели реальное массовое включение представителей титульных этносов в управленческое пространство. Секретарь Ойратского обкома партии Гордиенко в мае 1924 г. сообщал в ЦК и Сиббюро ЦК партии, что форма выделения автономной области вызвала большие трудности, поскольку отсутствовали не только экономическая база для ее существования, но и грамотные политически и квалифицированные кадры ойратов. Поэтому он предлагал образовать Ойрат-Хакасскую республику или Бий-Ойратский округ как часть Алтайско-Кузнецкой области, или «принять на долгие годы ряд учреждений области на государственное снабжение», тем более, что в созданном виде АО может «играть только отрицательную роль» близ Монголии и Урянхая (Тувы). «Поднять культурный уровень туземцев ойратов, шорцев и хакасов» без серьезной поддержки было невозможно¹⁹². В Киргизии к маю 1925 г. из 2950 работников областного и местных органов власти и управления киргизов было 319, прежде всего из-за почти тотальной неграмотности (среди киргизов грамотных было 3,7%),

¹⁹⁰ О национальном строительстве и советском казахском национализме – интервью Кашычки М.В. // 3.11.2019. https://caanetwork.org/archives/18487?fbclid=IwAR2uXRnk2viucDZDYX-NFaL3xlcuVrer0LSk9AaSrBGc72A_HpU1q2gHuR4 (дата обращения: 6.11.2019).

¹⁹¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 154–158.

¹⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 729. Л. 1–14.

вследствие чего «социально чуждыми элементами» были заполнены 40% должностей на областном уровне¹⁹³.

На Украине коренизация сопровождалась ожесточенными дискуссиями о роли национальной культуры¹⁹⁴. Важной особенностью, которую пришлось учитывать власти, была двойственная социокультурная ситуация, связанная с преобладанием русских в городах, тогда как украинцы не прошли стадии урбанизации. Свою роль сыграл и внешнеполитический фактор. Ведущая роль в решении национального вопроса в это время принадлежала национал-коммунистам, прежде всего бывшим боротьбистам¹⁹⁵, которые заняли ответственные посты в ЦК КП(б)У и Совнаркоме Украины (А. Шумский, Г. Гринько, В. Блакитный, П. Любченко и др.). Они предлагали привлечь к активному сотрудничеству лояльных власти представителей дореволюционной интеллигенции, ученых, издателей, журналистов, в том числе и находящихся за границей. Это предложение национал-коммунистов Украины вполне согласовывалось с мнением И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и других руководителей, которые признавали необходимость сотрудничества коммунистов на местах «с демократическо-революционной частью туземцев в продолжении довольно длительного переходного периода» (Н.И. Бухарин)¹⁹⁶; говорили о «подборе и привлечении более или менее лояльных элементов местной интеллигенции в советские учреждения»¹⁹⁷. Шумский и Гринько предлагали украинизировать всю систему народного образования, не ограничиваясь начальной школой, а также реорганизовать государственное издательство, чтобы увеличить тиражи издаваемых на украинском языке книг, газет и журналов. Более того, они были за смену партийно-советских руководителей в Киеве, отстаивая его центральную роль в культурной жизни республики в противовес Харькову. В руководстве Украины между тем были и другие взгляды¹⁹⁸.

На деле инициативы боротьбистов активно реализовывались руководством республики. Уже 23 мая 1923 г. было принято постановление Комиссии ЦК КП(б)У по национальному вопросу, утвержденное затем Политбюро ЦК КП(б)У. Предлагалось поставить украинский язык «в несколько привилегированное положение», в частности, декретирование обязательного знания обоих языков всеми госслужащими (срок изучения – год), издание законов на двух государственных языках, украинизация в течение года большей части делопроизводства ВУЦИК,

¹⁹³ См.: Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 62–63.

¹⁹⁴ См., например: «... перед нами на Украине стоит ... два задания». Письмо в комиссию ЦК КП(б)У 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 2. С. 118–131.

¹⁹⁵ Боротьбисты – левозерсовская, а затем коммунистическая партия на Украине. Создана на основе левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), отколовшегося от нее в мае 1918 г. и принявшего название Украинская партия социалистов-революционеров (боротьбистов) – УПСР(б). С марта по август 1919 г. носила название Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов) – УПСР(к). С 6 августа 1919 г. после объединения с левой группой Украинской социал-демократической рабочей партии («незалежных») стала называться Украинская коммунистическая партия (боротьбистов). Основатели и лидеры боротьбистов: В.М. Элан-Блакитный, Г.Ф. Гринько, А.Я. Шумский, М.Н. Полоз, П.П. Любченко, И.В. Михайличенко, А.Б. Ковалев, Н.Л. Шинкарь. Центральный печатный орган – газета «Боротьба» («Борьба») (с 23 февраля 1918 г. по 4 апреля 1920 г.).

¹⁹⁶ См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 115.

¹⁹⁷ Из проекта платформы по национальному вопросу к IV совещанию, одобренного Политбюро ЦК. См.: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей. Стенографический отчет. М., 1923.

¹⁹⁸ «... перед нами на Украине ... стоит два задания». Письмо в комиссию ЦК КП(б)У 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 2. С. 118–131.

СНК и наркоматов, наиболее тесно соприкасающихся с селянской массой, частичная украинизация школы (в т. ч. партийной)¹⁹⁹.

1 июня 1923 г. было принято дополнительное постановление Политбюро ЦК КП(б)У об издании украинского академического словаря, организации в Харькове Государственной украинской драмы, издании преимущественно украинской литературы, о сосредоточении в Харькове всех основных культурных центров. 12 июня 1923 г. Комиссия предложила первоочередные мероприятия по украинизации в самой партии и системе политпросвещения (украинизация части совпартшкол; увеличение часов для украинознатства в совпартшколах и школах политграмоты; перевод предметов украинознатства в школах и Университете им. Артема на украинский язык; организация из марксистски подготовленных лекторов кружков повышенного типа на украинском языке; переиздание марксистской литературы на украинском языке; организация повышенного типа курсов украинознатства для руководящих членов партии; перевод в течение года на украинский язык селянских газет в округах с украинским населением; проведение учета членов партии, владеющих языком, «для использования в украинизирующихся учреждениях»). Сюда же входили проведение агитпропработы на селе на украинском языке и перевод на него в течение года работы в сельских ячейках и парткомах; постановка перед ЦК РКП(б) вопроса о переброске на Украину партийцев, владеющих украинским языком; привлечение губкомами к работе в советских учреждениях украинской интеллигенции²⁰⁰. Меж тем на июньском пленуме ЦК КП(б)У 1923 г. при обсуждении проблем украинизации Шумский выступил против поспешности и принудительности в ее проведении, что могло привести к т. н. поверхностной «гетманской украинизации». Он также предлагал создавать новую национальную интеллигенцию не только на селе, но и из рабочей среды. В результате пленум признал необходимым привлечь ее к активной работе в советских учреждениях²⁰¹. Одновременно создавалась правовая база для украинизации: 27 июля 1923 г. принят декрет СНК УССР «О мероприятиях в деле украинизации школьно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений»; 1 августа 1923 г. – постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка»²⁰².

Усилению позиции активных сторонников украинизации в Киеве, традиционном центре украинства, способствовала смена Гамарника на посту председателя Киевского губисполкома национал-коммунистом Г. Гринько (июль 1923 г.); с декабря 1925 г. по декабрь 1927 г. этот пост занимал другой бывший боротьбист – П. Любченко²⁰³. В июле 1923 г. Шумский стал членом Оргбюро ЦК КП(б)У, затем

¹⁹⁹ См.: Національні відносини в Україні у XX ст. Збірник документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1994. С. 130.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 49.

²⁰² См.: Національні відносини в Україні у XX ст. С. 106–109.

²⁰³ Панас Петрович Любченко (1897–1937) – из семьи крестьянина. С 1913 г. член Украинской партии социалистов-революционеров. В 1918–1920 гг. он один из организаторов сначала украинской левозерсовской, позже коммунистической партии «боротьбистов». В 1920 г. вступил в КП(б)У. В 1927–1934 гг. секретарь ЦК КП(б)У, кандидат в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Одновременно с 1933 г. заместитель, в 1934–1937 гг. председатель СНК УССР. Входил в состав редколлегии журнала «Большовик України». В 1937 г. необоснованно обвинен в руководстве контрреволюционной националистической организацией. Покончил с собой. В 1965 г. реабилитирован.

заведующим агитпропотдела ЦК КП(б)У, а с сентября 1924 г. – наркомом просвещения УССР. КП(б)У и СНК Украины всячески способствовали возвращению в республику старой интеллигенции, которая согласилась сотрудничать с властью. В мае 1924 г. 8-я Всеукраинская партконференция приняла «Воззвание к украинской интеллигенции» с призывом вернуться на родину и принять активное участие в строительстве новой жизни. 6 августа 1925 г. комиссия по украинизации Политбюро ЦК КП(б)У²⁰⁴ рассмотрела вопрос об использовании украинской интеллигенции из Восточной Галиции, дабы выявить «все способные к работе силы и использовать их» в УССР²⁰⁵.

Все это дало результаты: в 1923 г. издательства Украины выпустили более 207 тыс. учебников, в том числе три четверти на украинском языке²⁰⁶. В 1924 г. количество газет, выходивших на украинском языке, увеличилось по сравнению с 1923 г. с 10 до 24; журналов – с 3 до 9²⁰⁷. Были созданы постоянные комиссии по выпуску литературы о В.И. Ленине и изданию его сочинений на украинском языке. В 1925 г. начал выходить журнал «Большовик України»²⁰⁸. Если на 1 апреля 1924 г. русскоязычные газеты имели тираж в 445 тыс. экземпляров, а украиноязычные – 90 тыс., то уже к 1 ноября 1925 г. русскоязычные газеты в УССР имели тираж 369 тыс., а украинские достигли 439 тыс. экземпляров, выходило 39 украинских газет²⁰⁹. В 1925 г., особенно после того, как в апреле республиканскую парторганизацию возглавил Л.М. Каганович, в деле украинизации в области образования и культуры произошел решительный перелом²¹⁰.

Вывод Е.Ю. Борисенко об успешности в целом проекта коренизации на примере Украины относится и ко всем другим республикам и регионам СССР. Действительно, функционирование языков титульных этносов расширилось за счет введения в официально-деловую сферу, науку, образование, на них выпускались периодические издания, книги и т. п.; поддерживалось развитие национальной культуры; были созданы условия для профессионального и карьерного роста национальных кадров, в т. ч. через вступление в партию и ответственные посты в советских учреждениях, увеличивалась численность националов среди студентов²¹¹.

Однако внедрение национальных языков было противоречивым. Так, на Украине в низовой культурной работе украинский язык употреблялся на 5,3%, причем в одном из профсоюзов Киева при 33% украинцев была проведена полная украинизация, а на Алмазной шахте Луганского округа ставили спектакли только на украинском языке, хотя русские рабочие составляли там 75% всех работающих.

²⁰⁴ Комиссия по украинизации Политбюро ЦК КП(б)У образована в апреле 1925 г. вместо существовавшей с 1923 г. Комиссии по национальному вопросу («Комиссии ЦК КП(б)У по выработке плана проведения в жизнь постановлений VII конференции и XII съезда партии»).

²⁰⁵ Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 120.

²⁰⁶ История Украинской ССР в десяти томах. Т. 7. Украинская ССР в период построения и укрепления социалистического общества (1921–1941 гг.). Киев: Наукова думка, 1984. С. 98.

²⁰⁷ Очерки истории коммунистической партии Украины. Издание 4-е, доп. Киев: Изд-во политической литературы, 1977. С. 355.

²⁰⁸ Там же. С. 368.

²⁰⁹ «Українізація» 1920–30-х років. С. 138.

²¹⁰ Борисенко Е.Ю. Указ. соч. С. 109–111.

²¹¹ См.: Борисенко Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализации в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941–гг.). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2016. С. 25, 23, 26.

За злостное нежелание учиться украинскому языку в 1925 г. в центральных учреждениях республики были уволены 263 работника (3,2% всех служащих). В Казахстане лишь в 1927 г. открыли курсы обучения европейцев казахскому языку. При краевых учреждениях обучались 740 чел.²¹² Но представители меньшинств в республике были не удовлетворены положением дел. В прениях по докладу о регулировании межнациональных отношений 12 мая 1927 г. участники совещания – немцы, украинцы, узбеки, таранчинцы, татары, мордвины, дунгане – заявляли о слабом учете их интересов при формировании местных органов власти, недостатке учебников и школ на родных языках и т. д. Они подчеркивали, что неправомерно говорить о тяжелом положении в прошлом лишь казахов, поскольку «все были угнетены», предлагали «нацменов выдвинуть на съезды и в соворганы», направлять их в вузы. Как признавал в октябре 1927 г. член краевой контрольной комиссии Таиров, «больше всего трения возникают на почве практического осуществления коренизации аппарата и на почве распределения работников разных национальностей, а также и на почве недостаточного вовлечения их в партийно-советскую работу»²¹³.

Как считают специалисты, диспропорции в этническом составе руководства партии не только в центре, но и в регионах, когда представители тюркских народов и украинцы были крайне малочисленны в них, изменяются к середине 1920-х гг. Сталин в лице новых кадров приобретал сторонников, поскольку низовые работники с периферии национальных окраин, недавно вступившие в партию, стремились занять места старых подпольщиков – «европейцев», которые плохо разбирались в национальной специфике и часто проводили политику откровенной русификации²¹⁴.

К середине 1927 г. в составе рабочих троек национальных ЦК и обкомов партии националы составили в Казахстане 44,9%, Узбекистане – 41,5, Азербайджане – 68,7, Татарии – 50, Украине – 41,6%. Коренизация была неравномерной: в Казахстане при 21,6% казахов среди членов профсоюзов в центральных профорганах их насчитывалось 32,4%, в Узбекистане же представители титульного этноса составляли 43,5% членов профсоюзов, а в их руководстве – 48,1%. В горсоветах КАССР казахов было 22,2%, тогда как в составе городского населения они составляли 13,6%, в то время как на Украине в горсоветах доля украинцев достигала 42,3%, а среди городского населения – 33,4%²¹⁵. В Таджикистане в 1927–1929 гг. прошла кампания под лозунгом «Борьба батрака и бедняка в союзе с середняком против байства и за полное овладение низовым советским аппаратом»²¹⁶.

Одновременно проводилось переконструирование сетевых структур взаимодействия центра с этнополитическими элитами, состав которых постепенно обновлялся одновременно с уточнением критериев большевизма для них, спо-

²¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 3, 7, 17–19.

²¹³ АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 710. Л. 1–6; Д. 709. Л. 42.

²¹⁴ См.: Наумов О.В., Филиппов С.Г. Руководящий партийный работник в 1924 и 1937 гг. Попытка сравнительного анализа // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 126.

²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 206. Л. 17–19.

²¹⁶ История Таджикской ССР. Душанбе, 1983. С. 209.

собов подготовки национальных кадров. Пример встраивания традиционных иерархических сетей в советскую систему в Азербайджане приводит Й. Баберовски²¹⁷. Наиболее предметно нюансы взаимоотношений центра и национальных элит, внутриэтнические отношения в становящемся политклассе союзных республик осветили Ш. Кадыров и Н. Масанов²¹⁸. Н. Брейфогле уточняет: в любом сложном наборе взаимодействий разных групп или отдельных лиц, процесс взаимодействия сам будет производить новые и неожиданные результаты и вместе с тем они меняют тех, кто был частью взаимодействия²¹⁹. От вынужденной импровизации в формировании большевистских национальных кадров и содержательном наполнении понятия «большевик» на основе минимального перечня критериев партия достаточно быстро перешла к утверждению регламента обязательных требований и базовых характеристик, который дополнялся и уточнялся в увязке с конкретными задачами социально-экономической модернизации в ходе реализации социалистического проекта.

Предложения о квалификации имперских/советских чиновников как бюрократов-полицейских, «садоводов-дизайнеров» или рефери²²⁰ укладываются в стереотипную объяснительную модель, в разных видах присутствующую в советологии и новейшей западной историографии. Такая версия основана на устойчивом представлении о неизбежном и объективно востребованном «цивилизационном долге» западного мира в отношении других социально-культурных систем, будто бы критически нуждающихся в их дизайнерских, полицейских или посреднических услугах. Неудивительно, что и в случае с Российской империей и СССР этот подход воспринимается как удобный и естественный, несмотря на оговорки об особом характере российского опыта или отрицание такового. Меж тем версия о перманентно «внешнем» характере советской системы для национальных республик вряд ли уместна. Она сознательно создавалась для непосредственного встраивания национальных кадров во все политические и иные институты, как и номенклатура, которая не только включала ее необходимую часть – этнобюрократию, но и специально контролировала наличие националов во всех звеньях и сферах власти, управления и всевозможных гражданских сетях. Конкретно-исторические исследования показывают: утверждения, что Москва действовала по принципу «разделяй и властвуй», а система управления в лице назначенцев центра функционировала исключительно на основе монолитной вертикали власти только в направлении сверху вниз, – являются весьма упрощенными и не отражают всю сложность исторической реальности. Становится очевидной немаловажная роль нацио-

²¹⁷ Баберовски Й. Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

²¹⁸ Масанов Н. Казахская политическая и интеллектуальная элита. Клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1999. № 1. С. 46–61; Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003.

²¹⁹ Брейфогле Н. Устойчивый Imperium: Россия/Советский Союз/Евразия как мультиэтническое, многоконфессиональное пространство // Аб империи. 2008. № 1. С. 83.

²²⁰ Брейфогле Н. Устойчивый Imperium: Россия/Советский Союз/Евразия как мультиэтническое, многоконфессиональное пространство // Аб империи. 2008. № 1. С. 101–116.

нальных акторов, прежде всего, правящей этнополитической элиты, в осуществлении советского проекта и придании ему того облика, который унаследовали бывшие советские республики в конце 1991 г.

Категоризация «нормального» типа большевика, как и разработка критериев классификации всего советского населения, выразившись в номенклатурных правилах, сделала этничность одним из формальных признаков. Он давал националам право на занятие определенной должности в советской бюрократической иерархии, в то же время обязывал центральный аппарат соблюдать установленный высшей властью баланс в составе руководства национально-государственных образований и их ведомств. Советская этнополитическая элита в рамках полномочий, предоставляемых центром для управления республиками, могла выступать, прежде всего для титульного населения, с позиций т. н. полицейских и, в случае неформального авторитета, традиционных для национальной культуры рефери²²¹. «Европейской» части элиты наибольшую активность приходилось проявлять, пожалуй, в качестве «садоводов», направляя на исполнение этой роли националов. В качестве рефери «европейцы» в национальных республиках и центре были вынуждены выступать в ходе внутризэлитных конфликтов националов.

В начальный период большевизм национальных кадров понимался главным образом как сочетание желательного революционного опыта, некоего партийного стажа и образования с морально-психологическими качествами, предполагавшими признание идей коммунизма, интернационализм, волю, настойчивость, дисциплинированность, умение создать и наладить работу органов власти и управления, вовлечь в партию как можно больше представителей титульного этноса должного социального происхождения. Как считает И. Оайон, служба в Красной армии и довольно редкое высшее образование у коммунистов в низшем звене власти были главными гарантиями лояльности к советскому режиму в Киргизской АССР²²². На примере соседнего Казахстана это подтвердить сложно: в Красной армии к 1920-м гг. служили единицы казахов, высшее образование имели лишь немногочисленные представители главным образом социальных верхов, и даже в руководстве автономии их было крайне мало. Да и высшее образование вряд ли можно считать гарантией большевизации и лояльности, особенно в изучаемый период.

Развитие экономики республик также связывалось с коренизацией, прежде всего через вовлечение коренного населения в состав рабочего класса²²³. Ускоренная перековка представителей титульных этносов, не прошедших урбани-

²²¹ О функции «садовода» в управлении см.: *Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework*. Stanford, 2003; Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2010. С. 140.

²²² См.: Оайон И. Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920–30-х годах // *Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации*. Ташкент, 2009. С. 68.

²²³ См.: Борисенко Е. Ю. Концепции «украинизации» и их реализации в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2016. С. 25, 23, 26.

зацию, в пролетарское ядро, призванное быстро пополнить еще и ряды управленцев, повсеместно натывалась на объективные препятствия. На Украине собственно титульная этноидентичность активно внедрялась сверху. Перепись 1926 г. сыграла в этом смысле важную роль, поскольку обеспечила увеличение доли украинцев за счет привязки населения по месту рождения или из конъюнктурных соображений. В рядах рабочего класса украинцы по происхождению и языку преобладали среди временных, строительных и сельскохозяйственных рабочих. К 1929 г. в составе промышленного пролетариата украинцы насчитывали 48%²²⁴.

На V пленуме ЦК ВЛКСМ (16–21 июня 1927 г.) представитель Грузии признал: «... в Закавказье в смысле выдвижения рабочего ядра есть большие достижения. В 22–23 году у нас рабочее ядро состояло не из коренного населения ... Молодежь, занятая на производстве, в большинстве была русской, и это сильно мешало выдвижению рабочего ядра из коренной национальности ... Рабочее ядро в основном из коренной национальности слабо выдвигается ... Сейчас нужно со всей резкостью поставить перед национальными организациями вопрос о пролетаризации актива.

Относительно учебы – мы направляем из национальных организаций в вузы товарищей, они приезжают на места и уже непригодны для союзной работы, витают в небесах, оторваны от практической деятельности. Здесь в центре, в Москве, нужно побольше привлекать комсомольцев-вузовцев на практическую работу, чтобы теоретическое обучение было увязано с практической работой, а то благодаря теоретической учебе часто многие хорошие ребята отрываются от практической работы союза»²²⁵. Проведение коренизации поэтому не исключало массового командирования на окраины руководителей из Центра. Только в 1923 г. Орграспредотдел ЦК направил на периферию более 10 тысяч человек, из которых больше половины составляли ответработники²²⁶.

На Северном Кавказе уровень социально-экономического и культурного развития народов не позволил осуществить амбициозные замыслы коренизации. Относительно успешными кадровые реформы были только в Кабарде и Северной Осетии. Однако, крупные партийные и советские работники из горцев не рвали прочных связей с родовыми объединениями даже после вступления в ВКП(б). Центр вынужден был терпимо относиться к расхождению между требованиями идейно-нравственной чистоты по большевистским параметрам и реальностью, в которой рекрутировалась «новая горская аристократия». Как отметил один из историков, жители равнин более охотно откликались на культурные новации, чем консервативно настроенные группы, в основном из за-

²²⁴ Мирчук А.В. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 182–183.

²²⁵ ИАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 265об–266.

²²⁶ Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры // Огонек. 1989. № 1. С. 13.

мкнутых обществ горной местности. Подготовленные националы, направленные в горные районы своих республик, часто не пользовались авторитетом у местного населения, что увеличивало социальное напряжение. Не прекращалось и вооруженное сопротивление власти. Руководители-националы зачастую оказывали содействие антисоветским формированиям по убеждению или под страхом расправы²²⁷.

В июне 1926 г. секретарь Сыр-Дарьинского губкома партии сообщал в ЦК ВКП(б), что при обследовании одной из волостных организаций Аулие-Атинского уезда (Аулие-Ата, в 1936–1938 гг. Мирзоян, затем Джамбул) партработники столкнулись с фактом групповой сдачи кандидатских карточек. Объяснения для начальства были даны в полном согласии с традиционной культурой: «Нас записали в прошлом году, когда была родовая вражда при пере выборах Советов. В нынешнем году мы не победили, так зачем нам состоять в партии, только членские взносы платить»²²⁸. Этнобюрократия активно использовала дисциплину обычного права (делеги́рование полномочий по представительству и защите интересов по традиционной социальной иерархии), партийную борьбу против оппозиций во внутриэтническом соперничестве, обеспечивала этносоциальную перекодировку символов и атрибутов власти, форм и инструментов управления. С другой стороны, партийные руководители на местах стремились использовать традиционных лидеров в интересах укрепления советской власти. Так, секретарь оргбюро РКП(б) Чеченской области Азнарашвили сообщал секретарю Юго-Восточного бюро ЦК А.И. Микояну в октябре 1923 г., что твердо намерен использовать авторитет «ярко панисламистской фигуры 96-й пробы» А. Митаева, чтобы «придать его деятельности, которую никакими силами не остановишь до его смерти, официальный вид». Митаев был введен в областной ревком для «нажима на население» в организации продналога, борьбе с бандитизмом и пр. «Лавирование между общественно-авторитетными группировками», признавал далее Азнарашвили, сохранится всерьез и надолго²²⁹. Как считает один из исследователей, «низкий процент членов партии в регионах Северного Кавказа ослаблял влияние низового партийного аппарата», что определяло относительную самостоятельность советов на местах. В деятельности советского низового аппарата элементы демократии проявлялись сильнее, чем в партийном аппарате. Впрочем, и партийные, и советские работники «из северокавказских горцев... не рвали прочных связей со своими родовыми объединениями: кланами, тейпами, даже после вступления в ВКП(б)»²³⁰. Так или иначе, формальная советизация продвигалась повсеместно, о чем свидетельствуют следующие данные.

²²⁷ См.: Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.). Автореф. дисс. ... д.и.н. Армавир, 2008. 58 с.

²²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 54. Л. 7.

²²⁹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. С. 162, 164.

²³⁰ Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа). Автореф. дисс. ... д.и.н. Ставрополь, 2019. С. 8, 32.

Представительство титульных этносов по итогам перевыборов сельсоветов 1925–1926 г.²³¹

Автономная республика или область	% представителей титульного этноса
Калмыкия	22,7
Вотская	58
Дагестан	91,7
Карелия	45,7
Казахстан	55,2
Чувашия	77,4
Якутия	96,6
Кабардино - Балкария	82,1
Карачаево - Черкесия	39
Марийская	53,6
Ойратская	44,6
Чеченская	97,8
Адыго - Черкесская	47
Ингушская	98,3

Представительство коренного и русского населения в уездных, кантональных и улусных исполкомах автономий РСФСР после выборов 1925–1926 г. (в процентах), подтверждает успехи коренизации²³².

Название	Коренного населения	Русских	Название	Коренного населения	Русских
Калмыкия	84,9	11,8	АССР немцев Поволжья	63,0	23,8
Коми АО	84,7	11,9	Вотская АО	55,8	38,2
Чувашская АССР	74,7	21,6	Татарская АССР	52,5	38,6
Ингушская АО	Нет данных		Карельская АССР	47,2	49,0
			Башкирская АССР	31,9	36,7

Заполнение чиновничьих структур национальными кадрами зависело от масштабов и качества их подготовки. С учетом низкого уровня общей грамотности, который имело большинство народов СССР в начальный период его формирования и развития, эта задача была крайне сложной. Власть оперативно разворачивала сеть учебных заведений – от начальных до высших – для подготовки специалистов всех направлений – социально-экономического, культурного, военного и др., при одновременном проведении всесторонней модернизации хозяйства, социальной сферы, инфраструктуры и т. д. Для создания руководящих и

²³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 40. Л. 20–21.

²³² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 40. Л. 65–66.

квалифицированных кадров из представителей местных народов предусматривалось широкое привлечение их в систему среднего и высшего образования. В частности, за 1924–1930 гг. Всесоюзный Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) подготовил 549 советских работников, представлявших 54 национальности. Среди выпускников этого и Среднеазиатского комвузов было, к примеру, около 10 киргизов, с 1931 г. число обучавшихся киргиз существенно выросло²³³. Подготовленные специалисты-националы имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности²³⁴.

Эта грандиозная программа реализовалась в экстремальных условиях, при остром дефиците педагогов, финансов, технических средств и методического арсенала, а параллельно формировавшийся управленческий класс по необходимости пополнялся прежде всего на основе лояльности власти и большевистской идеологии при минимальной наличной образованности и желательном опыте организаторской и политической деятельности. При формировании этнобюрократии соблюсти данные критерии зачастую было особенно сложно в связи с требованиями пролетарского или бедняцкого крестьянского происхождения. Так, один из представителей мест на 2-м объединенном пленуме Казкрайкома и краевой контрольной комиссии 3–7 февраля 1931 г. заявил: Крайком предлагает послать на курсы определенное количество людей, чтобы были батраки, окончившие 7-летку и с 5-летним партстажем. Но «таких батраков в казахских районах не найти». Аналогичная ситуация была и в Киргизии²³⁵.

В Крыму в 1929 г. в сельсоветы было избрано 4325 депутатов, в т. ч. 1598 крымских татар (37,0%), а в 1930–1931 гг. соответственно 4464 и 1577 (35,3%). Среди 460 председателей сельсоветов в декабре 1931 г. крымских татар было 190 (41,5%). На 1 января 1931 г. удельный вес татар в областных и районных аппаратах по всем категориям работников составил 10,4%, на 1 сентября 1934 г. – 21%. Среди руководящего и административно-технического персонала республики на 1 января 1931 г. насчитывалось 9% крымских татар, через год – 18%. В районах, где крымские татары составляли значительное большинство, их удельный вес в аппарате управленцев достигал 60–90%. В ЦИК Крымской АССР в 1932 г. крымские татары составляли 50,4%, в исполкомах 16 районных советов – 40%, в управленческом аппарате промышленности – 55%²³⁶. В Якутии с 1927–1928 гг. число туземных советов выросло с 27 до 99. Но реальное влияние их на социальную практику было невелико. ЦИК ЯАССР признавал в мае 1930 г., что «аппарат власти слаб, малограмотен, неопытен... Малокультурность населения, сохранившиеся в значительной степени старые социально-классовые отношения, родовые традиции – все это делает состояние Якутского севера чрезвычайно отсталым даже в отсталой Якутии»²³⁷. Действительно, к 1935 г. здесь было коллективизировано 55,7% крестьян-

²³³ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 652–653; Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 71.

²³⁴ См.: Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 43.

²³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 58. Л. 45; Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 69–71.

²³⁶ История Крыма. Т. 2. М., 2017. С. 486.

²³⁷ Гезер М. Пять лет советского строительства среди народов Севера // *Власть Советов*. 1930. № 27. С. 10; Условия работы сельсоветов в автономных республиках и областях // Там же. С. 12.

ских хозяйств, создано 12 совхозов и 12 МТС, имелись пединститут и 13 техникумов. Но грамотность взрослых составляла 55%, в 1936–1937 гг. предстояло обучить 30 тысяч неграмотных и 17 тысяч малограмотных. Если до революции в регионе было 10 лечебных учреждений, то к середине 1930-х – 72, предстояло строительство тифозной стационарной больницы и направить 30 врачей²³⁸.

Советская власть создавала новую систему социальных координат, в которой «национальность» стала играть одну из ключевых ролей. Укрепление позиций местных элит определялось ее значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций²³⁹. Как отмечает Е.Ю. Борисенко, коренизация на Украине привела к формированию этнической элиты с ее ядром в лице этнопарткоратии, которая приватизировала республиканские интересы и стремилась всячески расширить полномочия республики. Как и в других республиках, центр не мог полностью контролировать внутриэлитные процессы²⁴⁰.

С конца 1920-х гг. коренизация смещается с первых позиций в ориентирах власти, транслируемых на места. Логика масштабных социально-экономических преобразований диктовала усиление борьбы с сохранявшимися проявлениями амбиций национальных элит, окрепших вследствие коренизации, и рост консолидирующих тенденций. Вряд ли можно согласиться, что метод коренизации стал самым важным в работе с национальными кадрами, «так как явился маневром в ликвидации сепаратизма национальных окраин и одним из способов подчинения национального вопроса классовому»²⁴¹. Т. Мартин отмечает, что Украина, Татарская и Казахская АССР сами инициировали коренизацию, тогда как центр был против, учитывая неутешительные результаты начавшейся программы. Лишь свидетельства и опасения роста межэтнических противоречий вследствие вытеснения русских и других нетитульных национальностей, наряду с острой нехваткой кадров специалистов и усилением внутринациональных склок, заставили Москву перейти к «функциональной» коренизации²⁴².

Первоисточники и логика большевистской политики доказывают: главная проблема состояла в создании логичной, прозрачной и, конечно, контролируемой системы эффективного взаимодействия центра и регионов, в успешном проведении социально-экономических преобразований на общей для всей страны основе. Провести их было невозможно без устойчивого и достаточно работоспособного корпуса управленцев. Их этническая принадлежность в национально-государственных образованиях должна была подтвердить национальное равенство и политическое самоопределение, а включение в состав этого корпуса сторонников власти – единственно возможный способ функциониро-

²³⁸ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 8. Д. 71. Л. 2, 7–8.

²³⁹ См.: Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008. С. 116.

²⁴⁰ Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 240.

²⁴¹ Смагулов Н.К. Кадровая политика большевиков в партийных и государственных органах Казахстана в 1917–1936 гг. Караганда, 2011. С. 14.

²⁴² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. С. 196–206.

вания любого государства, независимо от его идеологии. Это совсем не означает оправдания набиравшей силу тенденции к сужению демократических начал, переросшую в утверждение тотального единовластия Сталина и репрессий против всех слоев общества в 1930-е годы. Демонстративное продвижение национального самосознания, развитие национальных культур в качестве признака советской государственности и прогресса социализма с точки зрения власти не противоречило репрессиям против «буржуазных националистов», которые препятствовали продвижению к типу общества, объединившему народы на основе новой для человечества идее²⁴³.

Принцип политизации этничности реализовался и поддерживался механически, на деле наполнение органов власти и управления национальными кадрами не означало ожидаемого обеспечения советскости в том воплощении, которое представлялось центру. Впрочем, Е.В. Туфанов выделяет другой, не менее важный эффект, имевший место по всей стране: на Северном Кавказе именно коренизация обеспечила «ускорение создания письменности для бесписьменных языков, ликвидацию неграмотности, появление национальной литературы, профессионального искусства»²⁴⁴.

Индустриализация и коллективизация, массовый голод и массовые репрессии 1932–1933 гг. против «националов» в т. ч. обусловили серьезный поворот в этнополитике. Он получил оформление в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г., прямо связанном с этнокультурным многообразием и идентичностью людей. «Небольшевистская украинизация» объявлялась причиной срыва хлебозаготовок и подлежала корректировке с усилением русского языка во всех сферах и изгнанием «буржуазно-националистических элементов» из всевозможных организаций. Провал хлебозаготовок подстегнул стремление центра усилить местную номенклатуру посредством ее тотального обновления за счет исключения из ее рядов т. н. националистических элементов. Весной 1933 г. Политбюро приняло постановление «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», где «всяческая поддержка строительству национальной по форме и интернациональной (пролетарской) по содержанию культуры ... в условиях растущего подъема (торжества) национальной культуры» связывалась с расширением сферы применения русского языка²⁴⁵.

Историки бывших советских республик, сосредоточенные на изучении и освещении «взгляда изнутри», как правило, сходятся в суждении, что коренизация стала полем битвы между «национал-коммунистами» и давящим на них центром, выделяя общие для всех сферы распространения коренизации – язык, культура в

²⁴³ Hoffman D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Cornell University Press, 2018. P. 167–168.

²⁴⁴ Одновременно он считает, что коренизация активизировала межклановую конкуренцию во власти, а также могла укрепить влияние мусульманского духовенства, что, наряду с нехваткой средств, привело к сворачиванию этой политики. См.: Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа). Автореф. дисс. ... д.и.н. Ставрополь, 2019. С. 33, 11.

²⁴⁵ Там же. Книга 1. С. 696–698, 702–703.

целом, делопроизводство и управленческий аппарат. Ст. Кульчицкий критикует и тех, кто в национальной историографии идеализирует, по его мнению, большевика Н. Скрыпника, и Т. Мартина – за некий перекосяк в оценке коренизации, правда, без внятных аргументов. Он считает, что присоединение к Украине соседних областей РСФСР с украинским населением было желательным, но невозможно, потому что центр выражал русские национальные интересы, правда, тут же признавая отсутствие привилегий у русских. Политический режим называется независимым не только от партии и общества, но и от самой номенклатуры²⁴⁶. Остается непонятным, что же представлял из себя в итоге этот самый режим и как он мог функционировать без номенклатуры, органическую часть которой составляли в 1930-е гг. национальные кадры. Подтверждающие детали украинизации и белорусизации в российских регионах показал К.С. Дроздов²⁴⁷.

Белорусские авторы подчеркивают, что коренизация, основной задачей которой было овладение белорусским языком, выступала одновременно и как партийная, и как четко выраженная государственная политика. Они считают белорусизацию детищем национально ориентированной части партии, которая выражала национальные интересы. На X съезде КП(б) Белоруссии в январе 1927 г. указывалось: вся партия должна пройти изучение языка и предметов т. н. белорусоведения, чтобы оказывать влияние на все сферы культуры и национальную интеллигенцию²⁴⁸. Крутой поворот, завершивший коренизацию в связи с изменением всего курса партии, обозначается современными историками республики концом 1929 – началом 1930 г., когда она стала расцениваться как проявление буржуазно-демократической идеологии, действий националистической интеллигенции и белорусского шовинизма, который исповедовали в классовой борьбе кулаки²⁴⁹. Белорусизация стала очевидной реальностью, но вместе с тем налицо были и проявления антибелорусизации, которая проводилась в скрытой форме. Начало 1930-х гг. охарактеризовано как окончание политики коренизации в республике²⁵⁰. Украинские авторы относят его к 1938 году²⁵¹. Фактическая сторона дела сводится к тому, что поскольку официально завершение коренизации не объявлялось и даже подчеркивалась необходимость ее продолжения (ЦК КП(б) Белоруссии в 1930 г. осудил свертывание белорусизации²⁵²), подготовка национальных кадров для всех сфер жизнедеятельности оставалась необходимостью, но акценты переместились в экономику. Индустриализация и коллективизация ускорили рекрутирование масс в производство, где советские

²⁴⁶ Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 14, 13.

²⁴⁷ Дроздов К.С. Советская этнополитика в региональном измерении: украинцы и белорусы РСФСР в 1920–1930-х гг. (Сравнительно-исторические очерки). М., 2019.

²⁴⁸ X съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Стенографический отчет. Мн., 1927. С. 29.

²⁴⁹ Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мн: БДУ, 2001. С. 6–7, 13, 21.

²⁵⁰ Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. Мн: БДУ, 2001. С. 22, 24. Автор предисловия – Р.П. Платонаў.

²⁵¹ Анализ украинской историографии дала Е.Ю. Борисенко. См.: Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 4–14.

²⁵² История белорусской государственности. В 5 т. Т. 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). Мн., 2019. С. 490.

граждане всех национальностей приобретали новые стандарты организации труда и быта, проходили ускоренную социализацию, а национальные языки становились способом коммуникации в трудовых коллективах, что не мешало быстрому распространению русского языка, обеспечивавшего межкультурную интеграцию, особенно через образовательные учреждения и армию.

Однако обеспечить реальное включение титульных народов в управление было сложно. Как признавал тогда же инструктор Президиума ВЦИК П.Д. Самойлович, «принадлежность ряда работников к бурятской национальности не означает, что в их лице мы имеем людей, способных провести активную коренизацию. Обследование 42 центральных учреждений показало, что из 364 работников бурят грамотных по-бурятски только 67 чел., малограмотных – 41 и неграмотных – 256. Не знающих бурятского языка – 7 чел. По данным НКЮ РКИ по 7 аймакам из 5 124 работников бурят 2 268 и русских 2 047. При этом ... буряты по преимуществу работают на руководящих политических должностях и в качестве обслуживающего персонала. Оперативно-технические работники буряты по этим 7 районам составляют абсолютное меньшинство». Руководство автономии повсеместно предпочитало административный нажим, угрозы, незаконные вычеты с заработков председателей сельских и аймачных советов, а чистка советских органов (по 8 районам «вычистили» 515 чел.) «не дала эффекта»²⁵³.

Подготовленные специалисты в национальных республиках имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности, но крайний дефицит педагогических кадров обусловил перекоп, сохранявшийся почти весь советский период. У многих народов, не имевших достаточной по численности интеллигенции, надолго стали преобладать специалисты гуманитарного профиля²⁵⁴.

Как видно из таблицы, лучшие показатели по привлечению представителей титульных этносов в вузы к середине 1930-х гг. были у союзных республик, за исключением Туркменской, где их не было в вузах для отраслей индустрии и социально-экономических. Чуть лучше дело обстояло в Азербайджанской ССР, наибольшие успехи в подготовке кадров высшей квалификации имели республики, представлявшие славянские народы (хотя к коренным народам здесь были отнесены и наиболее многочисленные там национальные меньшинства), Армения и Грузия. Причины отставания ряда республик, очевидно, кроются не только в недостатках обучения на русском языке, но и в малочисленности самих вузов, научных и преподавательских кадров для них. Среди автономий лучшее положение было в Татарской АССР, традиционно имевшей неплохие основания для этого, а также в Казахской и Башкирской АССР, где замечен перекоп в привлечении национальных кадров в социально-гуманитарную сферу. Остальные автономии, созданные позднее, имевшие худшие стартовые и бюджетные возможности, заметно

²⁵³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 290–291, 286–289.

²⁵⁴ См.: Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 43.

отставали практически по всем показателям. Следует учитывать также, что таблица не содержит сведений о соотношении студентов из союзных и автономных республик, обучавшихся в вузах на месте и за их пределами.

Число учащихся коренных народностей в вузах на 1 октября 1933 г. по национальным республикам²⁵⁵.

Республики и народности	Отрасли					Итого
	Индустрия	Сельское хозяйство	Социально - экономическая	Просвещение	Медицина	
1. Башкирская АССР						
Всего учащихся	–	354	216	506	504	1580
Давших сведения	–	354	216	506	504	1580
Башкир и татар	–	158	129	327	209	823
В % к итогу	–	44,3	59,8	64,5	41,4	53,9
2. Казахская АССР						
Всего учащихся	121	1964	–	916	615	3616
Давших сведения	121	1414	–	181	615	2331
Татар ²⁵⁶	33	678	–	168	225	1104
В % к итогу	27,3	48,1	–	92,8	36,6	47,4
3. Карельская АССР						
Всего учащихся	–	–	–	181	–	181
Давших сведения	–	–	–	181	–	181
Карелов	–	–	–	95	–	95
В % к итогу	–	–	–	52,5	–	52,5
4. Киргизская АССР						
Всего учащихся	–	–	–	78	–	78
Давших сведения	–	–	–	78	–	78
Киргизов	–	–	–	24	–	24
В % к итогу	–	–	–	30,8	–	30,8
5. Крымская АССР						
Всего учащихся	–	221	–	711	489	1421
Давших сведения	–	н.с. ²⁵⁷	–	711	н.с.	711
Татар	–	н.с.	–	149	н.с.	149
В % к итогу	–	–	–	21,0	–	21,0
6. Республика немцев Поволжья						
Всего учащихся	–	267	–	236	–	503
Давших сведения	–	219	–	н.с.	–	219
Немцев	–	219	–	н.с.	–	219
В % к итогу	–	100	–	–	–	100
7. Татарская АССР						
Всего учащихся	1995	2094	469	2590	1500	8648
Давших сведения	1213	1499	н.с.	1465	1500	5677

²⁵⁵ Бейлин А.Е. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, В/О «Союзгоручет», 1935. С. 309–311.

²⁵⁶ Так в тексте. Вероятно, опечатка: должно быть «казахов».

²⁵⁷ Н.с. – нет сведений.

Татар	308	345	н.с.	310	425	1388
В % к итогу	25,5	25,0	–	21,1	28,3	24,5
8. Чувашская АССР						
Всего учащихся	–	202	–	314	–	516
Давших сведения	–	202	–	314	–	516
Чувашей	–	153	–	280	–	433
В % к итогу	–	76,1	–	890	–	83,5
9. Украинская ССР						
Всего учащихся	52238	10465	6338	22853	9756	101645
Давших сведения	48926	8543	4945	22853	9756	95023
Украинцев и поляков	22031	6693	2368	15746	4960	51798
В % к итогу	45,9	78,8	47,5	68,7	51,0	54,7
10. Белорусская ССР						
Всего учащихся	3667	2390	2005	3494	1462	13018
Давших сведения	2549	1754	1528	3132	1462	10416
Белорусов, евреев и поляков	2412	1612	1472	3002	1356	9894
В % к итогу	94,8	92,2	96,4	95,7	96,0	95,2
11. Азербайджанская ССР						
Всего учащихся	4637	–	734	1844	1559	8784
Давших сведения	4079	–	144	807	н.с.	4530
Тюрков	1233	–	113	52	н.с.	1398
В % к итогу	30,1	–	78,4	17,0	–	30,9
12. ССР Армении						
Всего учащихся	628	1074	421	603	470	3196
Давших сведения	628	1074	н.с.	н.с.	н.с.	1702
Армян	617	804	н.с.	н.с.	н.с.	1421
В % к итогу	98,5	75,1	–	–	–	83,6
13. ССР Грузии						
Всего учащихся	6638	2912	2247	2596	2051	16446
Давших сведения	5982	2134	н.с.	221	1828	10175
Грузин	4041	1694	н.с.	214	1727	7676
В % к итогу	67,5	79,5	–	97,0	94,7	76,0
14. Узбекская ССР						
Всего учащихся	2070	2037	2157	2735	1602	10601
Давших сведения	1102	н.с.	961	1681	427	4171
Узбеков	184	н.с.	217	639	295	1365
В % к итогу	16,7	–	25,7	38,0	69,0	32,7
15. Туркменская ССР						
Всего учащихся	–	611	–	470	170	1251
Давших сведения	–	611	–	470	н.с.	1081
Туркмен	–	42	–	186	н.с.	228
В % к итогу	–	6,8	–	39,5	–	20,9

Трудности своевременной подготовки научно-технических кадров в условиях форсированной индустриализации оправдывали операциональный подход – направление русскоязычных и прежде всего русских специалистов в промышленность, проектно-конструкторские и т. п. учреждения национальных регионов.

Впрочем, наиболее важно то, что в той или иной форме, как показано в постсоветской историографии, коренизация оказала важнейшее количественное и качественное влияние не только на управленческий класс в республиках, но и на отношения национальных элит с центром, их роль в обеспечении индустриализации и коллективизации. Региональные воплощения политики коренизации демонстрируют многообразие практического опыта советского нациестроительства и его общие черты. Везде центру пришлось, наряду с поддержкой этнокультурного многообразия в его кадровом воплощении, одновременно находить способы противодействия нежелательным последствиям такой поддержки, вплоть до репрессий против «национал-уклонистов», обеспечивая их силами всестороннюю модернизацию бывших имперских окраин с очевидными различиями в достигнутых к 1917 году стартовых возможностях.

Складывание реальной многонациональной советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации общества, отнюдь не привело к исчезновению архетипов традиционной культуры. Советы, общественные организации, выполняя функции социализации и применяя некие, часто символические, меры поощрения трудовой активности и политической лояльности, для большинства стали одной из взрослых игр в общей схеме правил, предписанных извне и условно принятых тружениками «гигантской лаборатории коммунизма». Активисты же и аппарат низовых управленческих и общественных структур выполняли роль посредников в передаче директив сверху вниз и главным образом победных реляций как части массового действия – снизу вверх.

Теоретически утверждение начал социальной справедливости предполагало новые ценностные и институциональные нормативы прогресса, в частности, прежде всего в позиции и действиях рекрутируемых во власть национальных кадров. На практике, наряду с реализацией социально-инженерных проектов формирования советской идентичности (социальное равенство, неприятие частной собственности, коллективизм, светскость), власть и ее представители опирались и на традиционные приоритеты массового сознания и глубоко укорененных собственных установок – патриархальный общинный уклад, признание авторитарного характера и патерналистской роли государства, сакрализацию власти, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры. Они переплетались с постепенно внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных установок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики. Как подметил Д. Хоффман, сталинизм не только отражал современные ему политические практики, он вместе с тем не был ни возвратом к дореволюционному прошлому, ни воплощением лишь социалистической идеологии²⁵⁸.

²⁵⁸ Hoffman D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Cornell University Press, 2018. P. 13.

Попытки отстоять право на принятие самостоятельных решений, корректировать жесткую линию центра давали повод для обвинений в национализме (национально-демократическое течение в среде белорусской интеллигенции, деятельность Н. Скрыпника на Украине и др.). Наркомпрос Украины Скрыпник пытался добиться большей самостоятельности Украины, обеспечивал рост кадров украинцев в республиканских Наркомпросе, Наркомземе, Наркомюсте. В ноябре 1932 г. на пленуме ЦК КП(б)У С.В. Косиор расценил это как захват важных постов петлюровцами. В том же и в следующем году ЦК ВКП(б) отреагировал жесткими заявлениями на меры Скрыпника, который, не выдержав травли, застрелился²⁵⁹. Х. Куромия на примере дела 1930 г. о «Союзе освобождения Украины» показал, что индустриализация усиливала рост национализма в этнически разделенном городском и сельском населении республики. Власть осознавала опасность урбанизации украинцев и использовала процесс для наступления на украинский национальный коммунизм в 1932–1933 гг. В то же время автор не стремится преувеличить степень украинского национального сопротивления Сталину, справедливо подчеркивая, что правящий режим подавлял любую оппозицию генеральному курсу, которая могла мобилизовать в своих целях и этничность. В целом повсеместно нараставшая борьба против т. н. проявлений великодержавного шовинизма и местного национализма приобретала болезненный и затяжной характер, часто трансформировалась в провоцирование групповых конфликтов внутри национальных элит, которые умело использовались партийным аппаратом в интересах укрепления власти номенклатуры²⁶⁰.

Попытки отстоять право на принятие самостоятельных решений, корректировать жесткую линию Центра давали повод для обвинений в национализме (национально-демократическое течение в среде белорусской интеллигенции, деятельность Н. Скрыпника на Украине и др.)²⁶¹. В 1930 г. отдел национальностей ВЦИК обратился в Наркомат юстиции с предложениями усилить борьбу, вплоть до судебной ответственности, с «социально вредными» явлениями, нарушающими «здоровые» межнациональные отношения: «Как местная печать, так и поступающие с мест материалы свидетельствуют о слабости борьбы с проявлениями местного национализма и в особенности великорусского шовинизма. Борьба с этими явлениями будет иметь успех только при условии, когда она будет проведена объединенными усилиями советских и общественных организаций, когда наряду с развертыванием политико-разъяснительной работы по интернациональному воспитанию трудящихся будет проводиться решительная борьба с этими общественно опасными явлениями и по линии органов Прокуратуры и суда»²⁶². Развернулась борьба с т. н. «националистическими уклонами». В ходе партийной чистки из ВКП(б) было исключено (в том числе в союзных республиках) 18,3% прошедших ее²⁶³. В условиях массовых репрессий 1937–1938 гг. высшие партий-

²⁵⁹ Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов-на-Дону, 1995. С. 82, 83.

²⁶⁰ Куромия Х. Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины» // Отечественная история. 1994. № 1. С. 190–197.

²⁶¹ Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов-на-Дону, 1995. С. 82, 83.

²⁶² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 47. Л. 12–12 об.

²⁶³ История КПСС. Т. 4. Кн. 2. М., 1971. С. 283.

ные и хозяйственные кадры в республиках оказались под ударом. Бюро ЦК компартий Туркмении и Украины были репрессированы в полном составе. До трети репрессированных в условиях Большого террора составили представители народов СССР²⁶⁴. В первую очередь это были этнические элиты.

В то же время, как верно отметила Ш. Фицпатрик, хотя «сталинское правление представляло собой разновидность личной диктатуры – но одного этого термина совсем недостаточно для того, чтобы понимать, как она функционировала»²⁶⁵. По переписи 1939 г., например, на Украине украинцев в аппарате было более половины всех высших административных работников, в Грузии грузины среди руководителей учреждений составляли 68,7%, а в Армении армяне – 93,5%. При этом управленческий аппарат был многонациональным. В той же Грузии, кроме грузин и русских, среди управленческих кадров было немало армян, а в Армении были представлены турки. В Узбекистане среди руководителей госучреждений узбеки насчитывали 37%, а среди высшего юридического персонала – 33%; русских, украинцев в аппарате было 53,4%; кроме того, 6% работников аппарата составляли таджики. В Казахстане казахов среди руководящих кадров госучреждений было 22,4%, русских было в аппарате 54,4, среди юристов – 44,4; украинцев соответственно – 10,1 и 9,8%. Таким образом, административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный²⁶⁶. Среди 1617 сотрудников центрального аппарата наркоматов Туркмении в 1939 г. было 114 туркмен; в 1941 г. в руководящих органах КП(б)Т националов было менее половины²⁶⁷.

В условиях массовых репрессий 1937–1938 гг. высшие партийные и хозяйственные кадры в республиках оказались под ударом. В 1937 г. было сфабриковано дело так называемой «контрреволюционной панмонгольской, националистической, повстанческо-диверсионной, вредительской организации» во главе с первым секретарем Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М.Н. Ербановым. На 18 марта 1938 г. по данному делу были арестованы второй секретарь обкома ВКП(б) БМАССР А.А. Маркизов, председатель СНК республики Д.Д. Доржиев, председатель Бур-ЦИКа И.Д. Дампилов, секретарь обкома ВЛКСМ, три заведующих отделами обкома ВКП(б), 14 наркомов, 11 секретарей айкомов ВКП(б), 7 представителей аймисполкомов. В 1935–1940 гг. в Якутии по разным политическим процессам проходило 3 030 чел., в т. ч. 134 приговорены к расстрелу²⁶⁸. Бюро ЦК компартий Туркмении и Украины были репрессированы в полном составе. До трети репрессированных в условиях террора составили представители народов СССР²⁶⁹.

²⁶⁴ Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. С. 96; Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1941 гг. М., 1994. С. 257; Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. 70. № 4. P. 813–861.

²⁶⁵ Фицпатрик Ш. В команде Сталина // Soviet History Discussion Papers. 6 (2015) [Электронный ресурс] http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/fitzpatrick_team (дата обращения: 30.06.2015).

²⁶⁶ Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 37.

²⁶⁷ Там же. С. 106–107.

²⁶⁸ Улан-Удэ-350: история и современность: В 2 т. Т. II. XX–XXI вв. Иркутск, 2016. С. 111; Борисов А.А. Исторический опыт нацистского строительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 223.

²⁶⁹ Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003. С. 96; Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1941 гг. М., 1994. С. 257; Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. 1998. 70. № 4. P. 813–861.

Белорусские историки предлагают: при анализе масштабов и хода репрессий нужно учитывать также деятельность контрреволюционных организаций, действовавших в республике. Правда, приведенные примеры подтверждают, что репрессивный механизм по мере роста масштабов его действий, распространялся все больше на не причастных к антисоветским действиям граждан, независимо от национальности²⁷⁰.

В первую очередь это была элита, представленная в республиках титульной национальностью. В то же время, как верно отметила Ш. Фицпатрик, хотя «сталинское правление представляло собой разновидность личной диктатуры – но одного этого термина совсем недостаточно для того, чтобы понимать, как она функционировала»²⁷¹. Показательно также, что именно в связи с борьбой против вредителей П.П. Постышев применил понятие «советский народ»: «Многие вредители, которые были врагами нашими в начале этого пятилетия, искренне раскаялись, стали в общую шеренгу советского народа»²⁷². Сама элита в центре и национальных республиках под давлением продиктованных вождем правил использовала разные тактические приемы для доказательства своей непричастности к очередным «врагам народа», предупредительного разоблачения их и безоговорочной поддержки сталинского курса, а также внутриэлитной борьбы за выживание

Централизаторский курс, возобладавший в самых жестких формах в 1930-е годы, привел к подавлению «самостийности», репрессиям против ее носителей и укреплению интернационалистских начал в общекультурном пространстве СССР²⁷³. На приеме таджикских и туркменских колхозников И.В. Сталин заявил о преодолении взаимного недоверия и торжестве дружбы между народами²⁷⁴. В этом отношении региональная номенклатура как регулятор жизнедеятельности на местах стала значимой политической силой в цементировании советской системы. Смена состава местных элит в ходе провалов коллективизации и репрессий, параллельно с кампанией «борьбы с бюрократизмом» создавала условия для вовлечения в их число нового поколения более образованных и благонадежных, менее амбициозных кадров. Рост удельного веса националов-выдвиженцев в парторганизациях, советских учреждениях, подготовка квалифицированных кадров для промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры наряду с репрессиями и вытеснением дореволюционной интеллигенции создавали новое качество этой важной части этнических общностей. Централизаторский курс, возобладавший в самых жестких формах в 1930-е годы, привел к подавлению «самостийности», репрессиям против ее носителей и укреплению интернационалистских начал в общекультурном пространстве СССР. Региональная номенклатура в итоге стала

²⁷⁰ История белорусской государственности. Т. 3. С. 390–400.

²⁷¹ Фицпатрик Ш. В команде Сталина // Soviet History Discussion Papers. 6 (2015) [Электронный ресурс] http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/fitzpatrick_team (дата обращения: 30.06.2015).

²⁷² Воспитывайте достойных сынов нашей социалистической Родины! Речь тов. П.П. Постышева на IX съезде комсомола Украины. 5 апреля 1936 года // Правда. 1936. № 101 (6707). 11 апреля.

²⁷³ Т. Мартин пишет, что «из уважения к русской щепетильности положительная деятельность теперь осуществлялась без лишнего шума», поэтому коренизация как часть национальной политики подверглась лишь малым изменениям. См.: Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 106.

²⁷⁴ Правда. 1935. 6 декабря.

значимой политической силой в цементировании советской системы. Как указывает О.В. Хлевнюк, «одним из важных факторов, определявших развитие советской и постсоветской истории, было формирование влиятельных региональных элит, трансформация чиновников, перемещения которых в советское время регулировались при помощи политико-бюрократической системы «номенклатуры», в самостоятельную политическую силу»²⁷⁵. Социокультурные особенности, организационно-политический опыт взаимоотношений националов с центром и поведенческие модели этносоциумов влияли на советское строительство, обуславливая специфику власти в республиках. Коренизация же, как часть советского проекта, по итогам реализовала стремление дореволюционных национальных активистов обеспечить социально-культурный прогресс своих народов и массовое включение коренного населения в систему власти и управления.

Во время войны роль национальных кадров приобрела особое значение. Тревожные симптомы этносоциального напряжения в азиатских республиках в связи с войной обозначил и бывший сотрудник ОГПУ А. Станишевский, обратившийся 12 июля 1941 г. к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. Автор хорошо разбирался в нюансах внутриэлитных отношений в регионе, обращая внимание на группировки в узбекском руководстве и националистические настроения, межэтническое отчуждение в других республиках. Так, в 1938 г. нарком внутренних дел Киргизии И.П. Лоцманов, арестованный в 1939 г., «заявил, что каждый киргиз является потенциальным врагом советской власти». Основанием, вероятно, стал внутрипартийный конфликт на 2-м съезде Компартии республики в 1938 г., когда на пост 1-го секретаря ЦК был выдвинут А.В. Вагов, предложенный Москвой. Как писал Станишевский, «среди делегатов было пущено обращение “Не голосуйте за Вагова и русских коммунистов. У нас засилие русских”. Предлагалось голосовать за всех членов бюро ЦК – киргизов. Во время выборов Вагов был забаллотирован тайным голосованием, пришлось проводить перебаллотировку, чтобы провести его в ЦК». Однако Вагов с трудом выстраивал отношения с национальной интеллигенцией. В частности, в 1938 г. по подозрению в причастности к т. н. Социалистической туранской партии был арестован один из основоположников национальной литературы «с сильными националистическими настроениями» член ЦИК Киргизии А. Токомбаев, который собирался выступать с проектом утверждения государственным языком только киргизского. Его стихи, написанные во время заключения, «переписывались там кровью на белье и выносились», а сам поэт обрел «ореол героя мученика». В то же время велась активная агитация против введения кириллицы, за возврат к арабскому алфавиту открыто выступал драматург Ю. Турусбеков. Продолжающееся сооружение Большого Чуйского канала служило поводом для слухов об опасности превращении титульного этноса в меньшинство из-за на-

²⁷⁵ Хлевнюк О.В. Система Центр – регионы в 1930–1950-е годы // *Cahiers du monde russe*. 2003. № 44/2–3. С. 253. См. также: Периферийность «центра» в современных национальных исторических нарративах // *Forum AI. Ab Imperio*. 2012. № 1.

плыва на стройку «русских и украинских колхозников». Меж тем, по мнению автора, надежные национальные кадры использовались плохо. «Кадры в Киргизии есть прекрасные. Выросла национальная, подлинно советская интеллигенция, но мы эти кадры не изучаем и выдвигаем на работу безынициативных, малокультурных людей, не пользующихся авторитетом»²⁷⁶.

Советское прошлое – неотъемлемая часть всей истории народов бывших союзных республик, и советскость в ее этнокультурных вариантах стала не только проектом, навязанным сверху, но и совокупностью свойств, воспринятых и встроенных в этносоциальный и культурный ландшафт усилиями всех групп общества, делегированным коллективным актором которых стали элиты. Как справедливо подчеркивает В.В. Трепавлов, обеспечение лояльности этнических элит служит одной из основ прочности государственного строя, а все государства и народы бывшего СССР несут в себе российский вековой культурный код²⁷⁷. Единое в политическом смысле пространство власти в СССР было полиэтническим и уже поэтому многомерным в своих конкретных воплощениях. Национальная номенклатура и элита, становясь неотъемлемой частью политической системы в целом, в рамках советского нациестроительства обеспечила закрепление этничности в каркасе власти национальных республик. Благодаря политике государства по своей роли национальный фактор фактически «пережил» социально-классовую сущность, закладывавшуюся в фундамент СССР и его системы власти, в частности. В этом контексте ценными представляются выводы А. Бикбова о роли советских понятий как средств борьбы социальных групп и инструментов учреждения реального социального порядка²⁷⁸. Новые вызовы со стороны общества и «извне» предполагают поиск адекватных качеств властвующей элиты и современных управленческих решений. Меж тем очевидно достаточно устойчивое воспроизводство советских практик при декларативном разрыве с прошлым и отказе от ответственности за него. Современная исследовательница делает верный вывод о провале попыток нынешней политической элиты центральноазиатского региона в целом избавиться от советскости²⁷⁹, что не является их виной и парадоксом. Наряду с выстраиванием «постколониальной» иерархии властвующих и управленческих страт, имеющих практически моноэтнический облик, это неизбежно создает ситуацию уникального и противоречивого совмещения «отживших» и экспериментальных приемов нового нациестроительства.

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 30. Л. 6–16.

²⁷⁷ См.: Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. С. 255, 253.

²⁷⁸ Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.

²⁷⁹ Dave B. Kazakhstan: ethnicity, language and power. L., 2008. P. 113–114.

Глава 2

ГРАЖДАНСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЕХАНИКИ

§ 1. «По принципу общественности»

Социальные технологии 1920–1940 гг.

Центр проводил интенсивную национальную политику, корректировавшуюся в зависимости от внутри- и внешнеполитических факторов. Форсированное национал-строительство выразилось в создании и административно-территориальном переформатировании национально-государственных образований, конструировании элементов национально-культурной автономии и политики. При этом становление советской социально-политической системы сопровождалось глубокой трансформацией форм и способов гражданской активности широких слоев общества. Центральное место отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самодеятельности, дабы при поддержке и под управлением самой власти сформировать представление о включенности каждого в создаваемое пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни. В новой системе социальных координат включенность в поликультурную общность стала играть одну из ключевых ролей. Партия прибегла к созданию «проводников» своей линии в массы – общественных организаций, участие в которых позволяло людям повысить культурный уровень и реализовать свой гражданский потенциал в заданном властью направлении.

Политизация этничности концентрировала внимание общества на преимуществах национального равенства, включая в него не только коренизацию системы управления и власти, экономическую модернизацию ранее отсталых национальных окраин, но и равный доступ всем народам к общей для всех совокупности культурных ценностей, которая одновременно реконструировалась на атеистических основаниях. Консолидация на советской основе означала новые критерии не только лояльности власти, но и реализации общественного потенциала человека как гражданина новой формации. На первое место выдвигались признание коммунистических идей и активное участие в классовой борьбе, что подразумевало не только

отказ от принципов веры, но и искоренение любых признаков уважения к свободе совести и вероисповедания, особенно в лице служителей культа. Т. н. богостроительство выступало в качестве «заместительной терапии», призванной сменить символику и образы групповой солидарности, при этом довольно часто сохранялись традиционные компоненты привычных ритуальных действий.

Особое значение в «советизации» культуры сложного проекта – СССР – имели, конечно, связывающие представителей всех национальностей традиционные ценности коллективизма (соборности) и взаимовыручки, социальной справедливости, межэтнической трудовой солидарности, верховенства потребностей государства и общества (мира) над частными, поощрение личной инициативы в интересах коллектива и страны. Новая политическая и культурная мифология, репрезентация советских смыслов и ценностей посредством масштабных проектов в сфере пропаганды, литературы, искусства, спорта, туризма, краеведения и нормативной самодеятельности (художественной и «волонтерской» в лице всевозможных добровольных обществ) – эти инструменты идентификации по-советски вытесняли этничность на менее значимые, чем прежде, позиции в статусной иерархии личности и общества в целом.

В какой мере общественные организации, в большинстве своем для народов СССР как абсолютная инновация, способствовали включению этнических общностей в строящуюся социальную реальность с ее новой идеологией, новыми институтами власти, новыми критериями прогресса? Могло ли и при каких условиях втягивание в эти социальные сети заместить или вытеснить традиционные критерии определения социального статуса, успешности и престижности, культурные модели взаимоотношений в рамках социальной иерархии и между поколениями, в организации досуга и быта?

Система массовых и формально добровольных организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и их скрепления в единое сложносоставное целое. При этом этноидентифицирующие критерии по-прежнему признавались важными показателями прогрессивности социалистической системы. Всесоюзная перепись 1939 г. устанавливала национальность (в 1926 г. – народность) и родной язык граждан, хотя численность этнонимов сократилась со 160 до 62 вследствие установки на включение представителей малочисленных общностей в состав более крупных родственных. Политические механизмы поощряли социальную мимирию и иждивенчество, равнодушие к труду и дисциплине. Всевозможные кампании безостановочно внедряли в массовое сознание дисциплину, энтузиазм, веру в возможность скачка в светлое будущее. Характерными чертами политико-правовой культуры этнических обществ стали декларативная экстравертная «преданность» идеалам коммунизма, использование легитимных и неформальных средств коммуникации и воздействия на власть, подчинение

авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией.

Разнообразие общественных сетей и их масштабы отражали особенности социального развития, превращались в поле реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. Но их становление происходило весьма противоречиво. В начале 1920 г. ЦК РКП(б) разослал на места циркулярное письмо об отношении к народам Востока, в котором ставилась задача удвоить усилия для проникновения в сознание мусульманского населения коммунистической идеологии. Вместе с тем в нем подчеркивалось, что необходимо учитывать политическую и культурную отсталость народа; коммунистам рекомендовалось исходить из двух моментов, которые в жизни мусульман играли большую роль, – религиозного и национального. С религиозными предрассудками, предупреждал циркуляр, «нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытием школ, клубов, читален»¹.

Как отмечалось в отчете агитпропотдела Актюбинского губкома партии, школы передвижки в 1924 г. пользовались большой популярностью на местах: «теперь ... наши ленинцы как бы очнулись от долгой спячки и оказались в другом мире политических мировоззрений». Руководитель школы в Могоджановском волкоме сообщал: коммунары явились на занятие «охотно, несмотря на бураны и бездорожье. Стремление у всех к политзнанию большое ... иногда задают столь острые вопросы, которые даже трудно разрешать ... Тяга к знанию политграмоты у ленинцев громадная, и наконец-то у них появилось сознание и понятие о том, какая задача стоит перед ними». Правда, летом «ленинцы» проявляли явное желание предпочесть занятия в школах работе в своих хозяйствах, литературы не хватало, а пропагандисты далеко не всегда ответственно выполняли свои задачи. Меж тем, антирелигиозная пропаганда оперативно перестраивалась под влиянием обстоятельств. В городах пришлось отказаться от диспутов, несмотря на то, что они собирали до нескольких тысяч человек и обсуждали вполне актуальные вопросы: «Возникновение христианства», «Бог в природе», «Религия и наука», «Был ли Христос», «Разбор Библии» и др. Местные священники, являвшиеся на диспуты, поражали «своей неграмотностью и невежеством даже обывательски настроенные массы», и диспуты чаще всего заканчивались тем, что священники уходили, не дожидаясь окончания. По рекомендации вышестоящих структур губком перешел на антирелигиозные кружки, доклады и лекции по агропропаганде, мирозданию и т. п. Но и здесь возникали проблемы – «антирелигиозников» и агрономов для такой пропаганды критически не хватало, и вся надежда возлагалась на лояльное учительство. Для его воспитания тоже создавались кружки по теории исторического материализма, переподготовке и т. п. Особенно сложно было с деревенскими учителями – их зарплата составляла всего 18 руб. и выплачивалась с большими задержками².

¹ Известия ЦК РКП(б). 1920. 2 марта. № 13.

² АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1252. Л. 17–18, 20.

Важную культуртрегерскую миссию выполняло кино. Только в одном уезде Актюбинской губернии в 1924 г. Кинопередвижка в сопровождении двух лекторов (русского и казаха), агронома, механика и двух курсантов губсовпартшколы провела 10 сеансов в 10 аулах и 19 – в 7 русских поселках. На них побывали 680 казахов, в т. ч. 107 женщин, и 2777 русских, в т. ч. 621 женщина. Попутно проводились женские собрания, лекции и беспартийные конференции молодежи политпросветительского свойства – о международном и внутреннем положении, «женском праве» в советской республике, работе женщин-делегаток, ликвидации неграмотности среди женщин и пр. Кино вызывало «громадный интерес, так как население и русское, и киргизское не имело даже представления о кинокартинах. Подбор картин был удачен: население имело возможность увидеть тов. Ленина (даже на портретах многие из киргиз и крестьян его не видели) и других вождей – Бухарина, Каменева и т. д.». При этом передвижки оказывались в местах, «куда в течение трех лет ни один человек не заглядывал из центра». Именно передвижки обследовали состояние дел на местах – работу школ, среди женщин и молодежи, положение изб-читален, принимало жалобы от населения и пр.³

Благодаря новой системе приоритетов происходил разрыв межпоколенных связей. Светская модель социальной мобильности предполагала развитую систему церемоний, ритуалов, символов и зримых идентификаторов принадлежности к солидарной группе (от октябрят и пионеров к комсомольцам и коммунистам, членам профсоюзов и потребкооперативов), имевшей моральное право на признание ее социальной значимости и открывавшей доступ к дальнейшему возвышению в последовательной связи ступеней общественной структуры. Молодежь использовалась для вытеснения обычаев и праздников, распространяя «Комсомольский байрам», комсомольские Пасху, Уразу, Курбан и Рождество и пр.⁴ Свою роль в ослаблении влияния религиозных авторитетов сыграла реформа письменности, а возможность образования стала решающим фактором лояльности власти⁵.

Показательно, что Главполитпросвет Казахстана в июне 1921 г., обсуждая планы и итоги работы, среди целей ликвидации неграмотности определял не только научить, чтобы курсанты «самостоятельно могли читать газеты, писать несложные деловые бумаги и познакомить с математической грамотой», но и «развить настолько, чтобы они могли сознательно относиться к окружающей жизни и принять сознательное участие в политической жизни страны». Правда, главная проблема состояла в том, как реализовать такие задачи в короткий срок –

³ АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1252. Л. 23–24.

⁴ Коммунар. 1920. 7 сентября; Степная правда (Семипалатинск). 1921. 22 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 508. Л. 150, 160–162; Оп. 68. Д. 100. Л. 41; Д. 108. Л. 99; Д. 127. Л. 10–11, 61–62, 5; Оп. 60. Д. 598. Л. 96; Д. 600. Л. 15; Д. 601. Л. 17, 24; Д. 323. Л. 30; Лицом к нацокраинам. Стенограммы национального совещания при ЦК РАКСМ. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 7.

⁵ Официальная печать писала: «В 1928 году система народного образования перешла на светский путь (ликвидированы конфессиональные школы)»; «Арабский язык ценен только с точки зрения религиозных мусульманских традиций»; «Арабская графика осталась привилегией духовенства» // Наука и просвещение. 1929. № 1. С. 13.

за 2–3 месяца это сделать невозможно, а 5–6 месяцев обучения грозили провалом для неотложного наполнения кадрами всевозможных структур снизу доверху. К тому же, катастрофически не хватало бумаги, учебников, карандашей, программ и методичек, а работники комиссии по ликбезу не получали вовремя жалованья, «обносились до крайнего предела», не снабжались положенными им пайками и получали дополнительные задания, а учащиеся на время учебы не освобождались от разных «повинностей, нарядов и мобилизаций»⁶. Сами сотрудники Главполитпросвета вынуждены были тратить массу времени и сил, чтобы обеспечить элементарные условия для работы: отремонтировать сломанную мебель и пишущие машинки, исправить телефоны, добиться отправки выделенных по штату лошадей, которые застряли в Орске из-за отсутствия вагона, что, в свою очередь, было поводом не выделять полагавшиеся отделу наделы под сенокос и заготовку дров⁷.

Проблемами общественных организаций занималось Оргбюро ЦК РКП(б). В 1925 г. руководство ими поручено Агитпропотделу ЦК партии. Одновременно были признаны обременительность для бюджета и параллелизм в функционировании непомерно выросшего числа организаций. Многие оформлялись попутно к основным, имели формальное членство. А.И. Рыков констатировал: «Кооперация теперь страдает от того, что она, если можно так выразиться, недостаточно общественна ... мы еще не сумели превратить ее в такого рода организацию, которая бы являлась выражением самостоятельности крестьянства и участия массы крестьянства в организации кооперации, контроля над ней, в обсуждении вопросов, связанных с ее деятельностью»⁸. Принцип выборности актива не соблюдался. Для привлечения коренного населения применялись освобождение от уплаты взносов или паев, рассрочки и т. п. Но реальные затраты людей на социально-культурные нужды не росли. В итоге многие из них были сокращены путем объединения. Все массовые кампании разрешалось проводить лишь с санкции ЦК РКП(б). Запрещалось вычитать взносы из жалованья, проводить денежные сборы и пожертвования среди рабочих и крестьян. Парторганизациям поручалось предотвращать акции по коллективному «добровольному» вступлению в массовые организации и не подменять их, особую осторожность проявлять в деревне, не вовлекать одних и тех же лиц в несколько разных обществ. Максимальный взнос во всех обществах не должен был превышать 0,5–1 рубль.

Наиболее развитой была профсоюзная система, которая в России стала формироваться лишь с 1905 года, и теперь ее предстояло распространить на все социально-культурные общности, наполнив совершенно новым смыслом. «... к профессиональному движению надо относиться как к гигантской лаборатории коммунизма» – этот тезис, сформулированный одним из лидеров большевизма Г.Е. Зиновьевым в 1920 г.⁹, наиболее точно воплощал замысел

⁶ АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 116. Л. 12–13.

⁷ АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 116. Л. 24.

⁸ См.: О снижении расходов низовой кооперации (Из опыта мест) // Власть Советов. 1925. 15 февраля. № 7. С. 17.

⁹ Зиновьев Г.Е. О роли профессиональных союзов. Доклад на фракции РКП(б) 8-го съезда Советов 30 декабря 1920 г. // Сочинения. Т. VI. М.-А., 1929. С. 363.

организационно-идеологической трансформации общественных организаций в советском государстве.

Непосредственно вопросами создания профсоюзов на национальных окраинах должны были заниматься структуры, подчиненные ВЦСПС. В 1921 г. пленум ВЦСПС рассмотрел работу в областях и национальных республиках. Одной из задач было включение региональных профорганизаций в состав ВЦСПС и общую сеть профсоюзного движения страны в интересах объединения экономически организованного пролетариата, а также организации труда и производства по всей РСФСР. Для ее решения предлагалось создать межсоюзные объединения, охватывающие все профдвижение национальных республик, на правах губсовпрофов, с целью их подчинения профсоюзному центру. Бюро ВЦСПС также в интересах усиления контроля центра должны были заменить уполномоченные, которые входили бы в областные хозяйственные органы и регулировали взаимоотношения союзных организаций в областях с помощью съездов и инструктирования на местах¹⁰. VI съезд профсоюзов СССР в 1924 г. поставил задачи усиления союзной деятельности в национальных регионах «применительно к бытовым и культурным особенностям», вовлечения и обслуживания национальных масс на родном языке¹¹.

М.П. Томский говорил, обращаясь к профсоюзным активистам: «Если вы можете обслуживать низовые организации только путем циркуляров, то никаких низовых организаций у вас не будет. Они должны быть обслужены живой связью». Он выступал против простого присутствия рабочего от станка – члена правления – на заседаниях профорганов по 1–2 раза в месяц, без конкретной работы в правлении. «... надо выдвигать человека путем испытания на работе, втягивая его в работу постепенно», – призывал глава советских профсоюзов¹². Однако, с конца 1920-х гг., когда утвердилось единовластие Сталина, любая подобная сентенция была уже практически недопустима или являлась демагогической ширмой для обоснования авторитарного стиля руководства и обезличивания самостоятельности масс.

Уже в 1924 г. VI съезд профсоюзов СССР обратил внимание на внепроизводственную сферу жизни работника и вовлечение в свою систему членов его семьи. В его решениях предлагалось «стремиться к сплочению вокруг союза широких рабочих масс на почве всестороннего удовлетворения их духовных потребностей путем широкой классовой воспитательной работы и предоставления им разумного и здорового отдыха и развлечения, предохраняющих рабочие массы от разлагающего мелкобуржуазного влияния». Рабочий клуб «должен стать, – подчеркивалось далее, – действительно как центром коммунистического воспитания рабочих масс, так и местом разумного отдыха и развлечения рабочего и его

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 101. Л. 5.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 108. Л. 87–88; Д. 82. Л. 66.

¹² Томский М.П. Заключительное слово на VI съезде профессиональных союзов СССР 12–13 ноября 1924 г. // Томский М.П. Статьи и речи. М., 1928. Кн. IV. С. 241–242.

семьи». VII Всесоюзный съезд профсоюзов в декабре 1926 г. попытался противодействовать неизбежной формализации этой стороны профсоюзной деятельности, выступив против «методов уродливой регламентации, командования и нажима», за чуткое отношение к культурным запросам людей, самодеятельность и инициативу снизу¹³. Реорганизация ККОВ (крестьянских комитетов общественной взаимопомощи) в том же 1926 г. продолжала обозначенную тенденцию. Коллективное членство в них связывало крестьян общинной порукой, а функции социальной взаимовыручки они лишались, поскольку ее стали выполнять государственные органы социального обеспечения. Это, в свою очередь, усиливало патерналистский характер власти и потворствовало укреплению социального иждивенчества, гражданской пассивности и индифферентности.

Между тем, в состоянии добровольных обществ Казахской АССР в 1926 г. признавались общие «крупнейшие недостатки» – слабое приспособление к местным условиям и «совершенно недостаточное продвижение в аул», включение одних и тех же людей во все добровольные общества одновременно, отсутствие «системной» и плановой работы и связи с краевым центром, кадровая проблема, дефицит изданий на казахском языке. Обком партии предлагал максимально охватить этими организациями коренное население, не охваченное «советской общественностью». В ситуации, когда одни и те же люди состояли в разных обществах, их социальная активность сводилась к уплате членских взносов, «ношению на груди значков общества, покупке и распространению литературы». В связи с этим предлагалось добиться ограничения участия не более чем в двух обществах одновременно. Ответработники при выезде на места обязывались проверять работу хотя бы одной общественной организации, которые, в свою очередь, должны были работать по принципу «нет членства без обязанностей», установить связи с рабселькорами, а парткомам наладить повседневную помощь им в порядке партийной нагрузки. Массовая работа должна была проводиться наглядными средствами – диапозитивы, «незатейливые и четкие диаграммы, плакаты», громкие читки, художественные постановки и т. д. Комиссия при агитпропотделе должна была разработать способы «продвижения добровольных обществ», меры привлечения, воспитания и использования актива, издавать сборники о «состоянии советской общественности в Казахстане», руководителям обществ наладить работу партийных фракций при правлениях добровольных обществ и сократить до минимума их платный аппарат, построив работу «по принципу общественности»¹⁴.

«Нестыковки» организационного и этнического факторов проявлялись и при создании комсомола. В августе 1921 г. при подготовке съезда комсомольских организаций на Кавказе одним из наиболее важных стал вопрос о межэтнической интеграции региональных структур. Как считал секретарь Кавбюро

¹³ Милонов Ю. Профсоюзное движение СССР в прошлом и настоящем // Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем. 1905–1917–1927 гг. Под ред. Ю.К. Милонова. М.: Жизнь и знание, 1927. С. 62–63, 64.

¹⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1519. Л. 3–8.

ЦК РКП(б) Ю.П. Фигатнер, телеграфировавший срочно и секретно в ЦК партии, формально связанные между собой через Кавбюро комсомольские организации, входящие в РКСМ, объединяют только «верхушки организации», но «оно не чувствуется на местах, его нет [в] сознании широких масс союза. Съезд должен, – подчеркивал он, – уничтожить национальную отчужденность и продемонстрировать интернациональное объединение союзов»¹⁵. Понятно, что демонстрация организационного единства могла быть лишь подготовительным этапом к конструктивному межэтническому сотрудничеству молодежи Кавказа.

Одну из трудных проблем составляли межэтнические коллизии: колонизаторское прошлое оборачивалось бумерангом против русскоязычного населения. «На заводе в Семипалатинской губернии (это то же, что Путиловский завод в Ленинграде), – говорил о Казахстане на национальном совещании в ЦК комсомола Морковкин, – районный комитет добился того, чтобы вся европейская молодежь из брони была вычеркнута и посылали только туземцев. Отсюда вытекает антагонизм и другие ненормальности». «Пропустив» через курсы секретарей аульных ячеек 40 «киргизских парней», республиканские органы комсомола «более или менее правильно снабдили рабочие киргизские районы, но средства для них доставали контрабандой». Морковкин признавал, что беспартийная казахская интеллигенция через комсомольских лидеров влияет на взаимодействие разных групп «в партийном отношении», на их роль в советском строительстве. «Это самое пагубное влияние в нашей киргизской организации. Прислушиваться к комсомольскому руководителю и словам беспартийной киргизской национальной интеллигенции не годится, а этот факт у нас есть. Мы ведем с этим серьезную борьбу». Недостаток средств и сил тем не менее не мешал сильной тяге молодежи к самореализации в комсомоле, поэтому его лидеры поставили задачу удвоить членство казахов, мобилизовать казахских учащихся-комсомольцев на работу в аулах, активизировать экономическую работу среди национальной молодежи¹⁶.

Общественная активность служила важным средством практического соединения реальности с идеальным будущим в непосредственных переживаниях молодых людей и проживании ими собственной жизни. О школьной атмосфере первой половины 1920-х гг. одна из комсомольских активисток вспоминала: «Она, конечно, способствовала формированию моего политического и общественно-политического сознания и моему развитию в целом. Преподавание было хорошим, хотя шли первые годы становления массовой средней школы, велся поиск наиболее удачных программ. Важно, что все мы чувствовали отношение преподавателей, их влияние на нас. Была серьезная учеба, но в то же время была и самодеятельность: проводились интересные вечера, устраивали

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 198. Л. 41.

¹⁶ Лицом к нацокраинам. Стенограммы национального совещания при ЦК РАКСМ. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 5–6, 35–36.

коллективные танцы. Кроме того, мы получали и трудовые навыки: например, праздник Первомая отмечался как праздник труда. Половину дня мы должны были работать на субботнике и занимались этим с удовольствием. Потом шли переодеваться и устраивали разные интересные игры на газоне вокруг школы. В актовом зале пытались изобразить какие-то отдельные сюжеты из балета. Представляли нечто, отдаленно напоминающее “Лебединое озеро”¹⁷. Особенно привлекательным становилось участие в общественных организациях, прежде всего комсомоле, который давал возможность проявить социальную активность и получить общественное признание.

Как вспоминала Антонова, ее «пленило» название темы для сочинения «Комсомол в деревне»: «... я многое знала о практической работе комсомольской организации, об их коммуне. Ведь в окрестных деревнях была проделана большая работа (а меня они всегда возили с собой). Они ставили спектакли, проводили беседы, занимались ликвидацией неграмотности. Меня это так увлекало, и я так завидовала им, тому, что они уже комсомольцы, а я еще маленькая, и я очень хотела дорасти до этого ... У нас часто проводили комсомольские собрания. А это значило, что собирались учащиеся со всех классов, что-то около сотни человек. В большом зале, где была столовая, соорудили сцену, на которую поставили стол. Основные массы комсомольцев сидели в зале, президиум за столом, а я, спустив ноги вниз, сидела на самой сцене, лицом ко всей аудитории. Они рассуждали, спорили, обсуждали чье-то поведение, причем горячо, живо – все были равнодушны к каждому обсуждаемому вопросу. Я сидела, слушала, смотрела, потом, когда заканчивалось собрание, я подходила к президиуму и говорила: – Ну когда же вы меня примете в комсомол?». Правда, вступление в комсомол пришлось скрывать от верующих родителей, которые, как и многие, отрицательно относились к этой организации. Когда родители узнали о комсомольской «карьере» дочери, мать «почти не ругалась, но плакала, говорила: “Ты меня осрамила перед всеми моими родственниками. Как же я буду в глаза им смотреть? Ведь комсомолка – это бесстыжая девка! Все так говорят”. Я, как могла, ее разубеждала. Дед все это слушал и в данном случае во всем поддерживал маму. Я бросать комсомол не собиралась, и они начали прятать от меня сапоги, чтобы я не уходила. Но я все равно как-то приспособилась и бегала на собрания»¹⁸.

Показателен вывод Антоновой о роли комсомола в биографии молодых людей: «Моя работа в комсомоле (отрезок времени приблизительно в два года, будем считать 1925–1927) – это сверхважный этап в моей жизни и в целом в жизни всей нашей молодежи. В моей – потому, что я здесь получила много знаний: и политических, и навыков организационной работы, и как-то закалилась, мужественной стала, наверное. И еще приобрела вкус к преподавательской, что ли, работе. Именно в это время был у нас кружок, который вел один товарищ

¹⁷ Антонова С.И. Воспоминания советского человека. М.: Весь мир, 2014. С. 80.

¹⁸ Там же. С. 83–84, 90.

из Москвы. Да и мне самой приходилось вести беседы с какой-то частью молодых людей, преподавать в кружках, читать, вести какие-то разъяснения. Вот я и вошла во вкус. Наверное, мои слова прозвучат немножко шаблонно, но это тоже стало моим университетом или школой. Я приобрела вкус к самостоятельной деятельности. Вот такая у нас была партийная организация, которая нам ничего не навязывала, только советовала, и которой нужны были мы, потому что стали верными помощниками для этой организации»¹⁹.

Комсомол выступал наиболее мобильной и бескомпромиссной силой. Максимализм молодежи в условиях мобилизационного рывка, участвовать в котором власть предлагала в качестве неперемного условия скорейшего наступления прекрасного будущего и гарантии признания за личностью права на него, неизбежно означала примитивизацию практик строителей нового мира. Г.Е. Зиновьев еще в 1924 г. выдвинул характерные «слоганы» для комсомольцев: нам предстоит соревнование с буржуазной молодежью; комсомольское хныканье; нам не нужно казенного благополучия; за горло политнеграмотность; научись говорить просто; будь дисциплинирован, как подлинный большевик; изучи до тонкости каждый предмет; из-за большевистской запятой дерись до последней капли крови; борись против культа сверхчеловека ... »²⁰. Особо поощрялась классовая бдительность. Во всеохватном контроле над голодающим народом комсомольцы играли заметную роль, одновременно для них очевидной становилась социальная престижность преданной службы власти, обеспечивая карьерный рост и определенное благополучие. Как свидетельствовал представитель Украины на V пленуме ЦК ВЛКСМ в 1927 г., «есть в комсомоле актив, который ... можно назвать ... атаманчиками партизанских отрядов, необученными генеральчиками в регулярной армии ... »²¹.

Н.И. Бухарин в 1925 г. подметил порочную практику комсомольцев, выполнявших свою авангардную роль, не имея даже маломальских представлений о существовании новой культуры. Он призывал учителей учиться у комсомольцев общественной подвижности, инициативности, стремлению «залезть в каждую общественную щелочку и функционировать в качестве общественного работника». Одновременно Бухарин предостерегал молодежь от радикализма. «Например, нагадит комсомолец под окном у попа и думает, что это антирелигиозная пропаганда. А мы думаем, что это простое хулиганство». Чванство, высокомерие, нетерпимость, командный стиль, унаследованные от бурных времен революции и войны, становились нетерпимыми, подрывали доверие к власти. Если комсомолец, говорил он далее, «заставляет старушонку говорить, что Христос не существовал (хотя и сам не совсем убежден в этом), то из этого опять-таки ничего не выйдет».

Еще одна опасность, которую быстро увидел Бухарин, состояла в искусствен-

¹⁹ Антонова С.И. Воспоминания советского человека. С. 103.

²⁰ Зиновьев Г. Основные задачи Ленинского комсомола. Л.: ГИЗ, 1924. С. 48, 28–80.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 264.

ном характере общественной жизни. Только в одном вузе работали 200 организаций. «Тут уж хоть семь пядей во лбу имей и будь коммунистом не 96-й, и 196-й пробы, – говорил он, – все же получится одно из двух: либо ты ничего не будешь делать, либо ты будешь состоять во всех организациях, и тогда наверняка можно сказать, что ты будешь бегать из одной в другую и ровно ничего не будешь делать ... Поэтому у нас часто происходит, что люди только утешаются тем, что они работают, а на самом деле они бегают из учреждения в учреждение, расписываются и заполняют анкеты и воображают, что они работают. На самом же деле это непроизводительный расход, который ложится тяжелым бременем на государственную казну и на человеческие ресурсы нашего Союза»²². Столь точный прогноз застарелой социальной болезни, к сожалению, оказался не востребованным, а сам Бухарин, как известно, был политически и физически уничтожен, как многие другие деятели, предлагавшие множество разумных и верных решений.

Возникавшие на деле ситуации редко отвечали идеальному образу социализма и его представителей, вклад в строительство которого предлагалось считать нормой для каждого гражданина. Комиссия ЦКК ВКП(б) в марте 1927 г. констатировала, что несмотря на повсеместное создание и рост численности комсомольских организаций, проблем у них было предостаточно. К ним относились повсеместная слабость комсомола на селе, низкая активность и вовлеченность национальной молодежи, слабая посещаемость комсомольских собраний, механический характер руководства со стороны органов КСМ (циркуляры, инструкции, контроль, общие фразы, копирование вышестоящих органов и пр.). Интересно, что было подмечено такое явление, как отождествление активистов и штатных работников при недостаточной ответственности всех. Наряду с быстрым ростом активности и интереса национальной молодежи к комсомолу продолжали в значительной мере сохраняться «трудно изживаемые старые бытовые навыки и обычаи, родовые группировки и т. д.». Для улучшения работы комсомола предлагалось всем коммунистам в возрасте до 23 лет обязательно входить в комсомольские ячейки, самому комсомолу – создавать в своих организациях ячейки добровольных обществ, усилить пропагандистскую и пр. работу. Для финансирования мероприятий отчислялись 10% взносов комсомольцев, проводились платные вечера, спектакли и т. д., партийчики также делали отчисления. Главными направлениями комсомольской работы были ликбез, ознакомление комсомольцев с уставом и программой союза, с директивами власти в отношении деревни и аула, участие в женской работе²³.

Власть подчеркивала, что в отличие от Запада культурные и общественные объединения «совершенно отграничены» от «тех, кои преследуют корыстные цели наживы» и содействуют «заданиям социалистической культуры», объ-

²² Бухарин Н.И. Учительство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения, 1925. С. 20, 21, 26, 30.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 317. Л. 2–8, 13, 27.

единяя все группы людей. Административный контроль и права юридического лица для общественных организаций также предполагали подчинение интересам строительства социализма и «социального сотрудничества». Одновременно требовалось полное подчинение членов каждой организации ее уставу в любой деятельности. Органы НКВД выполняли надзорные функции, скрупулезно отслеживая малейшие нюансы уставной документации, проектов и планов, конкретных мероприятий на предмет строгого соответствия стратегическим и тактическим установкам власти²⁴.

В феврале 1925 г. руководство добровольными обществами (их насчитывалось уже 12, а на содержание обществ рабочие отчисляли по стране до 9% заработка) было поручено Агитпропагандистскому отделу ЦК партии. Тогда же Оргбюро ЦК РКП(б) предложило МОПР прекратить «массовую вербовку в него членов», перейти на добровольное и индивидуальное участие в этой организации. Всякие массовые кампании разрешалось проводить лишь с санкции ЦК РКП(б). Создавались выборные ЦК и соответствующие органы МОПР на всех уровнях административно-территориального устройства, на местах основу общества должны были составить низовые ячейки на предприятиях, в учреждениях и т. п. Средства МОПР должен был получать от членских взносов не чаще двух раз в год и всевозможных мероприятий – спектаклей, кино, продажи литературы и т. п. Запрещалось вычитать взносы из жалованья, проводить денежные сборы и пожертвования среди рабочих и крестьян.

Одновременно были признаны обременительность для бюджета и параллелизм в функционировании непомерно выросшего числа общественных организаций – ОДВФ и Доброхим, общество «Безбожник» и «Помощь пролетарскому студенчеству», «Международный красный стадион», общество Красного креста и Красного полумесяца, общество «Друг детей», Ассоциация натуралистов, Общество друзей кинематографии, Союз эсперантистов и т. д. В итоге многие из них были сокращены путем объединения родственных по видам и направлениям работы. В Семипалатинской губернии после обследования ЦК ВКП(б) было рекомендовано сохранить только ОДН и МОПР, остальные общества должны были работать главным образом в городах, а в деревне и ауле – лишь «при действительном проявлении инициативы самого населения в их создании»²⁵.

Таким образом, середина 1920-х гг. ознаменовалась определенным поворотом власти к укреплению самостоятельности и самостоятельности общественных структур, способных развивать демократические начала. В то же время НКВД, пытаясь административным путем бороться с формализмом, при участии Агитпропа ЦК партии регламентировал порядок распространения значков, талонов, марок, произведений печати и пр. Специальная комиссия разработала примерный устав

²⁴ Португалов Гр. Общества и союзы // Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 10–12; Принцев Я. К проведению в жизнь декрета «Об обществах и союзах» // Там же. № 7–9. С. 16–17.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 37. Л. 156, 174; Д. 110. Л. 237.

добровольных шефских обществ. Среди типичных недостатков массового добровольного движения власть признавала сохранение практики коллективного вступления, отсутствие работы в низовых ячейках, отсутствие выборности руководящих органов и лиц, а также отчетности, подмену самостоятельности рядовых аппаратными работниками руководящих органов обществ.

Осоавиахим был призван стать «центром притяжения всех сил, которые можно организовать для обороны Советского государства», и все несостоявшие в армии должны были вступить в общество, дабы «уметь владеть винтовкой» и «знать, как обороняться от газовой войны»²⁶. Интернациональный компонент в политическую культуру советских граждан вносил МОПР. Утопически-романтическую «обертку» его направленности на мировую революцию в связи с очередной годовщиной Парижской коммуны весьма образно преподносил П.Н. Лепешинский: история МОПРА «является кусочком истории массового революционного движения, разлившегося и продолжающего разливаться со стихийной силой весеннего половодья по всему лицу земли, – того движения, которое сумеет исстрадавшемуся человечеству» показать недалекие уже перспективы полного его освобождения от всех и всяческих видов гнета, рабства и капиталистической эксплуатации²⁷.

Общественные организации призывались всюду «проникать своими щупальцами», переплетались и как бы поддерживали друг друга, включаясь в режиме чрезвычайности в очередную «ударную» сверхзадачу²⁸. Даже пионеры в этой системе – «тот инструмент, то орудие, та пушка, тот пулемет или та тихая сапа, которые подрывают устои старого быта...»²⁹. Каждая структура была посредником между властью и массами, обеспечивала их консолидацию на выполнение установок ВКП(б). В то же время именно эти организации формировали у рядовых граждан убежденность в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации, даже если она происходила под контролем и в рамках, установленных властью. Власть всячески стимулировала массовый энтузиазм и социальный оптимизм строителей самого передового и справедливого в мире государства, но ведущими тенденциями общественной жизни стали централизация и формализация, строгая регламентация сверху, исключение самостоятельности в содержании и формах работы, полное игнорирование демократической природы массовых добровольных обществ. Они стали одним из инструментов стандартизации социального пространства. Примечательна критика содержания культурно-просветительной работы М.П. Томским: «... вы все даете рабочему с тенденцией, с направлением: и театры с направле-

²⁶ Рыков А.И. К неделе обороны // Огонек. 1927. 10 июля. № 28 (224). С. 1.

²⁷ Лепешинский П.Н. На помощь пленникам капитала // Огонек. 1928. 18 марта. № 12 (260). С. 1.

²⁸ Подготовку профкадров поднять на уровень задач заключительного года пятилетки. Речь секретаря ВЦСПС тов. Перепечко на всесоюзном совещании по подготовке профкадров, 28 января 1932 года // За большевистскую подготовку профкадров. М.: Профиздат, 1932. С. 5.

²⁹ Бухарин Н.И. Учительство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения, 1925. С. 5, 6, 13, 16.

нием, и лекции с направлением, и кружки с направлением... Нельзя человеку жить с теми направлениями, которые угодны правлению вашего клуба»³⁰.

Выдвиженцы проходили в общественных организациях ускоренный политический ликбез. Слабость национальных парторганизаций зачастую превращала комсомольцев в невольных лидеров политической и социальной жизни в деревне. Меры стимулирования активности были стандартными: ударные кампании и смотры на лучшие ячейки, премии для коллективов и моральные поощрения, газетная и настенная пропаганда и агитация, самодеятельность, исключение из организации и лишение участия в коллективных мероприятиях, общественное осуждение пассивности и индивидуализма. Но многие вступали в комсомол, чтобы облегчить поступление на учебу или получение работы. Для актива из бедноты и батрачества немаловажное место занимала эксплуатация социальных обид и зависти, культивирование синдрома бескомпромиссности. Однако именно общественные активисты признавались основным источником для формирования кадров комсомольского аппарата. Упомянутый делегат от комсомола Украины заявил, в частности: «Украинизация, это вовсе не какой-нибудь технический процесс, это не техническая мера, а это вопрос о строительстве национальной культуры. Если мы посадим только украинский актив в наши окружные комитеты, это будет механическое разрешение вопросов, которое вообще эту проблему в нашем движении на Украине не разрешит ... Поэтому необходимо в наш союз на руководящую работу брать таких товарищей, которые проявили себя на большой общественной работе»³¹.

Образ нового человека в его советской идентичности, обретавший самооценку в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации, возвышался благодаря колоссальной роли признаваемых необходимыми образных и эмоциональных компонентов традиционных национальных культур. В системе мер по конструированию советскости важную роль играли также новые представления о социальных проявлениях престижа и новые статусные позиции в обществе, новые модели поведения в особенно ярких формах их демонстрации. Прямо или косвенно они противопоставлялись признанным негодными традиционным практикам духовной и гражданской идентификации через совокупность символов и образов, общественно полезных акций, стандартов социальной солидарности. При этом интерпретация настоящего как объективно востребованного и желаемого опиралась на разнообразные инструменты характеристики прошлого, в т. ч. духовного, как окончательно завершеного и совершенно непригодного в настоящем и будущем. Такие методы были наиболее действенны в отношении молодежи.

Неоднородность исходных условий и динамики преобразований в разных этнокультурных регионах СССР обусловила разные темпы и формы «прививки»

³⁰ К итогам IX съезда профсоюзов СССР. Передовая // Ударник. 1932. 6. Март. С. 10.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л. 264 об.

новых социальных институтов. При этом шло активное и целенаправленное переструктурирование как «старых», традиционных общественных элементов, так и «новых», возникших в ходе модернизации. Так, дисциплина обычного права обращалась к выдвиженцам из национальной среды, которые сумели вписаться в новые правила игры, обрести административный и неформальный ресурс в партийно-советско-общественных организациях³². Делегирование полномочий по защите или представлению интересов рядовых граждан происходило внутри родственных и клановых сетей, хотя внешне имело иные атрибуты и символы.

Профсоюзная система оставалась надстроечной частью социального организма, отсюда бюрократический характер деятельности всех ее звеньев, неспособность самостоятельно влиять на производственную или культурную жизнь людей, реализовать заложенные в природу союзов демократические начала. Из Семипалатинской губернии докладывали: «Если на собраниях не обсуждается вопрос о мануфактуре, галошах, пайках и пр. вещах, их многие предпочитают не посещать». Проверяющие из ЦК партии признавали: МОПР, ОДВФ, Доброхим и ОДН создаются по инициативе сверху под известным нажимом³³.

Общественные организации пересекались не только в сферах действий, но и в индивидуальном социальном пространстве, умножая неразбериху в сознании и поведении человека. На среднем предприятии с 1 тыс. рабочих было от 60 до 68 организаций и должностей, рабочий день активиста составлял 14–15 часов, некоторые по 5 дней не ходили домой, их настигали «физическое изнашивание, нервная напряженность» и пр., но массы оставались вне этих структур. В мае 1925 г. ЦК партии установил примерный перечень основных собраний и заседаний в организациях и обществах, их продолжительность и число поручений на одного работника³⁴.

На объединенной конференции профсоюзов Кзыл-Ординского, Актюбинского, Адаевского округов и Кара-Калпакской области в 1928 г. отмечалось: «... в настоящее время каждый рабочий и служащий является участником целого ряда организаций..., требующих от него чрезвычайно частых посещений различных заседаний, собраний, совещаний, часто не оставляющих ... времени для практической работы и работы по самообразованию и т. д.». Из-за недостатка работников делегаты выступили за объединение технических аппаратов, чтобы сократить расходы и рационально организовать дело в малочисленных профсоюзах³⁵. Еще одну проблему составлял языковой барьер. В республиках на собраниях вводилось чтение на двух языках. Моноэтничные форумы практиковались лишь как информационные.

Ключевые основы этносоциальной культуры сохранялись в латентном виде, выполняя миссию адаптации этносов к новым обстоятельствам. Итогом социаль-

³² См.: «Мнение без прикрас». Письмо члена КирВРК Т.И. Седелникова В.И. Ленину. 1920 г. // Исторический архив. М., 1994. № 4. С. 79–81.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 327. Л. 34, 36; Д. 603. Л. 19; Степная правда (Семипалатинск). 1921. 6, 10 марта.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 18. Л. 19–23, 73–74; Д. 17. Л. 41, 19–23.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 248. Л. 66–71.

ного эксперимента стало создание квазиклассовой структуры общества, маргинализация общественного положения и поведенческих моделей. В среде активистов фиксировали пьянство, склоки, хулиганство. Именно комсомольский актив оказался наиболее подвержен «половой распущенности»³⁶. В отношении широких масс устройство массовых организаций по административно-территориальному принципу, интернациональных по составу и престижных в новой социальной иерархии было важным инструментом снижения ценности и значимости этнокультурных стандартов поведения, социальной мобильности. Межэтнические коммуникации, опыт которых был у граждан СССР многопоколенным и выработал способность уживаться и адаптироваться в разных условиях, прирастали новыми практиками, продиктованными почти исключительно чрезвычайными факторами надэтнической политики ВКП(б).

Объединение рабочих в профсоюзы позволяло консолидировать маргинализированные группы людей, вброшенных в абсолютно новые для них производственные системы, обеспечить их управляемость, организованную профподготовку и адаптацию в качественно иных социально-бытовых условиях. Формировались стимулы к закреплению человека на производстве, усиливалась его зависимость не только от показателей труда, но и от расположения профбюрократии. Идеинная лояльность и производственная дисциплина стали важнейшими условиями повседневного благополучия и даже личной безопасности.

Несмотря на титанические усилия, общественные организации не могли заменить государство, которому пока не хватало собственных средств и кадров, в решении наиболее значимых проблем модернизации общества. Так, ЦК РКП(б) признал, что к 10-летию октябрьской революции неграмотность все еще не ликвидирована повсюду. В связи с этим деятельности ОДН придавалось «ударное значение», прежде всего за счет роста его ячеек на селе (в ОДН числилось 1400 тыс. чел., но они работали лишь в городах). Боевым штабом общества становилась более авторитетная ВЧК л/б, а редактор газеты ОДН «Третий фронт» вводился в руководство общества, которое возглавлял М.И. Калинин, не справлявшийся на деле с уймой общественных поручений в силу объективной загруженности на посту главы ВЦИК. На местах действовали по аналогии. Новое районирование республики, проведенное в середине 1928 г., предопределило перестройку и всей сети общественных организаций³⁷.

Все добровольные массовые организации испытывали общие трудности. Осоавиахим, к примеру, несмотря на соединение в нем в апреле 1925 г. ОДВФ и Доброхима, по всему СССР отличался упадком низовой работы, несмотря на растущий интерес граждан к авиации и химии, и расточительностью, падением прироста членов, абсолютным падением денежных поступлений (они получались от продажи газет, пожертвований, реализации марок), невыполнением

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24. Л 40–144.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 757. Л. 51.

производственных планов членами общества, отсутствием к ним внимания со стороны партийных и профсоюзных организаций. Фракция РКП(б) бюро президиума общества 10 ноября 1925 г. вынуждена была призвать «концентрировать внимание на удержании имеющихся рядов общества», сосредоточиться на работе не вширь, а вглубь, усилить массовую работу в ячейках через решение конкретных задач, обеспечить для них материальную базу³⁸. Неработоспособным было признано и большинство местных комитетов Общества содействия жертвам интервенции, созданного в феврале 1924 г. по решению правительства страны. Главным видом работы был сбор претензий от крестьян с последующей выплатой компенсаций, но на деле это происходило крайне редко. Во многих местах к руководству привлекались авторитетные партработники, которые как бы по своей инициативе или по приглашению налаживали работу, что, как считалось, «общественное лицо общества не изменяло». Из-за перегруженности рабочих и служащих разными взносами собрать средства было трудно, в Казахстане общество не получило широкого распространения, как и в большинстве других регионов СССР. ЦК вынужден был дать указания усилить сбор претензий, «пока не распались низовые организации»³⁹.

В целом наиболее жизнеспособными в силу привязки к непосредственному производству и массовости были профсоюзы. Именно на них возлагались все большие социально-культурные функции, регулирование отношений с другими общественными организациями, решение производственных задач через различные формы социального контроля и поощрения и т. д. Разнообразие общественных сетей и их масштабы служили реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. В то же время они играли важную роль в контроле производственной дисциплины, статусной иерархии, направлении амбиций граждан в подчиненное общим целям бюрократическое пространство. Новообращенным в коммунизм националам-управленцам приходилось решать множество сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера. Но мало предсказуемая ситуация требовала огромных усилий для тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умения гибко и оперативно перестраиваться на ходу. Искренне настроенные на позитивный результат и улучшение качества жизни людей работники первыми попадали в число «проваливших» то или иное дело.

Маргинальные группы выдвиженцев «из народа» консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное зависимостью от вышестоящих чиновников и структур, скороспелым и поверхностным образованием, стремлением сохранить и преумножить социальные привилегии, прилагавшиеся к должности, страхом и незащищенностью перед возможным в любой момент падением с достигнутой ступени в иерархии созданного советским государст-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 757. Л. 60–61.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 757. Л. 63–70.

вом острова престижного потребления в океан бесправия и полуголодной жизни. Многие ответработники в силу острого дефицита кадров совмещали несколько должностей, что во многом объясняло низкое качество управления и перманентные срывы в работе, слабую организацию, давая бесконечные поводы к обвинениям в различных прегрешениях.

Выдвиженцы-националы стремились не возвращаться в родные деревни и аулы. Руководители казахстанской и татарской парторганизаций Ф.И. Голощекин и М.М. Хатаевич дружно свидетельствовали: «... каждый коммунист, как только он немного научился грамоте, не идет на простую техническую работу, а только обязательно Заведующим Отделом»; «... они не желают быть рядовыми работниками, а желают иметь портфель». Казахские активисты неохотно шли на профсоюзную стезю из-за молодости движения, его неавторитетности и непопулярности (любой степняк знает, – замечал Голощекин, – кто такой предсовета, начальник милиции и т. д., но редко – что такое профсоюз). Характерным стало «рассмотрение комсомола как организации, которая дает хорошие посты и хорошее жалованье»⁴⁰. Националы увлекались темпами «этнизации» без связи с интересами движения и практическим положением вещей, когда профсоюзы на 80% пока состоят из «европейцев», которых тоже надо «обслуживать». В 1929 г. признавалось: «имеется не естественный рост профактива, а “искусственная прививка”»⁴¹.

Одной из наиболее сложных задач советского социального инжиниринга было изменение социальных показателей консолидации, статусных приоритетов, карьерного потенциала. Существенную роль играла внутриэтническая конкуренция за доступ к власти и ресурсам, наряду со стремлением части национальной бюрократии и интеллигенции взять реванш за русификацию. Характерной чертой политико-правовой культуры было подчинение авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией. Бюрократия от общественности стала значимым социальным актором, органично вписанным в номенклатурную сеть управления и дорожившим связанным с этим статусом бонусами и привилегиями. Для рядовых граждан сонм чиновников и активистов служил мощным идейно-организационным фильтром на пути к карьере, образованию и жизненному благополучию. Становится устойчивым навык работать на видимость, искусно подменять существо на знак, не замечать и игнорировать объективную реальность ради заданных параметров социального благополучия. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры со-

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056. Л. 10–12.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 262. Л. 97; Д. 152. Л. 89, 92–9; Д. 157. Л. 19, 26 об., 23; Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Профсоюзы Советского Казахстана. М., 1961. С. 51–53.

циальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

С конца 1920-х гг. громоздкая сеть профсоюзных, комсомольских организаций, всевозможных добровольных обществ, союзов, объединений, охватывая практически все население страны, начала приводиться в более «регулярный» вид. Везде обеспечивалась строгая вертикаль, непрерывный и бдительный контроль партийных органов. Они назначали затем выбиравшихся руководителей общественных организаций всех уровней, сроки проведения их съездов, конференций и пленумов, обеспечивали идейно-политическую сторону подготовки кадров для них, контролировали печатную продукцию, репертуар и состав творческих организаций и т. д.

В феврале 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли»⁴². С отказом от НЭП административный стиль управления брал верх повсеместно: все общественные объединения должны были пройти перерегистрацию, а признанные по своим задачам, цели и методам противоречащими интересам строительства социализма не имели права на существование. При этом попытки сохранить демократические начала в деятельности общественных организаций оборачивались их демагогической формализацией, а выражение сомнения грозило остракизмом. В 1929 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) возложило на Наркомат РКИ согласование и утверждение вопросов созыва съездов и совещаний всех массовых организаций. НКВД контролировал созыв их съездов и совещаний (в 1929 г. было зарегистрировано 120 обществ), согласовывая свои решения с соответствующими наркоматами, отчитывался об имеющих политическое и общественное значение мероприятиях общественных структур перед ЦК ВКП(б), давал разрешение на их проведение по согласованию с ОГПУ. Внутри добровольных организаций контрольные функции выполняли партийные фракции⁴³. Постановление ЦИК и СНК СССР 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», подвело черту под периодом относительной самостоятельности и самодеятельности граждан. «Положение о добровольных обществах и союзах» ВЦИК и СНК РСФСР регламентировало условия и средства привлечения этих организаций «к активному участию в социалистическом строительстве». Организационные изменения усиливали огосударствление социокультурной сферы.

Сфера межэтнических отношений в тяжелых условиях индустриализации и коллективизации, ускорившим производственную и социальную мобильность граждан, интенсификацию их межкультурных коммуникаций, подвергалась повседневным испытаниям на практический интернационализм, который определялся в качестве одной из решающих задач в борьбе с т. н. великорусским шовинизмом и местным национализмом. Они были определены главными врагами еще в первой половине 1920-х гг., а борьба с этим злом не исчерпывалась

⁴² СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 561. Л. 1–12, 30–34.

подавлением группировок и оппозиционных проявлений в рядах этнических элит. Отдел национальностей ВЦИК в ноябре 1930 г. направил в Наркомюст с специальное обращение: «Как местная печать, так и поступающие с мест материалы свидетельствуют о слабости борьбы с проявлениями местного национализма и в особенности великорусского шовинизма. Борьба с этими явлениями будет иметь успех только при условии, когда она будет проведена объединенными усилиями советских и общественных организаций, когда наряду с развертыванием политико-разъяснительной работы по интернациональному воспитанию трудящихся будет проводиться решительная борьба с этими общественно опасными явлениями и по линии органов Прокуратуры и суда». Отдел национальностей ВЦИК просил наркомат обратить внимание местных органов прокуратуры и суда «на этот вид социально-вредных явлений и повести с ними непримиримую борьбу, привлекая к судебной ответственности в каждом отдельном случае лиц, виновных в нарушении здоровых межнациональных взаимоотношений». Уже через неделю начальник организационно-инструкторского отдела Наркомюста сообщил, что еще летом 3-е совещание руководящих судебно-прокурорских работников «дало ряд конкретных мероприятий» по этому поводу, а все «ревизионные и исследовательские выезды на места» не обходятся без внимания на сей счет. На 1931 год было запланировано изучение всех следственных и судебных дел в РСФСР, связанных с данной темой. Наркомюсту приходилось также заниматься находившимися в зачаточном состоянии т. н. судебными камерами для китайских и корейских рабочих, а Секретариату ЦИК СССР требовать от властей Узбекистана расследовать по существу заявление киргизского населения Ферганского округа о притеснениях со стороны местных властей с докладом в Президиум ЦИК СССР и ЦИК Киргизии⁴⁴.

Впрочем, и в относительно монокультурных районах требование неукоснительно выполнять хозяйственные планы заставляло местные власти действовать без учета этнической специфики и самых очевидных нужд людей. Как выяснил проверяющий инструктор Президиума ВЦИК Самойлович, в Бурят-Монголии в 1930 г. «трудгужповинность и трудовая повинность из меры экстраординарного порядка превращены в повседневное явление, в необходимый и неизбежный элемент хозяйственной работы советских, хозяйственных, кооперативных организаций и административных органов БМ АССР. Вводят трудгужповинность и трудповинность, уже не говоря о центральных органах ЦИК, СНК, АИК (рик) и сельсоветы по самым разнообразным поводам, для переброски хлеба из глубинных пунктов, для подвозки леса, для восполнения недостающих рабочих рук в строительстве, для развозки по району работников и т. д.». При этом «приказ, нажим, угроза, административное взыскание, предание суду» стали нормой в руководстве аймачных (районных) исполкомов сельсоветами

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 47. Л. 11–12 с об. 7–8; Д. 309. Л. 1.

как и «совершенно незаконные вычеты из заработной платы председателей с/с на публикацию объявляемых им выговоров в печати»⁴⁵.

Политизация этничности концентрировала внимание общества на преимуществах национального равенства, включая в него не только коренизацию, экономическую модернизацию ранее отсталых окраин, но и равный доступ народам к общим для всех культурным ценностям, реконструированным на атеистической основе. Консолидация по-советски означала новые критерии не только лояльности власти, но и реализации общественного потенциала человека. Признание идей коммунизма и активное участие в классовой борьбе подразумевало не только атеизм, но и искоренение любых признаков уважения к свободе совести и вероисповедания, особенно в лице служителей культа. Традиционные ритуалы сохранялись в быту, но «заместительная терапия» постепенно меняла символику и модели групповой солидарности, хотя специфика традиционной культуры затрудняла межкультурную интеграцию. ВЦИК в 1930 г. отмечал по поводу Казахстана: школы, избы-читальни и т. д. «обеспечивают культурное развитие. Но если сельсовет и рик кочуют, и ... население тем более кочует ... нужно найти такие формы, которые обеспечивали бы нужды населения»⁴⁶. Для привлечения в общественные организации казахи освобождались от уплаты взносов или паев, имели рассрочки и пр.

После принятия Конституции СССР 1936 г. отдел национальностей ВЦИК упразднен, как и должности представителей автономных республик и областей при ВЦИК. Национальным вопросом занимался Президиум Совета национальностей, но его фактическая роль в конце 1930-х гг. сведена к минимуму. Консолидация политических институтов окончательно подчинила все проявления культурной сложности общества директивному курсу партии на доминирование объединяющих все народы образцов, которые были адекватны требованиям единства, – страна как семья, иерархия новых социальных связей в основе вертикали советских форм общественного признания и самореализации, культурные стандарты престижности, идеология единственно верного пути к всестороннему прогрессу.

При подготовке выборов в Верховный Совет СССР 1937 г., которые состоялись 12 декабря, были активно использованы механизмы совмещения вертикального партийного контроля за всем процессом их организации и декларативной демонстрации признаков представительной демократии. При этом общественные организации играли одну из важных ролей в данном процессе. Так, на пленуме Новосибирского обкома ВКП(б) критиковалось положение в Усть-Тарском районе, где коммунисты выдвигались от райкома ВКП(б), комсомольцы – от райкома комсомола. В Чистоозерном районе не было представителей от профсоюзов и от учителей. На совещании с работниками профсоюзов при Омском обкоме ВКП(б)

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 285–286.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 25. Л. 201. Островский – сотрудник ВЦИК.

23 декабря 1937 г. Калачинскому райкому была предъявлена претензия, что в ходе кампании партийный орган «неправильно поступил, оформляя в качестве председателей и секретарей участковых комиссий учителей только через общие собрания колхозников». Было предложено «часть учителей выдвинуть через профсоюзные собрания и другие организации»⁴⁷.

Но далеко не всегда происходила точная реализация властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутризтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений. Власть и ее представители опирались на традиционные приоритеты массового сознания, глубоко укорененные установки на патриархальный общинный уклад, авторитарный характер и патернализм власти, ее сакрализацию, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры. Они переплетались с внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных установок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему, или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Происходило пересечение и наложение разных культурных, психологических, поведенческих, бытовых практик. Советское совмещалось с этническим и становилось национальным в гражданском смысле. Это подтверждает неоднородность советского опыта, многомерная сложность и динамизм складывания и функционирования советскости, как и памяти о ней. Сверхцентрализация и единство идеологии при этом не мешали, а укрепляли возможности для многообразных адаптивных способов общегражданской самоидентификации. В рамках комплексной социально-культурной модернизации народов СССР усилиями государства обеспечены создание систем образования и здравоохранения, ликвидация безграмотности, в том числе у многих народов – национальной письменности; распространение русского языка как инструмента межкультурного общения; «коренизация» и массовая подготовка кадров учителей, врачей, инженеров и иных квалифицированных специалистов, создание профессионального искусства и литературы.

Смена идеологических акцентов с интернационалистского на патриотический привела к переформатированию государственности с закреплением в Конституции СССР 1936 г. Утверждение концепции «старшего брата» означало отступление от прежнего проекта межатнической интеграции за счет уступок со стороны русского большинства в пользу социально-экономического и культурного прогресса других народов, предоставления им ранее невиданных управленческих и статусных возможностей. Руководящая роль русских, складывавшаяся исторически, реализовалась в новом социальном и идеологическом

⁴⁷ Дорожкина Я.Б. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. Формирование окружных и участковых избирательных комиссий [Электронный ресурс] // URL: http://zaimka.ru/07_2002/dorozhkina_elections/ (дата обращения: 31.03.2012).

контексте и в рамках жестко иерархизированной этнополитической конструкции. Русская культура была основой интернационального «сближения и расцвета социалистических наций». Межкультурная интеграция еще более последовательно подвергалась администрированию по вертикали, что далеко не всегда означало точную реализацию властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутриэтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений.

Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни каждого человека, наряду с отчуждением от результатов труда, обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т. д. Нельзя отрицать объективно прогрессивное значение включения национальных масс в социально активные формы общественной жизни. Но массовое участие в новых формах социальности часто не означало глубинных изменений в архетипах культуры и ментальности недавних крестьян, кочевников, охотников и собирателей. В рамках советской этносоциальной политики, которая внешне поощряла сохранение национальной самобытности и ставила задачу воспитания чувства солидарности в советском народе, в национальное общественное сознание были вмонтированы ключевые идентификации нового социального порядка, подразумевавшие прогресс собственно этнокультуры. Формировалась и региональная идентичность. Улучшение средств коммуникации, социальная мобильность населения укрепляли общегражданское единство народов СССР.

Этноидентификационные показатели всех народов СССР подверглись мощной качественной трансформации, прежде всего, в связи с изменением социальной структуры общества, масштабным вовлечением низов в образовательное, политическое и управленческое пространство. В то же время исторически сложившаяся этномозаика диктовала свои особенности. Во взаимоотношениях социальных и этнических общностей и групп внутри и между собой, а также их лидеров маркеры культурных дистанций получали разное воплощение: от интуитивного следования архетипам компромиссного и/или конфликтного взаимодействия и со «своими», и с «чужими» до рациональных, прагматичных и оперативных комбинаций партнерства и противоборства с ними же.

В то же время бесконечно разнообразная и динамичная социальная практика с ее живыми участниками – обычными людьми, причисляемыми или нет (особенно ими самими) к какой-либо этнической, социальной, демографической группе, оказывалась часто отдельной и отделённой от бесчисленных инициатив, организованных специально для них структур и наполнявших их чиновников, и уж тем более от безбрежного «бумагооборота» (советский новояз). Лексика «обывателя» во

многим принципиально иначе отражала и оценивала реальность, демонстрируя пластичную живучесть архетипов традиционной культуры. Власть пыталась административными мерами преодолеть созданное под давлением идеологии препятствие – бесчисленные искусственные барьеры (территориальные, политические, социально-культурные) между различными социально-этническими общностями. Между тем внутри последних сложились и развивались собственные сложные взаимные связи и зависимости, предпочтения и ориентиры, а принадлежавшие к разным этносообществам граждане организовывали собственную жизнь не только на основе культурной идентификации, а все больше руководствуясь общегражданскими (национальными), профессиональными, демографическими, гендерными и т. д., и т. п. интересами, ценностями и стереотипами.

Жесткое социальное структурирование советского общества также обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем обязаны были выступать облеченные властью институты. Являясь с формальной точки зрения отдельной самостоятельной общностью, обладавшей собственной государственностью, в то же время народы СССР представляли собой неотъемлемую часть общесоветской культурно-политической общности. Но многообразная действительность в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Да и т. н. центр постепенно подстраивался к местам, проявляя разную степень гибкости в принимаемых решениях и особенно – в конкретной практике органов управления республики. В этом смысле полезным представляется вывод представителей «новой имперской истории» об активном участии национальных элит конца XIX–XX вв. в воплощении «имперскости» и расширении глобальной модерности⁴⁸.

Образ нового человека в его советской идентичности, обретавший самооценку в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации, возвышался благодаря колоссальной роли признаваемых необходимыми образных и эмоциональных компонентов традиционных национальных культур. В системе мер по формированию советскости важную роль играли также новые представления о социальных проявлениях престижа и новые статусные позиции в обществе, новые модели поведения в особенно ярких формах их демонстрации. Прямо или косвенно они противопоставлялись признанным негодными традиционным практикам духовной и гражданской идентификации через совокупность символов и образов, общественно полезных акций, стандартов социальной солидарности. При этом интерпретация настоящего как объективно востребованного и желаемого опиралась на разнообразные инструменты характеристики прошлого, в т. ч. духовного, как окончательно завершенного и со-

⁴⁸ Что значить пост- в «постимперском»? // Ab Imperio. 2017. № 3. С. 17–24.

вершенно непригодного в настоящем и будущем. Такие методы были наиболее действенны в отношении молодежи.

С одной стороны, безусловный прогресс в обеспечении массовой грамотности, создании кадров специалистов для управления, ведущих отраслей экономики и социальной сферы – представителей титульного этноса – имели принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей народов СССР, создания условий к их дальнейшему развитию. С другой стороны, нивелирование этнокультурной самобытности, заложенное в основу советской социальной политики, деформировало систему социально-психологических ориентиров, выстраивало новые модели поведения и картину мира, идеологически и политически адекватные социалистической, авторитарной парадигме переустройства мира и человека в сталинском СССР.

§ 2. Интернациональная цена модернизации

Индустриализация и коллективизация, массовый голод и массовые репрессии 1932–1933 гг., в т. ч. против «националов», обусловили серьезные изменения в этнополитике. Как отметил Т. Мартин, они были вызваны явными проявлениями недовольства русских коммунистов прежним креном к «позитивной дискриминации» других народов и еще более ростом «национальной самоуверенности» среди этнокультурных и этнополитических элит страны⁴⁹. Такой поворот получил оформление в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г., прямо связанном с этнокультурным многообразием и идентичностью людей. «Небольшевистская украинизация» объявлялась причиной срыва хлебозаготовок и подлежала корректировке с усилением русского языка во всех сферах и изгнанием «буржуазно-националистических элементов» из всевозможных организаций. В Белоруссии с 1930 г. шла борьба против т. н. национал-демократизма, представители которого отрицали наличие классовых противоречий в национальной среде. По мнению историков, белорусы просто «свыклись с большевистским правлением», тем более что оно подкреплялось усиленной агитационно-пропагандистской работой. В 1933–1934 гг. ЦК КП(б) Белоруссии усилил критику «небольшевистской» белорусизации, а административные взыскания за незнание и неиспользование белорусского языка запрещалось публично осуждать и выносить. К 1938 г. термины «коренизация» и «белорусизация» исчезли из периодической печати и выступлений представителей власти⁵⁰. Ценная информация белорусских историков о политических репрессиях и подавлении сопротивления

⁴⁹ Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2001. С. 107.

⁵⁰ История белорусской государственности. Т. 3. С. 374, 517–518.

белорусских крестьян не только в СССР, но и из-за ухудшения их положения в результате специальных акций польских властей на территории Западной Белоруссии в 1930-е гг. обеспечивает более полное понимание сложных проблем разделенного народа в предвоенный период⁵¹.

Репрессивные меры в отношении всевозможных «врагов народа», резко расширившись на фоне и вследствие серьезных трудностей в консолидации всех ресурсов для «строительства социализма в одной стране», совпали с коллективизацией, которая обусловила трагедию всех народов СССР. Индустриальные проекты власти были космополитическими и нацеливались на ускоренную экономическую модернизацию, которая, безусловно, прямо и нередко драматически влияла на положение и социальную реструктуризацию большинства этнических общностей страны. Урон, нанесенный коллективизацией, стал общенациональным, пострадали буквально все народы СССР, в большинстве своем состоявшие из крестьян.

На примере Узбекистана одной из первых эту проблему показала Р.Х. Аминова. Характерно, что она акцентировала внимание на общих для всего крестьянства СССР последствиях массовой коллективизации: переход всей земли в общественную собственность обусловил отрыв человека от земли, от средств производства. Перестав чувствовать себя хозяином земли, крестьянин превратился в поденщика, наемного рабочего. К тому же административно-командный аппарат направлял на развитие индустриализации почти все, что зарабатывалось потом и кровью крестьян, утвердил неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и другими отраслями экономики, и на селе накапливались социальные проблемы⁵².

Наиболее острые дискуссии по поводу истории коллективизации и голода как проявление презентизма развернулись на примере Казахской АССР и Украинской ССР. Предпринимаются попытки объяснить тяжелые потери населения в этих республиках сознательным замыслом руководства страны и прежде всего И.В. Сталина наказать коренные народы. Казахстанские историки сделали немало для восполнения документальной базы истории коллективизации и голода⁵³, подчеркивая переплетение внутри- и внешнеполитических факторов, обусловивших в конечном счете трагедию. Они считают, что поскольку традиционная структура казахского общества как система включала и общину, и крупные байские хозяйства, и переходные формы, борьба против баев привела к разрушению функционального целого и трагическим последствиям для казахского аула в целом⁵⁴. Как пишет К.С. Алдажуманов, то, что творилось в казахских аулах, поражает своей абсурдностью и жестокостью. Территория КАСР в 1929–1932 гг. находилась в состоянии гражданской войны, а все обстоятельства

⁵¹ История белорусской государственности. Т. 3. С. 390, 540–545, 601–605; Т. 4. Минск, 2019. С. 90–92.

⁵² Аминова Р.Х. Из истории коллективизации в Узбекистане // История СССР. 1991. № 4. С. 52.

⁵³ Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Сб. документов и материалов. Алматы, 1998; Трагедия казахского аула. 1928–1934. Сб. документов. Алматы, 2013.

⁵⁴ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Алматы, 2009. Т. 4. С. 216.

голода нуждаются в комплексном изучении⁵⁵.

В Казахстане, Средней Азии и у ряда народов Сибири коллективизация была связана с переходом от кочевого к оседлому образу жизни, проведенному насильственно и обернувшимся гибелью миллионов людей, колоссальным уроном для животноводства, вспышками сопротивления. В период между переписями 1926 и 1937 гг. численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов составила 1 798 тысяч (42% всей численности казахов республики). На Украине только с 1 декабря 1932 г. по 15 апреля 1933 г. от голода и случаев людоедства погибло 2420100 человек. Непосредственных жертв голода 1932–1933 гг. в Поволжье было 365722. Вследствие голода, а также от различных заразных заболеваний погибло 2580000 казахов, 800 тысяч эмигрировали в другие страны. Из проживавших в Казахской АССР представителей других народов⁵⁶ от голода умерли 11% украинцев, 6% русских, 8% узбеков, 13% уйгуров, 10% татар, 11% немцев. Насаждение колхозов привело к оттоку в Маньчжурию корейцев Дальнего Востока. Репрессии против казачества и депортации 172 тысяч из 204 тысяч корейцев в Казахстан и Среднюю Азию не снизили напряжение в регионе, хотя острых межэтнических конфликтов не возникало⁵⁷.

Среди казахстанских историков нет единства в оценке причин голода, численности жертв, последствий и их «виновника»⁵⁸. Т. Омарбеков, в частности, соглашаясь, что голод был всесоюзной трагедией, но национальной политики не было, так как власть не признавала национальности, называет геноцидом репрессии против казахской интеллигенции, голод же был геноцидом не по замыслу, а по результатам. Число погибших он сводит почти к половине казахского населения тех лет⁵⁹. Наиболее достоверной считается оценка в более чем его треть. Вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Неймарка о геноциде в отношении казахов, тем более что достоверность самых высоких показателей жертв голода не обоснована. Неубедительно выглядит и квалификация М. Пейном строительства Турксиба в годы коллективизации как программы «ассимиляции казахов в советский рабочий класс»⁶⁰. С. Уиткрофт поддерживает тех казахстанских истори-

⁵⁵ Алдажуманов К.С. К истории голода 1931–1933 годов в Казахстане // Трагедия казахского аула. 1928–1934. Сб. документов. Алматы, 2013. С. 8–10.

⁵⁶ Чудовищные факты людоедства в Казахстане наблюдались среди представителей разных национальностей // АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 667. Л. 55.

⁵⁷ См.: Араповец Н.А. Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–140; Российская многонациональная цивилизация. М., 2003. С. 164–165; История таджикского народа (1917–1941 гг.). Душанбе, 2004. С. 719–720; <http://www.altynorda.kz/news/svezhie-novosti/nastalo-vremya-raskryt-istinnuyu-prichinu-massovogo-goloda-1929-1932-godov-deputat-baktiyaryuly/> (дата обращения: 8.04.2012); Киреев А.А. Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // <http://zaimka.ru/kireev-koreans/> (дата обращения: 31.03.2012).

⁵⁸ Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71; Абылхожин Ж., Алдажуманов К., Козыбаев М. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992; Омарбеков Т. Зобалан. Алматы, 1994; Омарбеков Т. 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы, 1997.

⁵⁹ Омарбеков Т. Аштыққа саяси бара әлдеқашан берілген // <http://anatili.kazgazeta.kz/?p=50054>. 2018. 18 ноября (дата обращения: 23.12.2018).

⁶⁰ Naimark N.M. Stalin's genocides. Princeton University Press, 2010; Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, индустриализация и индустриализация в годы сталинского первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273, 274.

ков, которые не пытаются интерпретировать голод как целенаправленную акцию против своего народа⁶¹. Между тем в казахстанской историографии утверждается мнение, что советская власть продолжила политику Российской империи по массовому переселению крестьян из европейской части страны с выселением коренного народа с плодородных земель. Они пытаются представить оценку одного из первых авторов, поднявших тему голода в Казахстане, как геноцид. Подчеркивается, что Казахстан стал полигоном для проведения антигуманного социального эксперимента, а масштабы трагедии как общенациональной катастрофы были так чудовищны, что «мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида»⁶².

Однако нет никаких объективных свидетельств в пользу того, что сталинский режим целенаправленно использовал коллективизацию и связанное с ним оседание кочевников для уничтожения казахов как народа. Р. Киндлер утверждает, что СССР как колониальная держава при Сталине держался в основном на беспорядке, нестабильности и постоянных эксцессах насилия. Он рассматривает не только весь круг вопросов, обсуждаемый при изучении голода, но и пытается определить «адаптационные стратегии казахов в борьбе с перманентным кризисом. Сами кризисы оцениваются как стимул и цель для власти. Он также отмечает, что для казахской степи был характерен не избыток, а «вопиющий недостаток общепризнанных структур современной государственности». Именно голодный кризис поэтому Киндлер считает «колыбелью казахской советской нации» как общества зависимых. Ценным представляется его замечание о т. н. «принудительном доверии», когда само молчание о голоде снимало необходимость обсуждать индивидуальную вину и ответственность за него, а потому сегодня недостаточно трактовать голод как национальную трагедию⁶³. В контексте дискуссий о причинах и «виновнике» голода в Казахстане в начале 1930-х гг. важно проанализировать, какова степень ответственности интернационального руководства КАССР в совокупности определивших позицию Москвы факторов, корректное определение которых дает Н. Пианчола⁶⁴.

На Украине обвинительный аспект в отношении советской власти активно поддерживают Л.Г. Лукьяненко и С.В. Кульчицкий, настаивающие на том, что голодомор следует считать геноцидом украинцев⁶⁵. А.В. Шубин вслед за В.В. Кондрашиным показывает, что нет доказательств специальных действий власти против украинцев, что лучше всего подтверждается голодом во многих российских регионах, на Северном Кавказе и в Казахской АССР⁶⁶. Ш. Мерль применительно к ситуации на Украине обоснованно отмечает: голод был повсеместным явлением, «но

⁶¹ Правда о голоде 1932–1933 годов. Под ред. Б.Г. Аягана. Алматы, 2012. С. 149.

⁶² Там же. С. 151, 161, 296, 302.

⁶³ Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М., 2017. С. 6, 8, 12, 331, 337–340.

⁶⁴ Пианчола Н. Сталинская «иерархия потребления» и великий голод 1931–1933 гг. в Казахстане // Аб империи. 2018. № 2. С. 80–116.

⁶⁵ См.: История Украины. СПб., 2016. С. 364; Кульчицкий С.В. Историчне місце української радянської державності. Киев, 2002.

⁶⁶ История Украины. СПб., 2016. С. 364; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2018.

это необходимо учитывать при оценке тезиса о том, что голод якобы был не непредвиденным следствием политики индустриализации, а вполне осознанным проявлением национальной политики ... Многое говорит за то, что осуществляемые правительством меры касались всего советского крестьянства, а ни в коем случае не одних украинцев. В любом случае реакция партийного руководства на разразившийся в конце 1932 г. смертельный голод свидетельствует не в пользу точки зрения, что мы имеем дело с проводимой в рамках национальной политики линией на развязывание голодного бедствия»⁶⁷. Эту позицию поддерживают и украинские историки: «Конечно, геноцида не было», но страшный голод на селе был обусловлен политикой власти, отдавшей приоритет промышленности и городам⁶⁸.

В целом большинство ученых согласны в том, что голод не был программой геноцида ни в одном из регионов или в какой-то из республик СССР, тем более что нет никаких убедительных доказательств обратного, а сами периодически возобновляемые на этот счет дискуссии не добавляют знания о динамике голода, численности жертв и других обстоятельствах, приведших к катастрофе. К тому же перенос акцента в область схоластических споров о категории «геноцид», исключительной ответственности первых руководителей республик и Сталина снимает важный вопрос о необходимости исследовать, как действовал механизм коллективизаторской гонки на местах, приведший к голоду, какую роль сыграли в ее трагических последствиях управленцы всех звеньев, в т. ч. национальные кадры⁶⁹.

Впрочем, коллективизация сделала несчастья всеохватными. Особые заботы власти вызывало т. н. социальное расслоение населения. Обследование национальных меньшинств в 1930 г. подтвердило принудительный характер советизации и коллективизации для всех без исключения. В Уральской области рост числа лишенцев при частичных перевыборах советов объяснялся «за счет недолишения в прошлом», при этом действовала установка лишать избирательных прав всех, кто не в колхозах, независимо от того, кулак он или нет. Для 100%-го закрытия церквей в одном из районов приняли решение «лишить избирательных прав всех звонарей как служителей религиозного культа», в другом – райком партии санкционировал выселить из пределов района председателя сельсовета за то, что «пекли яичницу»⁷⁰. Как писал в ЦК партии в 1939 г. житель Луховицкого района Московской области М.В. Девека, «в УССР и на Северном Кавказе весной 1933 г. многие голодали; многие и умерли на селах». Людей стало меньше, а с работой справляются лучше и быстрее, замечал он, потому что применили такой «кнутик», как голод. Нужно «разбить разговоры, будто Сталин продал «тайным образом много хлеба за границу, а себе деньги забрал», потому что вредительство там, вероятно, рассуждал он в контексте распространенных установок: «началось

⁶⁷ Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С. 49–61.

⁶⁸ История Украины. VI–XXI вв. Под общей ред. П.П. Толочко. 2 изд., испр. и доп. К., М.; 2018. С. 329.

⁶⁹ См. доклады участников специальной секции на VI международной научной конференции (Киев, 10–12 октября 2014 г.): Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 165–230.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 108, 110, 111.

с неправильного учета урожая и запасов хлеба у крестьян»⁷¹.

Глубочайший раскол деревни, порожденный насильственной коллективизацией, оборачивался взаимным ожесточением в каждом местном сообществе. Штрафы, многократные описи имущества и его продажа, бойкоты, обвинения в сокрытии имущества и семян, «неисправимости» и «политической подозрительности» оборачивались категоричными решениями, дающими широкий простор для расправы с неугодными. Например, Раевский сельсовет в Башкирии в феврале 1930 г. постановил в отношении четырех односельчан: «аннулировать как класс»; «выкурить»; «ликвидировать как вредного, чуждого советской власти элемента»; «раскорчевать»⁷².

Всевозможные эксцессы наблюдались повсеместно. В Алагир-Ордынском округе Северной Осетии в 1930 г. работали 5 бригад по 5 женщин в каждой, которые создали 15 красных обозов исключительно из женщин, собрав 35702 пуда хлеба. Но, как заключил инструктор ЦК ВКП(б), «растущую активность женщин не сумели закрепить, благодаря чему местами под влиянием кулачества женский актив пошел против мероприятий советской власти. Например, в селе Магометанка несколько делегатов, хорошо работавшие во время хлебазаготовок, в период подготовки к севу участвовали во главе толпы женщин, пришедших с требованием раздачи семенного фонда. Такие же явления наблюдались и в ряде других селений, где женщины под руководством антисоветских элементов выступали с требованием выхода из колхозов, выдачи семян, земли и лошадей и т. д.»⁷³.

В центре Мари-Кетнинского района Марийской области в мае 1930 г. марийка, жена раскулаченного и сосланного на Соловки жителя, «подговорила ряд женщин, в том числе беднячек и батрачек, предварительно напоив вином некоторых из них с тем, чтобы при их содействии изгнать из домов раскулаченных поселившиеся в них семьи коммунаров. Собрав достаточное количество лиц, эти женщины пошли в наступление. Случайно находившийся милиционер и несколько советских работников сумели удержать этих женщин». Но через неделю крестьяне попытались сжечь коммунаров, одного из них убили. «В результате коммунарам пришлось бежать и прятаться в разные окрестные деревни и села». Прибежавших руководителей кантона – председателя исполкома, прокурора, работника ГПУ и других – «озверевшая толпа тоже стала избивать и пыталась бросить в огонь ... вообще пожары в Марийской области на этой почве не являются редким исключением и носят распространенный характер», – отмечалось в справке информстатгруппы ЦК ВКП(б).

Женские протесты охватывали и русские поселения. В Ляжмаринском районе Марийской области было раскулачено 14 из 50 хозяйств. В дома раскулаченных была вселена беднота, часть помещений была занята под культурные

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 1. Л. 67–70.

⁷² РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 148. Л. 1.

⁷³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 25. Л. 139–140.

учреждения. Как рассказывалось далее, «женщины по определенному знаку вышли на улицу (примерно человек 150) и с пением: «последний нонешний денечек» стали палками выгонять бедняков и батраков из домов раскулаченных». Бунтарские настроения объяснялись отсутствием «какой-либо политико-просветительной работы», из-за чего «крестьянки чувствуют себя независимыми, когда их собирают на собрания, то они по обыкновению молчат, не говоря ни за, ни против. Свои поступки считают правильными и ведут агитацию о возврате земли раскулаченным»⁷⁴.

Послабления, стимулированные статьей Сталина «Головокружение от успехов», породили волну новых проблем для управленцев. В Аднагуловской волости Белебеевского кантона Башкирии 29 марта 1930 г. 7 000 из 8 600 крестьян вышли колхоза, а на вопрос о причине столь массовых выходов на учительской волконференции ответили: «Виню Сталин – исключительно его статья развалила колхозы». При этом, как докладывал уполномоченный, «Портреты Сталина ... раскуплены везде и всюду наряду со статьей». Сам проверяющий признавал, что «... всякий проходимец имеет право на арест ... Колхозы строились на арестах» мулл и даже бедняков, которых запирали под арест в баню по 40 чел., в результате только в одной деревне за их освобождение взялись 200 человек. В другом селе комсомольцы избили женщину лишь за то, что она вместе с толпой пошла просить освобождения муллы. В Шарановской волости энтузиасты дошли до обобществления денег, поскольку уполномоченные заявляли, что денег теперь не будет. Противостояние создавало трагикомические ситуации: «бабы караулят семена, чтобы их не увезли в другое село, а сельсоветский караул хранит, чтобы не растащили бабы. Такой двойной караул по многим селам – комедия». Проверяющий докладывал: «На волкоме от моей речи вспотели и завтра приступают к исправлению перегибов, а это обеспечит укрепление артелей», правда их ядро в селах составляло от 7–9 до 20 человек, они подвергались травле и издевательствам, высмеивались («особенно ждут момента сева, чтобы расчитаться»)⁷⁵.

Показательная информация по поводу массовых настроений прозвучала на совещании председателей сельсоветов и райисполкомов – делегатов 3-й сессии ЦИК СССР VI созыва 31 января 1933 г. Председатель сельсовета из Украины Никитин представлял передовой опыт: в его пограничном селе с 267 дворами до 1928 г. все занимались контрабандой, «богомолением крестами и чем хотите». Начав работу с создания комитета незаможных селян (около 30 чел.), он сплотил их вокруг сельсовета, в нем были организованы секции, а в 1932 г. депутатские группы. Они действовали в колхозных бригадах, обеспечили перевыполнение плана хлебозаготовок на 12%, в 1933 г. создали 4 красных уголка и бригадную газету, проводили громкие читки газет. Помогая пограничной заставе, колхозники задержали 6 человек и получили премию.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 25. Л. 141–142.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 148. Л. 3–7.

Между тем осмотр сельсоветов по инициативе Оргкомиссии ЦИК СССР выявил, что из 10 тыс. советов на Украине лучшими являются 75, и «это, конечно, не соответствует действительности». Выступавший на украинском языке Клименко отметил, что сельсоветы не имеют бюджетных средств на культурную работу, а руководство не знает дела. «У нас в украинских селах нет бань ... У нас появляются эпидемии. Поднимается шум. Нам говорят – котел есть, берите, стройте бани. Захотели строить бани – котла нет. Это дело ведется непланово ... Я не понимаю вот такую вещь, – говорил он в связи с резким сокращением продовольствия в условиях коллективизации. – Мы должны вспахать 500 га земли, задание 1,3 с га, а хлеба другой раз не хватает для нашего населения, у нас 900 дворов и 4 тысячи с лишним едоков. Я хотел бы, чтобы как-нибудь пояснили это дело, мы сверх плана заготовили коноплю. Молоко также заготовили ... Я считаю, что работа наших низовых ячеек зависит от хорошего руководства районных верхушек». Нужно выгнать пьяниц и дезертиров, т. к. «есть такие активисты, у которых жинки на работу не ходят, и сами дней по 10 не выходят»⁷⁶.

Обострение социальной напряженности приобрело ярко выраженный национальный характер в Якутии, где в конце 1920-х гг. было подавлено т. н. движение конфедералистов; только в начале 1930-х гг. удалось покончить с басмачеством в Таджикистане⁷⁷. В 1930 г. особенно активно сопротивление коллективизации оказывали крестьяне Украины, Центрально-Черноземного района, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья. Одним из наиболее крупных очагов антисоветского повстанчества в 1931 г. стала Туркмения, где в западных Каракумах тяжелое бремя насильственных заготовительных компаний и пренебрежение к специфике хозяйственной организации кочевников, провал низовой советской работы позволили традиционной социальной верхушке сподвигнуть массы на восстание. Межэтническую окраску придавало этой борьбе массовое переселение казахских скотоводов в районы проживания иомудов. В вооруженных антисоветских действиях, которые распространились на всю территорию Туркменистана, участвовали все социальные группы населения, туркмены и казахи. Неспособность партийно-советского руководства и чекистов верно оценить причины и меры разрешения конфликта обусловила размах антисоветской борьбы и развертывание в ответ на нее специальной войсковой Каракумской операции (март–октябрь 1931 г.). Примечательно, что одновременно с этим формировались национальные части на добровольной основе, что отразило гражданский конфликт внутри самого традиционного общества, наряду с очевидным конфликтом его с властью⁷⁸. Антисоветские выступления происхо-

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 110. Л. 8–10, 17–19.

⁷⁷ См.: Антонов Е.П. Движение конфедералистов в Якутии 1927–1928 гг. // Электронный журнал «Сибирская Заимка». 2002. № 5. http://www.zaimka.ru/05_2002/antonov_rebel/ (дата обращения: 30.09.2002); История таджикского народа (1917–1941). Т. V. Душанбе, 2004. С. 530–540.

⁷⁸ См. подробнее: Аланиязов Т.К. Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март–октябрь 1931 года). Алматы, 2006. С. 17–252.

дили в связи с коллективизацией и в Таджикистане. 2 млн. чел. в 1930–1933 гг. ушли за границу из республик Средней Азии и Казахстана.

Неоднородность сельского мира, исходных условий и динамики преобразований в разных этнокультурных регионах СССР при общности цели контроля над производством и поставками сельхозпродукции обусловили разные темпы и формы «прививки» новых социальных институтов к устойчивой системе обмена и перераспределения ресурсов, образа жизни и этносоциальной иерархии, индивидуальных и семейных ценностей⁷⁹. Трагедия совместного выживания объединяла в протесте представителей разных культур. Это ярко воплощали судьбы коммунистов-25-тысячников, направленных из центральных районов и крупных предприятий на коллективизацию. В начале 1930 г. в Казахстан прибыли 1 204 рабочих (914 коммунистов и 87 комсомольцев) из Харькова, Павлова Посада и Орехово-Зуева Московской области и других мест, 800 из которых пожелали трудиться в колхозах. Но лишь 200 прошли 3-месячную практику в совхозах края. Литейщики, строгальщики, токари и монтеры, слесари, ткачи и строители, не имевшие понятия о казахской культуре и языке, быстро оказались «без вины виноватыми», работали «только для того, чтобы получать взыскания». На прежнем месте рабочие имели зарплату 100–180 руб., теперь новоиспеченные колхозные лидеры получали от 12 до 50 руб. Украинский рабочий Грановский выступил против взяточничества, освобождения богатых от налогов за счет бедноты и привилегированного снабжения продуктами членов бюро райкома партии, «когда рабочие и крестьяне голодают». Он оказался лишен всех средств к существованию и тайком добрался до окружного центра, чтобы просить вернуть его на производство. Бывший коммунист, завсберкассой Кусмарцев в 1933 г. обвинил «во всех неполадках, а особенно в части коллективизации» Сталина, «который не настолько гениален, как были другие вожди – Ленин, Троцкий, Рыков, Зиновьев и другие. Политика Сталина довела Казахстан до полного вымирания, не только скота, но и населения, то же самое сейчас происходит в Волжском крае ... В Советском Союзе сплошное недоедание». Председатель Корнеевского сельсовета Баянаульского района В. Ничик заявил: «Вот наше правительство до чего довело Казахстан, все казахское население разъехалось, часть вымерла, а многих раскулачили ... разве это верно, в результате от Казахстана остались одни пустые степи». Машинист депо ст. Семипалатинск Шлынчик, получая в сентябре 1933 г. продовольственные карточки, кричал: «Сталин – бандит, ограбил крестьянство, хочет и рабочих ограбить ... довольно кабалы, ведется борьба за здоровое молодое поколение, а между прочим последний кусок у ребенка отнимают ... Пишут так, а делают иначе ... Все это не сво-

⁷⁹ О социальных практиках подобного рода см., например: *Фицпатрик III*. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; *Абашин С.* «Идеальный колхоз» в советской Средней Азии: история неудачи или успеха? // *Acta Slavica Iaponica*. Tomus 29. P. 1–26.

бода, а форменное крепостное право, и строить социализм на человеческих костях нельзя и преступно»⁸⁰.

По решению Президиума ВЦИК от 20 ноября 1935 г. Прокуратура РСФСР расследовала «нарушения принципов советской демократии в практике работы советов» Мордовии. ВЦИК установил, что в республике крайне слаба связь советов с избирателями, господствует «бездушно-бюрократическое отношение к трудящимся», депутаты не отчитываются перед избирателями, недопустимо равнодушно относятся к их наказам, руководство часто меняется. Со времени перевыборов советов 1 сентября 1935 г. к весне 1936 г. были сняты и перемещены по разным причинам 108 из 601 председателя сельсоветов Мордовии (пьянство, связь с кулачеством, хулиганство, разложение – 38 чел., уголовные преступления и судимость – 23, не справились с работой – 10, переведены на другую работу – 10, на учебу и в армию – 7, по болезни и другим причинам – 20). В 12 обследованных сельсоветах наказания составлялись на русском языке вместо мордовского. В Атюрьевском сельсовете Торбеевского района, в частности, у единоличников незаконно конфисковались лошади и коровы. С декабря 1934 по 10 апреля 1935 гг. сельсовет под председательством скрывшегося от суда и следствия Безрукова изъясил у единоличников за недоимки 122 лошади и 2 коровы. Делалось это без учета выполненных ими обязательств, по ночам, вопреки даже весьма жестким законам. Заместитель председателя совета Ф.Ф. Сиркин в декабре 1935 г. был признан виновным по ст. 109 УК РСФСР и приговорен к 1 году исправительных работ на общих основаниях за извращения революционной законности под нажимом Безрукова. В Кабаевском сельсовете Дубенского района из 37 остались 8–9 членов, т. к. остальные уехали на заработки в Баку и другие места, совет не был пополнен. Председатель, член ЦИК Мордовии Мужиков считал: «Справляюсь и с остальными». Райисполком отменил 12 штрафов единоличников как незаконные действия этого совета. Грибоедовский сельсовет оштрафовал за слабую работу собственного депутата на 25 руб.⁸¹

Чрезвычайную роль в судьбе и культуре народов СССР, а также межкультурной интеграции людей сыграли массовые репрессии, высылки и депортации. Используя их в том числе и для перераспределения рабочей силы, власть насильственно смешивала культурно отличающиеся этнические группы между собой не для их гражданской консолидации, а в прагматических интересах освоения малонаселенных территорий, «простой» и административно «удобной» перedelки общественного устройства, наказания заподозренных в нелояльности и враждебности⁸². В то же время пространственная сегрегация и прямое за-

⁸⁰ Под знаменем ленинских идей. Алма-Ата, 1973. С. 395; Гюевых В.П. Сила братского союза. Алма-Ата, 1979. С. 72–73; Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 55, 58–61, 40, 55, 41, 36; Д. 32. Л. 11–12, 50; Д. 27. Л. 36, 55; Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 154; 97, 129, 128, 92–94.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 31. Л. 65, 57–44.

⁸² См.: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Аманжолова Д.А. Из истории землеустройства евреев в СССР // Cahiers du Monde russe, 45 (1–2), janvier-juin. Paris, 2004. С. 209–239.

ключение в лагерь воздвигали барьеры иного рода между равно незащищенными перед произволом государства людьми. Происходило сближение на основе социального положения, а традиционные для всех народов СССР ценности сострадания, взаимопомощи, трудолюбия и терпения извращались. К примеру, в трудпоселке № 36 Карагандинской области находились спецпоселенцы – армяне (48,7%), грузины (25,9%), русские (22,2%), курды (2,3%), узбеки, турки (тюрки), украинцы, казахи, таджики. Как установила проверка, полное всевластие коменданты использовали для выделения «элитных» групп поселенцев по принципу собственной этнической принадлежности, нередко провоцируя межэтнические конфликты, хотя и сами руководители боялись быть заподозренными в некой лояльности к «врагам народа»⁸³.

Основными регионами переселения стали Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. При этом из азиатских республик т. н. кулаки и баи выселялись уже на запад – Северный Кавказ и Украину. Однако наибольшее число раскулаченных было на западе – здесь крестьянство (поляки, немцы, украинцы, русские, белорусы) рассматривалось как гораздо более обеспеченное и потому подлежащее репрессиям. За 1930–1932 гг. без учета внутрикраевых переселений выслали 2540 тыс. чел. Голод вынужденные и принудительные миграции не остановил. Население СССР только с осени 1932 г. по апрель 1933 г. потеряло 7,7 млн чел.: на Украине – 4 млн, по 1 млн – на Северном Кавказе, в Казахстане и Поволжье⁸⁴. Как отмечают казахстанские историки, массы высланных в республику т. н. кулаков в начале 1930-х гг. были интернациональными по составу; затем проводились «этно-социальные депортации, начиная с середины 1930-х гг. (так называемая «зачистка» внешних границ СССР), переход к тотальным депортациям как отдельных этнических групп, не имевших собственных государственных образований на территории СССР, так и целых народов, и ликвидации их национальных республик». Национальный состав выселявшихся в 1930–1933 гг. крестьян точно установить сложно⁸⁵. С учетом массовой откочевки голодающих казахов усиленная принудительная миграция в Казахскую ССР выступала и как компенсационная мера, к тому же давая власти в послевоенный период повод представлять республику успешной «лабораторией интернационализма».

Пример Казахстана наиболее ярко показывает драматические перипетии исключительной практики адаптации народов в новых социально-культурных условиях. К августу 1930 г. сюда переселен из Средней Азии 281 «кулак» некоренных национальностей, в 1931 г. – 56 000 семей из Нижне-Волжского и Средне-Волж-

⁸³ Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг. Сб. документов. Т. 2. Алматы: LEM, 2014. С. 30; Сулаев А.Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. XX века // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. науч. трудов. Т. III. Екатеринбург, 2016. С. 780.

⁸⁴ См.: Полян П.М. Указ. соч. С. 76–78.

⁸⁵ Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг. Сб. документов. Т. 1. Алматы: LEM, 2012. С. 25, 32.

ского краев; Центрально-Черноземной, Московской областей, Ленинградского военного округа; Нижегородского края, Башкирии, Татарии. В 1933 г. в трудпоселки прибыли обвиненные в срыве и саботаже хлебозаготовительных и других кампаний; горожане, отказывающиеся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства, выселяемые с западных госграниц. В 1935 г. из погранрайонов Ленинградской области выселено 7 637–чел. В 1936 г. прибыли 1 426 «баев и бывших активных организаторов восстаний» из Ойратии, из Украины – 15 000 хозяйств. Общим для всех был высокий уровень заболеваемости корью, скарлатиной, сыпным и брюшным тифом. В 1940 г. из 5 379 спецпереселенцев-осадников (99,7% численности) 79,6% составили поляки, 13% – украинцы, 7,4% – белорусы. Накануне войны депортированы около 33 000 членов семей «активных молдавских контрреволюционеров», трудпоселенцы из Карело-Финской ССР⁸⁶.

В целом перемещение спецпоселенцев в Казахстан, Среднюю Азию, Сибирь, Северный край, Северный Кавказ с 1932 по 1938 гг. постоянно прирастало, чаще всего они направлялись в Казахстан и Среднюю Азию. В Сибирь попало значительное число украинских «кулаков». Колонизация с карательной окраской повлекла вынужденные миграции местного населения (русских старожилов и этнических меньшинств) северных территорий⁸⁷. Одновременно происходили и трудовые миграции⁸⁸. По внешнеполитическим причинам с середины 1930-х гг. состоялись этнически ориентированные высылки жителей приграничных регионов – финнов-ингерманландцев в 1935 г., поляков и немцев в 1935–1936 гг., курдов, корейцев и армян в 1937–1938 гг., иранцев в 1938 г. В результате 4 спецопераций из западных областей БССР к началу Великой Отечественной войны было выселено 123 531 человек разных национальностей⁸⁹.

Широкомасштабное лишение избирательных прав не имело целью дискриминировать какие-либо отдельные нацменьшинства. Не носила характер этнических дискриминаций или ограничений и служба в частях тылоополченцев⁹⁰. Предположения о направленности сталинских репрессий прежде всего против отдельных этнических групп не подтверждаются статистикой. В большей степени подвергались репрессиям русские и белорусы. В составе заключенных в сравнении с данными по населению страны отдельные этнические группы составляли: русские – 60,3 / 58,0%, украинцы – 16,8 / 16,3%, белорусы – 4,8 / 3,0%, узбеки – 3,5 / 2,8%, евреи – 1,5 / 1,7%, грузины – 0,5 / 1,2%, армяне – 0,6 / 1,2%.

⁸⁶ Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. Алматы, 2008. С. 66–67, 71, 77, 88–89, 98.

⁸⁷ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. С. 47–53.

⁸⁸ См.: Жангуттин Б.О. Указ. соч. С. 17–23.

⁸⁹ См.: Полян П.М. Указ. соч. С. 87–93; Кириллов В.М. Отечественная историография политических репрессий против российских немцев // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. науч. трудов. Т. III. Екатеринбург, 2016. С. 782–795; История белорусской государственности. Т. 4. Минск, 2019. С. 91.

⁹⁰ Из числа «лишенцев» призывного возраста в 1930–1937 гг. См.: Красильников С.А. Указ.соч. С. 14, 24, 69.

Доля других групп была меньше 0,5%⁹¹. В ходе проведения 11 т. н. «национальных операций» 1937–1938 гг. в интересах очищения страны от возможной пятой колонны в преддверии войны в список врагов попадали «инонационалы». Как считают исследователи, «даже после завершения Большого террора «национальные» карательные акции не стали репрессиями по этническому принципу», хотя с весны 1938 г. 60% репрессированных являлись представителями национальных меньшинств. При этом треть репрессированных с весны по осень 1938 г. составляли представители титульных этносов, прежде всего русские, украинцы и белорусы⁹².

Авторитетный исследователь сталинизма О.В. Хлевнюк утверждает, что Сталин несет прямую ответственность за массовые убийства и репрессии. При этом вследствие преимущественно единоличного принятия принципиальных решений, угасания традиции дискуссий и обсуждения вариантов, ориентации советских верхов на идеологические соображения и реактивные импровизации реконструировать логику политических практик Сталина достаточно сложно. Он считает, что его взгляды определяли крайний антикапитализм, абсолютизм партии-государства, которое никак не ограничено в своих действиях и никогда не ошибается, поскольку является носителем высшей истины исторического прогресса, а также принуждение и насилие как важнейший метод создания нового общества⁹³. Это означает, что национальная принадлежность жертв в общей системе репрессий имела косвенное значение, выполняя инструментальный характер. Обвинения в «буржуазном национализме» стали наиболее понятным и удобным поводом для расправы с национальной частью партийно-советской номенклатуры. Но собственно «национальные операции», проводившиеся параллельно с борьбой против «антисоветских элементов», в большей степени имели целью уничтожить или заключить в лагеря тех, кого Сталин считал реальными или потенциальными врагами. Нараставшая внешняя угроза провоцировала подозрения в предательстве со стороны советских граждан, исторической Родиной которых были разные страны⁹⁴.

Тяжелейшие потери понесла национальная творческая, научная и художественная интеллигенция. Репрессии против нее⁹⁵, резкое ограничение возможностей населению знакомиться с колоссальным багажом культурного наследия и гуманитарной мысли, политическая цензура и укреплявшаяся самоцензура создавали мифологическое пространство советской реальности, оригинально со-

⁹¹ В числителе – доля данной этнической группы в составе заключенных, в знаменателе – в общесоюзной численности населения. См.: Красильников С.А. Указ. соч. С. 69.

⁹² Аблажей Н.Н., Потапова Н.А. «Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 160.

⁹³ Хлевнюк О. Жизнь как краткий курс. Источники к биографии Сталина // Soviet History Discussion Papers. 2013. № 1. http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/khlevnyuk_stalin (дата обращения: 3.03.2015).

⁹⁴ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 212, 227.

⁹⁵ Данные о персоналиях см.: Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007; Зенькович Н.А. Национальная политика: творцы и исполнители. М., 2008; Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008 и др.

единявшее действительность и вымысел в сознании и поведении людей. Д. Хоффман пишет: руководство страны стремилось освободить общество от социально вредных представителей и верило, что «депортации и казни, которые они совершали, будут способствовать созданию более гармоничного, более единого общества». Расчет был на устранение любой потенциальной оппозиции в связи с подготовкой к войне⁹⁶, что, наверно, имело значение. Однако вряд ли основным императивом политики была некая вера Сталина и других лидеров страны в возможность формирования гармоничного общества на рациональных началах социального прогресса. Правомерным представляется вывод Сперанского: объективные условия, в которых осуществлялась модернизация, помноженные на субъективный фактор (личность вождя), обуславливали воздействие на общество путем репрессий, «выводили практику “построения социализма” за рамки исторического предвидения и теоретических формул классиков марксизма-ленинизма», которые стали декларативными, тогда как реальность по-прежнему действовала «сообразно обстановке»⁹⁷.

Укрепление системы управления, устранение возможных противников единовластия, консолидация общества вокруг неоспоримых для большинства ценностей патриотизма и коллективизма при очевидной угрозе войны обусловили усиление репрессивных механизмов⁹⁸. На их проявление и применение влияли и ситуативные обстоятельства, а результаты оказали парадоксальное воздействие на общественные настроения и положение в правящей элите и всей партии. Межэтническая интеграция в трагическом контексте государственного насилия вследствие войны приобрела невероятные в мирное время формы. Так, среди работающих в тресте «Тумайзанефть» в Башкирии из 4092 рабочих было до 1000 женщин. В Октябрьске работали 2500 репатриированных, в т. ч. 1 228 немки, 500 крымских татар, в лагере находились 600 «мадьяр» и болгар. Часть прорабов и начальников стройконтор «бросили жен и связались с немками». Для местных партработников репатриированные не являлись объектом внимания, да и собственное население оказывалось за пределами влияния. В Ишимбае из 11000 рабочих насчитывалось около 2000 татар и башкир, не менее 25% населения Октябрьска тоже составляли татары и башкиры, но национальные языки в работе с ними не использовались. Досуг рабочих сводился к танцам, хотя на 44 тысячи населения Ишимбая имелся лишь клуб на 400 мест, кинопередвижек не было, да и смотреть старые фильмы было невозможно: «Хочешь помучиться, иди в кино».

⁹⁶ Hoffman D.L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Cornell University Press, 2018. P. 183.

⁹⁷ Сперанский А.В. Сталинизм и советская модель государственного управления в свете «концепции тоталитаризма» // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. науч. трудов. Т. III. Екатеринбург, 2016. С. 895.

⁹⁸ Историография переселений, депортации народов в годы войны и связанных с этим обстоятельств, последствий и проблем исследования достаточно обширна. См., к примеру: Сталин – А. Берин: «Их надо депортировать...» // Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Аманжолова Д.А. Из истории землеустройства евреев в СССР // Cahiers du Monde russe, 45 (1-2), janvier-juin. Paris, 2004. С. 209–239; Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 497–527.

Большинство населения не имело возможность и слушать радиопередачи⁹⁹.

Объединяли жизнь всех граждан, независимо от национальности, почти поголовная обездоленность и социальная деструкция. В Тульской области на шахте № 7 «Щекиноуголь» наиболее плохо жили репатриированные и мобилизованные рабочие. «Многие из них не имеют нательного белья, постельное белье грязное, рваное, мыла не получают месяцами. В общежитиях большая теснота, грязь, клопы, нет света. Очень мало кроватей и большая часть рабочих спит на деревянных топчанах. За эти топчаны в грязных и запущенных общежитиях с рабочих вычитают по 48 рублей в месяц, что составляет примерно около 10% месячной зарплаты рабочего. Уборные в большинстве случаев загажены и пользоваться ими невозможно... Примерно 1/3 рабочих перестала питаться в столовой и каждый в отдельности готовит себе пищу в общежитии. В столовой хороший картофель варят вместе с гнилым и кушать ... не представляется возможным ... не хватает посуды ... ежедневно в столовой не сдают сдачу, мотивируя отсутствием разменной монеты». Хлеб пахнет керосином, так как формы мажут нефтепродуктами, якобы потому что нет масла, – докладывал в январе 1946 г. замзавотделом Управления пропаганды и агитации ЦК Абросин. В общежитиях шахт комбината «Тулауголь» проживали 31 тыс. человек, и на каждого приходилось 2,6 кв. м. площади, в землянках жили еще 1 500 человек. В общежитиях при этом имелось лишь 6 000 табуреток, 4 600 тумбочек, 2 500 столов и 8 000 кроватей; уборка помещений не проводилась по 10 и более дней. В общежитиях с репатриированными из Германии выявилась «большая завшивленность», специального мыла для избавления от нее не было¹⁰⁰.

Преданность государству и идеям социализма в этносоциальном контексте соединялась с традиционными ценностями, которые представители разных народов – носители власти и рядовые граждане – адаптировали к повседневным условиям жизни и выживания внутри наличной системы, принимая ее сознательно или вынужденно.

§ 3. «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека»

Культура стала важным пространством и средством советизации не только институтов, но и сознания, моделей поведения, системы ценностей граждан СССР. В то же время эта сфера оказалась одной из наиболее сложных для внедрения новых стандартов. Необходимо было создать модерную массовую культуру, которая, несмотря на очевидную устремленность к западным образцам прогресса, была бы не только инструментом модернизации масс сверху в противовес капиталистическому Западу, но и присвоена многонациональными, а потому многокуль-

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 34–40.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 2–4.

турными массами в качестве собственной. Как писал в Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) осенью 1923 г. информатор, «работать в условиях адыгейской традиционности, абсолютного отсутствия классовых разделений, чрезвычайно трудно»¹⁰¹. В русскоязычной среде советские инструменты социально-культурной перекодировки использовать было проще, что не снимало проблем насаждения новой цивилизации с ее идеологическим приоритетами, представлениями о ценностях и моделях группового и приватного поведения. Для представителей других национальностей предстояло не только часто создавать письменность, а при ее наличии обеспечить поголовную грамотность, что требовало средств и времени – практически для всего населения страны. Поэтому визуальные средства культурного воздействия оказались особенно востребованными. Впрочем, и в русскоязычной среде они играли значимую роль, что хорошо показано на примере графики А. Дейнеки, посвященной шахтерам Донбасса. На начало 1923 г. каждый четвертый шахтер здесь не умел читать и писать, столько же были малограмотными, более 2/3 не читали газет. «Возникают новые задачи у страны, выдвигаются новые изобразительные формы», – так воспринимал ситуацию художник. Именно он не только стал одним из главных создателей образа типичного советского человека труда как сильной личности, а также своими изображениями рабочих заложил новый стиль, сделавший труд культовым явлением, а человека труда – центром и символом советского строя¹⁰².

Борьба с традиционализмом, интеллектуальное возрождение и образование, становление новой идеологии через обращение к прошлому для объяснения и утверждения настоящего занимали центральное место. Образ человека в его советской идентичности, обретавший самоценность в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации возвышался благодаря колоссальной роли культурных паттернов. Но архетипический набор религиозных нравственных постулатов оставался латентным фундаментом морали, индивидуального мировоззрения и межличностных отношений. Адаптивную роль у мусульман играл т. н. народный ислам (бродячие муллы, посещение святых мест, повседневная обрядность, праздники и посты, религиозные образы в обыденной речи и жестикуляции, модели гендерного поведения и общения, в т. ч. межпоколенного). Соционормативные практики оставались в рамках этнокультурного поля, встраиваясь во внешние атрибуты советскости. Советизация традиционной культуры при этом активно влияла на повседневность и ментальность, внедрялась в традицию и изменяла ее, как заключают исследователи на примере чувашей. При этом советизация была обоснованной и востребованной, создавая новый тип культуры¹⁰³.

Одну из ключевых ролей в идейной и духовной интеграции народов страны

¹⁰¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. С. 143.

¹⁰² Максименко Е.П. Шахтерская тема в журнальной графике Александра Дейнеки середины 1920-х годов (журнал «У станка») // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Том 47. № 2. С. 339, 343, 346.

¹⁰³ Медведев В.В., Попов М.В. Трансформация песенного фольклора чувашей в 20–30-е годы XX века: к вопросу о «советизации» традиционной культуры // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Том 47. № 2. С. 351, 354; Медведев В.В., Малахова А.П. «Советизация» традиционной культуры чувашей в 20–30-е годы XX века // *Научный диалог*. 2018. № 3. С. 186–197.

сыграли советская общеобразовательная школа, вся система образования и культурных институтов. В Туркестане в 1921 г. советские школы стали сокращаться из-за нехватки государственных средств, в частности, в старой части Ташкента из более 100 таких школ осталось менее 20. Усилилась роль традиционных религиозных школ. Вскоре власть стала перестраивать старометодные школы на советский лад, и в 1923 г. в республике было 1 329 старометодных и 908 советских школ. Однако лишь 8% детей учились в последних, а в кишлаках – 5%. К тому же, девочек, как правило, родители в советские школы не отправляли. С 1927 г. развернулось закрытие старометодных школ¹⁰⁴.

XIII Всероссийский съезд Советов 16 апреля 1927 г. указал на необходимость «усиления развертывания» национальной сети школ не только посредством перевода преподавания на родные языки в уже существующих школах с русским языком обучения, но и за счет строительства новых школ, а в районах с кочевым и полукочевым населением – школ-интернатов¹⁰⁵. В мае 1927 г. прошло Всероссийское совещание по всеобщему обучению среди нацменьшинств. В нем участвовали работники губернских органов образования, заведующие местными «соцвосами», представители наркоматов просвещения и комиссии по делам нацменьшинств при ВЦИК, национальных республик и областей. Решения подразумевали расширение сети школ для меньшинств более быстрыми темпами в сравнении с русской школой, а также их ремонта и строительства. Основным методом обучения в школах 1-й ступени признавалось преподавание на родном языке. Обращалось внимание на улучшение преподавания русского языка «в целях облегчения оканчивающим курс продолжения образования в русских школах повышенного типа, а также для участия их в общественно-политической жизни». Предлагалось создание льготных условий для поступления в педагогические учебные заведения представителей меньшинств, с выделением им общежитий и стипендий¹⁰⁶.

За 1924–1926 гг. число школ для 26 малочисленных этносов выросло с 3000 до 4 200, но охват детей обучением был в два раза меньше, чем в среднем по России (30 и 60% соответственно). Число техникумов выросло с 32 до 45. К 1933 г. можно было подготовить 12 тыс. школьных работников для нацменьшинств, но требовалось 40 тыс. Школ 2-й ступени и семилеток было 87 – в два раза меньше необходимого. «Поголовно во всех татарских, башкирских, казахских, вообще восточных деревнях наши школы находятся в частных домах, не приспособленных ... нет парт и другого...» «В работе среди нацменьшинств довольно плохо обстоит дело по совстроительству», – указывалось по итогам совещания в ноябре 1927 г. Решение 1925 г. о создании национальных советов и переводе делопроизводства на национальные языки реализовалось «чрезвычайно слабо». Расшире-

¹⁰⁴ См.: Мустафаева Н. Традиционализм и модернизм в народном образовании в первые годы советской власти: противостояние и адаптация // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Мат. Межд. конф. Ташкент, 2009. С. 114–116.

¹⁰⁵ Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг. Т. 1. Ч. 2. Документы и материалы. 1921–1927 гг. М., 1984. С. 278–279.

¹⁰⁶ Там же. С. 6; ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 630. Л. 4–5.

ние обучения на родных языках нередко порождало новые трудности, поскольку образование в вузах и трудовую деятельность представители меньшинств должны были проходить уже на русском языке. Секретарь Президиума ЦИК СССР А.С. Енукидзе признал: «Я должен прямо сказать, что к нему не подготовлены, что мы сами не сговорились об интересах соответствующего нацменьшинства и соответствующего государства. ... можно ли Казахстан поднять до уровня русской национальности без национального языка Казахстана. Нельзя, это было бы шовинизмом». То же самое касалось и других республик.

«Мы принципы в области перевода всей работы на национальный язык сделали механическими, применяем их механически», – подчеркивал один из руководителей ВЦИК. В Грузии, заметил он далее, евреи «живут с вавилонского пленения» и все говорят по-грузински. Лишь несколько человек говорят на древнем еврейском языке, но не нашли желающих пойти в школу, которую собрались открыть на родном языке. Между тем в грузинские школы их детей не принимали, следуя логике политической линии центра. В Армавире уже армяне не желали создания своих школ. «Где это сказано, в каком социализме, чтобы непременно привить армянам армянский язык?» – ставил риторический вопрос Енукидзе. Он предложил уточнить общую численность меньшинств в России, определить минимум компактно проживающих групп, степень их ассимиляции в языковом плане, не навязывать национальные языки, а проявлять дифференцированный подход, дабы не вызвать межэтнические конфликты. Так, вне Татарской республики татарам надо дать возможность учить свой язык по месту жительства, а вот для зырян такой необходимости нет, здесь следовало строить русские школы. Енукидзе выразил уверенность, что целый ряд языков будет исчезать, и «нам нечего жалеть об этом»¹⁰⁷.

Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров сделал важное уточнение: «Нацменьшинством считается такое меньшинство, которое говорит на своем родном языке». Поэтому он предлагал ограничиться созданием школ 1-й ступени на родных языках. «Любой казах скажет, что я лучше буду учиться русскому, чем своему языку, киргиз отдаст с удовольствием своего ребенка учиться русскому языку», – подтверждал он, как бы заочно выступая против будущего радикального этницизма времен распада СССР. Енукидзе поддержал его и уточнил: при компактном расселении меньшинств обучение должно быть на родном языке, в случае дисперсного проживания – по желанию людей. Такой подход подтверждала ситуация в Воронежской губернии: в уездах с преобладанием украинского населения, близкого по уровню русским, делопроизводство и школы работали на русском языке. Там, где компактно жили горские армяне, требовались кадры, знающие их язык¹⁰⁸.

В Крыму в 1933 г. работала 1 201 школа, где обучались 116 097 учащихся. Из общего числа школ 350 были крымско-татарскими, 37 из них находились в городах

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 40. Л. 55–58; Оп. 121. Д. 2. Л. 12–14; Оп. 122. Д. 40. Л. 118.

¹⁰⁸ Там же. Оп. 121. Д. 2. Л. 16–36.

и 313 – в сельской местности. Во второй половине 1930-х гг. действовали 20 еврейских школ, 12 армянских и две украинские. В 1938 г. в Крымской АССР функционировали 1 223 школы, из них 387 были крымско-татарскими и 803 русскими¹⁰⁹. Сроки обучения стали приближаться к полному учебному году. Общественно полезный труд способствовал приобщению детей к коллективистским установкам.

На самом деле, советское как основное свойство политической системы страны и ее социальной структуры уже в конце 1920-х годов понималось и как качественная характеристика общественных устоев, образа жизни, принципиальное отличие морали и системы ценностей общества, прежде всего молодежи. В частности, «советский быт во всех его проявлениях» планировало отразить в своей работе Совкино на 1926–1927 год, но не сумело верно показать все стороны «быта советской молодежи». Советское начало трактует как воспитательное «Рабочая Москва» (5 апреля 1927 г.); редакция советской газеты должна быть «СОВЕТСКОЙ редакцией», которая органически связана с массами, – учил столичный «Молодой ленинец» (27 октября 1927 г.)¹¹⁰.

Передовица «Правды» подчеркивала: «Классы в нашей стране ликвидированы. Крепнет советский патриотизм. Коммунистическая прививка в детстве дает прочную зарядку на всю жизнь»¹¹¹. Комплексный охват идеологической и политико-образовательной сетью в Казахской АССР обеспечивали 124 клуба, 72 народных дома, 206 библиотек, 632 избы-читальни, 63 красные юрты и 4 красные чайханы. Начальный всеобуч (с 1930 г.) ускорил культурную модернизацию¹¹². Правда, чтобы сделать их действительно массовыми, требовались значительные вложения. Поэтому и в 1935 г. в аулах и селах автономии работали всего 118 библиотек, 1277 изб-читален, 2447 красных уголков и юрт, издавалось 368 краевых, областных, районных, политотдельских и других газет тиражом 486 000 экземпляров, из них 116 на казахском языке тиражом 199000. Крайком партии настаивал: в каждом селе и крупном ауле, колхозе и ТОЗ, где есть 40–50 дворов, должны быть клуб или изба-читальня, в каждой избе-читальне – патефон и пластинки¹¹³.

С использованием кино для создания нового человека тоже было не просто. В 1924 г. в системе Наркомпроса при содействии других ведомств было создано Совкино. Как указывалось в его плане на 1926–1927 операционный год, раньше советская кинематография занималась главным образом изображением гражданской войны и революции, «причем картины изобиловали сценами боев, пыток, убийств и т. п.». Но оказалось, что «современный советский зритель, не исключая рабочих и крестьян, устал от такой агитации и не хочет больше смотреть “агиток” и душу раздирающих вещей». Новая установка, не исключая идеологии как неотъемлемой части культуры вообще, гласила: «Поменьше крови на экране, по-

¹⁰⁹ См.: История Крыма. Т. 2. М., 2017. С. 516.

¹¹⁰ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2253. Л. 4, 9–11, 12.

¹¹¹ Наши дети. Передовая // Правда. 1936. № 97 (6703). 7 апреля.

¹¹² Веки консолидации. Алма-Ата: Казахстан, 1990. С. 162; Казахстан к IX съезду Советов. Алма-Ата, 1935. С. 168–169; ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 15. Д. 90. Л. 29.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1293. Л. 11–14.

меньше эротики, поменьше всякого рода уголовщины и садизма, побольше бодрых, жизнерадостных фильм». Предлагалось ставить больше фильмов «просто развлекательного характера». Пропаганду и агитацию следовало преподносить «тонко и художественно, как это делает буржуазная фильма», которая «систематически, небольшими дозами прививает зрителю такие взгляды и настроения, какие выгодно господствующему классу». При этом «каждая новая художественная фильма должна быть рентабельна», но «идеологическая сторона от этого не должна страдать». Правда, Главполитпросвет пришел к выводу, что ответственный за эту сторону член правления лишь формально выполняет партийный долг как «идеологически выдержанное» лицо: «ему разрешается ходить на собрания, делать доклады, давать соответствующие декларации, “усыплять сознание верующих” и все прочее как полагается».

Тематически план Совкино предусматривал из художественных – 3 историко-революционных фильма, 40 социально-бытовых, 3 о гражданской войне и 6 исторических (о дореволюционном времени), 1 – «из жизни заграницы» и 5 – «из жизни нацмен». В последнем ряду планировались характерные названия – «Большевик и Мамедка», «Мудряшкин сын», «Гафир и Мариам», «Булат батырь», «Абрамыч и Биктяй». Так называемые культфильмы включали 29 наименований. В итоге Совкино отказалось от производства всех фильмов по национальной тематике и истории революции, двух исторических и единственного «из жизни буржуазных стран», а также значительного числа т. н. культфильмов. Зато среди новых экранизаций оказались «Поцелуй Мэри Пикфорд», «сомнительного характера комедийные» – «Главдыня», «Пружинка» и «Отважные мореплаватели», о браке, семье и половом вопросе (например, «Третья жена муллы»), детские, деревенские, «из жизни и борьбы корейцев», о рабочем изобретательстве «Канитель с машинкой» и т. п. При этом не было «ни одной темы, затрагивающей вопросы военизации страны, борьбы с различными социально-бытовыми явлениями, связанными с угрозой войны. Ни в какой степени Совкино не содействовало партии и Соввласти в этих насущных вопросах». Правда, Главполитпросвет признавал, что отказ от съемок «нацменовских картин» стоит только приветствовать: «поскольку Совкино оказалось беспомощно в отношении выполнения целого ряда других советско-партийных задач, оно и подавно не смогло справиться и с задачей нацменовских картин», поскольку в противном случае средства были бы потрачены совершенно напрасно, а на выходе оказались «скверные национальные картины»¹¹⁴.

Дополнительным аргументом в пользу коммерческой направленности Совкино служил и провал попытки передать производство фильма о 26 бакинских комиссарах аналогичной организации в Азербайджане. «ЦК Азербайджана, пленум Бакинского совета, профсоюзные организации – весь Баку с величайшим энтузиазмом принял известие, что Совкино РСФСР идет навстречу Азер-

¹¹⁴ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2253. Л. 4–7, 18.

байджану, что будет совместная постановка». Однако под предлогом отсутствия средств из-за постановки априори более прибыльных и востребованных, в т. ч. за границей, фильмов, договор был расторгнут¹¹⁵.

Стремление к новой, некоммерческой культуре для объекта преобразования – народных масс – определяло основные устремления устроителей советского общества. По мнению Главполитпросвета, в целом Совкино не справилось с взятым на себя обязательством «выявить в своих картинах курс советско-партийной политики». Обращаясь к посвященным этому курсу картинам на темы «Режим экономии», «Борьба с бюрократизмом», «О борьбе с частником», «Электрификация», «Производительность труда, пьянство, Хулиганство и прогулы», партийные аналитики делают неутешительные выводы из прессы (Известия, Молодой ленинец, Курская правда, Брянский рабочий, Правда Востока и др.): картины скучные, сделаны «невероятно фальшиво и бульварно», «без глубокого анализа внутреннего мира героев». В итоге, «исхаптурив» важные темы, Совкино забыло о своем обязательстве «быть проводником партийной идеологии в кино» и никакого советско-партийного курса не проводит¹¹⁶. Правда, Р. Лапидус увидела в советском кино на производственную тему способ продемонстрировать маскулинность мужчины, управлявшего передовой техникой того времени – трактором. По ее мнению, именно эротика была основой привлекательности образа тракториста – не героя труда, а «настоящего» советского мужчины¹¹⁷.

Более того, и запросы массового зрителя, уставшего от войны и насилия, выполнялись своеобразно – преобладать стали фильмы об адюльтере. «В различных условиях города, деревни и дикой тайги; у различных классовых группировок – крестьян, работников умственного труда, рабочих, купечества; в различные исторические времена ... в студенческой среде ... у рабочих активистов ... Совкино советизировало адюльтер ... Одновременное половое сожитие двух мужчин с одной женщиной на одной жилплощади и двухспальной кровати – до этого еще не дошли и не додумались даже во Франции – классической стране адюльтера в жизни, литературе, кино». Критическая оценка фильмов на эти темы подтверждалась отзывами из центральных и местных газет по поводу киноработ даже ставших быстро ведущими мастеров кино, например, «Любовь втроем» М. Роома («обилие порнографии», «советского ... почти ничего нет»). Наибольший коммерческий успех получил фильм «Поэт и царь», где «столкновение происходит не на общественно-политической арене, а на почве адюльтера», в итоге получились дичь и безобразие, рассчитанные на мешанскую публику. Огромная жажда культурных зрелищ совмещалась у зрителя с огромной некультурностью, что и рождало успех подобных фильмов, указы-

¹¹⁵ Там же. Л. 6.

¹¹⁶ Там же. Л. 7–9.

¹¹⁷ Lapidus R. The "erotic" Tractor in the soviet Cinema // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 2. P. 519–535.

валось далее. «Для того, чтобы показать на экране плохонькую любовную драму и подозрительный блеск императорских балов, затрачены громадные средства, шумит неумеренная реклама, и толпы зрителей идут в кинотеатры с тем, чтобы унести оттуда впечатление о Пушкине, как о добром мещанине и неудачном муже ... », потому что «зритель некультурен и все слопаёт». Увлечение эротикой в других фильмах заменяло «оценки провокации зарубежной контрреволюции, уголовной авантюре» и наглым поступкам в отношении СССР. К примеру, советский моряк не может пользоваться «ласками женщины-белогвардейки», а образ крепкого, идейного бойца-партийца подменяется погоней «за внешней авантурной фабулой». С комедиями тоже было плохо: беспомощность в изображении комического и отсутствие социальной сатиры объяснялись тем, что «людей, умеющих дать комическую фильму, нет». Не удавалось Совкино также «сохранить пропорцию в подаче положительных и отрицательных явлений из быта советской молодежи», новых взаимоотношений между отцом коммунистом и комсомольцем сыном, потому что не обнаружилось различий между буржуазным и советским бытом¹¹⁸.

Как признавали в 1928 г. представители Совкино, «идеологически выдержанную картину кинотеатры не берут, потому что не окупается прокат, зритель не идет, а Совкино дает такую картину, какую просит театр ... Клубы перешли на коммерческое кино и требуют заграничную картину». От научных фильмов кинотеатры тоже отказывались, фильмов для детей не хватало, и если такие и предоставляли, то обычно «какую-нибудь дрянь», а для рабочих клубов прокат оставался дорогим, и пленки поступали в истрепанном виде после многократных показов в коммерческих заведениях. Впрочем, сама организация Совкино была вынуждена лавировать между ограниченностью в средствах, необходимостью зарабатывать и соответствовать требованиям советской культурной нормы. Его представитель, в частности, признавал, что выбор репертуара определяется под контролем Главреперткома, но организация нередко получает фильмы, которые «идут под лозунгом – “не для детей и не для деревни”». «Идеологически выдержанных» работников тоже не было. «Было и так, что “Броненосец Потемкин” не дали ж. д. клубу, а пичкают в рабочие клубы “Силуэты Парижа” и т. п. дрянь». Единственную в столице КАССР передвижку задействовать было невозможно из-за отсутствия механика и руководителя. Передвижки попадали в аулы раз в год, без перевода на казахский язык, к тому же «Совкино пошло на выучку к мещанству», а не повернулось к рабочим, 48 передвижек для аулов имелись лишь в отчетах. Рабочие могли позволить себе билеты в кино за 15–20 коп., тогда как прокат стоил 6,25 руб. в день и не окупался. «Нет картин, когда казах и европеец рабочие были бы вместе, а необходимость в этом чувствуется». Представители профсоюзов предлагали передать сеть кино под контроль ВСНХ и переориентировать его на нужды рабочих, а агитпропотдел Казкрайкома партии предостерегал: если не наладить производ-

¹¹⁸ Там же. Л. 9–12.

ство «казахских картин» или хотя бы не обеспечить титры на казахском языке, получится «хорошая агитация против кино, можно ожидать различных кривотолков и даже укрепление суеверий». Руководство местного Горкино критиковало Совкино за плохое знание специфики республики и погоню за прибылью¹¹⁹. Впрочем, ситуация с кинопрокатом в этнокультурной среде долго оставалась сложной. В 1935 году Казкрайком ВКП(б) планировал довести фонд кинофильмов в республике до 1,9 картины на каждую киноточку, перевести на казахский язык надписи на всех фильмах наряду с Алма-Атой еще в двух городах – в Уральске и Петропавловске, обязательно обеспечить перевод на казахский язык, а к концу 1936 г. запустить 80 звуковых кинопередвижек на автомобилях. Если к началу 1941 г. в КАССР было 759 государственных и 667 ведомственных киноустановок, то на 1 октября 1945 г. – 491 государственная и 329 ведомственных. Вскоре были запущены 104 бездействовавшие в годы войны киноустановки, в том числе 11 стационарных и 93 передвижных. Но почти треть населения за 1945 год кино не посмотрела ни разу. На всю республику имелось лишь 25 автокинопередвижек, остальные передвигались по огромной республике на лошадях, верблюдах и ослух¹²⁰.

Как правило, степень этносоциальной замкнутости или, наоборот, интегрированности отдельных этнотерриториальных и социальных общностей и групп других регионов в более разнообразное культурное окружение также существенно влияла на динамику, характер и уровень межэтнических контактов, степень доверительности взаимоотношений местных сообществ и власти, зачастую, как и в досоветские времена, воспринимавшейся как инородное, не связанное с устоявшимися собственными принципами и институтами управления и самоуправления. Межкультурные коммуникации на практике выстраивались под влиянием как властных инициатив и программ, так и благодаря самодеятельным адаптационным инструментам. Глава КазЦИК Ж. Мунбаев поведал на одном из совещаний второй половины 1920-х гг. о личном опыте общения с казачеством. По рекомендации Ф.И. Голощекина он направился в Алма-Ату, чтобы «посмотреть, что делается на местах» и наладить связь. Встретила его толпа в 50 человек с красными флагами, которую он принял за представителей губисполкома и губкома партии, «все бородатые с красными флагами». Его предположения опроверг один из встречавших призывом: «Да здравствует матушка Москва, да здравствует один из сынов русского народа!» Растерявшийся глава исполнительной власти КАССР Мунбаев нашел ответ, достойный проводника интернационального курса партии: Москва теперь матушка всех народов для единого союза. В ответ прозвучали тоже симптоматичные и вполне интернационалистские комментарии: «это, кажется, басурманин»; «ну, что ж, басурманин, мы примем и его». При этом главное, что волновало казаков – неочевидное обещание Москвы об админи-

¹¹⁹ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2253. Л. 1–2.

¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1293. Л. 16; Оп. 125. Д. 311. Л. 129.

стративном выделении казачества¹²¹.

Хозяйственные связи между субъектами федерации, строительство многочисленных индустриальных объектов в ранее отсталых регионах с сопровождавшим его интенсивным перемещением больших групп трудовых ресурсов объективно укрепляли межэтническую интеграцию и гражданское единство всех этнических общностей. Однако столь грандиозные преобразования могли проводиться только при сильной и жестко централизованной системе управления, циничной эксплуатации патерналистской социальной психологии, традиционных для народной культуры ценностей коллективизма и терпения, трудолюбия, милосердия, уважения к старшим. Культивирование приоритетов общественного блага, социального и гендерного равенства, политического, идейного и культурного превосходства СССР нивелировали зачатки демократического самоуправления, свободомыслия и личной инициативы. Этнокультурная самобытность, как и любая иная, имели право на проявление лишь в строго очерченных и неусыпно контролируемых рамках «социалистического интернационализма». При этом в каждом этносообществе находились как те, кто рьяно следовал заданным координатам движения к светлому будущему, так и те, кто погружался во внутреннюю эмиграцию, более или менее успешно демонстрируя симулякры социальной активности, лояльности власти, удовлетворенности жизнеустройством и личной судьбой.

Традиционность и социальные институты этнических общностей подвергались радикальной трансформации. Прежние модели взаимодействия структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными группами населения были официально отвергнуты в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Но ключевые их основы в латентном виде выполняли важнейшую миссию адаптации этноса к новым обстоятельствам жизнедеятельности. Искоренение «негодных» традиций происходило неравномерно из-за комплекса препятствий, прежде всего объективного свойства. Так, даже в 1929 г. «примерно около ста племен Союза еще сохранили в той или иной степени принципы родового быта», – отмечал этнограф¹²².

В конце 1920-х – 1930-е годы сложный период экспериментов и интенсивных преобразований постепенно заменяется более последовательным и системным встраиванием этнополитики в общую схему укрепления жестко централизованной власти и унификации всех уровней и звеньев управления. Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности, обеспечения культурной и языковой идентификации народов СССР рассматривались властью как составные части политики «развертывания наступления социализма по всему фронту» и демонстрации неоспоримых преимуществ нового строя. Сложности на этом пути обнаружива-

¹²¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 92–93.

¹²² Линецкий А. Роль этнографа в советском строительстве Севера // Советское строительство. 1929. № 8. С. 117.

лись, когда на первый план выступал «целый ряд трудностей, противоречий и очень недоуменных вопросов». Это констатировали участники заседания Президиума Совета национальностей ЦИК СССР, 25 апреля 1931 года обсуждавшего проблемы карельского языка¹²³. Как оказалось, проводившаяся до сих пор практика внедрения финского языка для карел как родного не привела к удовлетворительным результатам. Повсеместно карельское население не могло использовать финский язык, школы и культпросветработа также не обеспечивали интересы коренного населения, органы власти и управления, используя финский и русский языки, также оказывались оторванными от людей, говоривших на родном языке, да еще на разных его наречиях.

Первый секретарь Карельского обкома партии К. Ровио считал нужным и возможным сохранить финский язык как национальный, на что председатель ЦКК и нарком РКИ Украины В.П. Затонский заявил, что Ровио повторяет «украинские разговоры наших русотяпов» и противников украинизации. Более того, «если есть возможность создать карельский Пьемонт для 400 тысяч карел, находящихся в Финляндии, эту возможность надо использовать». Как положительный пример он привел также отказ от румынского языка в Молдавии и выступил против насаждения сверху «финизации». Глава ЦИК Башкирии А.М. Тагиров добавил в качестве негодного примера попытки отказаться от башкирской письменности в пользу «общей» с ним татарской или даже тюркской.

В конечном счете, речь шла не только о том, как выразился представитель Карелии в Президиуме ВЦИК А. Кочанов, какой язык – финский или карельский – признать родным для карел и в зависимости от этого считать проводившуюся до сих пор национальную политику верной или совсем наоборот. Как констатировал секретарь Президиума Совета национальностей А.И. Хацкевич, «вопрос встал перед нами во всей политической, исторической и национально-культурной сложности», запутанный давно и потому очень трудный. Действительно, именно культурная сложность, в т. ч. национальная, была фундаментом и условием советского национал-строительства. Глава Совета национальностей Н.А. Скрыпник весьма недвусмысленно сформулировал главную цель: «Мы, разумеется, ни в малейшей степени не можем быть сторонниками умышленного раздробления национальностей и культивирования дробных отличий, создания обязательно и непременно при всяких отличиях новых культур и развития новых языков. Более крупные объединения национальные дают большой запас сил, дают возможность больше развиваться данной национальной культуре, выявить её творческие силы, двигать вперёд дальше культуру данной национальности». Общие соображения развития «данных трудящихся масс» для общего же построения социализма были главными в оценке языковых отличий и перспектив их сохранения. «Убийственные» показатели низкой грамотности у карел и высокой у финнов подтверждали его доводы.

¹²³ Стенограмма заседания Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза С.С.Р. от 25-го апреля 1931 года [Электронный ресурс] // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 361–413.

Изменение внешнеполитической ситуации тоже диктовало переход на карельский язык: «Мы покажем не только как социалистическое строительство, поднимающее уровень трудящихся масс, но и наша линия на освобождение карельского народа, будет призывом к тому, чтобы трудящиеся карельские массы в Финляндии боролись за социальное и экономическое освобождение, боролись против фашистской Финляндии». При этом ЦК партии исходит не из того, подчеркнул директор Института национальностей С.М. Диманштейн, «какой язык должен быть в Карелии – карельский или финский, а из того, чтобы финский язык не был вытеснен русским». Тем более, что «если в Финляндии имеется высшая буржуазная культура, но культура вредная для нас, мы должны от такой культуры отгородиться». Скрипник добавил: центральный вопрос не о сходстве языка (речь шла о разных наречиях карельского и финском языках), а «вопрос о том, на каком языке ведя работу, мы лучше поднимем трудящиеся массы для сознательного социалистического строительства». Парадоксальность позиции защитника финского языка – партийного лидера автономии Ровио – в контексте советской политики самоопределения наций отметил председательствующий А. Таджиев: «Если такой национальности нет, нечего было создавать Карельской республики. Если мы ее создали, это доказывает, что такая национальность существует, и отрицать ее существование, при наличии Карельской республики совершенно неправильно»¹²⁴. Карельский «случай» служит ярким примером адаптивной политической практики большевиков, вынужденных лавировать между поддержкой самоопределения народов и объективно востребованной интеграцией культур, экономик, управленческих ресурсов.

Большую роль играли новые представления о социальных проявлениях престижа и новые статусные позиции в обществе, новые модели поведения и их демонстрации. Прямо и косвенно они противопоставлялись традиционным практикам духовной и гражданской идентификации через совокупность символов и образов, общественно полезных акций, стандартов социальной солидарности. Интерпретация настоящего как объективно востребованного и желаемого опиралась на разнообразные инструменты характеристики прошлого, в т. ч. духовного, как окончательно завершено и совершенно непригодного в настоящем и будущем. Такие методы были особо действенны в отношении молодежи, играли крайне важную роль в успешном продвижении по иерархии позиций, наиболее привлекательных в социальном и материально-бытовом планах. Национальная интеллигенция сыграла важную роль в формировании новой культуры. К примеру, бывший в 1920-е гг. одним из организаторов Каракалпакской автономии К. Аvezов, первый глава СНК республики (1932 г.), в 1925 – начале 1926 гг. создал для каракалпакской национальной труппы вариант исторической народной драмы «Саете батыр», получивший характерное название «Тилек жолында» (На пути к счастью). После

¹²⁴ Стенограмма заседания Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза С.С.Р. от 25-го апреля 1931 года [Электронный ресурс] // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 361–413.

первой же успешной постановки в январе 1926 г. труппа получила официальное наименование «Танг нуры» (Утренняя заря), на основе которой возник Каракалпакский государственный музыкальный театр им. Бердаха. Пьеса, написанная в столь необходимом оптимистическом ключе, подчеркивала самобытный героический дух народа и шла на сцене театра более 10 лет. Аvezов написал также пьесы «Жигит болдык» (Пора подростков), «Сонгы селтен» (Последняя попытка) и др., утраченные после ареста автора в 1937 г., перевел на каракалпакский язык «Проделки Скапена» Ж.Б. Мольера, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина¹²⁵.

Так, с конца 1920-х гг. узбекские художники отступают от традиционной декоративной эстетики, адаптируя художественные приемы в новой реальности и в связи с идеологическими установками власти. Национальный миф совмещался с социальным, создавая фундамент для длительного периода развития пластического языка и жанров искусства Узбекистана¹²⁶. При этом сама новая национальная культура становилась средством межэтнической интеграции общества. «Правда» приводила примеры такого рода: младший командир Кот в Киевском военном округе создал из красноармейцев домрово-балалаечные оркестры; Белорусская военная школа имеет ансамбли цымбалистов, ленинградский гарнизон – гусяров, кантелистов, армянские и азербайджанские дивизии – оркестры таристов и кеманчистов, грузинская дивизия – мелодично-песенных чонгуристов, Среднеазиатский округ – оркестры национальных инструментов. Струнный оркестр авиационной школы имени Сталина 12 февраля 1936 г. исполнил на самодеятельном школьном фестивале национальные песни: «Со вьюном я хожу», «Ихав козак на вийноньку» (украинская), «Лявониха» (белорусская), «Джан Марал» (армянская), «Эпипэ» (татарская), «Карабай» (башкирская), «Калинушка», «Уж ты сад»¹²⁷. Исторически сложившаяся этнокультурная мозаика диктовала свои особенности. «Подсолнухи, цветущие в огороде, подобны сорока и одному солнышку. Люди нашей страны подобны родным одной семьи», – так трактовала дружбу народов популярная форма чувашского фольклора частушка-такмак, трансформированная в новой реальности¹²⁸.

Подобные творческие практики вписывали общекультурные коды нового общества в этнокультурный контекст. Главными качествами передовых молодых людей назывались «типичные черты человека коммунистического общества»: упорство и настойчивость, отвага и смелость, бесстрашие и героизм, идейность и высокая культура. Именно молодежь была наиболее восприимчива к призыву власти принимать тяжелую и даже трагическую реальность как непрерывное движение к блестящему результату. Как предлагал А.В. Луначарский: «Человек, ко-

¹²⁵ Аvezов Касым (1897–1937) // <https://centrasia.org/person2.php?st=1229601452> (дата обращения: 7.12.2019).

¹²⁶ Хакимов А. Социальные утопии как художественная парадигма в искусстве Узбекистана 1920–30-х годов // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Мат. Межд. конф. Ташкент, 2009. С. 117–118.

¹²⁷ Аслибеков С. Струнники Красной армии // Правда. 1936. № 96 (6702). 6 апреля.

¹²⁸ Медведев В.В., Попов М.В. Трансформация песенного фольклора чувашей в 20–30-е годы XX века: к вопросу о «советизации» традиционной культуры // Via in tempore. История. Политология. 2020. Том 47. № 2. С. 352.

торый не понимает развития, никогда правду не увидит, потому что правда – она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда – это завтрашний день, и нужно видеть ее именно так»¹²⁹. Понятие «советская молодежь» вполне утвердилось в политическом лексиконе в середине 1930-х гг. При этом самой почетной задачей комсомола стало воспитание молодежи «в духе советского патриотизма, беспредельной преданности и безграничной любви к СССР – к своей родине»¹³⁰. Понятие «Родина», таким образом, объединяло всех граждан СССР независимо от локальной этнотерриториальной идентификации.

Политико-массовая и культурно-просветительная работа, создание национальных СМИ и библиотечного дела прочно включали этнокультуры в общесоветский контекст¹³¹. Интеллектуальная и творческая этноэлита, имевшая дореволюционное образование, стремилась к возможно более полному сохранению не только традиционных форм, поддерживаемых властью, но и по возможности их наполнению в рамках новой интернациональной «социалистической» культурой. Однако массовый террор резко сократил возможности национально-культурной автономии, форсировав унификацию¹³². Тяжелейшие потери понесла национальная творческая, научная и художественная интеллигенция. Репрессии против нее¹³³, резкое ограничение возможностей населению знакомиться с колоссальным багажом культурного наследия и гуманитарной мысли¹³⁴, политическая цензура и укреплявшаяся самоцензура создавали мифологическое пространство советской реальности, оригинально соединявшее действительность и вымысел в сознании и поведении людей. В 1940 г. ЦК ВКП(б) указал Тамбовскому обкому партии на ошибки в организации партийной пропаганды, среди которых, в частности, отмечалось: в некоторых программах спешно созданных 6-месячных вечерних партшкол, куда принудительно, под угрозой взысканий вплоть до увольнения, зачислялись руководители районных учреждений, «курс истории народов СССР заканчивается реформой 1861 года»¹³⁵.

Созданные в этот период культурные продукты, пополняя общесоветский культурный фонд, одновременно способствовали укреплению у титульного населения чувства своей особенности. С.Н. Абашин пишет: «Оставаясь советскими, они принадлежали и местному обществу, принимались им как “свои”, а не как навязанные

¹²⁹ Луначарский А.В. Социалистический реализм // А.В. Луначарский о театре и драматургии. М.: Искусство, 1958. Т. 1. С. 735.

¹³⁰ Питомцы Ленина-Сталина. Передовая // Правда. 1936. № 101 (6707). 11 апреля.

¹³¹ См., например: Гужаловский А. Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 31. P. 77–104.

¹³² Подробнее см.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Бугай Н.Ф. А. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2003; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. В 2-х кн. М., 2005, 2009; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011 и др.

¹³³ Данные о персоналиях см.: Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.): Документы и материалы. М., 2007; Зенькович Н.А. Национальная политика: творцы и исполнители. М., 2008; Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008 и др.

¹³⁴ В т. ч. среди мусульман из-за разрыва культурной преемственности поколений, когда молодежь была лишена связи с литературой, созданной на основе арабского алфавита.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 20..

извне колониальные стандарты»¹³⁶. Правда, вряд ли большинство населения мыслило в категориях современных авторов и определяло свою особость как колониальную. Именно сплав национальной культуры и общегосударственной, охватывавшей всю страну и функционировавшей на русском языке, становился важнейшим качественным отличием советских людей всех национальностей. Показательно признание главы СНК Киргизии Ю. Абдрахманова, сделанное в 1928 г.: «У меня установилась не совсем нормальная привычка мыслить по-русски... Нужно и обязательно нужно отучиться от этой привычки»¹³⁷.

В 1932 г. был издан указ «Об установлении паспортной системы в СССР», учрежден внутренний гражданский паспорт для горожан и некоторых других групп, введена графа «национальность» и затем проведена перепись населения, основанная на новых подходах: число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре с конца 1920-х гг. сократилось до 120¹³⁸. Иерархия народов по Сталину (нации, национальные группы и народности) была связана с административно-территориальной организацией СССР и также отражала нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии. Государство соединяло патриархальную модель управления с культом вождя и демонстрацию очевидных признаков ускоренной модернизации многочисленных этнических общностей, сделав критику столь же очевидных изъянов этнополитики одним из самых рискованных поступков для каждого.

Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых объединяющих ценностях, образе жизни как предмете общей гордости. Второй секретарь ЦК КП(б)У П.П. Постышев на IX съезде комсомола республики, к примеру, объяснял делегатам: «Наш советский патриотизм глубоко интернационален. Наш советский патриотизм объединяет в единую дружную семью строителей социализма, русских и грузин, украинцев и поляков, белорусов и бурят-монголов, армян и таджиков, трудящихся всей нашей огромной родины, с ее многомиллионным, многонациональным населением»¹³⁹.

Как признавался сам себе председатель СНК Киргизии Ю. Абдрахманов, значение Октябрьской революции он осознал лишь через 11 лет: «11 лет назад я не понимал ни значения, ни смысла этой даты, как бы боялся ее, а сегодня с красной трибуны перед 6-тысячной толпой агитировал за всемирное 7-е ноября, за то,

¹³⁶ Абашин С.Н. Советское = колониальное? (за и против) // Понятия о советском в Центральной Азии / Под ред. Г. Мамедова, О. Шаталовой. Бишкек: Штаб-Пресс, 2016. С. 41, 42.

¹³⁷ Цит. по: Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 118

¹³⁸ См.: Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 177–206.

¹³⁹ Воспитывайте достойных сынов нашей социалистической Родины! Речь тов. П.П. Постышева на IX съезде комсомола Украины. 5 апреля 1936 года // Правда. 1936. № 101 (6707). 11 апреля.

чтобы отстаивать ценой жизни, отстаивать то, что дала эта дата в 1917 г.». Особенно впечатлили его слова одного из солдат киргизской военной части о решимости «защитать Октябрь 1917 г. так, как только могут защищать дети свою мать». Просто, понятно и лучше сказать нельзя»¹⁴⁰. Но понижение этнокультурной самобытности в иерархии идентифицирующих признаков, заложенное в основу советской политики, деформировало систему социально-психологических ориентиров, выстраивало новые модели поведения и картину мира.

В тех случаях, когда человек стремился сделать политическую карьеру, языковая и культурная ассимиляция приобретали решающее значение и смысл. К тому же федеральная структура государства представляла привилегии «нацмену» только в «своих» республиках, что обусловило низкую миграционную подвижность автохтонного населения региона в советский период и закрепление приоритетов в совокупности поведенческих норм. При этом можно согласиться с Р. Суни, что полной ассимиляции не происходило, более того, этнические различия – как приобретенные, так и примордиальные – укрепились в советскую эпоху¹⁴¹. Между тем именно укрепление этноидентичности, прежде всего в образованной части народов, поддерживалось властью в качестве значимой части образа советского интернационализма.

Так, в июне 1940 г. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу ЦК КП(б) Туркменистана о проведении в 1942 году 160-летнего юбилея «основоположника туркменской классической литературы Махтумкули Давлет Мамеда». Как полагалось, были созданы республиканский комитет по проведению и Всесоюзный комитет при Союзе советских писателей СССР. В Ташкент, в Баку и в районы республики направились бригады по сбору рукописей, материалов и преданий о нем, собрав около 100 рукописей, много народных преданий о его жизни. Вышел сборник произведений на туркменском языке, готовилось издание сборника избранных произведений на русском языке в Москве и Ашхабаде, а также полное собрание сочинений на туркменском языке. О размахе работы говорит то, что переводами на русский язык занимались 7 бригад, был написан киносценарий и начались съемки фильма о Махтумкули. Однако, выделенных 100 000 рублей оказалось недостаточно. К тому же, за это время празднование юбилеев было унифицировано – они должны были проводиться через 25, 50, 75, 100, 150, 200 лет после их смерти и далее через каждые 100 лет. В итоге специальным решением Москва разрешила продолжить подготовку к празднованию, но рекомендовало «провести юбилей скромнее». Аналогичным образом готовились в Азербайджане отметить в октябре 1941 г. 800-летие Низами Гянджеви, причем все мероприятия (открытие памятника, учреждение постоянных стипендий его имени, юбилейная сессия АН и торжественный пленум союза

¹⁴⁰ Цит. по: Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 122–123.

¹⁴¹ Ronald Grigor Suny. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. P. 862–896.

советских писателей, выпуск почтовых марок) ЦК рекомендовал провести «в советском порядке». Не одобрили в ЦК идею партийного руководства Казахской ССР в связи с 25-летием гибели А. Иманова в мае 1944 г. в рамках намеченных акций (в т. ч. памятник открыть герою в Алма-Ате в 1945 г., установить 5 персональных стипендий имени его студентам отличникам вузов) переименовать г. Кустанай в Амангельды и область в Амангельдинскую. Просьба о переименовании города была отклонена, а вопрос о стипендиях правительство республики должно было решать в союзном Совнаркоме¹⁴².

В то же время поощрение этноидентифицирующих символов порождало и конфликтные ситуации. Они были связаны именно с примордиальным конструктом, положенным в основу советской национальной политики, в которой смешанное происхождение становилось камнем преткновения. К примеру, осенью 1940 г. обком партии, президиум Верховного Совета и Совнарком Башкирской АССР направили протест руководству Татарской АССР «против популяризации М. Гафури среди общественности Татарии как татарского, а не башкирского поэта». К борьбе за «чистоту происхождения» был привлечен сын поэта, который подтверждал, что проживание в Уфе не мешало отцу писать на татарском языке и отражать в своих произведениях жизнь татарского народа, тем более что по паспорту он самоопределялся как татарин. Вряд ли московские руководители пропаганды и агитации были готовы и способны разрешить конфликт, требовавший глубоких научных изысканий и политического такта. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) направило в Башкирию разъяснение: претензии и споры из-за Гафури являются «беспредметной тяжбой»¹⁴³. В практиках определения национальности, как отметил А.К. Байбурин, у граждан СССР с 1932 г., когда данная категория перестала быть второстепенной по «Положению о паспортах» и официально предполагала самоопределение, преобладал культурный критерий. На деле же предписывалось исходить из происхождения родителей, для детей из смешанных семей – указывать национальность обоих родителей, что в конечном счете навязало и надолго сделало стандартом биологический признак¹⁴⁴.

Тем, кто вступил в советское настоящее уже взрослыми, для приобретения новых статусов и карьерного роста требовалось выбрать между традиционным культурным набором с неперменной религиозной составляющей и противоположным внешне комплексом идей и поведенческих правил. Форсированная урбанизация, в частности, служила укреплению светской культуры. В рамках индустриализации значимый по численности национальный рабочий класс создавался целенаправленно: отправка в деревни и аулы вербовщиков, первоочередное трудоустройство и приравнивание к членам профсоюзов, обучение на родном

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 73–76, 89; Д. 129. Л. 55–57.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 13–47.

¹⁴⁴ Байбурин А.К. Советские практики определения национальности в 1920–1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 458–467.

языке по облегченной программе, прикрепление к русским и украинским рабочим, курсы ФЗУ, техникумы, курсы Центрального института труда, стажировка в индустриальных центрах СССР. Основные трудности в перестройке жизнедеятельности этносообщества представляли языковой барьер, слабая профессиональная подготовка, социально-психологический дискомфорт в связи с резкой сменой организации труда, быта, досуга, взаимоотношений в новых социальных группах и коллективах. Ударники и кадровые рабочие получали предпочтение в обслуживании. Идеальная лояльность и производственная дисциплина стали важнейшими условиями благополучия и даже личной безопасности.

Однако, как правило, приватная жизнь даже самых активных партийно-советских функционеров оставалась традиционной, вполне совмещаясь с мимикрией в публичном пространстве, заполненном ритуальными советскими стандартами в виде лексических клише, демонстративных акций и показательных процедур (митинги, публичные суды, кино, театр, массовые зрелища и пр.). Противоречивость легальной и латентной форм самореализации и идентификации формировала чувствительность и настороженность к возможным рискам недостаточно твердой и решительной демонстрации атеизма, а также своеобразный комплекс приемов общественного подтверждения своей неизменной советскости. Но этноидентичность в сознании большинства людей увязывалась с конфессиональной принадлежностью, даже несмотря на то, что для новых поколений она становилась достаточно формальной. К тому же искоренить многовековые культурные практики, вошедшие в быт и повседневную обрядовость ни у мусульман, ни у христиан, особенно в присоединенных незадолго до войны областях, не удалось, а накануне и во время войны их адаптивная значимость укрепилась¹⁴⁵. Широкое использование термина «мусульманские массы» в нормативной и политической риторике отражало не столько признание роли ислама как культурного «цемента», сколько фиксацию цивилизационной общности народов, нуждающихся в специальной программе включения в советское социальное пространство.

Теоретически утверждение начал социальной справедливости предполагало новые ценностные и институциональные «нормативы» прогресса, в частности, прежде всего в позиции и действиях рекрутируемых во власть националов. На практике, наряду с реализацией социально-инженерных проектов формирования советской идентичности (социальное равенство, неприятие частной собственности, коллективизм, светскость), власть и ее представители опирались и на традиционные приоритеты массового сознания и глубоко укорененных собственных установок – патриархальный общинный уклад, признание авторитарного характера и патерналистской роли государства, сакрализацию власти, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры. Они переплетались с постепенно внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных уста-

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 15–79.

новок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики.

Массовый характер и однонаправленность просветительной работы породили не только особые формы общения с коренным населением (культпоходы, передвижные школы, библиотеки и медпункты, красные юрты, кочевые театры, кинопередвижки и т. д.), но и выравнивание и унификацию культур. Поощрение местных языков и распространение русского языка были объективно неизбежны и прогрессивны в связи с индустриализацией регионов. Русский язык стал средством усвоения ценностей и смыслов советского индустриального общества, обеспечения политической лояльности властям. Одновременно национальная, поддерживаемая комплексом мер государственной политики в качестве неперменного атрибута подлинно справедливого общества, даже в ее стандартизованных и идеологически выверенных формах, неизбежно порождала рост этнического самосознания. Его проявления были своеобразны, и центр должен был учитывать возможные риски и нюансы внутриэлитных и социально-политических процессов. Так, в августе–октябре 1940 г. по заявлению главы парторганизации Грузии К. Чарквиани ЦК ВКП(б) о «совершенно нетерпимых искажениях и игнорировании истории грузинского народа» в 2-томном учебнике истории СССР были приняты внушительные организационно-административные меры¹⁴⁶.

В Киргизии внутриэлитные противоречия отягощались межэтническими: на 2-м съезде партии в 1940 г. среди делегатов распространялась листовка «У нас засилие русских»; писательская среда будировала слухи по поводу возможного роста численности русских и украинцев в связи со строительством Большого Чуйского канала и пыталась препятствовать введению кириллицы, а арест видного поэта А. Токомбаева лишь придал ему ореол национального героя-мученика. Кадровая политика страдала очевидными изъянами: заместитель Ю. Абдрахманова на просьбу наркомфина сократить штаты в июле 1941 г. заявил, что не может уволить ни гардеробщицу, ни швейцара, а «безболезненно может уволить только первого зам. наркома – киргиза». Меж тем, сообщал знаток региона А. Станишевский, «кадры в Киргизии есть прекрасные. Выросла национальная, подлинно советская интеллигенция, но мы эти кадры не изучаем и выдвигаем на работу безынициативных, малокультурных людей, не пользующихся авторитетом». Он предлагал возвратиться к заведенному Ф.Э. Дзержинским правилу уделять в Средней Азии много внимания не только изучению отрицательных сторон жизни, но и о росте национальной интеллигенции, о препятствиях этому. «Надо укрепить партийную и советскую работу в республиках Средней Азии, причем не за счет заброски новых работников, а за счет внимательного изучения кадров, в первую очередь национальных»¹⁴⁷.

В целом все народы обрели новое, востребованное в конкретно-исторических условиях качество социально-культурного развития. К 1939 г. на 1000 человек на-

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 116–123.

¹⁴⁷ «К председателю СНК т. Кулатову никто по серьезным вопросам не обращается, он, если прямо говорить, является по существу парадной фигурой, а среди киргизов мы имеем прекрасных работников, хотя бы наркомпроса Шукурова», – пояснял он. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 14–16. Меж тем, в некоторых программах вечерних партшкол Тамбовской области курс истории народов СССР заканчивался реформой 1861 года. Там же. Л. 20.

селения со средним и высшим образованием насчитывалось: в Грузии – 165, Армении – 128, на Украине – 120, в Казахстане – 83, Узбекистане – 55, Киргизии – 46, Туркменистане – 65, Таджикистане – 40. В автономиях со средним и высшим образованием на 1000 жителей в Чувашии приходилось 99, Коми – 96, Татарской АССР и Якутии – по 89, Кабардино-Балкарии – 86, Удмуртии – 82, Башкирии – 67, Бурятии – 86, Марийской АССР – 73, Чечено-Ингушетии – 71, Мордовии – 68, Дагестане – 63, Калмыкии – 51¹⁴⁸.

Важнейшую роль в подъеме общей культуры играло целенаправленное, хотя и неравномерное, формирование национальной образовательной среды. На октябрь 1941 г. в 6 университетах Наркомпроса РСФСР (Горьковский, Иркутский, Молотовский, Саратовский, Свердловский, Томский) обучались представители разных национальностей. Среди них были 1 осетин, по 2 чуваша и коми, 3 мордвы, 4 армян, 7 удмуртов, 27 татар, 13 ненцев, 20 бурят, 34 белоруса, 165 украинцев, 346 евреев, 4462 русских. В т. н. 39 национальных пединститутах ситуация была пестрой. В Чечено-Ингушском студенты-представители титульных этносов составляли 5% (9 чеченцев, 3 ингуша и 15 армян), Чувашском – 47%, Башкирском – 0,8% (4 башкира и 31 татарин), Марийском – 10%, Казанском – 17% (татар – 76 и чувашей – 16), Коми – 57%, Мордовском – 13% (11 мокша и 21 эрзя), Удмуртском 20,1%, Кабардино-Балкарском – 0,1% (2 кабардинца), Карачаево-Черкесском – 7,6% (11 карачаевцев), Северо-Осетинском – 21%, Иркутском – 4,6% (18 бурят). Примечательно, что в разных регионах к титульным причисляли и численно значимые в данной местности учитывались этнические и внутриэтнические группы. Картину дополняли 64 учительских института. Нужда в учителях ощущалась постоянно¹⁴⁹.

Драматический опыт войны заставил ЦК ВКП(б) констатировать, что обязательное изучение русского языка в нерусских школах, несмотря на известное решение 1938 года, поставлено совершенно неудовлетворительно. Многие учащиеся, окончившие нерусские школы, весьма плохо владели русским языком. «Значительная часть молодежи нерусской национальности, призванной в период Отечественной войны в Красную армию, не знает русского языка, – указывалось в постановлении. Виновниками были названы местные парторганизации, которые недооценивали государственное и оборонное значение изучения русского языка, а органы народного образования плохо руководили делом на местах.

Весной 1943 г. были разработаны меры по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах СССР. В 1943–1944 учебном году было решено ввести изучение русского языка во всех нерусских школах страны со 2-го полугодия, внести необходимые изменения в учебные планы и программы. Организовывалось также обучение детей разговорному русскому языку в старших группах дошкольных учреждений. Наркомпросам союзных и автономных республик поручалось в течение 1943 и 1944 гг. подготовить и издать для учащихся и учителей нерусских

¹⁴⁸ Советский народ – новая историческая общность людей. Становление и развитие. Ответ. ред. М.П. Ким, В.П. Шерстобитов. М., 1975. С. 189.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 52–56.

школ учебники по русскому языку и русской литературе, учебно-методические, учебно-наглядные пособия и словари. Они также должны были создать в педучилищах, учительских и пединститутах специальные отделения подготовки преподавателей языка и литературы в нерусских школах; разрешить в каждой союзной, автономной республике и автономной области организовать годичные курсы подготовки таких учителей, обучающихся на таких курсах освободить от платы за обучение, обеспечить государственными стипендиями и приравнять в отношении снабжения к студентам вузов. Обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик обязывались осуществлять повседневное наблюдение за преподаванием русского языка в нерусских школах и оказывать необходимую помощь органам народного образования в выполнении постановления¹⁵⁰.

Обсуждение в ЦК партии мероприятий по обеспечению школ учительскими кадрами и улучшению материально-бытового положения учительства показало: школам РСФСР дополнительно требовалось свыше 15 тысяч учителей, в Узбекистане только в начальных классах не хватало 5 600 учителей. «Исключительно плохо обстоит дело с обеспечением учителями в национальных школах. Так, в Дагестанской АССР в новом учебном году потребуется 1 500 учителей, в Калмыцкой АССР – 500. То же самое и по другим республикам», – отмечал наркомпрос РСФСР В.П. Потемкин¹⁵¹.

В июле 1943 г. ЦК ВКП(б) утвердил план издания учебников для украинских школ. В список учебников на украинском языке вошли 23 наименования для 1–10 классов, в т. ч. 3 книги для чтения, 4 задачника, букварь, 4 по украинскому языку, по 1 естествознание и русский язык, 2 грамматики, 3 хрестоматии, 3 по литературе. К 5 ноября 1943 г. план был выполнен. При этом для всех школьных учебников, как обращал внимание начальник Управления пропаганды и агитации ЦК партии Г.Ф. Александров, было характерно недостаточное внимание востребованного в годы войны тренда на укрепление патриотизма, самостоятельности русской и других культур народов СССР. К примеру, учебник по истории русской литературы для 8 класса Н. Поспелова и П. Шаблиовского «страдает тем коренным пороком, что он ставит развитие русской литературы в зависимость от западно-европейской. Авторы учебника не показывают самобытность и величие русской литературы» и исходят «из ложного представления, будто бы вся русская литература развилась под влиянием западно-европейской культуры». Совершенно непригодным признавался учебник для 10 класса Л. Поляк и Е. Тагера «Литература XX века», поскольку авторы «не подчеркивают национальных особенностей в творчестве русских писателей». В учебнике Н.Н. Баранского «Экономическая география СССР» усматривалась недооценка коллективизации: «улучшение скотоводства в Бурят-Монгольской АССР автор объясняет только влиянием совхозов и машинно-

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 342. Л. 6–8.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 52–56.

тракторных станций и ни слова не говорит о роли в этом деле колхозов (стр. 261). На стр. 321–322 автор пишет о том, что в Казахстане якобы существуют менее благоприятные условия для развития сельского хозяйства, чем в других республиках и областях СССР». На Всероссийском совещании по докладу наркома просвещения РСФСР «О работе школ за истекший период Великой Отечественной войны и задачах школ на 1943–44 учебный год» констатировалось, что приказы наркомпроса от 28 декабря 1940 г. «О мероприятиях по улучшению преподавания русского языка», от 1 июня 1941 г. «О внеклассном чтении учащихся», равно как и резолюция Всероссийского совещания заведующих областными, краевыми отделами народного образования и наркомов просвещения АССР от 27–31 января 1941 г., не выполнялись. «Еще менее удовлетворительно поставлено обучение русскому языку в нерусских школах. Постановление Совнаркома Союза ССР от 13 марта 1938 года по этому вопросу фактически не выполняется. Учащиеся, кончающие нерусскую школу, не только не владеют русским языком, но порою совершенно его не понимают». В итоге было решено, в частности, коренным образом улучшить преподавание русского языка в нерусских школах, «признав необходимым начинать обучение русскому языку в этих школах с первого класса»¹⁵².

В целом с учетом политики «коренизации» кадров, создания и унификации письменности для 89 народов в культуре всех народов СССР произошли впечатляющие прогрессивные перемены. Это имело принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей этносообществ, создания условий к их дальнейшему развитию. Огромное количество представителей всех народов СССР обрели вполне благополучный жизненный опыт, повышая социальный статус, приобретая возможности для образования и мобильности, улучшая материальное благополучие, быт и досуг, получая возможность реализации гражданского потенциала во всевозможных общественных организациях. Этноидентификационные критерии не потеряли значения, поскольку власть по-прежнему поддерживала масштабные социально-культурные преобразования для отсталых народов, а национально-государственные образования по всей территории СССР и активная пропаганда связывали этничность с принципами социализма, изменением социальной структуры общества, масштабным вовлечением низов в образовательное, политическое и управленческое пространство.

Эти изменения приобрели новое звучание в годы Великой Отечественной войны, когда экстремальные обстоятельства спровоцировали более острые формы манифестации как патриотических, в том числе этнокультурных и гражданских, оснований поведения на фронте, в тылу и оккупации, так и основанных на принципиальном неприятии советской власти и большевизма представления о долге (или отсутствии такового) перед семьей или Отечеством.

Привлечение творческой интеллигенции из всех республик стало важнейшим

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 135. Л. 74–88, 107–117.

направлением организации пропагандистской работы власти. В июле 1941 г. секретарь Союза писателей СССР А.А. Фадеев обратился в Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) с предложением вызвать в столицу наиболее «крупных и политически проверенных писателей» из Литовской и Латвийской республик, а также из западных областей Белоруссии и Украины, которые эвакуировались в разные города и села и оказались без поддержки. Несмотря на выделенные Литфондом страны 90 тыс. руб., многие оказались без зимней одежды и средств к пропитанию, далеко не всегда на местах власти имели возможность помочь им в обустройстве. В Халтурине Кировской области 16 латышских писателей жили в одной комнате без мебели, спали на полу, – писал он. В результате, предупреждал Фадеев, «у некоторой части эвакуированных писателей, в частности, у группы литовских писателей, наблюдается возникновение нежелательных настроений». В Саратове литовский писатель Петрас Цвирка в беседе с белорусскими писателями «подчеркивал, что он не мыслит подобного отношения к писателям у себя на родине в Литве». О бюрократизме и равнодушии, отсутствии «культурно человеческих отношений» сообщал в Правление Союза писателей Людас Гира.

Впрочем, и у эвакуированных в более далекую Среднюю Азию видных деятелей культуры возникали различные социально-бытовые трудности, хотя многих удалось быстро включить в идеологическую борьбу. А. Толстой написал и опубликовал в республиканских газетах «серьезную статью “Клянемся не осквернить святости нашей родины”», Н. Погодин вместе с узбекскими писателями по заданию ЦК компартии Узбекистана написал музыкальную драму о мобилизации узбекских народных масс на борьбу с фашизмом, в пропаганду включились поэты Уткин, Луговской и Голодный и др.¹⁵³

Правда, потрясающий хаос эвакуации обнажил не только лучшие стороны облика советского человека. Созданное Н. Асеевым по впечатлениям от эвакуации в Чистополь пронзительное стихотворение «Москва – Кама» представило образ «человеческой натуры» в мятущейся толпе, расколотой барьерами созданной самой властью «социалистической» иерархии. Это совсем не отвечало задачам морально-психологической мобилизации общества в трагическом 1941 году: «Асеев клеветнически изображает наш советский тыл».

На пристанях, проходящих мимо,
Человеческая натура зрима.
Балансируя головоломно,
Прет взбудораженная Коломна.
Хошь оставайся, хошь – полезай.
Прет, на дыбы поднимаясь, Рязань.
Люди отталкивают друг друга.
Густо теснясь, выпускают дух.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 132–153, 185–186.

В детский плач и женскую ругань
грузно вплывает зеленый сундук.
Чьи это фикусы? Накося, выкуси!
Кто-то с диваном, кто-то со шкафом.
Не пропадать же доброму прахом!
Люди из трюмы смотря угрюмо.
Холодом веет жестокая дума.
Обитатели верхних кают
Грозно стоят за фанерный уют.
О заслугах мужей тараторя,
Отбивают места в коридоре.
– Мой на работе! Наши на фронте!
Только попробуйте, только затроньте!
Пап из Внешторга и мам в Лакокраске
Только затем и щадили фугаски,
Чтоб, разрываясь от спеси и злобы,
Криком они разрывали утробы:
«Эллочка с коклюшем, Симочка с корью!» –
Козыряют ребячьей хворью.
И далеко еще на заливах
Эхо их голосов визгливых.
Это – люди? Это орда,
Заливающая города.
Сколько нужно еще столетий,
Чтобы дружба стала на свете?
Куда они едут? Вернее: откуда?
Добра не спасают, бросаясь от худа ...¹⁵⁴

Важной частью комплексных мер в новом наполнении патриотизма было использование образов народных героев и легендарных личностей народов СССР, воплощавших те качества национальной культуры, которые могли обеспечить историческую преемственность в самосознании и гражданской консолидации советского общества. К примеру, Управление пропаганды и агитации ЦК в марте 1943 г. предложило отклонить тематический план Комитета по кинематографии «как совершенно нереальный», ввиду отсутствия сценариев на большинство тем. Планировалось создать 28 художественных фильмов, выпущено же было 11. В качестве негодного приводился пример сценария музыкального биографического фильма «Джамбул» (авторы Тажибаев и Арнштам), где 4/5 места отводилось дореволюционному периоду жизни и творчества Джамбула и жизни казахского народа. «Октябрьская революция, коренное изменение

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 96.

судьбы казахского народа, эра его социального, национального и культурного расцвета, пора самой плодотворной творческой деятельности Джамбула в сценарии отражены схематично, можно сказать, не показаны вовсе. Плохо показано, как отозвался Джамбул на грозные события сегодняшнего дня, как казахский народ участвует вместе с другими народами нашей страны в защите своей родины. А именно это должно быть главным в фильме. Сценарий необходимо подвергнуть коренной переделке». Сценарий предлагалось переработать так, чтобы главное внимание в фильме было сосредоточено на послеоктябрьском периоде жизни и творчества Джамбула, «периоде социального и культурного расцвета казахского народа. Необходимо широко отразить участие казахского народа в Отечественной войне».

Я. Протазанов снял в Ташкенте фильм «Насреддин в Бухаре» по роману Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия». Однако, по мнению главы Г.Ф. Александрова, фильм стал одной из «наиболее слабых картин, выпущенных Комитетом по делам кино в 1943 году». В июне 1943 г. он направил письмо на сей счет начальнику Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакову, выделив наиболее серьезные недостатки фильма, как он считал. В частности, Александров обратил внимание на необходимость более полно характеризовать основные свойства национальной культуры «народов Востока». Показывать Насреддина лишь как обличителя богачей и деспотов было недостаточно, лишая его «глубокого и тонкого юмора» и обедняя образ героя, воплощавшего народную мудрость. Утрированным оказался и образ эмира, поскольку «в нем нет того внешнего величия и недоступности, которые были свойственны восточным деспотам», а «его манеры русифицированы. Фильм построен неинтересно, прямолинейно, без напряженных коллизий». Особенно неудачной Александров считал музыку к фильму, в которой «много шума, мелодии весьма примитивны».

Секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов добавил критического настроения, предложив секретарям ЦК ВКП(б) запретить фильм «Мы с Урала» как «безыдейный и антихудожественный», поскольку интересы завода двум героям – отличникам учебы в ремесленном училище – чужды. Рождение советского рабочего, как и его быт, писал он, извращены. «Незнание советской молодежи, отсутствие вкуса и такта характерны для большинства сцен этого фильма. Обстановка войны в фильме не чувствуется». Лишь Пудовкин снял в Алма-Атинской киностудии подходящий фильм «Русские люди» по пьесе К. Симонова, поскольку съемки крупным планом позволили ему «даже в небольших ролях шире раскрыть душевные качества русских советских людей»¹⁵⁵.

На совещании по проблемам кинематографа во главе с начальником Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакова 31 июля 1943 г. признавалось: «Если делать военные картины, то надо углубляться до человека, до его переживаний. А у нас наоборот, во главе угла бомбация, а что с человеком делается, не

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 213. Л. 6–18, 172–173.

знают». Писатель и сценарист Б.А. Горбатов предлагал: сценарии должны писать те, кто был на фронте. Задание сделать фильм об инвалидах Великой Отечественной он считал несвоевременным и сделал важное заявление: «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека, у которого его убеждения составляют его теорию ... Кинематография удалена от фронта, люди не восприняли войну как личную трагедию, которая нарушила их жизнь, появились дополнительные трудности в борьбе за спасение государства. Ведь вплоть до того дело дошло, что была группа, которая подавала в Комитет предложение, чтобы уехать в Америку и делать советскую кинематографию оттуда. Как можно это сделать, когда человек потерял чувство ощущения величайшей драмы, в которой мы играем центральную роль и в это время думать, что можно спасти свою жизнь в Америке».

В свою очередь, С.Н. Сергеев-Ценский подчеркнул, что нужны фильмы о тыле, которые позволят показать, как изменился культурный облик человека в СССР. «Представьте себе такую вещь. Если возьмем, скажем, и проследим людей тыла – той же фабрики, того же завода за время сталинских пятилеток, а в особенности за это время мы увидим рост особой прослойки рабочего класса, которую можно назвать культурной прослойкой. Это обычный рабочий, рабочий у станка, молодой квалифицированный рабочий, обычно до 35 лет, который имеет в среднем не менее семилетки, десятилетки, который, не отрываясь от производства, получил заочное техническое образование, общее развитие. Я, например, знаю ряд лиц из рабочих, которые, не отрываясь от производства, закончили Ленинградский институт. А таких рабочих очень много, и этот рабочий, передовик, это товарищ, который творит наши новые методы труда, это товарищ, решающая, ведущая сила, за которой идет вся масса, мы его не показываем ни в кино, ни в литературе, а это явление в высшей степени полезное»¹⁵⁶. Очевидно, что настройка сложной культурной среды в творческом классе страны в требуемых для власти и общества ориентирах оставалась трудной задачей, а условия войны не располагали к использованию более демократических инструментов, которыми аппаратчики не владели.

Партийный контроль за содержанием и характером патриотического и интернационального дискурса в творческой среде был постоянным и осуществлялся при непосредственном участии самой интеллигенции. Впрочем, администрирование далеко не всегда помогало поднять художественный замысел до высот подлинных шедевров. К тому же доходчивость, плакатность образов и стили в образцах массового предназначения доминировала изначально, что наглядно подтверждают стихи И. Сельвинского «Битва за Кавказ»:

А дальше в полках запыленных
Солдаты российские шли
Из тульской да новгородской,

¹⁵⁶ Там же. Л. 118, 124, 138.

Из вологодской земли,
За ними идут грузины,
Армяне за ними идут,
Азербайджанские части
Колоннами движутся тут.

В то же время даже при наличии этих качеств сочинения мастеров культуры не всегда устраивали функционеров. Так, в 1943 г. поэта было решено вызвать в ЦК партии за публикацию стихов совсем другого уровня, отражавшего авторское понимание русского характера как «антихудожественных и политически вредных» (в цитате такие строки были подчеркнуты):

Сама, как русская природа,
Душа народа моего:
Она пригреет и урода,
Как птицу, выходит его.
Она не выкурит со света,
Держась за придури свои –
В ней много воздуха и света
И много правды и любви.

И уж совсем непотребным оказалось стихотворение «Эпизод». Ханжеское отношение к блестящему воплощению интимных чувств человека на войне вполне отражает обвинение: поэт «цинично воспекает войну за то, что она дала ему счастье обладать молодой девушкой с Кубани». То, что сегодня стало воплощением любовной лирики, в пуританском лицемерии бюрократов было постыдным и недопустимым.

Сидит предо мной белокурое счастье,
Казацкою силой маня;
Морские глаза ее, злые от страсти,
С презреньем ласкают меня...
Не досмотрел еще я сновиденья,
Тайны не разгадал,
Как налетело вдруг наводнение
На деревенский квартал!
Бомба! Раз – я бросился на пол,
Прямо на стекла – в кровь...
Желчью ракет небосвод закапал
В бешенстве прожекторов.
Опалена пулеметной строчкой,
Вся в озареньи Войны –
Кинулась рядом хозяйкина дочка
Голая, как из волны.

«Вы?»

Я засмеялся от счастья,
Как молодой зверолов.
Бомбы все громче. Залпы все чаще.
Выл паровозный зов...
Я целовал ее, как на свидании,
В плечи, в затылок, в рот.
Она замирала, чуть задыхаясь;
Чуть-чуть стонала она...¹⁵⁷

Явно неудачной, политический вредной и ошибочной была признана в 1943 г. повесть А. Довженко «Украина в огне», которую в конце 1942 г. неосмотрительно принял к печати журнал «Знамя». Как оказалось, она изобиловала «фальшивыми положениями»: «воинская часть, которую изображает автор, состоит сплошь из украинцев, что не соответствует действительности и искусственно обособляет борьбу украинского народа от борьбы всех народов СССР против немцев; ... в ущерб здравому смыслу и чувству реального Довженко непомерно прибегает к гиперболам. Такова, например, картина повального бегства полка; ... много утрированных эпизодов, небрежных и двусмысленных выражений». В качестве примера приводилась цитата: «Мы бьемся за то, чему нет цены в мире – за Украину ... За Украину, за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный! ... Но жива душа народная ... нашу народную правду, почти что мертвую от долгого сна, поднял из гроба Сталин. Собрал он наши земли воедино и сказал: “Живите! Спасибо за верность мечу и за дружбу. Не забывайте дружбу народов никогда. Вся ваша сила в дружбе” ... Не на смерть, а на жизнь! За великий Советский Союз народов и за наше Украинское государство от Закарпатской Руси до этого поля боя!» В повести были «отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера», автор якобы настойчиво пытался «убедить читателей в том, что за Украину борются, якобы, только украинцы», а «Украина ни разу не названа Советской Украиной»¹⁵⁸.

Специфический инструментарий потребовался для обновления политики в этнокультурной сфере на временно оккупированных и освобожденных территориях. Власть столкнулась с активными попытками оккупантов перекодировать общественные настроения и использовать этничность как особенно чувствительный компонент идентификации в интересах «новой власти». Так, радиостанции из Германии и во временно оккупированных городах вели передачи на русском, украинском, белорусском и других языках советских народов, пытались создать фа-

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 178.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 1–3, 40–43, 65, 77, 141–152.

шистские националистические организации, подконтрольные идеологически и политически целям оккупационных властей («кто слишком много шумел или мечтал об “автономии” и оставили только самых верных немцам людей»). В нацистской пропаганде использовались народные пословицы и поговорки, в периодике публиковались статьи о фольклоре, национальных литераторах и «возрождении национального самосознания», об истории страны, города, района, используя привычную советскому человеку терминологию, «придавая знакомым выражениям враждебный нам смысл». В методических пособиях о преподавании истории в школах Белоруссии, например, делался акцент на помощи немцев белорусам и отсутствии единой тенденции в развитии Белоруссии и России.

Обнаружилось отставание советской пропаганды в оперативном противодействии информационным атакам противника. Как отмечали в 1943 г. представители ЦК ВКП(б), в листовках и радиопередачах ЦК ЛКСМ Украины и Белоруссии за последние 1,5–2 месяца не было ничего по разоблачению немецкой пропаганды по национальному вопросу, фашистских националистических организаций; радиопропаганда на украинском и белорусском языках идет без учета особенностей пропаганды на оккупированных территориях, плохо с листовками для молодежи на украинском языке. «Мы хуже всего работаем на Украине», а оккупанты meantime прилагают больше всего усилий для одурманивания молодежи Украины. Подчеркивалось, что необходимо обеспечить расширение групп работников отдела пропаганды и агитации, создание оперативно-пропагандистских групп для направления в тыл врага, «сдирать “национальную” маску с лица немецкой пропаганды...», делать это как можно убедительнее, показывая конкретные примеры о выселении коренных жителей, специальных магазинах, кино и пр. для немцев на оккупированной территории, приводить высказывания фашистских главарей о славянских народах, использовать в пропаганде не только имена известных писателей и пр., но и фольклор, национальные особенности. «Необходимо сделать нашу пропаганду глубоко национальной по своей форме ... материалы о жизни советской страны должны быть очень конкретны, немногословны, снабжены большим количеством данных, имеющих документальный характер – фото, цифры, точное наименование мест, фамилий и т. д.».

Как сообщал в марте 1943 г. секретарь ЦК Латвии по пропаганде А. Пельше, «наша контрпропаганда имеет определенный успех и дает определенные результаты. Немцам не удалось привлечь на свою сторону не только широкие народные массы Латвии, но почти ни одного сколько-нибудь известного в народе представителя интеллигенции ... Частые жалобы немцев о несвоевременном и неполном выполнении поставок показывают, что наши призывы имеют отклик в латвийском крестьянстве. Нет почти ни одного мероприятия немецких властей, которое прошло бы гладко ... Поднятый с осени прошлого года и продолжающийся до сегодняшнего дня поход против “вредных слухов” является прямым доказательством

определенного успеха нашей контрпропаганды. Газета «За Советскую Латвию»: 14 сентября 1942 г. опубликовала текст народной песни «Прощу кому угодно, а немцу не прощу (из народной песни)»; в январе 1943 г. – статью «Союз советских народов нерушим». «Является фактом и то, что до сих пор немцы не решались провести мобилизацию в Латвии, а вынуждены ограничиваться созданием лишь нескольких батальонов “добровольцев” из бывших полицейских и остатков фашистских организаций, – писал Пельше. – Необходимо еще отметить, что в последнее время наши партизанские отряды встречают не только исключительно теплый прием и помощь населения, но все шире и шире оно устремляется в ряды активных борцов против немецких захватчиков».

Для Эстонии с января 1942 г. по 1 марта 1943 г. было издано 2 лозунга тиражом по 100 тысяч и 4 листовки тиражом по 50 000 экземпляров «Разоблачение мероприятий гитлеровцев по истреблению эстонского народа и его культуры», в т. ч. «Эстонские учителя, отказывайтесь дурманить эстонскую молодежь “расовой теорией”», «Не допускайте уничтожать фашистским оккупантам эстонские школы и культуру»; листовка «Пусть вдохновляют эстонцев в борьбе против немецких разбойников образы Тазуя, Весса и других героев восстания в Юрьеву ночь» тиражом 150 тысяч; лозунги в честь 600-летия восстания в Юрьеву ночь тиражом 25 тысяч, «Долой т. н. “эстонский легион”! Смерть немцам!» тиражом 25 тысяч. Всего было подготовлено 6 253 000 экземпляров брошюр, газет, листовок и лозунгов, хотя признавалось, что контролировать их адресное распространение было сложно. Например, для Литвы за 1942 – 1 марта 1943 гг. было выпущено 113 изданий общим тиражом 3 458 000, из них распространено 3 252 000 экз.¹⁵⁹

Поистине всесоюзный масштаб приобрела в годы войны работа над государственным гимном СССР. До этого времени его роль исполнял «Интернационал». Работа над подготовкой гимна началась весной 1943 г. в специальной Комиссии. Как указывал в июне 1943 г. А.С. Щербаков, «Интернационал» должны петь те, кто еще не разрушил старый мир, а «От гимна требуется больше, слова его должны жить минимум десятилетия, а может и даже наверняка и сотни лет. Музыка должна быть доходчивой, выразительной. Народ будет петь его в радостях и в горестях. Гимн должен войти в кровь народа»¹⁶⁰. К октябрю 1943 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) подготовил для Президиума Верховного Совета СССР справку о судьбе «Интернационала» в репрезентации советского строя. Как государственный гимн он официально не утверждался, распространившись «бытовым путем». Как «международный гимн» его опубликовала «Правда» уже 5 марта 1917 г., а 10 марта в передовице «Красное знамя» главный орган печати большевиков указывал: «Такое же

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 5–90.

¹⁶⁰ «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2, книга 1 / рук. колл. Т.М. Горяева, сост. В.А. Антипина, З.К. Водопьянова (отв. сост.), Т.В. Домрачева. М.: Политическая энциклопедия. 2015. С. 844–845.

значение, как «Красное знамя», имеет песня «Интернационал» ... Ее поют европейские рабочие, должны петь и мы, при всяких пролетарских выступлениях. Мотив песни – родной мотив для рабочих всех стран.

... Русская революционная армия должна обучиться хоровому пению “Интернационала”»¹⁶¹. Первое хоровое исполнение «Интернационала» состоялось на общем собрании гласных районных дум Москвы 27 октября (9 ноября) 1917 г., а после установления советской власти – 28 (15) ноября 1917 г. на первом торжественном заседании ЦИК советов и 21 декабря на объединенном заседании СНК, ЦИК, Петроградского городского и районных советов¹⁶². Инициатива превратить «Интернационал» в национальный гимн принадлежала М.Н. Покровскому. При закрытии I-го Всероссийского съезда по просвещению 4 сентября 1918 г. он предложил: «Теперь у нас нет национального гимна. Пусть же революционный Интернационал будет нашим национальным гимном». Как вспоминал один из участников, «под мощные звуки международной революционной пролетарской песни делегаты покинули съезд»¹⁶³.

Теперь «Интернационалу» предстояло оставаться лишь партийным гимном, а ставшая воплощением советскости песня В.И. Лебедева-Кумача и И.О. Дунаевского «Широка страна моя родная» не могла претендовать на такой статус, несмотря на торжественный характер. Как указывала Комиссия, «Гимн должен отразить следующие темы: 1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся. 2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза. О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным. Гимн должен быть немногословен, не более четырех куплетов, но сильным и выразительным по своему содержанию»¹⁶⁴. Это предопределило привлечение к конкурсу на создание текста и музыки представителей разных республик. Среди 96 вариантов текста гимна СССР, принятых к рассмотрению, тема братского союза народов была положена в заглавие 7 текстов: «Свободен народов союз стоязыкий» – последний из 7 вариантов стихов М. Голлодного на музыку Иванова-Радкевича и стихи С. Михалкова «Свободных народов союз благородный» на 3 варианта музыки Г. Эль-Регистана и один на музыку Д. Шостаковича, «Созвездием славы сверкают гербы» П. Германа. Наиболее активно продвигал идею гражданского единства советских людей С. Кирсанов. Он предложил 11 вариантов, в т. ч. с такими характерными названиями, в одном из которых значился «советский народ»: «Своей исконной землею народ, владей», «Народ советский, землей счастливой владей навеки» (это было 1-е трехстишие, в третьем говорилось также: «Пусть год от года живет свободно союз народов!»), «Мы – граждане Советского Союза». В последнем варианте были обозначены опорные точки общественного сознания – Москва как объединитель СССР, не-

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 7–8, 12.

¹⁶² Известия Моссовета. 1917. 28 октября (10 ноября). № 199; Правда. 1917. 30 (17) ноября; 22 (9) декабря.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 7; Народное просвещение. 1927. № 10. С. 176.

¹⁶⁴ «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 845.

победимость советских людей, державность и союз народов, солидарность и доблесть рабочих и крестьян в труде и бою, сакральный характер земли как исторического наследия и величие советских вождей. Кирсанов писал, в частности:

«Народу отцы завещали:
– Навеки
Землею владей!
И создали Ленин и Сталин
Державу советских людей!
Да славится содружество народов –
Большая равноправная семья!
Трудящимся пашен и заводов
Дороже жизни –
Советская Земля!»

Аналогичные формулы положил в основу своих стихов П. Слетов («Слава народу великому, слава» на муз. Степанова и Шишова). Приоритет надэтнической общности советских людей отстаивали национальные авторы: дагестанский поэт, лезгин С. Стальский (1869–1937) («Одна на свете есть страна» на муз. Д. Кабалевского), казахский поэт и литературовед Х. Жумалиев (1907–1968) («Необъятная могучая страна»), казахские поэты А. Тажибаев (1909–1998) и А. Токмагамбетов (1905–1983) («Мы великий народ той победной страны» и «Мы светлую, новую долю свою»). История создания гимна освещена в исторической и культурологической литературе. 14 декабря 1943 г. был утвержден окончательный вариант Гимна СССР (музыка А.В. Александрова, слова С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана)¹⁶⁵. Поэты и композиторы, участвовавшие в конкурсе, получили премии от 4 до 32 тыс. руб., победители – по 100 000 руб., что соответствовало Сталинской премии I степени. Переводы на языки народов СССР (а также иностранные языки) были осуществлены при участии республиканских писательских коллективов в марте 1944 г.

Повсеместное исполнение Гимна началось в марте 1944 г. Его пропаганде, разучиванию и внедрению в массовое сознание на фронте, в тылу и на оккупированных территориях придавалось огромное значение. Это было весьма актуально, поскольку общественные настроения были весьма противоречивы. Трагические события войны, тяжелейшие морально-психологические и культурные испытания, наряду с социальными и экономическими тяготами, не могли не отразиться на отношении людей к политическим переменам. Это отчетливо показывают сообщения о политических настроениях на местах, представленные в Управление пропаганды и агитации ЦК партии в мае 1943 г.: в Свердловске на Уралмашзаводе в 36-м цехе «кто-то пустил слух, что пение “Интернационала” запрещено. Разда-

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 217. Л. 23–27, 89, 90; https://www.culture.ru/s/gimn_ssr/history.html (дата обращения: 17.01.2020); Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991 / Сост. Л.В. Максименков. М.: МФД, 2013. С. 228–229; «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 852–853.

лись голоса: «Что же теперь, “боже царя” будем петь?»». Многих волновало: «Будем ли петь “Интернационал”?» Нередко звучали высказывания, что роспуск Коминтерна и отказ от «Интернационала» – уступка союзникам. Возврат к отдельным досоветским политическим практикам порождал недоумение: «Сначала погоны, потом попы, а теперь и Коминтерн»¹⁶⁶.

Впрочем, в огромной стране социокультурная ситуация была разнообразной. Культурные различия, сложности инфраструктурного развития, этносоциальные особенности и географическая локализация местных общин играли немаловажную роль в гражданской консолидации общества. К примеру, в Таджикистане это было выражено весьма зримо. Как отмечалось по итогам проверки в конце 1944 г., требуемый стандартами политико-воспитательной и пропагандистской работы уровень здесь отсутствовал: газеты поверхностно освещали работу сельского хозяйства, особенно хлопководства, областные издания выходили нерегулярно и допускали политические ошибки, массово-политическая литература издавалась «неряшливо». Особенно плохо обстояла работа в горных и пограничных районах и среди женщин, весьма редко здесь демонстрировались кинокартины, а значительная часть детей не училась, причем происходил большой отсев школьников, особенно из старших классов. В вузах республики почти совершенно не было студентов из коренных национальностей. Половина учителей из числа таджиков и узбеков не имели среднего образования. В тяжелом положении находился Таджикский театр оперы и балета – за время войны он не поставил ни одной новой оперы и даже снял из репертуара постановки, пользующиеся популярностью.

Для улучшения дел ЦК ВКП(б) предложил правительству и ЦК Компартии республики организовать дополнительно интернаты на 600 человек для учащихся – таджиков и узбеков 8–10 классов средней школы и на 400 учащихся 5–7 классов с полным содержанием за счет республиканского бюджета. Предстояло с 1945–1946 учебного года восстановить учительский институт в Кулябе и педучилище в Сталинабаде, организовать 10-месячные курсы подготовки преподавателей русского языка на 150 человек с законченным средним образованием, с выделением им стипендии по 150 рублей в месяц, приравняв по снабжению к студентам вузов. Без помощи центра невозможно было организовать изучение для местной интеллигенции достижений культуры народов СССР, лекции о русской науке, литературе, искусстве и др. В связи с этим Наркомпрос РСФСР должен был выделить 3 000 учебников по русскому языку и математике для руководящих работников Таджикской ССР и направить на работу в республику преподавателя по истории народов СССР, по одному профессору математики, основ марксизма-ленинизма, политэкономии. Комитету по делам кинематографии при СНК СССР предстояло обеспечить запчастями восстано-

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 2–4.

ление 20 кинотеатров республики, в 1-м квартале 1945 г. выделить республике 10 стационарных аппаратов, 20 кинопередвижек, 10 электродвижек, обеспечить за год перевод 2 художественных фильмов на таджикский язык и т. д.¹⁶⁷

Летом 1945 г. секретарь ЦК комсомола Н.А. Михайлов доложил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о тяжелом материально-бытовом положении учителей республик, многие из которых голодали, не получая продуктов по карточкам по несколько месяцев, из-за отсутствия одежды и обуви ходили босиком. Более 400 учителей работали не по специальности, многие увольнялись, хотя в республике не хватало 3 100 учителей. Впрочем, постановление Секретариата ЦК ВКП(б), обязавшее руководство Таджикистана принять меры, выполнялось плохо, поскольку фонды для помощи учителям наркомторг республики систематически не заполнял¹⁶⁸, что могло происходить в том числе и из-за дефицита средств.

Не лучше обстояло дело и в других республиках. В бурятских школах Усть-Ордынского национального округа Иркутской области обучение было поставлено неудовлетворительно, понудив Оргбюро ЦК ВКП(б) в марте 1945 г. предложить вызвать в столицу для объяснений секретаря окружкома партии по пропаганде, председателя окрисполкома, заведующих окружным ОНО отдела школ области. Как выяснилось, в последние годы здесь в национальных школах округа ухудшилось качество обучения. В 5–7 классах национальных школ более 50% учащихся имели неудовлетворительную успеваемость. До 1930 г. обучение велось на русском языке, так как западные буряты (иркутские) в отличие от восточных (забайкальских) не имели письменности, а после ее создания с 1930 г. шла активная коренизация всех бурятских школ, в том числе иркутских. Однако учителя начальных национальных школ, как и вся интеллигенция, получив образование на русском языке, недостаточно знали бурятский литературный язык, который основывался на восточных говорах. Разговорная речь двух групп бурят значительно отличалась, учебники и литература на бурятском языке издавались только в Бурят-Монгольской республике и в округ попадали в недостаточном количестве. При этом знание русского языка снижало спрос на издания подобного рода: «Слабо знают русский язык только 10–15% сельского населения». Все районные газеты выходили на русском языке, партийные клубы, избы-читальни и библиотеки работали на русском языке. Коренизация приобрела поэтому «чисто административный и формальный характер», а преподавание фактически велось на смешанном бурято-русском языке. В итоге молодежь плохо знала оба языка и особенно страдала при переходе в неполную и полную среднюю школу, где обучение велось на русском языке. ЦК партии счел целесообразным принять предложение работников округа перевести преподавание во всех начальных национальных школах на русский язык, сохранив преподавание бурятского языка как отдельный обязательный предмет¹⁶⁹.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 199–205.

¹⁶⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 972–973.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 342. Л. 9–12.

Ситуация в школах и особенно с преподаванием истории оказалась в поле зрения и в связи с известным совещанием историков летом 1944 г.¹⁷⁰ Правда, вывод Д. Бранденбергера о потере интереса к нерусской истории со стороны партийного руководства страны после перехода польской границы Красной Армией в июле 1944 г. вряд ли полностью соответствует реальности. Эти вопросы оставались важными в том числе в силу объективной значимости рычагов консолидации поликультурного общества. Анализ освещения национального вопроса в учебниках для школ и уровня знаний об этом учащихся, представленный летом 1944 г. в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), показал, что «учащиеся плохо понимают ... национальный вопрос». Неудовлетворительно оценивалось освещение в учебниках истории присоединения Украины к России, «родственность украинского и русского народов, что нужно для разоблачения украинских сепаратистов, “полагающих, что ... Киевская Русь заложила основы не русской государственности, а украинской”». Присоединение Сибири и Средней Азии также, как оказалось, представлялось «только как угнетение, подавление всяких проблесков культуры, уничтожение всего, что напоминало бы собой национальные особенности народа». В беседах представителей Отдела школ ЦК партии в некоторых московских школах ученица, например, сообщила: «Россия выплачивает свой долг Средней Азии, поднимая ее промышленность и культуру». Другая школьница на вопрос о присоединении Казахстана к России в 1731 г. ответила: «Для кого как. Для России хорошо, для казахов плохо».

Правда, необходимость более сбалансированного толкования исторических событий объяснялась, как было заведено, без учета реальных сложностей и противоречий формирования многонациональной территории России/СССР. «Учащиеся совершенно не представляют себе процесса, как Великая Русь исторически подготовила объединение народов в Союз ССР, они считают, что до революции между народами не было абсолютно никакой солидарности и связь между ними совершенно отсутствовала. На вопрос – сыграла ли Россия по отношению нацменьшинств в какой-либо мере прогрессивную роль, ученик Перельман уверенно заявлял “прогресса никакого не происходило”». Фактом оставалось плохое знание школьниками европейской части страны истории Средней Азии в советский период, как и солидарное признание учителями немалых затруднений при изложении национальных вопросов. Сказывалась недостаточная квалификация учительских кадров. Предпринятые со второй половины 1930-х гг. решения, в том числе прекращение выпуска журнала «История в школе», выходявшего тиражом 30 тыс. экземпляров, сыграли печальную роль. В ЦК обнаружили, что если в 1913 г. по учебному плану на изучение истории России без XX века отводилось 11 и 1/4 недельных часов, то в 1944 г. на тот же период приходилось 8 часов вместе с элементарным курсом. Объем

¹⁷⁰ См., например: Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 148–158.

учебника при этом был больше дореволюционных, а самих учебников не хватало: на класс их приходилось по 4–5, еще хуже обстояло дело на селе. Мало издавалось не только учебников, но и художественной литературы, книг для внеклассного чтения, ЖЗЛ, карт, наглядных пособий, которых до революции было достаточно. В школах Наркомпроса РСФСР работали 19 007 учителей, в т. ч. в 8–10 классах – 4 017, из них законченное высшее образование имели 2505, остальные формально не имели права преподавать в старших классах¹⁷¹.

Специальных мер поддержки требовало и развитие высшего образования в республиках. Среди верховных судей союзных республик в 1946 г. высшее образование имели 55,2%, среди народных судей и прокуроров – около 8%, 60% народных судей не имели даже среднего законченного образования, что понудило власть поставить вопрос о восстановлении юридических факультетов в вузах¹⁷². В Алма-Ате в 1944 г. был создан женский пединститут, причем учащиеся женских педагогических учебных заведений Казахстана освобождались от взноса за обучение, все успевающие получали стипендию в размере 140–210 рублей в месяц в зависимости от курса, как и остальные учащиеся-казахи учебных заведений республики. Руководители парт-организации и правительства Казахской ССР в 1945 году 4 раза обращались в СНК СССР с просьбой обеспечить за счет государства содержание девушек-казашек, их питание и обмундирование, разрешить полное интернатное содержание за счет республиканского бюджета, дабы привлечь менее обеспеченных из отдаленных аулов. Они отмечали, что среди обучающихся в педучилище и институте «имеется значительное число безродных девушек, бывших воспитанниц детдомов». Однако наркомфин СССР считал, что устанавливать преимущественные условия для них нецелесообразно. Между тем докладная записка секретаря ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметова на имя секретаря ЦК партии Г.М. Маленкова о сложном положении вузов республики в целом возымела действие. Было принято решение о поддержке основных предложений руководства республики. Одновременно в ЦК ВКП(б) было принято решение ежегодно выделять в вузах Москвы по 30–40 мест для представителей Киргизии, Туркмении и Таджикистана со средним образованием по согласованию с правительствами этих республик. Они принимались без конкурса при успешной сдаче приемных экзаменов¹⁷³.

Не менее важными при переходе от войны к миру были общие подходы к обновлению трактовки социалистического интеграционного проекта для народов СССР. Как признавало в 1945 г. руководство Института философии АН, самым слабым участком «в смысле квалификации кадров» был сектор исторического материализма, а по истории философии народов СССР ощущался «острый недостаток» ученых. Задуманное в 1937–1938 гг. издание 12-томной истории СССР теперь рассматривалось с учетом военного опыта. Вице-президент АН СССР

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 225. С. 3–19.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 59.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 342. Л. 24–27, 35–39. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 957–961.

В.П. Волгин, директор института истории Б.Д. Греков и академик И.И. Минц в августе 1945 г. обратились в ЦК ВКП(б) с инициативой создать институт истории СССР советского периода в составе Отделения истории и философии Академии наук, в том числе для изучения истории советских национальных республик, поскольку СССР – «первый в мире опыт успешного осуществления многонационального социалистического государства». Правда, в ЦК считали, что стоит более основательно подойти к подготовке не 12-ти, а 8-томной истории СССР. В итоге сокращение до 8 томов не было поддержано. В то же время предлагалось перерабатывать уже написанные тома, в частности, «по соотношению страниц по истории разных народов». Писать следовало с учетом новой социокультурной ситуации «не только в плане борьбы классов, но и в плане национальном, иначе говоря, в плане классов и нации». Общенациональный аспект объективно имеет место, так как классы «существуют и развиваются в единой национальности или нации», считали в ЦК партии, при этом «в социалистическом государстве общенациональная деятельность государства впервые совпадает с интересами всей нации. Советское государство поэтому играет огромную историческую роль в развитии народов СССР». Рекомендация состояла в том, чтобы показ исторически складывавшейся общности народов, населяющих Россию/СССР, их взаимоотношений, взаимных связей проводился «не механически, а в виде цельного исторического процесса, в связи с чем требуется заново пересмотреть план порядка освещения истории народов СССР»¹⁷⁴.

Аналогичные задачи были определены для всех структур, так или иначе связанных с идеологическими вопросами. На совещании Управления пропаганды и агитации ЦК ВКРП(б) по вопросам пропаганды 18 апреля 1946 г. заместитель начальника Управления философ М.Т. Иовчук подчеркнул, что Институт истории пока «не разработал проблем истории народов СССР и в особенности истории советского периода». Проблемами славяноведения не занимался никто, за исключением работ Пичеты, не решались и проблемы востоковедения. «В связи с тем, что у нас нет академиков, мы не идем на организацию академий наук в союзных республиках, – признал он. – Нужно более смело решать эти вопросы, иначе у нас никогда не будет центра научной мысли в союзных республиках». Иовчук предложил создать институт общественных наук по поводу союзных республик и считал важным «обратить внимание на разработку истории народов СССР. У нас по ряду народных республик был разноречивый. Неплохой опыт у грузин, у украинцев. Украинская история вышла во время войны в 1943 году, когда они были в эвакуации, а второй том пока еще не издан. Работают в этом направлении латыши, узбеки, таджики. Плохо получилось с историей Казахстана, но сейчас это переделывается. Но вот в автономных республиках многие не знают, как приступить к этому и опыта у них нет». Надо дать ряд общих методологических устано-

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 39, 45, 92–99, 106.

вок, считал он, для чего собрать 20–25 специалистов из автономий и со специалистами историками обсудить самые насущные задачи¹⁷⁵.

На уровне массовой пропаганды проблем тоже было достаточно. Как указывалось на совещании, повсеместно не хватало квалифицированных агитаторов и пропагандистов: в областных, краевых и республиканских газетах люди с высшим образованием среди редакторов составляли менее 1/3, требовалось готовить их по 2–3 тыс. в год, однако «даже из человека со средним образованием нельзя сделать пропагандиста за год». Газет было немало – 23 центральных, 98 республиканских, 34 автономных республик, 8 краевых, 211 областных, 12 окружных, 3857 районных – но все они дублировали публикации центра, и мало писали о новых республиках Прибалтики и Молдавии, а в Таджикистане и Киргизии не было областных газет. В аппаратах отдела печати и отдела местных газет в самом Управлении работали 25 человек, из них на национальных языках – 10. Агитаторы, которых в периоды избирательных кампаний насчитывалось до 3 млн., говорилось далее, «народ разнообразный, начиная с рядового рабочего, кончая квалифицированным инженером, а работаем мы с ними скопом, т. е. всех вместе собираем, “накачиваем” их и проводим занятия агитколлективов». Между тем важно учитывать разные условия агитации в разных республиках, работать с переселенцами из Польши, демобилизованными и другими социальными группами. Член Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, ведавший вопросами идеологии, предложил «работать по жилищному принципу», чтобы охватить домохозяек и т. н. неорганизованное население. «По-моему, избиратель смотрит так, что когда мы были нужны вам, когда нужны были наши голоса, вы занимались нами, а как только мы за вас проголосовали, вы о нас забыли до следующих выборов». Впрочем, существенно улучшить предстояло и политическую подготовку партийных кадров и руководителей. В одной из союзных республик оказалось, что министр соцобеспечения не знал, кто такой Черчилль, в русских областях работники не знали В.Г. Белинского, композиторов и прочих классиков русской культуры. Руководящие работники оказывались вне контроля и практически не занимались «теоретической учебой». Ну, а рядовые коммунисты в большинстве своем были «не в состоянии еще изучить Краткий курс ... они требуют политграмоту, и политграмоту нужно дать», особенно в Закарпатской Украине, Прибалтике, западных областях Белоруссии и Украины, поскольку «им с народников начинать невозможно, для них это очень высокая материя»¹⁷⁶.

Издательская работа тоже не удовлетворяла требованиям, потому что «для народа пишут плохо», к тому же «свободной продажи для населения и трудящихся нет», поскольку издания распределяются для узкого круга руководящих

¹⁷⁵ Там же. Д. 77. Л. 50–56.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 377. Л. 4–17, 20, 60–70.

партийно-советских работников, а остающиеся после этого 5–7 экземпляров «в продажу не идут, потому что их сразу разбирают». Пришлось констатировать, что государственная система издательского дела и распределения литературы устарела и нужен переход к свободной продаже, но не для политической литературы. Более сложно обстояло дело с учебниками: «Стабильные учебники почти перестали быть стабильными. В них столько внесли изменений и так переделали, что они перестали быть стабильными. Это особенно касается национальных республик». Они страдали еще и от плохого перевода на национальные языки, особенно произведений классиков марксизма-ленинизма. А.А. Жданов признал: «У нас создается искусственный голод, понижается качество, причем у нас организованный рынок», в итоге любой литератор может считать, что его издание разошлось лучше, чем у других¹⁷⁷.

Не лучше обстояло дело и в театрах, поскольку советских пьес ставилось мало, усилился крен в пользу постановок западных авторов даже в сравнении с русской классикой. «“Развлекательные” комедии представляют наших советских людей придурковатыми, политически невежественными», – сетовал заведомо искусства П.И. Лебедев. Поскольку мы представляем интересы народа, заявил Жданов, «мы должны организовать критику от авангарда до народа, потому что тов. Сталин говорил, что издеваются над народом, показывают графьев и князей, просто нет заботы о народе ... Что получается, занялись историческими темами, раболепствуем перед современной буржуазной заграничной драматургией, уводят нас и хотят учить наших людей на материалах 300-летней давности. Получается уход от современной тематики», и надо «конкретизировать требования советского народа и требования партии», выражать коллективный заказ, а не служить регистраторами прорыва.

Впрочем, именно партийный контроль заставлял осторожничать ведомственных руководителей: глава комитета по радиофикации и радиовещанию А.А. Пузин считал, что критика местного вещания не его дело, так как оно находилось под контролем местных парторганов, поскольку с начала войны все радиопередачи санкционировали обкомы партии. «Как бы не залезть не в свое дело и не заняться советскому деятелю критикой работы партийных организаций», – объясняли позицию Пузина Жданову, на что он отреагировал весьма жестко, объяснив механизм управления, который не подразумевал, по его мнению, признание СССР федеративным государством: «Разве у нас в радио объявлена федерация союзных республик и ликвидирован Советский Союз?». При этом радиовещание велось не круглосуточно (в Свердловской области, например, 4 часа в сутки, в т. ч. 1 час из Москвы), а на селе, где по-прежнему проживало большинство населения СССР, радиофицированы были лишь райцентры. Передачи сводились к чтению статей, не рассчитанных на среднестатистического слушателя, к тому

¹⁷⁷ Там же. А. 23–27.

же на слух они не воспринимались из-за низкого качества вещания, а потому передачи приходилось «браковать»¹⁷⁸.

Показательно, что, подводя итоги обсуждения, А.А. Жданов заявил: «Я думаю, что сегодня мы еще не имеем возможности предложить решение о том, как надо ставить пропаганду ... только некоторые вопросы мы можем поставить, а не предлагать готовые решения. Я во всяком случае не возьму на себя смелость зафиксировать все способы поворота». Было понятно, что нужно разворачивать кружки и другие формы работы, но «я бы не взялся делать такого рода рискованные эксперименты. Надо такого рода вопросы изучить». Начальник Управления Г.Ф. Александров резюмировал весьма общо: при подготовке вопроса на Оргбюро, «судя по замечаниям, большое значение приобретает культура и поднятие идеологической работы»¹⁷⁹.

Значение культуры в ее качественном наполнении и новом осмыслении наиболее точно чувствовала творческая интеллигенция, как показало обсуждение на совещании по вопросам кино, организованном следом, 26 апреля 1946 г., Управлением пропаганды и агитации ЦК партии. Формально речь шла о тематическом плане производства художественных фильмов в 1946 г. Говоря об этом, Жданов тут же подчеркнул главное: нужно «пропагандировать и утверждать те качества советских людей, которые нам в настоящее время необходимо развивать и прививать. В этом смысле я говорю о партийности». Г.Ф. Александров задал тон дискуссии, заявив, что в плане имеется 46 фильмов, но среди них нет тех, которые бы отразили новый период. «Люди думают уже по-иному и чувствуют жизнь по-иному, взялись за работу по-иному». Меж тем в плане не было «тем о новом строительстве, о личной жизни наших людей, пришедших с войны, воодушевленных великими идеями и делами истекших лет, о разных сторонах общественной жизни нашего государства в новое время. Таких фильмов нет», а имеющиеся сценарии свидетельствуют, что авторы «не понимают, чем и как живет сейчас народ ... это отрыв от настоящей жизни и знания, чем живут люди в СССР. В колхозах после войны столько трудностей, чувств и мыслей», но отразить их не удастся. Нужны были и фильмы о союзных республиках, в т. ч. о прибалтийских. Требовалось, считал он, «найти в каждой сцене, в каждом образе хорошие поступки, хорошие мысли, которые нам нужны и которые будут поднимать и воодушевлять наш народ на строительство пятилетки».

И.А. Пырьев был вынужден признать, что в 1920–1930-е гг. снималось много картин о советских людях, причем «содержание этих людей, их внутренний мир для нас был понятен и они были как-то интересны, а сейчас, делая картины, или

¹⁷⁸ Там же. Л. 40–47. Это мало согласуется с мнением о радио как самом массовом средстве просвещения и мобилизации масс и преобладании в репертуаре передач музыкальных и развлекательных программ. Судить об этом лишь по письмам во Всесоюзный комитет по радиовещанию недостаточно. Тот факт, что лишь 10% корреспондентов интересовались политическими темами и просили больше популярной музыки, как раз служит свидетельством их преобладания, а не отсутствия. См.: *Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*. М., 2017. С. 240.

¹⁷⁹ Там же. С. 71–72.

смотря картины своих товарищей, думается, что наши люди 1945–1946 гг. во многом старше по своему душевному миру, культурным и бытовым качествам от людей 30-х годов. Получается, что как будто все тоже самое, но 15 лет, да каких лет, особенно военных, показывают, что мы где-то потеряли дух нового советского человека, мы все еще находимся в 30-х годах, а, судя по литературе, наиболее интересной и ведущей, человек стал другим, отличным от человека 20–30-х годов. Вот это понятие у нас исчезло». Этнокультурный компонент в кино, в том числе русский, оказалось учесть еще труднее: «республики в национальных картинах ... должны чувствовать качество людей этих национальностей. Бывает так, что картина хорошая и люди действуют, как будто наши русские, но особенностей русского человека, русского характера часто не замечаешь в этих картинах. Не поймешь, что он из себя представляет, будь это рабочий или колхозник. Но национальность должна сохраняться. Вот это тоже где-то лежит». Выход он видел в использовании апробированного художественного приема: «...без конфликта не будет страсти. Романтичной должна быть кинематография», не исключая и отрицательных персонажей.

Участник войны, режиссер Центральной студии документальных фильмов Н.В. Соловьев возразил Пырьеву: «Основное – это человек, и если он показан ... так, как следует в жизни, по-настоящему, каким он есть на самом деле советским человеком со всеми его качествами», то его можно показать и в 1940-м, и 1945-м гг. Потому что «если мы будем брать настоящую правду жизни, настоящих советских людей такими, как они есть, это само собой совпадет с постановлениями правительства, потому что правительство в своих постановлениях исходит именно из этих людей, наблюдая которых, мы будем о них писать ... нужно ставить одну основную задачу – это показ морального облика советского человека, того морального облика, при помощи которого мы и получили нашу победу».

Проблемы творческого решения задач власти интерпретировал С.А. Герасимов. Задавшись вопросом, почему «Молодая гвардия» А. Фадеева интересна, он подметил важные изменения в облике молодежи: «Мы привыкли показывать сюсюкающими и называть их ребятами, а они уже давно выросли, у них свой внутренний мир, часто неизвестный, иногда хороший, в иногда плохой. А Фадеев же нашел это новое по отношению к этим людям. Это ребята. Это люди с огромным миром, с ответственностью за свое будущее, за весь советский народ и что сразу становится интересным. В этом романе есть что-то такое принципиально новое».

Для А.А. Жданова задачи кино были связаны с внутренними и внешнеполитическими идеологическими проблемами. «Мы стыдимся, повторяю, самые передовые идеи человечества, кровавую, выстраданную за время войны правду проповедовать на всю свою страну, на весь мир», – подчеркнул он и предложил, сравнивая советский и западный кинематограф, учитывать главное, на его взгляд: «В Америке за деньги можно купить все». Впрочем, и он понимал не-

обходимость учитывать культурные изменения в общественной атмосфере. Во время войны она сама давала «основные стимулы – борьба за честь и независимость нашей родины», теперь же, считал Жданов, эта острота стимулов «уже не может иметь некоторые обручи в этом отношении, которые давали дополнительную спайку во время войны, когда ставился вопрос быть или не быть. Сейчас вокруг кирпича, вокруг цемента, стекала, ширпотреба – это все не так звучит. Это все звучит несколько прозаически», и поддержал идею Пырьева: нужна романтика, «чтобы при взгляде на наши картины глаза горели у каждого (а они могут гореть у наших людей)». При этом надлежало показывать «премущественность между военной доблестью и гражданской» – фронтовики сейчас строят колхозы, и «их качества трансформировались на будничные дела, из землянок они пришли строить свои дома». Главный идеолог сформулировал принципиальные установки: первая общая задача советской культуры – «уничтожить зверя в человеке», поскольку «победила во время войны идеология дружбы и уважения народа над идеологией звериного человеконенавистничества». Следующей задачей было «дальнейшее укрепление дружбы народов», затем следовало поднятие культурно-технического уровня рабочих и крестьян «до уровня нашей технической интеллигенции». При этом «надо так показать советского человека, чтобы он был не ходульно, тенденциозно поставлен, а чтобы каждый сказал, что я могу на него походить, так как он соответствует нашей жизни», и лучшим примером был фильм «Трактористы»¹⁸⁰.

Сам советский человек оказывался на деле явлением культурно сложным, как и все общество, соединяя в своем миропонимании и поведении возросшую тягу к традиционным ценностям, прежде всего религиозным, скептическое отношение к советской демократии и навыки прагматичного использования ее механизмов в частной жизни, дисциплинированность и регулируемую властью инициативу. Свидетельствами тому были не только недоверие пропагандистам во время избирательных кампаний, примирявших людей с реальностью благодаря массовым практикам популярных кинопоказов, открытое противопоставление веры официальным атеистическим постулатам¹⁸¹, но и парадоксальные маневры представителей официальных структур. К примеру, священник в Алма-Ате предложил обкому МОПР использовать помощь церкви детям-сиротам, для чего епархиальный совет организовал сбор средств. Из Алма-Аты, Актюбинска и Уральска было внесено 25 тыс. рублей, в ответ ЦК МОПР Казахстана выразил епархиальному совету в Алма-Ате «и в его лице верующим глубокую благодарность». В ответ ЦК МОПР СССР, как сообщал его руководитель Н. Шаронов в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), немедленно «мы указали ЦК МОПР Казахстана на допущенную ими политическую ошибку и потребовали ее исправления». На место «преступления» был отправлен член президиума ЦК МОПР СССР Д.М. Барановский. По-

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 378. Л. 5–89.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 420. Л. 1–20.

ступления от церковных общин были приостановлены, а поскольку «провокация церковников не была правильно расценена в Казахстане», Шаронов обратился в Управление с просьбой указать ЦК КП(б) Казахстана проверить работу организации МОПР Казахстана и укрепить ЦК МОПР республики. Оргмеры последовали суровые. Председатель Алма-Атинского обкома МОПР Иванова была освобождена от работы, председатель ЦК МОПР республики Сатонин и ответсекретарь Подбущий заменялись новыми работниками¹⁸².

Неудовлетворительной в контексте атеистической пропаганды признавалась и массово-политическая работа среди населения Узбекской ССР (1946 г.). В чайханах и клубах колхозов такой работы не велось, даже в городах «среди неорганизованного населения» сохранялась приверженность религиозным обрядам, праздникам и пятничным молитвам, в том числе у гробниц местных святых. Это практиковали и партработники: в Бухарском районе секретарь первичной парторганизации артели «Соцтруд» Иманкулов пожертвовал на гробницу Ходжи Багаутдина 500 рублей, другие местные руководители участвовали в молитвах, усилилось влияние духовенства на женщин. В Сталинском районе Ташкента было выявлено 25 незаконно открытых мечетей. В некоторых случаях ремонт мечетей, которые работали повсеместно, проводился за счет колхозов, жертвовало и население, в том числе по инициативе и вслед за жертвованиями председателей колхозов и секретарей первичных парторганизаций. Росло число женщин, носящих паранджу, в том числе среди жен некоторых руководящих работников. В ЦК ВКП(б) еще в сентябре 1945 г. обратили внимание на плачевное состояние работы среди женщин – многоженство, акты самосожжения среди девушек, в том числе комсомолок, подвергшихся обструкции традиционными средствами неформального социального контроля, ранние браки и пр. Несмотря на организацию проверочных и организационно-методических мероприятий для местных партийных работников по этим вопросам, как видно, это было малоэффективно против многовековых устоев¹⁸³.

Конструирование социалистической общности народов базировалось на поддержке «демократических, подлинно народных» компонентов в каждой национальной культуре, способных на основе их передовых традиций и идеалов создать социалистическую по содержанию интернациональную культуру, объединяющую трудовое большинство населения, независимо от этнического происхождения. Акценты по поводу взаимосвязи и ситуативной важности национального и интернационального/советского компонентов расставлялись и реализовались, как правило, в прямой связи с внутри- и внешнеполитической обстановкой, а также региональными особенностями межэтнических коммуникативных практик, этносоциальными проявлениями в поведении, культурных символах и предпочте-

¹⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 9–10.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 421. Л. 104–112; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 987–988. См. также: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 701–713.

ниях представителей и групп культурно-сложной целостности страны. При этом социальная открытость и общедоступность советских институтов в сфере образования, культуры, общественных организаций как инструментов интеграции и самореализации создавала для активных людей немыслимые в недавнем прошлом возможности не только для самовыражения, но и для превращения результатов своей деятельности самым широким слоям общества.

§ 4. От классовой солидарности к советской: эволюция практик и интерпретации

Советская национальная политика в 1930-е гг. наиболее отчетливо выразила свое амбивалентное существо, предопределенное изначальной культурной сложностью общества, уже имевшего многовековой опыт сожительства разных культур и социальных групп. Необходимость совместить интернационализм с заявленным освобождением от «нетрудовых» слоев, независимо от их национального происхождения, сохранив при этом устойчивость и управляемость государства в условиях ускоренной и радикальной для большинства народов модернизации, обусловила рост внимания к внеэтническим инструментам консолидации. В 1931 г. Сталин заявил о социалистическом отечестве как впервые возникшем и нуждающемся в защите. Этот поворот к консолидирующему граждан страны патриотизму имел большое значение¹⁸⁴. При этом этноидентификационные критерии не потеряли значения, поскольку власть по-прежнему поддерживала масштабные социально-культурные преобразования для отсталых народов, а национально-государственные образования по всей территории СССР и активная пропаганда связывали этничность с принципами социализма. К примеру, несмотря на различия в понимании конкретных целей создания национальной государственности у туркмен между их элитой и центральной властью, в результате советской этнополитики растущее значение туркменской идентичности сопровождалось в 1920–1930-е гг. появлением национально-культурной идентичности в понимании самих туркмен. Власть, не вполне четко представляя законченный облик строившегося социализма, в то же время целенаправленно действовала в интересах смены прежней отсталости советской модерностью, включая большевистски понимаемые ценности и нормы, интернационализм и равенство, в т. ч. гендерное, социальную реструктуризацию и подъем экономики, что отличало СССР от других империй¹⁸⁵.

Как верно отмечают российские историки, «в советском идеологическом дискурсе конструировалась сложная система идентичностей, в которой находили место и примирялись лояльности и политического, и социального, и куль-

¹⁸⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 152.

¹⁸⁵ Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, 2004. P. 8, 10.

турного характера»¹⁸⁶. Представители «новой имперской истории», напротив, считают, что советский режим не смог предложить гражданам позитивного сценария, в котором этническая, конфессиональная и гражданская идентичности включались бы в единый нарратив советскости без необходимости цензурировать ту или иную, в отличие от народной культуры¹⁸⁷. И. Герасимов, М. Могильнер и С. Глебов утверждают, что СССР – принципиально новый феномен масштабной самоорганизации. Здесь институты и подходы к управлению человеческим разнообразием изменились радикально, не может считаться преемником Российской империи. Лишь фрагментарно позднюю империю и СССР можно описывать в одних и тех же категориях. Самоорганизация отдельных меньшинств, к которым, видимо, они относят и этносоциальные общности, координировалась большевиками. Они стратегически поддерживали раздробленность общества, которое якобы связывала лишь партийная структура. Проявления локальной солидарности включались в орбиту партии, и она не допускала рождение альтернативных центров социальной интеграции. Социалистическая по содержанию и национальная по форме культура, как формула управления, отмечается далее, сохраняла многомерное разнообразие, что подтверждает эффективность политики ВКП(б)¹⁸⁸. Этот вывод вполне соотносится с известными попытками национальных элит отстоять собственное видение способов управления, но в итоге – после смены раннесоветских кадров из числа «прирученных» деятелей начала XX века и первых большевиков на новую когорту управленцев, подготовленных в рамках коренизации – ставших органической частью номенклатурной системы. Что касается консолидации «раздробленного общества», то связывала его в целое не столько партия, сколько проводимая ею политика социально-экономической и культурной интеграции, взаимозависимости регионов друг с другом и всех – с центром как главным координатором и распределителем всех ресурсов. Не случайно белорусские историки фиксируют: в 1930-е гг. вопрос о белорусской государственности в общественно-политической жизни республики не поднимался, а если и возникал, то лишь по поводу функционирования советской ее формы¹⁸⁹.

В 1930-е гг. на первый план вышла концепция «дружбы народов» и семьи народов со старшим братом – русским народом, предполагающая выстраивание национальных отношений на русской интегрирующей основе. Передовая статья «Правды» накануне X съезда ВЛКСМ объясняла новое качество понятия «семья» как многонародной советской общности: «Товарища Сталина миллионы любовно называют отцом народов. Это понятие отцовства приняло глубочайший смысл. Оно связано с всемирно-историческим явлением организации семьи наро-

¹⁸⁶ Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации. Улан-Удэ, 2017. С. 285.

¹⁸⁷ Ab Imperio. 2018. № 3. С. 15–21.

¹⁸⁸ Новая имперская история Северной Евразии. Под ред. И. Герасимова. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. Казань, 2017. www.abimperio.net.

¹⁸⁹ История белорусской государственности. Т. 3. С. 368.

дов, новых социальных отношений, новых чувств, которое во все прежние времена связывалось только с ограниченной узко-родственной семейной ячейкой»¹⁹⁰. Утверждение концепции «старшего брата» означало отход от прежнего проекта межэтнической интеграции за счет уступок со стороны русского большинства в пользу социально-экономического и культурного прогресса других народов, предоставления им ранее невиданных управленческих и статусных возможностей. Отметим, что за время между переписями 1926–1939 гг. доля русских в ряде национальных регионов резко выросла, прежде всего за счет индустриализации и рассеивания крестьян, не желавших вступать в колхозы, – отметил В.П. Попов. В Чечено-Ингушской АССР она увеличилась с 1,2–2,9 до 28,8%; Северо-Осетинской АССР – с 6,6 до 37,2%; Якутской АССР – с 10,4 до 35,5%; Бурят-Монгольской АССР – с 52,7 до 72,1%; Киргизской ССР – с 1,7 до 20,8%¹⁹¹.

Руководящая роль русских, складывавшаяся исторически, реализовалась в новом социальном и идеологическом контексте и в рамках жестко иерархизированной этнополитической конструкции. Русская культура была основой интернационального «сближения и расцвета социалистических наций». Межкультурная интеграция еще более последовательно подвергалась администрированию по вертикали, что далеко не всегда означало точную реализацию властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутриэтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений. При этом такие конструкты, как «воссоединение», «дружба народов», «братская помощь», отмечает И. Нарский, не несли тоталитарный потенциал и были хорошим средством наднациональной мобилизации¹⁹².

А.И. Вдовин обратил внимание на пионерскую роль Н.И. Бухарина в продвижении понятия «советский народ». В 1935–1936 гг. главный редактор «Известий», видимо, вдохновленный неоднократной констатацией со стороны руководства страны окончательного решения национального вопроса, опубликовал в этой газете¹⁹³ вывод о том, что «создается у нас единый народ, взятый не как этнографическая, а как социальная категория ... на основе ленинско-сталинской национальной политики, материального и культурного роста национальных областей, создается новая многонациональная общность, единый советский народ, с новым содержанием, где, при росте национальных культур, вырастают теснейшие узы нерушимой дружбы наций». Но, по мнению историка, Бухарин не может считаться родоначальником теории новой общности, поскольку отрицал национальные традиции и ценности народов, прежде всего русского. Он также считает, что концепция исторической роли русского народа

¹⁹⁰ Преданность и единство // Правда. № 102 (6708). 1936. 12 апреля.

¹⁹¹ Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. науч. трудов. Т. III. Екатеринбург, 2016. С. 960.

¹⁹² Нарский И. В «империи» и «нации» помнит человек. Память как социальный феномен // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 87.

¹⁹³ Бухарин Н. Расширение советской демократии // Известия. 1936. 1 мая; Его же. Конституция социалистического государства // Там же. 1936. 14 июня.

как «старшего брата» в семье народов СССР понадобилась в 1937 г. для нового объяснения задачи ликвидации фактического неравенства наций, которая в конце 1930-х гг. еще решена не была¹⁹⁴. П. Варнавский уточняет: Вдовин считает советский проект нацеленным на создание некоего внеэтнического советского человека и безнациональной общности, меж тем на деле он формировал аналогичное западным гражданское/национальное единство¹⁹⁵.

Понятие «цивилизация», использованное С. Коткиным применительно к советскому прошлому, связано со способами политических практик власти, создававших пространство самореализации для людей и все сильнее влиявших на их идентичность. Как определил делегатам IX съезда комсомола Украины П.П. Постышев: «Большевистская радость, социалистическое счастье: это радость и счастье советского патриота, радость и счастье от сознания себя гражданином великой, могущественной социалистической страны...»¹⁹⁶ По мнению Коткина, многие граждане одобрительно относились к советскому социализму, хотя и сопротивлялись ему, пусть и на микроуровне. «Сопротивляться, – пишет он, – можно не отрицая, но оценивая ситуацию, в которой оказался, притерпеваясь к ней и даже оборачивая ее в свою пользу». Эта модель: воздействие партийного государства на граждан, которые, в свою очередь, более тонко воздействовали на партийное государство, – показывает, что власть была не только репрессивной, но и продуктивной – она продуцировала «опыт, идентичность, сопротивление». Одним словом, власть через дискурсы производила субъективности, которые «способствовали сохранению государственного строя не менее эффективно, чем первичные институты государства, в том числе и правоохранные органы»¹⁹⁷.

Смена идеологических акцентов с интернационалистского на патриотический привела к переформатированию государственности с закреплением в Конституции 1936 г. Признание факта ликвидации эксплуататорских классов при неравноправии статусов национально-государственных образований не только утверждало социальное единство граждан, но и объективно способствовало укреплению этнической идентичности людей, тем более что государство не прекращало спонсирование национальных культур. К тому же в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах. Число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120¹⁹⁸. Иерархия народов по Сталину (нации, национальные группы и народности) была увязана с административно-территориальной организацией СССР и отражала

¹⁹⁴ Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010. С. 53–55, 68.

¹⁹⁵ Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 255.

¹⁹⁶ Воспитывайте достойных сынов нашей социалистической Родины! Речь тов. П.П. Постышева на IX съезде комсомола Украины. 5 апреля 1936 года // *Правда*. 1936. № 101 (6707). 11 апреля.

¹⁹⁷ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 21–23.

¹⁹⁸ Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 177–206.

нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии.

Политизация этничности концентрировала внимание общества на преимуществах национального равенства, включая в него не только коренизацию системы управления и власти, экономическую модернизацию ранее отсталых национальных окраин, но и равный доступ всем народам к общей для всех совокупности советских культурных ценностей. По мнению белорусских историков, Конституция СССР 1936 г., как и Конституция БССР 1937 г. зафиксировали реальные достижения в обеспечении верховенства прав трудящихся и их активное участие в управлении через выборы, общественные организации, местные советы¹⁹⁹. Консолидация на советской основе означала новые критерии не только лояльности власти, но и реализации общественного потенциала человека как гражданина новой формации. На первое место выдвигались признание коммунистических идей и активное участие в классовой борьбе, что подразумевало не только отказ от принципов веры, но и искоренение любых признаков уважения к свободе совести и вероисповедания, особенно в лице служителей культа. Т. н. богостроительство и другие экспериментальные проекты выступали в качестве «заместительной терапии», призванной сменить символику и средства групповой солидарности, но в 1930-е гг. были вытеснены единой для всех социокультурной программой. При этом довольно часто сохранялись традиционные компоненты привычных ритуальных действий. Примеры укоренения советской символики в их традиционной, в т. ч. межкультурной «обертке», приводит Е.В. Перевалова²⁰⁰. В то же время сегодня, в отличие от историографии советских времен, признается, что определенные дореволюционные традиции политической культуры были включены в советскую систему идеологических установок²⁰¹. Это подтверждает вывод О.С. Поршневой, что «в облике *“homo soveticus”* сочетались пассивность, фатализм, иждивенчество с верой в “светлое будущее”, в необходимость социального равенства и справедливости, коллективизма, способность выносить трудности, приспосабливаться и выживать в сложнейших условиях, любовь к родине и вера во всемогущество верховной власти»²⁰². С другой стороны, А.И. Миллер отрицает наличие такой преемственности и считает, что СССР сдал в архив «проект большой русской нации» как культурно сложного общества²⁰³.

Д. Бранденбергер пишет: противоречивые результаты агитационно-пропагандистской работы, наряду с другими компонентами, в конце 1920-х гг. заставили

¹⁹⁹ История белорусской государственности. Т. 3. С. 381–383.

²⁰⁰ Перевалова Е.В. Обские угры и негры Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 189–196.

²⁰¹ Амоглонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Иркутск, 2005;

²⁰² Поршнева О.С. Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // Советский проект. 1917–1930 гг.: этапы и механизмы реализации. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 380.

²⁰³ Миллер А. От империи к нации и обратно [Электронный ресурс] // <https://openuni.today/course/9-course-7-2/lesson/5/> (дата обращения: 21.03.2018).

власть, сделать поворот от интернационализма к патриотизму в его «руссоцентричном» воплощении²⁰⁴. В 1936–1938 гг. пропаганда советского патриотизма провалилась, поскольку жила на чувствовании современных советских патриотов, которые вскоре были репрессированы. Это и послужило стимулом к утверждению «руссоцентризма» в массовой культуре²⁰⁵. Уточняющим представляется мнение А.М. Дубровского: «С 1930-х гг. идеология партии сочетала в себе противоречивые элементы. Интернациональное, революционно-классовое соседствовало с патриотическим, национально-государственным»²⁰⁶, что отвечало текущим и перспективным представлениям власти об управлении культурно сложным обществом и внешнеполитическим условиям. Любовь к Родине, особенно в ее индивидуальном, личностном выражении, не сводилась к конструкту, который внедрялся через институты массовой культуры в сознание людей. Она включала в себя в т. ч. «естественный» патриотизм, для «обыкновенного» человека означая любовь к своему определенному «малому сообществу» в очень конкретных образах и чувствах, и, конечно, к большой, сильной стране с ее героями и пр. Но и герои понятнее и ближе всего были местные, пусть и взявшие пример с все-союзных – стахановцы, летчики и пр., несмотря на то, что местные большевиконационалы революционной эпохи в 1930-х были репрессированы. Формирование общесоветской/гражданской идентичности в ее реальном воплощении в культурно-сложном обществе не сводилось к «новому чувству преданности, ждущемуся на принадлежности советскому обществу»²⁰⁷. Да и вряд ли идентичность и патриотизм – равнозначные понятия. К тому же, если иметь в виду, что совсем немногие в целом ряде регионов знали русский язык, необходимо уточнить, как они воспринимали «руссоцентризм», например, в кино – самом массовом тогда инструменте пропаганды? Множественная идентичность личности – явление не только современное.

Н. Пианчола предлагает ценные аргументы к дискуссии: даже если, начиная с середины 1930-х годов и далее, русский национализм играл новую и более активную роль в государственной идеологии, политический проект Сталина оставался гомогенизирующим для всего советского общества. Он был направлен на создание современного государства на основе однородных учреждений и общих культурных черт «советского народа» на всей территории СССР и в значительной степени удался²⁰⁸.

Самый большой народ – русский – при этом также испытал трансформацию

²⁰⁴ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. Его же. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017.

²⁰⁵ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). С. 53, 69.

²⁰⁶ Дубровский А.М. Рецензия на книгу: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 777.

²⁰⁷ Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 36.

²⁰⁸ Pianciola N. Stalinist spatial hierarchies: placing the Kazakhs and Kyrgyz in Soviet economic regionalization // Central Asian Survey. 2016. Vol. 35 (4). P. 15.

национального самосознания. Категория «русские» обрела узкоэтнический смысл именно в период строительства «социалистических наций». Начиная с переписи 1926 г., русскими стали обозначать только великороссов, и это название исчезло из общественной практики, а со временем – и как форма национальной идентичности. Хотя даже после введения внутренних паспортов в 1932 г. многим советским гражданам по их указанию была записана национальность великоросс. «Сугубо процедурное переименование привело к смене реальности, никаких особых «этнических процессов» или же «нациестроительства» в его реалистском понимании за этим не просматривалось», – делает вывод В.А. Тишков. Смена идентичности с великоросса на русского не прошла бесследно и для бывших русских-малороссов и русских-белорусов. «В 1920–1930-е гг. многие русифицированные малороссы перешли не в украинцев, а в русских как в более престижную и даже безопасную в период репрессий национальность». Именно поэтому к переписям 1937 и 1939 гг. численность украинцев сократилась, а численность русских выросла на несколько миллионов даже на Украине²⁰⁹.

Почепцов считает, что модель «советский народ» как новая историческая общность использовалась в СССР для устранения разнообразия, по аналогии с «плавильным котлом» в США. Признавая одновременно наличие различных инструментов сохранения разнообразия²¹⁰, он тоже не замечает среди них национальность как один из базовых компонентов культуры, которая, несмотря на политику унификации, поддерживалась той же властью в регулируемом ею социальном пространстве сложного общества. Иерархичность общества приобрела в СССР новые очертания и критерии. Как пишет В.И. Ильин, «советское социальное пространство структурировалось в первую очередь вездесущим партийным государством, которое формировало основную часть формальных и неформальных статусных позиций в стране (а не только в партийно-государственном аппарате). Этносоциальная иерархия выступала в первую очередь как результат социального конструирования»²¹¹. Между тем Р. Суни, с одной стороны, видит «специфически советскую субъективность, которой удалось оценить этническую культуру человека, впитать и даже сохранить ценности и нормы советской жизни» и утверждает, что создание советской нации не было линейным процессом, что хорошо показано во многих исследованиях российских историков. С другой стороны, он называет СССР государством-империей и государством наций, задаваясь вопросом – «стал ли СССР своего рода нацией; насколько глубокими были эмоциональные узы, которые связали вместе различные народы в единое аффективное сообщество?» Русские, пишет Суни, воспринимали СССР как свою вотчину, при том, что укреплялась

²⁰⁹ Тишков В.А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. 2005. № 5. С. 73–78.

²¹⁰ Почепцов Г. Управляя однообразием: постскрипtum к статье «Социально-информационные процессы в СССР» [Электронный ресурс] // URL: <https://psyfactor.org/lib/ottepel-2.htm> (дата обращения: 28.08.2019).

²¹¹ Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. М., 1996. С. 282.

сплоченность представителей различных национальностей и элиты, а «строители советского государства смогли заложить ... супраэтническую связь между разными национальностями», то есть все же создать консолидированное общество²¹². Полезным представляется акцент Суни на нюансах «эмоциональных уз», которые действительно отличались у эстонцев или армян, в т. ч. в ситуациях, когда они проживали за пределами «своих» республик. Впрочем, такие детали служат предметом анализа в социально-культурной антропологии.

Образ нового человека в его советской идентичности, обретавший самоценность через совокупность предоставляемых властью инструментов реализации, возвышался благодаря колоссальной роли признаваемых необходимыми образных и эмоциональных компонентов традиционных национальных культур. Исследователи подчеркивают, что наднациональная идентификация и общность в СССР возвышались над остальными проявлениями индивидуального и коллективного самосознания, в т. ч. национального²¹³. В системе мер по конструированию советскости важную роль играли также новые представления о социальных проявлениях престижа и новые статусные позиции в обществе, новые модели поведения в особенно ярких формах их демонстрации. Прямо или косвенно они противопоставлялись признанным негодными прежним практикам духовной и гражданской идентификации через совокупность символов и образов, общественно полезных акций, стандартов социальной солидарности. При этом интерпретация настоящего как объективно востребованного и желаемого опиралась на разнообразные инструменты характеристики прошлого, в т. ч. духовного, как окончательно завершено и совершенно непригодного в настоящем и будущем. Такие методы были наиболее действенны в отношении молодежи. Система массовых организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и их скрепления в единое сложносоставное целое, включения национальных масс в социально активные формы общественной жизни.

При этом политизация всех проявлений социально-культурной сферы, соединенная с назойливым морализаторством, стала постоянным и непереносимым условием всех общественных практик. Это отразилось и в групповых, и в индивидуальных способах репрезентации гражданской ответственности и солидарности, придавало изоморфность публичным и неявным проявлениям сакрального и профанного в повседневной жизни и массовых действиях на всех уровнях.

Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых объединяющих ценностях, образе жизни как предмете общей гордости. Политическое и географическое пространство объединялось в

²¹² Суни Р. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М., 2014. С. 25, 27, 35–40.

²¹³ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Изд-во «Мировой океан», 1993. С. 131.

образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие. В 1937 г. Сталин заявил: «Каждый, кто пытается разрушить это единое социалистическое государство, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР»²¹⁵. На XVIII съезде ВКП(б) он поставил в разряд движущих сил в СССР «морально-политическое единство советского общества, дружбу народов СССР, советский патриотизм». Термин «советский народ» наряду с понятием «народы нашей страны, народы СССР» он использовал в знаменитом обращении 3 июля 1941 г.²¹⁶

Конституция СССР 1936 г. также сыграла важную роль в кристаллизации новой коллективной идентичности – «советский народ», которая активно развивается в 1935–1939 гг. Б. Эннкер считает, что введение всеобщего и равного избирательного права связано с конструированием социально и политически единого народного сообщества, которое получило «менталитет», позволивший большевикам вовлечь это согражданство в конструктивистское деление на «своих» и «чужих» и проводить таким образом массовый террор²¹⁷. Вряд ли террор был главной и тем более единственной целью власти, точнее – он был инструментом политики. Всесоюзная перепись 1939 г. устанавливала национальность (в 1926 г. – народность) и родной язык граждан, хотя численность этнонимов сократилась со 160 до 62 вследствие установки на включение представителей малочисленных общностей в состав более крупных родственных. Политические механизмы поощряли социальную мимикрию и иждивенчество, адаптивное отношение к нормативным критериям труда и дисциплины. Всевозможные кампании безостановочно внедряли в массовое сознание дисциплину, энтузиазм, веру в возможность скачка в светлое будущее. Характерными чертами политико-правовой культуры этнических обществ стали декларативная экстравертная «преданность» идеалам коммунизма, использование легитимных и неформальных средств коммуникации и воздействия на власть, подчинение авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией.

Сталинское формирование советского народа, как считает часть историков, было направлено на мобилизацию населения под популистскими лозунгами, ликвидацию местных руководителей, унификацию структур власти и централизацию. Само понятие «советский народ» в официальном дискурсе предполагало социально-политическую консолидацию, прежде всего единство рабочих и крестьян, создавших государство советов. Между тем поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно

²¹⁵ Цит. по: Вдовин А.И. Великая Отечественная война и новая национальная политика СССР // Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. науч. трудов. Т. III. Екатеринбург, 2016. С. 818.

²¹⁶ Правда. 1939. 11 марта; Известия. 1941. 4 июля.

²¹⁷ Эннкер Б. «Советский народ», режим и сталинская конституция 1936 года: исследовательские подходы и теоретическая рефлексия над некоторыми вопросами политической истории Советского Союза. [Электронный ресурс] // URL: http://perspectivafalter.de/content/publikationen/shdp/ennker_narod (дата обращения: 11.06.2014)..

утверждалась в массовом сознании при обращении к понятию «советский народ». М. Пейн признает: формирование советского общества как реальности было продуктом сложного и тонкого взаимодействия между государством, социальными формациями и индивидом²¹⁸. О.В. Хлевнюк уточняет: созданная Сталиным система «была крайне противоречивым и нестабильным феноменом»²¹⁹.

Близящаяся военная угроза, промышленная отсталость, недостаточный уровень культурного развития масс, слабость демократических традиций благоприятствовали административно-командным методам управления, бюрократизации социальной активности и гражданской инициативы. Принятие большинством партии перелома конца 1920-х гг., трудовой энтузиазм масс подтверждают вероятность выбора власти в сторону форсированного развития, нежели некой гармонизации множественных интересов различных групп многоукладного общества. Внешние и внутренние факторы корректировали социальные надежды и чаяния широких слоев населения, что опосредованно влияло на темпы и методы развития экономики и политической системы.

Комплиментарность и сложный опыт многовекового взаимодействия, сотрудничества и сожительства объективно толерантных друг другу народов СССР закономерно обеспечивал приоритетное место гражданской идентичности. Повседневная жизнь каждого человека в огромной державе, независимо от официально поддерживаемых установок, складывалась из всей многозначной и разнообразной социокультурной практики. Совместные труд и творчество, профессиональные занятия и увлечения, взаимный обмен уникальным социально-хозяйственным и культурным опытом, скрепленные суровыми испытаниями дружба и товарищество, любовь и семья, единственная и неотъемлемая от гражданского понимания и этнического самосознания Родина служили мощным основанием объединяющего всех патриотизма. Москва была единственной столицей всех народов СССР, Советский Союз не мог восприниматься как некая навязанная извне территория согражданства, поскольку малая родина – республика, область, район, город или деревня – в индивидуальном и групповом сознании не отрывалась от единого государства. Разумеется, такие представления, характерные для большинства людей, «перекочевавших» из общей страны – Российской империи – в ту же общую страну, теперь СССР, не были всепоглощающими. Но социальное и идейное отторжение советской власти и идеологии большевизма далеко не всегда означали этнократическую политизацию самочувствия и гражданского поведения людей.

Как считает Дж. Бурбанк, в СССР практика культивирования национальных различий была основной в имперском управлении. При этом «дружба народов» в качестве идеологического стандарта сочеталась с мобилизацией кадров из этнических групп, контролируемых через однопартийную систему и «полицейский

²¹⁸ Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 298.

²¹⁹ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 250

контроль», формальное деление государства на национально-государственные единицы. Она предлагает учитывать множество форм, в которых власть осуществляется через пространство²²⁰. Заметим, что частные проявления дружбы народов как адаптивного инструментария были частью повседневной практики огромного большинства людей. Являясь отдельной общностью, в то же время народы СССР, обладавшие собственной государственностью разного уровня в иерархической федерации и не имевшие ее, представляли собой неотъемлемую часть общесоветского культурно-политического целого. Складывание реальной наднациональной советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации, отнюдь не привело к исчезновению традиционных культур. Происходило пересечение и наложение разных культурных, политико-правовых, психологических, поведенческих, бытовых практик, хотя власть использовала лишь инструментальный подход в декларации гуманитарных принципов национальной политики. По мнению Ю.Н. Афанасьева, «70 лет советской истории не были простой деформацией национальной исторической традиции или только искусственным экспериментом». Он признает, что советскость как качественная характеристика отечественной истории XX века – «скорее продолжение российской исторической традиции, чем ее отрицание и преодоление»²²¹. Уникальное совмещение сотрудничества и оппозиции, декларируемого единственно верного движения к мировому прогрессу характеризовало советского человека, соединявшего приверженность наднациональной общности с консервативными моделями поведения и системой ценностей²²². Неоднозначность внутриэтнических и межнациональных процессов, продиктованных не только «внешними» факторами, а целым комплексом сложных и переплетававшихся стратегий и тактик – политических, социальных, психологических, культурных, индивидуальных – сопровождала всю историю народов России.

В полной мере это выразилось в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм, интернационализм и советскость как безусловные факторы победы, были тесно взаимосвязаны в своих проявлениях и степени влияния на ход и итоги Великой Отечественной и второй мировой войны. Великая Отечественная война стала особым этапом, когда через Красную армию прошли миллионы граждан всех национальностей. Общий военный опыт в экстремальных обстоятельствах кросс-культурных коммуникаций являлся важным фактором межэтнической интеграции. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие. Война послужила самым сильным индикатором, «провокатором» для проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, приоритетов их ценностных ори-

²²⁰ Burbank J. *Empire and Transformation: The Politics of Difference* // *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order*. Ed. by UYAMA T. // *Slavic Eurasian Studies*. № 33. P. 11–33.

²²¹ Афанасьев Ю.Н. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 11.

²²² См.: Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995; Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // *Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль*. М., 1997. С. 55–76.

ентиров. «Тот героизм, с каким белорусский народ сражается в партизанской борьбе против фашистов, это именно есть подлинное отражение чувств белорусского народа к Советской власти», – отметил В.И. Пичета в 1944 г.²²³

Представитель Управления пропаганды и агитации ЦК, командированный в Ташкент для оказания практической помощи отделу пропаганды ЦК КП Узбекистана, выступая 24 октября 1941 г. на партсобрании первичной парторганизации ЦК с докладом «Текущий момент и наши задачи», не только транслировал базовый постулат об объединении многонационального народа страны вокруг правительства и партии, но и нашел поводы для критики военно-патриотической работы в республике. «Пройдемте по Ташкенту, – говорил он, – можно видеть, что военных плакатов мало, лозунгов почти что нет, за исключением отдельных витрин. Говорят, бумаги нет. Может быть, так. А у нас афиш ради этих так называемых “артистов” сколько вывешивается, можно сократить, чтобы лозунги вывешивать». На Чирчикском химкомбинате «ни одного лозунга не видел, что есть война, за исключением двух лозунгов по всему заводу “Теплые вещи для Красной армии”», – продолжал он. Газета обкома партии «Фрунзенская правда» в передовице и статье о парткабинетах «ни слова» не написала о войне. Более того, поскольку «вопросы дружбы народов тоже определяют дело исхода войны», опасность представляли националистические элементы среди интеллигенции, распространявшие антисемитские настроения в связи с прибытием в эвакуацию еврейского населения, а также пытавшихся «поссорить узбеков с русскими». В этом контексте проводилась аналогия с ситуацией на оккупированных территориях Украины, где «фашисты проделывают такие штуки: украинцев отпускают домой, заявляя, что они воюют против русских, пойдите домой и скажите, что мы против украинцев не воюем». В Узбекистане предлагалось в печати на родном языке донести до народа идею, озвученную главой ЦК КП(б) Узбекистана У. Юсуповым: «...узбекский народ не будет иметь самостоятельности, если он вместе с русским народом, именно рука об руку не будет защищать Москву, Ленинград, что если русский народ будет уничтожен, что будет истреблен и уничтожен узбекский народ»²²⁴.

Особое внимание уделялось участию творческой интеллигенции в формировании военно-патриотических настроений. Была организована масштабная работа по использованию ее авторитета и на международном уровне. При этом идейно-политическое единство и социокультурная целостность представителей разных социальных слоев и этнических общностей акцентировались как важ-

²²³ «История белорусского народа довольно своеобразна». Доклад В.И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР». 1944 г. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 54.

²²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 46, 71–73, 77. Этнополитическая элита и до 1917 г. воспринимала огромное государство как свое общее Отечество. Репрессированный большевиками лидер казахского движения Алаш А.Н. Букейханов писал в 1916 г.: «Европейские страны ведут себя как волки ... Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику...». В воззвании «К гражданам Алаша» говорилось: «Соотечественники – русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне» (Казах. 1916. 11 августа). Жившие в начале войны в Москве дочь Букейханова была на войне военврачом 3-го ранга, а его внук Искандер ушел добровольцем на фронт и пропал без вести в ноябре 1941 г., защищая свою столицу и свою страну СССР.

нейшая характеристика и преимущество СССР. К примеру, в обращении 42 советских академиков к ученым всех стран (июнь 1941 г.) говорилось как о 200-миллионном советском народе, объединенном «вокруг своего правительства, вокруг И.В. Сталина» для защиты своей родины, так и о народах СССР, которые «на основе накопленных с древнейших времен и чтимых нами культурных ценностей ... свободно творят свою культуру, каждый на своем языке». В проекте открытого письма к немецкому народу, солдатам, рабочим и крестьянам, от рабочих автозавода имени Сталина и завода «Динамо» имени Кирова (август 1941 г.) также повторялось о единстве 200-миллионного советского народа. 24 августа 1941 г. еврейский митинг в Москве принял обращение к евреям всего мира, в котором вновь говорилось о многонациональном, великом и свободолюбивом советском народе и о населяющих СССР народах, за которые воюет Красная армия. Мусульманское духовенство Азербайджана в обращении ко всем мусульманам говорило о единой многонациональной братской семье народов, населяющих СССР, которая «борется за свою честь, за свободу, за родину». Обращение Совещания мусульманского духовенства при ЦДУМ в Уфе в мае 1942 г. было размножено на татарском и башкирском языках (4500 экз.), а также на казахском (4500 экз.), узбекском (3000 экз.), таджикском, туркменском и киргизском по 2000. ЦДУМ направило его на места для распространения через авторитетов мусульманского духовенства, среди верующих мусульман²²⁵.

Важное место во всех документах занимала апелляция к базовым традиционным ценностям, объединявшим все народы стран, – патриотизм, коллективизм, социальная справедливость в ее интернациональном воплощении. Как писал М.И. Калинин в статье «На чем базируется крепость СССР» (1943 г.), «у нас не только равноправие народов ... у нас семья народов. Человек любой национальности в Москве себя чувствует дома, Москву считает своим городом ... Признание достижений и награда в Москве считается высшей наградой. Напомню небольшой пример из жизни национальных республик. Чуваши с небольшим двадцать лет трахому считали божьим наказанием народа, борьба с которой бесполезна. Сейчас это культурная республика с обеспеченным населением, о трахоме забыли»²²⁶.

В сентябре 1942 г. отдел пропаганды Управления агитации и пропаганды ГЛАВПУРККА в список изданий на грузинском, армянском, азербайджанском, узбекском, татарском и других языках внес не только сочинения руководителей страны политического характера и военно-методические брошюры, но и наиболее сильные в эмоциональном плане публицистические произведения самых известных авторов: рассказ «Смелычаки» А. Толстого (Красная звезда. 1941. 24 июля), О. Курганова «Мать», опубликованный в «Правде» 7 февраля 1942 г.; П. Лидова «Таня» о З. Космодемьянской (Правда. 1942. 27 января), «Науку ненависти» М. Шолохова, «О жизни и смерти» Б. Горбатова, «Отступник. Ночь перед

²²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 1–4, 18, 66, 69, 80; Д. 106. Л. 78.

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 8. Д. 118. Л. 9–10.

боем» А. Довженко, «Ненависть» И. Эренбурга, «Слава Кавказа» Н. Тихонова, «О 28 гвардейцах»²²⁷. М.И. Калинин 17 сентября 1942 г. обратился к первому секретарю ЦК Компартии Узбекистана У. Юсупову: «Красноармейцы узбеки, находящиеся на фронте и в районах формирования новых частей, жалуются, что они не получают газет на узбекском языке, издающихся в республике. Другие республики наладили систематическую посылку газет на родном языке в части, в которых служат бойцы, призванные из этих республик, и поддерживают связь со своими земляками. Необходимо Вам наладить такую связь и посылать литературу бойцам-узбекам. Их надо поддержать родному народу»²²⁸. 30 сентября по инициативе Начальника управления агитации и пропаганды ГЛАВПУРККА Шикина ЦК ВКП(б) направил в ЦК Компартий Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Татарский обком партии телеграммы, в которых «в целях улучшения воспитательной работы среди красноармейцев и младших командиров нерусской национальности» предлагалось «1. Систематически высылать в ГЛАВПУРККА республиканские газеты, а также массовую политическую и художественную литературу, издаваемую на местах на языках народов СССР. 2. Периодически посылать в части действующей Красной армии своих представителей из числа членов ЦК нацкомпартий, членов правительств и других ответственных партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников для проведения среди красноармейцев и младших командиров агитационной работы на их родном языке»²²⁹.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) внимательно контролировало организацию и содержание антифашистских акций, которые проводили комсомольские, научные и иные структуры. Утверждению подлежали порядок проведения, количество выступающих, которые должны были символизировать советский характер национальных культур и интернационализм граждан. К примеру, при согласовании антифашистского митинга представителей литовской молодежи 28 мая 1942 г. было обращено внимание, чтобы среди выступающих были «русский или представитель других народов СССР», а в выступлениях говорилось «о братском содружестве с русским, белорусским, украинским народом». Правке подвергались все выступления участников митинга. Предлагая руководству страны организовать митинги народов Закавказья в Тбилиси и народов Северного Кавказа в июле и августе 1942 г., начальник Управления обращал внимание, что на них должны выступить красноармейцы, колхозники, рабочие, интеллигенция грузин, армян, азербайджанцев, осетин из Южной Осетии, дагестанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев, осетин Северной Осетии. Советская «начинка» была обязательной: в приветственном письме к Сталину 530 участников митинга в честь 20-летия Якутской АССР 6 сентября 1942 г. активно использовались политически важ-

²²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 77–77об.

²²⁸ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 8. Д. 87. Л. 1.

²²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 69.

ные понятия, отражавшие амбивалентный характер концептуальных подходов власти к развивающейся культурно сложной общности: «советские люди», «братство между народами», «советский народ», «якутский народ»²³⁰.

Воспитание определенных нравственных качеств во всех социально-демографических группах рассматривалось как приоритетная задача, при этом, как и до войны, дети и молодежь оставались важным объектом деятельности общественных организаций. 15 сентября 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О крупных недостатках в работе пионерской организации и мерах по исправлению этих недостатков». «Комсомольская правда» 24 сентября в связи с этим обращала внимание прежде всего на то, каким образом восполнить дефицит родительского и в целом социального контроля за детьми в условиях войны, призывая «воспитывать людей инициативных, смелых, принципиальных, умеющих самостоятельно решать любые задачи при любых обстоятельствах». Дисциплина, трудолюбие, коллективизм трактовались как основные проявления патриотизма советского подрастающего поколения. 25 сентября газета выдала подробный инструктаж по поводу выполнения постановления, среди разделов которого были весьма конкретные предложения, как «коренным образом улучшить руководство пионерами» по таким направлениям: «шире дорогу инициативе и самостоятельности», «возглавить трудовой подъем детей», «воспитывать в духе военной идеологии», «в дни войны учиться еще лучше», о структуре пионерской организации и ее атрибутике. В октябре газета поместила весьма детальные «советы пионервожатому»²³¹. Действительно, военные обстоятельства расставили новые акценты в отношении общества к воспитанию детей и требовали большей гибкости в межпоколенных и этнокультурных взаимосвязях.

Важной частью комплексных мер в новом наполнении патриотизма было использование образов народных героев и легендарных личностей народов СССР, воплощавших те качества национальной культуры, которые могли обеспечить историческую преемственность в самосознании и гражданской консолидации советского общества. К примеру, в 1943 г. Я. Протазанов снял в Ташкенте фильм «Насреддин в Бухаре» по роману Л. Соловьева «Возмутитель спокойствия». Однако, по мнению Г. Александрова, фильм стал одной из «наиболее слабых картин, выпущенных Комитетом по делам кино в 1943 году». В июне 1943 г. он направил письмо на сей счет начальнику Главного политуправления Красной армии А.С. Щербакову, выделив наиболее серьезные недостатки фильма, как он считал. В частности, Александров обратил внимание на необходимость более полно характеризовать основные свойства национальной культуры «народов Востока». Показывать Насрединна лишь как обличителя богачей и деспотов было недостаточно, лишая его «глубокого и тонкого юмора» и обедняя образ

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 18–19, 24, 59, 61–70.

²³¹ В помощь пионервожатому. Сб. материалов. Саратов: Газетно-кн.изд-во обкома ВКП(б), 1943. С. 7, 9–24. Подробнее о работе в школе на примере Магнитогорска см.: Малышева Н.А. Влияние идеологического фактора на социализацию детей в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16/3. С. 239–248.

героя, воплощавшего народную мудрость. Утрированным оказался и образ эмира, поскольку «в нем нет того внешнего величия и недоступности, которые были свойственны восточным деспотам», а «его манеры русифицированы. Фильм построен неинтересно, прямолинейно, без напряженных коллизий». Особенно неудачной Александров считал музыку к фильму, в которой «много шума, мелодии весьма примитивны»²³².

Этнокультурные проблемы, как и межэтнические отношения в разных социально-демографических группах и регионах оставались важной частью идеологической и агитационно-пропагандистской работы во время и после войны и получили специфическое воплощение²³³. В частности, ведущая роль русского народа в советской консолидации общества и в победе СССР над нацизмом, была в поле зрения партийных функционеров, ответственных за идеологию и пропаганду. Как отмечалось на совещании работников Управления пропаганды и агитации ЦК от 31 марта 1944 г., при преподавании марксизма-ленинизма в вузах «взаимоотношения всех народов представляются таким образом, что народы, входящие в состав России, восставали против русских, а русские (так и пишут в некоторых книгах) подавляли эти восстания». В «Истории Казахской ССР», «Очерках по истории Башкирии» история республик была сведена главным образом, к истории восстаний казахов и башкир против России. В Казахской ССР за 11 лет существования Академический театр оперы и балета, как оказалось, не поставил ни одной русской классической оперы, а Казахский драмтеатр за 20 лет существования поставил лишь 4 русских классических пьесы. Заведующий отделом художественной литературы А.И. Еголин сокрушался: «оказывается, среди писателей Узбекистана многие не знают русского языка». В союзных республиках, считал он, нужно усилить влияние русской культуры. На декадах чаще показывают, чего достигли узбеки, таджики, они уезжают самодовольные, однако нам следует критиковать недостатки, «чтобы они осознали, что Москва их учит, что теперь они видят, что нужно работать по-другому». При этом проблема обнаружилась не только в азиатском регионе страны. «Гоголь совершенно непопулярен, потому что он писатель, писавший на русском языке. Ведь Гоголь – это фигура, которая символизирует братство народов – русского и украинского... В области культурной нужно поднять Гоголя. Украина ценит только Шевченко, а Гоголя обходит». В то же время заведующая культпросветотделом Т.М. Зуева обратила внимание на другой фокус в идеологической работе – межэтнические отношения: пьеса Ф.И. Парфенова «Дружба» должна показать дружбу между бойцами разных национальностей на войне, но не решает эту задачу. Начальник Главного политуправления Красной армии А.С. Щербаков парировал многозначительно: «Выходит, что никого нельзя показывать

²³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 213. Л. 14.

²³³ См. гл. 2, разделы 3, 4 настоящей монографии, а также: Синицын Ф.Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945). Пермь, 2009; Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве в СССР, 1922–1945. М., 2016.

отрицательным типом» – ни физкультурника, ни филолога...²³⁴

Меж тем в Казахстане, как докладывал 3 марта 1944 г. секретарям ЦК партии руководитель пропгруппы Управления пропаганды ЦК А. Петросян, «организация пропагандистской работы на местах страдает существенными недостатками». Она проводилась казенным стилем, не дифференцированно, отвлеченно и декларативно. Руководящие работники управления пропаганды за войну не написали ни одной популярной статьи или брошюры по вопросам политики, в т. ч. «о развитии дружбы народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». До деревни доходило лишь 10% газетного фонда, остальное застревало в канцеляриях, из 6 507 колхозов имели радиосеть 1380, да и то регулярного вещания не было. Даже в 12 районах Южно-Казахстанской области с хорошими радиоузлами в пяти радио молчало. Из 510 киноустановок 136 полностью бездействовали. До войны многие районы и колхозы Казахской ССР имели установки и слушали радио без помощи телефонной сети, но по распоряжению НКВД они были изъяты «в кладовую наркомсвязи», а сотни тысяч сельского населения в отдельных районах лишились своевременной информации.

Пропагандистские работники больше занимались более важными задачами организации посевной и прочими хозяйственными вопросами (в том смысле они не отличались партработников Татарской республики, где секретарь обкома прямо заявлял, что совещания проводить некогда, поскольку «трактора надо ремонтировать», а пропагандисты в период уборки урожая надолго направлялись в колхозы). В Актюбинской, Семипалатинской, Кызыл-Ординской, Джамбульской и других областях хозяйственные организации забирали транспорт первым делом у киноорганизаций, лишая их возможности обслуживать деревни. Около 3/4 сельского населения республики узнавали в итоге о событиях в стране с огромным опозданием, а важнейшие постановления нередко просто не доходили «до широких масс». К тому же руководящие работники Управления пропаганды в основном пополнялись за счет преподавателей вузов и слушателей высшей партшколы, которые не имели навыков и опыта оргпартработы, да и не интересовались ею. Впрочем, аналогичной была ситуация и во многих других республиках и областях. Столь критические оценки тут же опровергли руководители Управления пропаганды и агитации. Однако это совсем не отменяло реальных проблем. Проверяющему удалось услышать отчеты прибывших из командировок по областям лекторов и пропагандистов ЦК Компартии республики, которые «не привыкли отчитываться о результатах своих поездок». Доклады сводились к рассказам о впечатлениях – от общения во время поездки в колхозы с местным секретарем райкома, пересказа услышанных от местных работников примеров работы сельских агитаторов до скандала лектора ЦК КП республики Е. Бекмаханова с секретарем Кустанайского обкома партии по пропаганде Землянским, отказавшим ему в предоставлении

²³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 21. Л. 1–27; Д. 311. Л. 128.

транспорта и даже выгнавшим из своего кабинета²³⁵.

Не менее чувствительным аспектом взаимоотношений с национальными кадрами и интеллигенцией стали проявления нового уровня самосознания, обусловленные в том числе целенаправленным поощрением репрезентации патриотического прошлого народов СССР в годы войны. Взаимное раздражение центра и местных элит рождалось вследствие неопределенности позиции центра по поводу соотношения поощряемого и недопустимого проявлений этноидентификации. Не случайно после критики изданной в 1943 г. под руководством А.М. Панкратовой и секретарь ЦК КП Казахстана М. Абдыкалыкова «Истории Казахской ССР» последний, всячески задерживая публикацию рецензий на книгу, на предложение своего подчиненного завсектором печати отдела пропаганды Колесникова выполнить распоряжение центра на сей счет ответил довольно резко: «Что вы пристали с рецензией. Расклейте ее хоть по всем заборам». Он не только задерживал обсуждение, но и не давал свои выступления для печати на сей счет. Его поддержал 2-й секретарь ЦК Ж. Шаяхметов при обсуждении постановления ЦК Компартии Казахстана «О подготовке 2-го издания Истории Казахской ССР». Ссылаясь на популярность образа Едиге в народе, он предлагал исключить из проекта все пункты с критикой его освещения в книге. Бюро ЦК Компартии Казахстана не поддержало его, а рецензии были опубликованы в центральных органах печати республики по личному распоряжению первого секретаря ЦК КП Казахстана Г.А. Боркова.²³⁶

Поводов для недовольства было достаточно. В 1944 г. была запрещена к постановке «идеологически невыдержанная» пьеса участника конкурса текста Гимна СССР поэта А. Тажибаева «Мы тоже казахи», задержана к печати книга М. Габдуллина «Мои фронтовые друзья», «в которой неправильно трактовался образ советского офицера». Она была «написана в антирусском духе», Б. Момышулы в ней наказывал трусов «но все эти трусы, нарушители дисциплины, изменники Родины оказываются русскими... В рукописи Габдуллина события изображаются таким образом, что под Москвой героически сражались только они казахи». Верстку рукописи Габдуллина задержал завсектором печати отдела пропаганды ЦК компартии Казахстана, участник войны П.И. Колесников, на что секретарь ЦК Компартии Казахстана по пропаганде М. Абдыкалыков заявил ему: «Вы не самовольничайте и не забывайте, где вы живете и работаете». После ознакомления в отделе пропаганды и агитации запрет наложили и на издание книги И. Шухова «Метель», поскольку она политически неправильно трактовала «поведение колхозного крестьянства в Великой Отечественной войне». Эти и другие «серьезные ошибки и недостатки» в идеологической работе парторганизации республики были выявлены в ходе проверки летом 1945 г. Как водится, был заслушан отчет руководства республиканской парторганизации, тем более что накануне

²³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 21–60, 71–73.

²³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 141–143.

проверки Маленкову была направлена обширная записка редактора газеты «Казахстанская правда» К. Нефедова об ошибках национальной политике и антипартийных явлениях (престижное потребление руководства)²³⁷.

Этничность в годы войны ревитализировалась как один из инерционных инструментов «нормализации» приватной и общественно-политической жизни в чрезвычайных условиях, адаптивная и защитная функция которого становится важным фактором трансформации мировоззрения и миропонимания. Население освобождаемых от оккупации и прилегающих к ним областей в 1944 г., как отметили сотрудники пропагандистской группы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), интересовалось не только новостями с фронта и актуальными международными вопросами, насущными проблемами питания и организации повседневной жизни. Заданные вопросы вскрывали особенности общественных настроений в связи с актуальными событиями в стране, проблемы региональных взаимосвязей и межэтнических контактов, информированности и уровня просвещения о многонациональном облике страны: «Каково настроение народов в Западной Белоруссии, Украине и Прибалтике – ждут ли они нашу Красную армию. Много ли граждан из прибалтийских республик сражается против Красной армии. Есть ли у нас особые части из граждан Латвии, Литвы и Эстонии ... Как сейчас осуществлять интернациональное воспитание в школах. Откуда взялись калмыки и почему они такие звери ... Будет ли создана еврейская национальная армия? ... Все ли произведения Ленина теперь изучаются? Правда ли, что в СССР создается новая аристократия; генералам, например, не разрешается жениться на простых девушках? Допустимо ли, чтобы пионер или комсомолец верили в бога? Правда ли, что у нас засилье евреев? Правда ли, что в Киеве расстреляли всех девушек, которые жили с немцами? Правда ли, что у нас убивают детей, родившихся от немцев? Верно ли, что теперь в СССР не все нации равны? Верно ли, что после введения погон в СССР нет больше коммунистов и комсомольцев?» В Крыму спрашивали: «Распущены ли колхозы в районах, которые не были оккупированы? Правда ли, что в СССР голод? Почему ввели погоны? Кто такой Жуков, почему немцы его сильно боятся? Верно ли, что в СССР теперь нет равноправия наций?» Свидетельства переживших оккупацию отражали драматические противоречия психологии и поведения представителей советского общества: «... каждый советский человек по своему политическому кругозору стоит выше, чем немецкие высшие чины. Для нас было смешно и дико, когда немецкий офицер, считавший себя культурным человеком, с серьезным видом показывал справку о своей расовой чистокровности. Нам был чужд и непонятен расстрел еврейского населения. Многие русские врачи и русские учителя, имевшие евреев родственников, вместе с ними добровольно шли на расстрел, желая выразить этим протест против немецкого варварства ... Мы делали вид, что повинемся, но рас-

²³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 122, 137–138; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 961–965, 992–998.

сказывая об Илье Муромце, мы говорили о русской непобедимости и дети понимали, что мы говорим о Красной армии... Школа не дала немцам ни одного добровольца, она прикрывала молодежь от угона в Германию, предостерегала девушек от публичных домов и разных притонов. Школа собирала у населения и спасала от уничтожения советскую литературу». Но «отдельные группы людей за 2,5 года заметно опустились, растеряли многие качества советского человека, забыли о социалистическом отношении к труду, отвыкли от сознательной дисциплины и честного соблюдения государственных законов».

Меж тем в освобожденных областях самой Белоруссии возвращение к стандартам советской реальности имело свои особенности. В Барановичской области из 1 800 учителей 200 окончили краткосрочные курсы в период оккупации, когда белорусизацию по-немецки проводили, «вытравливая все родственное русскому». Во многих школах белорусских детей обучали поляки, не знавшие белорусского языка и заменявшие его до 50% польским. В Гродненской области не хватало 1 211 учителей, работали всего 9 кинопередвижек, которые имели в распоряжении 29 названий фильмов, но «за 4,5 месяца для сельского населения не поставлено ни одного киносеанса». Крестьяне роптали: «При партизанах лучше было: знали, что на свете делается, газеты читали»²³⁸.

Партийные функционеры, анализируя ситуацию в освобожденных от временной оккупации областях, объясняли укрепление национального самосознания «известным влиянием» фашистской пропаганды: «от значительной части населения даже сейчас через два месяца после освобождения от немцев, редко услышишь: “наш”, “советский”, а больше всего: “это – русский самолет”, “русский или красный солдат”, “русская бомба”, “большевики взорвали при отходе” и т. д.». Советскость получала этническое оформление: в г. Пятихатка на Днепропетровщине, как докладывал проверяющий о настроениях во время оккупации, «кобзарь собрал вокруг себя огромную толпу, пел на базаре свою песню о Сталине, о том, как он “освободит Украину от немецкого ига. Полицейские не смели подойти к толпе. Они подстерегли потом и убили кобзаря, но песня идет по всей Украине”»²³⁹.

Однако реальность была весьма мозаична и противоречива, а настроения послевоенного общества отличались глубокими контрастами, далеко не всегда подвластными пониманию, осмыслению и должной корректировке со стороны управленцев. К примеру, марийская интеллигенция, видимо, обогатившись опытом коммуникации с эвакуированными представителями прибалтийских республик, в конце войны озаботилась «расовой общностью между марийским, финским народами и народами Прибалтики» и пыталась доказать, что в прошлом «марийцы были очень воинственный народ и приводили в трепет русских», теперь же, «пока русские будут хозяйничать, – толку у нас не будет». К Всероссийской выставке художников в 1945 году коллектив «Марий художник», как сообщалось в

²³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 51, 79–80.

²³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 2–4, 93–96, 101; Д. 311. Л. 6.

ЦК ВКП(б), «неправильно изображают марийский народ – ... некультурным, грязным, в лаптях». Ну, а Марийский бумажный комбинат, – «детище сталинской пятилетки, гордость нашей республики – изображен как тюрьма». Впрочем, состояние образовательных и культурных учреждений, как и усилия партийного руководства автономии по учету национальных особенностей в этих сферах в 1944 г. были признаны явно недостаточными. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) для помощи в исправлении «некоторых недостатков в идеологической работе» направило в Марийскую АССР своего сотрудника²⁴⁰.

Состояние общества победившей страны было связано с подвижной атмосферой культурных взаимосвязей и потребностей, во многом обусловленных необходимостью новых социальных ориентиров для изменившегося самосознания народов. За время войны они обрели не только уникальный опыт межэтнических коммуникаций, но и получили поддержку власти в ревитализации тех страниц собственного прошлого, которые помогали укреплять самоотверженность и героизм людей во имя общего праведного дела. Обращаясь к секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в июне 1945 г. по поводу публикации трудов о горцах Северного Кавказа и Шамиле, известный историк С.К. Бушуев заметил, что в последние два года преподаватели МГУ «стали меньше обращать внимания» на освещение истории народов Советского Союза. Однако потребность в понимании того, «как теперь освещать историю борьбы горцев за независимость», о чем ему задавали вопросы, в частности, и руководители Дагестанской АССР, отражала более общую проблему оценки «колониального» прошлого народов всей страны в условиях, когда освободительные настроения в колониальном мире быстро росли и всячески поддерживались во внешней политике СССР. По мнению историка, в печати заметно сократилось число статей о советском патриотизме, в котором, по словам И.В. Сталина, «гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы трудящихся Советского Союза»²⁴¹. Это руководящее указание он оценил как обязанность еще более углубленно разрабатывать историю народов, которые вошли в состав страны²⁴².

Впрочем, еще на известном совещании историков в 1944 г.²⁴³ вполне отчетливо обнажились противоречия в представлениях ведущих ученых к соотношению «классового» и культурного/гражданского=советского в сложносоставном сообществе народов. Русский патриотизм в качестве основы идеологической работы требовалось совместить с продолжающейся поддержкой этнокультурной самобытности и гражданского патриотизма, независимо от национального про-

²⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 26–27; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 850–852, 933–934.

²⁴¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1948. С. 160–161.

²⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 66–67.

²⁴³ О совещании см.: Гришаев О.В. Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология» (с 2019 г. Via in tempore. История. Политология). 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 132–136.

исхождения. Как заметил Б.М. Волин, «мы недостаточно изучаем историю советского периода ... Надо больше заниматься историей народов нашей страны и, особенно, историей советских национальных республик». А.С. Щербаков констатировал: главное – «какие идеи воспринимаются массой – от этого зависит все». Не случайно в готовившихся вскоре тезисах «О некоторых недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР» А.А. Жданов выделил разделы «Национализм порождает империализм» и «Патриотизм порождает интернационализм», используя понятие «советский народ» как уже довоенную реальность: война стала «генеральным испытанием всех материальных и духовных сил советского народа, явилась также генеральным испытанием крепости дружбы народов СССР»²⁴⁴.

Как констатируют ученые, советский народ встретил войну «сложным, неоднородным по своему отношению к действительности, к идеалам, пропагандируемым сверху. В этой сложной ситуации люди сохранили традиционные духовные и моральные ценности: веру, любовь к родной земле, чувство национальной гордости и независимости»²⁴⁵. Здесь стоит обратиться к авторитету философа и фронтовика А. Зиновьева: «Да, среди факторов, способствовавших победе, был патриотизм. Но какой патриотизм? И потом, значение патриотизма нельзя преувеличивать ... На одного Александра Матросова приходилось с десятков людей, стремившихся укрыться от фронта, отсидеться в тылу. В атаку же шли по команде, а не добровольно. Героизм был. Но он во многом был вынужденным. Героизм – временное явление. А долговременно работает организация, система. И в годы войны вся наша жизнь была организована так, что миллионы людей шли в армию и героически сражались. Не будь такой системы, не было бы и этого. А речь шла о жизни и смерти целого народа»²⁴⁶.

Именно патриотизм позволил старшим поколениям, объединенным единой страной – общей Родиной, победить фашизм. Один из участников разгрома японцев в 1945 г. вспоминал: «Полк подошел к пограничной заставе «Отпор» в середине октября 1945 года. Пройдя таможенный досмотр, мы въехали на территорию СССР и сразу же прыгнули с машин и стали обнимать друг друга со слезами на глазах, с каким-то большим внутренним волнением притопывали по родной земле. Там, за Хинганом, еще тепло, цветут цветы, виноград, яблоки, груши, а здесь – голые даурские сопки, холодный ветер – предвестник суровой забайкальской зимы. Но нет для нас милее земли, чем эти голые сопки с пожухлой травой, с тарбаганьими норами, под серым ненастным небом, потому что это часть родной земли. Это наша Родина». При этом интернационализм был маркером советской идентичности. «Первый был командиром нашего 1912-го истреби-

²⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 244. Л. 121, 123; Д. 222. Л. 48–91, 77.

²⁴⁵ Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 45.

²⁴⁶ Назаров О. Факторы СССР победы в Великой Отечественной войне. 2015. 7 мая. <https://ria.ru/20150507/1063101933.html> (дата обращения: 12.05.2019).

тельного противотанкового артиллерийского полка, второй – начальником штаба, а капитан Голубенко – заместителем командира полка по политической части. Добровольский А.М. по национальности поляк, Плоткин И.С. – белорус, а Голубенко – украинец. А все вместе – советские люди», – отмечает казах²⁴⁷.

А. Зиновьев, родившийся в октябре 1922 г., утверждал: «Ни с каким другим поколением победа была бы невозможна. Хотя наше поколение понесло огромные (самые большие) потери, хотя жили и участвовали в войне старшие поколения, хотя подрастали и вступали в войну более молодые люди, всё равно общий моральный, психологический и идеологический тон задавали люди моего поколения ... Я неоднократно говорил и повторю сейчас, что войну 1941–1945 гг. выиграл советский десятиклассник, окончивший школу в 1937–1941 годах». В книге «Запад» он писал: «Коммунистическое общество на самом деле принесло миллионам людей образ жизни, который послужил реальной основой для системы высших ценностей ... Образование и возможность улучшать жизненную позицию за счёт личных способностей, героического труда и достойного поведения в коллективе. Овладение культурой, знаниями и профессией, а также завоевание уважения и почёта в своем окружении. Служение народу и стране. Самопожертвование ради интересов коллектива. Самоограничение. Появилось много последователей этой системы ценностей. Благодаря им были совершены бесчисленные подвиги». «Абсурдно также мнение, будто советские люди сражались за Родину, но не за советский социальный строй. К моменту начала войны для большинства советских людей коммунистический строй стал их образом жизни, а не политическим режимом. Отделить его от массы населения было практически невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита ими себя и своей страны означала защиту нового социального строя»²⁴⁸.

Именно государство обеспечило системное возвышение гражданской ответственности подавляющей части членов общества, как и их дисциплину в солидарных усилиях. Они утверждались в качестве превосходных и единственно достойных приоритетов человека всеми средствами идеологии и пропаганды, социальными сетями тех лет (радио, печать, листовки, кино, музыка, поэзия, плакат и т. д.). При этом патриотизм рассматривался как естественный и объединяющий все население страны принцип поведения, способ выживания и условие победы в войне с фашизмом.

Схожие выводы сделала эмигрантская социал-демократическая газета «Новый путь», выходившая под редакцией Ф.Ю. Дана. В передовице «Чудо Сталинграда» в октябре 1942 г. говорилось: «Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею – идею социального освобождения. И именно величие этой идеи придает их патриотизму такую неодолимую силу и превращает его

²⁴⁷ Исторический архив. 2009. № 1. С. 66, 57.

²⁴⁸ Назаров О. Факторы СССР победы в Великой Отечественной войне. 2015. 7 мая. <https://ria.ru/20150507/1063101933.html> (дата обращения: 12.05.2019).

в такой мощный рычаг героизма в борьбе с врагом...» По мнению одного из авторов, ход войны показал, что изучать СССР теперь надо не с точки зрения того, когда произойдет падение советского строя. «Мы думаем, что русские проблемы будут изучаться с той серьезностью, какой они заслуживают, т. е. во всей их грандиозности и многосторонности ... многолетняя практика союза федераций Советских республик должна будет изучаться с большей тщательностью. Государственная структура СССР построена еще вчерне, его политический строй имеет еще много существенных дефектов, но внутренняя крепость союза оказалась, несмотря на наличность всех этих дефектов, проверенной в огненном испытании войны. Когда единоличная диктатура будет изжита, народы Советского Союза одновременно и в равной мере пожнут все блага политических свобод. Но имеются какие-то несомненные преимущества Советской федерации, если она лучше многих других стран сохранила свою государственную целостность»²⁴⁹.

Эта целостность обеспечивалась не только жесткой вертикалью управления, доминантами идеологических установок власти, но и подвижной, разноуровневой и многослойной системой отношений этносоциальных и конфессиональных групп общностей. Докладные записки и аналитические отчеты партийных работников послевоенных лет по поводу состояния политической пропаганды и агитационно-просветительной работы с населением свидетельствуют, что советскость проявлялась специфически в разных национальных локусах и совмещалась с традиционными практиками межэтнических отношений, культурных и социальных связей. Религиозные обряды (венчание, крестины, отпевание), к примеру, исполняли коммунисты, комсомольцы и даже секретари райкомов партии; среди агитаторов встречались неграмотные, а грамотные оказывались не вполне заслуживающими доверия из-за пребывания в плену или «развала колхоза» до войны; политическая литература после рассылки оседала в правлениях колхозов, избы-читальни не работали. На заводах Белорецка в Башкирии работавшие там татары и башкиры плохо знали русский язык и были ограничены в получении информации. В Азербайджане в Касум-Измайловском районе в 1946 г. имелось 69 колхозов, в том числе 3 армянских, получили 200 экземпляров брошюр о пятилетнем плане на азербайджанском языке и ни одной на армянском. Еще 320 брошюр больше месяца пролежали на почте и были возвращены в Баку, поскольку распространять их было некому. Свою роль играли и стереотипы гендерного поведения. На полях колхоза «Серп и молот» с. Кумлы Кедабекского района работали исключительно женщины, мужчины же занимали административно-хозяйственные должности (проверяющий застал 18 мужчин в правлении за обсуждением текущих дел), а некоторые вообще не работали. Парторганизации не было, председатель колхоза был кандидатом в члены партии, но стоял на учете в другой парторганизации. «В беседе с колхозницами, работающими в поле, выяснилось, что некоторые из них о пятилетнем плане не имеют никакого представления»²⁵⁰.

²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 129. Л. 20, 22.

²⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 422. Л. 24–25, 171, 188, 192–199, 223.

Тяготы послевоенной жизни не имели этнической определенности, поскольку бедность, необустроенность, низкий уровень продовольственного обеспечения объединяли всех. Серьезное беспокойство в Краснопресненском райкоме партии столицы вызвало горячее выступление М.С. Шагинян на собрании Союза писателей в июле 1945 г. Поездка на Урал и Алтай шокировала писательницу обыденностью тяжелейшего положения рабочих: «...Я расскажу жуткие вещи, что у нас творится?! Я была на Урале, там 15 000 рабочих Кировского завода взбунтовались, бунт самый настоящий, потому что плохие условия. Инвалидов Великой Отечественной войны кормят болтушкой. Они голодают. На заводах работает много детворы, детвору эксплуатируют, истощают, обрекают». По ее информации, в райкомах и обкоме партии узнали об этом, только когда приехали на завод, а директора завода 2 месяца на месте не было. Лишь после «бунта» руководство выделило 2 млн. рублей на нужды рабочих. «Я была на Алтае, а там что делается, ужас, – продолжала она. – Обкомы, райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, а рабочие голодают, ходят как тени, усталые, истощенные. Где же ленинское учение, где Сталинская Конституция? ... Вот какие у нас порядки, вот что у нас делается. При этом при всем у нас много пишут похвалы. Вот куда надо смотреть, вот о чем надо писать нам – писателям»²⁵¹. Промолчавшие и не осудившие коллегу по цеху участники собрания вряд ли могли делом ответить на ее призыв.

Социальные контрасты пронизывали все слои и регионы страны, в повседневной жизни пересекались демографические, этнокультурные, языковые, материально-бытовые и политические траектории двигавшегося от ожесточения смертоносной войны к желанному миру и труднодостижимому благополучию многоликого общества. Далеко не всегда предпринимавшиеся центром усилия приносили желаемые результаты. Так, в сентябре 1944 г. на основании анализа деятельности Львовского обкома партии Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР». Они были признаны крупными, а в работе парторганизаций по разоблачению фашистской идеологии, в политработе с интеллигенцией и печатью выявлены серьезные ошибки и упущения²⁵². Судя по информации, поступившей в ЦК партии через год, распоряжения и указы Москвы слабо повлияли на положение дел. Фронтовик, сотрудник института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК ВКП(б) Б.М. Волин, отправленный с лекциями на запад Украины, сообщал Г.М. Маленкову в сентябре 1945 г.: «В западных областях Украины происходит переселение поляков в Польшу и возвращение украинцев на Украину. Я лично видел эшелоны поляков: хорошие товарные вагоны (есть и классные) с лестницами-подножками у каждого. Государственные польские гербы и флаги. Впечатление – очень положительное. Нельзя того же сказать об эшелонах украинцев, возвращающихся из Польши. А главное следующее: укра-

²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 28–30.

²⁵² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 870–884, 889–892.

инцы жалуются, что их поляки сильно обижали – угрожали, обирали, забирали имущество, нападали на повозки, даже избивали. Об этом же мне рассказывали в обоих обкомах. Я спрашивал, знает ли об этом наше правительство? Мне ответили, что, возможно, что нет, ибо обкомы об этом еще не сообщали». При этом в некоторых районах семьи партийных и советских работников жили на казарменном положении из-за «бендеровского террора», большое число находившихся здесь русских военных, офицеров и солдат, оказались в иноязычной среде без должной поддержки в организации досуга и средств информации на родном языке. Руководящие партработники обкомов и райкомов – «подлинно нищие люди, лишенные самых необходимых домашних вещей и хозобихода. В районах наши товарищи (особенно партработники) по одежде напоминают крайне низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих. И материально живут они очень плохо... А ведь большинство этих товарищей в 1941 году лишились всего своего имущества, и в тяжелый период эвакуации они не только ничего не приобрели, но многого лишились, что имели при себе. Работники партийного аппарата в особенности нуждаются в материальной помощи».

Демобилизованные коммунисты-фронтовики из Киева обратились к И.В. Сталину, А.П. Берии и в редакцию «Правды» по поводу царившего, по их мнению, в столице Украины антисемитизма. «Мы не можем понять политического лица этого города. Как-то не верится, что мы находимся в столице той Республики, которая входит в великий Союз Советских социалистических республик. Здесь сильно еще чувствуется влияние немцев. Борьбы с последствиями их политического вредительства здесь не ведется никакой. Здесь распоясались всякого рода националисты, порой с партийным билетом в кармане. Здесь никак не чувствуется духа интернационализма, являющегося знаменем нашей партии и советской власти. Здесь свирепствует еще невиданный в нашей советской действительности АНТИСЕМИТИЗМ», вплоть до погромов. «Почему при подборе кадров на Украине перестали теперь придерживаться деловых признаков, а главным образом обращается внимание на НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. Неужели в этом вся суть? Неужели так начали понимать на Украине ленинско-сталинскую национальную политику?» – писали фронтовики и приводили примеры дискриминации евреев и представителей смешанных семей, в которых один из супругов был евреем, в кадровой политике, предоставлении жилья и даже постановке на партийный учет. «... в этих смешанных семьях на почве разжигаемой на Украине национальной розни и вражды начали происходить сейчас всякого рода семейные неурядицы и тяжелые моральные переживания. Особенно тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы, в фабзавуч. Ничего не знавшие до сих пор еврейские дети почувствовали к себе вражду со стороны тех детей, у которых родители националисты. ... Дух интернационализма у нашей молодежи на Украине начинает быстро исчезать». Заявители уповали на внешне-политическую значимость национального вопроса для власти, способную при-

влечь внимание центра к ситуации: «...к делам Украины прислушивается сейчас и зорко следит не только весь советский народ, но и весь мир»²⁵³.

Из далекой от Украины Рубцовки работники завода «Алтайсельмаш», в т. ч. участники Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, летом 1945 г. обратились к Председателю Совета национальностей Н.М. Швернику с просьбой срочно прислать комиссию, поскольку «в последнее время участились случаи антисемитских выпадов: избиения и оскорбления евреев на рынке, в магазинах, в школах и даже в учреждениях и предприятиях, просто на улице, причем все это сопровождается улюлюканием и подзадориванием хулиганов со стороны некоторой части публики, глазеющей на избиение». И хотя в годы войны в городе «понятия об антисемитизме не было», местные власти нередко «выхолащивали» политическую сторону этих эксцессов, считали заявители²⁵⁴.

В рядах интеллигенции и номенклатуры национализм мог получать опасную поддержку, что вызывало соответствующую реакцию власти. Так происходило, в частности, в Якутии, где в 1945–1947 гг. были репрессированы некоторые представители учительства, чиновники, литераторы, в т. ч. учащиеся техникумов, якобы создавших в Алданском районе «Новую коммунистическую партию», затем переименованную в «Союз друзей свободы». Еще в 1943 г., когда ЦК ВКП(б) подверг критике работу Якутского обкома партии в сельском хозяйстве, сменилось партийное руководство в автономии и развернулась борьба вокруг оценки литературного наследия ряда национальных писателей, которая в 1940-е гг. менялась несколько раз под влиянием не только ситуации в республике, но и известных решений центра в области литературы, театра, оперы и кино 1946–1948 гг. При этом ярлык национализма был одним из исправно работающих инструментов устранения неудобных в недостаточном или сверхмерном увлечении героями национальной истории прошлого или неверном освещении истории дружбы народов²⁵⁵.

Всплески агрессии, замешанной на экзальтации национального чувства и связанные со слабостями просветительского начала в воспитании культуры межнациональных отношений, в контексте послевоенных проблем в каждом регионе приобретали специфические формы, как обычно происходит с социально-бытовыми конфликтами. Они могли приобретать и политическое оформление при появлении информационных поводов и пропагандистских акций. Ответредактор газеты «Социалистическая Якутия» П.Е. Чередниченко писал И.В. Сталину в 1946 г.: «В Якутской автономной республике необыкновенно оживилась деятельность буржуазно-националистических элементов, которые ведут самую разнузданную травлю русского населения. ... русских людей, прибывших на якутский народный праздник ысыах, избивают и изгоняют с праздника. Так было в Таттинском районе. На русскую молодежь набрасываются

²⁵³ Там же. Л. 36–39, 49–52. Дополнительно аналогичные примеры см.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 822–824, 833–838; записку Б.М. Волина полностью см. там же. С. 978–980.

²⁵⁴ Там же. Л. 47–48. Всплеск проявлений антисемитизма в регионах эвакуации населения партийные органы фиксировали уже в 1941 г. См.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 657.

²⁵⁵ Подробнее см.: Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Якутии (1917–1972). Якутск, 2007. С. 298–307.

группы якутских студентов с ножами, устраивают поножовщину с выкриками, подобной бранью по адресу русских. Так было и не однажды в городе Якутске. На заборах и телеграфных столбах в городе якутские националисты расклеивают провокационные листовки с призывом: «Бей якутов!» Это делается для того, чтобы ложно изобразить русских инициаторами поножовщины...

На квартирах, даже у ответственных работников республики, собираются банкеты, на которых раздаются крики: «Долой нучча!» (нучча по-якутски – русский). Так было на банкете у самого Министра просвещения Якутской АССР Чемезова. А когда один из русских людей, зашедший к Чемезову, стал протестовать и сослался на Вас, товарищ Сталин, указав, что русский народ – выдающаяся нация, то разнузданная орава якутских националистов разразилась похабной бранью и по Вашему адресу. Ненависть к русским стала передаваться и детям, которые ловят русских ребятишек и избивают их до смерти. Так было в Якутском городском музыкальном училище, где дети якутов поймали русского мальчика, вбили сапогами острую кость в его череп, и мальчик мгновенно умер. И в районах, и в городе идет заметное вытеснение русского населения путем создания невыносимых бытовых условий русскому рабочему».

Он сообщал, что хотя в соответствии с мерами по закреплению снабжения русских рабочих, каждой семье предлагалось выделять корову, дальше составления списков дело не шло. Якутские же колхозники имели в своих хозяйствах скота больше положенного по нормам Устава сельхозартели, да и многие секретари райкомов, председатели райисполкомов и другие местные чиновники имели до 15–20 голов крупного рогатого скота. В итоге русские рабочие уезжали, распродавая пожитки с молотка. Рост числа якутов в составе руководящих работников в 2 раза Чередниченко объяснял вытеснением русских, поводом для чего служило незнание якутского языка. К вредным проявлениям национализма он относил идеализацию досоветского образа жизни якутов в печати²⁵⁶ и театральных постановках, интерпретацию национальной символики как отражения борьбы против «русского колонизаторства» на титульном листке книги «Из истории якутского народа» НИИ языка и истории. «Взаимоотношения русского народа с якутским показаны в виде непрекращающейся резни», – считал он, характеризуя постановку пьесы «Айаал» Д.К. Сивцева (Суорун Омоллоон) и исторической драмы Л.А. Попова «Великая туймаада»²⁵⁷. Одну из причин ухудшения межнациональных отношений Чередни-

²⁵⁶ Скандал разгорелся в связи с публикацией на якутском языке статьи писателя Амма-Аччыгыя (Н.В. Мординова) в газете «Кыым» (16 июня 1946 г.) и критической статьей В.В. Хохлачева в «Социалистической Якутии» от 14 августа 1946 г. «За большевистское освещение истории Якутии» по поводу «вредной» брошюры О. Ионовой «Василий Манчары, изданной в 1946 г. Хохлачев в связи с давлением руководства обкома партии даже обратился к Сталину, а жена Чередниченко, литсекретарь «Социалистической Якутии», живописала в ЦК ВКП(б), как в отделе пропаганды обкома партии передовую газету «о великом русском народе, посвященную Вашей, товарищ Сталин, речи на приеме в честь победы над Германией, сочли неуместной» и сняли одну из статей об извращениях в освещении истории Якутии.

²⁵⁷ Пьеса Д.К. Сивцева «Айаал» (1940 г., поставлена в 1941 г.) в аллегорической форме представляла основные мотивы национального эпоса и протестный образ народного героя Манчары, восставшего в 1-й половине XIX в. против местных баев и раздававшего им имущество батракам и рабам. Л.А. Попов посвятил свое произведение восстанию 1642 г. против ясачных сборов.

ченко усмотрел в «коварном влиянии американских агентов» во время доставки американских самолетов через Якутию. «Восхваление американских товаров и всего прочего здесь происходит открыто и раболепски», меж тем руководство обкома партии зажимало, считал он, критику буржуазного национализма. 26 сентября 1946 г. решением бюро обкома сам Чередниченко был снят с работы за огульное клеветническое обвинение большой группы руководящих партийных и научных работников Якутии в буржуазном национализме.

Как сообщал 16 апреля 1947 г. секретарям ЦК ВКП(б) заместитель начальника Управления пропаганды по проверке парторганов ЦК Г.А. Борков, поднятые в письме Чередниченко вопросы «не являются новыми». В конце 1946 г. Секретариат ЦК принял решение «О крупных недостатках в работе Якутского обкома ВКП(б)», направленное в обком партии для обсуждения и принятия практических мер и направил в республику «бригаду работников». На месте было установлено, что в Якутии «нашли довольно широкое отражение националистические взгляды и высказывания», а также «имеет место некоторое оживление националистических настроений среди части якутской интеллигенции. Отдельные националисты настолько обнаглели, что открыто высказывают махрово-контрреволюционные взгляды». Меж тем секретарь обкома партии по пропаганде и агитации Захаров якобы замалчивал все националистические ошибки и литературные извращения, а его брат, арестованный в феврале 1947 г., оказался одним из лидеров «бандитско-националистической группы», якобы действовавшей с 1945 г. Впрочем, центр смотрел на проблемы межнациональных отношений и кадровую политику в национальных республиках в контексте общих проблем социальной модернизации. В Якутии в 7 городах, 31 рабочем поселке, 38 районах и 416 сельсоветах городское население составляло 32,4%. За годы советской власти число начальных, семилетних и средних школ выросло со 172 в 1914/15 г. до 491 в 1940 г., 572 – в 1946-м. Вузов было всего 2, в них учились 410 человек (при этом в пединституте 80% студентов составляли якуты), в 18 средних специальных учебных заведениях – 3 547, при этом больше всего якутов учились по педагогическим, сельскохозяйственным и кооперативным направлениям. К началу 1940-х гг. около 80% инженерно-технического персонала составляли русские работники. Смену руководства обкома после репрессий конца 1930-х гг., когда в 1943 г. пленум обкома партии насчитывал 11 якутов из 45 членов, а в горкоме партии был лишь 1 якут на должности инструктора, местные работники расценили «как некий поворот в национальной политике», поскольку «к власти в Якутии пришли якуты, а именно: секретарь обкома ВКП(б) Винокуров – якут, председатель Совета Министров ЯАССР Борисов – якут, прокурор республики Ларионов – якут. Вот такие дела, а посему аплодируй и еще раз аплодируй, у власти якуты!»²⁵⁸.

²⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 507. Л. 9–15, 17–61, 154–165, 187–197; Антонов Е.П. XX век в судьбе якутской интеллигенции // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века. Новосибирск, 2005. С. 89, 108, 128.

Замена руководства и казавшееся справедливым для национального чувства решение, однако, не устранило проблемы. Хорошо знавшая республику лектор Управления пропаганды и агитации К.И. Кирсанова считала, что «между русскими и якутскими руководящими товарищами нет принципиального партийного большевистского единодушия по основным вопросам национальной политики». Русские работники переоценивали опасность якутского национализма, подменяя бдительность подозрительностью и склоками, принижая вклад якутов в общую победу. «... об узбекском народе, внесшем свою долю хлопком в дело победы, мы говорим, прославляем узбекский народ, поднимаем в нем дух сознания достоинства советского патриота, а о якутском народе, по мнению русских товарищей, даже нельзя говорить». Она подметила и становящуюся характерной тенденцию формализовать и нивелировать этничность во всех ее проявлениях, как нечто не требующее специально репрезентации и поддержки. На празднике в честь 25-летия образования автономии, сообщала она секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову, с трибуны не было провозглашено ни одного приветствия якутскому народу, ни одного лозунга на якутском языке, так как «они все понимают русский язык», между тем ее приветствие «трудолюбивому якутскому народу» сочли способствующим национализму. На параде были целые колонны девушек в узбекском стиле, «но якутского духа на параде и демонстрации даже близко не было». В колоннах не было ни одного демонстранта в национальном костюме. «Я заметила, почему бы не оформить целую группу – чоорон – национальный кубок, национальный по форме. Наполнить бы флагами и гербами советских республик, влив таким образом советское содержание в старую национальную форму. Русские товарищи мне ответили, тогда пришлось бы одеть якутов в театральные реквизиты». Уже в 1944 г., писала она, якуты опасались, несмотря на разрешение проводить ысыах, открыто демонстрировать приверженность традиции и лишь увидев коммунистов в национальной одежде, портрет Сталина, украшенный рамой с национальным рисунком, появились сотни спрятанных до этого чооронов, якутские сбруи и другие атрибуты национальной культуры.

Некоторые товарищи утверждают, рассуждала она далее, что якут от своего национального отказался навсегда. «Эти чиновники не понимают, что этот отказ – результат извращения в национальной политике, нежелание народа быть заподозренным в каких-то антисоветских настроениях». В итоге в быту национальная посуда заменялась американской консервной банкой, поскольку чиновники доказывали, что она гигиеничнее бересты. «Русское население в Якутии не воспитывается в духе дружества с якутским народом, в уважении к народу, как участнику строительства нового социалистического мира», все ограничивается статьями о дружбе, которые к 1970-м годам превратились в ритуальные заклинания (в 1947 году штатные и нештатные лекторы Якутского обкома партии прочитали 1 295 лекций, из них по национальному вопросу и о дружбе народов 56, о советском патриотизме 14, по истории партии 247, по

политэкономии 107, философии 118, о международном положении 294). Примеры, приводимые Кирсановой, служили отчетливыми сигналами того, как социальные технологии устаревали, не сопровождаясь научным и политическим осмыслением усложнявшейся палитры транскультурных взаимосвязей и обновлявшихся способов этноидентификации в структурном разнообразии послевоенного социума. Так продолжалось преследование созданного еще в 1917 г. культурно-просветительного общества «Саха-Омук»²⁵⁹ и пережившего закрытие, переименование и др. Якутские товарищи, сообщала она, боялись допустить оплошность и замалчивали «неверное поведение русских».

Типичным для большинства национальных республик был описанный факт: старшая пионервожатая дворца пионеров, русская по национальности и выросшая в Якутии, не знала национального языка, поскольку «никто не внушил, что надо учить». В пионерском хоре были 60 русских детей и 6 якутов. «Очень часто наблюдается презрительное отношение со стороны русских к якутам. “Ну, ты, якутская морда”», – такие эпитеты, увы, не были редкостью. Даже в столовой обкома партии подавальщица (с черными ногтями, по последней моде причесана – живописала Кирсанова), с раздражением выключила радио, когда звучал якутский язык, а якутский товарищ тут же поблагодарил проверяющую за сделанное в ее адрес замечание. Социально-бытовая начинка национализма становилась почти повседневной приметой, отравляя взаимоотношения людей. Студентки финансово-экономического техникума на практике в Намском районе сделали вывод, что 99% якутов больны туберкулезом («даже не представляешь, что за народность – самая гадкая из гадких – якуты, больше им звания не придумать»)²⁶⁰.

Послевоенная реальность не давала поводов для самоуспокоенности, а потому идеологическая и пропагандистская работа в национальных регионах оставалась одной из активно контролируемых сфер партийного руководства²⁶¹. В республиках Средней Азии, в частности, фиксировались типичные проблемы дефицита кадров, обязанных вести эту работу, приверженность официально отвергнутым традиционным культурным и религиозным практикам, недостаточное материально-техническое оснащение учреждений образования и культуры и пр. Литература Узбекистана, к примеру, несмотря на отдельные успехи, имела невысокий идейно-художественный уровень и отставала «от запросов современной советской жизни. Еще нет полноценных художественных произведений о советском Узбекистане», докладывал замечатель начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.М. Еголин в 1947 г. Продолжалось «чрезмерное» увлечение далеким прошлым, идеализировались «феодално-ханские отношения», зато борьба народных масс против угнетателей не изображалась. Восхваление послед-

²⁵⁹ См. подробнее: Антонова Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха омук» (1920–1928 гг.). Дисс. ... к.и.н. Якутск, 1993.

²⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 507. Л. 239–248, 303. В 1948 г. секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову была представлена обширная докладная записка секретаря Якутского обкома партии по пропаганде П. Корякина «О работе отдела пропаганды и агитации Якутского обкома ВКП(б) за 1947 г.» // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 55–66, 864–869.

²⁶¹ См.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 960–1005.

него хорезмшаха Джелаледдина в пьесе М. Шейхзаде²⁶², которая ставилась в театрах республики, как и в официальной периодике, школьных хрестоматиях по литературе, не укладывалось в рамки официального курса. Предыдущие решения Москвы по поводу идеологической работы не выполнялись, а просветительские и революционно-демократические традиции национальной литературы были забыты. «Узбекская литература страдает национальной замкнутостью. Только единичные произведения раскрывают жизнь и быт Узбекистана в связи с жизнью всего советского народа», – указывалось далее, – более того, «советские люди изображаются примитивно в национальных произведениях». Недоставало и изданий русских классиков и советских писателей на узбекском языке. Из 130 пьес, идущих во всех театрах республики, только 6 посвящались современности, к тому же 4 из них были сняты как безыдейные и художественно слабые. В целом преобладали музыкальные жанры: из 36 республиканских и областных театров 34 музыкальные. Это означало, что искусство здесь застыло «в рамках национального фольклора», тогда как балетная школа была закрыта, а в открытом в 1945 г. театральном институте узбекское отделение не было укомплектовано полностью. Одна из главных причин, как всегда, усматривалась в ослаблении партийного влияния. Это подтверждалось плохим состоянием дел в научных институтах истории, языка и литературы, ошибками в переводах произведений классиков марксизма-ленинизма, неграмотностью большого числа партийцев на местах и быстрым ростом их вовлеченности в религиозные обряды. Впрочем, и отсутствие отопления и света в культпросветучреждениях не добавляло успешности делу. Даже кино во многих областях оставалось за пределами досуга сельского населения²⁶³.

Пережитки в сознании и в быту, «известное отставание в развитии культуры и искусства по сравнению с соседними союзными республиками» фиксировалось осенью 1947 г. в Таджикистане. Здесь без разрешения властей работали не менее 63 мечетей, а ишаны снабжались выращенными для них на колхозных полях овощами, коммунисты исполняли мусульманские обряды столь же ревностно, что и рядовые граждане, женщины даже в Ленинабаде (ныне Худжанд) редко ходили без паранджи. Председатели сельсоветов, как и религиозные лидеры, входили в число привилегированной части местных общин, что позволяло им создавать большие личные хозяйства и эксплуатировать труд рядовых сельчан для их обслуживания. В республике 5 350 коммунистов были малограмотными и неграмотными, в т. ч. 3 079 не учились, и даже среди руководителей было немало не знавших о текущих международных событиях, зато, например, в Горно-Бадахшанской области радиостанция принимала передачи из Афганистана. К тому же, «крайне неудовлетворительно» пропагандировалась «идея дружбы народов», переход с латиницы на кириллицу на практике не произошел, скорее

²⁶² Узбекский писатель азербайджанского происхождения М. Шейхзаде (1908–1967) написал драму «Джалаледдин Мангуберди» в 1941 г. В 1952 г. был обвинен в распространении контрреволюционных идей и объявлен руководителем подпольной организации, осужден на 25 лет, реабилитирован в середине 1950 х гг.

²⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 507. Л. 168–176. См. также: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 172–176.

всего, из-за недостатка средств, даже областные газеты выходили с перебоями²⁶⁴. Судя по всему, ситуация в среднеазиатских республиках не подтверждает вывод Д. Бранденбергера о том, что борьба с идеализацией прошлого в эпоху ждановщины «пагубно сказалась на развитии национальной культуры и самосознания нерусских народов»²⁶⁵. Вертикаль партийного контроля была не столь прочной и прямой, а этнокультурные архетипы демонстрировали не только живучесть, инерционную силу, но и умение пластично адаптироваться и реализоваться как один из латентных уровней неравномерно модернизирующейся реальности.

Еще более очевидно это на примере Закарпатской области. Здесь в 1947 г. коммунисты, учителя и священники нередко выступали лидерами антиколхозных акций, а молодежь, в т. ч. комсомольцы, была вовлечена в националистические организации. Нарушения законодательства, взятки, отказ в выдаче пособий многодетным и одиноким матерям, игнорирование интересов румынского и венгерского меньшинств характеризовали повседневную жизнь районов. В Грузии местные партработники на совещаниях препятствовали переводу выступлений на русский язык, во всех учебных заведениях с 1 сентября 1947 г. исключался русский язык, на котором обучались не только русские, но и армянские учащиеся. «Ведь это вопрос большой политической важности, а как все эти мероприятия – все огрузинить – отражаются на нашей армии, на людях, приезжающих с фронта. С ними шутить нельзя, они при любой опасности потребуются родине», – сообщал аноним в Москву²⁶⁶. При этом практически повсеместно, независимо от национальности, людей более всего беспокоили самые простые и самые важные вопросы – продовольственное обеспечение, своевременные выплаты, снабжение рабочих столовых, отмена карточной системы, элементарное благоустройство общежитий для рабочих, социальная поддержка семей погибших на войне, колхозное строительство в Прибалтике, поворот бывших союзников в мировой войне против СССР («Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили “союзников”. Надо было бы спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»)²⁶⁷.

В условиях войны, как и после ее окончания, общество приобрело новый героический и трагический опыт межкультурных коммуникаций, пересекающихся этносоциальных общностей, конфликтов и компромисса. Советский народ, как историческая культурно сложная реальность, приобрел осязаемые черты и получил международное признание не только благодаря официальной риторике и специальному проекту Москвы, но и во многом вследствие сложного взаимодействия социальных технологий, адаптивных кросскультурных практик, множества подвижных, разноуровневых групповых и индивидуальных модерностей, которые обретались в рамках советского национального проекта.

²⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 507. Л. 254–260. См. также: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 50–54.

²⁶⁵ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 232.

²⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 507. Л. 263–269; Д. 508. Л. 1–2; Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 621–626.

²⁶⁷ Там же. Д. 518. Л. 12, 1–25.

Глава 3

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ» ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР: НАУЧНЫЕ СЮЖЕТЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

§ 1. «Национальные истории в 1920–1940-е гг.:
от антиколониалистского нарратива к концепции «дружбы народов»

Первоначально этнические вопросы казались большевистскому руководству второстепенными по сравнению с классовыми. Таким же было и отношение к истории. А.В. Луначарский заявлял в сентябре 1918 г.: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено»¹.

Но ситуация динамично менялась. Надежды на скорую мировую революцию рухнули, а национальный вопрос никуда не исчез. По наблюдению Т. Мартина, теперь «стратегия большевиков состояла в том, чтобы захватить лидерство над казавшимся теперь неизбежным процессом деколонизации и осуществить его таким образом, чтобы сохранить территориальную целостность старой Российской империи и обеспечить строительство нового централизованного социалистического государства»². Главным врагом было объявлено имперское прошлое русских, маркированное как «великорусский шовинизм». Впрочем, борясь с «великорусским шовинизмом», власти не забывали критиковать и местный национализм³. Национализм рассматривался лидерами партии как «камуфляж» социально-экономических конфликтов, поэтому борьба с ним неизбежно приобретала классовый оттенок⁴.

Разработка истории народов СССР была объявлена советской властью одной из центральных задач советских историков. Партия, руководившая многонациональной страной, где межэтнические отношения в условиях радикальных социальных преобразований 1920–40-х гг. приобретали особую остроту, требовала создания таких текстов, которые отвечали бы быстро меняющемуся идеологическому контексту и способствовали межэтнической консолидации.

¹ Цит. по: Вдовин А.И. Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 52; см. также: Хоскинз Дж. Правители и жертвы: Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 90.

² Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 88.

³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 19.

⁴ Мартин Т. Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма. С. 90–91; Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России. С. 269.

Под «национальной историей» подразумевается система представлений о роли того или иного народа в истории, его взаимоотношений с соседними этносами и государственными образованиями, влиянии на мировую культуру, этнические традиции и т. д. Помимо «национальных историй» в историографии можно встретить схожие по смысловой нагрузке понятия: «национальные нарративы» и «республиканские нарративы». Значение истории для этнического самосознания предопределило особую роль «национальных историй» в национальной политике. Не был исключением и Советский Союз.

На процесс создания «национальных историй» в СССР влияло множество факторов. Помимо колебаний идеологии и волн репрессий (особенно во второй половине 1930-х гг., когда целые авторские коллективы обобщающих историй республик были репрессированы), огромное значение играл внешнеполитический фактор. Х. Йылмаз показал, что в исторической политике советского государства следует учитывать не только глобальную мировую ситуацию (противостояние с капиталистическими странами, приход к власти нацистов и т. д.), но и влияние региональных игроков – Польши, Ирана, Турции, которые выдвигали, или потенциально могли выдвинуть, претензии на территории республик СССР⁵. Также необходимо учитывать соперничество самих советских республик за историческое прошлое как важный символический ресурс и фактор легитимации. Особенно это было заметно в Средней Азии, где територизация и запутанная этническая картина привели к многочисленным конфликтам среди местных элит и активному использованию исторических аргументов в спорах.

Создание новых и корректировка старых национальных нарративов являлась элементом конструирования новых этнических идентичностей, направленных на интеграцию народов и национальных элит в советское государство. Тем не менее процесс не превратился в слепое следование директивам центральной власти. При исследовании необходимо учитывать интересы целого ряда игроков: центральной власти, республиканских властей, стремящихся получить собственную политическую выгоду, профессиональных историков и филологов. Важно подчеркнуть, что написание национальных историй следует рассматривать в региональном контексте, в условиях конкуренции советских республик, выражавшейся в том числе и в местных «боях за историю». Таким образом, прослеживалось несколько уровней конструирования национального прошлого народов СССР: общесоюзный (идеология, школьные учебники и обобщающие труды по истории СССР), республиканский (официальные обобщающие истории) и региональный (споры об истории в региональном контексте).

И последнее. Процесс создания «национальных» историй народов СССР традиционно описывается как телеологическое движение к унифицированному историческому нарративу, подстраивающемуся под актуальные идеологемы⁶.

⁵ Yilmaz H. *National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin*. London and New York: Routledge, 2015.

⁶ Наиболее ярко такой подход нашел воплощение в классической монографии американского советолога А. Тиллет: *Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel-Hill, 1969.

Наиболее ярко такой подход был воплощен в классической монографии американского советолога Л. Тиллет, вышедшей еще в 1968 г. и до сих пор остающейся самым полным описанием и анализом проблемы. Этот взгляд не позволяет посмотреть на процесс как на сложное движение с альтернативами и кризисами. Между тем, написание «национальных» историй можно рассматривать как череду серьезных идеологических кризисов, приводивших к радикальному переосмотру уже сформировавшихся подходов и переписыванию подготовленных и даже опубликованных историй советских республик.

§ 2. Советская историческая политика в 1920-1930-е гг. и «национальные истории»

В 1920-е гг. описание истории нерусских народов строилось по незатейливой схеме: национальная политика Российской империи – априорное зло, а любые выступления «националов» против царского режима – борьба с колониализмом, которую необходимо оценивать исключительно положительно. Более того, в 20-е гг. в СССР проводилась особая национальная политика, предполагавшая модернизацию, коренизацию, борьбу с «великорусским шовинизмом» и одновременно «буржуазным национализмом». Она включала определенный набор механизмов: коренизацию кадров, создание местных национальных советов, переход на латинскую графику алфавитов и т. д.⁷. Такая политика способствовала формированию местных версий национальных историй. Все они создавались с акцентом на борьбу с «великорусским шовинизмом», интенсивное развитие местной национальной культуры, языка, борьбу с традиционализмом и т. д.

Активным проводником борьбы с «великорусским шовинизмом» в исторической науке являлся лидер советских историков М.Н. Покровский⁸. На Всесоюзном совещании историков-марксистов 1929 г. он отчитал одного грузинского историка за «мягкость тонов характеристики аннексии Грузии Россией»⁹. 1920-е гг. ознаменовались активными поисками новых форм школьного образования, построенных во многом на отрицании традиций дореволюционной школы. Стандартным учебникам в этой системе места почти не было. Тем не менее роль «указующего» издания в 20-е гг. выполняла книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (первое издание вышло в 1920 г. и было одобрено В.И. Лениным), утвержденная в качестве учебника для средней школы.

Покровский предложил ярко выраженный классовый нарратив, в котором доминировали вопросы развития экономики, классовая и революционная борьба, а национальным сюжетам почти не находилось места. Показательна его оценка т.

⁷ Подробнее: Кадис Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 148–184; Мартин Т. Империя «по-положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁸ Анализ его взглядов на историю народов СССР см.: Tillet L. The Greater Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. Pp. 26–31.

⁹ Историк-марксист. 1929. № 11. С. 245.

н. «варяжского вопроса»: «... То, что первые новгородские и киевские князья ... были шведы по происхождению (что несомненно), совсем неважно. Гораздо важнее то, что эти шведы были рабовладельцами и работоторговцами ... »¹⁰.

Впрочем, внешнеполитический фактор вносил свои коррективы. Так, использование Украинской ССР как витрины для украинского населения Польши, способствовало тому, что советская власть привлекла на свою сторону известного украинского историка-националиста М.С. Грушевского, который в 1924 г. вернулся в Советский Союз из эмиграции. Он должен был стать символом того, что в СССР украинская нация добилась всего, за что боролась еще при царском режиме. В 1929 г. М.С. Грушевский становится академиком АН СССР¹¹.

Большое значение в исторической пропаганде сыграло массовое школьное образование. Советская власть, проведя успешную кампанию борьбы с неграмотностью и сделав школьное образование всеобщим, создало все необходимые предпосылки и механизмы для насаждения нужного массового образа прошлого.

Начавшийся в начале 1930-х гг. идеологический поворот, обусловленный смещением акцентов с мировой пролетарской революции к «построению социализма в отдельно взятой стране» и конструированию советского патриотизма, выдвинул историю на передний идеологический край. По наблюдениям Р.Г. Суни, большевики достаточно быстро поняли необходимость создания «нового грандиозного исторического нарратива»¹².

С принятием Конституции 1936 г. СССР, оставаясь формально союзным договорным, юридически фактическим стал унитарным государством¹³. История также должна была послужить делу централизации и унификации. В декабре 1935 г. была инициирована идеологическая кампания «дружбы народов». Отличительной чертой новой идеологемы стало подчеркивание сплочения народов СССР вокруг русского народа, который теперь объявлялся не потенциальным носителем «великорусского шовинизма», а «первым среди равных». Следует учитывать, что усиление «русского компонента» в советской идеологии проходило постепенно и нарастало с каждым годом. В этом контексте акцент на негативной роли дореволюционной России в истории нерусских народов уже выглядел все менее неактуальным. В то же время в многонациональной стране нельзя было остановиться исключительно на русоцентрической версии прошлого, постоянно подчеркивалось, что история СССР – это история его многочисленных народов.

Первоначально реабилитировалась классическая русская литература, ставшая объектом критики со стороны радикальных модернистов и футуристов 1920-х гг. Д. Бранденбергер отмечает: «Легче было реабилитировать русский язык, чем русскую историю или русскую мысль»¹⁴. Сыграло здесь свою роль и

¹⁰ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 5-е изд. М., 1929. С. 21.

¹¹ Михальченко С.И. Грушевский Михаил Сергеевич // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 416–417.

¹² Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 27.

¹³ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. С. 215.

¹⁴ Бранденбергер Д.А. Восприятие русоцентристской идеологии накануне Великой Отечественной войны (1936–1941 гг.). С. 33–60.

отношение большевистской элиты к истории России. Если русскую литературу они считали мировой гордостью, то прошлое своей страны не вызвало у них таких же эмоций. Поэтому становление новой версии национальной(ых) истории(й) СССР и было таким сложным и извилистым.

Реабилитация русской истории шла постепенно, противоречиво и острожно. Официальная идеология, с одной стороны, подчеркивала классовый фактор как важнейший в определении роли исторических фигур и явлений, с другой – произошла своеобразная реабилитация этноса как исторического явления¹⁵. Складывающаяся идеологическая система была более гибкой, нежели в предыдущие годы, но в то же время менее поддающейся ясным и однозначным трактовкам. Например, было не до конца ясно, какие события и личности могут влиться в советский исторический канон, а какие нет, где заканчивается классовая борьба и начинается патриотизм.

Интересно отметить, что в ключевом для сталинской исторической политики тексте – «Истории ВКП(б). Краткий курс» национальный вопрос практически обходится молчанием. По мнению Д. Бранденбергера, «... с точки зрения Сталина, наиболее важным было создать доступный для понимания нарратив, укрепить авторитет ЦК ВКП(б) и избежать новых проблем, связанных с написанием истории регионов и республик»¹⁶. Таким образом, «Краткий курс» фактически выпадал из корпуса актуальных текстов, направлявших историков, писавших национальные истории. Впрочем, читатель мог обнаружить в «Кратком курсе» следующий пассаж: «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально “инородцами”, воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье. В национальных областях все или почти все государственные должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, правительство стремилось задуть всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного “обрусения” нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»¹⁷. Итак, в «Кратком курсе» можно было обнаружить вполне антиколониалистский пафос. Очень быстро его придется корректировать, хотя сам текст «Курса» останется неизменным.

¹⁵ Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 30.

¹⁶ Бранденбергер Д. Сталинский ответ на национальный вопрос: загадочное молчание «Краткого курса истории ВКП(б)» о национальной политике после 1938 г. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI Международной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 542–543.

¹⁷ История Всесоюзной коммунистической партии (большевики): Краткий курс. М., 1997. С. 6.

§ 3. Школьные учебники по истории
как инструмент утверждения «советского патриотизма»

Кроме утверждения классового подхода в 1920-е гг. произошло постепенное изменение самого исторического «каркаса», на который должны были нанизываться исторические факты и их интерпретация. Если раньше писалась «русская история» или «история России», то теперь требовалось создать «историю народов СССР». Эти изменения стали очевидны к концу 1920-х – началу 30-х гг. Вероятно, это можно связать с общей тенденцией к консолидации народов СССР в рамках «построения социализма в отдельно взятой стране» и «великого перелома». Создание общей истории должно было укрепить советскую идентичность и лояльность к правящему режиму. В политическом отчете от 27 июня 1930 г. ЦК XVI съезду партии Сталин объявил о необходимости «дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком...»¹⁸ Таким образом, развитие национальных культур должно было способствовать формированию общей культуры. Пусть, согласно отчету, это должно было произойти в результате мировой революции, но было ясно, что в условиях «построения социализма в отдельно взятой стране» данный процесс также должен был протекать.

На объединенном заседании исторических кафедр Академии имени Крупской, прошедшем 25 ноября 1931 г., один из ведущих историков-марксистов Н.Н. Ванаг объявил, что «... для нас, историков народов СССР, национальный вопрос является самой актуальной и наиболее сложной задачей»¹⁹.

Работу над новыми учебниками курировал нарком просвещения А.С. Бубнов. Контролирующие органы неоднократно указывали на излишне схематичный с содержательной точки зрения курс истории, преподававшийся в рамках общественно-научного познания²⁰. Постановление от 25 августа 1932 г. ЦК ВКП(б) акцентировало внимание на необходимости усиления национального компонента в курсе по истории²¹. В марте 1933 г. начала работу специальная комиссия по созданию новых учебников при Наркомпросе РСФСР. Первоначально планировалось утвердить в качестве учебника «Русскую историю в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского²², но наследие лидера советских историков 1920-х гг. явно не вписалось в новые идеологические тенденции.

¹⁸ Цит. по: Вдовин А.И. Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 50–51.

¹⁹ Цит. по: Юрганов А.А. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 72.

²⁰ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII – XX в.) / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2015. С. 470–471.

²¹ Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе // Историю – в школу: создание первых советских учебников / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 17.

²² Дубровский А.М. Указ. соч. С. 176.

20 марта 1934 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором И.В. Сталин подверг критике имевшиеся учебники по истории. Он требовал, чтобы школьные пособия были насыщены конкретными фактами, а не абстрактными схемами. Согласно дневниковым записям историка С.А. Пионтковского, присутствовавшего на заседании, Сталин среди прочих необходимых курсов называл курс «история СССР». Нарком просвещения А.С. Бубнов переспросил: «... может быть, не СССР, а история народов России». Но Сталин отчетливо аргументировал, что необходима именно история СССР: «Сталин говорит – нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собиранию он приступил и сейчас»²³. Можно ли говорить о том, что данной фразой Сталин постулировал создание истории русоцентричного (предполагающего рассмотрение прошлого через призму истории русского народа) исторического нарратива? Скорее всего, нет. Учитывая заявления Сталина на XVI съезде о слиянии культур в будущем в единую социалистическую с общим языком (очевидно, что русским), уместнее скорее говорить о русских и русском языке как каркасе для народов СССР. Поэтому Сталин говорит об истории СССР, а не истории народов России, то есть стремится подчеркнуть их единство и опасается распада нарратива на ряд национальных историй.

К маю 1934 г. были сформированы авторские коллективы и по сути началась работа. 16 мая появилось постановление Совнаркома СССР о преподавании гражданской истории в школах СССР²⁴. Учебник по истории СССР должен был написать авторский коллектив во главе с Н.Н. Ванагом (в него входили также А.М. Панкратова, С.И. Пионтковский и Б.Д. Греков)²⁵. В нем во многом сохранялась концепция колониализма в объяснении присоединения нерусских народов. Часто термин колониализм дополнялся указанием на восстания против колониального гнета. Более того, в проспекте можно было обнаружить такие формулировки, как «покорение и истребление сибирских народов», «истребление башкир»²⁶. Действия русских войск в ходе Кавказской войны обозначались как «карательные походы»²⁷. Подчеркивались тяжелые условия развития колоний, куда записывались и Украина, и Польша.

Несмотря на включение в конспект учебника материалов, связанных с историей народов СССР, Сталин оказался неудовлетворен его содержанием, написав две резолюции: «1) Нет истории народов. 2) Учебник д[олжен] б[ыть] смертным приговором царизму как поработителю народов»²⁸. Показательно, что именно история народов волновала их «вождя». В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР», датированных 8 августа 1934 г., грозно говорилось:

²³ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. А.А. Литвин. Казань, 2009. С. 507.

²⁴ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 217

²⁵ Протокольное решение Политбюро (XVII созыв) ЦК ВКП(б) «О составлении учебников по истории средней школы». 29 марта 1934 г. // И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 187.

²⁶ Конспект учебника по истории СССР: Н. Ванаг, Б. Греков, А. Панкратова, С. Пионтковский // Историю – в школу: создание первых советских учебников. С. 85.

²⁷ Там же. С. 88.

²⁸ Резолюция и замечания И.В. Сталину к «Краткому конспекту учебника «История СССР». Между 7 июля и 8 августа // И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 194; Дубровский А.М. Указ. соч. С. 236.

«Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северо-кавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов – татары, башкиры, мордва, чувашаи и т. д.)»²⁹. В следующем абзаце уточнялась концептуальное направление интерпретации истории народов: «В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками («царизм – тюрьма народов»)»³⁰. По наблюдениям А.М. Дубровского, «официальное понимание прошлого нерусских народов России оставалось пока традиционным, оно повторяло содержание советской науки 1920-х гг... Вместе с тем в известной пропагандистской формуле большевиков «Россия – тюрьма народов» первое слово было заменено другим – словом «царизм»... Большевицкие вожди реабилитировали Россию, лишая ее позорящего ярлыка»³¹.

Итак, конкурс учебников, по сути, начался заново. Помимо группы Н.Н. Ванага в борьбу включилась московская группа в составе И.И. Минца, М.В. Нечкиной, Е.А. Мороховца, В.Е. и Б.Е. Сыроечковских, а также ленинградская группа, в которую входили З.Б. Лозинский, В.Н. Бернадский, А.И. Фельдман, И.В. Гиттис, Т.С. Карпова³².

Подготовленные учебники так никогда и не опубликовались, поскольку были признаны неудовлетворительными. Во многом они не отражали перехода от антиколониальной модели описания истории к идеологии «дружбы народов». Например, в тексте московской группы читатели могли найти колоритное описание зверств русских колонизаторов: «Мирно спят местные жители в своей юрте у пылающего костра, но внезапно настораживаются собаки, поднимается лай. На юрту налетает русский вооруженный отряд. В ужасе просыпаются спящие при первом звуке русского голоса. Начинается бой. Русские убивают сопротивляющихся, силой захватывают меха, захватывают пленников. Даже детей связывают и увозят с собой, чтобы продать в рабство. Юрты поджигают. Только пепел и уголь остаются на месте бывшего жилья, да отчаянно воют собаки. Слезами и кровью местных народов отмечен каждый шаг русских захватчиков»³³.

Ввиду срыва подготовки учебников было принято решение провести открытый конкурс, который завершился к июлю 1936 г.³⁴ Необходимо отметить, что общая идеологическая атмосфера в стране к этому времени претерпела заметные изменения.

²⁹ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // К изучению истории. Сборник. М., 1947. С. 21.

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 238.

³² Там же. С. 262.

³³ Мincu И.И., Мороховец Е.А., Нечкина М.В., Сыроечковский Б.Е., Сыроечковский В.Е. Элементарный курс истории СССР для начальной школы. Ч. I. М., 1935 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 3. Ед.хр. 217; Ч. II. // Там же. Ед.хр. 218. (далее ссылки даются на страницы макетов). С. 8.

³⁴ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 274.

В «Извещении о конкурсе по составлению элементарного учебника истории СССР» проблеме презентации народов СССР было уделено особое внимание. Рекомендовалось во «Введении» кратко описать главнейшие народы «на их теперешней, социалистической, жизненной основе». Авторы должны были показать «картину многочисленных равноправных наций», даже тех, которые не войдут в основной текст учебника. Это должно было продемонстрировать, что даже малые народы имеют такие же права, как и большие. Далее следовала довольно противоречивая, на первый взгляд, рекомендация: «История народов СССР берется в органической связи с процессом роста России как государства, процессом, который есть процесс порабощения этих народов»³⁵. Таким образом, попытка вписать историю народов в историю России должна была идти параллельно с акцентированием угнетения нерусских народов. Данный концепт в значительной мере отражает промежуточную идеологическую ситуацию, когда Россия уже рассматривается не только как «тюрьма народов», но и как их собирательница.

Жюри в составе И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова в оценке национальной политики России продолжало подчеркивать «аннексионно-колониаторскую роль русского царизма, вкуче с русской буржуазией и помещиками (“царизм – тюрьма народов”)³⁶. Октябрьская революция признавалась событием, которое освободило народы от национального гнета. Указывалась необходимость создания такого учебника, где «история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР»³⁷. Но появились и важнейшие изменения. В историко-идеологический дискурс ввели формулу «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России Украины и Грузии было меньшим злом, чем если бы они оказались в составе Польши или Турции³⁸. Поскольку формула «наименьшего зла» в постановлении касалась только Украины и Грузии, то у историков возникло своеобразное пространство для маневра. Не совсем ясно было, а можно ли ее применять к истории других народов. Это предполагало известную свободу научного творчества и дискуссионность проблем присоединения нерусских народов к России.

Официально конкурс завершился 20 июля 1936 г. Результаты планировалось объявить в декабре того же года. В осенние и зимние месяцы шел процесс обсуждения и корректировки содержания рукописей³⁹. Фаворитом оказался учебник, подготовленный авторским коллективом под руководством А.В. Шестакова. 22 августа 1937 г. были объявлены результаты конкурса. Первую премию не присудили никому, вторую было решено отдать учебнику под редакцией А.В. Шестакова.

Известно, что рукопись учебника редактировалась И.В. Сталиным. Подробно

³⁵ Извещение о конкурсе по составлению элементарного учебника истории СССР // *Историю – в школу: создание первых советских учебников*. С. 179.

³⁶ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // *К изучению истории*. М., 1946. С. 21.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // *К изучению истории*. М., 1946. С. 37.

³⁹ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 274–293.

его правки проанализированы А.М. Дубровским. В первую очередь бросается в глаза тот факт, что Сталин стремился занизить количество народов СССР. Так, редактируя введение, он изменил упомянутую там цифру в 102 народов на «до 50». По мнению А.М. Дубровского, это было связано с желанием представить население страны более однородным в национальном масштабе перед лицом внешней угрозы⁴⁰. Здесь следует уточнить, что данный факт отражал общую тенденцию по унификации советского общества, в том числе и его национального состава. Так, в 1932 г. были введены паспорта, включавшие в том числе и графу национальность. Под «национальностью» понималась этническая группа, имевшая собственную национальную территорию или собственную письменность с алфавитом⁴¹. В докладе о проекте новой конституции в 1936 г. Сталин утверждал, что в СССР живут около 60 национальностей⁴², а перед переписью 1937 г. была дана установка на присоединение малых народов к крупным «национальностям»⁴³. Таким образом, уменьшение числа народов в учебнике отражало скорее не внешнеполитические, а внутренние реалии.

По мнению А.М. Дубровского, Сталин при работе над текстом учебника стремился немного смягчить разоблачительный по отношению к «колониальной» политике России пафос. Так, меньше выпячивался народный характер движения Шамиля, уточнялось, что завоевателем являлась не просто Россия, а «царская Россия» и т. д.⁴⁴

Учебник А.В. Шестакова отразил постепенный переход от политики «борьбы с великорусским шовинизмом» к идеологии «дружбы народов». Переходной характер опубликованного текста заключался в стремлении смягчить (во многом усилиями И.В. Сталина) разоблачительный антиколониальный пафос, характерный для предыдущего времени. Вышедшая книга была объявлена «победой на историческом фронте», эталоном для последующих изданий⁴⁵. Но советская идеология и национальная политика стремительно менялись. Через некоторое время усилится пропаганда единства народов во главе с «великим русским народом», и даже смягченный вариант исторического нарратива, построенного на идеологии борьбы с «великорусским шовинизмом», уже не будет удовлетворять. Великая Отечественная война окончательно закрепит эту тенденцию, а школьные учебники станут элементом конструирования не только «полезного прошлого», но и «новой исторической общности» – советского народа.

Появление учебника А.В. Шестакова не решило проблему комплектаций учебной литературой старших классов. Эту задачу должен был решить авторский коллектив под руководством А.М. Панкратовой. В него вошли известные историки С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич, а также методист А.В. Фохт. Ориен-

⁴⁰ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 282.

⁴¹ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010. С. 246.

⁴² Там же. С. 238.

⁴³ Там же. С. 244–249.

⁴⁴ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 287–288.

⁴⁵ Большая победа на историческом фронте // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 6–12.

тиром для авторов стали указания конкурсной комиссии и уже одобренный текст учебника А.В. Шестакова. Несмотря на это, оставалось огромное количество вопросов, которые им предстояло решить, причем одним из ключевых оставался вопрос об истории народов СССР. Поэтому авторский коллектив старался провести широкое обсуждение готовящегося учебника. Одно из таких обсуждений прошло в Институте истории АН СССР 4 декабря 1937 г.

От имени авторского коллектива выступила А.М. Панкратова. Причем именно трудности, связанные с включением в текст учебника истории народов СССР, вышли на первый план. «Недостатки» в освещении национальных историй, имевшиеся в прошлом, списывались на счет «школы Покровского», которая обвинялась в «великодержавных тенденциях»⁴⁶. Теперь нужно было «собрать» многочисленные народы в один нарратив. С этим возникли трудности. Панкратова указала, что перед авторами было два варианта сведения национальных историй. Первый – описание их истории по отдельности и в хронологической последовательности. Но тогда истории народов не превращались бы в единую историю. Поэтому за основу был взят хронологический подход, в котором народы объединялись в разделы, охватывающие широкие формационные и временные рамки (например, «Наша страна в древнейшее время»). Такой ракурс подачи материала должен был подводить к мысли, что нахождение многочисленных народов в составе СССР является закономерностью: «Этот вопрос мы должны и можем ставить только таким образом, что народы, объединенные Великой Октябрьской социалистической революцией и братский союз равноправных свободных народов, не представляет какой-то случайности»⁴⁷. Поскольку все народы СССР упомянуть в учебнике не представлялось возможным, то материал решили излагать «в известной группировке народов»: «Мы предполагаем осветить такие группы народов на разных этапах их исторического развития: народы Кавказа и Закавказья, народы Средней Азии, народы Поволжья, народы Сибири, народы Севера, народы Прибалтики, народы Крыма, Украины и Белоруссии»⁴⁸. При этом народы нужно показывать не как объект, а в качестве исторического субъекта. Это предполагало отказ от изображения общей истории как одностороннего процесса присоединения и завоевания народов к России.

Авторы решили не давать более или менее подробную историю отдельных народов последовательно в каждую эпоху (например, давать отдельные параграфы о народах Поволжья в 1860-е гг., затем в 1870–80-е гг. и т. д.), а стремились продемонстрировать общие тенденции развития, пусть это и приводило к пробелам в освещении прошлого конкретных народов. У такого решения был серьезный политический подтекст: «... Здесь мы можем очень легко сбиться как раз на ту позицию, что превратим историю нашей страны в историю многих ис-

⁴⁶ Стенограмма доклада А.М. Панкратовой «О схеме учебника по истории СССР для средней школы» и его обсуждения на заседании сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР, 4 декабря 1937 г. // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 242.

⁴⁷ Там же. С. 246.

⁴⁸ Там же. С. 247.

торий, что мы вместо политического единства создадим политическое многообразие и дадим тем самым фашистским историкам, которые упрекают нас в том, что СССР – не страна, нет такой страны, что СССР есть только географическое понятие, – мы дадим им некоторый повод обвинить нас в том, что мы только географическое понятие»⁴⁹. Итак, в написании учебников можно обнаружить и отчетливый внешнеполитический вектор. Рост напряженности в Европе, в связи с приходом в Германии к власти нацистов и гражданской войной в Испании, требовал укрепления внутреннего единства народов СССР, чему и должен был способствовать будущий учебник.

Одновременно авторы должны были наполнить материал классовым содержанием и заклеить национальную политику царского времени. А.М. Панкратова подчеркивала, что, следуя за указаниями партии, русский царизм показывается как «тюрьма народов»⁵⁰. Впрочем, теперь авторы, по сравнению с их предшественниками, старались осторожнее использовать термин «колонии», и выступавшая Панкратова призвала участников обсуждения высказать свои соображения по поводу того, в каком случае уместно говорить о колониях, а когда нет. В этой связи особенно беспокоили японские историки. Панкратова заявила, что «сейчас Япония, японские историки выдвигают такого рода теорию, что Сибирь – это не русский край. Сибирь – это завоеванный русскими край, а, по существу, это край, где жили такие народы, как эвенки и тунгусы, в значительной мере происхождения монголо-китайского, ближе к Японии, чем к России»⁵¹. Возникал важный вопрос: «Должны ли мы показать Сибирь просто, как колонию, или же подчеркнуть ее особенность, как освоенной русскими переселенцами русской земли»⁵². Схожие проблемы возникали и в отношении Украины и Грузии, в случае которых надо было следовать формуле «меньшего зла» и подчеркивать «добровольность этого присоединения». По мнению А.М. Панкратовой, решить возникшую проблему можно исходя из уровня развития производительных сил народа, присоединенного к России. Низкая ступень развития позволяла говорить о прогрессивности (чем ниже – тем прогрессивнее). Но «материалисты-диалектики», призывала докладчица, не должны забывать и о реакционных последствиях завоеваний царизма⁵³, поскольку отказ от демонстрации национального гнета в Российской империи ставил под сомнение необходимость Октябрьской революции для освобождения народов⁵⁴. Историки, принявшие участие в обсуждении конспекта будущего учебника, поддержали подход авторского коллектива.

В 1940 г. наконец вышел учебник «История СССР» для старших классов. В VII классе изучалась история СССР с древнейших времен и до конца XVII в. В

⁴⁹ Стенограмма доклада А.М. Панкратовой «О схеме учебника по истории СССР для средней школы» и его обсуждения на заседании сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР, 4 декабря 1937 г. // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 247.

⁵⁰ Там же. С. 250.

⁵¹ Там же. С. 252.

⁵² Там же. С. 252.

⁵³ Там же. С. 253, 259.

⁵⁴ Там же. С. 254.

VIII классе проходили XVIII–XIX вв., а IX посвящался истории советского периода. В издании был реализован принцип построения нарратива, основанного на концепции общей исторической судьбы и классовой солидарности народов.

§ 4. Формирование новой модели написания «национальных историй» в 1940 – начале 50-х гг.

В годы Великой Отечественной войны история стала мощным орудием пропаганды. Образы прошлого были актуализированы в массовом сознании через различные каналы передачи информации – публичные лекции и беседы, политзанятия, школьные учебники, фильмы, радиопередачи, книги и брошюры. Особую роль сыграли во время войны политработники, среди которых было немало профессиональных историков и других призванных в армию гуманитариев. Они активно использовали исторические знания в пропагандистской работе на фронте и в тылу. Такая пропаганда оказалась действенной не только для поднятия боевого духа солдат, патриотизма, формирования непримиримого отношения к врагу, но и для стимулирования интереса граждан к своей истории в целом, что пробуждало в них стремление найти в прошлом ответы на насущные вопросы современности. Советское общество военных лет прониклось интересом к прошлому и пониманием важности труда историка. Уже в ходе войны люди начинали осознавать ее исключительное историческое значение.

Начавшаяся Великая Отечественная война многократно усилила апелляцию к героическому прошлому, идею преемственности прошлого и настоящего. Тенденция к «историзации» идеологии стала еще более отчетливой. Тон задавали первые лица страны. 7 ноября 1941 г. И.В. Сталин, обращаясь к красноармейцам, призывал: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁵⁵ Во время Великой Отечественной войны были учреждены высокие воинские награды – ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. Эти полководцы сформировали своеобразный новый пантеон исторических героев страны. В литературе и патриотических речах военных лет Великую Отечественную войну сравнивали с Отечественной войной 1812 года, многие сражения – с Невской битвой или борьбой с немецкой оккупацией Украины в 1918 г.⁵⁶ Например, в 1942–1943 гг., несмотря на выпячивание героических событий русского прошлого, украинская патриотическая пропаганда не была свернута, а, наоборот, усилилась⁵⁷. Следует отметить, что советская пропаганда, в противовес немецкой, всячески подчеркивала всемирное значение славянских народов и их культуры.

⁵⁵ Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Правда. 1941. 8 ноября.

⁵⁶ Синицын Ф.А. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. Пермь, 2009. С. 33.

⁵⁷ Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 59.

Едва ли не самой растражированной фигурой казахской истории становится хан Кенесары Касымов, чье антирусское восстание было объявлено ярким проявлением боевых традиций казахов. С его именем казахские солдаты шли в атаку⁵⁸. В условиях военного времени под руководством А.М. Панкратовой было написано и первое крупное издание по национальной истории – «История Казахской ССР» (1943), в авторский коллектив которой входили известные столичные специалисты, находившиеся в эвакуации, а также местные историки. В ходе реализации этого проекта ярко проявилась неопределенность существовавшего идеологического канона. Перед авторами встал вопрос о целесообразности применения в данном случае формулы «меньшее зло». После продолжительных дебатов было решено от нее отказаться⁵⁹. Казахские антицаристские движения оценивались как прогрессивные.

Вышедшая в 1943 г. книга вызвала скандал. Г.Ф. Александров, начальник Агитпропа ЦК, назвал ее «антирусской». Он требовал более русоцентричного подхода. В то же время А.А. Жданов занял вполне лояльную позицию к точке зрения авторов «Истории Казахской ССР»⁶⁰. Это свидетельствует, что даже в верхушке идеологов не было единства. Но очевидно, что власти беспокоили издания, которые не только не служили делу скрепления «дружбы народов», а наоборот, потенциально, могли ее разрушить.

Для прояснения позиции историков, в том числе и по вопросам национальных историй, было созвано совещание в ЦК ВКП(б), прошедшее весной-летом 1944 г. Там стало ясно, что позиции остаются полярными: одни призывали (С.К. Бушуев, А.И. Яковлев) поставить в центр исторических нарративов русские национальные интересы, другие (А.М. Панкратова) – остаться на позициях классового подхода, где важнее классовая позиция, а не национальное происхождение. Группа историков во главе с И.И. Минцем призвала придерживаться золотой середины. Позиция главных идеологов также не была четкой, поэтому в данном случае совещание можно рассматривать как своеобразный (но с односторонними выводами) диалог, целью которого являлась дальнейшая оптимизация исторической политики.

Для прощупывания почвы на совещание пригласили совершенно неизвестного в научных кругах Х.Г. Аджемяна, призвавшего рассматривать антицаристские движения как подтачивавшие мощь русского государства, в котором он видел едва ли не главную ценность в истории. Такая позиция была чересчур радикальным разрывом с классовым подходом. Но, несмотря на протесты научно-исторического сообщества, Аджемян еще неоднократно появлялся на различных совещаниях, эпатируя публику своими заявлениями⁶¹.

⁵⁸ Бекмаханова Н.Е. Историки М.П. Вяткин и Е.Б. Бекмаханов // М.П. Вяткин. Страницы жизни и работы: (К 110-летию со дня рождения). 2-е изд. СПб., 2006. С. 59.

⁵⁹ Научный архив Института российской истории РАН. (Далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 10–13.

⁶⁰ Бранденбергер Д.А. Указ. соч. С. 155.

⁶¹ Тихонов В.В. Как «маленькие люди» делали большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический ежегодник за 2011–2012 гг. М., 2013.

По итогам совещания были осуждены все крайние точки зрения, а историкам фактически рекомендовалось пользоваться формулой «меньшее зло» в конструировании национальных историй. Проблема в том, что решения так и не были обнародованы, власть, по сути, не смогла четко сформулировать новые требования. Важно отметить, что главный вдохновитель проекта, А.М. Панкратова, не спешила сдаваться. Она стремилась отстоять книгу, доказывая, что на деле авторы придерживались теории «меньшего зла»⁶².

Совещание стало во многом поворотным событием в процессе создания новой концепции национальных историй народов СССР. На нем идеологи увидели основные противоречия, группировки и отчетливее могли сформулировать стратегию дальнейших действий. В 1944–1945 гг. были обнародованы два важнейших идеологических документа – «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»⁶³ и «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации»⁶⁴. Касательно Татарской партийной организации говорилось: «ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идеее), обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период советской власти ...»⁶⁵

В таком же ключе звучало и второе постановление: «... Отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР, были допущены в освещении исторического прошлого башкирского народа серьезные идеологические ошибки. В подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях» не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир. В пьесе «Кахым-Туря» извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские войны ... Считать важной задачей научных работников и писателей Башкирии создание произведений, правдиво отображающих историю башкирского народа, его лучшие национальные тра-

⁶² Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 211. Оп. 2. Д. 5. Л. 79–79 об.

⁶³ Впервые опубликован: Пропагандист. 1944. № 15–16. С. 19–22.

⁶⁴ Впервые опубликован: Пропагандист. 1945. № 3–4. С. 16–18.

⁶⁵ О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации // Пропагандист. 1944. № 15–16. С. 21.

диции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных работодателей, достижения башкирского народа за годы советской власти ... »⁶⁶

Еще более определенно задал идеологические координаты Г.Ф. Александров в статье, вышедшей в этом же году в журнале «Большевик». Упомянув ошибки в написании национальных историй, он подчеркнул: «В работах по истории отдельных народов СССР при всестороннем, исторически верном изложении материала необходимо выяснять, что объединяло народы многонациональной России в их борьбе с внешними и внутренними врагами ... Наши историки нередко описывают только то, что разъединяло народы ... Но история народов России есть история преодоления этой вражды и постепенное их сплочение во круг русского народа»⁶⁷.

Демонстрация братства народов, причем во главе с русским, являлось актуальной задачей историков. Ясно, что антироссийские движения становились «неудобным» материалом, который не рекомендовалось выпячивать. Публикация новых директивных материалов радикально изменила идеологический ландшафт советской исторической науки. Теперь историки оказались в более определенных концептуальных рамках, чем это было ранее.

Итак, критика «Истории Казахской ССР» стала ключевым событием нового кризиса «национальных» историй, наблюдаемого в середине – второй половине 1940-х гг. В этой ситуации казахская история выступила в роли своеобразного полигона, на котором происходил поиск нового формата написания «национальных» историй.

Все явственнее очерчивались контуры кампании борьбы против «буржуазных националистов в изучении национальных историй». Так, в июле 1946 г. в газете «Культура и жизнь» появилась статья, в которой украинских историков критиковали за приверженность «буржуазно-националистическим взглядам» М.С. Грушевского⁶⁸. Публикация имела далеко идущие последствия: на следующий год вышло постановление ЦК КП(б)У «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Украины Академии наук УССР», в которой украинские историки обвинялись в извращениях буржуазно-националистического характера⁶⁹.

1950 год стал логическим завершением непрекращающихся дискуссий и идеологических постановлений. В этот год Сталинской премии скандально была лишена книга «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.» азербайджанца Г. Гусейнова. Причиной стала идеализация движения Шамиля, которое было названо народным и прогрессивным. Справедливости ради, стоит заметить, что этого движения автор коснулся вскользь, а сам сюжет был для него явно периферийным. Тем не менее событие

⁶⁶ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 480–482.

⁶⁷ Александров Г. О некоторых задачах общественных наук в современных условиях // Большевик. 1945. № 14. С. 17.

⁶⁸ Ковалев С. Исправить ошибки в освещении некоторых вопросов истории Украины // Культура и жизнь. 1946. 20 июля.

⁶⁹ Подробнее см.: Сидорова Л. А. «Краткий курс истории Украины» в контексте советской исторической науки конца 1940-х гг. // Былые годы. 2012. № 2. С. 48–53.

стало крайне важным для всей исторической науки. Если ранее в интерпретации национальных историй еще были недомолвки и неясности, то теперь все было поставлено на свои места. Стало окончательно ясно, что историки должны показывать только те исторические события, которые объединяли бы народы, а антирусские восстания и движения, в независимости от их содержания, признавались реакционными. Сделано это было при помощи нехитрого трюка: социальной базой всех движений объявлялись реакционные, феодальные элементы, мешающие объединению братских народов.

Как гром среди ясного неба для историков стала публикация статьи Д.М. Багирова с новой оценкой движения Шамиля. Теперь признавалось реакционным и полностью управляемым из Англии и Турции. Таким образом, Шамиль из героя превращался в иностранного агента⁷⁰. Итак, в самом начале 1950-х гг. произошёл новый «кризис» уже сложившейся модели написания «национальных историй». Так, во второй половине 40-х гг. из пантеона советских исторических героев были «исключены» две важные фигуры – Кенесары Касымов и Шамиль. Они противоречили новым реалиям, в которых негативно оценивались «антирусские» национальные движения.

В послевоенное время был окончательно сформулирован канон написания национальных историй. Он включал следующие компоненты: 1. Демонстрация глубоких исторических связей с другими народами СССР и особенно со славянами (читай – русскими); 2. Благотворное влияние славянских народов на культуру и материальное производство соседей; 3. Татаро-монгольское нашествие расценивалось как общая героическая и трагическая страница истории; 4. Формула «меньшего зла» в оценке присоединения к Русскому государству становилась фактически универсальной; 5. Тщательно фиксировалось участие представителей народов в антифеодальных восстаниях, особенно общерусских (Болотников, Разин, Пугачев); 6. Акцентировалось участие разных народов в войне 1812 года; 7. Подчеркивалось благотворное влияние передовой русской демократической культуры; 8. Прослеживалось развитие классового самосознания благодаря появлению социал-демократических (желательно большевистских) подпольных организаций. Нетрудно заметить, что в основу общесоветского канона исторического нарратива был положен симбиоз материалистического, патриотического и русоцентрического взгляда на историю народов и республик СССР. Именно по этому шаблону были написаны многочисленные истории союзных и автономных республик.

Важным элементом «национальных историй» являлось формирование устойчивого героического пантеона. Он был как общесоюзный, куда входили вожди народных восстаний (Разин, Пугачев, Богдан Хмельницкий и др.), некоторые князья и цари (Александр Невский, Иван Грозный, Петр I) полководцы (Суворов, Кутузов) и деятели культуры (в первую очередь Пушкин, Шота Ру-

⁷⁰ Багиров Д.М. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21–37.

ставели и др.), так и национально-республиканский (одобренные герои народов СССР). Например, Амангельды Иманов (Казахстан), Кастусь Калиновский (Белоруссия) и др.

В то же время на страницах исторических трудов можно было наблюдать настоящую политическую борьбу, «опрокинутую в прошлое», между союзными республиками. Особенно это показательно в отношении советской Средней Азии. Так, руководитель Таджикской ССР, и по совместительству историк, Б.Г. Гафуров всячески превозносил древность «таджикской» культуры, и недвусмысленно указывал, что приход тюркских кочевников (предков узбеков), находившихся на низком уровне развития, стал настоящей катастрофой для всего региона. Таким образом, намекалось, что именно таджики являются главным народом Средней Азии⁷¹. Труды Гафурова, разумеется, регулярно вызывали возмущение узбекских руководителей. В свою очередь Гафуров жаловался в ЦК на сочинения историка А.А. Семенова и поддерживавшего его С.П. Толстова, поскольку А.А. Семенов, как казалось Гафурову, подчеркивал «преимущество тюркских элементов и тюркской культуры в истории среднеазиатских народов»⁷². В официальной исторической концепции, декларируемой столичными историками, прошлое таджиков и узбеков было тесно переплетено.

Советская историческая политика 1920–40-х гг. отличалась ситуационными решениями. В то же время она, как и национальная политика и идеология, преследовала цель формирования если не единого, то тесно и крепко связанного национального пространства. В этом смысле исторические нарративы должны были играть интегрирующую функцию. Но одновременно проводившаяся политика, направленная на развитие национального и исторического самосознания, культивацию исторических героев и славного прошлого, имевшего всемирно-историческое значение, – породила такое явление как «протонационализм» (термин Э. Хобсбаума), актуализировавшегося уже в 1970–80 гг. и переросшего в полноценную националистическую политику на постсоветском пространстве.

§ 5. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР

Сталинская премия (премия имени Сталина) была учреждена в конце 1939 г. к 60-летию Иосифа Виссарионовича и стала высшей советской наградой в области науки и искусства⁷³. Научные работы, удостоившиеся ее, должны были направлять развитие советской научной мысли. Не надо забывать и то, что

⁷¹ См.: Тихонов В.В. Конструирование истории советского Таджикистана: Б.Г. Гафуров и его «История таджикского народа» (1949 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. V Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых. Сб. ст. М., 2018. С. 249–259.

⁷² Письмо секретаря ЦК КП(б) Таджикистана Б.Г. Гафурова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову об ошибках в освещении исторического прошлого народов Средней Азии. 14 июня 1947 г. // Советская национальная политика: идеология и практика. 1945–1953. М., 2013. Док. № 31. С. 177–180.

⁷³ О регламенте присуждения премии см.: Максимова О.С. Из истории о дипломе, удостоверении и Почетном знаке лауреата Сталинской премии // <http://www.rgandd-samara.ru/activity/articles/4909> (дата обращения 04.10.2014)

присуждение премии имело большое идеологическое значение и носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, образовывали достаточно отчетливую идеологическую линию. Об этом свидетельствуют и воспоминания К.М. Симонова: «Анализируя книги, которые он [Сталин – В.Т.] в разные годы поддержал, вижу существовавшую у него концепцию современного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: “Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?” И всякий раз – и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи»⁷⁴. Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научно-историческим трудам ее можно отнести в полной мере.

Книги-лауреаты превращались в своеобразные ориентиры для остальных в реализации генеральной идеологической линии, поэтому значение премии в историографическом процессе трудно переоценить. Тем не менее в научной литературе до сих пор отсутствуют специальные исследования, посвященные изучению роли Сталинской премии в формировании концептуального облика советской исторической науки. В данной статье анализируются книги-лауреаты, которые являлись трансляторами идеологии «дружбы народов».

Одной из центральных проблем, на решение которой был нацелен их пропагандистский потенциал, являлся национальный вопрос. В многоэтнической стране он приобретал особую остроту. В 1920-х гг. в советской национальной политике отчетливо прослеживалась линия борьбы с «великорусским шовинизмом», а также предоставление этническим сообществам максимально возможной национально-культурной автономии⁷⁵. Повороты внутренней и внешней политики конца 1920-х – начала 1930-х годов потребовали концептуального перевооружения. На смену борьбе с «великорусским шовинизмом» пришла идеология «дружбы народов», составной частью которой стало признание того, что русские – первые среди равных народов СССР⁷⁶.

Советское руководство прекрасно понимало особое значение истории в национал-строительстве. Прошлое слишком часто становится камнем преткновения в этнических отношениях, поэтому историческая политика должна была быть направлена на формирование идеологии единства советских народов. Исходя из всего вышесказанного, книгами-лауреатами, помимо или в комбинации с другими причинами, становились те, что способствовали конструированию общей истории народов СССР. Поощрялись труды, показывающие единство народов СССР в историческом ракурсе. Авторы, находившие культурные и экономические связи между различными регионами Советского Союза, тем самым показывали не-

⁷⁴ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 179–180.

⁷⁵ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁷⁶ См.: Tillet L. The Greater Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; Бранденбергер Д.А. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. Глава. 2–3; Кадью Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 148–184 и др.

избежное и исторически закономерное объединение их в единое государство.

В 1946 г. Б.Б. Пиотровский получил вторую премию за монографию «История и культура Урарту» (Ереван, 1944). Внимание к Урарту в то время было чрезвычайно высоким. Еще в школьном учебнике под редакцией А.В. Шестакова писалось, что племена Урарту – это предки грузин. История СССР теперь начиналась не с Киевской Руси, а с Урарту, что значительно удревняло историю всего Союза и ставило его в ряд исторически ведущих и древнейших регионов мира. В подготовке учебника принимал участие сам Сталин, а изучение его библиотеки показало, что он испытывал особый интерес к истории древнего государства⁷⁷.

В монографии Б.Б. Пиотровского было сильно влияние яфетической теории Н.Я. Марра, учеником которого он являлся. Урарту показывалось автором как сильное, высококультурное государство, являвшееся реальным соперником могущественной Ассирийской империи. Проводилась мысль об огромном влиянии культурного наследия Урарту на народы Кавказа. В то же время автор подчеркивал, что «... нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками»⁷⁸. С одной стороны, автор подчеркивал общие исторические корни кавказских народов, и тем самым реализовывал идеологему «дружбы народов». Но с другой, он явно шел против течения, поскольку не признавал прямой связи Урарту и грузин, на чем настаивали многие влиятельные грузинские историки. По его воспоминаниям, на одной довоенной конференции академик Грузинской академии наук С.Н. Джанашия требовал у Пиотровского признать прямую родственную связь Урарту именно с грузинами⁷⁹. Несмотря на это, идеологов привлекала именно возможность при помощи работ Б.Б. Пиотровского доказать древность культуры народов СССР, их заметную роль в мировой истории.

Возможно, причиной могло стать и следующее. Исследования библиотеки Сталина показали, что он внимательно и с интересом читал учебник по истории Грузии с древнейших времен до начала XIX в., вышедший на грузинском языке в 1943 г. Эта книга при ее переиздании в 1946 г. получила Сталинскую премию второй степени. В частности, в учебнике утверждалось, что государство Урарту было основано хетто-субарскими племенами, которые назывались прямыми предками грузин⁸⁰. «Великому грузину» могло льстить, что предки его народа являлись основателями великого древнего государства, а мысль Пиотровского (который сам не решался напрямую связать ни один ныне существующий кавказский народ с Урарту) о том, что наследие Урарту стало фундаментом кавказской культуры – подогревать его национальное честолюбие. В конце жизни, несмотря на все дифирамбы в сторону «великого русского народа», Джугашвили не потерял интереса к родине⁸¹. По наблюдениям историка Б.С. Илизарова,

⁷⁷ Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012. С. 370–371.

⁷⁸ Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 338.

⁷⁹ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 156.

⁸⁰ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историсофии сталинизма. 4-е изд. М., 2012. С. 231.

⁸¹ Там же. С. 220.

Сталин вполне мог наказать историка. В библиотеке диктатора сохранился сборник, в котором была помещена статья Пиотровского об Урарту. На полях книги Сталин оставил многочисленные гневные пометки, но итоговый вывод о том, что армяне и грузины – наследники Урарту его, видимо, удовлетворил⁸².

В 1949 г. первую премию присудили С.П. Толстову за труд «Древний Хорезм» (1948). Работа являлась итогом многолетней деятельности Хорезмской экспедиции. Рукопись книги была защищена С.П. Толстовым в качестве докторской диссертации в 1942 г., затем доработана и вышла отдельным изданием. Монография могла получить премию еще в 1948 г.: Комитет предлагал наградить книгу первой премией, но Молотов поставил резолюцию: «На 1949 г.». Правда, тот же Молотов компенсировал свое решение в следующем году. Комиссия предлагала присудить вторую премию, но он настоял на первой⁸³.

В самом начале книги автор показывает себя последовательным сторонником концепции В.В. Струве о рабовладельческом характере древневосточного общества: «Автор настоящей работы вынужден был убедиться, что существовавшая в литературе трактовка социально-экономического строя домусульманского периода, как сложившегося феодального строя – не верна и в сущности ни на чем не основана. Напротив, письменные источники с несомненностью сигнализировали наличие многих черт, свойственных рабовладельческому строю»⁸⁴. С его точки зрения, и древний Хорезм – это рабовладельческое общество. Соблюдая чистоту формационной теории в том виде, в котором она была одобрена властью, историк продолжил свои рассуждения тем, что стремился показать политическое и военное могущество Хорезма, называя его «плацдармом борьбы за независимость среднеазиатских народов»⁸⁵.

Но очевидно, особенно членам комиссии пришлось по вкусу рассуждения Толстова о единой исторической судьбе древнего среднеазиатского государства (ставшего историческим фундаментом для среднеазиатских народов и государств) и остальных частей СССР. «Так приобретает контуры древняя история нашей родины. Она выступает пред нами не как совокупность изолированных, спонтанных местных процессов, лишь случайными стихийными связями воздействовавших друг на друга, а как единый процесс, находивший свое выражение в образовании единой, могучей системы скифо-массагетских, позднее – эллинистических государств, управлявшихся ветвями одной династии сиявшидов... Боспор и Иберия, Армения и Парфия, Кангха-Хорезм и Индоскифская империя великих кушанов – вот тот консолидировавшийся к началу нашей эры политический каркас, вокруг которого шла группировка далеких и близких племен Великой Скифии, во многом подготовившая процессы консолидации огромной территории нашей страны в средние века»⁸⁶, – писал автор.

⁸² Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. С. 372–377.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 463. Л. 190.

⁸⁴ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 7.

⁸⁵ Там же. С. 342.

⁸⁶ Там же. С. 342.

Блестящее развитие среднеазиатских государств было прервано нашествием монголов. И в этом автор находит единую историческую судьбу народов Советского Союза: «Эта катастрофа, пронесшаяся и над другими странами нашей родины, одновременно со Средней Азией переживавшими полосу хозяйственного, политического и культурного подъема, – над Владимиро-Суздальской Русью, над Болгарами, над цветущей Грузией Тамары, снова роднит эти страны, связывая их общей судьбой, единой героической миссией спасения европейской цивилизации от монгольского варварства»⁸⁷.

Заканчивалась книга в духе утверждения политики «дружбы народов», где русские – первые среди равных народов СССР: «Русский народ, возглавивший победоносную борьбу народов России против феодально-капиталистического и национального гнета ... сторицей отплатил исторический долг народов Европы перед народами Востока, которым народы Европы столь многим обязаны в развитии своей культуры...»⁸⁸

Конечно же, достоинствами исследования были не только идеологически верные пассажи. В современной исторической науке книга признается классической, хотя многое в ней и не выдержало проверку временем⁸⁹. Тем не менее очевидно, что грамотно расставленные автором идеологические акценты пришлись жюри по душе.

В схожем ключе был написан труд археолога С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 9. М.-Л., 1949). Первоначально Комитет рекомендовал присудить первую премию, но Молотов настоял на второй⁹⁰. Ключевой мыслью автора была уже неоднократно описанная концепция культурно-исторического единства регионов СССР, что предопределило их объединение в одно государство. «Уже при изучении бронзовых культур Южной Сибири обнаружили значительные черты сходства, сближающие их с культурами бронзового века других частей СССР – Прибайкалья, Западной Сибири, Средней Азии, Урала, Кавказа и Причерноморья, Украины и Волго-Окского междуречья»⁹¹, – писал С.В. Киселев.

Но сталинский лауреат не смог почить на лаврах. В 1950 г., на следующий год, состоялась широкомасштабная кампания против марризма⁹². Киселев, как и очень многие советские археологи, писал свои работы под сильным влиянием теорий Н.Я. Марра. Отчетливо это прослеживалось и в книге «Древняя история Южной Сибири». На заседаниях, посвященных разоблачению марристов, на Киселева неоднократно обрушивались с критикой⁹³.

Поэтому при переиздании монографии автор внес множество поправок. Во

⁸⁷ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 344.

⁸⁸ Там же. С. 345.

⁸⁹ Неразлик Е.Е. Сергей Павлович Толстов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 471–474.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 465. Л. 36–37.

⁹¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. № 9. М.-Л., 1949. С. 360.

⁹² Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд. 2004; Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012; Polock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006. Pp. 104–135 и др.

⁹³ См.: Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // <http://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/> (дата обращения – 06.06.2013).

введении к новому изданию Киселев прямо писал, что переработанное переиздание вызвано необходимостью рассмотреть книгу в свете работ Сталина по вопросам языкознания. Далее автор всячески пытался уверить читателей, что никогда собственно марристом он не был, а сама книга изначально была написана вразрез с теориями Марра, он только вынужден был использовать марристский понятийный аппарат.

Идеологической новацией был отказ от термина «варварские государства» (который, как казалось, умаляет их развитие по отношению к «цивилизованным» странам) применительно к древнетюркскому и кыргызскому государствам. Добиваясь еще большего эффекта синхронизации истории народов СССР, он утверждал: «Вместе с тем выяснилось большое сходство во внутреннем состоянии и направлении социально-экономического развития древних государств Южной Сибири и Центральной Азии с тем состоянием и направлением развития, которыми И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров характеризовали дофеодальный период в истории Руси и ряда других народов. Эти народы развивались в обстановке, слагавшейся после крушения крупнейших центров рабовладельческого строя – Рима и Восточно-Римской империи и миновали рабовладельческий строй»⁹⁴. Итак, вкупе с монографией Б.Д. Грекова «Киевская Русь» книга Киселева должна была выполнять функцию утверждения феодальной концепции применительно к истории народов СССР.

Совершенно, на первый взгляд, нелогичным выглядело запоздалое, в 1950 г., присуждение премии книге Я.Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII веке», вышедшей на русском языке в Риге еще в 1946 г. Напомним, что награды вручали, как правило, за работы, законченные или опубликованные в предыдущем году. Столь запоздалое признание объясняется следующим. Первоначально на премию выдвигались сразу две книги автора, уже упомянутый «Остзейский вопрос» и «Очерки по историографии Латвии. Часть I, Прибалтийско-немецкая историография», которая вышла в 1949 г., то есть была совсем свежей. Но при принятии итогового решения монографию по историографии почему-то решили убрать⁹⁵. Очевидно, что идеологические соображения при присуждении премии имели определяющее значение и отмеченная выше формальная нелогичность факта присуждения вполне объяснима.

Немного биографии автора. Ян Яковлевич Зутис (1893–1962), латыш по происхождению, сделал карьеру в Советской России. Сразу после войны он был назначен в Латвийский университет, очевидно, что его миссия заключалась в советизации местной исторической науки. В 1950 г. в советской науке произошло, помимо языковедческой дискуссии, еще одно знаменательное событие. Настоящей сенсацией стало решение об ошибочном присуждении премии азербайджанцу Г. Гусейнову за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в.», награжденной в марте 1950 г. Официальной

⁹⁴ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М., 1951. С. 4.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 465. Л. 39.

причиной стало то, что в книге неправильно, как прогрессивное, трактуется движение Шамиля. Критика лидера антироссийского движения горцев, чей культ процветал на Северном Кавказе в советское время, была обусловлена тем, что его фигура противоречила насаждаемому мифу о вековой дружбе народов, вошедших в СССР⁹⁶. В контексте данного поворота в исторической политике тенденции, связанные с обоснованием исторических связей народов СССР друг с другом (особенно с русскими), только усилились.

В самом начале своей монографии Я.Я. Зутис без раскачки бросается в бой против буржуазных историков Латвии. Он упрекает их в том, что «буржуазно-националистическая историография в поисках национальной самобытности сознательно игнорировала вековые связи народов Прибалтики с русским народом...»⁹⁷ Автор обвинял своих предшественников в потакании германофильской трактовке местной истории и разыгрывании антирусской карты: «Мужественная и самоотверженная борьба [против немецких феодалов] младолатышей и младоэстов в прошлом столетии была объявлена политической ошибкой главным образом потому, что в борьбе с пережитками крепостничества и другими привилегиями немецких баронов они ориентировались на русскую общественность и на русских народ...»⁹⁸ Этой историографии автор противопоставил подход, по которому история Прибалтики рассматривалась в контексте истории народов СССР.

В вопросе о т. н. остзейских привилегиях (то есть особых правах местного немецкого по происхождению рыцарства и местной автономии) Зутис видел самое большое зло прибалтийской истории. Только после перехода края под власть России начались улучшения в жизни местного крестьянства: «Сравнения показывают, что латышские и эстонские крепостные крестьяне только выиграли, оказавшись под властью сильного правительства... В результате перехода Прибалтики под власть России создались условия, благоприятные для сохранения длительного мира для латышских и эстонских народов, территории которых в продолжение многих веков являлись ареной кровопролитных войн между соседними державами»⁹⁹.

Автор акцентировано указывал на прогрессивность русской политики в Прибалтике. Как он доказывал, в XVIII в. были заложены основы экономической интеграции региона с остальными частями Российской империи. В этой связи автономию Прибалтийских губерний и привилегии местного дворянства он называет «анахронизмом» и приветствует их отмену¹⁰⁰.

Антинемецкий пафос книги очевиден. Красной нитью проходит мысль об исторической связи Прибалтики, ее передовых общественных деятелей и России. Подчеркивается экономическая интегрированность региона в общий рынок Российской империи, что служит недвусмысленным намеком на будущее орга-

⁹⁶ Tillett L. The Greate Frienship. Pp. 130–147.

⁹⁷ Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 3.

⁹⁸ Там же. С. 4.

⁹⁹ Там же. С. 627–630.

¹⁰⁰ Там же. С. 631.

ничное вхождение Прибалтийских республик в экономическую систему СССР. Таким образом, книга выполняла функцию «советизации» прибалтийской исторической науки. Не случайно, что ее автор в 1953 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1951 г. вторую премию присудили А.П. Потапову, зам. директора ИЭМН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, за научный труд «Очерки по истории алтайцев» (Новосибирск, 1948). Это историко-этнографическое исследование должно было свидетельствовать об успешности советской (сталинской) национальной политики: «Ленинско-сталинская национальная политика вывела алтайцев из состояния нищеты, невежества и бесправия на путь социалистического переустройства жизни»¹⁰¹. Историческое развитие алтайского народа было представлено Потаповым в рамках формационной теории.

Автор указывал на то, что алтайские племена являлись активными участниками складывания «широко распространенной древней цивилизации кочевников, получившей название скифо-сарматской»¹⁰². Тем самым проводилась мысль об историческом фундаменте единства территории Советского Союза. Подчеркивалось понижение жизненного уровня алтайцев в годы их пребывания в составе монгольской империи, что объяснялось разорительной политикой ханов¹⁰³. Иначе оценивается вхождение в состав России. И хотя признавался колониальный гнет, тем не менее акцентировалось, что «только вхождение алтайцев в состав русского государства было для них исторически перспективным событием, выходом из того исключительно тяжелого положения, в котором они оказались в результате многовекового господства монголов»¹⁰⁴. Таким образом, это было явление прогрессивное. Исследователь специально показывал примеры положительного влияния русской администрации и колонистов на алтайцев, и при этом указывал на то, что и русские кое-чему научились у местных жителей. Отделяя «великий русский народ» от классов чуждой царской администрации, Потапов писал, утверждая на историческом материале идеологему «дружбы народов»: «Таким образом, можно утверждать, что не насильственная русификация алтайцев, а свободное общение их с русским народом принесло им значительные успехи в культурном развитии»¹⁰⁵.

Потапов проводил мысль о развитии самосознания трудящихся-алтайцев, которые видели угнетателей не только в царской администрации, но и в богатых соплеменников. По его мнению, в начале XX в. в среде алтайцев росло классовое сознание.

Заключительная глава была посвящена алтайцам в советскую эпоху. Подчеркивались экономические, социальные и культурные достижения. «В этом проявилась исключительная жизнеспособность и плодотворность советского

¹⁰¹ Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 3.

¹⁰² Там же. С. 94.

¹⁰³ Там же. С. 130.

¹⁰⁴ Там же. С. 187.

¹⁰⁵ Там же. С. 442.

государственного строя в применении даже к таким племенам и народам, которые еще недавно находились на ранних ступенях общественного развития»¹⁰⁶.

Возможно, что помимо концепции «национального оптимизма» в СССР в присуждении премии сыграло и то, что в книге Потапова нет (во всяком случае, явных) марристских концепций. В годы разгрома учения Марра это должно было сыграть роль: необходимо было поощрить ученого, предложившего «марксистское», немарристское этно-историческое исследование. Второе издание увидело свет в 1953 г. Во введении автор подчеркивал, что новые «выдающиеся» труды Сталина, позволили уточнить многие положения.

Еще одну тему, проходящую красной нитью через многие исследования-лауреаты, стоит выделить отдельно. Речь идет о татаро-монгольском нашествии и его роли в истории народов СССР. Выше было описано, как в целом ряде книг нашествие рассматривалось не просто как рубежная черта в истории Евразии, но и как пример не имевшей прецедента в мировой истории катастрофы, сплотившей будущие регионы страны Советов. Мужественное сопротивление нашествию всячески подчеркивалось, показывались катастрофические последствия. Аналогии в современности долго искать не приходится. Очевидно, что нашествие монголов рассматривалось как прообраз нашествия нацистов, а его последствия должны были показать то, что ждало бы СССР в случае победы Германии. На контрасте победившего Советского Союза и поработенной Руси демонстрировались и достижения нового социально-политического строя. Важно отметить, что здесь были использованы образы еще имперской пропаганды времен Первой мировой войны, когда немцев называли «Чингисханом с телеграфом». Нашествием монголов оправдывалось и отставание России от передовых стран Западной Европы. Любили повторять и упрек к неблагодарности Европы по отношению к России, спасшей ее от монгольского кошмара.

Наглядно эта концепция была продемонстрирована в совместной книге Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (вторая премия в 1952 г.). Книгу предваряли эпиграфы из А.С. Пушкина: «России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока...» и «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Таким образом, с первых страниц утверждалось две вещи: разрушительные последствия татаро-монгольского нашествия для Руси и ее миссия спасительницы Европы. Очевидно, что предложенный образ напрямую отсылал к недавней войне, где Советский Союз принял главный удар Германии, а «неблагодарная Европа» (читай – Запад) быстро это забыла.

Золотая Орда представлена авторами как паразитирующее государственное образование, существующее только благодаря насилию. Но она не смогла сло-

¹⁰⁶ Потапов А.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 504.

мать прогрессивного развития русских княжеств. «Более того, Русь находила в себе силы не только обороняться от татар, но и наносить Золотой Орде удары, которые подрывали ее военную мощь. В этом прогрессивном развитии России в XIV–XV вв., в росте ее сельскохозяйственной и городской жизни, в развитии ремесел и политического сознания, в росте ее духовных творческих сил, наконец в любви к родине и независимости, а также в неустанном ее сопротивлении и лежит главная причина падения Золотой Орды»¹⁰⁷. Другим центром борьбы с Золотой Ордой являлось государство Тимура. Здесь авторы отдали дань набравшему силу культивированию среднеазиатского завоевателя, а также концепции исторического единства народов СССР.

Предложенная книга, видимо, привлекла жюри по нескольким причинам: во-первых, концепцией нашествия татаро-монголов как события, прервавшего блестящее развитие Древней Руси, и ставшего главным тормозом в русской истории; во-вторых, коннотациями со сложившейся внешнеполитической ситуацией. Все же с книгой едва не случился скандал. Бдительный Отдел науки и высших ученых заведений Отдела пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), возглавляемый Ю.А. Ждановым, обнаружил в книге серьезные недостатки. Особенно неудовлетворительными были признаны главы, написанные А.Ю. Якубовским. По мнению авторов записки, поданной лично Сталину, «политическая история Золотой орды в книге излагается вне связи с историей борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, затушевывается роль русского народа в спасении Западной Европы от монгольского нашествия. Неправильно освещаются причины распада Золотой орды. Автор утверждает, что Золотая орда пала не в результате поражений, понесенных в борьбе с русскими, а в результате муждуусобной борьбы ханов»¹⁰⁸. Мало внимания авторы уделили и Куликовской битве. После таких обвинений перепуганный Б.Д. Греков попросил снять свою кандидатуру с соискателей премии.

Тем не менее награду книга получила. Видимо, ее идеологические достоинства пересилили недостатки, а вышестоящие арбитры не согласились с мнением сотрудников Отдела. Особый акцент на негативные последствия монгольского нашествия, видимо, был связан и с актуализацией такой трактовки в условиях складывания тесных отношений с Китаем, где в 1949 г. к власти пришла коммунистическая партия. Негативизм в оценке роли монголов в истории – традиционная черта китайского исторического нарратива.

Книги, получившие Сталинскую премию, не только отражали идеологию «дружбы народов», но и являлись ее проводником. Их авторы (в том числе и благодаря присуждению премии) занимали ключевые научные и административные позиции в науке. Книги становились научным источником для обобщающих трудов и школьных учебников. Любопытно отметить, что среди монографий, где проводилась бы идеология «дружбы народов», нельзя найти посвященных советскому периоду. С определенными оговорками сюда можно причислить

¹⁰⁷ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 13.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 207. Л. 9.

только монографию А.П. Потапова. Хотя, казалось бы, именно исследования по истории СССР должны демонстрировать успехи советского национального проекта. Объяснить это можно несколькими причинами. Во-первых, монографий по советской истории публиковалось крайне мало. Это было попросту опасно из-за непредсказуемости идеологических поворотов, и специалисты по советскому периоду предпочитали не рисковать, теряя время в бесконечных обсуждениях статей и разделов коллективных трудов. К тому же самые квалифицированные кадры были сосредоточены в изучении досоветских периодов. Во-вторых, именно древнейшие периоды являются важнейшим элементом исторической мифологии, на которой строится этническое самосознание. Их перекодировка становится обязательным элементом конструирования национальной общности.

Важно подчеркнуть, что в прошлом была найдена и общая трагедия – нашествие монголов. Она становилась не менее важным элементом конструирования единого национального пространства, чем универсальные формационные скрепы или культурные связи. Дело в том, что империя монголов, раскинувшаяся на 2/3 евразийского континента и включавшая всю территорию будущего Советского Союза, невольно становилась консолидирующим пространством, пусть и в формате общей борьбы с захватчиками.

§ 6. Исторические юбилеи и национальная политика в 1920-х – начале 1950-х гг.

Исторические юбилеи традиционно рассматриваются в качестве важнейшего канала утверждения актуального для политиков образа прошлого. Массированная подача идеологических установок при помощи массовых мероприятий, публикаций, СМИ и т. д. делает людей всех социальных страт так или иначе восприимчивыми к массовым юбилейным мероприятиям и заложенным в них смыслом. Советская власть активно пользовалась коммеморациями как для решения конкретных пропагандистских задач, так и для главной цели – формирования нового советского человека¹⁰⁹. В процессе национального строительства исторические юбилеи также играют значительную роль. Их следует рассматривать как действенный инструмент пропаганды образов прошлого, а также как форму идеологической консолидации и практику солидарности.

В 1920–30-е гг. юбилейные торжества в большей степени касались революционной традиции¹¹⁰ и отмечались, как правило, события уже советской истории. Так, для Средней Азии символом революции и антиколониализма стало восстание 1916 г. Восстание заняло одно из центральных мест в советской политике памяти,

¹⁰⁹ Подробнее см.: *Petrone K. Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington and Indianapolis, 2000; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Эннекер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011; Барышева Е.В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: Советский праздник в социальном конструировании нового общества. М., 2020.*

¹¹⁰ См.: *Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.*

поскольку прекрасно вписывалось в идеологию 1920-х гг., привлекаясь как прекрасный материал для того, чтобы клеймить царскую колониальную и антинародную политику. Оно рассматривалось как антиколониальная революция¹¹¹. По наблюдению современной исследовательницы А. Чокобаевой, в 1920-е гг. событие рассматривалось в рамках национального дискурса¹¹². 10-летний юбилей стал поводом для дискуссии в 1926–27 гг. о содержании и значении восстания 1916 г. В 1931 г. Культпроп Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) и Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции (САНИИР) подготовили тезисы к 15-й годовщине событий. Если в 10-летие была организована дискуссия, то теперь уже последовали директивные указания. В них восстание рассматривалось как следствие кризиса империализма, выразившегося в мировой войне, и усилении эксплуатации. Это привело к хозяйственному кризису в Средней Азии (как и в империи в целом), являвшегося частным проявлением кризиса империализма. «Восстание было направлено против империалистической борьбы за хлопок, обрекавшей хлопкороба на вечную кабалу»¹¹³.

Согласно тезисам, восстание носило «национально-освободительный» характер. Категорически отвергалось положение о восстании как бунте «несозначительного и забитого» населения. Эта точка зрения объявлялась «великодержавным шовинизмом». Движущими силами объявлялись дехканские и скотоводческие классы, а также «пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов»¹¹⁴. Вопрос о роли партии большевиков решался следующим образом. Поскольку партия в это время оказалась загнанной в глубокое подполье, то и восстание осталось «без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии»¹¹⁵. Что и стало одной из причин поражения восстания. В то же время авторы тезисов осторожно указывали, что движение постепенно принимало организованные формы. Восстание 1916 г. стремились сделать важным элементом общественного сознания. Фактически оно заменяло в исторической идеологии героику революционной борьбы. Публиковались специальные сборники воспоминаний участников событий.

В 1930-х гг. практика широко отмечать исторические юбилеи только набирала обороты. В 1937 г. на весь Союз отгремел юбилей смерти А.С. Пушкина, который окончательно вошел в советский культурный пантеон¹¹⁶. В 1938 г. Советский Союз отметил 750-летний юбилей Шота Руставели.

В 1939 г. был отмечен 10-летний юбилей образования Таджикской ССР. От-

¹¹¹ Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана. М., 1921; Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114; Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. М.-Ташкент, 1932.

¹¹² Чокаева А. Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек, 2016. С. 57–62.

¹¹³ Восстание 1916 года в Средней Азии: Тезисы культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания // Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. М.-Ташкент, 1932. С. 62.

¹¹⁴ Там же. С. 66.

¹¹⁵ Там же. С. 67.

¹¹⁶ Petrone K. Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington and Indianapolis, 2000 Chapter 5; Платт Дж.Бр. Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб., 2017.

метить его предполагалось масштабными по меркам республики инфраструктурными проектами: строительством библиотеки, стадиона, кинотеатра, больниц и т. д.¹¹⁷ Скромнее было отмечено 20-летие провозглашения декларации об автономии Горской республики (существовала в 1921–1924 гг.). Предполагалось организовать лекции и привлечь печать¹¹⁸.

В послевоенное время завершается «консервативный» поворот советской внутренней политики. На первый план выдвигается идеология «советского патриотизма» (СССР – первое социалистическое государство, которое нужно защищать от внешних и внутренних врагов), «дружбы народов» (русский народ объявлялся «старшим братом» и первым среди равных) и т. д. К истории обращаются в поисках позитивного примера для настоящего¹¹⁹.

Естественным следствием историзации идеологии становится заметный количественный рост исторических юбилеев, самым масштабным из которых стало 800-летие Москвы, затмившее даже 30-летие Октябрьской революции¹²⁰. Юбилеи послевоенного времени стала заметным фактором внутренней политики.

Особую роль юбилеи играли в союзных и автономных республиках. Причем данные юбилеи носили не локальный, направленный «внутрь» и поддерживающий местную идентичность, идеологический вектор, а должны были играть интегрирующую с центром роль. Предпочтение отдавалось юбилеям установления советской власти или «добровольного присоединения» к России.

Проведение юбилея (основание города, республики, «добровольного присоединения к России и т. д.) – это важное политическое и экономическое событие для республик. Местной администрации и партийным структурам это позволяло провести мобилизацию населения, и, главное, при условии успешного проведения мероприятий, засветиться на всесоюзном уровне, что могло способствовать дальнейшему карьерному росту. Местному бюджету это сулило увеличение финансирования для реализации юбилейных торжеств и строительство новых объектов.

Формально, советское законодательство не предполагало проведения юбилеев, связанных с административно-территориальными образованиями. В постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке празднования юбилеев» от 10 апреля 1941 г. разрешалось праздновать юбилеи общественных организаций, выдающихся государственных и общественных деятелей, ученых и т. д. Впрочем, это не мешало проведению целой серии юбилеев образований республик и автономных областей. Причем интенсивность таких мероприятий

¹¹⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по Таджикской ССР в связи с 10-летием со дня образования». 21 октября 1939 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. Док. № 188. С. 483–484.

¹¹⁸ Докладная записка секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н.П. Мазина секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о мероприятиях по празднованию двадцатилетия провозглашения декларации об автономии Горской республики // Там же. Док. № 238. С. 576–577.

¹¹⁹ Подробнее см.: Tillet L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. Главы I, VII; Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017; и др.

¹²⁰ Махнырева А.А. Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.). Рукопись диссертации на соиск... к.и.н. М., 2015. С. 57.

была настолько высока, что в центре начали бить тревогу, поскольку каждый юбилей обходился союзному бюджету недешево.

В 1950 г. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подготовил докладную записку на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова, в которой сообщалось о настоящем вале юбилеев, накрывшем республики. «За последние годы юбилеи республик и автономных областей стали праздноваться через каждые пять лет. Отмечается 5-летие, 10-летие, 15-летие, 20-летие, 25-летие и 30-летие республик и автономных областей. Так, в 1945 г. праздновалось 5-летие прибалтийских республик, в текущем году отмечалось их 10-летие. Азербайджанская ССР отмечала в 1940 г. 20-летие, в 1945 г. – 25-летие, в текущем году будет праздновать 30-летие, Киргизская ССР отмечала в 1941 г. 15-летие, в 1946 г. – 20-летие, Бурят-Монгольская АССР в 1943 г. праздновала 20-летие и в 1948 г. – 25-летие, Казахская ССР в 1940 г. – 20-летие, в 1945 г. и в нынешнем году ЦК КП(б) Казахстана просит разрешить празднование 30-летия республики»¹²¹, – говорилось в документе. Далее указывалось, что в честь юбилеев производятся массовые награждения, которые приводят к обесцениванию государственных наград, а на мероприятия уходят значительные средства.

Смерть Сталина не остановила юбилейную горячку. Наоборот, был проведен один из самых масштабных и известных юбилеев – 300-летие воссоединения Украины с Россией (1654). Стоит отметить, что термин «воссоединение» иногда использовался в текстах историков и ранее¹²². Впрочем, таких было меньшинство, и большая часть советских историков склонялись к термину «присоединение»¹²³. Тем не менее за действующей властью оставалось последнее слово в актуализации именно этого концепта. 9 декабря 1953 г. вышло постановление о праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией. Для подготовки и проведения юбилея был организован специальный комитет. На реализацию намеченной программы были выделены большие средства¹²⁴. Была реализована масштабная издательская программа, включавшая издание документов и специальных книг. В них доказывался тезис о «воссоединении»¹²⁵. Для определения идеологических координат были выпущены специальные тезисы, разъясняющие значение юбилея. По наблюдению С. Екельчика, тезисы зафиксировали уже сложившуюся интерпретацию событий¹²⁶.

После прогремевшего юбилея 300-летия воссоединения Украины с Россией другие республики также попытались воспользоваться ситуацией. Если в отношении Украины была прописана формула «добровольного воссоединения», то

¹²¹ Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК КП(б) Г.М. Маленкову «О праздновании юбилеев союзных и автономных республик и областей» // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 246.

¹²² Санин Г.А. О термине «воссоединение Украины с Россией» // Национальный вопрос в истории России. М., 2015. С. 20–29.

¹²³ Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ: Критика, 2008. С. 168–169.

¹²⁴ Медведева Ю.Н. История празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией // Таврические студии. Серия: Искусствоведение. 2016. № 6 (22). С. 58–63.

¹²⁵ Екельчик С. Op.cit. С. 175–184.

¹²⁶ Ibid. С. 257.

в отношении других республик больше подходила другая риторическая конструкция – «добровольного присоединения». Так, руководитель Кабарды В.И. Бабич сделал запрос в ЦК, прося разрешить в 1954 г. отметить 400-летие со дня добровольного присоединения Кабарды к России. Для подкрепления своей позиции они заручились поддержкой специалистов по истории Кавказа, докторов исторических наук Н.А. Смирнова и С.К. Бушуева. Но в ЦК не торопились и запросили экспертизу Института истории АН СССР. Экспертиза оказалась отрицательной. Было предложено провести юбилей в 1957 г. В.И. Бабич не сразу успокоился и пытался пролоббировать 1955 г. в качестве юбилейной даты, но вскоре вынужден был согласиться¹²⁷.

Юбилей был широко отмечен в 1957 г. Мероприятия прошли по всей республике. В связи с круглой датой вышло множество исторических публикаций¹²⁸. На центральной площади Нальчика появился монумент Марии Темрюковне – «Навеки с Россией», а «добровольное присоединение» окончательно стало частью массового исторического сознания¹²⁹. В том же году произошла реабилитация балкарцев¹³⁰, а республике вернули название Кабардино-Балкарская АССР. Дата – 1557 г. – окончательно закрепились в официальном историческом нарративе как год «добровольного присоединения» к русскому государству.

Данный случай демонстрирует сложный процесс функционирования политики памяти в СССР, которая развивалась не только в интересах союзного центра, но и использовалась местными элитами в собственных интересах. Инициатива в проведении юбилейных торжеств исходила из Кабарды. Для местной элиты юбилей был возможностью засветиться на общесоюзном уровне, что могло для многих стать карьерным трамплином, и получить дополнительное финансирование. Впрочем, хорошо видно, что последнее слово в решении о проведении юбилея оставалось за центральными органами. Для принятия решения о проведении необходимо было заключение профессиональных историков, причем опять-таки предпочтение отдавалось не местным специалистам, а ведущим центральным учреждениям.

¹²⁷ Подробнее см.: Тихонов В.В. История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 107–114.

¹²⁸ См.: Киреева Р.А. Издания к 400-летию присоединения Кабарды к России // История СССР. 1957. № 2. С. 205–206.

¹²⁹ Прасолов Д. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. № (112). С. 67–82.

¹³⁰ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв.ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012. С. 312–313.

Глава 4

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ В 1920–1940-е гг.

§ 1. РККА в 1920–30-е гг.: принципы комплектации и проблема национальных формирований

Армия традиционно является одним из самых значимых и самых заметных общественных институтов, представляющих собой сложную иерархическую организацию, инструмент легитимированного и организованного насилия. Помимо этого, армия выполняет множество других социальных и экономических функций, что делает ее сложноорганизованным явлением, требующим пристального внимания в изучении процесса нациестроительства¹.

В новое время в Европе появляются армии современного типа, построенные на активном применении технологических новинок, четкой организации, предполагающей жесткую субординацию. Одновременно, со времен Французской революции, европейские армии постепенно становятся массовыми, на смену профессиональным военным и наемникам приходит армия граждан. Окончательно феномен массовых армий утверждается в 70-х гг. XIX в. после сокрушительной победы германских войск, построенных на всеобщей мобилизации, над французами. После этого всеобщая воинская повинность становится основной формой комплектования вооруженных сил в Европе.

Исследователи уже неоднократно обращали внимание на роль армии, построенной на всеобщей воинской повинности, в процессе формирования общей национальной идентичности для представителей различных регионов. В своей классической работе «Крестьяне становятся французами» (1976) Е. Вебер на примере французской армии отметил следующие важные следствия появления всеобщей воинской повинности. Во-первых, резкое повышение мобильности населения, особенно мужского. Благодаря призыву молодой мужчина теперь обязательно покидал свою малую родину, что позволяло не только повидать мир, но и выйти за рамки локальной идентичности и осознать себя частью большой страны. Во-вторых, в армии очень много квазирелигиозных церемоний (присяга, поднятие флага и т. д.), которые выполняют объединяющую функцию. Они позволяют солдатам выработать навыки солидарности. В-третьих, массовая армия

¹ На это еще указывал классик конструктивистского подхода Б. Андерсон. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М., 2016. С. 69.

становилась формой презентации всего населения страны, поэтому ее победы и поражения воспринимались как общее достижение или общее горе².

В Российской империи всеобщий воинский призыв появился благодаря реформам Д.А. Милютина. Более того, был упразднен сословный принцип комплектования армии. Тем не менее приходится констатировать, что российская армия комплектовалась преимущественно из православных христиан, народы Кавказа и Средней Азии были освобождены от этой повинности. Исходя из этого, считать дореволюционную армию полноценным «плавильным котлом» не приходится.

Первая мировая война и сопутствующая ей патриотическая пропаганда стали мощными факторами этнической мобилизации³, а армии заняли центральное место в жизни государства и общества. Во многом именно милитаристские практики Великой войны будут определять и развитие межвоенной Европы.

Гражданская война стала не только серьезным испытанием для народов бывшей Российской империи, но и значительно усилила милитаристскую составляющую в их жизни. Впрочем, послевоенная экономическая разруха привела к тому, что молодая советская республика не могла себе позволить большую армию. Начавшаяся демобилизация привела к тому, что достигавшая в 1920 г. 5300 тыс. бойцов Красная армия к концу 1923 г. насчитывала всего 535 тыс. человек⁴. При этом несколько раз в ближайшие годы не проводились призывы.

Если в дореволюционной армии главной причиной дискриминации при призыве были этнические или религиозные соображения, то советская армия строилась по классовому принципу. Предполагалось, что представители эксплуататорских классов служить в ней не могут. Но учитывая, что после XII съезда в стране была развернута масштабная программа по коренизации, национальный вопрос в Красной армии стал играть очень важную роль.

Еще в постановлении «О призыве в ряды Красной армии граждан нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин» (10 мая 1920 г.) указывалось, что призыв «нерусских национальностей» будет проводиться на равных основаниях с остальными гражданами. Построение Советского Союза на принципах союза формально независимых республик и политика коренизации открыли путь для создания особых национальных военных формирований союзных республик. В первых призывах 1924–1926 гг. преобладали русские (62,6 – 65,3%), украинцы (20–21,1%), белорусы (3,1–3,5%), татары (2,4–2,7%), евреи (1,3–1,9%). Представители других национальностей занимали от 7,5 до 8,6%. Впрочем, были регионы, где преобладали местные народы. Например, в Закавказье 82% призывников были из местных народов⁵. Похожую картину давала и военная перепись 1926 г. Согласно полученным цифрам в армии складывался следующий национальный состав: русские – 64,8%; украинцы – 17,4%;

² Weber Eu. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870–1914*. Stanford, 1976. P. 292–301.

³ Миллер А.И. *Этно-конфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.)* // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 146–150.

⁴ Безугольный А.Ю. «Источники дополнительной мощи Красной Армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве в СССР, 1922–1945. М., 2016. С. 51.

⁵ Там же. С. 75–76

белорусы – 4,2%; евреи – 2,1%; татары – 2%; грузины – 1,3%; армяне – 1,1%⁶.

III Всесоюзное совещание политработников Красной армии и Красного флота (21–26 октября 1923 г.) приняло резолюцию, по которой армии отводилась важная роль в смычке пролетариата (преимущественно русскоязычного) и «нерусского» крестьянства. Армия становилась центром интернационального воспитания. Предполагалось, что сближение представителей разных народов произойдет благодаря взаимному изучению языка и культуры друг друга⁷.

При этом следует учитывать и то, что армия виделась советским руководителям важным инструментом модернизации и искоренения различных (как считалось) форм культурной и религиозной отсталости. Более того, именно армия должна была стать наглядным примером прогрессивности новых форм коллективного хозяйствования. Так, показателем эксперимента с организацией красноармейских колхозов. Их задачей было не только сэкономить на обеспечении армии продовольствием, но и продемонстрировать прогрессивность именно этой формы хозяйствования. Кроме того, красноармейцы должны были стать проводниками идей коллективизации на селе после демобилизации. Именно эти соображения лежали в основе довольно масштабного переселения бывших красноармейцев на Кубань и Причерноморье, сильно пострадавшие в ходе коллективизации от голода. В этой ситуации прибывшие красноармейцы становились агентами советского государства на селе и были противопоставлены украинцам и казакам. Основная часть красноармейских колхозов была создана на Дальнем Востоке (там сложнее всего было наладить доставку продовольствия)⁸.

После краха надежды на скорейшую революцию в Европе национальные формирования рассматривались как своеобразный авангард колониальных народов. М.В. Фрунзе считал, что они помогут «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них – связать судьбу колониальных стран с судьбой Советского Союза»⁹.

Национальные части создавались по принципу концентрации, т. е. представителей одного этноса сосредотачивали в одной территориальной воинской части. При этом формально она не считалась национальной. Обучение в них и командование осуществлялось на родном языке призывников. Наличие таких соединений рассматривалось руководством республик как показатель их политической и социальной зрелости. К концу 1924 г. национальные части и соединения были в Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Белорусской, Бухарской, Хорезмской и Украинской ССР, Крымской, Якутской и Дагестанской АССР¹⁰. Помимо этого, были открыты специальные национальные военные вузы¹¹.

⁶ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. С. 87.

⁷ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...». С. 69–70.

⁸ Миненков Д.Д. Красная армия как мобилизационный инструмент «социалистического переустройства» // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). 2-е изд., дополненное и исправленное. М., 2018. С. 265–338.

⁹ Цит. по: Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...». С. 71.

¹⁰ Безугольный А.Ю. Призывное законодательство и комплектование Рабоче-Крестьянской Красной армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 105; Реформа в Красной Армии: документы и материалы: 1923–1928 гг.: в 2 томах. М., 2006. Т. 1. С. 309–310.

¹¹ Реформа в Красной Армии. Т. 1. С. 310.

Серьезной проблемой оставались трудности с обучением солдат на родном языке. Проблемы возникали из-за недостаточного количества командующих, представителей нужной национальности, недостаточного знания языка командирами (многие из которых были русскими) и из-за недостаточной «развитости» самих языков, в которых зачастую отсутствовали необходимые военные термины¹².

18 сентября 1925 г. вступил в силу новый закон «Об обязательной военной службе». В нем устанавливалась возможность «особого порядка» призыва. То есть появлялась возможность расширенного толкования понятия военной службы. Кроме того, появлялись многочисленные исключения в определении народов, подлежащих призыву. В 1928 г. в законе появилось положение, позволяющее в качестве временной меры не призывать граждан по национальному или социальному признаку в силу бытовых или местных условий. Но именно в 1928 г. начался полноценный призыв в Средней Азии и Северном Кавказе. По мнению А.Ю. Безугольного, это был революционный шаг, поскольку ранее народы этих регионов не призывались¹³. Очевидно, что построенная на описанных выше принципах армия не могла выполнять в должной мере свою консолидирующую функцию.

Окончательно всеобщим призыв стал благодаря Конституции 1936 г., постулирующей обязательность призыва без каких-либо оговорок, что и было зафиксировано в новом законе о воинской службе. Идеологический поворот 1930-х гг. самым непосредственным образом отразился на принципах военного строительства. В первую очередь в Красную армию, в связи с ухудшением международной обстановки, стали массово призывать военнослужащих «нерусских национальностей». Согласно закону от 1 сентября 1939 г. все граждане СССР, «без различия расы, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать воинскую службу в составе вооруженных Сил СССР»¹⁴.

РККА переходила к экстерриториальному принципу формирования частей. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 г. указывалось, что сохранение территориального (по факту – национального) принципа комплектования не позволяет полноценно готовить и национальные формирования, поскольку у многих республик просто нет для этого должных материальных и культурных ресурсов. Кроме того, Национальные формирования не давали возможности и полноценной армейской карьеры для офицерского состава. Общесоюзная армия представляла для этого куда больше перспектив¹⁵.

После начала призыва военнослужащих из национальных республик сразу выявилась языковая проблема¹⁶. Справедливости ради, необходимо указать и на то, что, несмотря на кампании по ликвидации безграмотности, РККА столкну-

¹² Доклад начальника ГУ РККА В.Н. Левичева в РВС СССР о национальных формированиях // Реформа в Красной Армии. Т. 1. С. 563–564.

¹³ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...». С. 85.

¹⁴ Цит. по: Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной Армии...» С. 87.

¹⁵ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. Док. № 143.

¹⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. Док. № 221, 222, 246 и др.

лась с большим количеством неграмотных и малограмотных призывников, в том числе и славян. Многие представители «нерусских» народов¹⁷ не могли адаптироваться в армии и эффективно нести службу из-за незнания русского языка, который де-факто являлся языком межнационального общения. Переход на русский язык отражал общесоюзную тенденцию выстраивания союза вокруг русского большинства. Требование к обязательному освоению русского языка вышло уже в приказе Наркома обороны от 6 апреля 1938 г.¹⁸ А 6 июля 1940 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка». В качестве инструмента борьбы с неграмотностью и незнанием русского языка были организованы школы допризывников, которые согласно данным Народного комиссариата просвещения РСФСР, показали себя хорошо¹⁹.

Но образовательная система и армия оказались в целом не готовы к новым требованиям. 12 апреля 1940 г. заведующий отделом школ ЦК ВКП(б) А.В. Бушуев направил докладную записку секретарям ЦК А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Г.М. Маленкову, в которой утверждал, что постановление не выполняется²⁰. Языковая проблема среди неславянских бойцов оставалась острой на протяжении всей войны.

Немалой проблемой стала и интеграция в советскую армию призывников с территории Западных Украины и Белоруссии, а также Прибалтики. Плохо адаптированные к советским порядкам, «западники», как называли их в военной среде, считались слабым звеном, часто к ним относились с подозрением. Показательный пример. Один из героев обороны Брестской крепости С.М. Мативосян, занимавший должность секретаря комсомольского бюро местных войск, в своем интервью Комиссии И.И. Минца указывал, что в обороне крепости накануне нападения были организационные изъяды. Среди них он указывал, что в крепость перевели пополнение из «западников», которые, по его мнению, должны были служить не рядом с границей, а как можно дальше. «В крепость привели пополнение, которое нужно готовить далеко от границы. Набрали местных западников, все перемешалось, десятки тысяч людей в крепости... Я сказал, что это к хорошему не приведет, и писал попутно об этих недостатках. Перед войной был приказ сдать личное оружие на хранение»²¹. Впрочем, быстрое продвижение немецких

¹⁷ К «русским народам» де-факто относились украинцы и белорусы. Этому способствовали близость языка и культуры, что способствовало относительной легкости взаимопонимания. Более того, у многих представителей украинцев и белорусов можно было обнаружить т. н. амбивалентную идентичность, когда они могли называть себя как русскими, так и представителями украинского или белорусского народа.

¹⁸ Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 215.

¹⁹ Справка начальника Управления по образованию взрослых Наркомата просвещения РСФСР Ф. Елисеева об обучении в 1940 г. неграмотных и малограмотных допризывников 1920–1921 гг. рождения // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. Док. 246. С. 600.

²⁰ Докладная записка заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) А.В. Бушуева секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Г.М. Маленкову о результатах проверки исполнения решения ЦК об обучении русскому языку призывников // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2: 1933–1945. М., 2009. С. 622–624.

²¹ «Раз Матевосян вышел из строя, дальше нет смысла держаться...»: интервью С.М. Матевосяна об обороне Брестской крепости // Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев. М.: СПб, 2015. С. 148.

войск в начале войны и потеря Советским Союзом недавно присоединенных территорий на время сняло эту проблему, хотя и поставило новые, не менее острые.

Кроме описанных проблем необходимо указать и на отсутствие специальной подготовки сотрудников пропагандистских органов для работы с бойцами-националами. Считалось, что коммунистические ценности универсальны, поэтому внимания национальной специфике уделялось мало. Кроме того, в 1930-е гг. прошла серия идеологических кампаний по разгрому «национал-буржуазных уклонистов», что также не способствовало акцентированию внимания на национальных особенностях призывников.

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны полноценной системы пропаганды среди призывников-националов не проводилось. Это стало заметным минусом для Красной армии в первые месяцы войны.

Описанная выше ситуация немало способствовала тому, что работа с призывниками из национальных районов уже на стадии их мобилизации и транспортировки на фронт часто была из рук вон плохой. К сожалению, ситуация и спустя много месяцев после начала войны не всегда менялась в лучшую сторону. «Страшную картину видел я поздней осенью 1943 г. на вокзале в Новосибирске. Громадное не только по тем, но и по нынешним временам здание было почти сплошь заполнено узбеками, которых мобилизовали в трудармию в Сибирь, где они массами гибли. Их пришлось отпустить. В тех же халатах, в которых они туда поехали, и с теми же тюбетейками на головах выжившие сидели на полу вплотную друг к другу и молились. Попасть в идущие в Среднюю Азию поезда было невозможно. По тропинкам между сидевшими и лежавшими ходил милиционер и носком сапога трогал тех из лежавших, которые казались ему мертвыми. Если его выбор оказывался правильным, появлялись двое с носилками...»²², – вспоминал известный в будущем историк Р.Ш. Ганелин. К таким эксцессам приводили не только плохая организация и трудности военного времени, но и недоучет национальной специфики, в частности адаптивных возможностей разных народов.

Мобилизация в годы войны молодых рабочих из Средней Азии и Северного Кавказа по оргнабору для предприятий часто не предусматривала программы по их адаптации в новых условиях, а руководители не были готовы с ними работать. Необходимо указать, что переброска на дальние расстояния для последующей работы на военных предприятиях была огромным стрессом и для плохо приспособленных для новых условий русских, часто выходцев из удаленных деревни.

Будущих работников, набранных в национальных регионах, транспортировали (в первую очередь в силу трудностей военного времени) в тяжелых условиях, часто они не знали конечного пункта. Это приводило к росту недовольства. Иногда они, будучи выходцами из кишлаков и аулов, просто не понимали, зачем им новая профессия, скажем, токаря. Трудности адаптации приводили к неповиновению. Такой случай был зафиксирован в Куйбышеве,

²² Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг. СПб, 2006. С. 42.

когда молодые азербайджанцы отказались работать и потребовали отправки домой. Пришлось вмешиваться НКВД²³.

Проблемы адаптации к инокультурной среде передают интервью Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Так, один интервьюер следующим образом описывал проблемы молодых рабочих-узбеков: «Привозят туда [в школу ФЗО № 11] ребят-узбеков, одетых в белое, на головах тюбетейки, в туфлях ... Бросают ребят в общую массу ... Ребята теряются, не находят себе места, как говорят, а к ним на помощь никто не приходит, и ребята просто начинают плакать. Выяснилось, что когда эти ребята идут в столовую, то местные ребята обижают их, срывают тюбетейки, высмеивают, не дают им прохода ... есть такие девушки, которые при встрече с мужчиной уходят из строя, одевают паранджу, а потом идут обратно, становятся в строй и идут дальше»²⁴.

Проблему пытались решить. Устраивались кружки самодеятельности, читались лекции. Считалось, что эффективным инструментом адаптации является участие в социалистическом соревновании. Исследователи считают, что, несмотря на трудности, адаптация все же проходила и позволяла молодым рабочим-националам приспособиться к работе²⁵. Стоит отметить, что в данном случае реализовывались методы, отработанные еще в годы индустриализации²⁶.

§ 2. Национальные формирования Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Механизмы адаптации воинов-националов в боевом коллективе

На первом этапе Великой Отечественной войны (лето 1941 – лето 1943 гг.) строительство национальных воинских частей и призыв в ряды РККА представителей «нерусских национальностей» имели достаточно широкий размах. Десятки национальных соединений были сформированы в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии и Поволжье.

Первыми национальными формированиями периода Великой Отечественной войны стали прибалтийские стрелковые дивизии: 3 августа 1941 г. постановлением ГКО было положено начало формированию 201-й Латышской стрелковой дивизии. Спустя три с половиной месяца после формирования латышской дивизии, 18 декабря 1941 г., аналогичные решения о создании национальных дивизий были приняты по ходатайствам ЦК компартий Эстонии и Литвы (постановления ГКО № 1141 сс и 1142 сс). Формированием 7-й эстон-

²³ Анисимова Н.Э. Повседневность рабочей молодежи из отдаленных областей и республик на предприятиях СССР в годы Великой Отечественной войны // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (8–9 октября 2019 г.). М., 2019. С. 302–303.

²⁴ Цит по: Анисимова Н.Э. Указ. соч. С. 303.

²⁵ Kucherenko O. State vs Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II // Russian Review. № 71 (July 2012). P. 400.

²⁶ См. по этой теме: Исаев В.И. Переплавка: Межнациональные отношения на промышленных предприятиях Сибири в период форсированной индустриализации (1928–1939 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 490–496.

ской стрелковой дивизии занимался штаб Уральского военного округа, а Московский военный округ – формированием 16-й литовской стрелковой дивизии. Каждой дивизии был определен штат в 10 647 человек.

10 февраля 1942 г. приказом замнаркома обороны в г. Чебаркуль Челябинской области была сформирована еще одна эстонская стрелковая дивизия – 423-я, получившая после формирования в марте 1942 г. номер 249, а также 308-я латышская стрелковая дивизия. Эстонские и латышские дивизии впоследствии были объединены в стрелковые корпуса, ставшие крупнейшими национальными соединениями в годы Великой Отечественной войны.

На укомплектование прибалтийских соединений в дальнейшем привлекалось прежде всего латышское, эстонское и литовское население, проживавшее на территории СССР еще до присоединения к немцу прибалтийских государств, эвакуированный из Прибалтики в начале войны партийный и советский актив²⁷.

Почти одновременно с прибалтийскими соединениями развернулось широкое военное строительство в других национальных регионах Советского Союза. Как отмечает в своей работе А.Ю. Безугольный, основная масса национальных соединений была сформирована в период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г.: на Северном Кавказе, в Закавказье, Средней Азии и Приуралье. В это время на территории союзных республик и четырех автономных республик РСФСР (Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой и Башкирской) формировалось (не считая 5 прибалтийских дивизий) 14 национальных стрелковых дивизий, 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад²⁸. Все эти воинские подразделения были обозначены как «национальные» в соответствующих директивах ГКО и НКО.

Предполагалось, что однородная языковая и культурно-ментальная среда в таких воинских частях должна способствовать ускорению боевой подготовки бойцов «нерусских национальностей», повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и стойкости личного состава²⁹.

Кроме того, следует иметь в виду, что с момента всеобщей мобилизации летом 1941 г. в военных округах, в состав которых входили национальные республики, начался призыв и комплектование личным составом воинских соединений по смешанному принципу – без специального подбора военнослужащих только той или иной национальности. В Среднеазиатском военном округе, на территории Казахстана и Киргизии, так формировалась легендарная 316-я (в дальнейшем – 8-я гвардейская) стрелковая дивизия генерал-майора В.И. Панфилова, оборонявшая Москву. В ее составе в период первого формирования преобладали бойцы, командиры и политработники русской национальности, был большой процент членов партии и комсомольцев. К концу 1941 г. Среднеазиатский военный округ сформировал по такому принципу 16 стрелковых и 21 кавале-

²⁷ Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина / Андрей Петренко. М.: Вече, 2010.

²⁸ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945 / Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 165–167.

²⁹ Там же. С. 160.

рийскую дивизии и 25 стрелковых бригад. Закавказским военным округом в первые же месяцы войны на фронт были направлены 7 кадровых соединений, 377 маршевых рот, 756 танковых экипажей. Из Северо-Кавказского военного округа к весне 1942 г. в армию было призвано 984 тыс. из 1 002 тыс. человек, подлежавших призыву на день начала войны³⁰.

По мере продвижения немецких войск и их союзников вглубь европейской части Советского Союза, населенной преимущественно славянами, и в результате тяжелейших потерь, которые понесла Красная армия в начале войны, все более усиливалась нагрузка на людские ресурсы восточных регионов РСФСР, а также республик Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. Особенно это стало ощущаться в первой половине 1942 г.

Но мобилизованный контингент военнообязанных в большинстве своем оказался необученным военному делу, и огромное их количество не владело русским языком. Обнаружилась серьезная диспропорция между национальностью младших командиров (как правило, русских) и национальностями рядовых бойцов, преваляровавших в соединениях. На фронте следствием этих проблем стала низкая боеспособность воинских подразделений, где преобладали бойцы «нерусских национальностей», имели место факты членовредительства, дезертирства, добровольной сдачи в плен. «По мере того как в войска стали поступать контингенты военнообязанных из союзных и автономных республик старших возрастов, как правило, не прошедших в мирное время срочной службы, имевших низкий образовательный уровень, слабо владевших или вовсе не владевших русским языком, на повестку дня стала проблема низкой боеспособности таких смешанных по национальному составу соединений. Зачастую невозможно было найти необходимого количества командиров и политработников, знавших язык, обычаи, традиции представителей того или иного народа, прибывавших на пополнение», – к такому выводу приходит военный историк Безугольный³¹.

В полной мере эти свойства смешанных по национальному составу соединений проявились в начале 1942 г. во время операции по освобождению Крыма. В феврале 1942 г. в составе Крымского фронта сражались около 48 тыс. воинов из числа закавказских национальностей (35% от всего личного состава фронта)³². Неудачная операция по освобождению Крыма, начатая в декабре и оконченная в мае, представляла собой первый в Великой Отечественной войне опыт массового использования в операциях Красной армии военнослужащих неславянских национальностей. Уже в ходе кровопролитных боев в Крыму советскому руководству стала очевидной острота национальной проблемы в армии.

«Ввод в бой большинства национальных соединений пришелся на одну из наиболее тяжелых фаз Великой Отечественной войны – летне-осеннюю 1942 г. наступательную кампанию немецко-фашистских войск и их союзников. В этот период

³⁰ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР.1922–1945 / Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 154.

³¹ Там же. С. 155.

³² Там же. С. 157.

советские войска потерпели целый ряд тяжелых поражений. Сотни тысяч бойцов и командиров оказались в плену. В тяжелых фронтовых условиях не все национальные формирования показали высокую боеспособность. Особенности менталитета, языковой барьер, недостаточный уровень образования значительной части контингентов приводили в среднем к более низкой боеспособности национальных формирований в сравнении с преимущественно славянскими по составу. В некоторых случаях они подвергались дезорганизации и разгрому противником»³³.

В этих условиях руководство страны вынуждено было вернуться к практике ограничений или отмены призыва по этническому признаку. Когда в июле 1942 г. постановлением ГКО была объявлена общегосударственная кампания по призыву в армию граждан 1924 года рождения, 30 июля 1942 г., приказом НКО № 0585 было внесено уточнение: «до особых указаний» запретить призыв в армию представителей горских, т. е. коренных национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью (аджарцы, хевсуры, курды, сваны ряда районов Грузии, мохевцы). Эту же норму повторил и приказ НКО от 21 декабря 1942 г. № 0974 о призыве лиц 1925 года рождения. 24 августа 1942 г. на основании директивы начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформа) был издан приказ командующего Закавказским фронтом о запрете призыва в армию военнообязанных из числа представителей всех народов Дагестана. Призыв горцев Северного Кавказа откладывался в последующем до конца войны, хотя некоторым добровольцам удавалось попасть на фронт. Из всех северокавказских народов в 1942 г. ограничение по призыву в армию не коснулось только осетин, но уже в следующем, 1943 году, призывать перестали и их³⁴.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что в 1942 г. из-за слабой боевой выучки, большого недокомплекта среднего и старшего командного состава из числа местных национальностей большая часть (55,4%) созданных на рубеже 1941–1942 гг. национальных соединений была расформирована, не успев принять участия в боях. Если сравнивать соотношение расформированных и оставшихся соединений по регионам формирования, то окажется, что из среднеазиатских соединений были расформированы 80,6% соединений (25 из 31); 50% – из числа сформированных на территории РСФСР (3 из 6), 21,4% – из числа сформированных в Закавказье (3 из 14)³⁵.

По мнению Безугольного, закавказские соединения по уровню боевой выучки были незначительно лучше среднеазиатских. «Однако в период стремительного наступления немецко-фашистских войск на Кавказ летом и осенью 1942 г. командованию Закавказского фронта, отрезанному врагом от центральной части страны, приходилось рассчитывать в основном на собственные ресурсы. Экстремально тяжелое положение на фронте явилось главным фактором сохранения закавказских национальных дивизий»³⁶.

³³ Безугольный А. Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии ...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945 / Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 172.

³⁴ Там же. С. 159–160.

³⁵ Там же. С. 170–171.

³⁶ Там же. С. 171.

Только число прибалтийских соединений (5) в 1942 г. сохранялось неизменным до конца войны.

В начале 1943 г. удельный вес представителей неславянских национальностей в действующей армии был наиболее высоким. Если сравнить представительство различных народов СССР в армии в апреле 1943 г. с данными переписи населения 1939 г., то окажется, что удельный вес уроженцев Закавказья и Средней Азии в войсках значительно превышал их удельный вес среди народов СССР накануне войны. Так, к апрелю 1943 г. доля армян в войсках составляла 1,77%, в то время как среди всего населения этот показатель не превышал 1,27%. Эти данные свидетельствуют о серьезной демографической перегрузке, которую в тот период несли закавказские и среднеазиатские народы. Соответственно, уровень боевых потерь у представителей этих национальностей также оказался непропорционально высок. Кроме представителей народов Закавказья и Средней Азии подобная ситуация наблюдалась только в случае с русскими и украинцами.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне (в ходе победы советских войск под Сталинградом и на Курской дуге) отразился не только на дальнейшей судьбе национальных формирований в составе Красной армии, но и на призыве «нерусских национальностей» в РККА в целом. Быстрое продвижение советских войск на запад способствовало значительному притоку в войска славянских контингентов с освобожденных территорий России и Украины. Снятие угрозы немецкой оккупации с национальных регионов, прежде всего с Кавказа, значительно снизило политическую актуальность сохранения национальных частей. Кроме того, годные к строевой службе людские ресурсы, удовлетворяющие требованиям физического развития, образования и знания русского языка, к началу 1943 г. в союзных республиках Закавказья и Средней Азии значительно сократились. По мнению Безугольного, совокупность изложенного выше стала причиной того, что 9 октября 1943 г., в преддверии очередного осеннего призыва молодежи 1926 г. рождения, директивой № М/1/1493 начальника Главупраформа Е.А. Щаденко «до особых распоряжений» был приостановлен призыв молодежи «местных национальностей» Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Молодежь указанных национальностей получила годичную отсрочку и была призвана осенью 1944 г. вместе с общесоюзным призывом 1927 г. «Нерусская» молодежь 1927 г. рождения в 1944 г. в свою очередь также получила годичную отсрочку и до конца войны уже не призывалась. (В то же время обученные резервы из числа нерусских народов в течение всего 1943 г. продолжали поступать в действующую армию из запасных частей)³⁷.

Ограничения в призыве северокавказских народов, введенные в 1941–1942 гг., сохранялись до конца войны. В 1943 г. они распространились также и на осетин.

Принятие такого решения не могло стать возможным без коренных измене-

³⁷ Там же. С. 175–176.

ний на советско-германском фронте, произошедших в 1943 г. и освобождения большой территории от Северного Кавказа до Левобережной Украины. 25 января 1944 г. было издано постановление ГКО «О мобилизации советских граждан в освобождаемых от немецкой оккупации районах Западной Украины и Западной Белоруссии». Когда была освобождена вся территория Украины, удельный вес украинцев в рядах Красной армии возрос в три раза по сравнению с аналогичным периодом 1943 г. (с 11,6 до 33,9%). Одновременно быстро сокращалось представительство других национальностей: русских с 63,84% в июле 1943 г. до 51,78% в июле 1944 г.; армян – с 1,40 до 0,81%; грузин – с 1,17 до 0,50%; азербайджанцев – с 1,57 до 0,81%; узбеков – с 4,44 до 1,25% и т. д.³⁸

Отказ в призыве в Красную армию в течение войны, в конце концов, постиг все без исключения коренные народы Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. Общее по стране число национальностей, не призывавшихся в армию, к концу 1943 г. достигло 43, что почти совпало с аналогичным показателем в царской России (45 национальностей)³⁹.

По мнению Безугольного, после коренного перелома в Великой Отечественной войне изменилось отношение руководства страны и к национальным формированиям. Угроза Кавказскому региону миновала и с конца 1942 г. высшее руководство страны потеряло интерес к сохранению национальных частей как особой формы организации воинского коллектива. Отпала необходимость в поддержании идеологии о защите своего дома, своего народа для Закавказья и Северного Кавказа. Постепенно национальный состав национальных частей размывается представителями других национальностей по мере пополнения этих частей. После коренного перелома в войне сохранившиеся национальные соединения и по своему национальному составу, и по боевым характеристикам фактически стали в один ряд с прочими соединениями Красной армии. Личный состав дивизий в ходе боевых действий многократно обновлялся, в результате чего удельный вес представителей титульных национальностей в закавказских и среднеазиатских национальных стрелковых соединениях, начиная с середины 1943 г., значительно сократился.

Исключение составляли только прибалтийские соединения, которым еще предстояло освобождать свой родной край от немецких захватчиков. Поэтому национальный статус прибалтийских дивизий оставался неизменным до конца войны. Из всего массива национальных соединений Красной армии в полной мере до конца войны сохранили свою национальную идентичность, заключающуюся в целенаправленном поддержании определенного этнического состава и этнического наименования только прибалтийские дивизии. Они предназначались для освобождения своих народов, и в этом заключался политический смысл их существования. Уникальной особенностью истории прибалтийских формирований,

³⁸ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945 / Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 177.

³⁹ Там же. С. 181.

способствовавшей поддержанию их этнической идентичности, было то, что они не обороняли, а освобождали свою родину. А вступив на территорию Прибалтики, получили возможность получать пополнения на месте дислокации и тем самым поддерживать ядро национального состава своих дивизий стабильным⁴⁰.

§ 3. 201-я Латвийская стрелковая дивизия – первое национальное подразделение в составе Красной армии в годы войны

Первыми национальными формированиями периода Великой Отечественной войны стали прибалтийские соединения. 3 августа 1941 г. по предложению ЦК КП(б) Латвии Государственный Комитет Обороны постановлением № 383 сс разрешил сформировать латышскую стрелковую дивизию, на укомплектование которой следовало привлечь «бойцов бывшей рабочей гвардии, милиции, партийно-советских работников и других граждан Латвийской ССР, эвакуированных на территорию РСФСР». Формирование дивизии было поручено ЦК КП(б) Латвии и СНК Латвийской ССР совместно со штабом Северо-Западного фронта⁴¹.

По мнению современного военного историка А.Ю. Безугольного, решение высшего партийно-советского руководства о формировании латышской национальной воинской части в составе РККА было обусловлено особенностями недавнего вхождения Латвии и других прибалтийских государств в состав СССР: во вновь образованный Особый Прибалтийский военный округ помимо советских частей были включены и части прибалтийских национальных вооруженных сил, переименованных в «народные армии», в частности, латвийский 24-й территориальный стрелковый корпус. «Наличие готового контингента командного состава высшего, старшего, среднего и младшего звеньев, имевшего достаточно высокий образовательный ценз (для первых двух категорий нередко – окончание европейских военных академий) и опыт военной службы – это особенность прибалтийских формирований, ни в коей мере не характерная для всех остальных национальных формирований, где острейшая нехватка командных кадров нередко становилась фатальным препятствием для самого их существования»⁴².

Так как в постановлении ГКО не поясняются мотивы руководства страны, которыми оно руководствовалось при решении о формировании именно латышской дивизии, Безугольный выдвинул вполне обоснованное предположение, что это решение принималось, скорее всего, ситуативно, под влиянием ряда частных факторов и субъективных суждений. «Например: под впечатлением относительно активного (на фоне других прибалтийских народов) участия латышей в первых боях против немецко-фашистских войск; инициативности и высоких организаторских способностей местных органов власти, сформиро-

⁴⁰ Там же. 180–182, 186–187.

⁴¹ Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина / Андрей Петренко. М.: Вече, 2010. С. 3–4.

⁴² Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922 – 1945 / Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 161.

вавших во второй половине июля 1941 г. 1-й и 2-й латышские полки; исторического опыта латышских частей, одними из первых оказавших вооруженную поддержку советской власти в период ее становления и уже 13 апреля 1918 г. объединенных в Латышскую стрелковую советскую дивизию (ставшую одним из старейших соединений Красной армии), активно участвовавшую в Гражданской войне. Свою роль, безусловно, сыграло наличие готового кадра комсостава и обученного рядового состава»⁴³.

Вскоре было принято решение НКО, что заниматься формированием латышской дивизии будет Московский военный округ, а не Северо-Западный фронт. Своим решением командование МВО определило местом формирования Латышской дивизии Гороховецкие лагеря близ ж. д. станции Золино в Горьковской области. Сразу же развернулись мероприятия по выявлению граждан Латвийской ССР, эвакуированных в различные области РСФСР, и их быстрому сбору в месте формирования дивизии. Этим занимались и военные органы, и руководство республики. ЦК КП(б) Латвии и Совнарком Латвийской ССР направляли уполномоченных в Кировскую, Горьковскую, Ярославскую, Ивановскую и другие области для отбора добровольцев из числа эвакуированных граждан Латвийской ССР.

Фактически на формирование латышской дивизии были обращены остатки 24-го территориального стрелкового корпуса, который был в августе 1941 г. расформирован, а красноармейцы и командиры направлены в тыл. Кроме того, контингенты военнообязанных граждан Латвийской ССР, эвакуированные из республики и оказавшиеся рассредоточенными на обширной территории РСФСР, а также выпуск Рижского пехотного училища, находившийся в эвакуации в г. Стерлитамак Башкирской АССР. Одними из первых в формирующуюся латышскую дивизию были направлены эвакуированные сотрудники милиции и другие работники НКВД, а также выпускники Рижского военно-политического училища.

Часть съезжавшихся отовсюду в Гороховецкие лагеря граждан Латвийской ССР уже успела получить первый опыт боевых действий против вермахта в июне–июле 1941 г.: одни с боями уходили из Латвии в составе истребительных батальонов, формирований милиции и НКВД, другие сражались в составе латышских рабочих полков и отрядов партийно-советского актива. Причем многие из них затем участвовали в обороне Таллина и Ленинграда в составе 8-й армии. Одновременно в дивизию были зачислены и не имевшие военной подготовки городские и сельские партийные и комсомольские активисты, работники местных органов власти, рабочие, служащие, крестьяне и другие граждане Латвийской ССР.

О том, как в августе–сентябре 1941 г. шло формирование латышской дивизии, сотрудникам Комиссии по Истории Великой Отечественной войны через год, в сентябре 1942 г., рассказывали непосредственные участники – командиры и политработники 201-й латышской дивизии.

Из стенограммы беседы с генерал-майором Вейкиным Яном Яновичем. Беседу с

⁴³ Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР.1922–1945/Алексей Безугольный. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 163.

ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 10 сентября 1942 г.:

«Дня через 4–5 после того, как мы стали организовываться, примерно 18–19 августа ко мне прибыл уже командующий МВО, в то время генерал-лейтенант Артемьев, чтобы проверить, посмотреть, как мы живем. Он обнаружил ряд недочетов ... Второе, что он считал нужным отметить, что очень мало надписей на латышском языке, были надписи “кухня”, “конюшня”, но все на русском языке. Он потребовал, чтобы надписи были на латышском языке, например, “1 пулеметная рота” и т. д. И потребовал, чтобы было больше военной дисциплины ...

После того как в организационном отношении мы стали несколько оформлены, уже дней через 10–15 после того, как мы начали работать, приехал секретарь ЦК компартии Латвии тов. Калнберзин. Я его никогда не видел ... Познакомились. Я установил, что он секретарь ЦК латвийской коммунистической партии, а он, что я командир дивизии. Он с собой имел еще целый ряд работников, которые приехали вместе с ним. Затем приехал и тов. Лацис, приехал заведующий военным отделом Кусин ...

Он (т. е. – Калнберзин) много помог нам в правильном отборе людей, кадров, особенно политаппарата, так как он этих людей лучше знал, давал оценку отдельным людям, указывал кто на что способен, где его лучше использовать. Помог мне в том отношении, что оградил от всяких наскоков, потому что недочетов было много, каждый считает, что так лучше, так лучше. Все эти необоснованные наскоки устранил от меня, сказав: “Командиру дивизии не мешайте работать, он правильно понимает свое дело”.

В дальнейшем тов. Калнберзин через каждые 2–3 недели появлялся в дивизии, пока мы там формировались, особенно следил за тем, как идет боевая подготовка, помог нам вооружить, оснастить дивизию всякими техническими средствами борьбы, оружием, транспортом, обозами и т. д.

В этой работе постоянно сопутствовал ему тов. Лацис, председатель Совнаркома Латвийской ССР, который тоже всегда скромно давал весьма ценные указания, что и как делать, вообще многим руководил в этой работе, а сам оставался в тени, не выпячивал своей работы в деле создания этой дивизии ...

Мы получили приказ командующего Московского военного округа, что дивизию необходимо 12 сентября привести к боевой присяге, что в тот же день представители правительства Союза вручат боевые знамена частям дивизии, и что этот день явится праздником для дивизии. Для приведения дивизии к присяге дивизия была выведена и построена за лагерем километрах в 3–4 в поле. Это был первый раз, когда мы имели возможность посмотреть на дивизию уже в полном ее составе. К этому времени у нас набралось уже до 10 тыс. человек. Все были одеты, обмундированы: новое обмундирование, обуты были не в ботинки, а в сапоги, в отличие от других пехотных частей. Командование Московского военного округа дало нам сапоги. Были стальные шлемы, оркестры были созданы уже к тому времени, был создан сводный оркестр дивизии.

Не было только вооружения ... В конце концов, получилось некоторое недоразумение, потому что у тт. Калнберзина и Лациса получилось такое впечатление, что дивизия вполне готова, что она хоть завтра может идти на фронт, и соответствующий документ написали в ЦК партии. Они упустили, что нет оружия. Но когда через несколько дней ЦК дал соответствующее распоряжение через Народный комиссариат обороны, к нам стало поступать оружие поездами, мы не успевали его принимать. Оружие поступило новенькое. Люди, которые недавно жили при советской власти, вспоминали при этом, что когда пришла советская власть в Латвию, многие приехавшие из Советского Союза бросились покупать чулки и всякие вещи. Наши люди тогда говорили: "Что же это, у них советская власть, а даже чулок нет". А теперь, когда они получали это новенькое оружие, они показывали на него руками и говорили: "Вот, где их чулки. Чулок, может быть, не имеют, а вот какое оружие у них ..."»⁴⁴.

Из стенограммы беседы с капитаном Палкавекс Яном Давидовичем, 1905 г. р., уроженец Риги. В 1926 г. вступил в латвийскую коммунистическую партию и работал нелегально. Был арестован и сидел в тюрьме. В октябре 1936 г. выехал за границу. С апреля 1937 г. по февраль 1939 г. воевал в интернациональной бригаде в Испании на стороне республиканцев. С января 1941 г. в Латвийской ССР. В дивизии – командир отдельного минометного дивизиона. Беседу с ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 8–12 сентября 1942 г.:

«Секретарь ЦК латвийской коммунистической партии Калнберзин мобилизовал нас на борьбу против немцев. Я поступил в рабочую гвардию и вместе с ЦК и наркома Латвийской ССР через Латвию и Эстонию доехал до Новгорода. Мы добровольно поступили в Красную армию, откуда меня немедленно отправили на Северо-Западный фронт под Старую Руссу и назначили командиром батареи. Через несколько дней я получил должность старшего адъютанта дивизиона.

В конце августа 1941 г. получился приказ наркома, что всех латышей организуют в специальную дивизию. Командование не хотело меня отпускать, но после нескольких вызовов я переехал в Гороховецкий лагерь, станция Золино, где организовалась наша латвийская дивизия. Здесь меня назначили сначала командиром противотанковой батареи. Я не хотел на другую работу идти. Потом назначили начальником артиллерии 92-го стрелкового полка. Эта должность скоро по штатам уже ликвидировалась и меня назначили командиром минометного батальона в 92-й стрелковый полк.

Когда стало известно, что формируется латвийская дивизия, со всех концов страны стали приходить добровольцы латыши, евреи, русские, которые жили раньше в Латвии. Многие уже были участниками Отечественной войны, с первых дней боровшиеся в рабочей гвардии, в латвийском территориальном корпусе. Были и старые, которых комиссия признавала негодными к строевой

⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 29–31 об.

службе, посылала обратно, были слишком молодые, много женщин приехало, которых отправили обратно...

12 сентября 1941 г, когда мы дали присягу советскому правительству, Красной армии и наркому товарищу Сталину, мы уже полностью были готовы выехать по первому его призыву на фронт.

Скоро этот день пришел. 4 декабря 1941 г. мы выехали на фронт»⁴⁵.

Из стенограммы беседы со старшим политруком Нейхофером Карлом Юрьевичем, 1903 г. р., уроженец Риги. В 1930 г. вступил в латвийскую коммунистическую партию и работал нелегально. Был арестован и сидел в тюрьме. После установления советской власти в Латвии был председателем местного комитета рабочих железнодорожников товарной станции г. Риги, а затем назначен оргинструктором Сталинского райкома партии в г. Риге. В дивизии – комиссар минометного дивизиона. Беседу с ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 8–12 сентября 1942 г.:

«10 августа пришел приказ, что можем подавать заявления о добровольном вступлении в армию, что есть приказ наркома о создании латышской дивизии».

К этому времени многие латыши находились в эвакуации в г. Чебоксары Чувашской АССР, в том числе и рассказчик.

«14 августа 71 человек отправились на пароходе в г. Горький. От Горького поездом направились до ст. Ильино и оттуда в лагерь при ст. Золино. Впереди уже были милиционеры из Латвийской ССР в количестве нескольких сот». «В то время командиры еще не были из латвийской школы, учились в г. Уфе. Их ожидали, но когда они придут, никто не знал, и временно я остался и командиром и политруком батареи»⁴⁶.

Всего по штату в дивизии должно было быть 11 447 человек. В сентябре 1941 г. численность дивизии составляла 10 348 бойцов. На 90% это были латыши и граждане Латвийской ССР других национальностей. Национальный состав был следующим: латыши – 51%, русские – 26%, евреи-17%, поляки – 3%, другие национальности – 3%. Рабочие составляли 62% личного состава дивизии, служащие – 29%, крестьяне – 9%; 70% бойцов были добровольцами⁴⁷.

Дивизия, получившая наименование 201-й Латышской стрелковой, имела по штату три стрелковых полка (92-й, 122-й, 191-й), один артиллерийский полк (220-й). В нее также входили специализированные части и подразделения: 10-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея; 170 й отдельный батальон связи; 53-й отдельный саперный батальон; 49-й отдельный мотострелковый батальон; отдельная рота химзащиты и др. Латышская дивизия была в основном сформирована в относительно короткий срок. К 15 сентября 1941 г. были сформированы

⁴⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 20 об.

⁴⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 24–25. Из рассказа Муравьева: «Вооружены мы были еще тем оружием, которое имели в отряде. У нас была латышская одежда, английские винтовки, английские патроны, которые были на вооружении. Большинство, конечно, вооружалось 10-зарядными латышскими пистолетами. Поэтому нас часто принимали за немцев». (Там же. Л. 42).

⁴⁷ Петренко А.И. Указ. соч. С. 8.

штабы дивизии и всех четырех полков из прибывших в первой половине сентября кадровых командиров, присланных из Московского военного округа. Значительную часть среднего командного состава, командиров взводов и рот составили 228 выпускников Рижского пехотного училища. Они получили звание младших лейтенантов уже в Стерлитамаке, куда в начале войны было вывезено училище.

Вся деятельность по формированию подразделений, получению вооружения и обмундирования шла исключительно быстрыми темпами, днем и ночью. Боевая подготовка, учеба, внутренний распорядок в дивизии строились на основе наставлений, уставов и директив, принятых во всей Красной армии. Разговорным языком, наряду с русским, был латышский. На нем велись обучение военному делу, политическая работа и т. д.

Республиканское руководство просило направить дивизию на боевой участок Северо-Западного фронта в соответствии с Постановлением ГКО от 3 августа 1941 г. И, видимо, поближе к границам Латвии. Однако оперативная обстановка на Западном фронте осенью 1941 г. была настолько тяжелой для Красной армии, что дивизию, как только завершится ее формирование, решено было использовать в боях под Москвой. 3 декабря 1941 г. личному составу дивизии был зачитан приказ, гласивший, что обучение закончено и дивизия отправляется на фронт для защиты Москвы. Подготовленная осенью латышская дивизия вошла в число резервных соединений Верховного главнокомандования, введенных в бой в решающий момент начавшегося контрнаступления Красной армии под Москвой.

Из стенограммы беседы с Круминь Виллис Карловичем, 1919 г. р. (Будущий второй секретарь ЦК Компартии Латвии Круминьш В.К.) В 1940 г. окончил среднюю школу еще при старом правительстве. В комсомоле начал работать с осени 1940 г., после прихода в Красную армию. «Тогда был еще не комсомол, а союз рабочей молодежи. В комсомол я перешел в 1941 г. в марте месяце». В дивизии – млад. лейтенант, секретарь комсомольской организации 191 (затем 125 зв.) стрелкового полка. Беседу с ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 8–12 сентября 1942 г.:

«В Наро-Фоминске мы недолго были и потом пошли недалеко – на станцию Апрелевка. Там большая деревня... *(так в тексте)*. В этой деревне наш полк получил пополнение. Большинство из этого пополнения были русские, но было много комсомольцев. 80% было русских. Нам было довольно трудно работать, потому что я только начал говорить по-русски, тогда только чуть-чуть говорил по-русски. Но дело организовали довольно хорошо. Сразу, как пришли эти комсомольцы, распределили их по ротам и, когда все пополнение пришло, организовали по ротам и устроили комсомольское собрание. На этом собрании очень хорошо говорили товарищи комсомольцы, которые были под Наро-Фоминском. Такое настроение было среди них: они видели, что мы очень много потеряли и что очень мало осталось из прежних комсомольцев. Эти новые комсомольцы видели, как мы воевали под Наро-Фоминском. Помню – был член бюро комсо-

молец Цирулс. Там мы долго не были в этой деревне, недели две, и уехали дальше по железной дороге. Сначала сами не знали, куда поедem. Вообще-то говорили, что в направлении на Латвию, и настроение очень поднялось. Сразу, как сказали, что поедem на Латвию, видим – настроение поднялось. Потом во время пути из комсомольцев организовали специальную группу – ансамбль с гармошкой, ман-долиной. На станциях переходили из вагона в вагон. Настроение очень поднялось: думали, что скоро будем в Латвии»⁴⁸.

Из стенограммы беседы с полковым комиссаром Зутис Петром Давидовичем. В дивизии – комиссар дивизии. Беседу с ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 8–12 сентября 1942 г.:

«Здесь небезынтересно остановиться на первом составе политотдела. Я помню, что в инструктора по информации мы подобрали Кауке. Но тов. Кауке было трудно с русским языком, и вообще он как-то боялся браться за это дело. Поэтому пришлось подобрать другого товарища»⁴⁹.

В очень тяжелых условиях приходилось воевать Латышской дивизии зимой–весной 1942 г. на Северо-Западном фронте под Старой Руссой, где шли ожесточенные бои по окружению 16-армии вермахта в районе Демянска. Бойцы голодали.

Из стенограммы беседы со старшим политруком Нейхофером Карлом Юрьевичем, 1903 г. р., уроженец Риги. В 1930 г. вступил в латвийскую коммунистическую партию и работал нелегально. Был арестован и сидел в тюрьме. После установления советской власти в Латвии был председателем местного комитета рабочих железнодорожников товарной станции г. Риги, а затем назначен оргинструктором Сталинского райкома партии в г. Риге. В дивизии – комиссар минометного дивизиона. (Минометная батарея в Латышской дивизии в ноябре–декабре 1941 г. – это 6 минометов 120мм. В середине января 1942 г. был сформирован уже минометный дивизион, когда дивизия получила еще 6 минометов. Всего их стало 12.) Беседу с ним проводил политрук Голендер Е.Т., инструктор информации дивизии, стенографировала сотрудник Комиссии Бондаренко А.А. 8–12 сентября 1942 г.:

«К 1 мая нам пришли командирские подарки от латвийского правительства из Москвы, мы все папиросы, весь табак, конфеты, вино и все другие вещи разделили всем поровну, и многие бойцы плакали, когда мы их оделяли всеми этими вещами. Зато не было у нас ни одного дезертира, ни перебежчика, ни самострела»⁵⁰.

При формировании 201-й дивизии было предусмотрено образование в ее штате отдельного Латвийского запасного батальона. Командир дивизии Ян Вейкин докладывал 27 октября 1941 г. Калнберзину, что получил приказ и проект штата резервного батальона и приступил к его формированию. Вейкин просил прислать 2000 человек.

В феврале–марте 1942 г. приказом командования Московского военного

⁴⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 12 об – 13.

⁴⁹ Там же. Л. 40.

⁵⁰ Там же. Л. 26.

округа в Гороховецких лагерях на базе Латвийского запасного батальона был сформирован 1-й отдельный запасной Латвийский стрелковый полк. Согласно специальной директиве Управления мобилизации и укомплектования Красной армии, всем фронтам и армиям предлагалось направлять туда весь рядовой и младший начальствующий состав латышской национальности. В исполнение директивы в июне 1942 г. в полк прибыли 170 латышей-фронтовиков, собранных из разных частей ленинградского фронта.

Помимо подготовки рядовых и младших командиров в запасном полку стали обучать офицеров. Уже с марта 1942 г. были организованы курсы младших лейтенантов. Часть из них направлялась затем на учебу в Подольское военное училище (где была организована отдельная латышская рота), в артиллерийские и военно-инженерные учебные заведения. После их окончания офицеры возвращались в запасной полк, откуда их направляли в латышские части.

В ноябре 1942 г. сотрудник Комиссии Голубева выехала в командировку в Горьковскую область для того, чтобы собрать материал о деятельности 1-го отдельного запасного Латвийского стрелкового полка. Ей удалось опросить большое количество военнослужащих: от командира и комиссара полка до рядовых бойцов, которые проходили боевую учебу в полку, а затем должны были быть направлены на фронт, в соответствующие подразделения 43-й гвардейской (ранее 201-й) латышской дивизии.

Из стенограммы беседы с полковником Шпомбергсом (имя, отчество не указаны), командиром запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд, 1896 года рождения, уроженец Риги, член партии с 1925 г. В 1934 г. окончил военную академию имени Фрунзе. В 1936–1937 гг. работал в генеральном штабе на разных должностях. С 1937 г. до начала Великой Отечественной войны – преподаватель военно-транспортной академии РККА. С началом войны и до февраля 1942 г. выполнял особые задания правительства. В феврале 1942 г. был направлен в запасной латышский стрелковый полк в Гороховецких лагерях станция Золино, куда прибыл 3 мая 1942 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 26 ноября 1942 г.:

«Причем характерно, что вначале полк был латвийский, а в июле он был уже интернациональный, т. е. появились и русские, и узбеки, и коми, и казахи. Но, несмотря на такой многообразный национальный состав, работа и учеба протекают хорошо. У нас одна национальность не чувствует, чтобы она отличалась от другой. У нас имеется 9-я многонациональная рота. Они нисколько не чувствуют себя стесненной. Потом была 2-я рота, в которой были узбеки. В 30-й бригаде, где их очень много, они не пели свои песни, как будто бы у них песен своих нет. А у нас на второй день идет и поет. Это потому, что благодаря соответствующей партийной и политической работе мы сумели создать такую обстановку.

Что показывает правильная национальная политика, которую мы проводили? Она показывает следующее. Мы послали маршевые пополнения, их по дороге

стали перехватывать. Так русские и узбеки стали заявлять, что они латыши. Вся эта учеба показывает, что была правильная постановка⁵¹.

Надо отметить то, что самый состав из Латвии шел такой, который видел советскую власть только один год. Несмотря на это, отношение к своим обязанностям очень хорошее. Можно было ожидать от этих людей, которые вышли из капиталистического мира, всяких эксцессов, но мы их не встречали. Были отдельные случаи, но во всяком случае их могло быть гораздо больше. У нас еще было шовинистическое течение, приходилось его перебивать, т. е. дальше Риги ничего не видели, как было в Риге, так должно быть и здесь. С этим пришлось бороться. И сейчас иногда проявляются шовинистические настроения, по ним приходится ударять, потому что дело не только в Риге, а мы должны драться пока не освободим Советский Союз. Это настроение было вроде того, как было на Украине “до своей хаты”. Такие вещи были, но мы по ним ударяли.

Громадную работу проводит политический аппарат. Такую работу, как у нас проводят, я не знаю, проводят ли в какой-либо другой части, причем нужно проводить эту работу не на одном русском языке, но и на латышском, даже приходится найти товарищей, которые могут проводить политическую работу и на узбекском языке.

Результаты работы, проделанной нами в дивизии. У нас получается замкнутый круг: мы получаем пополнения, обучаем их и отдаем дивизии. Часть из них, которые попадают в госпиталь, возвращаются к нам. Вот в этом замкнутом круге мы все время и вертимся. Мы все время должны помнить, что дивизия – гвардейская, поэтому все возвращаются опять к нам. Остальные запасные части даже не знают, куда отдают, сегодня на юг, завтра на север, а мы отдаем все время в 43-ю гвардейскую дивизию, и они у нас получают закуску⁵²».

Из стенограммы беседы с Апиным Адольфом Петровичем, заместителем командира роты по политчасти 1-го запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд, член партии с 1919 г. В Риге был председателем союза потребителей обществ. Из Риги уехал в строительный батальон, потом в конце апреля 1942 г. был направлен в запасной латышский стрелковый полк в Гороховецких лагерях станция Золино, куда прибыл 3 мая 1942 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 23 ноября 1942 г.:

«Узбеков и казахов у нас в роте 22 человека и 3 башкирца, есть белорусы, украинцы, один немец, один эстонец и 14 человек [других] разных национальностей.

Работу приходится проводить главным образом так, чтобы каждая национальность была сгруппирована в отдельном отделении, и чтобы каждый из них проходил тактическую и боевую подготовку, преподавателем ставим [бойца] из этой же группы, но более подготовленного.

Политзанятия проводим так. Имеется один окончивший пединститут, один комсомолец, который окончил 10 классов. Когда проводится какое-нибудь со-

⁵¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 106–106 об.

⁵² Там же. Л. 107–107 об.

брание, он присутствует, делает заметки, потом переводит на их язык. Узбеки и казахи представляют самые большие группы. Остальные все понимают по-русски. Русских – 106, латышей – 41, но большинство таких латышей, которые жили в Советском Союзе.

У нас проводятся политические беседы и беседы на военно-политические темы.

Возрастной состав – уже старые, лет по 40. Есть и молодые, но мало. Русский язык понимают, но плохо и сговориться с ними очень трудно. Молодежь уже понимает и говорит хорошо.

Настроение у них хорошее, никаких недоразумений или национальной вражды не было, как в некоторых частях, где говорят, что русские к ним плохо относятся, заставляют их выполнять хозяйственные работы день и ночь. У нас этого нет. Есть, некоторые отваливают, но в общем порядке, в порядке дисциплины их заставляют выполнять работы. Никаких инцидентов с ними не было. Есть среди них и колхозники, и городские жители. Среди них есть два комсомольца.

Я лично спрашивал: “Ну, как, немцев пойдем бить?” Говорят: “Пойдем, будем бить”. Чувствуется, что настроение хорошее. Иногда встречаются такие случаи, я раньше был в одном строительном батальоне, так они готовы сделать все, лишь бы только освободиться: и членовредительством занимаются, и не кушают, и обмораживаются, лишь бы домой попасть. Здесь мы этого не наблюдаем. Некоторые из них прибыли числа 8–10 ноября, это – новое пополнение. Мы месяц задерживаем здесь, не больше.

Читку боевых листков и политинформацию проводим через переводчика, вывешивается в землянке (*так в документе*). Там есть такие, которые плохо интересуются, стараются куда-нибудь в сторонку забраться, в кино или в концерт тоже неохотно идут. Это понятно: он за день так набегается, что лучше предпочитает полежать. Есть 6 человек узбеков и казахов, которые готовятся на снайперов, они интересуются этим делом.

Боевая подготовка ведется на русском языке. Материальная часть, оружие изучаются через переводчика. Тот, который знает материальную часть, оружие, сам рассказывает им, передает свои знания. Но общую команду они как будто бы понимают, делают то, что полагается. Нарушений дисциплины нет, но действуешь больше приказом. Если кто плохо делает, подхожу к нему, беру винтовку, показываю, как нужно делать. Он делает, потом опять покажешь. *Мы считаем, что их нужно обучать.* Они могут это выполнить.

В смысле гигиены они отстают, не любят умываться.

Об их национальных героях мы не говорим специально, а вообще о Героях Советского Союза латышских или Героях Советского Союза говорим. Когда говорим о стойкости, приводим в пример и Зою Космодемьянскую и 33 героя под Сталинградом»⁵³.

Из стенограммы беседы с батальонным комиссаром Недрой Фрицем Оттови-

⁵³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 16. Д. 4. Л. 70–71.

чем, агитатором запасного латышского стрелкового полка 43-го зв. латышской сд, 1895 года рождения, уроженец Риги, член партии с 1919 г. Латышский стрелок в гражданскую войну. В запасном полку с 14 февраля 1942 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 21 ноября 1942 г.:

«Выпускаем свою газету на латышском языке 300 экземпляров. Всего вышло 6 номеров, выходит в 3 дня один раз. Редактор – тов. Сокол. Кроме того, получаем из своей Латвийской гвардейской дивизии 50–100 экземпляров. Все газеты у нас хранятся в комплектах на русском и латышском языках, прошиваются. Еще получаем латышскую газету “Циня” (“Борьба”) из Кирова 300 экземпляров. Это старинный латышский орган, как “Правда”, сначала она издавалась подпольно, потом легально»⁵⁴.

«К нам латыши приезжают со всего Советского Союза». – «В прошлом году (1941 г.), когда мы выехали из Латвии, первый секретарь латышской коммунистической партии тов. Калнберзин получил разрешение сформировать латышские части, в июне или июле месяце. И здесь уже в лагере началось формирование латышской дивизии, которая в течение года показала, что она не только могла занять достойное место среди других полков и дивизий советской армии, а что она выдвинулась на одно из первых мест.

Интересно, что наша дивизия состоит из многих национальностей: латыши, русские, евреи, казахи, узбеки, коми. И несмотря на это, наш коллектив очень крепко поставлен, а те латыши, которые прожили в Советском Союзе 25 лет, проделали громадную работу в полку, потому что мы уже не связаны теми узко национальными чертами характера, как те товарищи, которые недавно выехали из Латвии. Латыши, которые прожили 25 лет при советской власти, сумели так денационализировать наши запасные роты, которые мы, как пополнение, даем своей дивизии, что наряду с латышами мы даем и русских, и евреев и т. д. Так что в этом отношении у нас такой интернациональный дух, который на всем протяжении нашей политической работы нашел правильное отражение.

Как мы практически ведем политическую работу? Мы заставляем латыша рассказать русским, как ему жилось в капиталистической Латвии, какие права были у него и каких не было, как там обращались с рабочими. Потом русского товарища заставляем рассказать, что 24 года тому назад представляла Россия и что представляет она сегодня... »⁵⁵

Художественная самодеятельность. «8 марта – женский день – мы также отпраздновали, у нас был уже маленький хор – человек 20 и там уже исполняли 4 вещи: попури на латышском языке и потом еще две вещи на латышском языке и одну на русском языке. У нас был уже аккордеон, две скрипки и баян. В мае месяце у нас выступал уже оркестр и красноармейский ансамбль, который исполнял русские и латышские вещи»⁵⁶.

⁵⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 16. Д. 4. Л. 25.

⁵⁵ Там же. Л. 30–32.

⁵⁶ Там же. Л. 33.

Из стенограммы беседы со старшим политруком Закисом Индриком Янисовичем, начальником клуба запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд, 1896 года рождения, уроженец Латвии, член партии с 1917 г. До войны жил в СССР, закончил Институт красной профессуры и работал в сельскохозяйственной академии имени Ленина. В запасном полку с февраля 1942 г. В Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 21 ноября 1942 г.:

«Что касается латышской литературы, то год тому назад не было ни одной книжки на латышском языке. Приезжают наши латыши, хотят почитать что-нибудь на родном языке, а у нас ничего нет. Потом меры были приняты, я достал кое-что в Москве, потом в Горьком оказалось довольно большое количество литературы на латышском языке. Они устроили нам передвижку. Последнее время довольно много стало выходить литературы на латышском языке. Мы часто ее продаем. Эта литература издается в Москве»⁵⁷.

«У нас почему-то с драматической работой плохо получается. Это объясняется еще и тем, что по языку разнородный состав. Если мы даем музыкальное задание, то это всем доступно, а если даем драматическое произведение, то одна часть слушает, а другая не понимает. Поэтому мы обратили большое внимание на работу в области музыкальной самодеятельности ... Мы имеем ансамбль, в котором насчитывается с переменным составом ровно 100 человек, так называемый Красноармейский художественный ансамбль песни. Затем имеем джаз-оркестр в 11 человек и духовой оркестр. Духовой оркестр идет по штабу полка, но и в клубном порядке по самодеятельности готовит концерты и программы. В духовом оркестре имеется 29 человек»⁵⁸.

«Сегодня у нас будет концерт, мы повторяем программу, которая была дана к годовщине Октябрьской революции. К этому празднику мы поставили задачу показать борьбу латышского народа за свое освобождение. Как мы это сделали? Начинается с того, что конференсье говорит, что тяжелая жизнь латышского народа под властью немецких баронов и помещиков нашла свое яркое отражение в поэзии. После этого ансамбль исполняет грустную народную песню крепостнических времен. Содержание этой песни таково: в ней спрашивается, кто они – поющие песню без солнца? Это слуги суровых господ. Заканчивается эта песня угрозой народа против своих поработителей. Эта народная песня относится во всяком случае к временам, когда в Прибалтике господствовали немецкие бароны, т. е. к крепостническим временам, к первой половине XIX века, если не раньше.

После этого даем веселую, шуточную песню, жизнерадостную, чтобы показать, что несмотря на эти суровые условия, народ боролся за свою свободу, не унывал. Эта шуточная песня называется “Мой жеребеночек”.

После этого исполняется песня лирического характера “Вей, ветерок”.

Дальше мы показываем, что в период 1905 г., в период первой революции, рабочие и крестьяне Латвии вместе со всеми трудящимися боролись, шли на борьбу

⁵⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 16. Д. 4. Л. 46.

⁵⁸ Там же. Л. 44.

против буржуазии, царя и помещиков. Тут мы даем две революционные песни 1905 г.: одну на слова Райниса “Сломанная сосна” (имеется перевод на русский язык В. Брюсова). В 1905 г. пелась песня, как революционный гимн, не проходило ни одного собрания, чтобы не пелась эта песня – “С боевым приветом на устах”.

Дальше даем песню “Широка страна моя родная”. Тут мы говорим, что при поддержке и помощи трудящихся Советского Союза трудящиеся Латвии свергли латвийскую плутократическую власть, и впервые на просторах Латвии зазвучала песня “Широка страна моя родная”. При исполнении этой песни чередуются латышский язык с русским: запеваётся она по-латышски, припев по-русски. Мы это делаем для того, чтобы еще больше подчеркнуть дружество народов Советского Союза.

После этого у нас идут песни боевые. Мы говорим о том, что с возникновением Великой Отечественной войны лучшие люди Латвии встали на защиту своей новой родины – Советского Союза. Звонко и радостно звучат эти боевые песни. Тут мы исполняем ряд боевых русских песен, как “Тульская винтовочка”, “Скаточка”, “Днепр”, “Мой баян”.

Дальше даем песни дивизии. Там имеется несколько песен. Мы исполняем одну песню “У Нары”. Эта песня была сложена в дивизии после разгрома немецких оккупантов под Москвой. Там наша дивизия впервые участвовала в этих боях, и там впервые была сложена эта песня, композитор Смилга, слова Ванагс. Был конкурс на боевую песню. Там было представлено несколько песен, и 5 песен были выполнены в качестве рекомендованных. В разное время мы ее исполняли, и в полку поют эту песню. Поскольку мы готовим кадры, мы должны уметь петь эту песню.

Затем даем одну гвардейскую песню на русском языке, но там текст несколько переделан, приспособлен к нашим потребностям. Там были слова: “Мы честные русские люди”, “Мы храбрая русская рать”, а мы вместо слов “русские люди” написали “советские люди”, вместо “русская храбрая рать”, написали “латвийская храбрая рать”.

Заканчиваем концерт гимном “Партия большевиков” и кантатой о Сталине Александра.

Я сам написал все тексты, связывающие отдельные части концерта в единое целое. Сегодня я не буду все эти тексты давать, будем исполнять просто, как концертную программу с некоторыми комментариями. Иногда нам приходится делать комментарии, потому что присутствует много русских и, если не давать пояснений, эти песни получаются очень скучными. Иногда я даю маленький перевод содержания.

У нас есть и свои поэты, и свои композиторы. Мы проводим большую творческую работу над репертуаром. Нотного материала, особенно латышских песен, совершенно нет, а делается так: кто-нибудь знает мелодию и по этой мелодии кто-нибудь пишет для хора, для оркестровки, для аранжировки. Таким

образом, это тоже своего рода творчество нашего коллектива»⁵⁹.

«Теперь в смысле культуры мы не чувствуем отрыва: у нас и кино есть, и концерты устраиваем. К нам приезжают в гости видные артисты, например, Ирма Яунзем, которая помогла нам, Пакуль приезжала два раза.

Содержание старинных песен так соответствует теперешнему времени, что когда их слушаешь, то как будто бы они сейчас написаны. Например, одна песня звучит так: если бы у меня были деньги на дне моря, я бы купил замок у немцев и заставил бы немцев танцевать, я бы заставил немцев плясать на горячих кирпичах; чтобы немцы выше скакали, я бы нагрел эти кирпичи.

У нас собран и находится в Москве сборник песен против немцев, потому что немцы для латышей самые злейшие враги. Вот почему эти песни звучат так, как будто бы они только сейчас написаны...

У латышей вообще очень развито светское хоровое пение»⁶⁰.

Из стенограммы беседы с военврачом 3-го ранга Баубель Лидией Яковлевной запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд. Родилась в Омске (год рождения не указан), в июне 1941 г. окончила в Москве 2-й медицинский институт. В запасном полку с февраля 1942 г. Беседу с ней вела старший научный сотрудник Голубева Р. 23 ноября 1942 г.:

«В латышский запасной полк я попала потому, что по национальности латышка, хотя в Латвии никогда не была. Когда сюда приехала, язык очень плохо знала, потому что с 10-летнего возраста совсем не говорила по-латышски, а до этого возраста говорила, потому что мать, отец и сестра говорили по-латышски. Здесь в полку, что называется, язык развязала...

Через военкомат узнали, что я латышка и 4 февраля меня вызвали в Горьковский райвоенкомат, дали предписание в Гороховецкий лагерь в латышский батальон. Первое время меня как-то отстраняли, потому что я совершенно не разговаривала на латышском языке и совершенно ничего не понимала»⁶¹.

Из стенограммы беседы с старшим сержантом Тутиньшем Владимиром Климовичем, 1907 г.р., беспартийный, старший писарь штаба полка. В запасном батальоне с сентября 1941 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 23 ноября 1942 г.:

«2 или 3 августа 1941 г. я попал в госпиталь, а 8 августа вышел из него и находился в части. 15 августа к нам приехал один старший политрук латыш и стал опрашивать, много ли есть латышей в этом полку. Я тогда служил в артснабе полка, нас было 12 человек. Он приезжал 13 августа, а 15 мы получили разрешение выехать в дивизию. Все 12 человек 15 августа уехали в дивизию. Сюда приехали 18 августа, когда начала формироваться наша дивизия»⁶².

Из стенограммы беседы с бойцом Брин Геннохом Рафаиловичем, 1905 г.р., беспартийный. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 23 ноября 1942 г.:

⁵⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 16. Д. 4. Л. 48–51.

⁶⁰ Там же. Л. 53.

⁶¹ Там же. Л. 66–67.

⁶² Там же. Л. 73.

После эвакуации жил и работал в Талице Кировской области.

«Однажды мы приехали с работы, нам сказали, что приехал кто-то из латвийского правительства и зовет нас. Мы собрались. Нам сказали, что формируется дивизия. Это было в начале августа 1941 г. Спросили, кто желает добровольно пойти в дивизию. Нас было около 85 человек, и все мужчины до одного подали заявление добровольно о желании пойти в дивизию. Этот представитель правительства поблагодарил нас и уехал. Мы ожидали дней 8–9. Пришел приказ: только латышей берут, остаются евреи, русские и др. Конечно, нам было очень жаль, потому что все товарищи-латыши уехали, а мы остались. Но дней через 5 (26 августа) мы получили повестки. Я пошел в Талицы в сборный пункт, и 29 августа мы были уже здесь ... Когда была комиссия, меня, как больного, назначили и отправили в резервную роту ... Сейчас я работаю связным при командире полка и при батальоне»⁶³.

Из стенограммы беседы с лейтенантом Стурисом Индриком Индриковичем, командиром взвода запасного латышского стрелкового полка 43-го зв. латышской сд. Родился в 1893 г. в Курляндской губ. В годы революции и гражданской войны служил в Красной армии. После революции жил в Аатви. Был арестован и отсидел срок в тюрьме за то, что находился в рядах Красной армии. Окончил юридический факультет в Риге, работал в левых профсоюзах, оказывал юридическую помощь неимущим рабочим. После советизации Латвии назначен членом Верховного суда Латвийской ССР. После эвакуации в июне 1941 г. работал в Чувашской АССР в Народном комиссариате юстиции. В запасном батальоне с августа 1941 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 23 ноября 1942 г.:

«Агитация через старых латышских стрелков проявляется. Я использовал в своей работе несколько примеров из моей боевой практики, из практики общественной жизни, где можно было привести некоторые положения, которые можно было обосновать. Я думаю, что это достигло своей цели.

Что касается Героя Советского Союза Вилхелмса, то я знаю, что вообще он вел работу по информации относительно снайперской работы в дивизии. О нем у бойцов самое наилучшее мнение, и наши снайперы, которые сейчас готовятся, ставят его идеалом своей работы ... Особенно поражает та готовность, жертвенность, с которой идут бойцы на фронт. Они преодолевают любые трудности, чтобы попасть на фронт. Конечно, все люди понимают, что в этой борьбе решается вопрос не о Латвии, а о победе социализма, коммунизма в Советском Союзе и вместе с тем и в Латвии. Это вопрос о жизни народов Советского Союза и народа Латвии. Это можно заключить из разговоров, которые приходится слышать. На передний план всегда выдвигается именно победа Советского Союза.

Бывали одиночные случаи, когда более упрощенно это понималось, что, мол, освободим Латвию, там мы уж как работали, показали примерную работу в советских условиях и впредь будем примерно работать и через короткое время поставим нашу республику, как примерную советскую республику»⁶⁴.

⁶³ Там же. Л. 77 об – 78.

⁶⁴ Там же. Л. 83.

Из стенограммы беседы с техником-интендантом 2-го ранга Жургиным Альфредом Христофоровичем, зав. делопроизводством штаба запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд. Родился в 1901 г., кандидат партии с 1940 г. В запасном батальоне с сентября 1941 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 24 ноября 1942 г.:

«Нужно сказать, что латыши такой народ, что дрались хорошо всегда и даже иногда, может быть, перегибали, не считаясь с некоторыми условиями нынешней войны, требующей не только личной отваги, но и хитрости, умения маскироваться и т. д.»⁶⁵

Из стенограммы беседы с полковником Шпомберггом (имя, отчество не указаны), командиром запасного латышского стрелкового полка 43-го гв. латышской сд, 1896 года рождения, уроженец Риги, член партии с 1925 г. В 1934 г. окончил военную академию имени Фрунзе. В 1936–1937 гг. работал в генеральном штабе на разных должностях. С 1937 г. до начала Великой Отечественной войны – преподаватель военно-транспортной академии РККА. С началом войны и до февраля 1942 г. выполнял особые задания правительства. В феврале 1942 г. был направлен в запасной латышский стрелковый полк в Гороховецких лагерях станция Золино, куда прибыл 3 мая 1942 г. Беседу с ним вела старший научный сотрудник Голубева Р. 26 ноября 1942 г.:

«Курсы младших лейтенантов возникли таким образом. Когда дивизия начала требовать от нас комсостав, у нас комсостава, который приехал из дивизии после ранения, было мало. Мы поставили вопрос перед МВО о создании курсов младших лейтенантов. Ни одна запасная часть не имеет этих курсов. Нам, как латышам, решили создать. Сейчас обучается третий выпуск. Первый выпуск был в апреле. Из этого выпуска и из второго человек 12 выберется в дивизию. Для комплектования курсов искали молодых, здоровых, которые были уже на фронте и имели некоторое образование. Мы нашли такого рода для первого выпуска человек 170, для второго – 150. Таким образом, дивизия не стала чувствовать недостатка в комсоставе. В третьем выпуске у нас имеется первая женщина пулеметчица Тимофеева. Дальше у нас будет больше женщин и командиров, и автоматчиц ... Старых латышских стрелков у нас немного, можно по пальцам пересчитать, наверное, человек 8–9 будет ... Это чрезвычайно выдержанные, хладнокровные люди. Латыши вообще хладнокровные, но это особенно выдержанные люди»⁶⁶.

Беседа ведется Голубевой Р. 25 ноября 1942 г. в 3-м батальоне 10-й роте женщин-автоматчиц:

«В этой роте женщин 12 человек. Это первая группа женщин-автоматчиц. Вторая группа помоложе, которая только что прибыла, сейчас находится в поле.

Уровень образования – 5–6 классов. Якушева жила в Советском Союзе, остальные все в Латвии. Преподавание ведется на русском и латышском языках. Из этой группы часть есть, которые плохо знают русский язык, с ними прихо-

⁶⁵ Там же. Л. 101.

⁶⁶ Там же. Л. 108–109 об.

дится заниматься русским языком. Другая группа лучше знает русский язык и понимает всю команду. Обычный разговор они все понимают, но учеба трудна им на русском языке.

Учатся они наравне со всеми бойцами, изучаем устав. Они весь батальон подтянули по боевой подготовке: раз женщины хорошо шагают, то весь батальон тянется за ними.

Мы решили в вечернее время использовать часы для усвоения русского языка. Все говорят исключительно по-русски, и все умеют читать. Читают художественную литературу мало, потому что последнее время не было электричества. Теперь электричество провели, будут больше читать. Затруднение только с электролампочками. Сейчас пока с лучинкой сидят. Больше всего из художественной литературы любят: Горького, Пушкина, Толстого, Маяковского, Островского, некоторые начинали читать еще в Латвии. Стихов мало еще читали.

После окончания учебы в будущем будут командирами»⁶⁷.

2-я группа женщин-автоматчиц, среди них Плинер, 1919 г. р., из Риги. По словам зам. командира роты по политработе Муйжнекса, Плинер – лучший агитатор. Р. Голубева у нее спрашивает: «Какой Ваш метод в работе агитатора?» – Она отвечает: «Метод думаю искать. Но, когда есть время и возможность, я читаю газеты. Если кому-нибудь из товарищей что-нибудь непонятно, я объясняю. Есть товарищи, которые плохо владеют русским языком, им переведешь, расскажешь. Вот, пока все ... С немцами у меня большие счета. Сейчас главная моя задача только хорошо усвоить все приемы, чтобы метко стрелять. А счета с немцами у меня, во-первых, за двух моих детей, которые умерли, во-вторых, за семью, которая осталась в Латвии и которая, вероятно, вся погибла»⁶⁸.

Устале Зельма Яновна, родилась в Риге в 1922 г.: «У меня только мама есть, она осталась в Риге. Подруги есть». Рикстынь: «Это есть новая родина – Советский Союз». Устале: «Нет, не новая, старая уже»⁶⁹.

Деятельность 1-го отдельного запасного Латвийского стрелкового полка сыграла большую роль в сохранении 201-й стрелковой (затем 43-й гвардейской) дивизии в качестве латышского национального соединения по составу ее воинов. Из запасного полка убыло на фронт после переподготовки около 33 тысяч воинов, в том числе (до июня 1944 г.): в 1942 г. – 16471 чел.; в 1943 г. – 11143; в 1944 г. – 5300⁷⁰.

К началу августа 1943 г. в резерве полка было уже 504 человека, в том числе 331 строевой офицер. С 29 июня 1944 г. полк прекратил существование – он был расформирован, а его личный состав передан на комплектование 308-й Латышской стрелковой дивизии и запасному батальону 130-го Латышского стрелкового корпуса.

⁶⁷ Там же. Л. 152–152 об.

⁶⁸ Там же. Л. 158.

⁶⁹ Там же. Л. 158 об.

⁷⁰ Петров А.И. Указ. соч. С. 9–10.

Дивизии, постоянно находившейся в боях с декабря 1941 г., часто не хватало личного состава. Она понесла большие потери в мартовско-апрельских боях. В этих условиях трудно было сохранить национальный характер воинского формирования. В мае 1942 г. командир дивизии Ян Вейкин писал своему партийному руководству, что взят слишком резкий курс на русификацию дивизии. По его мнению, забыли, что дивизия-то называется Латышской не случайно. Как в дивизии, так и в армии имеется тенденция рассматривать ее без учета специфики, просто как одну из многочисленных дивизий Красной армии. Особенно резко, писал Вейкин, это проявляется в деле набора руководящих кадров. «С этой вредной тенденцией веду борьбу и считаю, что при вашей поддержке этот промах скоро и безболезненно выправим»⁷¹.

На 25 мая 1942 г. в дивизии было всего 7066 военнослужащих. Национальный состав соединения в этот момент был следующим: 2874 латыша, 1841 русский из других союзных республик, 986 евреев, 877 русских из Латвии, 123 белоруса, 111 украинцев, 95 поляков и 60 татар⁷².

В мае и июне из латышского запасного стрелкового полка и частично из запасных курсантских полков дивизия получила значительное пополнение – 6 298 бойцов, командиров и политработников. В основном это были жители Латвийской ССР, эвакуированные в начале войны вглубь страны. Были также фронтовики, участники боев в районе Наро-Фоминска и Боровска, возвращавшиеся в дивизию после лечения в госпиталях. В результате поступления столь многочисленного пополнения снова изменился состав соединения. Теперь в дивизии граждан Латвийской ССР стало около 80%. Из них латыши составляли 53%, русские – 35%, евреи, жители Латвии – 15%, воины других национальностей – 6%⁷³.

Июль 1942 г. – март 1943 г. – это второй период боев дивизии на демянском участке, когда она вела активные боевые действия на северном фланге «Рамушевского коридора».

К осени 1942 г. оказались в значительной степени исчерпанными призывные контингенты для пополнения 201-й латышской стрелковой дивизии гражданами Латвийской ССР и латышами, проживавшими в других союзных республиках. Комплектование резервов для дивизии стало производиться из советских граждан различных национальностей. В декабре 1942 г. в 1-й Латвийский запасной стрелковый полк прибыли призывники 1924 г. рождения – русские, татары, чуваш и т. д. Удельный вес воинов латышской национальности в запасном полку уменьшился с 46,1% в июле 1942 г. до 32,4% в июле 1943 г. В полку в 1943 г. латыши и граждане Латвийской ССР составляли до 60% всех воинов. Дивизия возродилась как полнокровное соединение, в ее рядах насчитывалось 10 752 человека⁷⁴.

5 октября 1942 г. за проявленные в битве под Москвой и у Старой Руссы мужество и стойкость, за героизм личного состава приказом народного комиссара

⁷¹ Цит. по: Петров А.И. Указ. соч. С. 44.

⁷² Там же. С. 51.

⁷³ Там же. С. 51.

⁷⁴ Там же. С. 55.

обороны № 300 дивизии было присвоено гвардейское наименование. Отныне она именовалась «43-я гвардейская стрелковая Латышская дивизия». 19 октября Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР Август Кирхенштейн вручил дивизии гвардейское знамя.

За период боевых действий с 19 декабря 1941 г. по 20 июня 1943 г. дивизия потеряла 8 024 человека убитыми, 24 137 – ранеными и контуженными. Без вести пропал 1 421 человек и в плен попали 4 человека⁷⁵.

13 октября 1943 г. части Латышской дивизии снялись с позиций под Старой Руссой, погрузились в эшелоны и прибыли в район Великих Луг (г. Торопец). Дивизия была включена в состав 22-й армии только что сформированного 2-го Прибалтийского фронта. В январе 1944 г. дивизия участвовала в прорыве немецкой обороны в районе Насвы в составе 97-го стрелкового корпуса 22-й армии на левом крыле 2-го прибалтийского фронта.

В июне 1944 г. 43-я гв. Латышская стрелковая дивизия вошла в состав только что сформированного 130-го стрелкового Латышского корпуса. В преддверии начала боев за освобождение Латвии были сформированы вторая Латышская стрелковая дивизия и, уже на базе двух дивизий, – стрелковый корпус. Его создание было оформлено, по предложению ЦК КП(б) Латвии, приказом Генерального штаба от 5 июня 1944 г. Корпус состоял из двух Латышских стрелковых дивизий 43-й гвардейской и 308-й, сформированной на базе 1-го отдельного запасного Латвийского полка в Гороховецких лагерях. Началась подготовка к предстоящим боям за освобождение Латвии. В начале августа в составе корпуса числилось около 16 тысяч человек, в том числе 7 537 – в 43-й гвардейской дивизии, 7 367 – в 308-й дивизии и 853 – в корпусном управлении⁷⁶.

В составе 308-й стрелковой дивизии русских было 52,2%, латышей – 35%, представителей др. национальностей – 12,8%. (Русских было 3495 человек, латышей – 2656, евреев – 569, татар – 136, украинцев – 116, белорусов – 67, литовцев – 56, эстонцев – 2, представителей др. национальностей – 172). В этой связи дивизионная газета выходила на двух языках – и на латышском «Падомью Стрелникс», и на русском «Советский стрелок». Около трети бойцов дивизии уже воевали ранее в полках 43-й гв. дивизии⁷⁷.

С июля 1944 г. началось освобождение территории Латвии, и продолжалось оно в боях, не прекращавшихся до последнего дня войны, десять месяцев. Особенно напряженные бои шли с июля по октябрь 1944 г. 18 июля 1944 г. передовой отряд корпуса перешел границу Латвийской ССР у населенного пункта Латышонки – первым из войск 2-го Прибалтийского фронта. После долгих трех лет разлуки солдаты Латышского корпуса вновь вступили на свою землю. Латгалию до р. Айвиесте корпус прошел за три недели. В результате наступления войск трех Прибалтийских фронтов в июле–августе 1944 г. от оккупантов была

⁷⁵ Там же. С. 69.

⁷⁶ Там же. С. 83.

⁷⁷ Там же. С. 89.

полностью освобождена вся восточная часть Латвии (Латгалия), большая часть Мадонского и половина Валкского уезда в Видземе, Илукстский уезд, большая часть Елгавского, почти весь Екабпилсский и небольшая часть Бауского уезда в Земгале. К началу сентября от гитлеровских войск была очищена почти половина территории Латвии. В конце августа 1944 г. в Латышский корпус впервые поступило пополнение из числа молодых воинов, призванных на уже освобожденной территории Латвии. В управление корпуса было направлено 36 новобранцев, в 43-ю гв. сд – 3455, в 308-ю сд – 2318⁷⁸.

С 14 по 24 сентября Латышский корпус участвовал в Рижской наступательной операции; с 30 сентября по 16 октября 1944 г. дивизии корпуса вели ожесточенные бои на подступах к Риге и освободили столицу Латвии от гитлеровских войск. 16 октября латышские стрелки торжественно вступили в столицу Латвийской ССР.

В ноябре 1944 г. понесшие потери в боях части и соединения корпуса получили 4 415 человек пополнения, в основном из молодежи, мобилизованной на освобожденной территории Латвии. В результате получения пополнения на территории Латвии в 1944–1945 гг. в составе Латышского корпуса значительно возрос удельный вес солдат и офицеров латышской национальности. Если при формировании 308-й сд в ней, по состоянию на 10 июля 1944 г., имелось 36,3% воинов латышской национальности, то на 30 марта 1945 г. их доля составляла уже 82,5%⁷⁹.

С декабря 1944 г. по март 1945 г. Латышский стрелковый корпус принимал участие в ожесточенных боях по ликвидации курляндской группировки немецких войск и освобождении территории Курземе. Вплоть до окончательной ликвидации курляндской группировки немецких войск в мае 1945 г. Латышский корпус будет здесь вести упорные бои. 22 мая 1945 г. Латышский стрелковый корпус триумфальным маршем победителей прошел по Латвии. В Риге состоялся торжественный парад. Ударное соединение корпуса – 43-я гв. Латышская стрелковая дивизия – находилось в соприкосновении с противником 386 дней (т. е. 27% времени войны) и вело наступательные бои 205 дней. Созданный 5 июня 1944 г. 130-й Латышский стрелковый корпус находился в соприкосновении с противником 119 дней, из которых 74 дня вел наступательные бои на главных направлениях ударов советских войск на территории Латвийской ССР⁸⁰.

§ 4. Межнациональные отношения в РККА в годы Великой Отечественной войны

Массовая армия всегда является отражением того общества, члены которого становятся его солдатами. В этом смысле РККА не была исключением. Многочисленные межнациональные противоречия, этнические стереотипы и предрас-

⁷⁸ Там же. С. 105.

⁷⁹ Там же. С. 117.

⁸⁰ Там же. С. 145–146.

судки переносились в армейскую среду, несмотря на пропаганду интернационализма. Традиционно этнические стереотипы делятся на позитивные и негативные. Первые формируют положительный облик народа (например, грузины – радушные), вторые – создают устойчивый негативный образ. Причем воспринимаются они некритически и автоматически переносятся на всех представителей этноса. В экстремальных условиях военного времени, когда все испытывают повышенный стресс, а неудачи приводят к поиску виноватого, этнические стереотипы превращаются в серьезную проблему в многонациональном обществе.

Пожалуй, одним из главных объектов негативных эмоций с самого начала войны стали евреи. Причем это было характерно не только для Украины, где евреев было много, и антисемитизм был достаточно распространенным явлением, но и для других регионов. В. Гельфанд, сам выходец из еврейской семьи, человек со сложившейся советской идентичностью, но болезненно воспринимающий антисемитизм в любых проявлениях, зафиксировал в своем дневнике 23 октября 1941 г. во время прохождения обучения в офицерской школе на Северном Кавказе:

«На улицах и в парке, в хлебной лавке, в очереди за керосином – всюду слышится шепот. Шепот ужасный, веселый, но ненавистный. Говорят о евреях. Говорят пока еще робко, оглядываясь по сторонам. Евреи – воры. Одна еврейка украла в магазине шубку. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он говорит, что голодает. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели нам на голову. Словом, евреи – причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать – внешность и речь не выдают во мне еврея». И далее: «Но все-таки я не люблю этих казаков за немногим исключением. Украинцы меньшие антисемиты. Русские Запада – Москвы, Ленинграда – еще меньшие. Я не понимаю, как можно быть таким жестоким, бессердечным и безбоязненным, каким является Северокавказский казак. На всеобуче, к слову, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята рассказывают, что во время бомбежки Минеральных Вод евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка подняла вверх руки, неистово и пронзительно крича. Слушатели смеялись, и никто не попытался пресечь эту наглую антиеврейскую пропаганду. Мне было обидно за евреев. Гнев душил меня, но я не смел слова сказать, зная, что это еще больше обозлит всех против меня и вызовет взрыв новых издевательств надо мной»⁸¹.

Приведенный выше отрывок демонстрирует не только активизацию бытового антисемитизма в тылу с началом войны. В нем можно обнаружить описание процесса разрушения сложной конструкции межнациональных отношений, существовавшей до этого. Показательно, что первоначально антисемитские вы-

⁸¹ Гельфанд В. Дневник, 1941 год // <http://www.gelfand.de/dn-1941/index.html>

сказывания делаются «с оглядкой», как предосудительные и несанкционированные, но затем они становятся все смелее и смелее.

Следует указать, что о проявлении антисемитизма сигнализировали и органы пропаганды. Так, осенью 1941 г. заместитель заведующего оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. Шамберг в информационном сообщении для секретарей ЦК описывал случаи антисемитизма в местах эвакуации населения, приводя в качестве примера Северный Кавказ. Предлагалось разъяснять населению, что антисемитизм чужд советскому строю, а также привлекать к ответственности причастных лиц⁸².

С антисемитизмом Гельфанд напрямую сталкивался и непосредственно в армии. Приведем следующий отрывок из дневниковой записи от 5 апреля 1943 г.:

«Карымов. Сам не русский, но антисемит и шовинист. Это тип, подобный Сеньке-еврею (с производства) и еще многим нерусским людям, способным осмеивать свой народ, нападать на него вместе с русскими антисемитами, предавать его интересы в угоду собственному благополучию. Таких любят, такие везде в числе счастливых. Взять Сеньку. Он дразнил евреев и чистил их под общий смех и одобрение. Его любили за это. Я же всегда спорю и доказываю, что никакая нация и народ в целом плохими не бывают, а находятся отдельные люди, да, быть может преобладающие в какой-то конкретной нации, обладающие скверными качествами. Со мной спорили, меня не любили за это. Помню одного украинца, утверждавшего, под общее одобрение многих, что украинцы все трусы и предатели и большинство (!) их перешло на сторону врага. Я и тут стал доказывать, что большинство – значит больше половины, а украинцев 40 миллионов и, если б даже половина их перешла на сторону немцев, то это составило бы 20 миллионов, а разве это так в действительности? Меня готовы были ненавидеть за невозможность доказать мне обратное, и теперь Карымов, он был *** я был там замполитом. Он – старшиной одной из палат. Вместе нас выписали. Никогда я не слышал от него ничего плохого, и вдруг ... стали говорить о нападке, ругать его. Кто-то сказал, что он еврей (хотя тот и был русским). – Евреи все такие, все мерзавцы, – подметил вдруг Карымов, – они и в госпитале засели. Выписали меня, когда рана еще не залечилась. Где хорошо, там евреи – жида и жидовки. Их недаром немец стреляет. С нами тоже «Абгам» [Абрам – В.Т.], – закончил свою тираду он, театрально махнув рукой в сторону меня. – Он и на фронте еще не был, гад – сразу в госпиталь, – подхватил другой. Это меня задело. Я накричал на него. – С какой стати, дурак, ты называешь меня гадом? На каком основании? Он, не ответив, поспешно ретировался. Я слышал, что защищать евреев или какую-либо другую нацию, будучи ее представителем, неправильно, и называется это как-то вроде национализма. Поэтому я сказал: – А вы знаете, какой вы нации?! – Какой? – раздалось вокруг. Я ответил – Советской! Мне не важно, какая другая нация есть у каждого, мне важно, что это за человек. Это главное. И если Карымов сегодня по дороге ругал сам свой народ, к которому он сам принадлежит, называя его трусливым и вороватым, я считаю это ничем иным как предательством, изменой своему народу. Никогда не бывает плохих наций, есть люди, представители наций, порочащие свою, пусть даже за счет унижения других. Меня поддержали узбеки, казахи и некоторые русские. Остальные, подняв вой, в буквальном смысле слова»⁸³.

⁸² Из информационного сообщения организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) секретарям ЦК А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову об усилении антисемитских настроений в местах эвакуации населения // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. Док. № 271. С. 657.

⁸³ Гельфанд В. Дневник, 1943 год // <http://www.gelfand.de/dn-1943/index.html>

Приведенный отрывок интересен сразу в нескольких моментах. Во-первых, фигурой антигероев – неизвестного украинца, который, сам будучи украинцем, называет всех украинцев предателями. В этом же ключе описывается и некий знакомый Гельфанда – Сенька, еврей, издевающийся над евреями. Перед нами классический случай негативной этнической идентичности, когда представитель этноса отрицательно относится к своему же народу. Причины проявления этого феномена бывают разные, в том числе и индивидуальные особенности психологии. Возможно, в случае с украинцем причина лежит в том, что тот был глубоко разочарован тем, что часть украинцев оказались под оккупацией и сотрудничали с нацистами. Правда, почему-то он забывал о других народах (в том числе и русских), чьи представители тоже оказались замешаны в коллаборационизме. Гельфанд объясняет этот феномен желанием подстроиться под среду, где такой типаж ценится именно тем, что представитель критикуемого этноса подтверждает негативные стереотипы.

Во-вторых, особый интерес представляет Карымов, который является носителем расхожих стереотипов о евреях. Так, он повторяет мнение, что евреи стремятся увильнуть от службы на фронте и даже специально вредят. В общественном мнении это выразилось в популярном саркастическом утверждении о «бойцах ташкентского фронта», т. е., якобы, что евреи почти поголовно оказались в эвакуации в Средней Азии, где и переждали тяжелое военное время. В то же время сам Карымов, судя по указаниям Гельфанда, тоже еврей, видимо представитель бухарских евреев.

В-третьих, особого внимания заслуживают рассуждения самого Гельфанда. В первую очередь он чувствует себя некомфортно в ситуации, когда ему, еврею, приходится защищать евреев. Ему кажется, что это национализм. Поэтому он выдвигает следующий аргумент: он утверждает, что все они представители *советской* нации. Это заявление интересно по нескольким причинам. В первую очередь здесь фиксируется сам факт существования советской идентичности, причем советскость здесь выступает именно как национальность. В то же время Гельфанд рассматривает ее как надстройку над «базовой» национальностью, предателем которой и стал, по его мнению, Карымов. Здесь мы сталкиваемся с интересной формой идентичности, которую метафорично можно назвать «пирамидальной». То есть признание существования и принадлежности к советской нации не отменяет базовой национальной идентичности. Важно и другое. Советская идентичность выступает здесь как защита от националистических нападок. Получалось, что решить межнациональную вражду технически просто: признание себя представителем советской нации автоматически делает «базовые» идентичности менее важными и выбивает почву для вражды между национальностями. Показательно, что заявление Гельфанда поддержали казахи и узбеки – сами потенциальные жертвы этнических стереотипов (см. ниже). Не без сожаления указывается и на «некоторые русские». Очевидно, что автору хотелось бы получить единодушную поддержку.

Отчасти такие негативные слухи о евреях можно связать и с негласным вето на публикацию информации о награждении евреев за боевые заслуги. Это решение в первую очередь было связано с желанием не лить воду на мельницу нацистской пропаганды, утверждавшей, что в РККА всем заправляют комиссары-евреи. Тем не менее представители Еврейского антифашистского комитета оценили эту тенденцию как несправедливую и скорее помогающую немецкой пропаганде⁸⁴.

В отношении солдат неславянского происхождения в армии также можно было нередко обнаружить негативное или пренебрежительное отношение. Это во многом было связано с недоучетом национальных культур. Многие военные оценивали боевые качества «националов» очень невысоко. Офицер разведотдела штаба 383-й стрелковой дивизии Черноморской группы войск в январе 1943 г. следующим образом описывал новобранцев из Азербайджана: «Дивизия наша получила пополнение из Азербайджана ... А вояки они только у себя в ауле на печке ... Гибнет их много, и зря гибнет. Сами, можно сказать, по собственному желанию. Вот типичный случай: здоровенный “елдаш” (тюрк. “товарищ”) лежит под деревом, замерзает. Метрах в двадцати от него теплая хата, в которой можно согреться. Подходишь к нему: “Эй, друг, чего лежишь?” Он в ответ: “Аржибержан”. Ему кричишь: “Вставай, замерзнешь!” – “Аржибержан”. Попробуешь его поднять и подтащить, не дается, цепляется за обледеневшую землю: “Аржибержан”...»⁸⁵. Еще пример, который можно обнаружить в воспоминаниях Б.Г. Тартаковского: «Их [азербайджанцев – В.Т.] считали в солдатской среде не только плохими вояками, не приспособленными к здешним климатическим условиям, но и людьми, сознательно старавшимися любыми путями увильнуть, хоть на время, от тяжелой доли пехотинца на передовой. Мне самому приходилось не раз видеть, как целая группа совершенно здоровых бойцов, человек 5–6, сопровождала в тыл ... своего раненого ... соплеменника, громко голоса при этом, как бабы на деревенских похоронах. Такие сцены не могли не вызывать раздражения у солдат, мокнувших и мерзших в своих окопах»⁸⁶.

Невысокая боеспособность кавказских солдат отмечалась и командованием Вермахта. Так, при оценке войск Крымского фронта К. Манштейн указывал: «Боевая ценность основной массы вражеских дивизий не слишком высока, а у части из них снижена в результате поражения у Феодосии. Они состоят в значительной степени из не особенно желающих воевать кавказцев и солдат с маленьким сроком подготовки»⁸⁷.

Некоторые командиры не гнушались бросать неславянский контингент «на убой», чтобы сберечь славянский. Командир одной из кавалерийских частей Южного фронта в апреле 1942 г. открыто заявил: «Пусть их давят танками и

⁸⁴ Записка Еврейского антифашистского комитета секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о необходимости публикации полных официальных данных о награжденных бойцах и командирах Красной армии различных национальностей, в том числе и евреев. 2 апреля 1943 г. // Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации. 1938–1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 35–36.

⁸⁵ Цит. по: Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 237–238.

⁸⁶ Там же. С. 224.

⁸⁷ Цит. по: Исаев А., Глухарев Н., Романько О., Хазанов Д. Битва за Крым. 1941–1944 гг. М., 2016. С. 243.

расстреливает противник, тогда скорее уедем в тыл на формирование. Казаков и русских нам нужно сохранять, они нам пригодятся»⁸⁸.

Недоверие можно было наблюдать даже по отношению к украинцам, причем со стороны высшего командования. Так, Л.З. Мехлис в начале 1942 г. сумел добиться от Ставки пополнений для Крымского фронта, причем однозначно указывалось, что пополнения должны были быть славянскими. А.М. Василевский пообещал: «Даны указания ... о немедленном направлении пятнадцати тысяч пополнения из русских или украинцев». Но Мехлис прямо потребовал: «Пополнение прошу, чтобы было русское, а не или»⁸⁹. Впрочем, это не спасло Крымский фронт от тяжелого разгрома, в чем не в последнюю очередь был повинен лично Мехлис.

Нередко командование с подозрением относилось к «националам», опасаясь, что они подвержены националистическим настроениям⁹⁰. Считалось, что бороться с этим можно было только упорной пропагандой советских ценностей. Поэтому особенно приветствовалось вступление представителей «нерусских» народов в комсомол и партию.

Об этом писалось и в докладной записке руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА, подготовленной по результатам проверки ситуации на Закавказской фронте в декабре 1942 г.: «Совершенно недопустимым является тот факт, что даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать»⁹¹.

Часто такие настроения являлись следствием недоучета национальных традиций. Например, среди советских среднеазиатских народов существовал обычай коллективной молитвы над ранеными и убитыми. Причем совершалась она прямо во время боя. Естественно, что такое скопление становилось удобной мишенью для немецких стрелков. Из интервью Героя Советского Союза Юзека Ивановича Балабухи: «С узбеками было тяжело. Когда одного ранят, они все сбегаются в кучу до этого раненного, а немец в это время бьет»⁹².

Командиры не пытались разобраться в культурных особенностях своих подопечных. Война диктовала самые жестокие способы решения проблемы. Так, в интервью участника Сталинградской битвы можно встретить и такое: «Дали пополнение, а люди не пошли [в атаку – В.Т.] – узбеки, которые крайне плохо воюют. Из этой группы, кто не пошел, расстреляли всех»⁹³.

Между тем стенограммы Комиссии по истории Великой Отечественной войны демонстрируют довольно противоречивое отношение командующих к «нерусским народам». Они нередко признавали, что «националы» – не самый

⁸⁸ Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 224.

⁸⁹ Исаев А., Лухареv Н., Романько О., Хазанов Д. Указ. соч. С. 229.

⁹⁰ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 95.

⁹¹ Докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА Ставского заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах поездки на Закавказский фронт группы агитаторов ГлавПУРККА. 4 декабря 1942 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 706.

⁹² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Д. 464.

⁹³ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 97.

лучший контингент, но в то же время своей задачей они считали адаптацию их к армии, и превращение их в хороших бойцов.

Командующий 62-й армией в Сталинграде генерал-лейтенант В.И. Чуйков говорил в интервью сотрудникам Комиссии: «Здесь [в Сталинграде] были представители всех национальностей, а не какие-то особые, отборные части, специально созданные для Сталинграда. Конечно, русских было больше, потому что русского населения было больше. Лучше всего дрались у нас русские, потом украинцы и даже узбеки, которые раньше никогда не воевали. Правда, первый и второй день плачут, потом сама обстановка заставляет его смотреть на русского, на украинца, и с ними вместе там бьется и умирает. Высокое политическое сознание было исключительное у бойцов»⁹⁴.

Хороший пример кропотливой работы с «нерусским» контингентом можно найти в интервью Героя Советского Союза Николая Сидоровича Бевза (1924–1995).

«У меня был многонациональный состав подразделения, были казахи, узбеки, украинцы, русские, татары, преимущественно были казахи и русские. Казахи плохо понимали русский язык, и у меня была цель сплотить казахов в одно целое, чтобы, можно было, в бою ими как-то руководить. У меня был ординарец казах ЖЕНАУЛОВ, член партии, бывший председатель колхоза. Он хорошо знал, русский язык. Я взял его как переводчика и проводил вместе с ним политмассовую работу среди казахов и узбеков. Работать с ними на первых порах было трудно. Выпускаем боевой листок, так я обязательно сам участвую в его выпуске. Без меня боевой листок не выпускался, я его направлял так, как, мне было нужно.

В боевом листке я всегда ставил в пример какого-нибудь казаха, того, что хорошо изучил русский язык. Беру боевой листок и прихожу к ним. Они садятся вокруг меня по своему обычаю, подогнув под себя ноги. Я их обычаем никогда не нарушал и даже изучал их обычаи, помногу беседовал с Женауловым. Он мне рассказывал про их обычаи, о том как казахи смотрят на войну. Женаулов пожилой, ему лет сорок. Он говорил, что у них обычаи собираться всем в кружок пить чай. Говорил, что казахи живут дружно и в беде всегда друг другу помогают.

– Если у нас один плохо живет, приходишь к нему и помогаешь ему, чем можешь. Если одного казаха обидают, все, как один, будут против тебя.

И вот я сажусь вместе с казахами в кружок, пил вместе с ними чай, никогда им не отказывал, потому что они могли обидеться, читал им боевой листок, а Женаулов переводил, после этого они между собой обсуждали его. Старался все время поднимать авторитет Женаулова, говорил, что вот он член партии, и был такой момент, когда все казахи вскочили и начали плясать вокруг него, изъявляя свою преданность ему. Без него никогда не проводил бесед, и казахи для него делали все, что я не говорил. Его приказания были законом. Я его воспитывал, а он работал с казахами. Если с ними занятия по материальной части. Если русский будет с ними работать, они ничего не поймут, а Женаулов им все хорошо объяснит, и они поймут, что к чему. После того, как я с ними проводил беседы по боевым листкам, они и меня очень полюбили и пошли бы за меня в огонь и воду. Женаулов много обо мне рассказывал. Я сяду в сторонке и слушаю, а потом Женаулов откровенно мне рассказывал, какого они мнения обо мне, и хорошее, и плохое. Таким образом, я поднимал авторитет и Женаулова, и свой среди

⁹⁴ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 409.

казахов и прививал к себе любовь, и часто бывало, что мои казахи пойдут в другое подразделение и рассказывают, как я с ними работал, что отношусь к ним сочувственно, что они меня любят, и даже старались переманивать к себе. Если они письмо напишут, адрес бегут ко мне подписывать. Я посылал привет их родным, и они были очень рады, таким образом, я воспитал хороших бойцов и хороших командиров. Казахов и другие национальности я любил, и они были для меня, как и русские. Казахи – трудолюбивый народ. Если начнут снаряда грузить, так уж русский не поспеет за ними. Нужно только уметь к ним подойти, узнать их обычаи, быть к ним справедливым, входить в их интересы, знать их нужды. Голову повесит и все, если не узнать, в чем дело, можно и придраться к нему, можно человека забить, а если выяснить в чем дело, да помочь ему, он тебе будет благодарен на всю жизнь.

Был такой случай с казахом МАМБИТАЛИЕВЫМ. У него на родине жила плохо семья. Подошли бараны, не было хлеба. Семья большая, 7 человек. Ему написали из дома письмо. Смотрю, он насупился и ходит, повесив голову, вялый такой. А всегда был энергичным. Думаю, или больной, или еще что. Вызвал Женаулова, расспросил его о Мамбиталиеве. Он мне все рассказал. Вызываю самого Мамбиталиева и начинаю с ним беседовать через Женаулова. Решил написать письмо председателю колхоза, чтобы он помог его семье. Женаулову я диктую по-русски, а он по-своему пишет. Дошло ли это письмо, как на него реагировали, я не знаю, по человек почувствовал, что какая-то защита имеется, и он надеялся, что может быть ему помогут, что подняло ему настроение.

После этого факта я понял, как надо работать с казахами, сделал для себя вывод, что к этим людям надо относиться чутко, знать их повседневную жизнь, их семейную жизнь. Они попали в среду русских, обстановка для них незнакомая, язык незнакомый, и если с них требовать так, как с русских, они будут сильно переживать. А если их еще оскорбить, они сильно обидятся, потому что они находятся не в своей местности»⁹⁵.

Вероятно, можно говорить, что в значительной степени случай Н.С. Бевза – редкость. Кропотливая работа с контингентом «националов» проводилась не так широко, как хотелось бы. Гораздо больше интервью, в которых указывается на невысокий боевой потенциал нерусских народов, что косвенно свидетельствует о неумении и нежелании с ними работать. Хотя именно политрук, как показывает пример Бевза, оказывался обязательным звеном в успешной адаптации представителей «нерусских» народов в действующей армии. Описанный случай позволяет выявить алгоритм успешной работы. Он заключался в поиске знающего русский язык и желательно авторитетного среди своих «национала». Через него на первых порах происходило общение. Политруководитель должен был в этой ситуации, для завоевания авторитета, изучить культурные особенности подопечных. Например, в случае со среднеазиатскими народами непременным условием их адаптации оказывалась чайхана, где они могли бы обсудить проблемы, отдохнуть и т. д. Здесь же проходили политзанятия. Можно предположить, что в данном случае политруководитель выполнял схожую с муфтием роль. Активно пропагандировались успехи отдельных солдат. По мере адаптации «националов» и роста авторитета их руководителя заметно повышались боевые качества военного формирования.

⁹⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Н.С. Бевза.

В схожем стиле работали в 110-й дивизии, участвовавшей в боях под Москвой. Рассказывает начальник политотдела, старший батальонный комиссар Александр Дмитриевич Королев:

«Пополнение прибывало у нас в ходе боев и когда стояли на оборонительных рубежах. С пополнением применялись различные формы работы. Очень характерна работа с нацменами. Якуты к нам прибыли, с ними начал работу политрук Лицуков. Он путем индивидуальных бесед с бойцами выявил, что один нацмен владеет русским языком и организовал боевой листок на якутском языке, заставил этого нацмена писать. Через боевой листок стал популяризировать тех, кто имел успехи в бою. Это повлияло положительно на бойцов, и товарищи ежедневно спрашивали у политрука: “А когда будет опять выпущен наш боевой листок и когда меня поместят в наш боевой листок?” Эту инициативу подхватила инструктор пропаганды Можарская. Стали рисовать портреты отличников нацменов, популяризировать их через газету и многие из них хорошо дрались. Этот опыт в 1-м полку по работе с нацменами дал большие результаты. Стали применять выпуск боевых листков на татарском языке, других национальностей. Это положительно сказалось на воспитании бойцов»⁹⁶.

Из интервью с Героем Советского Союза Аркадием Александровичем Борейко:

«11-я дивизия хорошая была. Это ополченческая дивизия Ленинградского района. Немножко портили нам, откровенно говоря “сыны солнца” – это казахи. Узбеки лучше, хуже всего аджарцы. Казахи хорошо все время себя вели. Потом, у них такой бытовой обычай. Вот наступает рота, там казахов была половина. Ранило казаха. Он кричит, обнимает кустик. Все казахи к нему собираются, садятся и что-то лопочут по-своему. Немец видит, пристреливает это место и, вот, смотришь, это место вот-вот накроют.

Офицеры бегут с наганами, кое-кого стреляют даже, чтобы разогнать. Ничего подобного. Потом мы нашли слабую сторону, что языка не знаем, обычаев не знаем. Стали изучать, в чем дело. Был у меня в 11-й дивизии майор казах, помощник командира полка и я у него спрашиваю, что нужно. Он говорит – любят чай. Я приказал собрать все самовары. Самоваров 40 собрали. В землянке старик-солдат попивает этот чай и казаху можно пить этот чай сколько его душе угодно.

Второе слабое место то, что во время боя трупы остаются. Потом идет специальная похоронная команда и убирала их. Для них это нехорошо. Мы тогда сделали так: убивает казаха, в сторону отложит, потом заявишь. Мы берем этих казахов, организованные похороны по своему и на могиле погибшего говорили: если бы не немцы, этот казах жил бы.

Немцы вели агитацию среди казахов, что когда царь был в России, то вы не служили на военной службе, а большевики вас берут и это имело известное значение. Когда нам удалось раскрыть эти две слабые стороны, резкое улучшение пошло.

В той же 11-й дивизии до 12 казахов во время наступления были отжаты немцами, и они сутки дрались в окружении, пока помощь не подошла, не сдались. Остались все живы. Когда мне стало известно, я приказал батальон целиком послать на выручку и на этом деле мы сыграли. Сразу получилось резкое улучшение»⁹⁷.

⁹⁶ Л. 83.

⁹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Д. А. А. Борейко. Л. 5.

Как это ни парадоксально звучит, но несколько лучше пропаганда, по сравнению с другими «националами», строилась в латышских формированиях, в частности в знаменитой 201-й «латышской дивизии». Дело в том, что после присоединения Латвии к СССР была организована специальная школа для политической подготовки кадров. После начала войны много слушателей школы оказались в рядах Красной армии, поэтому политическая работа в дивизии была поставлена хорошо. Особенностью пропаганды среди латышей являлся акцент на исторической вине немцев перед народами Прибалтики. Германское вторжение преподносилось как повторение засилья немецких помещиков. Кроме того, культивировались традиции знаменитых «латышских стрелков».

В пропагандистской и агитационной работе приветствовался индивидуальный подход. Так, полковой комиссар Петр Давидович Зутис рассказывал в своем интервью, как он проводил инструктаж среди политработников: «Но из всех этих вопросов наибольший упор я делал на вопросе изучения людей, но видно было, что это был наиболее новый вопрос. Поэтому у нас очень много разговоров возникло вокруг этого вопроса»⁹⁸.

В ходе войны дивизия пополнялась уже не только латышами, но и представителями других национальностей. В этой ситуации в центре внимания пропагандистов оказывалась не латышская национальная специфика, а традиции военного формирования, формирование гордости принадлежности к нему, то есть военной корпоративной идентичности. Батальонный комиссар Альберт Христианович Приверт так описывал этот процесс: «Я скажу только одно, что все люди, которые были в нашем полку, будь они русские, будь евреи, белорусы, украинцы, латыши – к ним как бы перешли наши славные традиции латышского полка. Правда, мы над этим делом много поработали. Даже когда получили первое пополнение 13–16 января, а мы получили не много, ни мало 1,5 тыс. человек, большинство русских, – мы им всем рассказали, как мы воевали в годы Гражданской войны, как мы дружно жили – все национальности. И надо сказать, что и здесь сейчас у нас нет никакой национальной розни, и все дрались прекрасно»⁹⁹.

§ 5. Патриотическая пропаганда в годы войны

Вторая мировая война являлась не только военным противостоянием, но и столкновением идеологий и пропаганд¹⁰⁰. Причем как в советской, так и в нацистской армии пропаганде придавалось колоссальное значение. В значительной степени успех обуславливался умением мобилизовать массы для участия в войне на уничтожение¹⁰¹. Ярко выраженной особенностью советской пропаганды являлась

⁹⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 16. Д. 1. Л. 39 об.

⁹⁹ Там же. Л. 49.

¹⁰⁰ Berkhoff K. Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Cambridge, 2012.

¹⁰¹ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны. С. 60–75.

ее массированность и целенаправленное воздействие. 16 июля 1941 г. в армию вернули институт военных комиссаров (в ротах и батареях – политруки)¹⁰². Причем комиссар следил не только за идеологической и моральной подготовкой бойцов, а также выявлял неблагонадежных, но и мог вмешиваться в процесс военного обучения и даже планирования операции¹⁰³. Работники идеологической сферы в армии делились на агитаторов, которые работали среди солдат, обладавших низким уровнем образования, и собственно пропагандистов, целью которых было серьезное политическое воспитание¹⁰⁴. Формы пропаганды включали как групповые, так и персональные занятия. Считалось, что хороший политрук должен не только довести до солдат актуальную политинформацию, но и подготовить каждого индивидуально к сражению и подвигу, сделать его сознательным бойцом Красной армии¹⁰⁵. В последнее время можно найти утверждения, что «коммунизм ... не играл важной роли в патриотическом языке»¹⁰⁶ в военное время. Это не совсем так. Действительно, коммунистический компонент был несколько потеснен традиционными ценностями, но все еще оставался значим. Массовое вступление в партию на фронте сопровождалось пропагандой образа идеального коммуниста, который предан стране и партии, и смело идет в бой, не щадя себя и врага¹⁰⁷. Задачей каждого политработника стало увеличение партийной и комсомольской прослойки во вверенных им подразделениях. Нормальным показателем признавалось наличие партийной прослойки в 15–20%¹⁰⁸. Одновременно пропаганда становилась все менее абстрактной, делаясь понятнее для простого солдата. В беседе с военным корреспондентом В. Гроссманом командующий советскими войсками в Сталинграде В.И. Чуйков говорил: «Политработа – все только нацелено на задачу, и все вместе с бойцами. “Измы” – коммунизм, национализм – мы этим не занимались»¹⁰⁹.

Особенностью пропаганды первых месяцев войны являлся ее акцент на русском патриотизме и связанных с этим сюжетах и традициях. Это не случайность. В условиях потери значительных территорий на западе именно области, населенные русскими, стали главным источником для мобилизации. Кроме того, как уже писалось выше, к тому времени уже свершился поворот к идеологии «дружбы народов», которая предполагала статус русского народа как «первого среди равных». В связи с этим правдоподобным представляется предположение А.Ю. Безугольного: «Вероятно, в избыточном культивировании русского патриотизма следует искать причину того, что главный армейский идеологический орган длительное время не проявлял инициативы в вопросе организации специальной воспитательной работы с бойцами нерусских национальностей»¹¹⁰.

¹⁰² Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 220.

¹⁰³ Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 75.

¹⁰⁴ Berkhoff K. Motherland in Danger. P. 3.

¹⁰⁵ Артемьев А.П. Указ. соч. С. 69.

¹⁰⁶ Орлов И.Б., Лившин А.А. Предисловие // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 15.

¹⁰⁷ См.: Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 68–69; «Это могут сделать только гвардейцы-панфиловцы». Запись беседы с Героем Советского Союза М. Габдуллиним. 1943 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 100–133.

¹⁰⁸ Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁹ Цит. по: Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. С. 68.

¹¹⁰ Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 222.

Продолжительное время партийно-политической работе с «нерусскими» солдатами уделялось мало внимания. Первая директива (за номером 85) ГЛАВПУРККА, регулировавшая этот процесс, появилась только 22 мая 1942 г.¹¹¹ В ней рекомендовалось обратить особое внимание на поиск и подготовку кадров, знающих языки народов Советского Союза и способных к агитации. Предполагалось, что русские бойцы будут демонстрировать примеры межнациональной дружбы. Уже летом 1942 г. в действующую армию прибыло большое пополнение из закавказских и среднеазиатских республик¹¹². Многие политорганы сами проявили инициативу в организации работы с пополнением. Определенную роль сыграло и то, что партийные и советские организации национальных республик старались оказывать помощь, присылая на фронт коммунистов со стажем¹¹³.

17 сентября 1942 г. вышла специальная директива начальника ГЛАВПУРККА № 012, регламентирующая работу с солдатами нерусских национальностей. В ней звучало требование выделить специальную должность замполитруков, которую должен занять человек, знающий языки. Предполагалось, что пропаганда будет строиться на конкретных примерах героизма, рассказах об истории и культуре народов. Поощрялись коллективное чтение боевых листов и их выпуск на родном языке. Предполагалось всячески подчеркивать роль русского народа, как объединяющего. В то же время требовалось пресечь все проявления «великорусского шовинизма»¹¹⁴.

Конечно же, появление директивы не могло радикально изменить непростую ситуацию, сложившуюся в сфере межнациональных отношений. В справке начальника отдела агитации Управления агитации и пропаганды ГЛАВПУРККА Рубинштейна А.С. Щербакову, датированной 5 августа 1943 г., писалось, что директива заметно улучшила ситуацию. Указывалось, что немало было сделано в деле издания различных агитационных материалов на языках нерусских народов СССР. В то же время сохранились шовинистические проявления, поэтому необходимо донести до бойцов, что действующая армия стала многонациональной. Работа с «нерусскими» национальностями проходит преимущественно в частях и подразделениях, где они составляли значительную и компактную массу, а индивидуальная работа не проводится¹¹⁵.

В августе 1943 г. прошло специальное совещание агитаторов среди бойцов «нерусских национальностей»¹¹⁶. На нем выступил начальник ГЛАВПУРККА А.С. Щербаков. В его выступлении были собраны все ключевые идеологемы национальной пропаганды: дружба народов, стремление гитлеровцев ее разрушить, русский народ как первый среди равных и проч. Он подчеркнул, что советская

¹¹¹ Там же. С. 230.

¹¹² Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1979. С. 71.

¹¹³ Мурадян В.А. Мурадян В.А. Братство, скрепленное кровью. М., 1969. С. 80.

¹¹⁴ Там же. С. 232–233; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2: 1933–1945. С. 711–713.

¹¹⁵ Справка начальника отдела агитации Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА Рубинштейна начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову о политической работе с красноармейцами и младшими командирами нерусских национальностей. 5 августа 1943. Секретно // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2: 1933–1945. С. 756.

¹¹⁶ Подробнее см.: Мурадян В.А. Указ. соч. С. 172–189.

армия – это воистину многонациональная армия, поэтому надо со всем вниманием отнестись к солдатам разных народов. Он признал, что до появления директивы № 012 работа с «националами» велась плохо. После ее появления ситуация улучшилась. Для работы с «нерусским» контингентом начали использоваться различные методы. Так, по словам А.С. Щербакова, большую роль «сыграли письма и обращения азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов, письма грузинских бойцов к своему народу»¹¹⁷ (об этом см. ниже). Рекомендовалось учитывать быт и традиции. Как пример, давалась рекомендация открыть чайхану, где менее формально можно было бы беседовать с бойцами и новым пополнением. Выступавший признал, что, несмотря на публикацию многочисленных брошюр и листов, изданий на языках народов СССР было недостаточно. Мало учитывается специфика разных национальностей. Совсем мало внимания уделялось представителям малых народов: якутам, осетинам, марийцам, мордвинам и т. д. Рекомендовалось воспитывать на «героическом прошлом народа или народов, к которому данный боец принадлежит».

Для воспитательных бесед были рекомендованы следующие темы: «Красная армия – армия братства между народами нашей страны», «Что дала советская власть народам СССР», «На фронтах Отечественной войны защищать независимость всех национальных республик», Герои Советского Союза Мильдзихов, Курбан Дурды и др., «Роль великого русского народа в борьбе за свободу и независимость народов СССР и за построение социализма в братских советских республиках», «Роль великого русского народа в Отечественной войне народов Советского Союза против гитлеровской Германии»¹¹⁸.

Большое значение придавалось печатному слову. Тем более что первым этапом работы с бойцами являлось публичное чтение. ГЛАВПУРККА сформировал специальную редакционно-издательскую группу для подготовки плакатов, листовок и брошюр на языках народов СССР¹¹⁹.

В докладной записке руководителя группы агитаторов ГЛАВПУРККА Ставского, подготовленной по результатам проверки ситуации на Закавказском фронте в декабре 1942 г., указывалось на сохранение практики дискриминации «нерусских» солдат: «Пренебрежительно-насмешливые клички по отношению к народностям Кавказа имеют хождение («Сыны Кавказа», «братья славяне» (?), «кучерявенькие», «черненькие» и т. д.). Даже среди несомненно авторитетных, заслуженных руководящих работников армий неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются»¹²⁰. В записке указывалось, что в войсках царит пренебрежение и недоверие к «нерусским» национальностям, которые, как считалось, плохие

117 Стенограмма выступления начальника Главного политического управления Красной армии А.С. Щербакова на совещании агитаторов среди бойцов нерусских национальностей [не позднее 5 августа 1943 г.] // Там же. С. 762.

118 Мурадян В.А. Указ. соч. С. 78.

119 Там же. С. 81.

120 Докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА Ставского заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах поездки на Закавказский фронт группы агитаторов ГлавПУРККА. 4 декабря 1942 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2: 1933–1945. С. 706.

бойцы и склонны к дезертирству и переходу на сторону врага. «Сплошное охаивание качеств и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т. д.) проникает и в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть»¹²¹. Далее следовало признание, что имелись случаи трусливого поведения со стороны «националов», но такие же случаи имелись и среди русских. Делался вывод о необходимости отказа от обобщений на основе отдельных примеров. А руководству предлагалось рекомендовать больше внимания обратить на подготовку «нерусских» новобранцев, обучению их ведению боя.

В фондах Комиссии по истории Великой Отечественной войны выявлена брошюра «Воспитание бойцов нерусской национальности»¹²², подготовленная в 1943 г. сотрудниками политотдела 49-й армии (принимавшей тогда участие в Ржевско-Вяземской наступательной операции): майором М. Мушкиным под наблюдением редактора подполковника А. Сонова. Художественное оформление сделал С. Телингатер.

Брошюра открывается набором идеологом о «дружбе народов» как основе советского общества. Здесь же давался пантеон героев-«националов», примерами подвигов которых необходимо было воспитывать новых солдат. «Всей нашей стране известны славные боевые подвиги на фронте сына узбекского народа Героя Советского Союза Кучкара Турдыева; бесстрашного автоматчика-осетина Героя Советского Союза Хадзимурзы Мильдзихова; Героя Советского Союза туркмена Курбан-Дурды; чеченского богатыря бесстрашного пулеметчика Героя Советского Союза Ханпаша Нурадилова и многих других» (С. 5). Кроме перечисленных упоминался «славный снайпер гвардеец» Икрам Ташметов, «отважный командир автоматчик – сын грузинского народа Давитуляни», который «огнем и кинжалом отправил на тот свет десятки фашистских собак».

Подчеркивалось, что там, где учитывались навыки бойцов «нерусской национальности», там, где их использовали продуманно, там ими достигались большие воинские успехи. Тут давался пример Джура Ишмухамедова из Узбекистана, который, будучи прекрасным конником, сумел доставить под обстрелом срочный пакет с приказом. Далее описывались подвиги «националов», служивших в армии.

Особый раздел посвящался агитаторам. Для этой роли подбирали политически подготовленных и владеющих русским языком. Тут же приводился пример успешной адаптации бойцов при помощи такого агитатора – узбека Маширит. Он рассказывал солдатам «о благородных и возвышенных целях Отечественной войны, воинской присяге, законе о каре за измену Родине, приказах Народного Комиссара Обороны» (С. 10). Первым шагом для агитатора являлось чтение газет, затем ему позволялось проводить индивидуальные беседы. Одной из тем бесед являлись

¹²¹ Там же.

¹²² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIII. Оп. 8. Д. 4.

рассказы очевидцев о зверствах немцев на оккупированных территориях. Главной задачей объявлялось воспитание ненависти к нацистам. Показателем успешности работы агитатора считались не только (даже не столько) хорошие политические знания, а готовность к эффективному ведению боя. При этом подчеркивалось, что личный пример агитатора во время боя – главный инструмент пропаганды.

Действенность агитации являлась одной из центральных проблем. Для достижения эффекта была выработана своеобразная формула: «Доходчивость, убедительность, конкретность – вот что делает политическую агитацию боевой и действенной» (С. 15). Конкретность достигалась при помощи обращения агитатора не только к абстрактным формулировкам, спускаемым сверху, а при обращении к конкретным проблемам бойцов и их жизненному опыту, в том числе и довоенному. Для этого агитатор должен был активно использовать письма из тыла, которые зачитывались перед воинами. Также рекомендовалось проводить митинги боевой дружбы, которые заканчивались исполнением революционных песен на русском и национальных языках.

Одним из инструментов военной пропаганды являлись открытые письма с фронта и из тыла¹²³. Они публично зачитывались, их публиковали в армейской и общесоюзной прессе. По поводу некоторых писем проводились публичные митинги. Эти письма являлись своеобразным идеологическим коммуникативным каналом, призванным показать прочную связь между теми, кто находится на фронте, и теми, кто трудится за его линией. Для первых они играли роль моральной поддержки и вдохновения для дальнейших подвигов. Для вторых являлись зримой демонстрацией того, что их тяжелый повседневный труд в тылу крайне необходим, а также способствовали патриотической мобилизации. Поэтому не случайно, что часто письма были коллективными, написанными от лица трудового коллектива. В случае национальных республик Центральной и Средней Азии такие письма – это еще и зримая связь удаленных районов страны с фронтом, их включенность в общее дело борьбы с захватчиками.

Ярким примером военных писем является переписка трудящихся Тянь-Шанской области (Киргизская ССР) (316-я дивизия (впоследствии 8-я гвардейская) была сформирована в Алма-Ате (Казахской ССР) и Фрунзе (Киргизской ССР)) с гвардейцами-панфиловцами¹²⁴. Письма достигали драматического эффекта и за счет того, что семья И.В. Панфилова проживала в Киргизской ССР, а сама дивизия являлась символом интернационального подвига и воплощением идеологии «дружбы народов».

28 ноября 1941 г. датировано коллективное письмо «трудящихся Тянь-Шанской области» бойцам-тяньшанцам панфиловской дивизии. В нем акцентиро-

¹²³ Мурадян В.А. Указ. соч. С. 96.

¹²⁴ О подвиге панфиловцев, в том числе и по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны: Дроздов К.С. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 5. С. 6–11; № 7. С. 9–16; Дроздов К.С. Подвиг панфиловцев: новые исторические свидетельства (по материалам комиссии И.И. Минца) // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2015. С. 165–180; Дроздов К.С. 7000 героев-панфиловцев // Родина. 2015. № 9. С. 16–25.

валась гордость жителей области за своих земляков. История панфиловской дивизии преподносилась и как история реальной дружбы народов, когда для жителей центральной фигурой являлся И.В. Панфилов, к тому времени погибший: «Мы радовались Вашим успехам, успехам нашего общего боевого товарища и друга генерала-майора Ивана Васильевича Панфилова. Радости, гордости нашей не было предела. Вместе со всей страной мы восхищались храбростью славного генерала»¹²⁵. Смерть Панфилова описывалась как утрата всего народа и партии. Здесь же упоминались связанные с Панфиловым слова: «Умрем, но танков не пропустим». Они должны были служить патриотической мобилизации. Следом шла клятва трудящихся Тянь-Шаня работать во имя победы над врагом и помощи в «прогрессивном деле» – уничтожении «варварской банды палача Гитлера». Письмо от имени трудящихся было написано секретарем Тянь-Шанского обкома партии Бошкоевым.

Вдова И.В. Панфилова, Мария, подготовила письмо (именно подготовила, поскольку данное письмо – это скорее факт патриотической пропаганды, а не личной переписки) в ЦК КП(б) и СНК Киргизской ССР. В нем звучала благодарность за заботу о семье погибшего со стороны партии и республиканского руководства. В письме звучала клятва продолжить борьбу несмотря ни на что: «Его светлая память не будет омрачена, я отдам все свои силы на борьбу! Еще напряженнее буду работать для нашей Родины, для отпора ненавистного врага – фашизма!»¹²⁶.

Коллективным письмом отметились и жены военнослужащих дивизии им. И.В. Панфилова. «Великой гордостью наполнились сердца наши при известии о тех огромных победах, которые одержала героическая панфиловская дивизия в деле освобождения советской земли от фашистских полчищ. Мы всегда были уверены, родные, что Вы будете достойными сынами великой социалистической Родины, достойными воинами Советской Армии ...»¹²⁷ Далее указывалось, что герои – это те же рабочие, которые были оторваны войной от своей работы. Тем самым проводилась мысль о тесной связи военного подвига и труда, а также то, что каждый способен на подвиг. Но это подвиг не индивидуалиста, а подвиг коллективный: «Таких среди Вас тысячи. Подвиги их записываются золотыми буквами в книгу истории. Подвигов таких в борьбе с коричневой фашистской чумой Вы совершите еще много»¹²⁸.

Смерть земляка, Дуйшенкула Шопокова, работавшего в колхозе «Кызыл-Аскер» во Фрунзенской области и попавшего в знаменитый список 28 панфиловцев, стала причиной написания открытого письма колхозников «Кызыл-Аскер». Лейтмотивом письма стал патриотизм Шопокова, который «интересы матери-Родины ставил выше ... своей молодой жизни». При чем патриотизм неразрывно связывался с военной подготовкой: «Мы хорошо помним, как Дуйшенкул, проходя в мирное время сборы вневойсковой подготовки, все-

¹²⁵ XX век: письма войны: Антология военной корреспонденции. М., 2016. С. 54.

¹²⁶ Там же. С. 55.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 56.

гда получал самые лучшие отзывы командования. Дуйшенкул упорно, с любовью изучал военное дело, настойчиво готовил себя к грядущим боям. Он был искусным наездником, отважным джигитом, умел лихо рубить, был всегда дисциплинированным и подтянутым»¹²⁹. В письме присутствовала обязательная клятва обеспечить фронт всем необходимым для победы над врагом.

Панфиловцы к 7 ноября 1942 г. подготовили письмо на имя секретаря ЦК КП(б) Киргизской ССР А.В. Вагова, где подчеркивался интернациональный характер дивизии, в которой «доблестные сыны киргизского народа в многонациональной фронтовой семье гвардейцев показывают примеры мужества и героизма»¹³⁰.

Итак, открытые письма можно рассматривать как ресурс патриотической пропаганды в годы войны. В данном случае они использовались для патриотической мобилизации т. н. «националов» из Средней Азии. Символом их героизма (в том числе и потенциального) стала панфиловская дивизия, включавшая русских, казахов и киргизов. Приведенные выше письма – это своеобразный акт «эмоциональной коллективизации» и мобилизации, когда удаленные от фронта люди переписывались с героями и тем самым становились частью армии. В свою очередь фронтовики вдохновляли их на трудовые и в будущем военные подвиги. Особой формой являлись наказания народов национальных республик «сыновьям-фронтовикам»¹³¹.

Видимо, комплексные меры и приобретение навыков работы с «нерусским» контингентом, а также адаптация самих бойцов дали определенный результат. Во всяком случае, в зимнюю кампанию 1943 г. отмечалось снижение числа перебежчиков и повышение боевых качеств «солдат-националов»¹³².

В октябре 1943 г. призыв из азиатских и кавказских республик был прекращен. При этом уже призванные продолжили свой боевой путь. До сих пор историки не могут с уверенностью сказать, почему это было сделано. По осторожному предположению Ф.А. Силицына, «эта мера была вызвана в основном тем, что в связи с освобождением территории центральных областей РСФСР и Левобережной Украины появилась возможность осуществить массовый призыв в Красную армию с этой территории»¹³³.

Несмотря на серьезные трудности, РККА времен Великой Отечественной войны представляла собой по-настоящему интернациональную армию. И это не только пропагандистский штамп. В уже цитировавшихся выше дневниках В. Гельфанда есть следующая запись (27.11.1943): «А у нас в роте было, к слову сказать, очень много национальностей: и русские, и украинцы, и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, и казахи, и туркмены, и греки, и даже нашелся один турок. Да-да! Вы не смейтесь – представители всех национальностей Советского Союза сражаются насмерть на фронтах Великой войны с фашизмом»¹³⁴.

¹²⁹ Там же. С. 57.

¹³⁰ Там же. С. 59.

¹³¹ О наказаниях см.: Мурадян В.А. Указ. соч. С. 138–151; Силицын Ф.А. Советская нация и война: национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М., 2018. С. 110–111.

¹³² Силицын Ф.А. Указ. соч. С. 111.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Гельфанд В. Дневник, 1943 год // <http://www.gelfand.de/dn-1943/index.html>

Такое тесное соседство создавало эффект плавильного котла. Одним из ярких его проявлений были процессы аккультурации, когда одни народы перенимали культурные навыки других. Очевидно, что преимущественно аккультурация была направлена на «нерусские» народы, вынужденные приспособляться в РККА к преимущественно славянской среде, более приспособленной к службе в армии европейского типа. Пока приходится признать, что данная проблема плохо изучена. Тем не менее имеется ряд исследований. Так, Т.Г. Мухтаров продемонстрировал, что служба в Красной армии во время войны стала мощным фактором адаптации, аккультурации и даже ассимиляции башкир. По его мнению, «осознание того, что они участвуют в доселе невиданной войне двух величайших империй, двух цивилизаций, двух систем, побуждало в башкирских солдатах желание теснее ассоциироваться с той культурой, на стороне которой они воюют»¹³⁵. Многие башкирские солдаты получали второе – русифицированное имя, причем продолжали им пользоваться и в мирное время¹³⁶.

Но можно обнаружить и примеры обратной аккультурации, когда русские перенимали полезные в экстремальных условиях навыки других народов. Так, казахские солдаты во время сталинградских боев научили жарить пшеницу перед употреблением в ситуации, когда ее нельзя сварить¹³⁷.

Встреча представителей разных народов и культур состоялась не только в армии, но и в тылу. Массовая эвакуация¹³⁸ в национальные республики также способствовала интенсификации контактов между народами. Важным солидирующим явлением стало движение по усыновлению эвакуированных детей-сирот. Оно зародилось в Узбекистане, который принял 200 тыс. детей. Кузнец из Ташкента Ш. Шамахмудов и его семья взяли себе на воспитание 16 сирот, а садовод из г. Ош И. Ахмедов усыновил 13 детей¹³⁹. А Токтогон Алтыбасарова (Киргизская ССР) приютила 150 детей-блокадников.

Но не менее важными стали и общие символы войны и Победы¹⁴⁰. Миллионы солдат разных национальностей прошли через армейские ритуалы, были награждены, а звания Герой Советского Союза удостоились бойцы самых разных народов СССР¹⁴¹.

¹³⁵ Мухтаров Т.Г. Влияние Второй мировой войны на процесс ассимиляции башкирского народа // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 475.

¹³⁶ Там же. С. 475–476.

¹³⁷ Дневник Ивана Ложкина // <https://prozhitto.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B161%5D>

¹³⁸ Общая цифра эвакуированных в 1941–1942 гг. сейчас оценивается примерно в 17 млн человек. См.: Вербицкая О.М. Демографические процессы в годы войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 491.

¹³⁹ Куманев Г.А. Война и эвакуация 1941–1942 гг. // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 85; Рябова Т.С. Патронирование, опека, усыновление в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовая база и региональные практики (на материалах Южного Урала) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2 (32). С. 187–196.

¹⁴⁰ Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на ход этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1976. № 1. С. 39–48.

¹⁴¹ Звание Героя Советского Союза были удостоены сотни представителей «нерусских народов»: Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. М., 1984. С. 245; Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю. Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012. С. 269.

Пропаганда создавала героические образы войны (это были не только отдельные герои, но и знаковые битвы и героические подразделения), приобщение к которым становилось важным элементом самоидентификации человека и формировало ощущение боевого братства. Военный опыт, несмотря на его реальные противоречия, став ключевым в жизни сразу нескольких поколений, превратился в символ солидарности и стал одним из важнейших элементов в советской идентичности.

Итак, можно говорить, что РККА в годы войны, несмотря на все противоречивые процессы, стала огромным плавильным котлом. Массовая мобилизация привела в движение миллионы солдат из разных республик и областей страны, что позволило им вырваться из своего локального мира. Часто встреча с военной реальностью была ужасающей. Служба в армии требовала формирования новых навыков. Солдатам необходимо было понимать язык командиров – русский язык. В свою очередь командиры также были вынуждены понимать особенности и нужды своих подчиненных. Ситуация, когда в армии был смешанный национальный состав, приводила к восприятию этой армии своей для представителей всех народов СССР. Наконец, общий боевой опыт поражений и побед служил важным фактором формирования эмоциональной солидарности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня смена парадигм вывела на первый план не только радикальную ревизию аргументов, но и стимулирует профессиональный диалог в научном сообществе¹. Ученые выделяют признаки новой эпохи «всемирного торжества памяти» – критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; возвращение репрессированной памяти сообществ, народов и отдельных индивидов, бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий и индустрии «наследия»; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним; особое внимание к темам травмы, горя, эмоций, аффектов и т. д. Прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее, а «сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего». Навязываемый образ прошлого становится нормой и формирует реальное поведение людей².

В этом контексте исследование советского национального проекта в его признаваемых отличительных признаках, связанных с идеологией, культурой и институциональными звеньями политической системы, позволяет проследить, как этносоциальное разнообразие в рамках управленческих технологий развивалось и адаптировалось в сложной конструкции множественных модерностей³ и идентичностей. В проведенном авторами анализе множественные модерности понимаются как результат советской модернизации, который, несмотря на явные признаки общности, имел разнообразные проявления вследствие их этнокультурной «начинки». Множественность идентификации – групповой и индивидуальной – связана с динамичной культурной сложностью как общностей, так и индивидуумов. Культурный прогресс, индустриальный скачок, урбанизация, развитие науки и техники совмещались с характерными для традиционных обществ иерархическими социальными отношениями и значимыми для вертикальной мобильности личными связями. Это совмещение получало разнообразные формы и имело неоднозначные последствия для столь разнородного и сложного сообщества народов, а также для социокультурного и гражданского наполнения их единства в качестве советского народа⁴.

Комплексные социально-экономические преобразования в СССР проводились в условиях, когда революция и гражданская война перепахали все общество, взламывая или дестабилизируя традиционные социальные системы и связи, политические институты и отношения. Навязывание новых представлений о миропорядке и институционализации общественной жизни было вызовом традиционным ценностям общества и народов бывшей империи. С другой стороны, советская социальная политика, в т. ч. в отношении этнокультур, опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки,

¹ История, историки и власть. Выступление В.А. Тишкова на международном круглом столе. Москва, 2 февраля 2010 г. http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/istoriya_i1.html (дата обращения: 4.03.2010).

² Нора И. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. (40–41). «Историческую идентичность формируют не только представления о прошлом, но также отношение к настоящему и образ желаемого будущего». Ретина Л.П. Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. С. 14–15.

³ Eisenstadt Sh.N. (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002 (Daedalus. Vol. 129. 2000. No. 1 (Winter): Multiple Modernities).

⁴ Впрочем, и сама модерность толкуется современными учеными по-разному. См.: Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НАО, 2020.

в том числе – патриархальность, коллективизм, признание патерналистской роли авторитарной власти, терпение, пластичность и адаптивность способов и моделей поведения и реидентификации этносоциальных, демографических и иных общностей.

Советская этническая политика носила модернизационный и антиколониальный характер. Принципы организации СССР были принципиально иными в сравнении с империей Романовых и другими империями Нового времени. Но политика «спонсирования» этничности при жестком централизаторском контроле в конечном итоге была направлена на утверждение СССР как национального государства⁵. Этот, казалось бы, неожиданный вывод, имеет под собой основания. Т. Мартин справедливо полагает, что в СССР осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия (affirmative action), т. е. реализована политика институционализации (огосударствления) этнических меньшинств, поддержки их культур, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации», под ним подразумевался «великорусский шовинизм». Такая политика была направлена на конструирование социалистических наций с наделением их своими «национальными территориями», экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т. п. Это было не ментальное конструирование или своего рода лингвистическая конструкция, но реальное формирование этнотерриториальных сообществ с материальной базой: столичные города, органы власти, конституции, хозяйственные комплексы, образовательные институты, театры, печатное дело. Добиваться этого приходилось, проводя ожесточенные дискуссии и репрессии.

Центр осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, стремясь реализовать принципы национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Впервые создавалась принципиально иная структура – национально-государственные образования, которая не только реорганизовывала наличный багаж, но и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость политетничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. При этом фактическая этнокультурная сложность общества была повсеместной и не позволяла простыми административными мерами совмещать политику национального равенства и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Всеохватные преобразования неизбежно порождали разнообразные коллизии в настройке отношений между центром и автономиями, урегулирование которых было связано со спецификой культурно сложного общества и его представителей в составе руководства страны и этнических элит.

Глубокая трансформация форм и способов социально-политической активности широких масс предполагала, что прежние традиционные модели взаимодействия организованных структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными социальными и демографическими группами населения отвергаются как негодные в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Новая система власти выстраивалась, одновременно формируя декларируемые как абсолютно новые принципы социально-политической действительности. Центральное место в них отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самостоятельности, которые должны были при поддержке и под управлением самой власти создать пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни – экономике, управлении, культуре и т. д.

⁵ Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91–105.

Столь необходимая всесторонняя модернизация, начатая в последний период имперской истории, осуществлялась одновременно с преодолением последствий тяжелой демодернизации, интенсивными преобразованиями в национально-государственном устройстве. Речь шла о наименее болезненном преодолении противоречий между субъектом и объектом преобразований, наиболее органичном синтезе разнородных начал и полноценном включении регионов в общую хозяйственную, административно-территориальную, политическую и социокультурную систему, которая сама радикальным образом перестраивалась. Признанием собственной государственности в качестве условия существования и развития обеспечивалась мощная притягательная сила доктрины этнического национализма, подстегивавшей стремление этноэлит к расширению доступа к власти и ресурсам, установлению официальных культурных институтов. Это определило и противоречивость действий власти и ее отношений с интеллигенцией, которой она никогда не доверяла. И в конце XX века, когда появились схожие проблемы, мифы автономизма и суверенизации обнаружили свою живучесть, а их реализация, как и прежде, породила амбиции и борьбу элит, не изменив к лучшему перманентно низкое качество жизни народов бывшего СССР.

Национальные советы были дополнительным рычагом политики административного регулирования этнических процессов и межэтнических отношений. Они должны были не только олицетворять политизацию этничности выстраиванием искусственных и не оправданных административно-территориальных границ и этнократической местной бюрократии, но и на низовом, самом приближенном к конкретному человеку уровне зримо воплощать преимущества социализма в удовлетворении партикулярных интересов этносообществ. Однако жесткий контроль со стороны центра, общая профанация идеи самоуправления, силовой характер модернизации экономики и переформатирования социальной структуры общества лишали любые советы возможностей всерьез выполнять свои конституционные полномочия. В этнокультурном плане местные советы в системе целенаправленно создаваемых политических и общественных сетей получили дополнительную нагрузку, наряду с реализацией социально-инженерных проектов формирования советской идентичности (социальное равенство, неприятие частной собственности, коллективизм, светскость), которая опиралась и на традиционные приоритеты массового сознания – патриархальный общинный уклад, признание авторитарного характера и патерналистской роли государства, сакрализацию власти, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры.

Доктрина пересотворения мира на началах социальной справедливости предполагала новые ценностные и институциональные «нормативы» прогресса. В советской научной и политической мысли господствовал примордиалистский подход к пониманию этнических категорий. Это вполне вписывалось в господствующие в мировой науке тенденции. Тем не менее можно было увидеть и возможные альтернативы. Так, в 1920-е гг. национальность определялась согласно «индивидуальному самоопределению», что уже ближе к конструктивистскому подходу. Но это не устраивало власти, с 1930-х гг. видевшие в ряде национальностей угрозу. Радикальный примордиализм, согласно которому человек самостоятельно не может определять свою национальность, оказался удобен для контролирующих и репрессивных органов, поскольку позволял «безошибочно» найти врага. Внутренняя репрессивная политика прямым образом повлияла на теорию этноса. Концепция «советского народа» и ее соотношение с советскими нациями оказалась совершенно не отрефлексирована в советском обществоведении. В значительной степени это было связано с тем, что в сталинском теоретическом наследии ее не было.

Власть пыталась административными мерами преодолеть созданное под давлением идеологии препятствие – бесчисленные искусственные барьеры (территориальные, политические,

социально-культурные) между различными социально-этническими общностями. Между тем внутри последних сложились и развивались собственные сложные взаимные связи и зависимости, предпочтения и ориентиры, а принадлежавшие к разным этносообществам граждане организовывали собственную жизнь не только на основе культурной идентификации, а все больше руководствуясь общегражданскими (национальными), профессиональными, демографическими, гендерными и т. д., и т. п. интересами, ценностями и стереотипами. Жесткое социальное структурирование советского общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем обязаны были выступать облеченные властью институты. Но многообразная действительность в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий подчас вполне успешно вписывались в советскую систему, или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закреплённые функции и общественную ценность. Складывание реальной метаэтнической советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации общества, отнюдь не привело к исчезновению архетипов традиционной культуры.

Культура стала важным пространством и средством советизации не только институтов, но и сознания, моделей поведения, системы ценностей граждан СССР. В то же время эта сфера оказалась одной из наиболее сложных для внедрения новых стандартов. Образ человека в его советской идентичности, обретавший самоценность в совокупности предоставляемых властью инструментов самореализации возвышался благодаря колоссальной роли культурных паттернов. Но архетипический набор религиозных нравственных постулатов оставался латентным фундаментом морали, индивидуального мировоззрения и межличностных отношений.

Во взаимоотношениях социальных и этнических общностей и групп внутри и между собой, а также их лидеров маркеры культурных дистанций получали разное воплощение: от интуитивного следования архетипам компромиссного и/или конфликтного взаимодействия и со «своими», и с «чужими» до рациональных, прагматичных и оперативных комбинаций партнерства и противоборства с ними же. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Чрезвычайную роль в судьбе и культуре народов СССР, а также межкультурной интеграции людей сыграли массовые репрессии, высылки и депортации. Власть сознательно и насильственно смешивала культурно отличающиеся этнические группы между собой не для их гражданской консолидации, а в прагматических интересах освоения малонаселенных территорий, «простой» и административно «удобной» переделки общественного устройства, наказания заподозренных в нелояльности и враждебности. В то же время пространственная сегрегация и прямое заключение в лагеря воздвигали барьеры иного рода между равно незащищенными перед произволом государства людьми. Происходило сближение на основе социального положения, а традиционные для всех народов СССР ценности сострадания, взаимопомощи, трудолюбия и терпения извращались. Культурная мимикрия приобрела массовый характер и становилась стереотипом поведения.

Одной из наиболее сложных задач советского социального инжиниринга было изменение социальных показателей консолидации, статусных приоритетов, карьерного потенциала. Существенную роль играла внутриэтническая конкуренция за доступ к власти и ресурсам, наряду со стремлением части национальной бюрократии и интеллигенции взять

реванш за русификацию. Характерной чертой политико-правовой культуры было подчинение авторитету традиционных лидеров, солидарно делегированных в посредники между этносом и бюрократией. Бюрократия от общественности стала значимым социальным актором, органично вписанным в номенклатурную сеть управления и дорожившим связанными с этим статусом бонусами и привилегиями. Для рядовых граждан сонм чиновников служил мощным идейно-организационным фильтром на пути к карьере, образованию и жизненному благополучию. Становится устойчивым навык работать на видимость, искусно подменять существо на знак, не замечать и игнорировать объективную реальность ради заданных параметров социального благополучия. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Общественные организации призывались всюду «проникать своими щупальцами», переплетались и как бы поддерживали друг друга, включаясь в режиме чрезвычайности в очередную «ударную» сверхзадачу⁶. Даже пионеры в этой системе – «тот инструмент, то орудие, та пушка, тот пулемет или та тихая сапа, которые подрывают устой старого быта...»⁷ Каждая структура была посредником между властью и массами, обеспечивала их консолидацию на выполнение установок ВКП(б). В то же время именно эти организации формировали у рядовых граждан убежденность в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации, даже если она происходила под контролем и в рамках, установленных властью. Власть всячески стимулировала массовый энтузиазм и социальный оптимизм строителей самого передового и справедливого в мире государства, но ведущими тенденциями общественной жизни стали централизация и формализация, строгая регламентация сверху, исключение самодеятельности в содержании и формах работы, полное игнорирование демократической природы массовых добровольных обществ. Они стали одним из инструментов стандартизации социального пространства.

Интернационализм подразумевал социальную солидарность и братство людей труда независимо от этнической принадлежности. Этническое «Я» рабочего и крестьянина презентовалось как сила, способная умножить эффективность борьбы против ненавистных эксплуататоров в «родном» – национальном обличье. На межэтнические отношения влиял постоянный рост кросс-культурных контактов. Многопоколенные межкультурные коммуникации прирастали новыми практиками надэтнической политики власти. Интернационализм был маркером советской идентичности, что рассматривается на примере пропагандистских практик, научных дискуссий и повседневных проявлений. Обращается внимание на амбивалентный характер внутренней политики, связанный с поддержкой ревитализации героического прошлого народов СССР, ростом этнокультурных приоритетов в среде национальной интеллигенции и идейно-политическими практиками общегражданской консолидации людей в условиях войны. Разделительные барьеры внутри общества в условиях войны приобрели новый характер, определявшийся в первую очередь нравственными приоритетами служения Отечеству или его предательства. Возрождение религиозного чувства у советских людей также отразило эти общественные настроения.

Фактом становилась и советскость. Приоритеты конфессиональной, локально-территориальной и сословной самоидентификации постепенно заменялись на общесоветскую.

⁶ Подготовку профкадров поднять на уровень задач заключительного года пятилетки. Речь секретаря ВЦСПС тов. Перепечко на всесоюзном совещании по подготовке профкадров, 28 января 1932 года // За большевистскую подготовку профкадров. М.: Профиздат, 1932. С. 5.

⁷ Бухарин Н.И. Учительство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения, 1925. С. 5, 6, 13, 16.

В ходе социально-экономической модернизации у многих народов впервые появились многочисленные кадры квалифицированных рабочих, научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Они формировались в условиях интенсивного межнационального общения. Внутриэтническая автаркия благодаря образованию, индустриализации и интенсивным внутренним миграциям, в т. ч. в условиях эвакуации, замещалась межкультурной интеграцией. Поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно утверждалась в массовом сознании. Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры наряду с полиэтническим составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. При этом ее реальное функционирование в условиях войны обнаружило противоречия региональных, социальных и культурных проявлений гражданского единства.

К началу войны произошла коррекция идеологических ориентиров: вместо господствующего до того классового критерия советскости акцентируется интернациональное единство трудящихся, для которых, как объясняли конструкторы социально-культурной атмосферы, характерны отличные от других обществ идейно-нравственные качества. Именно государство обеспечило системное возвышение гражданской ответственности подавляющей части членов общества, как и их дисциплину в солидарных усилиях. Они утверждались в качестве превосходных и единственно достойных приоритетов человека всеми средствами идеологии и пропаганды, социальными сетями тех лет (радио, печать, листовки, кино, музыка, поэзия, плакат и т. д.). Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых объединяющих ценностях, образе жизни как предмете общей гордости.

РККА в годы войны, несмотря на все противоречивые процессы, стала огромным плавильным котлом. Массовая мобилизация привела в движение миллионы солдат из разных республик и областей страны, что позволило им вырваться из своего локального мира. Служба в армии требовала формирование новых навыков. Солдатам необходимо было понимать язык командиров – русский язык. В свою очередь командиры также были вынуждены понимать особенности и нужды своих подчиненных. Ситуация, когда в армии был смешанный национальный состав, приводила к восприятию этой армии своей для представителей всех народов СССР. Наконец, общий боевой опыт поражений и побед служил важным фактором формирования эмоциональной солидарности. Герои Великой Отечественной войны и их подвиги порождали типичный для советской культуры феномен тиражирования, индивидуальный подвиг превращался в коллективный. Похожие подвиги вписывались пропагандой, а нередко и совершавшими их, в уже готовую матрицу, превращаясь, таким образом, в единое коллективное усилие. Одновременно множество индивидуальных подвигов заслонялось подвигами-символами. Герои показывались как сознательные и преданные члены советского общества, без сомнений разделяющие его ценности и преданные правящему режиму. Особое место занимали герои-«националы», представители «нерусских» народов (т. е. всех, кроме славян и русифицированных финно-угров). Героика давала импульс сплочению представителей разных национальностей СССР, а коллективный подвиг символизировал интернационализм.

Великая Отечественная война показала новое качество межэтнической консолидации, обновила наличие такого уровня межэтнической интеграции россиян, который обеспечил патриотические настроения и действия разных этносоциальных групп. Это не исключало наличие конфликтного потенциала межэтнических отношений, который в годы войны приобрел новый облик и отразил решающее влияние трагедий военного времени. В ряду основопола-

гающих факторов консолидации советского общества в 1941–1945 гг. совместились патриотизм, интернационализм и советскость как новый социально-политический проект, успешно конкурировавший с другими моделями государственного и общественного устройства почти 70 лет и выдержавший испытание войной. Советский народ представлял собой сложную и противоречивую общность, целостность которой обеспечивалась совокупностью социально-политических, экономических и культурных факторов, при наличии внутренних консолидирующих и дезинтегрирующих компонентов. Признание данной природы общества и ее непрерывной подвижности актуализирует анализ динамики формирования и взаимосвязи базовых параметров социальной, гражданской и этнокультурной идентичности советских людей, а также особенностей их понимания и интерпретации на разных уровнях – властью, экспертами в лице научной и творческой интеллигенции и самими гражданами.

За годы советской власти российскость как категория и как смысловое начало отодвигалась на задний план, ее роль была поручена интернационализму. Под ним понималось взаимодействие и взаимопомощь этнических культур при преобладающей роли русской культуры. Все, годившееся для советского строительства, вовлекалось в его сферу и приветствовалось. Все, что сопротивлялось, – клеймилось как «буржуазные», «феодално-байские» пережитки и отвергалось, а позже репрессировалось. Русский культурный ресурс исторически поддерживался властью как имеющий очевидную перспективу развития в условиях закрытого общества. Между тем подлинное соотношение объемов русского и разных других иных в российском (в их «цветущей сложности» по К. Леонтьеву, в мире бесконечного диалога по М. Бахтину) возможно в случае, когда главным объединяющим императивом станут социокультурные горизонты российской цивилизации. На первое место тогда выдвинется совокупность черт, свойственных всем российским этносам: их география (пространство), светская культура (литература, театр, кухня и проч.), цивилизационный архетип (уважение суверенитетов и т. п.).

Национальная политика большевиков в 1917–1940-х гг. была подчинена доктрине создания однородных в социальном смысле «социалистических наций» трудящихся при непротиворечивом развитии каждой в едином государстве и их постепенном сближении. На первый взгляд, национально-государственная структура и изменения в ней противоречили этой цели. На самом же деле они последовательно воплощали в жизнь заданную идеологическую схему, сопровождая ее соответствующими программами в экономической, культурной, кадровой, правовой и других сферах. Социальная инженерия направлялась на защиту общества от эксцессов национализма, выступая «внешней рамкой» реализации субъективной воли личностей, действующих от имени партии, ее идеологии и политических целей. Она подавалась как деятельность, направленная на включение нерусских этносов в строительство социализма (процесс модернизации). Общие цели, таким образом, достигались: идеологическое содержание политики «центра» определяло содержание исторического процесса. Этнические отличия учитывались при осуществлении тех или иных преобразований, хотя вопрос об этнокультурной автономности постепенно элиминировался ссылкой на то, что страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Она считала себя преемницей Просвещения и лидером Прогресса. При этом обращение к разным сферам и направлениям реализации советского национального проекта позволяет представить плюралистические возможности интерпретации и понимания культурно разнообразного в своем содержании и проявлениях общества, приобретавшего усилиями власти разные темпы гражданской консолидации и этнокультурной самореализации. Результаты этносоциального конструирования не могли не быть противоречивыми, но признание этого, как свидетельствует современная историография, далеко не завершено.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абаев Н.В. 14
Абашин С.Н. 28, 371, 390, 391
Абдрахманов Ю. 279, 297, 305, 317, 326, 391, 392, 395
Абдулатипов Р.Г. 27, 37
Абдуллаев К.Н. 15
Абдыкалыков М. 20, 437
Абибуллаева Д. 36
Абрам 182, 518
Абросин 377
Абул-Хайр (Абулхаир) 137, 166
Авалов (Авалишвили) Зураб 13, 101, 103
Авезов К. 389
Авсарагов М. 173
Авторханов А.Г. 16
Агамалы-оглы С. 207, 208, 212, 213, 218
Агаронян А. 101
Агафангел Крымский 51
Агзамходжаев А.А. 171
Агзамходжаев С. 64
Аджемян Х.Г. 466
Аджиев А. 169
Адигамов А. 225
Азарх-Грановская А. 127
Азизян А.К. 248
Азнарашвили П.Б. 169, 324
Айдаров Г.А. 36, 80
Айкуни Г.С. 173
Акманов И.Г. 173
Акопов Ю.С. 18
Алборов Б.А. 164
Алдажуманов К.С. 364, 365
Алейникова С.М. 35
Александр II 29, 175, 178
Александр III 175
Александров А.В. 408

Александров Г. 434, 435, 468
Александров Г.Ф. 397, 401, 416, 466, 468
Александров, композитор 509
Алексеев Е.Е. 446
Алексеев П. 16
Алексейчик Я. 30, 59, 89, 90
Алиев Т.Д. 168
Алиев У.Д. 16, 173, 213, 217, 218
Алпатов В.М. 50, 215, 243–245, 315, 474
Алтыбасарова Т. 533
Алымов С.С. 232, 243, 474
Альтман Н. 122, 125
Амагаев М.И. 264, 268
Аманжолова Д.А. 4, 33, 36, 37, 57, 62, 86, 87, 134, 157, 158, 174, 231, 372, 376, 453
Амбарцумян К.Р. 36
Аминова Р.Х. 364
Амирхан Ф. 125
Амирханов Р.У. 177
Аммосов М.К. 265
Амур-Санан А. 166, 259
Анвельт Я.А. 161, 172
Анвельт Я.Я. 108, 161
Андерсон Б. 485
Андерсон Д.Дж. 230, 231, 242, 243
Андреев А.А. 235, 489, 518
Анисимова Н.Э. 491
Анненков Ю. 165
Антипина В.А. 406
Антонов Е.П. 265, 370, 448, 450
Антонова В. 265
Антонова С.И. 347, 348
Анучин А.Н. 241
Апин А.П. 505
Арабаев И. 213
Аржаков С.М. 173
Арнштам 400
Артем (Федор Андреевич Сергеев) 318
Артемов Е.Т. 240
Артемьев А.П. 526, 527
Артемьев, генерал-лейтенант 499
Арутюнов А.А. 35
Асеев Н. 399
Астафьев В. 26
Асфендиаров С.А. 172, 256

Асфендиаров С.Д. 17, 166, 236, 282, 283, 285, 292, 294–296, 380
Асфендиаров С.Ж. 172
Асылбеков А. 271, 272
Атабаев К.С. 172
Атласи Х. 231
Аттая М.О. 52
Ауэр Л. 132
Афанасьев Ю.Н. 430
Афаунов М.А. 174
Ахапкин Ю. 145
Ахвердов А. 181
Ахиезер А.С. 37
Ахмадиев Ш. 166
Ахмед 212, 213
Ахмедов И. 533
Ахмедова Ф. 37
Ахметов А. 356
Ахундов В. 269
Ашур-Ходжаев Т. 64
Ашхамаф Д. 158, 218, 222

Б

Баберовски Й. 34, 242, 314, 321
Бабич В.И. 484
Бабич И.А. 15, 16
Багалеи Д.И. 194
Багиров Д.М. 469
Бадковский Д.В. 37
Баев Г.В. 15
Базаров Б.В. 37
Базилевич К.В. 462
Байбурын А.К. 393
Байтуган Б.А. 16
Байтурсынов А. 43, 129, 134, 172
Балабуха Ю.И. 521
Балаев А. 100
Балич У.-В. 172
Балтрушайтис Й. 125, 165
Баньковская С.П. 485
Барановский Д.М. 418
Баранский Н.Н. 397
Барахов И. 208
Барк П.А. 12
Барсенков А.С. 32
Бартольд В.В. 52, 54, 206, 228, 231, 232

Баруди Г. 182
Барышева Е.В. 480
Батиев Д.А. 167
Баттал Г. 198
Баубель А.Я. 510
Бауэр О. 241
Бахрушин С.В. 20, 126, 462
Бахтадзе М. 92
Бахтин М.М. 541
Баянов С. 14
Бевз Н.С. 522, 523
Безруков 372
Безугольный А.Ю. 435, 486–489, 492–498, 520, 521, 526
Бекмаханов Е.Б. 436, 466
Бекмаханова Н.Е. 466
Белади Л. 26
Белевский (Белорусов) А.С. 85
Белинский В.Г. 414
Белобородов А.Г. 281
Белов В.К. 34
Белый А. 125
Белый П.Ф. 22
Бельчиков Н.Ф. 94
Беляев М. 219, 221
Бердах 389
Бердяев Н.А. 14, 32, 50, 57, 133, 161
Берия Л.П. 18, 376, 390, 445
Бернадский В.Н. 460
Бернштейн С.Б. 246
Бертелло А. 95
Бертельс Е.Э. 52
Бибин 285
Бигиев Муса 72, 115
Биишев А.А. 172
Бикбов А.Т. 338
Билатти Б. 15, 16
Биялова Г.Б. 22
Бисенова А. 37, 310
Блаkitный (Эллан-Блаkitный) В. 317
Блюм А.В. 229, 230
Бобинский С.Я. 46, 161
Богаетовский 230
Богданов К.А. 37
Богданов М.Н. 168
Богораз В.Г. 235, 243

Бодуэн де Куртенэ И.А. 189
Болтенкова Л.Ф. 27
Бондаренко А.А. 499–503
Борейко А.А. 524
Борисенко И.В. 14
Борисенок Е.Ю. 309, 319, 322, 327, 329
Борисенок Ю.А. 35, 60, 73, 74, 234
Борисов 448
Борисов А.А. 335
Борков Г.А. 437, 448
Борукаев Т.М. 174, 221
Бош Е.Б. 173
Бошкоев 530
Бранденбергер Д.А. 20, 411, 416, 424, 425, 452, 456, 457, 466, 471, 482
Брейфогле Н. 321
Бречкевич М.В. 193
Брин Г.Р. 510
Бродский И. 124
Бройдо Г.И. 149, 151, 153, 168, 173, 271, 301
Бронфин Е.Ф. 128
Брундуков М.Ю. 150, 173
Бруцкус Ю.Д. 44
Брюсов В.Я. 124, 130, 509
Бубнов А.С. 210, 458, 459
Бубрих Д.В. 215
Бугай Н.Ф. 376, 390, 533
Будде Е.Ф. 191
Будницкий О.В. 33, 190
Букейханов А.Н. 83, 84, 129, 166, 431
Булатов С.А. 11
Булдаков В.П. 29, 94, 105, 430
Бурачек 169
Бурбанк Дж. 313, 429
Бустанов А.К. 231
Бухарин Н.И. 42, 72, 115, 242, 275, 317, 348, 349, 351, 422, 539
Бухбиндер Н.А. 166
Бушуев А.В. 489
Бушуев С.К. 440, 466, 484
Быков Д.А. 26
Быковский С. 19

В

Вагов А.В. 337, 532
Валентей С.Д. 27
Валескалн П.И. 167

Валиди Дж. 225
Валиди З. 72, 78, 115, 198, 231
Валидов А.-З. (Тоган З.В.) 12, 13, 35, 44, 57, 63, 67, 68, 72–78, 80, 84, 115
Валиуллин Р. 199
Ванаг Н.Н. 458–460
Ванагс 509
Вандалковская М.Г. 14
Варейкис И.М. 283
Варнавский П. 423
Василевский А.М. 521
Васильев Я.Д. 104
Вахитов М. (Мулла Нур-Вахитов) 107, 161
Вахитов Р.Р. 14
Введенский А.И. 163
Вдовин А.И. 32, 38, 242, 245, 422, 423, 428, 453, 458
Вебер Е. 485
Вейкин Я.Я. 498, 503, 514
Вейцгаль А.Ю. 184
Вербицкая О.М. 533
Вернадский В.И. 50
Веселовский Н.И. 231
Вилхелмс 510
Вильданов Г.Ф. 225
Вильсон В. 89, 93, 99
Винниченко В.К. 12, 26, 43
Виноградов В.В. 247
Винокуров 448
Вишневский А. 181
Владимирский М.Ф. 69, 73, 256
Владимирцов Б.Я. 232
Владыкина В.А. 133
Волин Б.М. 441, 444, 446
Волковинський В.М. 35, 70
Волконский С.М. 126
Воронкова С.В. 32
Врангель П.Н. 12, 14, 87, 94, 96, 102, 169
Вышинский А.Я. 304

Г

Габдуллин М. 437, 526
Габиев С.И. 35, 166
Габитов И. 139
Габриадзе Р.С. 26
Габяши Х. 198, 231
Гаджиев А.Н. 34

Гадзинский В.А. 148, 149
Гайда Ф.А. 37
Галустьян О.А. 34
Ганелин Р.Ш. 490
Гарданов В.К. 164
Гасанлы Дж. 43
Гасанов Б.К. 258
Гаспринский И. 57, 109, 176, 177
Гафури М. 125, 393
Гафуров Б.Г. 20, 470
Гачев Г.Д. 50
Гегечкори Е.А. 88
Геллер Э. 26
Гельман М. 123
Гельфанд В.Н. 517–519, 532
Генкина Э.Б. 20–22, 554
Гентшке В.А. 12
Герасимов И. 421
Герасимов С.А. 417
Гермайзе О. 194
Герман П. 407
Гессен Г.В. 47
Гессен Ю.И. 109
Гефтер М.Я. 250
Гибадулина А.Г. 80
Гибатдинов М.М. 199
Гилилов С. 23
Гинзбург С.М. 109
Гинс Г.К. 84
Гира Людас 399
Гисматулин А.Т. 67, 138, 139, 167
Гиттис И.В. 460
Глебов С. 14, 421
Глиэр Р.М. 129
Глухарев Н. 520, 521
Глухова Е.В. 125
Гоголь Н.В. 435
Голдманис Я. 60
Голендер Е.Т. 499–503
Голодный М. 399, 407
Голощекин Ф.И. 356, 385
Голубева Р. 504, 505, 507, 508, 510–513
Голубенко 442
Голубович В.А. 48
Гончарова Н. 123

Гончарская С.С. 287, 288
Горбатов Б.Л. 402, 432
Гордиенко П.Я. 316
Гордлевский В.А. 52
Горизонтов Л.Е. 31
Горн В. 86
Городецкий Е.Н. 23, 41
Горский К.А. 132
Горшенина С.М. 232
Горький М. 42, 125, 224
Горяев А.Т. 14
Горяева Т.М. 406
Готье Ю.В. 190, 234
Гоцинский Н. 53, 56
Грабарь И.Э. 94
Грановский А. 127
Греков Б.Д. 20, 413, 459, 475, 478, 479
Гринько Г.Ф. 146, 194, 317, 318
Грицак Я. 311
Гроссман В. 526
Гросул В.Я. 28
Грушевский (Грушевський) М.С. 12, 20, 26, 30, 52, 57, 58, 81, 82, 88, 89, 170, 194, 456, 468
Гудкова В. 127
Гужаловский А.А. 390
Гумилев Л.Н. 33
Гурвич Г.С. 10, 11
Гурвич И.С. 533
Гусева Ю.Н. 181, 182
Гусейнов Г. 468, 475
Гусейнов М.-Д. 269
Гуськов А.Г. 489

Д

Давитуляни 529
Дадахаев М. 258
Дампилон И.Д. 335
Дан Ф.Ю. 442
Данелия Г.Н. 26
Данилевский Н.Я. 51
Данияров К. 33
Девека М.В. 337
Дейнека А. 378
Деникин А.И. 12, 79, 83, 87, 94, 96–98, 102–104, 255
Дённингхаус В. 147, 258

Джабаев Джамбул 37
Джавахишвили Н. 35
Джамбул 400, 401
Джанашия С.Н. 472
Джангильдин А.Т. 276
Джандильдин Н. 23
Джелаледдин 451
Джорджадзе 26
Дзержинский Ф.Э. 167, 395
Диманштейн С.М. 16–18, 75, 76, 106, 113, 116, 117, 166, 173, 186, 187, 208, 223, 226, 235–239, 282, 388
Дмитриев А.Н. 170
Дмитриев С.С. 250
Дмовский Р. 59, 89
Добровольский Л.М. 442
Довженко А.П. 44, 433
Довнар-Запольский М.В. (Доўнар-Запольскі М.В.) 18, 229
Догадов А.И. 263
Догуж 15, 159, 174
Доного Х.М. 56
Донской С.Н. 173
Доржиев Д.Д. 335
Дорошенко Д. 12, 97, 165
Досмухамедов Дж. 36
Досназаров А. 303
Досымбаева А. 33
Драбкина Е. 17
Драбкина Ф.И. 236
Древин А.Д. (Древиньш) 123
Дроздов К.С. 329, 489, 530
Дружинин Н.М. 20, 249, 250
Дубнов С.М. 109
Дубровский А.М. 425, 458–462, 482
Думбадзе Н.В. 26
Дунаевский И.О. 407
Дышнинский И. 56
Дьяконов М.А. 228
Дэвид-Фокс М.Ш. 29, 535

Е

Еголин А.И. 435
Еголин А.М. 450
Егоров К.Д. 266
Едиге 437
Ежов Н.И. 235

Екельчик С. 457, 465, 483
Елекохти Т., Тамбий 15, 16
Елисеев Ф. 489
Енбаев А.М. 275
Еникеев А.З. 77
Еникеев З.И. 77
Енукидзе А.С. 70, 140, 217, 235, 272, 292, 295–297, 299, 380
Ербанов М.Н. 335
Ергин Ю.В. 36, 76, 225
Ершов В.Ф. 15, 35
Ершова Э.Б. 132
Ефимов Б. 123
Єфіменко Г. 66

Ж

Жангуттин Б.О. 374
Жданов А.А. 160, 235, 414–418, 440, 441, 460, 461, 466, 470, 475, 479, 482, 489
Жебелев С.А. 53
Жевахов Н.Д. 104
Женаулов 522, 523
Жеребцов И.А. 167
Жилунович Д. (Жылуновіч З., Тишка Гартный) 131, 172
Жирков Л.И. 219
Жордания Н. 13, 57, 92
Жуйков С. 215
Жук 169
Жуков Г.К. 438
Жуков Ю.Н. 35, 69
Жуковский В.В. 52
Жумалиев Х. 408
Журавлев В.В. 458
Журавлев С.В. 489
Жургин А.Х. 512

З

Зазерская Т. 49
Закис И.Я. 508
Замир Али 203
Зарецкий А. 185
Заславский Д. 61
Затаевич А.В. 128
Затонский В.П. 150, 387
Захаров А.О. 10, 231, 448
Зеленин Д.К. 243

Зеленский И.С. 290
Зельцер И.З. 182
Землянский 436
Зенькович Н. 375, 390
Зеньковский В.В. 12, 97, 170
Зильбер И. 182
Зимин А. 8, 108, 113, 155
Зиновьев А. 441, 442
Зиновьев Г.Е. 172, 275, 343, 348, 371
Зифельд А.Р. 206, 207
Златопольский Д.А. 27
Знаменский П.В. 198
Зорин В.Ю. 27
Зубкова Е.Ю. 533
Зубов В.П. 163
Зуева Т.М. 435
Зутис П.Д. 503, 525
Зутис Я.Я. 475, 476

И

И.А. 17
Ибрагимов Г. 125, 205, 206
Иванов В.А. 52
Иванов В.В. 127, 160, 184
Иванов Я.И. 167
Иванова Л.В. 194
Иванов-Радкевич 407
Ивнев Р. 124
Игнатовский В.М. 149, 229
Игнатъев П.Н. 12, 284, 285, 304
Измаилов Р. 231
Измаилов Ш. 115
Илларионов В.П. 34
Ильин В.И. 426
Ильин И.А. 88
Ильин Я. 215
Ильинский И.В. 10
Ильф И. 123
Илья Муромец 439
Иманкулов 419
Иманов А. 393, 470
Иньшаков А.Н. 123
Иовчук М.Т. 413
Иоселиани О.Д. 26
Иоффе А.А. 66

Иоффе Э.Г. 234
Исаев А. 520, 521
Исаев В.И. 491
Исаев М.И. 209, 214
Исхаки Г. 49
Исхаков С.М. 35, 67, 181
Исхаков Ф.Г. 214
Ишмухамедов Дж. 529

К

Кабалевский Д. 408
Каган И.М. (Хафец Хаим) 182
Каганович Л.М. 210, 219, 220, 235, 319
Кадио Ж. 228, 229, 241, 304, 313, 391, 423, 455, 462, 471
Кадыров Ш. 310, 321, 335
Казаков А. 64
Калинин М.И. 68, 77, 127, 266, 274, 277–279, 282, 285, 295, 307, 354, 432, 433
Калиновский К. 470
Калмыков Б. 174
Калнберзин Я.Э. 499, 500, 503, 507
Калтахчян С.Т. 23
Каменев Л.Б. 36, 68–70, 75, 114, 140, 270, 275, 342
Каменев С.А. 179
Каменский А.З. 114, 173
Каммари М.Д. 21
Кандель Ф.С. 200
Канчер Е.С. 119
Каппелер А. 31, 315
Каратаев Б.Б. 137
Карахан Л.М. 70
Карданов Т. 164
Карп Поэль 143
Карпова Т.С. 460
Карпович М.М. 102
Карр Э.Х.(Г.) 26, 28, 74
Карский Е.Ф. 228, 229, 235
Карташев А.В. 87
Карымов 518, 519
Касьянов Г.В. 233
Кауке 503
Каутский К. 13, 241
Кашафутдинов Р.Г. 22
Каширин И.Д. 271
Кашыкчи М.В. 316

Квашонкин А.В. 36
Квирикадзе 26
Кемаль М. (Ататюрк) 34, 40, 104
Кенесары Касымов хан 466, 469
Керенский А.Ф. 12, 13, 42
Ким М.П. 21, 23, 230, 248, 396
Киндлер Р. 366
Киракосян Д. 26, 43
Кириллов В.М. 374
Кирсанов С. 407, 408
Кирсанова К.И. 449, 450
Кирхенштейн А. 515
Кирчанов М.В. 30, 34, 56, 60
Киселев С.В. 474, 475
Кислицын И.М. 69, 334
Клемансо Ж. 95
Клингер Г.Г. 257
Клингер Г.К. 69, 151
Клочовский Е. 31
Кнорин В.Г. 59
Коблов Я.Д. 177, 198
Ковалев Л.Б. 317
Ковалев С. 468
Ковалевский А.И. 20
Когут З. 31
Козик М.А. 169
Козлова Н.Н. 37
Козыбаев М. 365
Козьмин Б.Н. 250
Козьмин Н.Н. 85
Коковцов В.Н. 12
Колесников П.И. 437
Коллинз Р. 28
Колчак А.В. 12, 74, 84, 86, 87, 94
Кольцов А.В. 240
Комиссаржевский Ф. 165
Комков Г.Д. 239, 240
Кон Ф.Я. 138
Кондаков Н.П. 11, 231
Кондрашин В.В. 366
Кононова М. 102
Копыстенский Захария 31
Корбут М.К. 191
Коркмасов Джелал-Эд-Дин 36, 53, 204, 207, 208, 225, 226, 258
Корнатовский Н. 87

Корнилов Л.Г. 83
Корнилов Ф. 11
Королев А.Д. 524
Королев Г. 30, 58, 89
Королев Ф.Ф. 179
Коростелев А. 276
Косиор С.В. 334
Космодемьянская З. 432, 506
Коссинна Г. 244
Костырченко Г.В. 33, 114, 237, 372, 376, 520
Котвич В.Л. 14, 52, 53
Коткин С. 227, 423
Кочанов А. 387
Кочаровский К.Р. 11
Кочурова М.Б. 22
Коэн С. 26
Красильников С.А. 374, 375
Красин Б.Б. 128
Красин Л.Б. 235
Краснящий А. 124
Красовицкая Т.Ю. 24, 28–30, 39, 40, 43, 51, 66, 78, 117, 133, 138, 146, 150, 157, 168, 190, 229, 231, 309, 312, 315, 374, 375, 390, 453, 484, 533
Краус Т. 26
Крачковский И.Ю. 52
Кревецкий И. 12
Кревза Л. 31
Крестинский Н.Н. 67, 69, 70, 73
Кржижановский Г.М. 281, 297
Кривошапко Г.М. 129
Кривошеин А.В. 12
Крип'якевич И. 31
Кронеберг П.А. 85
Круглов В.Н. 489
Круглов Т. 285
Круминь (Круминыш) В.К. 502
Крупская Н.К. 134, 197, 458
Крымский А.Е. 51, 52, 194
Кузнецов А.А. 449
Кузнецов Д. 188
Куйбышев В.В. 79, 168, 263, 275, 276, 291
Кукушкин Ю.С. 27
Кулаев М. 73
Кулешов С.В. 23
Куличенко М.И. 23
Кулишер М.И. 109

Кульбешеров Б. 17, 236
Кульбищеров Б. 282
Кульчицкий С.В. 35, 37, 70, 329, 366
Куманев Г.А. 533
Куприц Н.Я. 23
Курбан Дурды (Курбан-Дурды) 528, 529
Курганов О. 432
Куромия Х. 334
Курский Д.И. 70
Курц В.А. 292
Кусин 499
Кусмарцев 371
Кутушев Г.З. 173
Кушнер П.И. 232
Кюльман Р. 45, 47

Л

Лабас А. 125
Лагно А.Р. 194
Ланда Р.Г. 35, 79
Липидус Р. 383
Лаппо-Данилевский А.С. 52
Ларионов 448
Ларионов М. 123
Ластовский В.У. 90
Латыпова Г.М. 183
Лацис В.Т. 499, 500
Лацис М.И. 191, 254
Лебедев П.И. 415
Лебедев-Кумач В.И. 407
Левин (Левин-Липман) Л.Ш. 164
Левин Д.Г. 164
Левин И. 17
Левин И.Д. 164, 236
Левичев В.Н. 488
Левшин Б.В. 239, 240
Ленин В.И. 8–10, 13, 14, 18, 21, 23, 25, 26, 34–42, 45–48, 53, 54, 64, 66, 68, 70, 72–79, 100, 106–108, 113–115, 118, 119, 121, 124, 126–128, 133, 134, 138, 140–145, 149, 155, 165–167, 172, 191, 212, 221, 223, 239, 241, 242, 248–250, 254, 255, 260, 265, 270, 272, 319, 336, 342, 353, 363, 365, 371, 390, 408, 429, 438, 444, 453, 455, 480, 508
Леонтьев К.Н. 541
Лепешинский П.Н. 351
Лещинский Ю.М. 161, 173
Ливен А. 31

Лившин А.Я. 526
Лившиц Б. 128
Линевский А. 304, 386
Листиков С.В. 95
Литвин А.А. 190, 193, 459
Лихачев М.Т. 179
Лихачев Н.П. 94
Лихницкий Н. 18
Лицуков 524
Ллойд-Джордж Д. 95
Ловцов А.С. 12
Ложкин И. 533
Лозинский З.Б. 460
Лозинский М. 12, 94
Лозинский С.Г. 109
Ломоносов М.В. 30
Лотарева Д.Д. 489
Лоцманов И.П. 336
Луговской 399
Лукашин С.А. (Срапионян) 172
Лукомский А.С. 96
Лукьяненко Л.Г. 366
Луначарский А.В. 117–119, 121, 122, 125, 126, 129, 137, 145, 146, 148, 150, 151–153, 169, 184, 186, 191, 201, 210, 212, 235, 389, 390, 453
Лурье А. 128
Лутовинов 76
Луцкевич А. (Луцкевич А.) 90
Львов Г.Е. 102
Львов-Рогачевский В. 121
Любавский М.К. 93, 94, 229
Любинский Н. 47
Любченко П.П. 317, 318
Люксембург Р. 108
Люстиг 195, 203

М

Магеровский Д.А. 10
Мазе Я.И. 186, 187
Мазепа И. 105
Макарова Г.П. 81, 312
Макинциан П.М. 54, 136, 167, 173, 192
Маклаков В.А. 96
Максименко Е.П. 378
Максуди А.Х. 189
Максуди С.Н. 49, 57

Максуди Х. 57, 129
Максудов А. 206
Малахова Л.П. 378
Малевич К. 122, 123, 124, 126
Маленков Г.М. 337, 410, 412, 438, 444, 483, 489, 518
Малиновский М.А. 23
Малицкий А. 10
Малышева М.П. 33
Малышева Н.А. 434
Малькова В. 24
Мальсагов А. 15
Мамбиталиев 523
Мамсуров С.Г. 172
Мамулиа Г.Г. 35, 93
Манатов (Монатов) Ш.А. 161
Мандельсберг И.Х. 127
Мандельштам О.Э. 124
Маннергейм К.Г. 40, 87, 88
Марджани Ш. 231
Мариенгоф А.Б. 124
Маринетти Ф. 121
Маркизов А.А. 335
Маркс К. 218, 221, 444
Маркус Я.Л. 169
Марр Н.Я. 19, 50, 52– 54, 134, 192, 216, 217, 228–231, 241, 243–245, 472–475, 478
Мартин Т. 31, 32, 230, 233, 234, 241, 270, 311, 312, 326, 327, 329, 330, 336, 363, 390, 453, 455, 471, 536
Масанов Н.Э. 33, 321
Матвеева С.Я. 37
Мативосян С.М. 489
Матисс А. 123
Маторин Н.М. 229, 230
Махарадзе Ф.И. 36
Махнырев А.А. 482
Махтумкули 392
Маширит 529
Маяковский В. 123, 125, 513
Медведев В.В. 378, 389
Медведев Е.Г. 47
Медведева Ю.Н. 483
Медеуова К. 37, 310
Мейеровиц(с) З. 44, 60, 91
Мейерхольд В.Э. 125, 126
Мелик-Карагезян Г. 48

Мельниченко В. 36, 70
Мендешев С. 271, 272, 276, 280
Мережин А.Н. 148
Мерль Ш. 366, 367
Мехлис А.З. 521
Мещанинов И.И. 246, 247
Миклашевский М. 128
Миклухо-Маклай Н.Н. 477
Микоян А.И. 324
Миллер А.И. 31, 32, 173, 176, 233, 240, 424, 486
Милли-Прокопьев А.П. 137
Мильдзихов Х. 528, 529
Мильеран Э.А. 102
Милюков П.Н. 11, 12, 14, 97, 98, 190
Милютин Д.А. 486
Миненков Д.Д. 487
Минорский В.Ф. 11, 52
Минц И.И. 20, 413, 460, 466, 489, 530
Мирбах В., фон 257
Мироненко А.М. 44
Митаев А. 169, 324
Михайличенко И.В. 317
Михайлов Н.А. 401, 410
Михалков С.В. 407, 408
Михальченко С.И. 456
Михутина И.В. 30, 37, 49
Мицкявичюс-Капсукас В. 46, 172, 180
Могильнер М. 228, 241, 420
Могилянский Н.М. 170, 205
Можарская 524
Молотов В.М. 121, 157, 166, 275, 290, 291, 473, 474
Мольер Ж.Б. 389
Морковкин 346
Мороховец Е.А. 460
Московских Е.В. 192
Мравианц А.А. (Мравян) 173
Мрясов 225
Мсерианц А.З. 53, 192
Мужиков 372
Музаев Т.М. 100
Музыченко П. 38
Муйжнекс 513
Мунбаев Ж. 385
Муравьев 501
Мурадян В.А. 527, 528, 530, 532

Мурзагалиев М. 271, 276, 280, 281
Мусабеков П. 226
Мусаев К.М. 226
Мустафаева Н. 379
Мухамедьяров Ф. 222
Муханов В.М. 34, 36
Мухитдинов А. 115
Мухтаров К.Г. 272, 275
Мухтаров Т.Г. 533
Мушкин М. 529

Н

Наговицын И.А. 292, 294
Назарбаев Н.А. (Нурсултан) 33
Назаров О. 441, 442
Назарова Е.Л. 29, 132
Назарты Д. 182
Назарук О. 12
Нам И.В. 61
Намитоков А. (Намиток Айтек) 18
Нарбут Г. 169
Нариманов Н.Н. 114, 138
Нарский И. 422
Насреддин 400, 434
Насыбуллин А.Ф. 167
Наумов О.В. 320
Наумова Н.И. 96, 103
Недим М.М. 214
Недра Ф.О. 506
Неймарк Н. 365
Нейхофер К.Ю. 501, 503
Неменский О.Б. 31, 93
Ненароков А.П. 25, 28, 36, 39, 41, 254, 270, 309
Нефедов К. 438
Нечаев А.П. 214
Нечкин Д.И. 232
Нечкина М.В. 24, 242, 243, 249, 250, 460
Нжде Г. 61
Низами 392
Никитин 369
Никитин Д.Н. 239, 242
Никифоров В.В. 127
Николаев В. 485
Николаевский Б.И. 168
Нифталиев И. 101

Ничик В. 371
Нольде Б. 45
Нубар Погос 101
Нурадилов Х. 529
Нуреев Р.М. 19
Нурмаков Н.Н. 214, 303
Нюрнберг А. 123

О

Оайон И. 267, 268, 322
Оборин А. 18
Ованнисян А.Г. 173
Озолин Э.К. 167
Ойунский П.А. (П.А. Слепцов) 127, 214
Ольденбург С.Ф. 52, 54, 94, 206
Омарбеков Т.О. 365
Омаров И.О. 20
Оприщенко Г.П. 23
Орбели И.А. 53, 192
Орджоникидзе Г.К. (Серго) 36, 167
Орлов И.Б. 526
Островский А.Н. 513

П

Павленок П.Д. 23
Павлович М.П. 52, 206
Падеревский И.Я. 92
Пайпс Р. 26, 28
Пакуль 510
Палкавнекс Я.Д. 500
Пальмфельд П.В. 167
Панин Е.В. 235
Панкратова А.М. 20, 21, 237, 459, 462–464, 466, 467
Панфилов В.И. 492
Панфилов И.В. 530, 531
Панфилова М. 531
Паоло П. 30
Пархоменко В.А. 12
Пашуто В.Т. 11
Пегельман Г.Г. 161
Пейн М. 365, 429
Пельше А. 405, 406
Пентковская В.В. 21, 22
Пепеляев В.Н. 87
Перевалова Е.В. 424

Перетц В.Н. 228
Песикина Е.И. 21
Пестковский С.С. 16, 106, 114, 136
Петерс Я.Х. 262
Петлюра С.В. 169
Петр I 469
Петренко А.И. 492, 497, 500, 513, 514
Петров А.Е. 27
Петров Ю.А. 530
Петровский Г.И. 257
Петросян А. 436
Пешкова Е. 10
Пианчола Н. 366, 424
Пилсудский Ю. 40, 90, 92, 93
Пионтковский С.А. 190, 193, 459
Пионтковский С.И. 459
Пиотровский Б.Б. 472, 473
Пичета В.И. 94, 233–235, 304, 413, 431
Платонов Р.П. 18, 329
Платонов С.Ф. 94
Плинер 513
Плоткин И.С. 442
Плохий С.Н. 31
Подбуцкий 419
Познер В.М. 146
Покровский М.Н. 16, 18–20, 46, 47, 69, 109, 132, 133, 135–137, 146, 153, 185, 186, 190, 191, 197, 232, 407, 455, 456, 458, 463
Поливанов Е.Д. 207, 208, 213, 216, 217, 222
Полоз М.Н. 317
Полозов М. 47, 161
Полоцкий А.А. 173
Поляк Л. 397
Полян П. 372–374, 376
Понтович Э. 11
Попов В.П. 422
Попов Л.А. 447
Попов М.В. 378, 389
Поспелов Н. 397
Постышев П.П. 336, 391, 423
Потапов Л.П. 477, 478, 480
Потапова Н.А. 375
Потемкин В.П. 397
Почепцов Г. 426
Прасолов Д. 484
Прахов Н.А. 122, 123, 169

Преображенский Е.А. 67, 73
Приверт А.Х. 525
Пришва Р. 103, 165
Прокопьев М.П. 168
Протазанов Я. 401, 434
Пузин А.А. 415
Пученков А.С. 104
Пушкин А.С. 236, 284, 389, 469, 478, 481, 513
Пырьев И.А. 416–418
Пятаков Г.Л. 270, 278

Р

Радек К. 46
Раевский А. 16, 368
Разин С. 469
Разумовский И.П. 11
Райнис 509
Раковський Християн, Х.Г. 36, 69, 70, 144, 261, 270
Расуладе М.Э. 161
Рахимов А. 356
Рахманинов С. 132
Рейнбах М.И. 167
Рейснер М.А. 134
Рейхель М.О. 10
Реннер К. 241
Репина Л.П. 535
Рикстынь 513
Ринчино Э.-Д. 85, 264, 268
Ровио К. 387, 388
Родионова Н.М. 23
Розен В.Р. 231
Розенберг О.О. 52
Розинь Ф.А. (Розиньш, Розин (Азис) 161, 168, 172
Романова Н.М. 108
Романовский Н.В. 24
Романовы 175, 536
Романько О.В. 520, 521
Роом М. 383
Ростковский Ф.Я. 121
Рудзутак Я.Э. 79, 275, 279
Руковишников И.А. 233
Рыков А.И. 69, 70, 343, 351, 371
Рыскулов В.В. 36
Рыскулов Т.Р. 36, 55, 138, 159, 233, 292, 294, 295
Рябова Т.С. 533

С

- Сідарэвіч А.М. 90
Сабенников И.В. 12
Савицкий П.Н. 14
Савич Н.В. 95, 97
Сазонов А. 64
Сазонов С.Д. 98, 102, 103
Саид-Галиев С. 69
Сайдашева М.А. 107
Сайфуллин 272
Салехов С. 181
Самойлович А.Н. 53, 192, 206
Самойлович П.Д. 330, 358
Самокиш Н.С. 125
Самурский (Эфендиев) Н. 16, 159, 204, 292, 294
Санцевич А.В. 20
Сапронов Т.В. 274
Сатонин 419
Сафаров Г.И. 481
Сафиуллина Р.Р. 189
Сахарных Д. 215
Сахаров А.Н. 20, 24, 309, 335, 441
Сахаров В.А. 38
Свинхувуд П. 46
Сегаль Л. 66, 137
Сеид-Заде А. 214
Сейфуллин С. 129, 271
Секиринский С.С. 51
Сект И.Ф.Л. фон 49
Семенов А.А. 314, 470
Семенов Г.М. 85
Семенов Л.К. 239, 240
Сенькина А.А. 197
Сергеев-Ценский С.Н. 402
Сердюченко Г.П. 219–222, 245, 247
Серж В. 19
Сивцев Д.К. 447
Сидоренко Г. 103, 165
Сидорова И.Б. 195
Сидорова Л.А. 468
Силаева Н.М. 22
Симонов К.М. 401, 471
Синицын Ф.Л. 233, 435, 465, 532
Синявский А.Д. 26
Синяков С.В. 31

- Сириус М.Г. 233
Сиркин Ф.Ф. 372
Ситник О. 31
Скалабан В. 119
Склянский Э.М. 70
Скоропадский П.П. 12, 97, 165
Скрышник Н.А. 329, 334, 387, 388
Скрябин Адам 129
Слассер Р. 36
Слёзкин Ю. 26, 235, 236, 242
Слетов П. 408
Смидович П.Г. 235, 269
Смилга, композитор 509
Смиренин В.В. 196
Смирнов Н.А. 484
Смирнова Т.М. 236
Смит Дж. 314
Смолин А.В. 102
Снайдер Т. 31
Снегов А. 108
Сокол, редактор 507
Соколов К.Н. 103
Соколова М.В. 30
Соколовский С. 241
Солдатенко В.Ф. 38
Солженицын А.Т. (Александр) 32, 33
Соловьев Л. 434
Соловьев Н.В. 417
Соломон 61
Сонов А. 529
Сорокин П.А. 34
Сперанский А.В. 276
Спивак М. 125
Спиридонов М.С. 125, 126
Ставровский С.Н. 120
Сталин (Джугашвили) И.В. (Коба) 8, 9, 13, 14, 17–23, 26, 33–38, 40–43, 45–50, 56, 59, 64, 66–79, 94, 106–119, 127, 134, 136, 13–145, 147–153, 155, 161, 168, 172, 173, 195, 201, 205, 207, 210, 211, 218, 220, 222–224, 229, 235, 237, 239, 241–246, 248–251, 254, 259–261, 268, 270, 272–275, 277, 278, 282, 285, 291, 292, 296, 297, 301, 304, 205, 309, 310, 312–315, 317, 320, 326, 328, 334–336, 344, 363–367, 369, 371, 372, 375, 376, 389–392, 404, 408, 415, 420–421, 423, 425, 428, 429, 432, 433, 439, 440, 444, 446, 447, 449, 453, 458–462, 465, 471–475, 478, 479, 483, 492, 497, 501, 509
Стальгевич А.К. 10, 11
Стальский С. 408

Станишевский А. 337, 395
Стародубова В.В. 123
Стасова Е. 53
Степун Ф.А. 162
Столер Э.Л. 31
Столыпин П.А. 12, 57, 73, 309, 315
Страшун А.М. 139, 146, 148
Струве В.В. 109, 231, 473
Струве П.Б. 102
Стурис И.И. 511
Стучка П. 46
Субботовский И. 87
Субхи М. 169
Сувчинский П.П. 14
Суковкин М. 96
Султанбеков Б. 67, 73, 76, 108
Султангалиев (Султан-Галиев) М. (Мирсаид) 35, 36, 53, 72, 79, 114, 115, 117, 135, 144, 270, 271, 275–277, 291
Суни Р.Г. 28, 29, 31, 392, 426, 427, 456
Суслов А.Б. 373
Суслов М.А. 450
Сухова О.А. 267
Сухотин А.М. 219
Сыдыков Е.Б. 33
Сыроечковский Б.Е. 460
Сыроечковский В.Е. 460
Сюнчелей Ш.Х. 173
Сяньчжун Лю 314, 315

Т

Тагер Е. 397
Тагиров А.М. 387
Тагиров И.Р. 72, 115
Тадевосян Э.В. 23
Таджиев А. 388
Тажибаев А. 400, 408, 437
Тазиева Л.К. 189
Таиров А. 123, 320
Такер Р. 26, 41
Такоев С.А. 16
Тампа 97
Таначев В.Ш. 161
Танин М. 96
Тартаковский Б.Г. 520
Тархова Н.С. 487

Татлин В.Е. 122, 123, 125
Тахо-Годи А. 16, 166
Ташметов И. 529
Телингатер С. 529
Теравский В.В. 132
Терегулов Г.Х. 161
Терян (Терьян) В. 46, 48
Тесля А. 32
Тимофеев В.К. 126
Тимофеева 512
Тихомиров А. 49
Тихонов В.В. 4, 14, 466, 470, 480, 484, 489
Тихонов Н. 433
Тишков В.А. 27–29, 32, 35, 157, 242, 327, 426, 484, 533, 535
Товстуха И.П. 114
Токмагамбетов А. 408
Токомбаев А. 337, 395
Токумбетов У.Г. 39
Толочко П.П. 31, 367
Толстов С.П. 230, 232, 243, 470, 473, 474
Толстой А.Н. 398, 432
Толстой Л.Н. 10, 512
Тольц В. 231
Томсинский С.Г. 17, 186, 236
Томский М.П. 262, 263, 344, 351
Топчибашев (Топчибаши) А.М. 15, 43, 56, 97, 98, 102
Топычканов А. 190
Трайнин И.П. 10, 116, 239
Трепавлов В.В. 338
Троцкий Л.Д. 13, 36, 41, 42, 45–48, 66, 70, 115, 118, 140, 260, 269, 275, 371
Туганов Б. 164, 201
Турганов Б. 163, 164, 201
Турдыев К. 529
Турук Ф.Ф. 167
Турусбеков Ю. 337
Тутаев М.З. 192
Тутиньш В. К. 510
Тухватуллин Ф. 173
Тюрякулов Н.Т. 263

у

Убириа Г. 314
Узун-Хаджи (Узун-Хаир Хаджи-Хан) 56
Уиткрофт С. 365
Улманис К. 60

Уншлихт И.С. 18, 161
Усманов М.А. 177
Усманова Д. 311
Успенский К.Я. 64
Устале З.Я. 513
Устинов В.М. 159
Устюгов Н.В. 249
Усуббеков Н. 169
Уткин И. 399
Ушаков С. 94

Ф

Фадеев А.А. 399, 417
Фазини С. (Файнзильберг С.А.) 123
Фаизов Г.Б. 166
Файзрахманова Л.Т. 130
Фальк Р. 125
Фахретдин Р. 231
Федоров Л.П. 65, 74
Федосеев П.Н. 24
Фельдман Л.И. 460
Фельштинский Ю.Г. 45, 46, 168, 169
Фигатнер Ю.П. 346
Филенкова О.А. 267
Филин Ф.П. 245, 247
Филина Ю.С. 122
Филиппов С.Г. 320
Фирдевс И.К. (Керимджанов) 166, 167, 173
Фирсов Н.Д. 196
Фокке Д.Г. 47
Форрер 187
Фохт А.В. 462
Фрейдзон В.И. 60
Фрингс А. 206
Фрунзе М.В. 258, 260, 487, 504, 512
Фукуямы Ф. 105

Х

Хабутдинов А.Ю. 49, 57, 176, 199, 222
Хаджиев А. 219,
Хазанов Д. 520, 521
Хакимов А. 389
Халиков М.Д. 36, 73
Халим А. 36
Ханбиков Я.И. 189

Хансуваров И. 209–211
Хантингтон С. 104
Хара-Даван Э. 14
Харджиев Н.И. 124
Хатаевич М.М. 283, 291, 356
Хацкевич А.И. 387
Хирш Ф. 27, 28, 313
Хлевнюк О.В. 337, 375, 429
Хмельницкая Л. 123
Хмельницкий А. 66
Хмельницкий Б. 465, 469
Хобсбаум Э. 470
Ходасевич В.Ф. 124
Ходжаев А. 138
Ходжаев Н. 260
Ходжаев Ф. 171, 261, 262
Ходжанов С. 303
Ходоровский И.И. 150, 154, 268
Холмогоров А.И. 23
Хомяков А.С. 51
Хоффман Д. 227, 333
Храповский 182
Христос 341, 348
Хубиев И.А.-К (Ислам Карачайлы) 169, 174, 202
Хусаинов Н. 262

Ц

Цамерян И.П. 21, 248
Цветков В.Ж. 103
Цвирка П. 399
Цемах Н.Л. 184
Церетели И.Г. 101
Цирулс 503

Ч

Чайковский Н.В. 102
Чарквиани К. 395
Чеботарева В.Г. 36, 117, 289, 292, 302, 309, 312, 375, 390
Червяков А.Г. 269
Чередниченко П.Е. 446–448
Чермоев А.-М. 100, 101
Чермоев Т. 100
Чернин О. 47, 48
Чернобаев А.А. 292
Чернов В.М. 74

Черноус В.В. 37
Чернявский Г.И. 36, 45–47
Черчилль У. 96, 103, 165, 414
Чикобава А. 245
Чингизхан 171, 478
Чистяков О.И. 27, 69, 74
Чичерин Г.В. 34, 66, 148, 270
Чобан-заде Б. 206, 218
Чокаев (Чокай) М. 84
Чокаева А. 481
Чокобаева А. 481
Чубарь В.Я. 278
Чугаев Д.А. 10, 21, 22
Чудакова М.О. 26
Чуйков В.И. 522, 526
Чуцкаев С.Е. 269
Чхеидзе К. 14, 48

Ш

Шаблей С. 30
Шаблиовский П. 397
Шагал М. 123–125, 163
Шагинян М.С. 444
Шалда В. 60
Шаляпин Ф.И. 130
Шамахмудов Ш. 533
Шамберг М. 518
Шамиль 440, 462, 468, 469, 476
Шанба М.Ф. 15
Шапиро Л.Г. 146
Шарафутдинов З.Т. 189
Шарипов Ф. 36
Шаронов Н. 418, 419
Шаститко П. 231
Шаумян С. 75, 254
Шахматов А.А. 52, 228
Шахновский Э.Б. 263
Шахрай В.М. 47
Шаяхметов Ж. 412, 437
Шверник Н.М. 446
Швецов С.П. 233
Шейхзаде М. 451
Шендриков И.Н. 64
Шерстобитов В.П. 23, 396
Шестаков А.В. 461–463, 472, 481

Шикин И.В. 433, 521, 528
Шиллинг Е.М. 219
Шиль С.Н. 64, 65
Шинкарь Н.А. 317
Широкогоров С.М. 54, 134
Шишков А. 35, 73, 74
Шишков В.В. 29
Шкловский В.Б. 124
Шлынчик 371
Шмидт А.Э. 52, 53, 139, 192
Шмидт О.Ю. 93
Шнирельман В.А. 16, 27, 131, 244, 245
Шопоков Д. 531
Шоруков Х. 214
Шостакович Д.Д. 407
Шпомберг 504, 512
Шпорлюк Р. 31
Штейн В.А. 11
Штеренберг Д. 123, 125, 126
Штернберг Л.Я. 52
Штомпка П. 105
Шубин А.В. 366
Шукуров М.Р. 395
Шулунов Н.Д. 142
Шульман М.Я. 238
Шумский А.Я. (Шумський Олександр) 317, 318
Шумяцкий Б.З. 236
Шумяцкий Я. 17
Шухов И. 437

Щ

Щаденко Е.А. 495
Щедровицкий П.Г. 35
Щербakov А.С. 401, 406, 434, 435, 441, 518, 520, 527, 528
Щербатский Ф.И. 54

Э

Эйдельман Н.Я. 26
Экстер А. 123
Элиава Ш. 79
Эльдарханов Т.Э. 169
Эль-Регистан Г.А. 407, 408
Энгельс Ф. 221, 444
Эннкер Б. 428
Эргашев Б. 262

Эренбург И. 433
Этингоф Б.Е. 173
Эфендиев С.М. 173
Эфферт-Клуссайд Э. 173

Ю

Юденич Н.Н. 86, 87, 94
Юлдашбаев Б.Х. 21, 22, 72, 77
Юмагулов 76
Юнусов 158
Юнусова А.Б. 22, 166
Юрганов А.Л. 458
Юсова Н.Н. 33
Юсупов Н.Б. 130
Юсупов У. 431, 433
Юшков С.В. 11

Я

Явгильдина З.М. 129
Яворский М.И. 20
Ягафаров А. 36, 75, 76, 172
Яковенко И.Г. 31
Яковлев А.И. 466
Яковлев Н.Ф. 214–216, 219–221
Яковлев Я.А. 42
Якубовская С.И. 10, 21, 22, 314
Якубовский А.Ю. 478, 479
Якулов Г. 128
Якушева 512
Яндиева М. 15
Янчук Н.А. 129
Ярлыкапов А.А. 168
Яров Ю.Ф. 27
Ярославский Е.М. 268, 269, 277
Ярославский Емельян 235
Яунзем И. 510

Berkhoff K. 525, 526
Chernov V. 74
Cooper F. 31
Gellner E. 27
Gierowska-Kalfaur Joanna 92
Gitelman Z.Y. 186
Hirsch F. 16, 28, 313
Hrushevsky Mykhailo 31

Kautsky Karl 13
Kievelson Valerie 26
Kucherenko O. 491
Lemercier-Quelquejay Ch. 201
Lieven Anatol 31
Lvoff prince 102
Maklakoff W. 102
Pipes R. 28
Plokhy S.M. 31
Sazonoff S. 102
Serge V. 19
Smith Jeremy 36, 313, 314
Stalin I. 19, 74, 267, 454, 474, 480, 481
Stoler A.L. 31
Sultan Galiev 201
Suny R.G. (Ronald Suny) 26, 36, 392
Sysyn Frank E. 31

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
ЧАСТЬ 1. Конфликт культурных смыслов и советских статусов (Т.Ю. Красовицкая).....	7
Глава 1. Проблема историографического осмысления нового государственного устройства (Т.Ю. Красовицкая).....	8
Глава 2. Рождение советского федерализма, его формула, стратегия и поведенческие тактики (Т.Ю. Красовицкая)	
§ 1. Советский федерализм в оптике Гражданской войны	39
§ 2. Политический кроссворд для большевиков	50
§ 3. Механизмы сотрудничества с элитами	62
§ 4. Антисоветские проекты и ориентации этнических элит	83
§ 5. Новая российская государственность в планах иностранцев	94
Глава 3. Централизм советских практик управления (Т.Ю. Красовицкая)	
§ 1. Практики управления многоэтничным государственным организмом в Наркомнаце	105
§ 2. Практики Наркомпроса: революционный модерн чувствований и действий	118
§ 3. Вертикаль унификации и централизации власти	133
§ 4. Федеральные комитеты – могила для Наркомнаца	145
§ 5. Первые наркомы как советский социокультурный феномен	161
Глава 4. Этнокультурные практики: сущность, социальный аспект образовательного проекта (Т.Ю. Красовицкая)	
§ 1. Исторические предпосылки	175
§ 2. Родной язык – ключевой игрок в школьной реформе?	183
§ 3. Новому режиму нужны кадры из «националов»	190
§ 4. «Ребенка формируют цели, которые мы поставили, этой целью является коммунистическое воспитание»	196
§ 5. Латинизация графики языков в советском проекте	204
Глава 5. Наука и национальная политика (В.В. Тихонов)	
§ 1. Ученые на службе нациестроительства	227
§ 2. Теории наций и этносов в СССР в 1920–1950-е гг.	241

ЧАСТЬ 2. Стратегия и практики социокультурной инженерии

Глава 1. От подданства к семье народов (Д.А. Аманжолова)

§ 1. «Всякая национальность... является гражданином СССР»	254
§ 2. Коренизация как часть советского проекта	308

Глава 2. Гражданская консолидация и этносоциальная самобытность: возможности и пределы управленческой механики (Д.А. Аманжолова)

§ 1. «По принципу общественности». Социальные технологии 1920–1940 гг.	339
§ 2. Интернациональная цена модернизации	363
§ 3. «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека»	377
§ 4. От классовой солидарности к советской: эволюция практик и интерпретации	420

Глава 3. «Национальные» истории народов СССР: научные сюжеты и политические практики (В.В. Тихонов)

§ 1. «Национальные истории в 1920–1940-е гг.: от антиколониалистского нарратива к концепции «дружбы народов»	453
§ 2. Советская историческая политика в 1920-1930-е гг. и «национальные истории»	455
§ 3. Школьные учебники по истории как инструмент утверждения «советского патриотизма»	458
§ 4. Формирование новой модели написания «национальных историй» в 1940 – начале 50-х гг.	465
§ 5. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР	470
§ 6. Исторические юбилеи и национальная политика в 1920-х – начале 1950-х гг.	480

Глава 4. Советская армия в 1920–1940-е гг. (К.С. Дроздов, В.В. Тихонов)

§ 1. РККА в 1920–30-е гг.: принципы комплектации и проблема национальных формирований	485
§ 2. Национальные формирования Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Механизмы адаптации воинов-националов в боевом коллективе	491
§ 3. 201-я Латвийская стрелковая дивизия – первое национальное подразделение в составе Красной армии в годы войны	497
§ 4. Межнациональные отношения в РККА в годы Великой Отечественной войны	516
§ 5. Патриотическая пропаганда в годы войны	525

Заключение	535

Указатель имен	542

Научное издание

Дина Ахметжановна Аманжолова
Константин Сергеевич Дроздов
Тамара Юсуфовна Красовицкая
Виталий Витальевич Тихонов

**СОВЕТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В 1920–1940-е годы:
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА**

Редактор *Лидия Хаславская*
Корректор *Полина Проскурина-Янович*
Верстка и оригинал-макет *Андрей Королев*
Обложка *Владимир Хананов*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

Ассоциация «Издательство Новый Хронограф»
Контактный телефон +7(916) 651-30-94
по вопросам реализации +7 (903) 669-69-09
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 25.07.2021
Формат 70х100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объём 36 усл.-печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ №К-2325.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

ISBN 978-5-94881-494-0

Дина Ахметжановна
Аманжолова

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории народов России и межнациональных отношений Института российской истории РАН. Автор более 100 научных публикаций

Тамара
Юсуфовна
Красовицкая

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор свыше 150 научных публикаций

Константин
Сергеевич Дроздов

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межнациональных отношений ИРИ РАН. Многие годы занимается историей советской украинизации и белорусизации в 1920–1930-е гг. на территории РСФСР, а также различными сюжетами, связанными с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Виталий Витальевич
Тихонов

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН. Область научных интересов: история советской науки, история Великой Отечественной войны, проблемы исторической памяти в России.

СОВЕТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В 1920–1940-е ГОДЫ: ЕГО ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Аманжолова Д.А.

Дроздов К.В.

Красовицкая Т.Ю.

Тихонов В.В.